

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

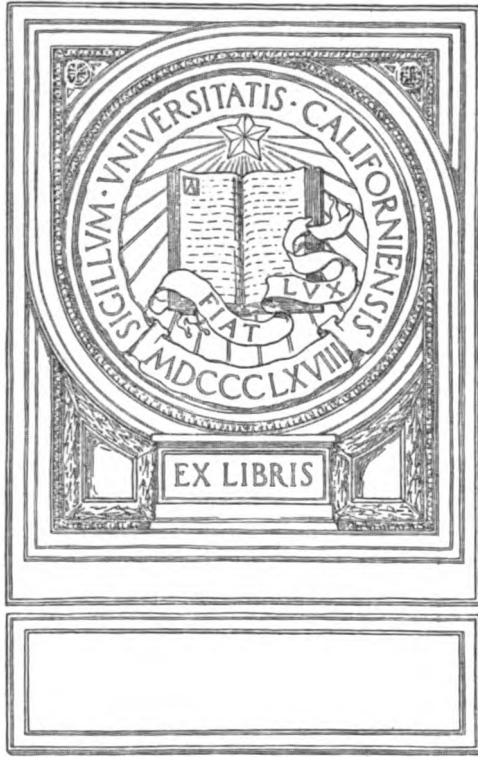
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

ANTHROPOLOGY LIBRARY

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

Киевско

ВЫПУСКЪ V.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕРТЕЖА ЗАП. ДВИНН 1701 Г.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ВЕЗОВА И КОМЪ.

1862.

GN2
R78
v.5

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 5 мая 1862 года.

Ценсоръ *Еленевъ*.

28 C

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возобновляя изданіе Этнографическаго Сборника, Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества имѣло главнѣйше въ виду—содѣйствовать успѣхамъ отечественной этнографіи обнаруживаніемъ такихъ статей и матеріаловъ, которые доставляются въ Общество со всѣхъ почти концовъ Россіи трудолюбивыми мѣстными наблюдателями и изслѣдователями и, по своей специальности, не могутъ найти себѣ мѣста въ другихъ изданіяхъ Общества. Чтобы не прерывать связи съ первыми четырьмя выпусками Сборника, Отдѣленіе положило назвать предлагаемый нынѣ выпускъ пятымъ и такимъ образомъ считать его продолженіемъ четырехъ предъидущихъ, хотя между ними и есть существенное различіе, такъ какъ первые четыре выпуска состоятъ исключительно изъ оттисковъ различныхъ этнографическихъ статей, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Общества; издаваемый же нынѣ выпускъ заключаетъ въ себѣ лишь нѣсколько статей, уже помѣщенныхъ въ Запискахъ Общества, а всѣ остальные впервые появляются здѣсь въ печати. Именно изъ числа первыхъ въ предлагаемый Сборникъ вошли только три слѣдующія статьи, цѣликомъ перепечатанныя изъ Записокъ: „Очеркъ этнографіи Еврейскаго народонаселенія въ Россіи“.

г. Берлина; „Отрывокъ изъ путешествія въ Хиву и нѣкоторыя подробности о ханствѣ во время правленія Сеидъ-Мохаммедъ-хана, 1856—1860 г.“ г. Килевейна, и „Топографическо-статистическое и этнографическое описаніе гор. Котельнича“ г. Глушкова. Доставленный же г. Межовымъ „Библіографическій указатель этнографическихъ изслѣдованій, описаній и матеріаловъ за 1860 г.“ хотя и составляетъ отрывокъ помѣщенного въ Запискахъ 1861 г. Библіографическаго Указателя всѣхъ Русскихъ сочиненій по землѣвѣдѣнію за 1860 г., но уже является здѣсь съ весьма значительными дополненіями. Всѣ остальные статьи пятого выпуска обогащаютъ Русскую этнографическую литературу, со включеніемъ исторической этнографіи и географіи, не только новыми, болѣе или менѣе важными матеріалами и живыми описаніями современнаго народнаго быта, но также и самостоятельными изслѣдованіями и соображеніями. Въ числѣ матеріаловъ обращаютъ на себя особенное вниманіе приложенія къ статьѣ г. Гильфердинга „Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря“, и памятники народной словесности въ статьяхъ гг. Воронова, Машкина и въ Отдѣлѣ Смѣси. Статья г. Гильфердинга составляетъ весьма важное пріобрѣтеніе этнографической науки, предлагая много любопытныхъ выводовъ относительно въ высшей степени занимательнаго вопроса, имѣющаго не только Европейское, но и всемірное значеніе. Движеніе Нѣмецкой колонизаціи съ запада на востокъ и постепенное въ теченіе вѣковъ поглощеніе Славянской стихіи Нѣмецкою представляютъ собою такое важное явленіе, такъ громадны по своимъ послѣдствіямъ, что всегда будутъ занимать вниманіе историковъ и этнографовъ. Россія была первою странкою Славянскою, которая не только отразила напоръ стихіи Нѣмецкой, но и начала движеніе возвратное, совершивъ такимъ образомъ новый поворотъ въ тысячелѣтнихъ отношеніяхъ Славянскаго міра къ Германскому. Въ Россіи же по этому самому и могутъ и должны возникать точныя, подробныя и безпристрастныя изслѣдованія этого явленія во всѣхъ его многообразныхъ видоизмѣненіяхъ.

Изысканія А. О. Гильфердинга заслуживаютъ тѣмъ бѣльшаго вниманія, что они основаны исключительно на его личныхъ наблюденіяхъ и на данныхъ, заимствованныхъ у извѣстнаго знатока Капубовъ г. Цейновы.

Къ статьямъ историко-этнографическаго содержанія относятся: „Историческій взглядъ на Важско-Двинскихъ удѣльныхъ крестьянъ“, г. Воронова; „О Сибирскихъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ“, г. Абрамова; „Опись города Шун, 1778 г.“, г. Борисова, и „О сводныхъ бракахъ въ историческомъ отношеніи“, очень любопытная, при всей своей краткости, статья г. Фукса.

По исторической географіи помѣщены въ предлагаемомъ выпускѣ, кромѣ двухъ небольшихъ замѣтокъ въ Слѣси гг. Дестуниса и Дмитрюкова, важный памятникъ старинной Русской картографіи: описаніе Западной Двины 1701 г., съ приложеніемъ вѣрнаго съ него снимка, исполненнаго г. Теревеневымъ и изданнаго на счетъ Д. Чл. В. И. Ламанскаго.

Пятый выпускъ Этнографическаго Сборника изданъ подъ наблюденіемъ Дѣйствительныхъ Членовъ Н. В. Калачова и В. И. Ламанскаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Исслѣдованія, описанія и матеріалы.

	СТРАН.
Очеркъ этнографіи Еврейскаго народонаселенія въ Россіи. Ст. <i>М. Берлина</i>	1 — 94 ✓
Отрывокъ изъ путешествія въ Хиву и нѣкоторыя подробности о ханствѣ во время правленія Сендъ-Мохаммедъ хана, 1856—1860 г. Ст. Д. Чл. <i>Е. Я. Килевейна</i>	1 — 14
Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Ст. Д. Чл. <i>А. Ф. Гильфердита</i>	1 — 191
Историческій взглядъ на Важско-Двинскихъ удѣльныхъ крестьянъ. Ст. Чл.-Сотр. г. <i>Воронова</i> . Съ предисл. Д. Чл. <i>В. И. Вешнякова</i>	1 — 17
Топографическо-статистическое и этнографическое описаніе города Котельнича. Ст. г. <i>Глушкова</i>	1 — 96
Бытъ крестьянъ Курской губерніи Оболенскаго уѣзда. Ст. Чл.-Сотр. г. <i>Машкина</i>	1 — 119
Вельскіе свадебные обряды и причеты. Ст. Чл.-Сотр. г. <i>Воронова</i>	1 — 50
Библиографическій указатель этнографическихъ сочиненій и статей, на-данныхъ на Русскомъ языкѣ въ Россіи. Ст. Чл.-Сотр. <i>В. И. Межова</i>	1 — 50

Смѣсь.

О сводныхъ бракахъ въ историческомъ отношеніи. Ст. Д. Чл. <i>В. Я. Фукса</i>	1
О Сибирскихъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ. Ст. Д. Чл. <i>Н. Абрамова</i>	10
Опись города Шуи, 1778 года	18
Опись краткая города Шуи и строенію въ ономъ городѣ. Ст. Д. Чл. <i>В. Борисова</i>	20
Рѣка Локня. Ст. Чл.-Сотр. <i>Амитрюкова</i>	23
Извлеченіе изъ книги Козимъ Индикоплова. Ст. Д. Чл. <i>Г. С. Дестуниса</i>	25
Былинны о царѣ Иванѣ Васильевичѣ.	27
Стихи о глинѣ	31

	СТРАИ.
Стихи о 12 пятницах	33
Молитва св. Юасафа	37
Стихи о временахъ Антихристовыхъ	38
Сказаніе о хѣстовкѣ предъ Образомъ Божиимъ	43
Черты религіозности. Ст. <i>П. И. Гундобина</i>	44
Черты нравовъ Молдаванъ. Ст. <i>В. Мартиновскаго</i>	49
Черты нравовъ крестьянъ Тотемскаго уѣзда. Ст. <i>П. Левитскаго</i>	54
Нѣкоторые обычаи въ г. Зарайскѣ и уѣздѣ. Ст. <i>М. Ремезова</i>	58
Свадебные обычаи въ Ржевскомъ уѣздѣ. Ст. <i>П. Сокальскаго</i>	59
Слова дружки на свадьбахъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ	63
Росписъ чертежу Западной Двины, 1701 г., съ приложеніемъ чертежа	65

О Ч Е Р К Ъ

УТНОГРАФІИ Еврейскаго народонаселенія въ Россіи.

СОСТАВЛЕНЪ

М. Берлинскій,

прикомандированнымъ къ Департаменту Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, состоящимъ при Кіевскомъ Генералъ-Губернаторѣ по Еврейскимъ дѣламъ, членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ (¹).

І. Наружность.

Физиономія Еврейскаго племени довольно извѣстна всякому образованному челоуѣку; даже обитателю великороссійскихъ губерній, рѣдко выдающему Евреевъ, она извѣстна какъ изъ сочиненій разныхъ древнихъ и новыхъ писателей, такъ и изъ художественныхъ произведеній живописи. Древніе основатели христіанской церкви всѣ почти принадлежали къ этому племени,

(¹) При составленіи этого очерка, авторъ руководствовался программой, изданной Географическомъ Обществомъ въ 1852 году.

и характеристическое изображеніе ихъ наружности сохранилось на картинахъ разныхъ эпохъ. Волоса, глаза, носъ и всѣ черты лица Евреевъ такъ подробно описаны уже разными авторами, что повтореніе этого можно считать совершенно лишнимъ. Вообще у Евреевъ сохранился самый древній и едва ли не первобытный типъ, по причинѣ невступленія ихъ въ бракъ съ иноплеменными народами. У Евреевъ, обитающихъ въ Россіи, небръющихъ, за весьма малыя исключенія, бороды, національный типъ замѣтенъ еще болѣе.

Относительно тѣлосложенія и физическихъ силъ своихъ Евреи разнятся по климатамъ и мѣстамъ, гдѣ живутъ. Такъ Евреи малороссійскіе одарены крѣпкимъ сложеніемъ, небольшимъ ростомъ и сходны вообще съ малороссами; въ Новороссійскомъ краѣ и въ Бессарабіи, гдѣ они немногочисленны, Евреи также отличаются крѣпкимъ тѣломъ, но ростомъ превосходятъ малороссійскихъ. Съ послѣдними сходятствуютъ Евреи Украины (т. е. Кіевскіе и Подольскіе), но отличаются большею ловкостью и проворствомъ. Евреи Волынскіе и Царства Польскаго отличаются вообще изящною красотою и ловкостью. Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи они, напротивъ, сложенія слабаго, уступаютъ прочимъ въ ловкости, но не въ умственныхъ способностяхъ. Данныя по этому предмету необходимо собрать отъ мѣстныхъ корреспондентовъ.

Не могу однакожъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно здоровья и нѣкоторыхъ болѣзней, которымъ Евреи часто подвергаются.

Еврей родится обыкновенно отъ рано женившихся родителей, тѣлесныя силы которыхъ не успѣли вполне созрѣть; младенца кормитъ женщина слабая и обремененная разными неприятностями, какъ личными, если она бѣдна, что бываетъ большею частію, такъ и общими, которыя она во всякомъ случаѣ должна претерпѣть вѣстѣ съ прочими своими единовѣрцами; умственныя силы начинаютъ развиваться у мальчика весьма рано, на пятомъ году уже его обучаютъ грамотѣ; пища, употребляемая Евреями, какъ пояснено будетъ въ своемъ мѣстѣ (III, 3.),

не слишкомъ питательна; къ этому надобно прибавить раннее вступленіе въ бракъ, обремененіе семействомъ съ юныхъ еще лѣтъ, разныя ограниченія по гражданскому быту, сильно дѣйствующія на всю организацію, и тогда, болѣзненный видъ Еврея (особенно скудныхъ краевъ Литовскаго и Бѣлорускаго) и слабость тѣлесныхъ его силъ не удивять наблюдателя.

Нельзя однакожъ не признать, что многіе изъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ имѣютъ въ нѣкоторой степени свою полезную сторону, напр. ранняя женитьба спасаетъ Евреевъ отъ разврата и предохраняетъ ихъ отъ разныхъ болѣзней, въ томъ числѣ и отъ сифилитическихъ, имъ совершенно незнакомыхъ (одинъ изъ тысячи едва имѣетъ понятіе о нихъ); умѣренное употребленіе пищи, кромѣ экономической пользы, устраняетъ другія болѣзни, облегчая пищевареніе, такъ что въ случаѣ эпидеміи Евреи замѣтно менѣе страдаютъ, чѣмъ другіе, чему, впрочемъ, содѣйствуетъ и крайнее отвращеніе, питаемое ими къ пьянству. Но за всѣмъ тѣмъ нѣкоторыя болѣзни особенно сильно удручаютъ Евреевъ, именно:

а) *Геморой*. Этою болѣзнію страдаетъ едва-ли не все мыслящее сословіе, составляющее у Евреевъ не малую часть народонаселенія. Мальчика, одареннаго способностями, посвящаютъ исключительно книжнымъ занятіямъ, учатъ его въ хедерахъ (евр. школа) безъ отдыха, пока сидѣніе надъ фолиантами сдѣлается у него привычкою ⁽²⁾; страданіе гемороидами начинается у него съ самыхъ юныхъ лѣтъ и не оставляетъ его до гроба.

б) *Золотуха*. Болѣзнь эта распространена у Евреевъ и переходитъ въ наслѣдство къ дѣтямъ всѣхъ классовъ, обнаруживаясь парывами, сыпью и проч. Изслѣдованіе причины рас-

(2) Этотъ классъ часто страдаетъ тоже глазами болѣзнями, происходящими отъ чрезмѣрнаго чтенія мелкихъ шрифтовъ, бдѣнія по ночамъ, занятія при мало дающихъ свѣта свѣчахъ, и проч.

пространенія этой болѣзни надобно предоставить специалистамъ; но такъ какъ главныя предохранительныя и цѣлительныя средства противъ нея суть особенная діета, частыя купанья, въ особенности же чистота ⁽³⁾, а всѣмъ этимъ могутъ пользоваться только дѣти болѣе состоятельныхъ Евреевъ, то дѣти бѣдныхъ Евреевъ не избѣгаютъ сыпей, обнаруживающихся часто на рукахъ а иногда и на головѣ. Противъ этого народъ имѣетъ свои средства леченія, но болѣе всего дѣйствуетъ возрастъ, ибо золотуха вообще проходить съ лѣтами.

в) *Чажотка*. Этою болѣзнію часто страдаетъ у Евреевъ молодежь, преимущественно высшаго, такъ сказать, аристократическаго класса. Мало образованныя матери, въ горячей любви своей къ дѣтямъ нѣжатъ ихъ безъ толку, кормятъ ихъ изысканною пищею, сладостями и т. п., непитающими, но раздражающими; окутываютъ ихъ самую теплую одежду какъ дряхлыхъ старцевъ; берегутъ ихъ отъ воздуха, какъ отъ губительнаго элемента; не говоря уже объ отсутствіи гимнастическаго ⁽⁴⁾ упражненія, объ употребленіи лекарствъ съ самой колыбели, такъ что природа мало содѣйствуетъ развитію тѣлесныхъ силъ дѣтей, погашенію которыхъ въ тоже время помогаютъ раннее начало ученія, ранняя женитьба ⁽⁵⁾ и проч.

⁽³⁾ Духовное законодательство Евреевъ предписываетъ имъ соблюденіе педантической чистоты,—оно велитъ часто мыть руки и лице, не имѣть пятенъ на одеждѣ, не молиться въ нечистой комнатѣ и проч., но завсѣмъ тѣмъ жилища и одежды бѣднаго класса Евреевъ (особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи) далеко несоотвѣтствуютъ этимъ благотѣльнымъ правиламъ; конечно мушкетъ этого класса нужно извинить, ибо постоянная забота о добываніи себѣ дневнаго пропитанія отнимаетъ у нихъ время, охоту и силу къ соблюденію опрятности, но незаботливость ихъ домохозяекъ въ семъ отношеніи едва-ли простибельна.

⁽⁴⁾ Охота, верховая ѣзда и всѣ подобныя упражненія не только чужды еврейской молодежи, но считаются какъ-бы неприличными.

⁽⁵⁾ Этотъ недостатокъ начинается, благодаря мѣрамъ правительства и развитію просвѣщенія у Евреевъ, мало по малу исчезать, никто не женитъ сына прежде установленнаго закономъ времени, а иногда подожд-

Черезъ это немалое число молодыхъ людей бываютъ жертвою излишней любви своихъ родителей, рано умираютъ или влечатъ страдальческую жизнь.

Промышленный классъ Евреевъ, имѣющій болѣе движенія и проводящій жизнь свою не въ комнатѣ, а на чистомъ воздухѣ, пользуется лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ остальные; также ремесленники, хотя и ведущіе по большей части сидячую жизнь, здоровѣе прочихъ домохозяевъ, которыхъ можно назвать книжниками, потому что для ремесленныхъ занятій берутся мальчики съ ограниченными способностями, не столько замученные въ дѣтствѣ книжнымъ ученіемъ; притомъ они менѣе изнѣжены, такъ какъ отцовской нѣжности отъ мастера-хозяина требовать нельзя, а между тѣмъ обхожденіе Еврейскихъ ремесленниковъ съ вѣренными имъ чужими дѣтьми довольно похвально; о жестокости тутъ и рѣчи нѣтъ, къ тому-же рѣдко мальчикъ отдается за глаза, а почти всегда въ томъ самомъ городѣ, гдѣ проживаютъ родители или родственники ученика, съ которыми онъ и видится въ праздничные дни, получаетъ отъ нихъ помощь и наставленія; такимъ образомъ еврейскій ремесленникъ имѣетъ надъ собою въ молодости двойное попеченіе: хозяйское и родственное, много содѣйствующія его нравственному и физическому благосостоянію.

III. Я з ы к ъ.

Относительно произношенія Евреями русскаго языка надобно замѣтить слѣдующее:

а) Евреи поселены въ губерніяхъ, гдѣ господствующій языкъ или вовсе не русскій, а польскій, нѣмецкій (въ Курдландіи), жидудскій и проч., или, гдѣ онъ отличается отъ великорусскаго своимъ нарѣчіемъ, какъ напр. въ Малороссіи. По этому по

детъ еще два-три года; но давно ли были времена, когда женили 13-ти лѣтнихъ мальчковъ?

русски говорят Евреи несовершенно правильно, а сходно съ тѣмъ, какъ говорить господствующій народъ въ томъ или другомъ мѣстѣ ихъ осѣдлости. Доказательствомъ тому служитъ не многое число Евреевъ, поселенныхъ въ Новороссійскомъ и Бессарабскомъ краяхъ, которые говорятъ чисто по русски, потому что господствующій языкъ въ тѣхъ краяхъ есть чисто русскій.

б) У Евреевъ нѣкоторыхъ губерній замѣтно природное приращиваніе въ своемъ даже языкѣ, почему они и не могутъ правильно произносить нѣкоторыя звучныя согласныя русскаго алфавита.

в) Такъ какъ разговорный языкъ, который Евреи употребляютъ въ обществѣ, не русскій, то Еврей обыкновенно въ дѣтствѣ мало или вовсе не знаетъ русскаго языка, а начинаетъ упражняться въ разговорахъ на немъ по достиженіи уже зрѣлаго возраста, а тогда весьма не легко присвоить себѣ правильное произношеніе какого либо не роднаго языка; удается это только лицамъ изъ Евреевъ, посѣщающимъ публичныя учебныя заведенія, или имѣющимъ случай къ постоянному практическому упражненію во время продолжительнаго пребыванія внутри Россіи по коммерческимъ или судебнымъ дѣламъ.

Къ этому надобно прибавить, что Еврей самаго посредственнаго образованія, иногда даже изъ черни, долженъ, по своему религіозному, гражданскому и домашнему быту, знать не менѣе 3—4 языковъ и 4—5 шрифтовъ, тогда какъ этотъ классъ людей у прочихъ народовъ знаетъ только одинъ родной языкъ.

Вотъ языки и шрифты знакомые почти каждому Еврею.

ПО РЕЛИГИОЗНОМУ БЫТУ.

1. Древне-Еврейскій или библейскій языкъ, на которомъ читаются молитвы, псалтирь, пятикнижіе и проч. Этотъ языкъ имѣетъ еще свои подраздѣленія, именно:

а) Халдейско-арамейское нарѣчіе, на которомъ писаны нѣ-

которыя послѣднія книги библіи и самый древній и освященный переводъ пятикнижія (онкелось), читаемый наравнѣ съ пятикнижіемъ, равно какъ и нѣкоторыя молитвы (берихъ-шемей, екумъ-пурканъ, кадишъ); халдейско-арамейскимъ нарѣчіемъ до нынѣ пишутся религіозные акты, какъ то: брачная запись (кесуба), разводный листъ (гетъ) и проч. и наконецъ нѣкоторыя каббалистическія книги, вошедшія въ употребленіе у каббалистической секты Евреевъ.

б) Еврейско-раввинскій языкъ, образовавшійся изъ смѣшаннаго древняго Еврейско-библейскаго съ халдейскимъ; на этомъ языкѣ писаны всѣ законоучительныя книги Евреевъ.

Шрифты этого языка и его подраздѣленій суть: а) квадратный, на которомъ написаны свѣтки пятикнижія и напечатаны библіи, молитвенники и проч.; б) раввинскій (раши), на которомъ напечатаны всѣ коментаріи св. писанія и многія законоучительныя книги; в) курсивный шрифтъ, употребляемый въ частной перепискѣ.

ПО ДОМАШНЕМУ БЫТУ.

2. Употребляемый русскими Евреями въ общежитіи языкъ есть древне нѣмецкій, подвергшійся разнымъ переворотамъ по случаю частыхъ гоненій Евреевъ съ мѣста на мѣсто ⁽⁶⁾ въ прежнія времена: вслѣдствіе чего въ него вошли коренныя слова разныхъ средневѣковыхъ нарѣчій и свойственные имъ обороты ⁽⁷⁾. Это обстоятельство лишило его всякаго положи-

⁽⁶⁾ Главное отступленіе отъ чисто нѣмецкаго произношенія заключается въ замѣненіи полугласныхъ буквъ — гласными, напр. *a* (-) переходитъ въ *o* (•), напр. *Voter* вмѣсто *Vater*; *ei* (••) въ *e* (••) напр. *gein* вмѣстѣ *gehen*; *oi* (•) въ *o* наприм. *Voiden* вмѣсто *Woden*, что впрочемъ можетъ быть понятно только для понимающихъ древне-Еврейскій языкъ.

⁽⁷⁾ Отсюда многіе заключаютъ, что обитающіе въ Россіи Евреи суть германскіе переселенцы, перешедшіе въ Россію во времена крестовыхъ походовъ, что впрочемъ доказываетъ и ихъ обрядъ молитвы (у

тельного грамматическаго (8) направленія и такъ запутало конструкцію его, что онъ сдѣлался невыносимымъ жаргономъ для образованнаго класса Евреевъ, старающихся замѣнять его или русскимъ или чисто нѣмецкимъ. Впрочемъ въ послѣднее время нѣкоторые гениальные писатели (Готлѣберъ, Дикъ, Цвейфель и проч.) начали сочинять на немъ весьма интересные народные рассказы, сатиры и даже стихи, и хотя эти произведенія не выдерживаютъ внѣшнихъ законовъ, мѣръ, рифмъ и проч., но не менѣе того они весьма не бесполезны какъ опыты народной поэзіи, возбуждающіе въ народѣ нравственное стремленіе къ художественнымъ идеаламъ.

Это нарѣчіе имѣетъ въ произношеніи своемъ тоже нѣсколько отличій: Евреи Царства Польскаго и Волинскіе произносятъ его звучнѣе и пріятнѣе, а Литовскіе—Бѣло и Малорусскіе довольно вяло и сурово. Главная разница состоитъ въ произношеніи гласныхъ буквъ (9).

Евреевъ есть два обряда молитвы: португальскій и германскій; всѣ Евреи въ Россіи молятся по послѣднему; только недавно одна секта хасиды начала молиться по первому); но между тѣмъ старожилы рассказываютъ намъ, что ихъ бабушки говорили по русски, мужчины-же употребляли нѣмецкій языкъ, можетъ быть только потому, съ одной стороны, что многія религіозныя книги были искони переведены для народа на этотъ языкъ, а съ другой, что обитавшіе въ Россіи Евреи имѣли германскихъ раввиновъ. Все это впрочемъ однѣ предположенія, на которыя ясныхъ доказательствъ не имѣется; ближайшее по этому вопросу изслѣдованіе не относится къ настоящему труду.

(8) Неправильность въ падежахъ особенно замѣтна въ замѣненіи дательнаго—винительнымъ, и на оборотъ, а также въ употребленіи членовъ женскаго рода для мужскихъ существительныхъ, и на оборотъ, средній-же родъ очень рѣдко встрѣчается, а замѣняется мужскимъ или женскимъ, исключая *das kind*.

(9) *Калець* произносится литовцами какъ *о*, а волянцами болѣе какъ *у* или *ю*; *цере* произносится первыми какъ *ей*, а послѣдними какъ *ай*; *Хирикъ*—первыми какъ *і*, а послѣдними какъ *е*; *Холемъ*—первыми похоже на *ау*, а послѣдними какъ *о*; *шурукъ*—первыми какъ *у*, а послѣдними какъ *и*. Здѣсь можно замѣтить, что Евреи жители г. Вильно

Мѣстнымъ корреспондентамъ предстоитъ объяснить ближе означенныя различія въ произношеніи.

Этотъ языкъ имѣетъ особенный шрифтъ, такъ называемый женско-нѣмецкій—Weiberdeütsh; на которомъ напечатано множество переводовъ молитвенныхъ и законоучительныхъ книгъ, доступныхъ для всѣхъ простолюдиновъ и для женщинъ. Письменная-же форма этого шрифта, есть тотъ самый курсивъ, который принятъ въ еврейскомъ.

ПО ГРАЖДАНСКОМУ БЫТУ.

3) Кроме того, сколько-нибудь развитой Еврей читаетъ и даже пишетъ, хотя въ нѣкоторой степени, на одномъ изъ тѣхъ языковъ, которыми говорятъ туземцы той мѣстности, гдѣ онъ живетъ, какъ-то: на русскомъ, польскомъ, жмудскомъ (въ Литвѣ) и нѣмецкомъ (въ Курляндіи), а иногда онъ читаетъ и пишетъ на двухъ-трехъ языкахъ, потому что способы существованія Еврея приводятъ его въ столкновенія съ людьми всякаго происхожденія, которые не имѣютъ надобности и не желаютъ говорить языкомъ, болѣе доступнымъ Еврею, заставляя такимъ образомъ послѣдняго по неволѣ объясняться на чуждомъ ему нарѣчій. Въ торговомъ городѣ Одессѣ встрѣчаемъ самыхъ простыхъ Евреевъ, которые говорятъ, кроме русскаго, на 3—4 Европейскихъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и проч.

III. Домашній бытъ.

Ж и л и щ а.

Жилища Евреевъ въ сущности ни чѣмъ не отличаются отъ мѣстныхъ того края, гдѣ они поселены ⁽¹⁰⁾. Домашней утвари,

не могутъ выговаривать буквы *p*, а произносятъ ее какъ англичане *r guttural*.

⁽¹⁰⁾ Въ видахъ предохраненія чистоты нравовъ, запрещено у Евреевъ стороннему лицу спать въ той комнатѣ, гдѣ почиваетъ чета; поэтому у самыхъ бѣдныхъ Евреевъ домики раздѣлены на нѣсколько крошечныхъ комнатъ и даже палатей соотвѣтственно числу четь.

въ особенности посуды, у Евреевъ, хотя она и не отличается особенною противъ обыкновеннаго формою, въ массѣ бываетъ гораздо болѣе, чѣмъ у прочихъ жителей, — ибо каждый, даже самый бѣдный Еврей, имѣетъ по постановленіямъ своего закона, двоякую кухонную и столовую посуду и двоякіе приборы, именно: молочные и мясные, которые воспрещается употреблять вмѣстѣ. У состоятельныхъ Евреевъ есть еще особенная посуда для пасхи, такъ какъ въ этотъ праздникъ нельзя по закону употреблять посуду, въ коей готовили кислыя приправы, но бѣднѣйшіе Евреи обходятся кое-какъ, возобновля старую, докупая кое-что и проч.

Одни повозки еврейскихъ извозчиковъ отличаются отъ русскихъ, именно: для клади онѣ устроены по формѣ нѣмецкихъ фрактовъ и называются *бухты*, а для пассажировъ довольно удобныя и вмѣстительныя брички, извѣстныя подъ именемъ еврейскихъ *будъ* или *фуръ*.

Образы у Евреевъ, на основаніи словъ Моисея (Числь, XX, 4. Втор. IV, 16, 17, 18), запрещены. Это, впрочемъ, по толкованію раввиновъ, относится только къ бюстамъ и вообще къ выпуклымъ фигурамъ; писанныя-же картины дозволяются и имѣются у болѣе зажиточныхъ Евреевъ, какъ-то: изображеніе сценъ изъ библейской исторіи, нѣкоторыя молитвы списанныя и украшенныя политипажами и бордюрами, портреты знаменитыхъ раввиновъ, а также прочіе портреты, неотносящіеся къ еврейскому быту. На восточной же сторонѣ своихъ жилищъ народъ часто вѣшаетъ въ рамкѣ подъ стекломъ раскрашенный листъ бумаги (мизрахъ), исписанный текстами изъ св. писанія съ эмблемами: щита Давида (двухъ перекрещивающихся трехъугольниковъ) съ изображеніемъ львовъ, столбовъ и коронъ для указанія, что во время молитвы надобно стать лицомъ къ той стѣнѣ ⁽¹¹⁾. Это впрочемъ только обычай; но не законъ.

(11) Храмъ Іерусалимскій находится по географическому своему положенію въ восточной сторонѣ (см. Даніиль VI — 11. книга Царствъ VIII — 48).

Иные благочестивые Евреи оставляют при выбѣлкѣ и выкраскѣ дома квадратное поле въ аршинѣ, небѣленое и некрашеное для воспоминанія разрушенія Иерусалима и храма (зехеръ лехурбанъ). На дверяхъ-же, форткахъ и воротахъ бывають прибиты пергаментные листы (мезуза) съ главами изъ св. писанія объ единствѣ Божіемъ, что составляетъ уже повелѣніе закона.

На праздникъ скинопигія, отправляемый въ память странствованія вышедшихъ изъ Египта Евреевъ въ пустынь и житія ихъ тогда въ лагерѣ (Левит., XXV, 42, 43), бывающій обыкновенно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Евреи строятъ на дворахъ своихъ будки изъ досокъ, крытыхъ ельникомъ и другою растительностію (сукка); у богатыхъ Евреевъ устроены въ самыхъ жилищахъ особенныя комнаты для кущей, для чего на время праздника снимають крышу и потолокъ, замѣняя ихъ ельникомъ.

П Л А Т Ь Е.

До 1845 г. Евреи отличались отъ мѣстныхъ жителей особливо, довольно странною одеждою. Не говоря о необыкновенной длинѣ мужскаго платья, по старинной польской выкройкѣ, опоясанаго чернымъ поясомъ, и о полудеревенскомъ костюмѣ женщинъ, еще болѣе странною былъ головной уборъ тѣхъ и другихъ. Шапки мужчинъ состояли изъ дорогихъ мѣховъ, но шились безъ малѣйшаго вкуса, а головной уборъ женщинъ былъ похожъ на турецкую головную повязку, что крайне безобразило молодыхъ Евреекъ, столь часто замѣчательныхъ своею южною красотою. Обувь женюгъ мужчинъ вмѣсто сапоговъ состояла въ башмакахъ, а женщины носили туфли, называвшіяся французскимъ словомъ *pantoufles*.

Съ 1845 правительствомъ узаконено, чтобы Евреи не отличались въ своемъ костюмѣ отъ прочихъ туземцевъ. Конечно молодежь, а въ особенности прекрасный полъ приняли повелѣнія начальства съ восторгомъ, и по своей склонности къ роскоши

въ одеждѣ (12) стали даже стараться перещеголять мѣстныхъ жителей. Но со стариками это нововведеніе не обошлось безъ затрудненій. Многіе изъ нихъ еще до нынѣ не могутъ рѣшиться сбросить на всегда свои шелковые жупаны и замѣнить суконными сюртуками (13).

Особенное затрудненіе вызывается запрещеніемъ ношенія ермолки (маленькій черный колпачекъ на головѣ, скуфейка), которую Евреи считаютъ почти обязанностію закона, ибо, Евреи по восточному обычаю, признають чтеніе молитвы, св. книги и вообще произношеніе имени Бога съ обнаженною головою не приличнымъ, а такъ какъ Евреи молятся очень часто, читають св. книги безпрестанно и произносятъ даже при своихъ занятіяхъ, по примѣру прочихъ, имя Бога, то по этому они привыкли не разставаться съ ермолкою, дабы голова была постоянно покрыта.

(12) Едва-ли кто нибудь не признаеть, что рѣдко встрѣчается столь умѣренный народъ, какъ Евреи, по ихъ воздержанію въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ и въ пищѣ, граничащему съ цинизмомъ; но въ одеждахъ преобладаетъ у нихъ склонность къ роскоши. Причина этого заключается во многихъ историческихъ обстоятельствахъ, которыя пояснены будутъ въ другомъ мѣстѣ.

(13) По закону Моисееву (Второзак., XXII, 11) запрещено Евреямъ носить платье изъ матеріи тканой шерстяными и льняными нитками вмѣстѣ; раввины-же запретили ношеніе шерстянаго платья, когда оно сшито льняными нитками; портные Еврей строго соблюдаютъ это при изготовленіи платья для Евреевъ, но самые набожные Евреи избѣгаютъ ношенія шерстяной ткани, подозрѣвая вмѣшиваніе въ нихъ льняныхъ нитокъ. Причина этого запрещенія объясняется различно: Маймонидъ полагаетъ, что египтяне готовили свои матеріи изъ шерсти и льна, а Моисей, желая отличить Евреевъ какъ можно болѣе отъ египтянъ, запретилъ имъ носить такую одежду. Далѣе полагають, что какъ жертвоприношенія первыхъ сыновей Адама—Каина и Авеля состояли перваго изъ льняныхъ стеблей, а послѣдняго изъ овцы, и отъ этого произошло первое смертоубійство въ исторіи міра, то дабы не напоминать этого, надо стараться никогда не сближать эти два предмета, ленъ и шерсть, бывшіе свидѣтелями смертнаго происшествія, тѣмъ болѣе носить на себѣ платья изъ такой ткани.

Кромѣ того, Евреи, по самому древнему и освященному обычаю носятъ бороду и длинные волосы (*пеосъ*) по обоимъ вискамъ; эти послѣднія, при старинномъ еврейскомъ костюмѣ, отличались значительною длиною, но при нынѣшнемъ Европейскомъ общегражданскомъ костюмѣ эти замѣтные пеосы стали замѣтно исчезать. Бороду же Евреи носятъ и до нынѣ, за исключаніемъ весьма немногихъ, брѣющихъ ее вовсе или подстригающихъ по модѣ.

Далѣе, есть у Евреевъ еще одежда, называемая *арбе-каффесъ*, нѣчто въ родѣ длинной четырехъ-угольной накладки, съ вырѣзкою для шеи, къ каждой изъ четырехъ концевъ которой привязаны шерстяныя или пеньковыя нитки съ особою повязкою, въ воспоминаніе заповѣдей Божіихъ (Числь, XV, 38, 39). Одежду эту старики носятъ непремѣнно изъ бѣлой шерсти, съ синими полосами по краямъ подобно молитвенному покрывалу (талісъ); но молодежь носить ее изъ разныхъ матерій и въ меньшемъ объемѣ.

Сверхъ того, женатые Евреи надѣваютъ во время утренней молитвы бѣлое шерстяное покрывало съ синими по краямъ полосами (талісъ) и съ шерстяными нитями — повязками по концамъ (цицисъ), а также повязываютъ себѣ на голову и лѣвую руку *тефилинъ*, состоящія изъ маленькихъ четырехъ-угольныхъ пергаментныхъ ковчеговъ, съ уложенными въ нихъ полосками пергамента, на которыхъ написаны главы св. писанія объ исходѣ изъ Египта, и пр. Эти ковчегы укрѣпляютъ къ головѣ и рукѣ ремнями изъ телячьей кожи (рецуосъ). Есть еще одно религіозное платье у Евреевъ, состоящее изъ бѣлаго полотна, шитаго какъ рубашка, и называемае *китель* (kittel). Это смертная рубашка, въ которой хоронятъ мертвыхъ, но живые получаютъ ее въ подарокъ отъ невесты при вѣнчаніи. Носить ее весьма рѣдко, именно: при вѣнчаніи (14), въ день отпущенія грѣховъ—

(14) Иные одѣваютъ и при произношеніи присяги, но это нисколько не обязательно, а происходитъ отъ средневѣковаго обычая.

въ синагогѣ, а иные носятъ и въ пасху, при чтеніи молитвы за столомъ, *гаида*.

Женщины же не имѣютъ всего этого; онѣ съ радостію сбросили съ головы тяжелые платки и замѣнили ихъ чепцами и шляпками. Въ Малороссіи Еврейки повязываютъ головы маленькими платками, подобно русскимъ. Такъ какъ замужнія не должны показываться въ публичныхъ мѣстахъ съ обнаженными головами, то онѣ покрываютъ переднюю часть головы шелковыми и волосяными париками. Нѣкоторые мѣстные начальники настаиваютъ, чтобы Еврейки отбросили и парики, но извѣстно, сколько можно успѣть полицейскими мѣрами въ дѣлахъ, связанныхъ съ религіознымъ предубѣжденіемъ.

П И Щ А.

3. Въ отношеніи пищи, — умѣренность и воздержаніе Евреевъ признаны всѣми писателями. Уже св. писаніе предписываетъ имъ многія, впрочемъ гигиеническія, по сему предмету, постановленія, которыя въ послѣдствіи были еще распространены раввинскимъ ученіемъ въ болѣе законодательномъ смыслѣ. Нѣтъ народа на свѣтѣ, духовенство котораго имѣло-бы такое вліяніе на гастрономическія его потребности, какъ у Евреевъ, кухня которыхъ подчинена раввину, почти наравнѣ съ синагогою. Раввинъ долженъ знать не только о всѣхъ позволительныхъ и запрещенныхъ животныхъ, птицахъ, рыбахъ и проч., но онъ долженъ быть близко знакомъ съ анатоміею позволительныхъ животныхъ и птицъ, ибо отъ этого знанія часто зависитъ разрѣшеніе разныхъ казуистическихъ вопросовъ по настоящему предмету, который сдѣлался для народа чисто религіознымъ принципомъ.

Ознакомить иноплеменнаго читателя съ относящимися сюда подробностями едва возможно, по громадности ихъ объема, но дать понятіе объ этомъ въ общихъ чертахъ есть обязанность писателя этнографіи Евреевъ. Вотъ главные запрещенія для Евреевъ относительно пищи:

а) Изъ четвероногихъ животныхъ дозволено имъ употреб-

лать только тѣхъ изъ рогатаго скота, которыя имѣютъ раздвоенныя копыта и свойство пережевыванія, какъ-то: коровъ, воловъ, оленей, козъ, овецъ и подобныхъ имъ; всѣ-же прочія животныя, неимѣющія обоихъ помянутыхъ условій или имѣющія только одно, какъ-то: зайцы (*), имѣющіе только свойство пережевыванія, свиньи — имѣющія только раздвоенныя копыта и имъ подобныя, положительно запрещены самимъ Моисеемъ (Левит. XI. 1—9)

б) Изъ птицъ дозволены только однѣ ручныя, какъ-то: куры, гуси, утки, индѣйки, голуби, воробьи и проч.; всѣ-же дикія запрещены безъ изъятія. Относительно птицъ нѣтъ въ св. писаніи общихъ признаковъ, отличающихъ позволительныхъ отъ запрещенныхъ. Моисей (Левит., XI, 13—21) называетъ 24 запрещенныхъ птицъ по именамъ, но пастоящій переводъ этихъ именъ намъ нынѣ не вполне извѣстенъ, почему главное основаніе здѣсь — преданіе. Долговременнымъ изслѣдованіемъ и изысканіемъ удалось найти нѣкоторые зоологическіе признаки, отличающіе библейскихъ дикихъ птицъ отъ ручныхъ: ручныя или домашнія отличаются тѣмъ, что у нихъ на ногахъ средніе пальцы удлинены и что, кромѣ зоба, у нихъ есть желудокъ снабженный легко сдираемою мускульною оболочкою (**). (Талмудъ трактатъ Хулинъ, 65, см. Zoologie des Talmuds Dr. Lewynsohn. Франкфуртъ на Майнѣ 1858 г.)

в) У рыбъ означены признаки, отличающіе позволительныхъ отъ запрещенныхъ, именно: позволительныя рыбы суть тѣ, которыя имѣютъ чешуйчатую кожу и плавники какъ-то: щуки, лещи, лососи, семги и имъ подобныя; тѣ-же, которыя имѣютъ гладкую кожу или не имѣютъ плавниковъ запрещены для Евреевъ; признаки-же эти ясно указаны у Моисея (Левит., XI, 9—13).

г) Всѣ земноводныя, пресмыкающіяся и насѣкомыя запре-

(*) Жвачку отрыгаютъ только звѣри изъ отряда жвачныхъ (Ruminantia) снабженные четырьмя желудками, но зайцы не относятся къ этому отряду. Р.

(**) Изъ разсужденій Левисона видно, что подъ именемъ чистыхъ птицъ должно подразумѣвать весь отрядъ *Соровыхъ* (Gallinaceae) и зерноядныхъ изъ отряда Passerini. Р.

щены (Левит., XI, 41, 42), за исключеніемъ нѣкоторыхъ родовъ саранчи (21, 22), которые впрочемъ намъ не извѣстны, по этому Евреи не только не употребляютъ раковъ, устрицъ и т. п., но даже при употребленіи чего либо изъ царства растительнаго какъ-то: капусты, гороху, фруктовъ и проч. строго перебираютъ ихъ по листкамъ и зернышкамъ, дабы узнать нѣтъ-ли въ нихъ червяковъ, насѣкомыхъ и проч., отчего нѣкоторые сорта грибовъ, изъ которыхъ невозможно выбирать червяковъ, ими не употребляются; также, если въ мукѣ или крупѣ, въ лѣтнее время, заведется моль, таковая уже не употребляется.

д) Позволительныя животныя и птицы тоже не употребляются иначе, какъ по слѣдующимъ условіямъ, именно:

1) Онѣ должны быть зарѣзаны по горлу самымъ острымъ и гладко выточеннымъ ножомъ; операція должна быть совершена мигомъ, такъ чтобы животное какъ можно менѣе страдало, иначе рѣзанное животное считается падалью и запрещеннымъ. Посему между Евреями существуютъ особенныя рѣзники, которые учатся сему искусству и получаютъ на то свидѣтельство отъ раввина послѣ удостовѣренія въ дѣйствительности знанія ими своего дѣла.

2) Послѣ рѣзанія рѣзникъ разсматриваетъ внутренности животнаго, а въ особенности легкія, для удостовѣренія, что животное не имѣло опасной болѣзни. Въ случаѣ-же замѣченныхъ имъ извѣстныхъ признаковъ, доказывающихъ, что животное не пережило-бы 12 мѣсяцевъ, признаетъ его непозволительнымъ, какъ падаль. Въ сомнительныхъ случаяхъ это разрѣшаетъ раввинъ. Разсмотрѣніе внутренности птицъ предоставлено женщинамъ-кухаркамъ, которыя, въ случаѣ замѣченныхъ ими необычныхъ признаковъ во внутренности птицъ, какъ-то: гнилости, дырокъ и наростовъ въ кишкахъ, а также переломанныхъ костей, обращаются къ раввину, который разрѣшаетъ это по правиламъ, изложеннымъ въ законоучительныхъ, по сей части, книгахъ, основанныхъ на долгодѣтнихъ опытахъ, наблюденіи и изслѣдованіи, и произноситъ приговоръ: позволительно-ли — *кошеръ*, или запретительно — *трефъ*.

3. Послѣ рѣзанія и осматриванія внутренностей вынимаются разныя жилы изъ животнаго, а также нѣкоторыя части жира, которыя не дозволено употреблять (Бытія, XXXII, 32; Лев. VII, 23 (16) 26); это выниманіе жилъ требуетъ особеннаго искусства, и въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ звучащихъ сіе дѣло, вовсе не употребляется задняя часть животнаго, въ которой находятся сіи жилы. Потому говядина вымывается и высаливается съ цѣлю совершеннаго очищенія отъ крови, употребленіе которой подъ какимъ-бы то не было предлогомъ строго запрещено самимъ Моисеемъ (Второзак., XII, 23—24) даже въ малѣйшемъ пріемѣ, исключая рыбъ, которыя не подлежатъ ни рѣзанію, ни разсматриванію внутренностей, ни строгой очисткѣ крови. Впрочемъ очищается кровь и отъ рыбы, ибо, хотя законъ уже здѣсь не возлагаетъ на Евреевъ это въ обязанность, но привычка не употреблять кровь животныхъ и птицъ сдѣлала употребленіе всякой крови для нихъ чѣмъ-то отвратительнымъ и нетерпимымъ (17).

е) Само собою разумѣется, что молоко запрещенныхъ животныхъ, яйца запрещенныхъ птицъ, икра запрещенныхъ рыбъ и т. д. тоже запрещены.

ж) Вообще запрещено Евреямъ употреблять молочное съ мяснымъ, по этому у Евреевъ находится, для приготовления того и другаго, особая посуда кухонная и столовый приборъ, какъ пояснено выше (пунктъ I). Разница однакожъ въ томъ, что, употребивъ молочную пищу, можно выполоскать ротъ и тотчасъ употреблять мясную, но, употребивъ мясную, нельзя уже потомъ употребить молочную въ продолженіи 6 часовъ, пока желудокъ переваритъ мясную пищу и оставшіяся между

(16) Впрочемъ, это только изъ тѣхъ животныхъ, которыя при существованіи храма годны были въ жертву; изъ прочихъ-же, какъ напр. изъ оленя, жиръ не запрещается.

(17) Отвращеніе къ крови дошло до того, что когда во время обѣда Еврей оцарапаетъ себѣ ротъ внутри, то онъ выплевываетъ яство, подозрѣвая не брызнула ли на него капелька собственной своей крови.

зубами крошки мясной пицци теряют свой первобытный видъ. Это впрочемъ постановленіе позднѣйшихъ временъ, а по талмуду довольно промежутка одного часу.

з) Напитки всѣ дозволены для Евреевъ, кромѣ приготовленнаго не-Евреями винограднаго вина, которое встарину было главнымъ предметомъ идолопоклонническаго богослуженія (янгъ-несехъ), по этому, кромѣ приготовляемаго здѣсь Евреями вина изъ изюма ⁽¹⁸⁾, для Евреевъ приготовляются за границею и нынѣ разные сорта винъ, которые привозятъ сюда за печатью и свидѣтельствомъ тамошнихъ раввиновъ. Но такъ какъ нѣкоторые толкователи закона полагаютъ, что по несуществованію нынѣ въ Европѣ идолопоклонства это запрещеніе не имѣетъ мѣста, то болѣе свѣтскіе Евреи не соблюдаютъ сего постановленія и пьютъ всѣ вина безъ печатей и свидѣтельствъ раввиновъ (сталь іейномъ).

и) Въ цѣлую недѣлю враздника пасхи Евреи не употребляютъ никакого хлѣба и приварокъ, которые подверглись кислению посредствомъ броженія, пекутъ опрѣсноки (маца) изъ одной муки ⁽¹⁹⁾ съ водою, безъ соли и дрожжей, на всѣ-же приварки въ эту недѣлю употребляется мука, приготовляемая изъ растолченныхъ сихъ-же самыхъ опрѣсноковъ или изъ картофеля. (Исходъ, XII, 19, 20).

Изъ вышеизложеннаго можно видѣть, что пицца Евреевъ не можетъ быть слишкомъ сложнымъ гастрономическимъ иску-

⁽¹⁸⁾ Это составляетъ у Евреевъ значительную отрасль промышленности; у каждаго сколько-нибудь населеннаго общества Евреевъ шинкари заготавливаютъ изюмное вино (цемукимъ), которое продается по 15—25 к. бутылка, оно не опьяняетъ и бываетъ довольно вкусно, само собою разумѣется, что это только въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ виноградника; тамъ же, гдѣ Евреи сами воздѣлываютъ виноградъ, какъ напр. въ Бессарабіи, тамъ они дѣлаютъ изъ него для своихъ единовѣрцевъ и вино.

⁽¹⁹⁾ Муку эту тоже сохраняютъ отъ подмочки, чтобы она не прокисла, а самые набожные Евреи сохраняютъ и пшеницу отъ подмочки, особенно при молотѣ ея на мельницѣ (шмура).

ствожь: супъ съ высоленной и очищенной отъ крови говядиной, жаркое изъ такой же говядины безъ прибавки коровяго масла, сметаны и проч. все это не можетъ имѣть особеннаго вкуса, по этому Евреи употребляютъ въ пищу болѣе пряностей для придачи ей нѣкотораго ощущенія, (особенно у Евреевъ хорошо готовить рыбу). Вообще Еврейки простаго народа хорошо знаютъ кухонное дѣло.

Весьма рѣдко у Евреевъ мужчина занимается поварствомъ; Еврейки умѣютъ отлично печь хлѣбъ, особенно пшеничный, ибо никакая Еврейка не покупаетъ готоваго, а сама печетъ каждую пятницу ⁽²⁰⁾ и наканунѣ всякаго праздника бѣлый хлѣбъ—*хала*, при чемъ совершается особенный обрядъ и читается благословеніе. Эти халы имѣютъ при разныхъ праздникахъ особыя формы, именно: на новый годъ они дѣлаются въ родѣ баранковъ, т. е. круглыя; наканунѣ дня отпушенія грѣховъ въ формѣ лѣстницы; на праздникѣ пуримъ (освобожденіе отъ Гамана) трехъугольныя съ макомъ, такъ называемыя — карманы Гамана, *Hamantaschen*; на свадьбы и проч. праздники плетеныя кидки и проч., для приварки готовится тоже, смотря по роду праздника, то лапша, то родъ вермишеля (фарфилъ), то маленькіе трехъугольныя пирожки съ мясомъ (крепхенъ), то большія круглыя клѣцки (кнедлехъ), эти послѣднія готовятъ особенно въ праздникъ пасхи изъ мацевой муки.

Въ субботу Евреямъ не дозволено варить, а потому субботній обѣдъ готовится въ пятницу предъ вечеромъ и вставляется въ одномъ большемъ горшкѣ въ теплую печку, которая закрывается до завтрашняго дня; кушанье это называется *шблентъ*. Оно состоитъ изъ самыхъ дешевыхъ прѣпасовъ, именно: каша, гороху, рода пирожнаго, сдѣланнаго изъ муки съ жиромъ (кугель) и говядины. Это заведено для того, чтобы въ субботу не различались бѣдные отъ богатыхъ, а потому из-

⁽²⁰⁾ Это по преданію одинъ изъ древнихъ обычаевъ, установленныхъ еще пророкомъ Эздрую.

браны кушанья весьма недорогія ⁽²¹⁾; особенно хорошо Еврейки пекутъ пряникъ изъ ржаной муки (лекахъ), а также разныя лакомства: (тейглехъ)—изъ тѣста, яицъ съ медомъ; (айнгъ-гемахъ)—изъ рѣпы, инбиря съ медомъ; разные сахарники съ миндалемъ и проч., варенья изъ разныхъ ягодъ и т. д.

Главная разница у народа между будничнымъ и праздничнымъ столомъ состоитъ въ томъ, что къ послѣднему прибавляется рыба ⁽²²⁾ вначалѣ обѣда, а послѣ его желе или десертъ изъ огородныхъ плодовъ, какъ то: моркови, пастернаку и проч. съ медомъ и мясомъ, называемое *цимесъ*.

Въ праздникъ пятидесятницы готовятъ молочный обѣдъ, а въ праздникъ Маккавеевъ (ханука) пекутъ блины и алады изъ гречневой муки.

Въ постные дни, коихъ не много у Евреевъ: день отпущенія грѣховъ по закону Моисееву (Левитъ, XXIII, 27), день разрушенія храма и еще четыре второстепенныхъ поста: Эс-еировый предъ пуримъ, Гдальевой послѣ новаго года, 10 те-веса (около декабря) и 17 тамуза (около іюля), все тоже историческіе, Евреи ничего не ѣдятъ и не пьютъ; одну только недѣлю передъ печальнымъ днемъ разрушенія храма Іерусалимскаго Евреи употребляютъ одну молочную пищу, а не мясную.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

4. Обычаи и обряды, соблюдаемые Евреями при разныхъ житейскихъ случаяхъ большею частію сопряжены у нихъ съ

⁽²¹⁾ Иные рассказываютъ, что встарину однажды запретили Евреямъ готовить на субботу разныя кушанья, а дозволили только одинъ горшокъ, тогда Евреи ухитрились помѣстить въ одномъ горшкѣ всѣ эти кушанья, что осталось и нынѣ въ обычай.

⁽²²⁾ Надобно замѣтить, что у Евреевъ рыба не употребляется съ мясомъ, а потому она готовится съ молокомъ, масломъ, или собственнымъ жиромъ, но не съ жиромъ мяснымъ; ѣдятъ они рыбу всегда вначалѣ обѣда, выполоскавъ ротъ и обмывъ даже руки прежде, чѣмъ приступятъ къ мясному блюду.

законоучительными постановленіями. Хотя многіе изъ нихъ не имѣютъ собственно догматическаго характера, какъ неоснованные ни на св. пис., ни на традиціональномъ ученіи талмуда, но они освящены древностію (sanctionirt²³). При томъ, позже явившееся у Евреевъ мистическое ученіе (каббала), которому слѣдуетъ нѣкоторая часть мыслителей Евреевъ, содѣйствовало распространенію и освященію разныхъ обычаевъ.

Ограничиваюся изложеніемъ однихъ чисто народныхъ обычаевъ, не имѣющихъ религіознаго значенія, но оставляя въ сторонѣ характеристику Евреевъ съ религіозной точки зрѣнія, я объясню однако кратко въ примѣчаніяхъ къ сей запискѣ, для полноты изложенія, нѣкоторыя необходимыя религіозныя частности.

Вѣрованіе въ предназнаменованіе, въ добрый и худой часъ, въ вредную силу нечистыхъ духовъ, и возможность устраненія ихъ посредствомъ неудобопонятнымъ здравому разсудку средствъ распространено у Евреевъ не менѣе, чѣмъ у прочихъ народовъ, и, не смотря на то, что сущность религіи Евреевъ догматически возстааетъ противъ этихъ вѣрованій, ни на то, что въ прочихъ отношеніяхъ постановленія религіи соблюдаются Евреями съ самоотверженіемъ, противъ народныхъ предразсудковъ успѣхъ ея остался на половинѣ дороги, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Я предпослалъ это замѣчаніе, считая его источникомъ большей части народныхъ обычаевъ вообще;

(²³) Причина этому чисто историческая, Евреи въ былыя времена, гонимые и преслѣдуемые цѣлыя вѣка сряду, старались во чтобы то ни стало твердо сохранять всѣ народныя обыкновенія, не отыскивая источниковъ оныхъ и не разбирая приличны ли они или нѣтъ, а только дорожа всѣмъ тѣмъ, что хотя сколько нибудь народно, дабы тѣмъ укрѣпить духъ національности, изъ чего и явилось правило, что обычай сильнѣе закона — „мингагъ мевателъ галаха“ (народная пословица, см. талмудъ Іерусалим. трактатъ Баба Меція, гл. 7). Просвѣщенный раввинъ, который вздумалъ бы протестовать противъ какого либо народнаго обычая, былъ бы превозглашенъ реформаторомъ и потерялъ бы вліяніе.

теперь прямо приступлю къ изложенію самыхъ общераспространенныхъ народныхъ обычаевъ.

А. Тотчасъ послѣ того, какъ беременная женщина разрѣшится живымъ младенцемъ⁽²⁴⁾, бабка (обыкновенно старуха, знающая свое дѣло практически и не посѣщавшая учебнаго заведенія) начертываетъ иѣломъ кругъ около стѣнъ той комнаты, гдѣ находится родильница. На всѣхъ же дверяхъ, окнахъ и печкахъ навѣшивается родъ талисмана (шяръ-гамаалось), состоящій изъ кусковъ бумаги, на которыхъ написаны 120-й псаломъ, стихи свящ. пис. и нѣкоторыя каббалистическія имена.

Все это дѣлается для того, чтобы нечистые духи не могли проникнуть въ ту комнату, гдѣ родильница съ новорожденнымъ младенцемъ. Если новорожденный—мальчикъ, то на первой недѣлѣ собираютъ каждый вечеръ малолѣтнихъ мальчиновъ изъ сосѣдства, раздаютъ имъ лакомства и они читаютъ молитвы (кріась-шина) въ комнатѣ родильницы; въ субботу-же, вечеромъ, это исполняется взрослыми людьми, которые приглашаются къ этому въ синагогѣ (бенъ-захеръ); наканунѣ 8 дня, день обрѣзанія⁽²⁵⁾, взрослые люди также читаютъ молитвы всю ночь (Wachnacht).

(24) Если разрѣшеніе отъ бремени происходитъ съ чрезвычайными мученіями (мекаше лейледъ), то читаютъ разныя молитвы и стихи изъ свящ. пис.; въ самое время беременности женщины носятъ разныя амулеты для того, чтобы облегчить разрѣшеніе.

(25) Вотъ настоящій процессъ обрѣзанія: назначаются малолѣтніе мальчикъ и дѣвочка (или первобрачная чета) кумами (Gevater), бабка целенавъ ребенка такъ—что нужная часть остается свободною; въ особой комнатѣ, а если синагога близка то въ ней, ставятъ почетное двухиѣстное кресло или диванъ (одно мѣсто остается порожнимъ и называется мѣстомъ Ильи Пророка?...) Раввинъ или другой почетный Еврей назначается восприемникомъ (syndicus), онъ садится въ кресло; бабка кладетъ ребенка на подушку; покрываетъ его бѣлой тканью и передаетъ на руки кумы; та вноситъ его въ назначенную комнату или въ синагогу; кумъ принимаетъ ребенка изъ рукъ кумы, передаетъ одному изъ родственниковъ родителей, который кладетъ его сначала

При рожденіи же дѣвочки это не исполняется, а только въ первую субботу въ синагогу приглашаютъ отца, при чтеніи пятикнижія, и канторъ нарицаетъ ⁽²⁶⁾ имя новорожденной безъ особенныхъ при томъ торжествъ ⁽²⁷⁾, кромѣ того, что женщины приходятъ потомъ поздравлять родильницу (мазель-товъ) и бываютъ принимаемы и подчужены ласковостями; мужчины же поздравляютъ только когда новорожденный — мальчикъ, тоже послѣ совершенія обрѣзанія; и тогда, у болѣе зажиточныхъ, заготавливается для нихъ обѣдъ, а у бѣдныхъ Евреевъ скромная пирушка, по окончаніи которыхъ произносится благословеніе новорожденному, родителямъ, операторамъ, кумовьямъ, воспріимнику и проч.; самые близкіе знакомые поздравляютъ также на 3-й день, со дня обрѣзанія (шлиши-лешила).

По совершенномъ выздоровленіи родильницы, когда она въ первый разъ выходитъ въ синагогу, мужъ приглашается къ чтенію пятикнижія, и канторъ произноситъ благословеніе ро-

на порожнее мѣсто Илья Пророка, потомъ на колѣна сядика. Искусный въ этой операціи Еврей (могель) острою бритвою кругообразно обрѣзаетъ окранию препуціи (хитухъ), ногтями большихъ пальцевъ разрываетъ препуціи (пріа), высасываетъ губами верхнюю кровь (мецица) тщательно выполаскивая вдругъ ротъ для совершеннаго очищенія отъ прикоснувшейся къ губамъ крови, засыпаетъ мѣсто операціи порошкомъ изъ гнилаго дерева, завязываетъ и отдаетъ подушку съ ребенкомъ одному изъ родственниковъ родителей. Могель читаетъ молитвы, держа въ рукѣ бокалъ съ виномъ, нарицаетъ имя младенцу, потомъ возвращаетъ его бабкѣ. Должно замѣтить, что настоящая операція совершается съ такою проворностію и ловкостію, что у искуснаго могеля случается иногда, что спящій ребенокъ не чувствуетъ никакой боли и не плачетъ; когда же и заплачетъ, то могель, помочивъ губки его каплею вина изъ бокала, весьма скоро его успокоиваетъ.

⁽²⁶⁾ Надобно замѣтить, что у Евреевъ нарицаютъ имена только по покойнымъ родителямъ, родственникамъ или какимъ нибудь усопшимъ знаменитымъ лицамъ.

⁽²⁷⁾ У Евреевъ родители еще болѣе недовольны рожденіемъ дочерей, чѣмъ у прочихъ народовъ, ибо у нихъ не по одной только экономической причинѣ предпочитаютъ сыновья, но и по религіозной.

дильницѣ, младенцу и бабушкѣ; женщины поздравляютъ ее и проч.; чрезъ мѣсяцъ послѣ рожденія первенца происходитъ особенный религіозный обрядъ, выкупъ его у кагана (пидионъ га-бенъ) о чемъ будетъ объяснено подробно далѣе.

Б. Народные обычаи, совершаемые при свадьбѣ суть слѣдующіе: въ субботу, предшествующую дню вѣчанія ⁽²⁸⁾, женихъ приглашается утромъ въ синагогу къ чтенію пѣтикнижія (aufgufen), а пришедши изъ синагоги принимаетъ поздравленія друзей и подчуетъ ихъ, смотря по состоянію. Вечеромъ той субботы замужнія женщины и дѣвушки собираются къ невѣстѣ; музыка играетъ извѣстныя пѣсы (зеширость), весельчакъ (бадхенъ) импровизируетъ вслухъ стихи на разговорномъ еврейскомъ языкѣ, каждая женщина танцуетъ съ невѣстой, послѣ чего слѣдуютъ общія пляски и веселье. Вечеромъ, наканунѣ дня вѣчанія, женщины, ближе знакомыя невѣстѣ, провожаютъ ее въ баню, гдѣ она должна обмыться въ теплой купальнѣ (миква) и наставляютъ ее въ правилахъ сего очищенія, которое она должна исполнять почти каждый мѣсяцъ, спустя 7 дней послѣ прекращенія мѣсячнаго очищенія, иначе въ продолженіи этого времени мужъ не долженъ касаться до нея.

⁽²⁸⁾ Относительно обрученія можно только замѣтить, что большею частію оно совершается по обоюдному согласію однихъ родителей обѣихъ сторонъ, самые же молодые обрученные, мало въ этомъ участвуютъ, иногда до свадьбы не зная другъ друга. Сочетаніемъ этимъ занимается особое сословіе *мужчины-сваты* (шадхонимъ), которые ведутъ списки всѣмъ юношамъ и молодымъ дѣвкамъ, дѣлаютъ родителямъ предложеніе, соглашаютъ ихъ насчетъ условій, на выдѣлъ приданаго и проч., получая за то положенное вознагражденіе (шадхонесь). Когда родители обѣихъ сторонъ согласны, то общественный писарь пишетъ на еврейскомъ языкѣ актъ съ поясненіемъ условій (тшонитъ), собираются родственники и знакомые, старшій прочитываетъ актъ вслухъ, по окончаніи ломаютъ какую-нибудь глиняную посуду, присутствующіе поздравляютъ родителей и жениха, (невѣста рѣдко присутствуетъ при этомъ). Потомъ подчуютъ гостей обычнымъ порядкомъ, но безъ особенныхъ торжествъ и молитвъ.

Въ день вѣнчанія женщины собираются на квартиру невѣсты, съ которой и танцуютъ по очереди, та же музыка и тѣ же стихи, какъ на исходѣ субботы, но стихи теперь бываютъ направлены болѣе къ моральной цѣли, какъ то: къ оставленію родителей, къ супружескимъ обязанностямъ и проч., отъ чего обыкновенно слушательницы трогаются до слезъ; за тѣмъ невѣсту усаживаютъ посреди комнаты и дожидаются прибытія жениха, къ которому въ то время собираются мушеры, а весельчакъ съ музыкою приноситъ подарки отъ невѣсты. Эти подарки состоятъ изъ: а) шерстянаго покрывала съ синими полосами (талісъ), которое Еврей надѣваетъ на себя во время утренней молитвы и б) смертной рубашки (китель), которую надѣваютъ только въ день отпущенія грѣховъ и пасхи, и въ которой хоронятъ умершихъ. При передачѣ этихъ подарковъ весельчакъ тоже рѣжетъ свои моральные стихи, потомъ женихъ отправляется съ гостями на квартиру невѣсты. Пришедши туда и найдя невѣсту сидящею среди комнаты, онъ закрываетъ лице ея бѣлой тканью, присутствующіе при томъ старики осыпаютъ новобрачныхъ горстью хмѣля или овса, произнося „да умножитесь тысячами и миріадами“.

Дружки (²⁹) жениха или шафера надѣваютъ ему китель, зажигаютъ два факела, весельчакъ выкликаетъ по очереди родителей и старшихъ родственниковъ обѣихъ сторонъ для подачи благословенія, каждый приглашенный возлагаетъ руки на голову жениха и невѣсты, благословляетъ ихъ по установленной формулѣ и за тѣмъ всѣ отправляются къ мѣсту вѣнчанія (³⁰). Возвратясь оттуда женихъ съ невѣстою, постившіеся

(²⁹) Въ дружки жениху и невѣстѣ назначаютъ не болѣе какъ двѣ четы (Unterführer), которые должны быть непременно первобрачные; изъ нихъ мужья бываютъ шаферами, а жены ихъ подругами

(³⁰) Настоящій актъ вѣнчанія состоитъ въ слѣдующемъ: жениха ставятъ подъ балдахинъ (хупа), выставленный подъ открытымъ небомъ близъ синагоги, родители невѣсты вѣстѣ съ нею и съ шаферами обходятъ 7 разъ вокругъ жениха. Во время этого обхода канторъ поетъ

въ тотъ день съ самаго утра, ѣдятъ съ одного блюда подкрѣпительный бундюнъ, называемый „золотой сунъ“. Для гостей готовится пиръ, по окончаніи котораго каждый подноситъ новобрачнымъ какой либо подарокъ и эти подарки возглашаются весельчакомъ съ разными прибаутками и остротами. По окончаніи свадебнаго пира повторяютъ тѣ же 7 благословеній (шева брахось), кои произносятъ при вѣчаніи на бокаль съ виномъ, изъ котораго пьютъ женихъ и невѣста, потомъ невѣсту усаживаютъ посреди комнаты и почетные гости танцуютъ съ нею по очереди (это называется „кошеръ танць“, ибо оны совершается только тогда, когда невѣста чиста, а если она, ниѣвъ очищеніе, не успѣла выполнить установленный послѣ того обрядъ, то весь этотъ актъ не допускается, ибо по закону Моисееву женихъ не можетъ дотрогиваться до нея до совершеннаго очищенія), потомъ подружки невѣсты отводятъ ее до брачной комнаты, а женихъ остается съ гостями, пляшущими и возглашающими стихи свящ. нис., пока подружки не возвратятся отъ невѣсты, послѣ чего шафера жениха провожаютъ и его такимъ же порядкомъ въ супружескую опочивальню ⁽³¹⁾. Нужно

старинные гимны. Послѣ сего раввинъ читаетъ молитвы, держа въ рукахъ бокаль съ виномъ, съ пивомъ или медомъ, изъ котораго даетъ вкусить жениху и невѣстѣ, женихъ надѣваетъ невѣстѣ кольцо на указательный палецъ правой руки, произнося „этимъ кольцомъ ты вступаешь со мной въ супружество, согласно закону Моисея и Израила“. Раввинъ громогласно прочитываетъ составленную на халдейскомъ языкѣ брачную запись (кесуба), потомъ произноситъ 7 благословеній, держа въ рукахъ бокаль, изъ котораго вновь пьютъ женихъ и невѣста, а бокаль разбиваютъ, дабы тѣмъ напомнить, что мы всѣ созданы изъ персти. Чтеніе молитвы предъ вѣчаніемъ и записи (сидуръ ведушинъ) и благословенія послѣ онаго (шева брахось) можетъ совершить и не раввинъ, а только въ присутствіи 10 взрослыхъ Евреевъ (Рувъ, IV, 2).

⁽³¹⁾ Едва ли нужно замѣчать, что у Евреевъ дѣвица, несохранившая девственность свою (басуинимъ), оставляетъ весьма рѣдкое исключеніе, потому что цѣломудріе есть главная ихъ нравственная черта. Впрочемъ, ближайшія родственницы старухи тщательно стараются убѣдиться въ

забѣтнть, что у Евреевъ женщины не пляшутъ съ мужчинами, а каждый полъ пляшетъ отдѣльно. Впрочемъ этотъ восточный обычай исчезаетъ мало по малу, но я говорю объ насѣ, а не объ исключеніяхъ.

На другой день подружки убираютъ голову невесты уже не по дѣвчьи, а по замужней модѣ, за тѣмъ повторяется ниръ, цмиси и проч. Въ первую субботу воста свадьбы, женщины-завсгонки собираются къ невестѣ и провожаютъ ее первый разъ въ синагогу (ибо дѣвушки не посѣщаютъ синагоги у Евреевъ, хотя были бы довольно взрослые), поздравляютъ ее слова и, пришедши домой, угощаютъ. Все это, впрочемъ, проеиходитъ только когда замужъ выходитъ дѣвица, если же невеста вдова или разведенная, то кромѣ подлиннаго акта вѣчанія никакой церемоніи не соблюдается и даже вся свадьба совершается безъ музыки.

В. Когда Еврей опасно боленъ, тогда раввинъ или другой вліятельный Еврей напоминаетъ больному о необходимости сдѣлать послѣднее распоряженіе—завѣщаніе (цавоа) и прочесть исповѣдь (видуй) ⁽³²⁾. Когда приближается послѣдняя минута и больной находится уже въ безпамятствѣ, тогда окружающіе зажигаютъ свѣчи и громко читаютъ приличныя на сей случай стихи изъ свят. пис. Когда миновались всѣ припадки агоніи и въ больномъ уже не замѣтно никакого движенія, тогда кла-

томъ на другой день послѣ перваго соединенія. Когда же по какому нибудь особенному случаю дитѣ-дѣвочкѣ приключится маточный недугъ, какъ то по ушибу, внезапному паденію, прыганью, испугу и т. д., то это объявляется раввину, который вписываетъ это обстоятельство въ особую книгу (пникесь), что такого то числа, по такой то причинѣ, у такой то, случилось то-то (жукась-эцъ), дабы на случай женщины ея потомъ женшности не подозревалось-бы ея поведеніе, ибо малѣйшее въ томъ сомнѣніе клеймитъ женщину вѣчнымъ позоромъ.

⁽³²⁾ При опасныхъ болѣзняхъ народъ прибѣгаетъ иногда къ странному средству, именно — нарицаютъ больному другое имя (мешане га-шемъ) по предубѣжденію, что это можетъ переменить его судьбу. Это впрочемъ самый древній обычай, доходящій до временъ талмуда.

дутъ перышко на губы мертваго и если оно не шевелится, то принимаютъ за знакъ, что дыханіе уже совершенно прекратилось и тогда спустя нѣсколько времени снимаютъ тѣло съ постели, раздѣваютъ его совершенно, стелютъ на полъ солону и кладутъ тѣло лицомъ къ верху, выпрямивъ пальцы рукъ и, сложивъ вѣки, закрываютъ покойника чернымъ платьемъ и ставятъ свѣчу въ изголовье; плачущая семья окружаетъ трупъ, а въ сосѣднихъ домахъ выливаютъ воду, дабы тѣмъ извѣстить, что въ близости есть покойникъ.

Похоронами же занимаются члены братства погребателей, существующаго въ каждомъ обществѣ, и называемаго «святымъ братствомъ (хебра кадisha)», потому что на членахъ его лежитъ священная обязанность печенсь о похоронахъ мертвыхъ тѣлъ какъ богатѣйшаго, такъ и самаго бѣднаго Еврея, безъ малѣйшаго различія (какъ пояснено будетъ въ ст. *общественную быта*)

Члены этого братства являютя немедленно по полученіи извѣстія о смерти какого-либо Еврея, поднимаютъ мертвое тѣло съ полу, кладутъ его на скамейку и омываютъ его теплою водою (тагра); когда тѣло уже совершенно чисто, они ставятъ его на ноги, при чемъ три погребателя окачиваютъ покойника чистою водою, произнося тоекратно *тогоръ, тогоръ, тогоръ*, т. е. чистъ, чистъ, чистъ, потомъ одѣваютъ трупъ въ смертную одежду (тахрихинъ) слѣдующимъ порядкомъ: а) рубашку съ длинными рукавами, зашитыми по оконечностямъ наглухо; б) весьма длинныя брюки, также зашитыя внизу на глухо, такъ что руки и ноги остаются совершенно покрытыми; в) на это надѣваютъ саванъ или упомянутый выше китель (получаемый обыкновенно въ подарокъ отъ невесты въ день свадьбы и носимый въ день отпущенія грѣховъ; но если такого у умершаго нѣтъ, а также для женщинъ, то шьютъ нарочно); этотъ китель есть ничто иное, какъ длинная рубашка съ широкими рукавами и воротникомъ; г) эта рубашка опоясывается холстянымъ пояскомъ съ узломъ впереди; д) на мужчинъ надѣваютъ шерстяное

покрывало съ синими полосами (тагисъ), въ которое ежедневно молятся утромъ; е) длинный колпакъ, сшитый тоже изъ холста. Послѣ всего этого закутываютъ покойника въ большое полотняное покрывало, кончики котораго завязываются сверху и снизу, и развязываются только послѣ положенія въ гробъ.

Примѣчаніе 1. Эти тахрихинъ должны быть непремѣнно изъ бѣлаго холста, какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго; различіе можетъ быть только въ добротѣ холста, его толщины и бѣлизнѣ, но смертныя одежды изъ другой матеріи отнюдь не допускаются.

Примѣчаніе 2. Омываніе (тагра) и одѣваніе тѣла мертвыхъ женскаго пола исполняется женщинами, а братство приступаетъ къ похоронамъ тогда уже, когда тѣло совершенно приготовлено (33).

Изъ дома до кладбища возятъ тѣло на лошадяхъ; но особеннымъ почетомъ считается у Евреевъ ношеніе тѣла четырьмя Евреями на носилкахъ (мита) на плечахъ, и это исполняется въ нѣкоторыхъ еврейскихъ обществахъ, въ мѣстечкахъ, населенныхъ большинствомъ Евреевъ (34). На кладбищѣ вырывается могила, въ нее ставятъ нижнюю часть гроба или просто выстилаютъ ее досками. Тѣло опускается двумя членами братства въ гробъ; за тѣмъ развязываютъ саванъ, накрываютъ гробъ крышкою или просто досками и засыпаютъ землею. Какъ по окончаніи похоронъ, такъ и послѣ омыванія, одинъ изъ членовъ

(33) Во время омыванія (тагра) родные умершаго, дѣйствительно горящія, раздираютъ отворотъ верхняго платья, покрывающаго грудь, вершка на два, носятъ это платье и не зашивають до окончанія дня гореванія. Такой обычай называется „криа“ и имѣетъ основаніе въ св. писаніи.

(34) Въ мѣстахъ, гдѣ возятъ тѣло умершихъ на лошадяхъ, тамъ обряды очищенія и одѣванія совершаются не въ домахъ, а въ особенной комнатѣ, устроенной для сей цѣли на кладбищѣ (тагара штубъ), такъ какъ послѣ исполненія сихъ обрядовъ уже нельзя возить на лошадяхъ, а нужно непремѣнно носить на носилкахъ на плечахъ.

братства испрашиваетъ у умершаго прощенья, какъ отъ имени братства, такъ и отъ имени родственниковъ и знакомыхъ, на случай, если, по невѣдѣнію, не исполнены при погребеніи всѣ требованія, соответственныя его чести (жехила); за тѣмъ читаютъ молитвы (цидукъ гадинъ), утѣшаютъ горюющихъ, проведываютъ ихъ до дома, гдѣ они должны босикомъ просидѣть 7 дней гореванія, на посланномъ на землѣ тофакѣ или низенькой скамейкѣ. Горющіе въ этотъ промежутокъ времени занимаютъ исключительно молитвою, чтеніемъ библіи, именно: книги Іова, Іереміи и другихъ печальныхъ стиховъ.

Во всѣ дни гореванія, сосѣди, пріятели и родственники посѣщаютъ горюющихъ и утѣшаютъ ихъ (нихушъ авелимъ); первый обѣдъ послѣ похоронъ приносятъ имъ сосѣди (гавраа).

Горевать должны только самые близкіе родные, именно: сынъ, дочь, отецъ, мать, братъ, сестра и супругъ, дальніе родственники не горюютъ. Въ день исполненія года послѣ смерти родителей, наследники постятся (если здоровье имъ позволяетъ), зажигаютъ свѣчу въ синагогѣ, молятся при кивотѣ, читаютъ установленную молитву (кадинъ) ⁽⁸⁵⁾, посѣщаютъ кладбище, раздаютъ милостыню по состоянію для спасенія души умершаго, и это повторяется ими ежегодно (Jahrzeit) до самой ихъ смерти.

Г. Изложивъ обряды и обычаи, соблюдаемые Евреями при 3-хъ главныхъ эпохахъ жизни человѣка, именно: рожденія, бракосочетанія и похоронахъ, рѣшившись при томъ не касаться обрядовъ, собственно синагогѣ принадлежащихъ, мнѣ остается очень мало прибавить по этому параграфу программы, потому что при вступленіи въ возмужалость у Евреевъ никакихъ народныхъ ⁽⁸⁶⁾ обрядовъ не существуетъ; полевыми работами

⁽⁸⁵⁾ Эту молитву читаютъ сыновья умершаго въ теченіи цѣлаго перваго года по окончаніи общественной молитвы въ синагогѣ, но потомъ только одинъ разъ въ годъ.

⁽⁸⁶⁾ Есть впрочемъ одианъ религіозный, именно: пока мальчикъ не достигнетъ полныхъ 13 лѣтъ, отвѣтственность предъ Богомъ за всѣ

Еврейскъ только еще не давно дозволено заниматься, такъ что никакіе обычаи не успѣли еще образоваться у нихъ въ этой сферѣ, но этому къ вышеизложенному можно добавить только слѣдующее:

1. Для пожарныхъ случаевъ существуютъ у Евреевъ ирѣдко шариатаны, которые употребляютъ разныя мистическія средства для спасенія отъ пламени, какъ-то: напечатываніе на булку хлѣба, или начертаніе неизвѣстныхъ словъ и знаковъ на клочкахъ бумаги, которые предвѣщаются для бросанія въ пламя; но подобныя негѣности конечно не много помогаютъ погашенію безъ прибавки къ тому порядочнаго количества воды и дѣятельности народа, распорядкающагося въ семъ случаѣ съ особенною проворностью; но этому, практическому уму Евреевъ упомянутое шарлатанство не соответствуетъ и они мало допускаютъ оное.

2. При неуродахъ, происходящихъ отъ слишкомъ нелаго или слишкомъ большого дождя, установлены у Евреевъ осо-

поступки его падаетъ на отца, такъ какъ, по преданію, до сего возраста у мальчика есть только склонность ко злу (ецерь га-ра), которую отецъ долженъ устранить посредствомъ воспитанія; съ того-же возраста у мальчика является склонность къ добру (ецерь-товъ) и тогда онъ самъ уже несетъ отвѣтственность предъ Богомъ за свои поступки. Вѣсть съ тѣмъ мальчикъ начинаетъ повзывать во время утренней молитвы на голову и лѣвую руку *шефалим* и уже называется *баръ мицеа*, т. е. исполнитель заповѣдей и обязанъ уже поститься въ постные дни. Его вызываютъ въ синагогѣ къ чтенію пятикнижія, и отецъ произноситъ благословіе Богу, освободившему его отъ отвѣтственности за поступки сына. Богатые люди заготовляютъ въ день такого совершеннолѣтія своего дитяти пиръ для знакомыхъ. Дѣвнцы считаются, по преданію, совершеннолѣтними по достиженіи полныхъ 12 лѣтъ, но при этомъ никакихъ торжествъ не бываетъ. На мальчиковъ же это торжество производитъ часто весьма благодѣтельное вліяніе. Бываютъ мальчики шулуны, которые съ того дня начинаютъ въ самомъ дѣлѣ остепениться. Въ Германіи Евреи, подражая лютеранамъ, confirмуютъ мальчика въ тотъ день, а дѣвнцы—по вступленіи въ возмужалость.

башныя молитвы; въ древности даже назначены были въ этихъ случаяхъ посты съ особенными обрядами, что впрочемъ нынѣ не соблюдается, — при томъ это принадлежитъ къ разряду обрядовъ синагоги, которымъ мы здѣсь не занимаемся.

3. Моровыя-же язвы, а въ особенности дѣтская эпидемія, но вѣрованію народа, суть кары Божіи за нравственныя преступленія, особенно въ отношеніи цѣломудрія. По этому, когда являются слѣды эпидеміи, особенно дѣтской, тогда въ болѣе набожныхъ обществахъ, по распоряженію раввина, виѣняется каждому Еврею въ обязанность — донести обо всемъ томъ, что ему извѣстно о сказанныхъ преступленіяхъ, не щадя ни сосяда, ни пріятеля, ни родственника. И такъ какъ извѣстно, что „гдѣ люди, тамъ и страсти“, то, при всей чистотѣ нравовъ Евреевъ въ этомъ отношеніи, не безъ того, чтобы въ многолюдномъ обществѣ не открылось слѣдовъ какого-либо грѣшника; въ такомъ случаѣ начинаются дознанія и развѣдыванія, потому что одному голословному донесенію не вѣрятъ и когда дѣло обнаружится вполне, тогда раввинъ виѣсть съ особымъ комитетомъ, состоящимъ изъ 18 вліятельныхъ лицъ въ обществѣ (хай-анашимъ), старается помочь этой бѣдѣ, напр. убѣждаетъ мужа развестись съ распутною женою, отца — строже наблюдать за своею подозрительною дочерью, распутнаго мушину убѣждаетъ покаяться и проч. Это непременно продолжается нѣсколько времени, а между тѣмъ эпидемія прекращается и у народа утверждается убѣжденіе, что гнѣвъ Божій уже прошелъ, потому что зло искоренено; причина удалена и послѣдствія прекращены.

Этотъ предразсудокъ имѣетъ впрочемъ весьма благотворное вліяніе на нравственность народа, такъ что можно положительно удостовѣрить, что въ отношеніи цѣломудрія и чистоты супружеской жизни Евреи превосходятъ всѣхъ извѣстныхъ намъ націй.

Въ прежнія времена раввины бывало и наказывали за преступленія противъ цѣломудрія. Наказанія эти впрочемъ были ни денежныя, ни тѣлесныя, — они состояли въ публичномъ посрам-

леніи преступника. Бывало надѣнуть на голову преступной женщины уборъ изъ перьевъ и служитель синагоги водить ее по всѣмъ улицамъ, а толпа съ презрѣніемъ смотритъ на обличенную грѣшницу. Преступника же мужчину ставили на скамейку въ школьномъ дворѣ и заставляли его громогласно исповѣдываться въ своемъ преступленіи при стеченіи публики, или привязывали его цѣпью въ углу прихожей синагоги, пока весь народъ не выйдетъ изъ школы и не наглядится на его съ презрѣніемъ,—но все это уничтожилось съ того времени, какъ правительство признало полезнымъ прекратить авторитетъ недовольно образованныхъ раввиновъ и ихъ самовластные дѣйствія, по этому нынѣ употребляются ими одни мѣры убѣжденія, которыя впрочемъ тоже довольно благодѣтельно дѣйствуютъ на нравственность народа.

4. При прочихъ же болѣзняхъ народъ руководствуется тѣми же домашними средствами, которыя употребляются въ томъ или другомъ краѣ ихъ осѣдлости. Они лечатся какъ у своихъ шарлатановъ цирюльниковъ, такъ и у старыхъ бабъ, у татаръ, а также имѣютъ своихъ заговаривателей-шарлатановъ (бааль-шемъ), которые, по ихъ мнѣнію, отличаются однакожъ отъ колдуновъ-не-Евреевъ тѣмъ, что послѣдніе дѣйствуютъ силою нечистыхъ духовъ, а первые—силою чистыхъ духовъ. Такихъ заговаривателей впрочемъ весьма не много, ибо сами раввины не поощряютъ ихъ, потому что сущность Моисеева закона, какъ выше изъяснено, догматически запрещая сіе, предписываетъ лечиться у опытныхъ врачей, пользующихъ силою природы, а не сверхъ-естественною силою. Приверженцы мистическаго ученія хотя болѣе благосклонны ко всему сверхъ-естественному, но однако тоже мало поощряютъ заговаривателей и чудотворцевъ, подозрѣвая, что они не могутъ дѣйствовать иначе, какъ призывая въ помощь нечистыхъ духовъ, что, по ихъ мнѣнію, весьма губительно для души больного; по этому они требуютъ отъ бааль-шема, чтобы онъ былъ человекъ въ высшей степени благочестивый, нравственный и проч., что рѣдко мо-

жетъ случиться. Въ болѣзняхъ психическихъ и нервныхъ, какъ-то: въ сумасшествіи, падучей болѣзни, спазмахъ, дѣтскихъ конвульсіяхъ и т. п., рѣдко Евреи обходятся безъ татарина, колдуна или бааль-шема, послѣдніе, тоже какъ первые, прибѣгаютъ къ куренію разными травами, нашептываютъ, чертятъ круги, приносятъ тихой воды и проч.; у нихъ тоже играетъ не малую роль и луна, и пѣтухъ, и подобное этому шарлатанство; если же больной случайно выздоравливаетъ, тогда извѣстность шарлатана распространяется, и никакой раввинъ уже не въ силахъ противустать его вліянію.

Заговоры употребляются особенно при зубной боли, лихорадкѣ и такъ называемомъ худомъ глазъ или наглядкѣ (айнъ-га-ра, Bese-Auge). Противъ этихъ болѣзней почти каждая старуха знаетъ какой либо заговоръ, особенно противъ послѣдней, которая часто случается у дѣтей: ребенокъ не много простудился, испортилъ желудокъ или т. п.—это значить, что сосѣдка съ худымъ глазомъ на него посмотрѣла, тогда берутъ колпачекъ ребенка или рубашку, и баба, или мущина-знахарь, нашептываетъ на нихъ; если знахарь зѣваетъ во время нашептыванія, то это знакъ, что болѣзнь пройдетъ;—но когда эти люди не зѣваютъ?... Между тѣмъ ребенокъ проспится въ нашептанномъ колпачкѣ или рубашкѣ, выздоровѣетъ и сила заговора утверждается. Впрочемъ, ребенка берегутъ отъ глаза сосѣдки во всякое время; если онъ красавецъ, нарочно называютъ его —мой арабъ, т. е. черный, дабы не навлечь на него худые глаза, ибо прозвище имѣетъ, по мнѣнію народа, вліяніе на положеніе ребенка; если у кого-нибудь дѣти умираютъ рано, не достигая возраста полнаго развитія, то при рожденіи младенца называютъ его старикомъ или старухою, alter или alte ⁽³⁷⁾; а также обра-

⁽³⁷⁾ Дѣтямъ также навѣшиваютъ разные амулеты, какъ-то: изображеніе еврейской буквы њ (изъ имени Егвы) на серебряной бляшкѣ, раковины, ругъ въ футлярчикѣ, ташеманъ въ кругломъ футлярчикѣ (мезузе), а для ускоренія прорѣзанія зубовъ носятъ волчій зубъ, оправленный въ серебро съ тѣмъ, чтобы дѣти, гуляя, терли имъ десна,—чѣмъ ускоряется прорѣзаніе зубовъ.

щаются въ подобныхъ случаяхъ къ чудотворцамъ (бааль-шеиъ), которые имѣютъ своего рода средства къ продолженію жизни будущихъ дѣтей.

Когда женщина совсѣмъ не родить дѣтей, то бабы увѣряютъ, что есть такое растеніе, корень котораго имѣетъ человѣческую фигуру и что употребляя оный женщина станетъ рождать; впрочемъ объ этомъ упомянуто въ древнихъ еврейскихъ книгахъ и по мнѣнію одного толкователя такое растеніе выпросила наша прабабушка Рахиль у сестры своей Лии, дабы родить дѣтей отъ праотца Іакова. Я зналъ одну бабу, которая увѣряла, что нашла этотъ корень; но не смотря на то, что я ей предлагалъ деньги за то только, чтобы она мнѣ его показала, я не могъ убѣдить ее исполнить мою просьбу.

З А Н Я Т І Я .

5. Общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ народовъ признано, что главное занятіе Евреевъ—торговля. Этого нельзя и отрицать, потому что эти древніе сосѣди изобрѣтателей торговли—Финикіянъ, обречены были судьбою много вѣковъ сряду на отсутствіе постоянной осѣдлости, а временная осѣдлость всегда не могла быть не сопряжена съ разными ограниченіями въ ихъ занятіяхъ, почему и принуждены они были поддерживать себя въ различныхъ странахъ искусственными средствами, торговлею и всего чаще мелочною, удовлетворяющею потребностямъ туземныхъ жителей и доставляющею надлежащій барышъ продавцамъ, а не естественными способами существованія, каковы напр. земледѣліе и т. п. промыслы, изъ которыхъ многіе были имъ запрещены. Принимая при томъ въ соображеніе, съ одной стороны, врожденную дѣятельность Евреевъ (въ лѣни никто ихъ не упрекнетъ), а съ другой—слабость ихъ физическихъ силъ, происходящую отъ скудости ихъ быта, должно согласиться, что дѣйствительно одна торговля соотвѣтствовала ихъ положенію, хотя между ними находилось всегда значительное количество и ученыхъ, даже художниковъ, ремесленниковъ, рабо-

чихъ и проч. Вотъ порядокъ настоящаго существованія Евреевъ.

Почти всякій Еврей готовится первоначально, такъ сказать, къ богословскому поприщу, которое ему однакожъ бываетъ полезно только въ случаѣ неудачи въ торговыхъ предпріятіяхъ. Приобрѣта обычное духовное воспитаніе, женившись и получивъ отъ родителей сколько-нибудь капитала, онъ предпринимаетъ какое-либо торговое дѣло; если счастье ему повезетъ, тогда онъ преобразуется въ свѣтскаго человѣка, карьеру котораго предпочитаетъ большинство потому, что въ ней открывается бѣльшій просторъ. Если же Еврей встрѣтитъ здѣсь неудачу, то обращается къ извлеченію средствъ къ обиходной скудной жизни, изъ тѣхъ источниковъ, на которые жертвовалъ своею молодостію, т. е. становится раввиномъ, учителемъ или т. п. Только тогда, когда отецъ совершенно не въ состояніи дать сыну надлежащее воспитаніе, и притомъ въ юности не оказывается достаточныхъ способностей къ умственному развитію, отдаетъ онъ его къ ремесленнику въ услуженіе, или въ науку. Тѣ Евреи, которые не успѣютъ уже и на этомъ поприщѣ, переходятъ въ извозчики, чернорабочіе и наконецъ въ нищіе. Эти послѣдніе, отличающіеся иногда здоровьемъ и молодостію, достойны презрѣнія всякаго здравомыслящаго человѣка, какъ тунеядцы, живущіе на счетъ другихъ, бываютъ поощряемы впрочемъ къ этому своими соотечественниками, такъ какъ милостыня есть первый религиозный долгъ у Евреевъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что занятія Евреевъ заключаются въ слѣдующемъ:

1. *Торговля*, подраздѣляющаяся на два разряда, именно: а) *значительная*, къ представителямъ которой принадлежатъ банкиры, фабриканты, подрядчики по казеннымъ подрядамъ, поставкамъ и постройкамъ, содержатели разныхъ откуповъ, оброчныхъ статей, почтовыхъ станцій и т. п., а также Евреи, ведущіе оптовую и розничную торговлю какъ сырыми продуктами—колоніальнымъ и пушнымъ товаромъ, лѣсомъ, разнаго

рода хлѣбомъ, пенькою, льномъ, желѣзомъ и кожею, такъ и мануфактурными произведеніями, краснымъ товаромъ внутренней и заграничной фабрикаціи, галантерейнымъ или т. п., и б) *мелкая*, къ которой принадлежатъ мелочные лавочники, мѣнялы, разношники, перекупщики, шинкари и проч.

2. *Ремесла*, подраздѣляющіяся на три разряда, именно: а) *мастерства художественныя*, какъ-то: мастера часовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, рѣзчики печатей, бриліантщики и проч. (живопись у Евреевъ не развита, хотя у многихъ юншей оказываются способности къ ней; но не предвидя для себя отъ этого существенной пользы, они не стараются усовершенствоваться въ оной); этии ремеслами занимаются лица семействъ, пользующихся уваженіемъ въ обществѣ; б) *ремесла въ тѣсномъ смыслѣ*, сюда относятся: портные, шапочники наиболѣе искусные, (сапожниковъ у евреевъ не много), красильщики, столяры, котельщики, кузнецы, бахромщики и проч.; этии ремеслами занимаются люди низшей степени образованія и наконецъ в) *промыслы*, сюда относятся печники, плотники, мостовщики, извозчики и подобные имъ; это занятіе самыхъ простыхъ Евреевъ, не пользующихся уваженіемъ въ обществѣ, но въ сущности достойныхъ уваженія и поощренія болѣе, чѣмъ ремесленники второй степени, потому что большею частію превосходятъ ихъ въ нравственности.

3. *Духовная профессія*,—сюда принадлежатъ раввины, проповѣдники, (магидъ), канторы (хазанъ), писцы пятикнижія и тефиллнъ (соферъ), рѣзники скота (шохетъ) и наконецъ домашніе учителя (меламды), коихъ доннынѣ было множество въ каждомъ обществѣ потому, что казенныя училища еще для Евреевъ не были устроены, а каждый зажиточный отецъ бралъ къ себѣ на домъ такого педагога для воспитанія своихъ дѣтей; посредственные же хозяева отдавали дѣтей своихъ въ мелкія школы, такъ называемыя *хедаримъ*, въ которыхъ обучались однакожь не болѣе 4—5 мальчиковъ.

4. *Частная служба*, раздѣляющаяся тоже на два разря-

да, именно, къ *первому разряду* относятся: управляющіе и повѣренные по откупамъ, подрядамъ, фабрикамъ или оптовой торговлѣ. Эти люди получаютъ обыкновенно порядочное жалованье и живутъ иногда спокойнѣе своихъ хозяевъ, но за то они служатъ имъ вѣрно, такъ что едва ли случилось когда, чтобы кто либо изъ таковыхъ употреблялъ во зло довѣріе своего вѣрителя; *ко второму же* принадлежатъ: прикащики при подрядныхъ и оптовыхъ торговыхъ дѣлахъ, а также въ лавкахъ; сюда можно причислить особую касту, именуемую въ другихъ краяхъ Европы комиссіонерами, конлакеями и цистеронами, но у насъ получившую названіе *факторовъ*, названіе, имѣющее въ латинскомъ смыслѣ почетное значеніе, но относительно Евреевъ одѣлавшееся презрительнымъ, потому что тѣ лица, которымъ эти факторы услуживаютъ, позволяютъ себѣ употреблять ихъ для самыхъ унижительныхъ порученій, а иногда заставляють этихъ бѣдныхъ людей соглашаться на всѣ требованія своихъ минутныхъ господъ, дѣлаться орудіемъ всякой низости и навлекать на себя потомъ презрѣніе отъ того самаго лица, которое довело ихъ до того. Конечно, большая часть этихъ людей, привыкшихъ къ случайному, а не къ постоянному труду, подвергаются преимущественно нравственной порчѣ; но и между ними находятся такіе, которые совсѣмъ не такъ дурны, какъ вообще думаютъ.

и 5. *Рабочіе*, — къ этой категоріи принадлежатъ: ученики, помощники и подмастерья разныхъ ремесленниковъ, работающихъ на фабрикахъ (³⁸), служители домохозяевъ, лакеи, ку-

(³⁸) Кроме многихъ суконныхъ, бумажныхъ и галантерейныхъ фабрикъ еврейскихъ въ губерніяхъ Гродненской, Ковенской и другихъ, существуетъ у Евреевъ одно особенное фабричное производство, именно шерстяныя покрывала (талісы), носимыя Евреями во время утренней молитвы, должны заготовляться исключительно на еврейскихъ фабрикахъ. Въ талісы находится отъ 7 до 9 квад. аршинъ бѣлой шерстяной матеріи; это одѣяніе продается, смотря по качеству шерсти, добротѣ работы и краскамъ боковыхъ снѣжкхъ полосокъ, отъ 3 до 20 р. сер. Въ нѣкоторыхъ

чера и проч., и наконец *подемыки*, какъ-то: носильщики, работающіе при портахъ, при постройкахъ и т. п. Эти люди, какъ по слабости силъ своихъ, такъ и по ограниченности нѣсть ихъ занятій, зарабатываютъ очень мало, и участь тѣхъ изъ Евреевъ этого класса, которые обременены семействами, не завидна; по этому многіе предпочитаютъ нищенство,—промыселъ, никогда не оставляющій ихъ безъ хлѣба: они отправляются десятками въ многолюдныя общества, и тамъ беспрепятственно пользуются милосердіемъ своихъ единовѣрцевъ, ихъ гостепріимствомъ и покровительствомъ.

Основаніе таковой вредной благотворительности заключается въ старинныхъ преданіяхъ о неприютномъ скитальчествѣ достойныхъ уваженія предковъ, изгнанныхъ изъ своихъ жилищъ капризомъ или фанатизмомъ властелиновъ прошедшихъ вѣковъ. Такіе скитальцы всего болѣе сострадательно принимаемы были своими собратьями, для нихъ заготовляемъ былъ въ каждомъ обществѣ пріютъ (гекдешъ) для ночлега, имъ выдаваемы были служителямъ синагоги билеты (плеть) къ зажиточнымъ Евреямъ—къ столу по субботнимъ и праздничнымъ днямъ, имъ были раздаваемы милостыни щедрою рукою. Но нынѣ пользуются такими благодѣтельными обычаями люди недостойные столь челоуѣколюбиваго обхожденія, употребляющіе во зло народное добродушіе.

Что же касается до занятій женскаго пола у Евреевъ, надо сознаться, что, въ отношенія дѣятельности, женщины, здѣсь, какъ и вездѣ, много отстаютъ отъ мужчинъ. Но большая часть изъ нихъ, начиная отъ женъ богатыхъ Евреевъ, составляющихъ, такъ сказать, аристократію, бываютъ хорошія хозяйки въ домашнемъ быту—повѣряютъ расходъ, смотрятъ за кухней, бываютъ членами благотворительныхъ обществъ, читаютъ мо-

мѣстностяхъ занимаются исключительно заготовленіемъ талисовъ, какъ напр. м. Дубровно, Оршанскаго уѣзда Могилевской губерніи, рассылающее свои произведенія по всѣмъ губерніямъ Россіи, и проч.

литвы и (исковерканный) переводъ библіи, и наблюдаютъ за нравственностію дѣтей. Занятіе же женъ самыхъ бѣдныхъ Евреевъ заключается лишь въ приготовленіи скуднаго кушанья и весьма недостаточномъ надзорѣ за дѣтьми. Рѣдко кто изъ нихъ пойдетъ въ услуженіе; не много бываетъ перекупщицъ, зарабатывающихъ съ капиталомъ въ 2—3 р. с. сколько нибудь для дневнаго пропитанія, а если для этого достаточно труда мужа, то на улучшеніе наряда, ибо ни одна Еврейка, хотя самая бѣдная, не рѣшится носить деревенскій крестьянскій костюмъ; холстъ и сукно для верхняго платья у Евреевъ вещь необычайная, онѣ больше употребляютъ бумажную или шерстяную матерію, весьма некрѣпкую для постоянного употребленія; вотъ причина, почему онѣ почти всегда одѣты въ локутъя, хуже нищихъ.

Только въ среднемъ классѣ женщины трудолюбивы и помогаютъ мужьямъ въ приобрѣтеніи способовъ жизни. Онѣ бываютъ и лавочницами, и мѣняльщицами, и торгуютъ въ корчмахъ и проч. Есть въ этомъ классѣ даже такія, которыя предоставляютъ мужу заниматься литературою, а сами принимаютъ на себя завѣдываніе торговлею. Такъ какъ Евреи положительно рассчитываютъ на щедрое вознагражденіе за занятіе литературою, особенно богословскою, на томъ свѣтѣ, то, въ случаѣ принятія женою на себя всѣхъ земныхъ хлопотъ, по убѣжденію народа, и ей приходится порядочная доля отъ сказаннаго вознагражденія (хелекъ-олемъ-габа, т. е. часть будущаго свѣта).

Дѣвушки бѣднаго сословія, когда родители не въ состояніи ихъ кормить, поступаютъ въ услуженіе къ болѣе зажиточнымъ или богатымъ Евреямъ, и тутъ онѣ выучиваются стряпать и убирать комнаты (прачки и даже швейки между ними весьма рѣдки); Еврейки-горничныя служатъ на хозяйскомъ хлѣбѣ и одеждѣ, а жалованье сберегаютъ на приданое, когда придетъ время выйти замужъ. Обзаведася бѣльемъ, постелью, кой-какою одеждою, однимъ по крайней мѣрѣ шелковымъ платьемъ, а также *талисомъ* для жениха, такая дѣвушка

тотчасъ выходитъ замужъ за бѣднака ремесленника или чернорабочаго, который, женись на ней, доставляетъ ей уже кусокъ хлѣба. Молодыя жены несостоятельныхъ Евреевъ, бывшія до свадьбы въ домѣ зажиточнаго хозяина и непривыкшія къ скудной жизни (39), идутъ въ кормилицы, когда собственныя дѣти ихъ умираютъ; даже случается, что если собственныя дѣти живы, то онѣ отдаютъ ихъ къ дешевой кормилицѣ на домъ, а сами все-таки идутъ въ богатые дома; но это дѣлается обыкновенно не для улучшенія быта мужа, а болшую частію для того, чтобы сытно ѣсть за столомъ зажиточнаго хозяина и поправить свой гардеробъ, ибо этотъ классъ Евреевъ не мѣнѣе прочихъ предавъ страсти роскошно наряжаться.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Праздниковъ народныхъ у Евреевъ не существуетъ. Всѣ ихъ праздники — заветные или историческіе. Къ *заветнымъ* принадлежатъ: суббота и три главные праздника: пасха, пятидесятница и скинопигія, а также новый годъ и день отпущенія грѣховъ; къ *историческимъ*: праздники Маккавеевъ (ханука) и Гамана (пурий); описаніе подробностей этихъ праздниковъ не относится къ настоящему труду, потому что до обрядовъ синагоги мы здѣсь не касаемся.

Приведемъ здѣсь одинъ праздникъ, хотя не періодическій, но народный, именно: каждый состоятельный Еврей обязанъ заказать для себя свертокъ пятикнижія, писанный на пергаментѣ, для чтенія въ синагогѣ (40).

(39) У Евреевъ находящіеся въ услуженіи люди почти всегда ѣдятъ съ одного стола съ хозяевами, а въ праздничные дни даже сидятъ за столомъ вмѣстѣ съ своими господами.

(40) Такой свертокъ нормальной величины бываетъ въ $\frac{3}{4}$ арш. и содержитъ въ себѣ 264 столбца древняго еврейскаго квадратнаго шрифта, стоитъ обыкновенно 100—150 р. с. и болѣе. Переписчики (соферы) исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, потому что смотрятъ на оное не какъ на ремесло, а какъ на священное занятіе. Особенно

Когда каллиграфъ (соферъ) кончатъ свою работу, то оставляютъ въ самомъ концѣ свертка нѣсколько строкъ недописанныхъ: хозяинъ свертка приглашаетъ къ себѣ въ означенный для сего день родственниковъ, друзей и знакомыхъ, предъ угонченіемъ каждый, кто умѣетъ, пишетъ одну букву въ концѣ свертка, а кто самъ не умѣетъ, то поручаетъ это соферу; при чемъ тѣ и другія жертвуютъ сколько-нибудь въ пользу каллиграфа. Женщины, приглашаемыя на этотъ праздникъ, пришиваютъ листы пергамента одинъ къ другому овечьими жилами. Когда все готово, обыкновенно къ вечеру, приносятъ изъ синагоги балдахинъ (хупа), подъ которымъ вѣнчаютъ новобрачныхъ, убираютъ новый свертокъ серебряною короною, надѣваютъ на него шелковый чеходъ и навѣшиваютъ разныя серебряныя украшенія; женщины берутъ въ руки зажженные свѣчи, а мужчины окружаютъ балдахинъ, и по вызову служителя синагоги (шамешъ) каждый по очереди беретъ на руки свертокъ; такимъ образомъ несутъ его съ музыкою изъ дома хозяина до синагоги, гдѣ въ это-же самое время уже всегда собирается толпа народу; почетнѣйшіе люди вынимаютъ изъ кивота стоящія тамъ свертки и выходятъ на встрѣчу къ новому. Хозяинъ вноситъ свертокъ въ синагогу, при чемъ канторъ поетъ псалмы, а народъ повторяетъ оныя обычнымъ образомъ; за тѣмъ хозяинъ вставляетъ свертки въ кивотъ, а канторъ произноситъ благословленіе. Синагога бываетъ всегда по этому случаю иллюми-

вниманіе обращаютъ на корректуру, по строгимъ масоретическимъ правиламъ, по которымъ вычислены всѣ слова, буквы, порядокъ строкъ и т. п. Корректоры эти (бааль-магіа) знаютъ всѣ правила наизусть и получаютъ за корректуру особенное вознагражденіе; вотъ причина почему оригиналъ св. писанія сохранился у Евреевъ десятки вѣковъ, не подвергшись опискамъ, опечаткамъ и вариантамъ. Листы пергамента (іеріоѳъ), содержащіе въ себѣ каждый по 4—5 столбца, пришиваются одинъ къ другому не нитками, а овечьими жилами (гидинъ); къ обоимъ концамъ прикрѣпляются палки, съ ручками внизу и головками сверху (эць-хаимъ), на эти то палки навертывается свертокъ съ обѣихъ сторонъ.

нована, подъ звуки музыки хорошіе знакомые провожаютъ хозяйна на домъ и заключаютъ тамъ этотъ праздникъ пиромъ.

Впрочемъ, этотъ праздникъ случается весьма рѣдко, потому что не всѣ Евреи въ состояніи заказать новый свертокъ и довольствуются общественнымъ; нѣкоторые хотя и заказываютъ, но вносятъ свой свертокъ въ синагогу тихо, безъ громкихъ церемоній, ибо самая торжественность въ семъ случаѣ не обязательна, а выражаетъ только національную привязанность къ божественной книгѣ.

Играми Евреи мало занимаются, такъ какъ любимое ихъ препровожденіе времени на досугъ есть чтеніе древнихъ *леендъ* (мидрашъ, эйнъ Іакобъ), въ которыхъ много поэзіи и общаній блестящей будущей жизни, утѣшающихъ хотя минутно исполненную горечи жизнь сыновъ Израиля. Однакожъ они любятъ иногда шашки, шахматы и даже нѣкоторыя невинныя игры карточными ⁽⁴¹⁾, отъ которыхъ впрочемъ никакъ нельзя разориться.

Что же касается до игръ еврейскихъ дѣтей, то онѣ болѣе или менѣе бываютъ умственные и гимнастическія. Играми этими онѣ забавляются особенно въ праздничные дни; нѣкоторыя изъ этихъ игръ замѣчательны древностію и упоминаются въ мишнѣ (кажъ-то игра *мичикомъ* и т. п.), прочія-же заимствованы у вѣнцевъ, какъ-то *жмурки* и т. д.

Пляски-же и хоробы у Евреевъ вещь рѣдкая, женщины пляснутъ только на свадьбахъ, а мужчины также въ послѣдній день праздника скинопигія (симхась-тора), иногда же и въ праздникъ *пуримъ*.

Къ пѣнію Евреи имѣютъ особенную склонность; многіе имѣютъ такой талантъ, что имъ стоитъ только внимательно послушать раза 2—3 какую либо піесу, чтобы пропѣть ее потомъ безъ малѣйшаго отступленія въ тонахъ. Бываютъ часто талант-

(41) Въ карты играютъ они обыкновенно только въ 8 праздничныхъ дней Маккавеевъ (*ханука*), приходящихся около декабря.

лвые канторы, которые, не зная ни одного музыкальнаго правила и не понимая значенія нотъ, сочиняють піесы довольно складныя и гармоническія. Пѣніе Евреевъ имѣетъ преимущественно характеръ то элегическій, то лирический, притѣняющійся особенно къ церковному пѣнію. Поютъ они въ субботу и праздничные дни за столомъ (земпроѣ) (42).

Музыка тоже любимый предметъ для Евреевъ. Въ каждомъ сколько нибудь значительномъ обществѣ есть оркестръ, состоящій изъ разныхъ инструментовъ, именно: скрипки, кларнета и контръбаса; къ нимъ прибавляются цимбалы, бубны (*türkische Pauke*) и проч. Музыканты эти называются *клезморимъ*; рѣдко кто изъ нихъ учится по правиламъ музыки; не зная ни одной ноты, они исполняютъ піесы съ самою гармоническою отчетливостію (43).

Играютъ они на свадьбахъ, а также въ синагогѣ при торжественномъ вношеніи новыхъ свертковъ пятикнижія (сіюмъ-тора), въ первую ночь ханука при зажиганіи свѣчей (пирсуме нисе) и проч.

О РАСХОДАХЪ.

Подробное описаніе матеріальныхъ средствъ еврейскаго народонаселенія въ разныхъ мѣстностяхъ надобно оставить мѣстнымъ корреспондентамъ, ибо обиходъ семейства Евреевъ, напр. въ Новороссійскомъ краѣ, не можетъ равняться съ таковымъ же въ Литвѣ, а Волынскаго — съ Курляндскимъ. Вообще можно

(42) Извѣстно, что Высочайшія особы иногда по любопытству приглашали Евреевъ пѣть *ма-іофисъ*, — одну изъ субботнихъ піесъ земпроѣ.

(43) Извѣстно какой шумъ надѣлалъ по всей Европѣ въ началѣ запрошлаго десятилѣтія изобрѣтатель деревяннаго инструмента *М. Гузмковъ*, уроженецъ м. Шклова, Могилевской губерніи, котораго я зналъ лично; могу засвидѣтельствовать, что кромѣ природной склонности къ музыкѣ, свойственной всѣмъ членамъ этой фамиліи уже въ 3-хъ поколѣніяхъ и практическаго упражненія въ ней на еврейскихъ свадьбахъ, онъ ничего теоретическаго о музыкѣ не зналъ.

только сказать, что податей и повинностей бѣдные семейства у Евреевъ почти не вносятъ сами, а платять за нихъ зажиточные ихъ собраты по раскладкѣ, такъ что одному состоятельному Еврею иногда придется платить за нѣсколько семействъ, особенно, когда состоятельный глава семейства имѣетъ дѣла въ отдаленныхъ отъ своего мѣстожительства краяхъ и принужденъ брать паспортъ; тогда паспортъ удерживается сборщикомъ податей въ городской душѣ до тѣхъ поръ, пока Еврей не заплатитъ всего того, что положено на него раскладчиками по расчету. Въ обществахъ же, гдѣ мало зажиточныхъ, а особенно отлучившихся по паспортамъ, тамъ, не смотря на всѣ усилія сборщиковъ, накаплиются недоимки, ибо ничего нельзя сдѣлать противъ бѣдности.

Насущнаго пропитанія еврейскому семейству нужно такъ мало, что если опредѣлить оное цифрою, то результатъ будетъ въ глазахъ читателя неимовѣрный. Можно ли напр. представить себѣ, что для семейства, состоящаго изъ 4—5 душъ: отца, матери и 2—3 дѣтей, кладется въ супъ $\frac{1}{4}$ фунта говядины и этотъ кусочекъ хозяйка разрѣзаетъ еще на маленькіе кусочки, раздавая его всѣмъ членамъ семейства? что въ субботу бѣдный Еврей варитъ на всю семью $\frac{1}{2}$ фунта мелкой плотвы? Что изъ фунта или двухъ пшеничной муки хозяйка печетъ 6 булокъ (халось) (на 3 обѣда, по 2 булки на каждый) и оставляетъ еще не много муки на пирожное (кугель) и суповыя приварки? Все это дѣйствительно такъ дѣлается. Семейный Еврей, имѣя доходу рубль или полтора въ недѣлю, бываетъ счастливъ въ свою субботу, готовить рыбу и мясо въ гомеопатической пропорціи и покупаетъ еще на 5 коп. вина, приготовленнаго изъ изюма (см. пицца,—4-е прим.) для произношенія благословенія (кидушъ). Даже и болѣе зажиточный Еврей чрезвычайно умѣренъ въ существенныхъ потребностяхъ пропитанія. Вотъ главные предметы расхода зажиточнаго Еврея: 1) одежда, пристрастіе къ которой имѣютъ исключительно особы женскаго пола; эта страсть, какъ выше

упомянуто, далеко переходить границы умеренности; 2) платежи повинностей, которая особенно значительны потому, что Евреи независимо от того, что состоятельные из них платят за бѣдныхъ по раскладкѣ, еще обложены особенными сборами: свѣчнымъ для устройства училищъ, коробочнымъ, возложеннымъ на главный предметъ изъ всѣхъ жизненныхъ припасовъ — говядину, на устройство земледѣльцевъ и прочія общественныя надобности, и 3) обязательныя приношенія по разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, которыхъ не мало въ каждомъ обществѣ, какъ пояснено будетъ далѣе; отъ этихъ жертвъ Еврей никогда не отказывается, развѣ по совершенной несостоятельности. Сверхъ того, рѣдко Еврей не помогаетъ несостоятельнымъ родственникамъ своимъ свыше силъ: даетъ приданое взрослой дочери родственника, и т. п. Все это составляетъ непремѣнный долгъ состоятельнаго Еврея, не исполнивши его онъ навлечетъ на себя общее презрѣніе. По этому при всей скромности и умеренности Еврея, рѣдко у кого капиталъ долго держится. Не говоря о томъ, что трудно указать въ самомъ многолюдномъ обществѣ на богачей, которые поддержали бы свое богатство въ трехъ поколѣніяхъ; рѣдко встрѣчается, чтобы даже дѣти наследовали порядочное состояніе отъ родителей; но всего замѣчательнѣе то, что на одного и того же Еврея приходится иногда въ короткое время по 2—3 финансовыхъ кризиса, при самомъ трезвомъ поведеніи и нерискованныхъ предпріятіяхъ, а лишь вслѣдствіе чрезвычайныхъ расходовъ, которымъ не соответствуетъ приходъ.

IV. Особенности общественнаго быта.

Объ общественномъ бытѣ Евреевъ глубокомысленно отозвались германскіе писатели прошлаго вѣка, сказавши, что Евреи составляютъ *status in statu*,—это подало правительствамъ разныхъ государствъ поводъ обратить вниманіе на устройство

общественнаго быта Евреевъ и дать внутренней его организаціи надлежащее направленіе, сходное съ внутренними гражданскими установленіями и потребностями каждой страны. Этимъ самымъ занимается и правительство нашего отечества въ настоящемъ вѣкѣ, при ревностномъ къ тому содѣйствіи его со стороны благомыслящихъ и вліятельныхъ лицъ изъ среды самихъ Евреевъ. На писателѣ этнографіи Евреевъ лежитъ обязанность распространиться какъ можно подробнѣе по этому предмету, дабы тѣмъ дать образованному русскому читателю ясное понятіе объ настоящемъ положеніи общественнаго быта Евреевъ и этимъ не только удовлетворить его любопытству или, пожалуй, любознательности, но, что гораздо важнѣе, ознакомить его ближе съ предметомъ, составляющимъ современный интересный вопросъ, относящійся до двухъ милліоновъ російскихъ подданныхъ; предметъ, который, къ сожалѣнію, былъ до нынѣ почти чуждъ не только образованному кругу вообще, но и тѣмъ спеціальнымъ лицамъ, которымъ довѣрена судьба этой націи. Свѣдѣнія, которыми руководствовались доселѣ при соображеніяхъ и сужденіяхъ о дѣлахъ Евреевъ, почерпаемы были не изъ гласныхъ, публикѣ доступныхъ источниковъ, а изъ тайныхъ, шуткихъ, большею частію основанныхъ на доносахъ, при чемъ неизбѣжно много добраго было оклеветано, а много нелѣпаго расхвалено, чрезъ что и самые результаты основанныхъ на нихъ мѣропріятій не могли вполне соответствовать настоящимъ потребностямъ. Добросовѣстная же разработка этого предмета есть непрелѣнная священная обязанность, которую я навѣренъ исполнить по мѣрѣ возможности.

К А С Т Ы.

У Евреевъ нѣтъ кастъ въ гражданскомъ смыслѣ, я говорю въ гражданскомъ, ибо въ духовномъ, или лучше сказать, въ синагогальномъ смыслѣ Евреи раздѣлены на три разряда: *каганы*, *левиты* и *израилы*. Каганы и левиты происходятъ изъ поколѣнія Леви (3-го сына Іакова) и именно первые отъ

Аарона, а послѣдніе отъ прочихъ потомковъ Леви; тѣ и другіе пользуются въ народѣ разными преимуществами, которыя заключаются лишь въ нѣкоторыхъ почестяхъ по синагогальнымъ обрядамъ ⁽⁴⁴⁾ Израили же стоятъ всѣ на равной степени и одно превосходство умственныхъ способностей и нравственности доставляетъ имъ уваженіе и почетъ; родство же и знатность не должно ставить относительно ихъ ни во что. Вотъ

(44) Напр., при чтеніи пятикнижія въ синагогѣ, приглашается сперва *каганъ*, потомъ *левитъ*, а потомъ уже *израиль*; послѣдній можетъ быть старше, ученѣе и богаче первыхъ, но они должны быть приглашаемы прежде по своему происхожденію. Въ главныхъ праздникахъ каганы благословляютъ народъ въ синагогѣ, именно—предъ окончаніемъ общественной молитвы. Левиты подносятъ имъ воду для умыванія рукъ, потомъ каганы снимаютъ обувь, помѣщаются возлѣ кивота, воздѣваютъ руки горѣ и поютъ благословіе установленнымъ порядкомъ (духанъ); въ синагогѣ могутъ молиться и раввины, и богачи, и знатные, но израиля, а благословеніе народа совершаютъ одни каганы, хотя бы они были изъ простолюдиновъ. Далѣе, когда у Еврея родится первенецъ, то по истеченіи мѣсяца (ибо только тогда онъ считается совершенно живымъ младенцемъ) отецъ приглашаетъ кагана и объявляетъ ему, что его жена родила ему первенца; каганъ, съ своей стороны, предлагаетъ ему, что онъ можетъ выкупить первенца своего за пять серебряниковъ; отецъ даетъ ему, кагану, 5 серебряниковъ (руб. или талеровъ), послѣ чего каганъ благословляетъ ребенка, а отецъ угощаетъ приглашенныхъ гостей. Этотъ обрядъ называется *pidjionъ za-bemъ*, т. е. выкупъ сына и имѣетъ основаніе въ св. писаніи (Левит., III, 47); когда отецъ бѣденъ, каганъ возвращаетъ ему деньги по окончаніи обряда, когда же онъ состоятеленъ, каганъ раздаетъ деньги бѣднымъ собратьямъ; если-же каганъ самъ бѣденъ, тогда самъ пользуется ими. Если у кагана или левита родится первенецъ, то онъ свободенъ отъ выкупа его у кагана. Кромѣ того, когда животное (чистое) родитъ первенца, то оный принадлежитъ кагану. Впрочемъ, каганъ не бываетъ доволенъ этимъ подаркомъ, ибо онъ не можетъ зарѣзать его иначе какъ тогда, когда первенцу приключится какое-нибудь увѣчье (слѣпота, хромота и проч. болѣзни, препятствующія принесенію въ жертву), которое впрочемъ онъ не вправѣ причинить ему умысленно, а пока долженъ кормить его. Далѣе, каганъ не можетъ жениться на разведенной женщицѣ, и проч.

выраженіе одного талмудиста: „ученый незаконнорожденный предпочитается первосвященнику ⁽⁴⁵⁾ неучу“, но практический бытъ сдѣлалъ свое, и время развило у Евреевъ нѣчто въ родѣ раздѣленія на касты, которое, впрочемъ, ничѣмъ не упрочено, такъ какъ переходъ изъ одной въ другую касту зависитъ отъ одной случайности и ловкости лица, какъ пояснено будетъ далѣе. Вотъ касты Евреевъ по такъ называемому практическому раздѣленію.

I.

ВЪ ПРАВСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

1. Высокоученый (гѣдолъ), превосходно ученый (гѣонъ) и т. д., суть первостепенные знаменитые Евреи, отличающіеся въ знаніи богословія; они опредѣляются въ раввины, если бываютъ несостоятельны, или пользуются высокимъ нравственнымъ уваженіемъ въ своемъ частномъ быту.

2. Ученый (ламданъ), отличный (муфлегъ) и проч., суть второстепенные ученые, изъ которыхъ опредѣляютъ въ прочія должности духовныя, какъ-то рѣзники, учителя и проч. и если по состоятельности они не принимаютъ должности, то пользуются надлежащимъ уваженіемъ у народа за свои преимущества по знанію богословія.

3. Книжникъ (іудеа сѣферъ), свѣдующій (ядъенъ) или домашній ученый (баалъ-габбсъ) суть люди, неизмѣющіе положительнаго значенія въ дѣлахъ религіи, но не совершенно чуждые еѣ, стоя, такъ сказать, на второмъ планѣ. Этотъ классъ самый многочисленный у Евреевъ потому, что почти каждый Еврей получаетъ въ юности воспитаніе, дающее ему, при самыхъ посредственныхъ даже способностяхъ, право пользоваться симъ званіемъ.

(45) Во времена талмудистовъ были первосвященники, которые покупали должность эту за деньги у мірскихъ властелиновъ, не имѣя къ тому собственного достоинства, см. у Юсіфа Флавія и друг.

и 4. Неучи (амъ-га-арець), простаки (гедіотъ, idiot) суть люди, которые хотя и умѣютъ читать по еврейски, а иногда даже и писать кое-какъ, но не имѣя никакихъ богословскихъ знаній, не пользуются никакимъ почетомъ у народа, развѣ въ случаѣ, когда этотъ недостатокъ скрывается порядочнымъ богатствомъ и благодѣяніями; въ противномъ случаѣ этотъ классъ причисленъ къ черни.

II.

ВЪ МАТЕРІАЛЬНОМЪ ОТНОШЕНІИ.

1. Богачи (гевиръ) суть первостатейные негоціанты, капиталы которыхъ измѣряются сотнями тысячъ.

2. Зажиточные (ногидъ, коцинъ) суть второстепенные, купцы и мѣщане, которыхъ капиталъ измѣряется десятками тысячъ.

3. Состоятельные (баалъ-габосъ, ишъ омудъ) суть люди съ малыми капиталами, оспѣдностію, постоянной службой, занимающіеся ремеслами и вообще обеспеченные въ своихъ скромныхъ потребностяхъ.

4. Бѣдные (ницрехъ, dürftig) и нищіе (кабцанъ, Bettler) суть люди, добывающіе дневное пропитаніе или кое-какими трудами, или милостынею.

Независимо отъ всѣхъ упомянутыхъ раздѣленій, у Евреевъ обращается вниманіе на нравственность и набожность: лицо, принадлежащее хотя ко второму разряду по изложенному порядку въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи, но притомъ набожное (іоре шомдлитъ) предпочитается свѣтскому лицу перваго разряда. Это подаетъ правда поводъ къ ханжеству, но поддерживаетъ религію въ народѣ. Кроме того принимается во вниманіе и родство, именно: дѣти и внуки лицъ перваго разряда, по нравственному или матеріальному отношенію, считаются родовитыми (іахсанитъ) и предпочитаются во всѣхъ отноше-

ніяхъ предъ раввинами итъ по званію, но не происходящимъ отъ первоклассныхъ родителей.

Всѣ эти раздѣленія не имѣютъ однако слишкомъ прочнаго основанія, ибо если состоятельному Еврею удастся спекуляція, то онъ дѣлается богачемъ, и тогда смотреть уже иначе и на его знанія, лишь бы онъ не былъ совершеннымъ невѣждой, изъ знатока или книжника онъ дѣлается ученымъ и т. д. Если богачу не благоприятствуютъ обстоятельства, то онъ переходитъ скоро самъ собой въ низшую степень во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что рѣдко Еврей проживаетъ свой вѣкъ въ одномъ состояніи, очень же часто одной и той же личности случается переходить въ разныя званія и степени, смотря по обстоятельствамъ, а потому въ тѣсномъ смыслѣ можно сказать, что у Евреевъ кастъ нѣтъ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

б) Въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ должно, по настоящему, быть двоякое управленіе, именно: духовное и гражданское, которыя рѣдко имѣютъ между собою что нибудь общее, потому что первое занимается исключительно церковью, а послѣднее—экономіею, правосудіемъ и проч. Но у Евреевъ эти управленія имѣютъ очень близкое отношеніе одно къ другому, потому что какъ Моисеевъ законъ, такъ и талмудъ заключаютъ въ себѣ не однѣ духовныя постановленія, но и чисто гражданскія. Если гражданину другаго исповѣданія, имѣющему съ ближнимъ денежный споръ, никогда не придется въ голову обратиться къ священнику, потому что онъ привыкъ приносить жалобу свою свѣтскому начальнику, то Еврей во всякомъ случаѣ обращается къ раввину и если отвѣтъ не откажется отъ разбирательства раввина, то этотъ послѣдній, имѣя при себѣ двухъ ассистентовъ (бесдинъ), занимающихся специально юридическою частію еврейскаго закона, выслушиваетъ обѣ стороны и объявляетъ имъ рѣшеніе (псакъ).

Были времена и государства, гдѣ правительство поощряло

такой судебной порядок, предоставляя ему некоторую власть и права, но, вследствие распространения европейской цивилизации, признано полезным подчинить разбирательство еврейских распрей общеустановленному судопроизводству по существующимъ гражданскимъ законамъ. Посему раввину и бесдину только предоставлено нынѣ разбирать самые маловажные денежные споры и то не иначе, какъ по обоюдному согласію.

Не стану здѣсь распространяться объ древне-еврейской юриспруденціи; скажу только, что эта вѣтвь юридическаго богословія отличается въ еврейскомъ законоученіи отъ прочихъ своею ясностію и положительностію ⁽⁴⁶⁾; и сколько другія вѣтви еврейскаго богословія, напр. объ употребленіи пищи, о праздникахъ и т. п., отличаются казуистическими преніями, доходящими иногда до софизмовъ, столько юриспруденція еврейская отличается ясностію и опредѣленностію, такъ что въ казуистическихъ кодексахъ (шаалось-тешувось) юридическіе вопросы сравнительно малочисленны. По этому весьма часто Евреи добровольно полагаются на разбирательство бесдина и соглашаются на его рѣшеніе, которое объявляется минутъ черезъ 5-ть послѣ выслушанія жалобы, и почти всегда удовлетворяетъ здравому разуму; весьма не рѣдко случается, что христіане, имѣя спорное дѣло съ Евреями, полагаются на разбирательство раввина и бесдина, дабы тѣмъ избавиться отъ потери времени, переписки и проч. Объ лихоимствѣ и подкупѣ, даже о протекціи здѣсь рѣчи нѣтъ, ибо раввинъ однажды заподозрѣнный въ пристрастіи, кромѣ того, что подвергается общему презрѣнію, лишается дневнаго пропитанія. Такимъ образомъ раввинъ съ помощниками своими, назначенными собственно для бдѣнія по духовному управленію, по обрядамъ синогогальнымъ, по дѣламъ супружескимъ и, пожалуй, по кухон-

(46) См. *Ritual gesetze der Iuden*, составленное М. Мендельсономъ подъ редакцію Берлинскаго раввина Гаршеля по распоряженію Прускаго правительства, Берлинь, 1778 г.

нымъ имѣть родъ гражданскаго вліянія по дѣламъ денежнымъ. Только въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло идетъ о большихъ суммахъ, отвѣтчикъ, ссылаясь на отечественные законы, заставляетъ истца обращаться въ присутственныя мѣста, дабы тѣмъ выиграть время и воспользоваться протекціею; небольшія же дѣла, которыя случаются гораздо чаще, разбираетъ духовное управленіе ⁽⁴⁷⁾.

Напротивъ того, гражданское управленіе, которое независимо отъ сего существуетъ въ каждомъ болѣе населенномъ еврейскомъ обществѣ, имѣетъ вліяніе на дѣла духовныя. Объ этомъ управленіи я нахожу нужнымъ объяснить подробнѣе.

Съ давняго времени существовало во всѣхъ еврейскихъ обществахъ управленіе подъ названіемъ *каала* ⁽⁴⁸⁾, на которое возложена была обязанность завѣдыванія гражданскими дѣлами обществъ, какъ-то: составленіемъ народныхъ переписей, взысканіемъ податей, отправленіемъ прочихъ повинностей, составленіемъ бюджета общественныхъ расходовъ, и отысканіемъ источниковъ

⁽⁴⁷⁾ Вотъ порядокъ этого гласнаго судопроизводства: обѣ тяжущіяся стороны являютъ къ бесдину, истецъ излагаетъ свою претензію, отвѣтчикъ даетъ свое объясненіе, раввинъ приказываетъ имъ удалиться въ другую комнату, бесдинъ разсуждаетъ объ ихъ спорномъ дѣлѣ, соображается съ установленными въ законоучительныхъ по сей части книгахъ статьями, допрашиваетъ, когда нужно, свидѣтелей, установленнымъ порядкомъ, потомъ служитель (шамешъ) призываетъ тяжущіяся стороны, каждый изъ нихъ кладетъ на столъ сколько нибудь денегъ за труды бесдина (*Pesakgeld*), количество которыхъ не опредѣляется бесдиномъ, а бываетъ по доброй волѣ тяжущихся (но одинъ не долженъ дать болѣе другаго), смотря по роду спора, потомъ раввинъ объявляетъ имъ рѣшеніе изустно, а иногда даетъ имъ его письменно. Во все это время обѣ стороны должны стоять, и хотя одна сторона или обѣ принадлежать къ самымъ почетнымъ классамъ, раввинъ не долженъ приглашать ихъ сѣсть. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ также родъ адвокатовъ (*тоанимъ*), объясняющихъ доводы тяжущихся сторонъ при бесдинѣ. Когда строгій смыслъ закона трудно приѣмнить къ рѣшенію настоящаго дѣла, то бесдинъ приглашаетъ тяжущіяся стороны положиться на миролюбивое посредничество (*пешаре*), что бываетъ весьма часто.

⁽⁴⁸⁾ См. Полн. Собр. Зак., 13 сентября 1772 г., N° 13,805, § 1

для оныхъ, посредствомъ раскладки, коробочнымъ сборомъ и проч.

Это управленіе пользовалось такъ сказать начальственнымъ авторитетомъ, будучи поддерживаемо и поощряемо мѣстными властями. Члены его назначаемы были по выбору изъ болѣе вліятельныхъ Евреевъ, обыкновенно въ числѣ трехъ лицъ, которые, или раздѣляли между собою предметы занятій, или управляли всѣми дѣлами по очереди ежемѣсячно (парнесъ-ходешъ). Они имѣли особую канцелярію (kohel stübel) и письмоводителей для русскаго или польскаго языка (штадленъ т. е. ходатай) и для еврейскаго (кдсевъ га-кагалъ, т. е. кагалный писецъ), а иногда и особеннаго казначея для общественной суммы (вееманъ, т. е. довѣренный). Когда встрѣчалось дѣло болѣе важное они чрезъ служителя своего (шашешъ) созывали прочихъ знатныхъ Евреевъ для совѣщанія (асифа). Вообще кагалы составляли родъ посредниковъ между начальствомъ странъ и еврейскими обществами, получали всѣ указы изъ присутственныхъ мѣстъ, опубликовывали ихъ посредствомъ переводныхъ объявленій, наклеиваемыхъ на дверяхъ или столбахъ синагоги; пеклись о бѣдныхъ, особенно странствующихъ, заботились о замѣщеніи духовныхъ должностей, какъ канторовъ, рѣзниковъ, наставниковъ и т. п., платили жалованье раввинамъ, помощникамъ его (*бесдинъ* или *правильнѣе дальнимъ*), проповѣдникамъ и проч., — все это было дѣло кагала.

Но вліяніе его не ограничивалось одними этими экономическими и гражданскими предметами: кагалъ входилъ въ разбирательство супружескихъ несогласій, содѣйствовалъ раввину въ исправленіи нравственныхъ преступниковъ, преслѣдовалъ нарушеніе цѣломудрія (⁴⁹), наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ законныхъ постановленій въ еврейскихъ бойняхъ, такъ что гражданское это управленіе носило нѣкоторымъ образомъ характеръ и духовный.

(⁴⁹) См. выше ст. III. домашній бытъ отд. 4. обряды и обычаи.

Конечно, нельзя не допустить, чтобы въ болѣе 800 еврейскихъ обществахъ въ Россіи не было и такихъ кагаловъ, или нѣкоторыхъ членовъ ихъ, которые употребляли во зло свои обязанности, пользовались общественными деньгами и проч., но такія отступленія всегда были рѣдкими исключеніями, большею же частію кагалы всегда отличались добросовѣстностію и дѣятельностію; ида рука объ руку съ духовнымъ управленіемъ, они поддерживали въ обществахъ порядокъ и благочиніе самыми кроткими мѣрами, устраняли всѣ неблагонамѣренныя стремленія вредныхъ членовъ обществъ, кляузничество, раздоры и проч.; много заботились о нравственности народа, такъ что справедливо могли быть названы гражданско-религіозными управленіями.

Въ началѣ прошедшаго десятилѣтія вслѣдствіе представленія разныхъ мѣстныхъ начальствъ о злоупотребленіи нѣкоторыхъ кагалниковъ, это управленіе было вовсе уничтожено, не смотря на его древность и его полезныя стороны; а какъ еще прежде сего Евреямъ дозволено было вступать въ городскую службу, быть ратманами въ магистратахъ, гласными и шести-гласными въ думахъ и проч., то правительство признало полезнымъ подчинить управленіе еврейскихъ обществъ думахъ, магистратамъ и ратушамъ, оставивъ вмѣсто прежнихъ кагаловъ только должность сборщика для взысканія податей и сдатчика для отбыванія рекрутской повинности. Должности эти конечно сопряжены съ неизмѣрными хлопотами и строжайшею отвѣтственностію; по этому никакой порядочный человекъ изъ Евреевъ не соглашается принимать ихъ и въ эти званія избираются болшею частію люди, самые посредственные, которые поступаютъ на службу изъ нужды или по другимъ видамъ. Въ какой-же степени полезно или бесполезно вліяніе думы и ратуши на еврейскія общества—объ этомъ не здѣсь мѣсто говорить; присовокуплю только то, что вліятельные Евреи въ каждомъ обществѣ по національной привязанности къ своимъ собратьямъ, даже не имѣя нынѣ офіціального значенія, все-таки часто собираются для совѣщанія между собою о благоустройствѣ

общественномъ, что и ведетъ къ предупрежденію между Евреями крайнихъ безпорядковъ и разоренія. Собраніе такихъ вліятельныхъ лицъ тоже называется *кавалл*, или, пожалуй, мірская сходка; но такъ какъ оно не имѣетъ officialнаго значенія, то каждый не благонамѣренный членъ общества можетъ не подчиняться приговорамъ этихъ частныхъ собраній, которыя по этому не могутъ имѣть той благодѣтельной пользы, которую они приносили бы при другомъ устройствѣ общественнаго управленія Евреевъ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

в) У Евреевъ, не смотря на скудность ихъ быта, а можетъ быть и именно вслѣдствіе этой скудности, учреждены въ каждомъ обществѣ разныя благотворительныя братства (хевросъ); подробное описаніе каждаго изъ нихъ не соотвѣтствуетъ предѣламъ этой статьи, но главныя черты ихъ не могутъ быть пройдены молчаніемъ.

БРАТСТВА ПОГРЕБАТЕЛЕЙ.

1. Братство погребателей (хевра кадиша), это благотворительное учрежденіе существуетъ въ каждомъ, хотя мало населенномъ и самомъ бѣдномъ еврейскомъ обществѣ. У Евреевъ погребеніе есть дѣло не церкви, а челоуѣколюбія⁽⁵⁰⁾. Еврей въ послѣднюю минуту не призываетъ раввина, а самъ про себя читаетъ исповѣдь; а находящіеся при немъ сосѣди и знакомые исполняютъ при этомъ нѣкоторыя религіозныя обряды какъ пояснено выше въ главѣ „домашній бытъ“ въ отдѣлѣ „обряды и обычаи“.

Вотъ главныя основныя правила общества погребальщиковъ:

а) Оно состоитъ изъ болѣе или менѣе значительнаго ко-

⁽⁵⁰⁾ Этотъ филантропическій долгъ стоитъ однако по еврейскому закону выше всѣхъ синагогальныхъ обязанностей. Занимающіеся похоронами свободны въ то время отъ прочихъ обязанностей религіозныхъ, какъ-то: молитвы, чтенія св. свертка, куши и проч., особенно когда мертвое тѣло находится въ ненаселенномъ мѣстѣ (месь-мицца) тогда заботливость о его похороненіи есть самая обязательная.

личества членовъ, изъ которыхъ нѣкоторые почетные, вносяще за званіе свое единовременное или годичное пожертваніе, а остальные дѣйствительные (шамбимъ).

б) Подъ вѣдѣніемъ общества состоитъ особенное собственное кладбище, помѣщающееся за городомъ, которое въ большихъ обществахъ обведено прочною оградой, иногда каменною, а въ бѣдныхъ обществахъ окопано рвомъ. Тамъ обыкновенно находится домъ надсмотрщика (кабрень), наблюдающаго за цѣлостію надгробныхъ камней и досокъ (шацевосъ, мавзолеевъ), за чистотою этого святаго мѣста и проч., и получаетъ за то жалованье отъ общества и подарки отъ посѣтителей.

в) Ежегодно избираются посредствомъ балотировки старшины (габдимъ), казначей (нееманъ) и счетчики (рое-хѣшбонъ), которые завѣдываютъ какъ приходо-расходами общества, такъ и прочими распоряженіями до общества относящимися (51).

г) Общество имѣетъ главную книгу (пинкесъ), въ которой вписаны всѣ члены онаго съ начала его существованія, всѣ старшины и прочія должностныя лица, заслуживающія особеннаго вниманія происшествія (52), значительныя пожертванія и проч.; внесенія въ эту книгу составляютъ лестный почетъ для каждаго Еврея.

д) Предметы доходовъ заключаются въ вознагражденіе состоятельныхъ лицъ за почетное мѣсто на кладбище, а также прочія пожертванія. Предметы же расхода суть: покупка земли для кладбища и огораживаніе онаго, жалованье служителямъ (шамешъ) и кабрена, въ особенности траты на саваны и во-

(51) При этихъ балотировкахъ соблюдаются особенныя весьма любопытныя правила, на примѣръ кандидатомъ въ старшины не можетъ быть предложено только лицо, не служившее прежде въ должности низшей, и т. д. Иногда особыя балотировки имѣютъ цѣлію избранія только избирателей (бореримъ), которые уже непосредственно замѣщаютъ всѣ высшія должности.

(52) Въ иныхъ обществахъ есть пинкесы, древность которыхъ доходитъ до двухъ вѣковъ и болѣе, въ нихъ заключаются любопытныя автографіи и даже историческія замѣтки; къ сожалѣнію никто еще не взялъ на себя труда обработать эти матеріалы.

обще на похороны бѣдныхъ умершихъ. Если, въ минуту смерти неимущаго Еврея, въ кассѣ общества нѣтъ денегъ, то старшина долженъ выдавать, не медля, для необходимыхъ при погребеніи расходовъ, свои собственныя деньги, а принимающій отъ него должность обязаны выплачивать ему оныя. Издержки эти возвращаются только въ случаѣ смерти богатаго Еврея, вслѣдствіи покупки наслѣдниками его почетнаго мѣста, или другаго пожертванія, лишь тогда касса общества выплачиваетъ долги свои. Отчетъ старшина отдаетъ ежегодно для сего особо избираемымъ счетчикамъ (рое-хешбонъ).

Примычаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходъ отъ общественныхъ банъ (особенно тѣхъ, въ которыхъ есть теплая купальня для очищенія женщинъ по обряду закона ⁽⁵³⁾) (миква) принадлежитъ сему братству; за то оно иногда само содержитъ пріютъ для бѣдныхъ странниковъ (гекдешъ).

е) Разъ въ годъ, обыкновенно зимою, предъ праздникомъ Маккавеевъ, члены общества постятся цѣлый день, отправляя особенныя молитвы (селихоѳъ), а вечеромъ пируютъ (сеуда) въ домѣ старшины; тутъ богатѣйшіе обходятся съ бѣднѣйшими какъ съ равными, какъ-бы вознаграждая ихъ тѣмъ за тяжкія и безмездныя труды цѣлаго года.

и ж) Въ иныхъ братствахъ есть особенное отдѣленіе подъ названіемъ „хебра-линосъ“, т. е. братства ночующихъ, обязанность котораго есть ходить по ночамъ при опасно больномъ, прислуживать ему, утѣшать семейство и проч. Члены общества исправляютъ эту трудную обязанность безвозмездно по очереди по назначенію старшины.

ПРѢЧІЯ ОБЩЕСТВА.

II. Братства „хлѣбъ бѣднымъ“ (лехемъ эвѳонимъ) учреждены тоже въ каждомъ обществѣ. Доходъ этого братства со-

⁽⁵³⁾ Когда у Еврейки кончится мѣсячное очищеніе, то она чрезъ 7 дней, называемыхъ „чистыми“ (шива-некіимъ), должна вымыться въ особенной купальнѣ, которая устроена въ каждой общественной банѣ еврейской.

стоитъ изъ періодическихъ приношеній его членовъ и вообще всѣ пожертвованія, поступающія въ это общество, состоящія или въ деньгахъ, или въ наличномъ хлѣбѣ, раздаются старостою еженедѣльно бѣднымъ семействамъ, особенно на субботу и дни праздника. Староста и счетчики избираются по баллотировкѣ.

Примѣчаніе. Сюда можно отнести особыя временныя учрежденія „моесь хитимъ“, т. е. деньги на пшеницу, или „хитимъ аниимъ“ т. е. пшеницу для бѣдныхъ, которыя собираются предъ праздникомъ пасхи для раздачи бѣднымъ Евреямъ пшеницы на приготовленіе опрѣсноковъ; такъ какъ другой дешевый хлѣбъ черный или ржаной въ теченіи 8 дней праздника употреблять воспрещено.

III. Братство „бикуръ холимъ“, т. е. посѣщенія больныхъ, существуютъ тоже почти въ каждомъ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ мелкихъ обществахъ оно соединено въ упомянутую „лехемъ эвониимъ“. Главная цѣль этого братства состоитъ въ оказаніи всякой помощи больнымъ бѣднымъ Евреямъ: содѣйствіемъ врачей и отпускомъ медикаментовъ, равно какъ и улучшеніемъ пищи больныхъ, а иногда доставленіемъ средствъ и семейству больного (въ случаѣ лишенія его чрезъ болѣзнь члена семейства дневнаго пропитанія) до совершеннаго выздоровленія.

Примѣчаніе. Въ болѣе населенныхъ обществахъ имѣются подъ вѣдомствомъ этого братства особыя больницы, даже врачи и аптеки, нѣкоторыя изъ нихъ удостоились посѣщенія высокосановныхъ особъ и даже Августѣйшихъ лицъ, которыя отдали сими еврейскимъ заведеніямъ справедливость во всѣхъ отношеніяхъ.

IV. „Талмудъ тора“⁽⁵⁴⁾ или „иахзикей іесомимъ“ — воспитаніе сиротъ. Цѣль этого братства есть попеченіе о воспитаніи

(54) Объ этомъ учрежденіи стоитъ прочесть отзывъ знаменитаго нашего педагога и филантропа *Пароова* во время посѣщенія имъ сего заведенія въ Одессѣ.

мальчиковъ—сиротъ и дѣтей самыхъ бѣдныхъ Евреевъ. Общество нанимаетъ для дѣтей учителя закона Божія (меламедъ); раздаетъ имъ два раза въ годъ одежду зимнюю и лѣтнюю; каждый членъ братства кормитъ ихъ поочереди. Иногда сироты, неспособные къ книжному ученію, отдаются мастерамъ; взрослымъ, братство помогаетъ жениться и все это имѣетъ источникомъ скромныя приношенія членовъ братства, равно какъ плату, получаемую обществомъ по смерти состоятельныхъ евреевъ въ пользу сиротъ за участіе ихъ въ процессіи во время выноса изъ дома покойника до кладбища.

V. „Гемилусъ хасодимъ“. Въ обществахъ этого наименованія составляется изъ пожертвованій извѣстная сумма, изъ которой производятся неогатымъ Евреямъ для небольшихъ оборотовъ ссуды безъ процентовъ подъ залогъ или подъ поручительство болѣе состоятельныхъ соотечественниковъ. Поступающими ежегодно жертвованіями дополняется дефицитъ и покрываютъ необходимые расходы по управленію обществъ. Нерѣдко частные капиталисты складываютъ особенные капиталы въ гемилусъ хасодимъ, чѣмъ поддерживаютъ несостоятельныхъ братьевъ, коимъ нельзя обойтись безъ кредита.

VI. „Малбишь арумимъ“ и „гахнасасъ кала“, т. е. одѣваніе нагихъ и вспомошествованіе невѣстъ. Эти братства существуютъ въ болѣе населенныхъ обществахъ, — *первыя* имѣютъ цѣлю одѣвать самыхъ бѣдныхъ Евреевъ особенно женщинъ и въ зимнее время, а *вторыя* — помогать неогатымъ Евреямъ при вступленіи въ бракъ, ибо надобно замѣтить, что безбрачіе у Евреевъ вещь необыкновенная; какъ бы Еврейка ни была бѣдна и безобразна, все-же найдетъ она бѣдняка, который возьметъ ее, равно какъ и мущина никогда не остается холостякомъ, развѣ только по разводѣ съ женою или по смерти ея не вступитъ во второй бракъ, но и это бываетъ весьма рѣдко.

Необходимыя издержки на брачную одежду и самый бракъ принимаетъ на себя братство. Если бѣдные новобрачные не имѣютъ родителей и родственниковъ, то члены братства засту-

паютъ ихъ мѣсто, благословляютъ ихъ и исполняютъ всѣ родительскія обязанности.

Въ нѣкоторыхъ братствахъ молодые люди, члены его, отличающіеся знаніемъ музыки, составляютъ сами оркестръ именно для бѣдныхъ свадбѣ. Если самый богатый Еврей пригласитъ ихъ на свадьбу, они не пойдутъ ни за что, и онъ принужденъ будетъ взять какихъ нибудь бѣдныхъ музыкантовъ; на свадьбахъ-же бѣдныхъ, безродныхъ сиротъ, неимѣющихъ средствъ нанять музыкантовъ, они играютъ съ полною готовностію.

VII. Братство „Паць или Поале-Цедекъ“ т. е. честные дѣятели. Это общества мастеровъ, имѣющіе вѣроятно историческое основаніе. Въ былыя времена торгующее сословіе Евреевъ жило въ разладѣ съ ремесленнымъ сословіемъ своихъ собратьевъ. Первое, должно быть, присвоило себѣ превосходство надъ послѣднимъ и отдѣлилось отъ него. Это нынѣ едва замѣтно, но нѣкоторыя указанія поддерживаютъ такое предположеніе, потому что ремесленники во многихъ обществахъ имѣютъ особенный свой молитвенный домъ, и составляютъ братство, неимѣющее собственно благотворительной цѣли, и служитъ лишь для поддержанія связи въ своемъ сословіи. Впрочемъ, это самое братство составляетъ и цеховое управленіе, разбираетъ маловажные споры между работниками и мастерами и бываетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно полезнымъ учрежденіемъ.

Кромѣ того есть разныя духовныя братства, имѣющія исключительно благочестивыя цѣли, какъ то, братство *тилимъ*, т. е. читающее псалтирь; *мишаиотъ*, т. е. читающее Мишну; *шомрамъ лабокеръ*, т. е. рано встающее и читающее разныя молитвы; объ этихъ братствахъ нечего здѣсь распространяться, такъ какъ они не многочисленны, и потому не имѣютъ никакого значенія въ общественномъ быту.

ПО ПРОЧИМЪ РУБРИКАМЪ ПРОГРАММЫ.

г) Артелями Евреевъ некуда отправляться, потому что имъ, кромѣ западныхъ губерній, не дозволено нигдѣ заниматься

работами, а тамъ въ каждомъ мѣстѣ находится рабочихъ въ излишествѣ. Продажа, покупка, мѣна и проч. сдѣлки производятся по заключеніи домашняго условія на еврейскомъ языкѣ (кѣшеръ, зикорентъ-дворимъ). Самое обязательное утверженіе въ денежныхъ дѣлахъ есть рукоподаніе (текіасъ-кафъ) ⁽⁵⁵⁾; при болѣе важныхъ сдѣлкахъ приглашаемый нарочно посредникъ предлагаетъ обѣимъ сторонамъ платоги и онѣ берутъ въ руку при свидѣтеляхъ кончить онаго; это называется „кабб-ласъ киньянъ“ и составляетъ обычай древній, доходящій до времени пророковъ. Въ талмудѣ мы находимъ юридическое объясненіе этому обычаю.

Отношеніе-же главы семейства къ прочимъ его членамъ довольно патриархальное. Сынъ вступаетъ большею частію въ бракъ не по собственному своему выбору, а по выбору родителей. Отецъ даетъ сыну приданое, ибо, исключая ремесленнаго класса, до вступленія въ бракъ сынъ ни чѣмъ не занимается, кромѣ книжнаго ученія, да и послѣ свадьбы бываетъ на иждивеніи родителей нѣсколько времени, пока уживется съ женою, а капиталъ его находится въ рукахъ лица, которому оба родителя довѣряютъ приданое своихъ дѣтей (шóлимъ); деньги-же выдаются ему впоследствии; тогда онъ начинаетъ торговать, отдѣляется отъ стола отца и становится самостоятельнымъ хозяиномъ; до того-же времени онъ въ полной зависимости отъ родителей, какъ ребенокъ. Дочь тоже остается въ зависимости отъ родителей, послѣ выхода замужъ, въ случаѣ, если отецъ беретъ ее вмѣстѣ съ мужемъ къ себѣ на прокормленіе, тогда и зять подчиняется ему вплоть до тѣхъ поръ, пока не начнетъ самостоятельныхъ занятій и не выйдетъ на собственное иждивеніе. Мать по дѣламъ семейнымъ пользуется почти равнымъ

⁽⁵⁵⁾ По народному убѣжденію, если кто далъ другому руку во увѣреніе чего либо, а потомъ не исполнитъ своего слова, то его часть въ будущей жизни (хелекъ-одемъ-габа) приходится обиженному лицу, и въ семь вѣрованій лежитъ твердая основа нравственности.

уваженіемъ, какъ и отецъ; мнѣніе ся особенно важно по вопросамъ о бракѣ, по предметамъ хозяйственнымъ и даже по воспитанію дѣтей.

V. Умственныя и нравственныя способности и образованіе.

УМСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ ВООБЩЕ.

О томъ, что еврейское племя обладаетъ вообще ⁽⁵⁶⁾ замѣчательно развитыми умственными способностями, едва ли нужно распространяться. Стоитъ только взглянуть на современную или вѣковую исторію, чтобы убѣдиться, что если въ какой либо эпохѣ или мѣстности племя это оставалось въ застоѣ, то причины тому были всегда внѣшнія, именно: когда господствующіе народы преграждали ему путь къ развитію сихъ способностей и вызывали тѣмъ нравственную апатію; коль скоро же цивилизація разрушала сіи преграды, тогда являлись всегда почти на всѣхъ поприщахъ гениальные дѣятели изъ среды сего народа. Доказательствомъ тому служитъ рядъ именъ во всѣ эпохи исторіи, таковы напр. Иосифъ Флавій и Филонъ современники грековъ и римлянъ; Саадія, Маймонидъ и вся андалузская школа — современники эпохи калифата; Абарбанель и вся испанская школа въ концѣ среднихъ вѣковъ; Спиноза, Мендельсонъ и его школа въ прошломъ вѣкѣ, не считая десятковъ другихъ ученыхъ, поэтовъ и артистовъ нашего времени.

Неимѣніе самостоятельнаго быта, разбросанность по лицу всего земнаго шара, знакомство съ духомъ всѣхъ народовъ и мѣстностей, обязательная грамотность, связанная съ исповѣда-

(56) О прозвищахъ и поговоркахъ, хотя и существующихъ отчасти между обитающими въ Россіи Евреями, я не нахожу нужнымъ распространяться, такъ какъ они собственно не имѣютъ не только историческаго, но даже и этнографическаго значенія.

ніежъ Евреевъ, существованіе, кромѣ мѣстныхъ нарѣчій, одного историческо-религіознаго языка, связывающаго все Израильское племя въ одно цѣлое,—всѣ эти обстоятельства естественно не допускали положительнаго застоя, но неминуемо давали часто толчекъ умственному прогрессу народа.

Колоссальный монументъ еврейской литературы—талмудъ, о которомъ, между прочими народами, существуютъ весьма неблагоприятныя мнѣнія, и тотъ довольно помогаетъ умственному развитію сего народа. Его слогъ, способъ изложенія и разнообразность содержанія, заставляютъ читателя напрягать свой умъ. Такъ какъ талмуду обучаютъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, то почти всякій Еврей путемъ его чтенія изоощраетъ свои способности, дѣйствующія впоследствии въ разные эпохи жизни.

Наконецъ, самыя притѣсненія и моральная скудность Евреевъ въ нѣкоторыхъ странахъ развиваютъ умственныя ихъ способности. Нужда и ограниченія—лучшіе учителя для людей: если они не въ состояніи вызывать генія, какъ умѣютъ это дѣлать противоположныя имъ двигатели—свобода и просторъ, то, по крайней мѣрѣ, производятъ изобрѣтательность и ловкость ума.

ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА, АУТОДИДАКТИКА.

Отличительная же черта умственной способности Евреевъ есть аутодидактика. Биографіи Мендельсона (67), Соломона Май-

(67) Мендельсонъ родился въ Дессау отъ небогатыхъ родителей (отецъ его былъ писцомъ св. свертковъ, Мендель соферъ) и учился въ дѣтствѣ одному талмуду. Когда тамошній раввинъ Давидъ переселился въ Берлинъ, то Мендельсону было 13 лѣтъ отъ роду и онъ послѣдовалъ за нимъ туда-же. Въ Берлинѣ онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ ревнителей просвѣщенія, которые возбудили въ немъ страсть къ свѣтскимъ наукамъ. По ночамъ, тайнѣ отъ своихъ товарищей и настоятелей той школы, гдѣ воспитывался (считавшихъ всякое постороннее занятіе безполезнымъ), онъ выучился нѣкоторымъ языкамъ изъ однихъ словарей; превзошелъ потомъ всѣхъ своихъ современниковъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Его переводы псалтиря и пятикнижія съ еврейскаго суть творенія неподражаемыя. Его философскіе и прочіе ученые труды были предметомъ уваженія Лессинга и Фридриха Великаго.

мона ⁽⁵⁸⁾, нашего русско-еврейскаго математика и астронома, любима знаменитаго Гумбольда г. Х. З. Слонимскаго и другихъ знаменитыхъ Евреевъ—это доказываютъ ясно. Г. Слонимскій нигдѣ не кончилъ курса, учился въ юныхъ лѣтахъ одному талмуду; не зная, до бытности своей въ Германіи (уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ), ни одного европейскаго языка, онъ былъ уже знаменитымъ математикомъ.

Во всякомъ мѣстѣ, населенномъ Евреями (исключая самыхъ мелкихъ общинъ, или общинъ населенныхъ одними фанатиками, пренебрегающими просвѣщеніемъ), можно отыскать нѣкоторыя личности, которыя хотя не имѣли систематическаго воспитанія, но имѣютъ довольно прочное образованіе, начитанность въ литературѣ и знаніе разныхъ языковъ, особенно нѣмецкаго, и все это самоучкою, что у другихъ народовъ встрѣчается рѣдко. Грустно становится, когда подумаешь, что если-бы этимъ труженикамъ дана была возможность болѣе развиться и пользоваться плодами своихъ умственныхъ упражненій, то, можетъ быть, и у насъ появились-бы и Мейерберы, и Ауербахи и имъ подобныя, тогда какъ теперь эти люди, которые при другой обстановкѣ, принесли-бы, можетъ быть, отечеству не малую пользу, пропадають за конторками своихъ лавокъ или въ уголкахъ своихъ школъ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ.

Нѣкоторые хотять присвоить Евреямъ особенную способность къ одной или другой вѣтви науки, такъ напр. полагають, что они имѣютъ особенную склонность къ медицинѣ, доказывая это тѣмъ, что во всѣхъ эпохахъ мы встрѣчаемъ у этого преслѣдуемаго со всѣхъ сторонъ народа хорошихъ и даже отличныхъ медиковъ. Но съ этимъ предположеніемъ нельзя положительно согласиться, ибо причина тому скорѣе не осо-

(58) Salomon Maimons Lebensgeschichte in 2 Theile. Berlin, 1792.

бенная склонность, а только то, что Евреи всегда были принуждены браться за ту отрасль науки, предъ которой ненависть ихъ гонителей не въ состояніи была устоять. Зная какъ всякій человѣкъ дорожить здоровьемъ, Еврей убѣжденъ былъ, что къ нему, какъ къ ледеку, самый фанатическій и властолюбивый вельможа среднихъ вѣковъ обратится за совѣтомъ, а посему будетъ его щадить, беречь, вознаграждать и уважать, тогда какъ самая глубокая ученость по другой отрасли знанія нисколько не могла побудить средневѣковаго аристократа обратить свое вниманіе на Еврея. Посему мы видимъ Евреевъ врачей при дворахъ ⁽⁵⁹⁾ и даже при польскихъ вельможахъ ⁽⁶⁰⁾, довольно нерасположенныхъ къ этой націи вообще.

Были впрочемъ изъ Евреевъ и люди государственные въ самыя тяжкія для нихъ эпохи ⁽⁶¹⁾, ибо вездѣ, гдѣ была нужда въ ихъ умѣ или финансахъ, фанатизмъ всегда уступалъ мѣсто необходимости. Долго существовалъ предрасудокъ будто Евреи неспособны къ военному дѣлу, основанный будто-бы то на упадкѣ духа, то на отсутствіи патриотизма, но дѣйствительность убѣдила Европу въ противномъ, и нынѣ мы видимъ во всѣхъ частяхъ Европы значительное число офицеровъ, даже генераловъ, украшенныхъ знаками отличія за храбрость и

⁽⁵⁹⁾ Не говоря о Маймонидѣ, бывшемъ придворнымъ врачомъ султана Саладина, о Мошѣ Гомонѣ, Тобіасѣ и проч., и въ нашемъ отечествѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ врачъ изъ Евреевъ Даниель (изъ Могилевской губерніи г. Быхова). Онъ съ сыномъ своимъ Гиршею умерщвленъ былъ при возстаніи стрѣльцевъ вмѣстѣ съ прочими придворными во времена царевны Софіи.

⁽⁶⁰⁾ У князей Радзивиллъ были врачи Евреи: Іосифъ-Соломо-дель-Медиго, привезенный имъ изъ Італіи въ Несвижъ, Борухъ изъ м. Шклова Могилевской губерніи въ Слуцкъ, и проч.

⁽⁶¹⁾ Наприм. Самуиль-Левн (га-нагидъ) придворный совѣтникъ при Гобушѣ (послѣ аль-адифа), потомъ при Бадисѣ (1027); Соддеддаатъ великій визирь при Монгольскомъ ханѣ Аргунѣ (1291); Донъ-Іосифъ Насси, удостоившійся титула Герцога Ноксоскаго при покореніи Седимомъ Венеціанскихъ царей (1517); Абарбанель при Алфонсѣ V; Менаше-бенъ-Израель при Кромвелѣ и проч.

самоотверженіе (62). Музыку и математику причисляют тоже къ тѣмъ отраслямъ науки, къ которымъ у Евреевъ часто проявляется особенная способность. Это имѣетъ еще нѣкоторую историческую причину, ибо, первую специально занималось особенно колѣно Левитовъ для богослуженія при существованіи храма, а послѣднюю, по преданію, занималось специально особенно колѣно Иссахарово для опредѣленія точнаго астрономическаго календарнаго вычисленія и правильнаго назначенія праздниковъ. Талмудъ считаетъ по этому знаніе математики и астрономіи почти религіозными обязанностями.

ПРАВСТВЕННЫЯ НАКЛОННОСТИ.

Относительно нравственныхъ свойствъ и склонностей Евреевъ надо сознаться, что ихъ трудно опредѣлить, не впадая въ пристрастіе. Напр. нельзя отрицать, что Евреи нашего государства обладаютъ нравственными слабостями: непомѣрное любопытство, зависть и, такъ сказать, делаторство, довольно часто встрѣчаются между ними; но, судя по всей справедливости, нельзя положительно навязать эти недостатки всему народу какъ естественныя нравственныя его свойства, ибо, всѣ они, по всей справедливости, имѣютъ источникомъ своимъ — ограниченія и скудость ихъ быта; пожалуй, Евреи могутъ не принимать этихъ слабостей на свой счетъ, представляя, что такія ограниченія и стѣсненія, каковыми они окружены, вызвали-бы у другаго народа не такіе, можетъ быть, пороки, а гораздо худшіе. Это они могутъ удостовѣрить еще и практическими доказательствами изъ жизни, что какъ скоро обстоятельства

(62) У насъ законы не допускаютъ производства Евреевъ-солдатъ даже въ унтеръ-офицеры, по этому и неудивительно, если храбрость у нихъ не развита, ибо „плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ“ говорилъ Наполеонъ, а тѣмъ болѣе тотъ солдатъ, который не *можетъ* быть и унтеръ-офицеромъ. Впрочемъ, въ послѣднюю войну Еврей-солдаты показали себя далеко не одиозными.

бѣднаго Еврея, зараженнаго этими пороками, поправляются сколько-нибудь, то эти слабости исчезаютъ сами собою.

Нравственныя-же свойства, приписываемыя сему народу самымъ талмудомъ, суть: похвальное — „милосердіе“ (рахманимъ бне — рахманимъ), что доказывается какъ многочисленностію благотворительныхъ учреждений, существующихъ во всѣхъ еврейскихъ обществахъ (см. предъидущую статью), такъ и частными подаваніями на вспомошествованіе бѣднымъ родственникамъ и чужимъ (ст. III. о расходахъ); дурное-же качество — высокомѣріе (азинъ бе-умость); иноплеменные наблюдатели, вида въ своемъ факторѣ, ремесленникѣ или лавочникѣ — Еврей низкопоклонство и раболѣпство, ошибаются, приписывая это малодушію, робости, самоуниженію и проч. Нисколько! Напротивъ, Еврей до того убѣжденъ въ своемъ достоинствѣ, что онъ презираетъ всѣ внѣшнія обстоятельства въ полной увѣренности, что никакое внѣшнее униженіе не можетъ уничтожить внутренняго его превосходства. Считаая себя часто (а иногда и не безъ справедливости) умнѣе и честнѣе своего минутнаго барина, которому онъ по необходимости принужденъ былъ продаться, позволяющаго себѣ деспотическое съ нимъ обхожденіе или унизительное посѣяніе, Еврей переноситъ это равнодушно и отшцаетъ ему однимъ презрительнымъ молчаніемъ.

ЧИСЛО ГРАМОТНЫХЪ И СПОСОБЪ ОБУЧЕНИЯ.

Показаніе числа грамотныхъ у Евреевъ не очень затрудняетъ писателя этнографіи сего народа, ибо, если принимать слово грамотность въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы привыкли его понимать, т. е. умѣнье читать и писать, то этнографъ можетъ прямо обратиться къ цифрѣ душъ по ревизскимъ сказкамъ Евреевъ и вычестъ изъ нея не болѣе 10%; тогда получится число грамотныхъ у Евреевъ, потому что Еврей, не умѣющій читать и, хотя сколько нибудь, писать (конечно по еврейски) составляетъ необычайную рѣдкость.

Дѣти болѣе состоятельныхъ Евреевъ обыкновенно обучаются у домашнихъ учителей, такъ называемыхъ *меламдовъ*. Прочія-же обучаются въ небольшихъ частныхъ училищахъ — *хедерахъ*, въ которыхъ меламедъ собираетъ 4 — 5 мальчиковъ и обучаетъ ихъ цѣлый день за усѣренную плату 10 — 15 р. с. въ семестръ.

Способъ преподаванія меламдовъ и содержателей хедеровъ имѣетъ многіе недостатки, противъ которыхъ давно протестовали благомыслящіе люди изъ среды самыхъ Евреевъ, въ числѣ которыхъ даже нѣкоторые авторитеты. Въ иныхъ государствахъ удалось самимъ Евреямъ преобразовать это важное учрежденіе, отъ котораго зависитъ судьба будущихъ поколѣній. Въ нашемъ-же отечествѣ обязанность эту приняло на себя Министерство Народнаго Просвѣщенія. Подчинивъ всѣ означенныя заведенія мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ, оно приняло двѣ главныя мѣры: а) подвергнуло меламдовъ предварительному экзамену, запретивъ имъ обучать безъ формальныхъ свидѣтельствъ; б) напечатало громадное количество учебныхъ книгъ, одобренныхъ Министерствомъ, виѣннивъ меламдамъ въ обязанность преподавать непременно по онимъ.

Кромѣ того, учреждены на счетъ особеннаго съ Евреевъ сбора (свѣчнаго) казенныя еврейскія училища двухъ разрядовъ, изъ которыхъ первый разрядъ соотвѣтствуетъ приходскимъ, а второй — уѣзднымъ, а въ гг. Вильно и Житомирѣ раввинскія училища, равняющіяся гимназіямъ. Сіи послѣднія раздѣлены на два отдѣленія: педагогическое, для приготовленія учителей, и раввинское — для приготовленія раввиновъ.

По новости предмета и неопытности чиновниковъ учебнаго начальства по этой части, должны были произойти въ сей системѣ, въ теченіи самаго короткаго времени (одного десятилѣтія) разныя переиѣны, именно: меламдовъ то подвергали самому строгому испытанію, которое не было возможности выдержать взрослому челоуѣку, неприготовленному къ тому съ молодости, чрезъ что меламды вынуждены были обучать втай-

нѣ безъ дозволительныхъ свидѣтельствъ, то сокращали ихъ (по просьбамъ самихъ меламдовъ и родителей, обучающихся дѣтей) программы экзаменовъ до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, такъ что этотъ экзамень составлялъ одну наружную формальность. Относительно учебныхъ книгъ вздумали составлять ихъ съ нѣмецкимъ переводомъ; хотя нѣмецкій языкъ болѣе близокъ къ разговорному еврейскому языку, но за всѣмъ тѣмъ онъ менѣе знакомъ Евреямъ, чѣмъ еврейскій и русскій. Объ содержаніи этихъ книгъ не здѣсь мѣсто входить въ критику; но нельзя не упомянуть, что Евреи не только не покупали этихъ книгъ, но даже когда разрѣшено было раздавать имъ ихъ даромъ, то и тогда они не воспользовались этимъ поощреніемъ, не находя удобнымъ обучать по нимъ своихъ дѣтей. Впрочемъ такое явленіе не было вовсе послѣдствіемъ упорства со стороны Евреевъ, но только неминуемымъ результатомъ, не вполне практическаго направленія принятыхъ Министерствомъ мѣръ.

И такъ, меламды остались при старомъ своемъ способѣ преподаванія, состоящемъ въ слѣдующемъ: мальчика 4-хъ и болѣе 5-ти лѣтъ начинаютъ обучать еврейскому алфавиту, упражняя его потомъ въ чтеніи, сначала по слогамъ, а за тѣмъ по словамъ и строкамъ прямо изъ молитвенника (сидуръ). Это продолжается, смотря по способности мальчика, 1—3 или 4 семестра. Грамматическая правильность здѣсь не соблюдается, требуется лишь легкое и плавное чтеніе.

За тѣмъ начинается 2-й курсъ — пятикнижіе (хумешъ), переводимаго на разговорный языкъ, съ прибавленіемъ герменевтическаго толкованія (Раши); вмѣстѣ съ тѣмъ мальчика учать и особенному шрифту сего коментарія. Этотъ курсъ продолжается, смотря по способностямъ мальчика, 2—6 семестровъ и болѣе. Потомъ начинается курсъ талиуда, который сначала изучается отрывками, выборками мелкихъ мѣстъ, но вслѣдъ за тѣмъ идетъ изученіе цѣлыхъ трактатовъ. Ознакомивъ мальчика нѣкоторымъ образомъ со слогомъ и способомъ изложенія талиуда, учитель

завести эту урану, которые ученикъ уже должен самъ разобрать съ лекціями (Раши) и съб-лекціями (кофессъ и нагарина) и произносить предъ учителями, строго выслушивающими за ошибками. Этотъ курсъ не имѣетъ опредѣленнаго времени, ибо зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ: способностей ученика, средствъ и желаній родителей и проч. Занятіе это бываетъ часто неслучайное, ибо трактатовъ въ талмудѣ болѣе 30, а нѣкоторые изъ нихъ едва-ли можно выучить въ 2 семестра: при чемъ учитель не снимается въ обязанность выучить мальчишка непременно всю талмуду, довольно выучить у опытнаго меламда нѣсколько трактатовъ, а талъ уже не трудно ученику или молодому человеку изучить остальные одному или вмѣстѣ съ товарищемъ (хаверъ).

Во время этого курса, добросовѣстные меламды обучаютъ мальчишковъ остальнымъ книгамъ библіи, еврейской письменности и даже русской, немногаго ариметикѣ и проч. Болѣе образованные меламды знакомятъ учениковъ съ ивѣецкимъ языкомъ посредствомъ перевода св. пис. мендельсоновой школы, грамматикою (дикдукъ) и также съ еврейскою поэзіею, беллетристикой, древними философическими и правоучительными книгами, переведенными съ арабскаго и т. п.

Въ казенныхъ-же еврейскихъ училищахъ, какъ 1-го, такъ и 2-го разрядовъ, талмудъ, самый любимый и уважаемый Евреями предметъ, съ которымъ не возможно ихъ разлучить, вовсе не преподается. Молитвенники, священное писаніе и нѣчто изъ раввиническаго законоученія преподается по упомянутымъ выше учебнымъ книгамъ, далеко не удовлетворяющимъ дѣйствительнымъ потребностямъ народа, по этому училища имѣютъ весьма незначительное число посѣтителей, ибо состоятельный отецъ предпочтетъ отыскать частнаго меламда, который будетъ обучать его сына гораздо дѣльнѣе, а несостоятельные родители, видя мало толку въ казенныхъ училищахъ, склонны бывають къ старинному рутинному образованію.

Есть еще другія учрежденія, такъ сказать высшія талиму-

дическія школы, подъ названіемъ *Ешиботъ*, въ таковыхъ (существующихъ въ болѣе значительныхъ общинахъ) читаются бесплатно публичныя лекціи талмуда; учитель вознаграждается обществомъ, а слушатели, болшею частію бѣдные, но способные молодые люди, поддерживаются тоже частными пожертвованіями. Эти послѣднія учрежденія имѣли искони большое значеніе у Евреевъ. Воспитанники ихъ назначались въ раввины и прочія духовныя должности, нынѣ они подвѣдомственны тоже учебному начальству, разсматривающему ихъ программы и ограничивающему при этомъ кругъ ихъ дѣятельности вслѣдствіе предположенія снабжать Евреевъ раввинами изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ.

Еще существуютъ общественныя училища, подъ названіемъ „Талмудъ тора“ (о которыхъ было сказано въ предшедшей статьѣ при благотворительныхъ учрежденіяхъ). Въ этихъ заведеніяхъ обучаются дѣти самыхъ бѣдныхъ Евреевъ и сироты первоначальнымъ и необходимымъ предметамъ, какъ то: молитвамъ, пятикнижію, законоученію и проч. Они нынѣ тоже подчинены учебному начальству.

Что касается обученія женщинъ у Евреевъ, то эта часть до нынѣ была въ самомъ неутѣшительномъ положеніи, именно: дѣвочки состоятельныхъ Евреевъ обучались чтенію и св. пис. съ исковерканными переводами у особыхъ учительницъ такъ называемыхъ „ребеценсъ“, которыя ходили по домамъ и давали уроки. Письму же учили писцы, безъ всякаго образованія, кромѣ четкаго почерка; дѣвочки-же бѣдныхъ Евреевъ ничему не учились, а вытверживали наизусть только самыя обязательныя молитвы. Здѣсь надобно отдать полную справедливость Министерству Народнаго Просвѣщенія, попавшему на самый прямой путь для отвращенія этого недостатка въ женскомъ образованіи, именно: оно ни сколько не бралось здѣсь преобразовать, экзаменовывать, или уничтожать старинныхъ учительницъ (ребеценсъ), подобно какъ поступило съ меладами; не напечатало учебныхъ книгъ для дѣвицъ, а только дозволило каждому выдержавшему

экзаменъ лицу мужскаго или женскаго пола открывать пансіоны для дѣвицъ и обучать приходящихъ туда за самую умѣренную плату, не стѣсняясь предметами преподаванія и объёмомъ ихъ; для поощренія и въ видѣ вознагражденія содержателей сихъ пансіоновъ отъ казны назначено было изъ суммъ свѣчнаго сбора по 600 руб. въ годъ.

Во многихъ мѣстахъ уже учреждены такіе пансіоны. Родители охотно отдаютъ сюда своихъ дѣвочекъ; сіи послѣднія обучаются очень прилежно и выказываютъ отличныя способности, такъ что эти заведенія обѣщаютъ много утѣшительнаго въ будущемъ.

РЕЛИГИОЗНЫЯ ПАРТІИ.

У Евреевъ издревле существовали почти общія всѣмъ вѣроисповѣданіямъ различныя направленія въ религіозныхъ понятіяхъ; уже Іосифъ Флавій приводитъ 3 партіи: эссениамъ, саддукеевъ и фарисеевъ, признавая первыхъ фанатиками, вторыхъ—вольнодумцами, а послѣднихъ правовѣрными. Въ среднихъ вѣкахъ мы находимъ тоже: направленіе арабско-филосовское (къ которому впрочемъ принадлежали многіе авторитеты, признаваемые всѣми партіями), партіи каббалистовъ и мистиковъ, и наконецъ талмудистовъ, составлявшихъ между тѣми и другими средину, не впадавшіе ни въ ту, ни въ другую крайность.

Между нынѣшними Евреями существуютъ тоже три направленія, и именно: въ Германіи, Франціи и Англии распространены партіи реформаторовъ и талмудистовъ (orthodoxe); въ Россіи же: партіи талмудистовъ и каббалистовъ (или хасидимъ) (63).

Хотя въ Россіи, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія, являются также болѣе и болѣе реформированные Евреи, но они,

(63) Въ Австріи развиты всѣ три партіи, именно: въ провинціяхъ често германскихъ распространены реформаторы; и талмудисты, въ славянскихъ же провинціяхъ господствуютъ талмудисты и хасиды.

не имѣя особеннаго обряда богослуженія (cultus) (64), не могутъ еще считаться особою партіею. Талмудисты же и каббалисты или какъ привыкли ихъ называть—*миснаиды и хасиды*, имѣютъ особенные обряды молитвы, именно первые молятся по германскому обряду (ашкеназъ), а послѣдніе — по португальскому обряду (сефардъ) (65). Въ существенныхъ догматахъ религіи между хасидами и миснагидами нѣтъ никакого разногласія. Въ отношеніи-же исполненія обрядовъ, хотя и существуютъ между ними нѣкоторыя различія, но объ партіи основываются одинаково на древнихъ раввинско-литературныхъ авторитетахъ (миснагиды исполняютъ нѣкоторые обряды по объясненію М. Иссерлиса, а хасиды по—І. Карау). Хасиды раздѣлены между собою тоже на различные толки. Главныя черты всѣхъ ихъ: постоянная веселость, смѣлость, равенство, предпочтеніе восторженной молитвы всѣмъ добродѣтелямъ, дружелюбію,

(64) Въ Германіи реформированные Евреи имѣютъ особенный обрядъ богослуженія. Нѣкоторые молятся по нѣмецки, празднуютъ воскресенье вмѣсто субботы; органъ и хоръ дѣвицъ сопровождаетъ пѣніе кантора при богослуженіи, и проч. Но обрядъ этотъ не имѣетъ общеканонической силы, а каждый реформаторъ раввинъ (или докторъ) устраиваетъ его въ своей епархіи по благоусмотрѣнію. Пытались эти реформаторы раввины созывать сборы (въ Брауншвейгѣ, въ Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Бреславлѣ) въ 1844—1846 г. Соборы эти дѣйствительно собирались, занимались преніями, возбуждали протесты, но ничего положительнаго не установили. Протоколы этихъ сборовъ напечатаны были каждый своевременно въ названныхъ мѣстахъ.

(65) Партія хасидовъ образовалась въ прошломъ вѣкѣ на Волыни. Основателемъ ея былъ Израиль Бааль-шемъ, нашедшій многихъ послѣдователей въ Украинѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи, а также (въ меньшемъ объемѣ) въ Литвѣ и Польшѣ, откуда эта секта перешла въ Галицію. Для отдѣленія своихъ послѣдователей отъ непризнававшихъ новаго ученія (миснагидовъ), установленъ былъ для первыхъ португальскій обрядъ молитвы, по которому молятся испанскіе и португальскіе Евреи (сефардъ), такъ какъ формулы этого обряда болѣе соотвѣтствуютъ каббалистическому направленію и болѣе приурочены къ восторженности, составляющей у хасидовъ главное условіе молитвы.

а въ особенности безпредѣльная привязанность и обожаніе главнаго своего раввина или цадика.

Во всѣхъ этихъ качествахъ есть много хорошаго и полезнаго, особенно широкое вліяніе цадика могло-бы очень благотѣтельно дѣйствовать на массу и направлять ее ко всему современному и полезному, чего у миснагидовъ, не имѣющихъ іерархической точки опоры, трудно ожидать. Но, къ сожалѣнію, каждая изъ этихъ іерархическихъ главъ такъ занята своею набожностію и соревнованіемъ съ своими соперниками, что ей не до гражданско-нравственной стороны народнаго быта.

Правительство много заботилось объ изученіи внутренняго быта сей партіи, предполагало принять мѣры къ исправленію нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ ея, но убѣдившись въ безуспѣшности административныхъ мѣръ въ дѣлѣ совѣсти, признало за лучшее предоставить это времени и грядущему прогрессу, который самъ собою мало по малу изгладитъ недостатки (⁶⁶).

VI. Народныя преданія и памятники.

Этотъ параграфъ писателю этнографіи Евреевъ затруднителенъ для удовлетворенія любознательности иноплеменнаго читателя. Но настоящему требуется здѣсь описаніе преданій и памятниковъ мѣстныхъ, тогда какъ преданія и памятники еврейскіе болѣе связаны съ древними временами обитанія ихъ въ другихъ отдаленныхъ краяхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВРЕМЕНАХЪ ПРОШЕДШИХЪ.

Воспоминаніями о временахъ прошедшихъ изобилуетъ память сего народа, я говорю память, хотя всѣ

(⁶⁶) Хасиды серьезно отстаиваютъ свое дѣло, съ похвальною національнію (если можно такъ выразиться) каждый готовъ жертвовать всѣмъ возможнымъ на защиту своей партіи и іерархической главы.

преданія водворены въ его литературѣ, вслѣдствіе весьма ранняго развитія между Евреями письменности. Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ народовъ, не имѣетъ такой отчетливой исторіи съ самаго своего начала до настоящаго времени, какъ Евреи. Исторія ихъ древности не заключается въ мифѣ, а въ логическо-последовательномъ изложеніи фактовъ. Въ древности лѣтописи были обязанностію лицъ первостепенныхъ: пророковъ и прочихъ религиозныхъ или государственныхъ авторитетовъ. Всѣ событія сего народа такъ тѣсно и неразрывно связаны съ его религіею и постепеннымъ развитіемъ ея, что не могутъ никогда изгладиться изъ умовъ исповѣдующихъ Моисеевъ законъ. Со времени потери народомъ своей самостоятельности, его исторія стала изобиловать трагическими событіями, преслѣдованіями, гоненіями. Тогда, по выраженію одного талмудиста, прекращено было внесеніе всѣхъ подобныхъ случаевъ въ лѣтописи, „ибо нельзя успѣвать записать всѣхъ бѣдъ“. Съ тѣхъ поръ прекращаются всѣ политическія преданія въ исторіи сего народа; о героическихъ подвигахъ, побѣдахъ ратныхъ и т. п. уже нѣтъ и помину, а является рядъ подвиговъ религиозныхъ, твердость въ страданіяхъ замѣняетъ храбрость, а самоотверженіе и мученичество — составляютъ героизмъ Евреевъ. Въ Россіи, благодаря терпимости греческой церкви и врожденному русскому народу добродушію, этотъ народъ страдалъ несравненно менѣе, чѣмъ на другихъ почвахъ Европы. Одно только возстаніе Богдана Хмельницкаго въ Украинѣ и Малороссіи стоило ему жизни многихъ тысячъ лицъ и огромнаго лишенія собственности⁽⁶⁷⁾, въ память чего установленъ у Евреевъ, обитающихъ въ тѣхъ краяхъ, постъ 20-го сивана (около іюня) и особая молитва въ родѣ панихиды, которыя, впрочемъ, рѣдко исполняются.

(67) Подробное объ этомъ описаніе, по свидѣтельству очевидца лѣтописца Еврея, представлено мною въ переводѣ и напечатано въ журналѣ Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, книга первая, 1859 года.

НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ И СКАЗКИ.

Сказки и рассказы народные, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, имѣютъ характеръ баснословный и не отличаются исключительно національнію, такъ какъ они заимствованы или изъ арабскихъ и испанскіихъ повѣствованій, или изъ древнегерманскихъ. Вообще всѣ они имѣютъ направленіе болѣе религіозное: то рассказывается о благочестивомъ раввинѣ и его супругѣ (Row et Rebezen), то о богачѣ-благодѣлѣ и его единомъ сынѣ или дочери, то объ ученомъ странствующемъ холостякѣ (Wanderbocher), а также о кладахъ и золотыхъ замкахъ, въ дремучихъ лѣсахъ, о княжескихъ дочеряхъ (басшакке) и т. п. Въ этихъ рассказахъ допускаются и любовныя интриги (чего въ пѣсняхъ не допущено, какъ пояснено будетъ далѣе), увѣнчивающіяся обыкновенно счастливымъ результатомъ; въ концѣ говорится часто „пили медь да вино, по бородѣ текло, да въ ротъ не попало“. Многіе изъ этихъ рассказовъ напечатаны въ тетрадахъ, подъ заглавіями „маасе-бухъ“. Такъ какъ онѣ не заключаютъ въ себѣ особаго интереса ни для исторіи, ни для характеристики народа, то я не стану распространяться объ нихъ. Составленные же въ послѣднее время даровитыми писателями на разговорномъ еврейскомъ языкѣ, подобные рассказы имѣютъ характеръ болѣе романическій, направленный къ нравственнымъ цѣлямъ и современнымъ потребностямъ. Единственный народный рассказъ, имѣющій нѣкоторый историческій интересъ, заключается въ томъ, что въ Брестъ-Литовскѣ жилъ въ XVII вѣкѣ раввинъ (итальянскаго происхожденія, изъ Падуи) Шаулъ Каценеленбогенъ, названный потомъ Saul Wahl, вслѣдствіе избранія его польскимъ сеймомъ, по представленію князя Радзивилла, въ короли польскіе на одну ночь, до соглашенія сейма на счетъ избранія короля. Объ этомъ предметѣ недавно издано въ Лондонѣ полное на еврейскомъ языкѣ сочиненіе съ подробными свидѣтельствами правнуковъ

сего раввина, разсѣянныхъ по всему земному шару, начиная отъ Брестъ-Литовска до Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ разсказъ долженъ быть подвергнутъ строгой критикѣ и соображенію съ польскими лѣтописями, о чемъ согласяется мною статья, которая своевременно будетъ представлена въ Императорское Общество Исторіи и Древностей.

П Ъ С Н И.

Пѣсень, употребляемыхъ народомъ при увеселительныхъ случаяхъ, при всей склонности Евреевъ къ пѣнію, у нихъ нѣтъ. Потому что праздниковъ народныхъ (какъ пояснено въ ст. о домашнемъ бытѣ) у Евреевъ не существуетъ, а имѣются только синагогальныя пѣсни, знакомыя почти каждому Еврею; не говоря уже о субботнихъ пѣсняхъ, распѣваемыхъ при обѣдѣ (земи-росъ), не рѣдко ремесленникъ, занимающійся въ будничные дни, во время работы, поетъ синагогальныя пѣсни (пикотимъ, тефи-лосъ). Мелодіи этихъ пѣсень дышатъ всегда меланхоліею и элегическимъ настроеніемъ, весьма часто даже поются одни мелодіи безъ текста. Творенія поэтовъ различныхъ эпохъ сохраняются въ литературныхъ произведеніяхъ и доступны одному только образованному сословію, такъ какъ они составлены не на разговорномъ народномъ, а на древнемъ еврейско-библейскомъ языкѣ. Въ сихъ поэтическихъ твореніяхъ не допускаются любовныя олицетворенія и т. п. Поэты, дозволившіе себѣ подобныя сюжеты, подвергли свои сочиненія запрещенію раввиновъ (68).

Произведенія же нынѣшнихъ писателей на разговорномъ еврейскомъ языкѣ хотя принаровлены къ народному духу и его потребностямъ, но все-таки не пользуются пока популярностію

(68) Главнѣйшій изъ нихъ Иммануиль-бенъ-Салома итальянскій поэтъ XIII вѣка, сочиненія котораго, не смотря на всѣ ихъ филологическія достоинства—запрещены.

и знакомы только высшему кругу; они даже не удостоились еще публичности чрезъ печать.

Для ублаживанія младенцевъ няньки распѣвають ничтожныя пѣсенки на разговорномъ языкѣ, сюжетъ которыхъ составляютъ любимыя народныя принципы: набожность и богатство (69).

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ПРИБАУТКИ И ПРОЧ.

Пословицы, поговорки, прибаутки и причитанья, весьма любимы еврейскимъ народомъ; съ малаго до великаго, у бѣднаго и богатаго, при бесѣдѣ самой серьезной и самой маловажной дѣло не обойдется безъ остроты и поговорки (gleich wort). Обильный запасъ таковыхъ находится въ самомъ талмудѣ (гайне-деамреинше), составляя чуть-ли не цѣлый сводъ этики. Эти поговорки знакомы каждому, скольконибудь грамотному Еврею (а безграмотныхъ у Евреевъ не много). При томъ племя еврейское гостило по нѣсколькимъ вѣкамъ въ разныхъ государствахъ и позанимствовало множество поговорокъ и пословиць. Германскіе ученые Евреи обратили въ послѣднее время вниманіе на этотъ предметъ и старались собрать относящіеся къ нему матеріалы, выработать и объяснить оныя (см. Zeitung des Judenthums, 1840-выхъ годовъ). Знаменитый юмористъ Зафиръ, удивлявшій всю Европу своими остротами, принадлежалъ къ еврейскому племени; подобные талантливыя прибаутники пропадаютъ у Евреевъ въ званіи весельчаковъ на еврейскихъ свадьбахъ (бадханъ) по причинѣ неполученія ими серьезнаго эстетическаго образованія и незнанія европейскихъ языковъ.

(69) Въ родѣ того: подѣ люлькой (имя рекъ) стоитъ козочка бѣлая, козочка поѣхала торговать изюмомъ и миндалями; изюмъ и миндали товаръ наилучшій, но (имя рекъ) будетъ (лучше) торѣ учиться; изюмъ и миндали очень сладки, да будетъ (имя рекъ) живъ и здоровъ. Этотъ переводъ въ оригиналѣ украшенъ рѣчами.

ЗАГАДКИ.

Загадки или въ родѣ сего задачи—(капешь) составляютъ у Евреевъ средства для развитія умственныхъ способностей у дѣтей. Часто задаютъ мальчику софистическій вопросъ, который трудно разрѣшить и иному взрослому человѣку; мальчика мало по малу наводятъ на путь, за удачное рѣшеніе поощряютъ его похвалами и подарками (70). Задачи составляютъ пробный камень для узнанія способностей мальчика, они задаются, смотря по возрасту. Эта метода, по выраженію народныхъ педагоговъ, служитъ къ изопренію мозга, и дѣйствуетъ благотѣльно на пробужденіе прилежанія и охоты къ умственнымъ упражненіямъ молодыхъ головъ.

ЗАГОВОРЫ И ПРИМѢТЫ.

Заговоры и примѣты, какъ объяснено выше (ст. домашній бытъ) не только противорѣчатъ духу еврейской религіи, догматически запрещающей не только прибѣгать въ несчастныхъ случаяхъ къ средствамъ неестественнымъ, но талмудъ называетъ даже всѣ примѣты „слѣдами эморайскими“ (древній языческій народъ „эмориты“) — *дарке эмори*. Однакожь много вкоренилось въ народѣ предрасудковъ, большею частію согласныхъ съ мѣстными суевѣріями обитаемыхъ Евреями странъ. Русскіе

(70) Спрашиваютъ напр. у самаго маленькаго ребенка: „Въ окнѣ вышибено стекло, въ отверстіе влетѣла птичка; чтобы она не вылетѣла, хозяинъ вынулъ стекло изъ примыкающей оконницы и вставилъ его въ отверстіе“. Если мальчикъ не тупъ, то онъ спрашиваетъ: „такъ она-же вылетитъ изъ новаго отверстія“? отвѣтъ: „въ другое отверстіе вставили дощечку“; вопросъ: „можно было вставить дощечку и въ первое отверстіе“? отвѣтъ: „дощечка была коротка и не закрывала плотно перваго отверстія“ вопросъ: „какъ же закрывало его вынутое изъ другой оконницы стекло“? и т. д., и т. д.

Евреи, подобно своимъ христіанскимъ соотечественникамъ, считаютъ понедѣльникъ несчастнымъ днемъ, встрѣчу съ священникомъ недобрымъ предзнаменованіемъ, встрѣчу водоноса съ полными ведрами благопріятнымъ (почему при шествіи жениха къ вѣнчанію водоносы стараются встрѣчать его съ полными ведрами и получаютъ за то подарки) и много подобнаго. Заговоры большею частію мѣстные, кромѣ заговоровъ бааль-шемовъ, состоящихъ изъ несвязныхъ каббалистическихъ словъ безъ всякаго смысла и значенія, о которыхъ распространяться нечего.

ТОЛКОВАНІЕ СНОВЪ.

Толкованіе сновъ имѣетъ у Евреевъ большое значеніе. Въ Библии Еврей читаетъ значеніе сновъ Фараона и Невухадносоры. Талмудъ, хотя не признаетъ положительно вліянія сновъ на судьбу человѣка, однакожъ не отвергаетъ иногда знаменательности нѣкоторыхъ сновидѣній. По праздникамъ, во время благословенія кагановъ (духанъ), читается особая молитва объ отвращеніи всѣхъ непріятныхъ послѣдствій, могущихъ приключиться чрезъ недобрые сны. Еврей, увидя ночью дурной сонъ, вставая утромъ, созываетъ 3-хъ друзей и рассказываетъ имъ свою печаль; они утѣшаютъ его по установленной формулѣ (гатавасъ-хдлемъ) читаютъ нѣкоторые стихи изъ св. пис., приличные сему случаю, и сновидѣць успокоивается. По инымъ снамъ постытятся, если здоровье позволяетъ, и въ этомъ воздержаніи находятъ лучшую увѣренность противъ дурныхъ послѣдствій сновидѣнія. Однимъ изъ дурныхъ сновъ считается выпаденіе зуба, знаменующее близкую смерть одного изъ членовъ семейства сновидца.

А.

Азинъ-бе-умосъ—твердѣйшіе между народами.

Аинъ-га-ра — худой глазъ, наглядка, которая, по вѣрованію народа, губительна для дѣтей.

Амъ-га-арецъ—невѣжа, неучъ.

Арбе-кѣнфесъ — четырех-конечникъ; религіозная одежда Евреевъ, состоящая изъ длинной четырехъ-угольной накладки съ повязками по четыремъ концамъ.

Асифа—собраніе почетвѣйшихъ членовъ общества для совѣщанія по общественнымъ дѣламъ.

Ашкеназъ — германскій; такъ называется обрядъ молитвы большею частію русскихъ Евреевъ, согласно съ обрядами молитвъ германскихъ Евреевъ.

Айнъ-гемахцъ (не-евр.)—родъ холоднаго компота изъ рѣпы, инбиря и меду.

Б.

Баалъ-га-босъ (правильнѣе *баалъ-га-баисъ*) — домохозяинъ; названіе, прилагаемое Еврею посредственнаго матеріальнаго состоянія или посредственныхъ умственныхъ способностей.

Баалъ-маніа — корректоръ писанныхъ святыхъ свертковъ по масоретическимъ правиламъ.

Баалъ-шемъ—родъ шарлатана, творящаго чудеса помѣщю произношенія каббалистическихъ именъ Божіихъ.

Бадхенъ—весельчакъ, развеселяющій гостей при свадьбѣ.

Баръ-мицво — исполнитель заповѣдей; такъ называется мальчикъ, достигшій 13-ти лѣтняго возраста.

Басъ-мáже—царевна; личность, встрѣчаемая въ престопадныхъ сказкахъ.

Бель-зàтєрз—поздравленіе и чтеніе молитвы въ вечеръ первой субботы послѣ рожденія дитяти мужскаго пола.

Бѣсдилъ—еврейское судилище, состоящее изъ раввина и 2-хъ ассистентовъ (даіанимъ).

Бикуръ-гóлмъ—посѣщеніе больныхъ; благотворительное общество.

Бóрєрмъ—избиратели, выбираемые по балотировкѣ для назначенія старшинъ и прочихъ должностей какого либо благотворительнаго общества, и т. п.

Бригъ-шмєй—молитва на арамейскомъ языкѣ, читаемая Евреями при выниманіи св. свертка изъ кивота.

Бсулимъ — дѣвичья невинность.

В.

Видуй — исповѣдь, читаемая въ день отпущенія грѣховъ, а также опасно больнымъ Евреямъ.

Г (⁷¹).

Гáбай (множ. габáймъ) — старшина школы или какого либо братства.

Гáврáа — первая закуска горющихъ послѣ похоронъ покойника, которую должны принести сосѣди.

Гáиáда — требникъ, читаемый предъ столомъ въ первые два вечера праздника пасхи.

Гáйне-дáмре-инше (вотъ какъ люди говорятъ) — выраженіе талмуда при приведеніи народной пословицы.

Гáонъ — буквально: гордость, т. е. личность, знаменитая своими познаніями, составляющая гордость своего народа.

(⁷¹) Такъ какъ Г изображаетъ и *g* и *h* что въ евр. языкѣ большая разница то, всѣ гѣ Г, которыя должны быть произносимы какъ *h* отмѣчены звѣздочкою *.

Гомзасъ-голама — одобрение сновидения, т. е. обрядъ, исполняемый 3-мя друзьями сновидца, которымъ онъ рассказываетъ свой сонъ.

Галносаъ-кала — пристроение невесты; братство, заботящееся о выдаче замужъ бѣдныхъ дѣвицъ, снабженіи приданнымъ и проч.

Гевиръ — богачъ, большой капиталистъ.

Гѣдиотъ — невеста (idiot).

Гѣкдеиъ — общественное зданіе для больныхъ, а также для пріюта бѣдныхъ странствующихъ Евреевъ.

Гемилусъ-хасбидиъ — дѣланіе милости, т. е. братство, дающее капиталъ въ одолженіе безъ процента.

Гетъ — разводный листъ, писанный на арамейскомъ языкѣ.

Гидинъ — нитки изъ овечьихъ жилъ для пришиванія пергаментныхъ листовъ св. свертковъ одинъ къ другому, а также нижней части пергаментныхъ ковчеговъ (тефилинъ).

Д.

Дайанимъ — ассистенты, находящіеся при раввинѣ для помощи при разрѣшеніи денежныхъ и супружескихъ споровъ.

Дарке-эмори — всѣ нелѣпыя обыкновенія, вкоренившіяся у народа по суевѣрнымъ причинамъ, называются талмудомъ: слѣды эморайскіе (народъ, обитавшій въ Палестинѣ при покореніи ея Иисусомъ Навиннымъ).

Дикдукъ — грамматика еврейскаго языка.

Духанъ — благословеніе, читаемое каганами въ синагогѣ по праздничнымъ днямъ по окончаніи общественной молитвы.

Е. (72)

Екумъ-пурканъ — молитва на арамейскомъ языкѣ, читаемая въ субботу послѣ чтенія пятикнижія.

(72) Всѣ эти слова правильнѣе писать чрезъ Je.

Еріоѳъ — листы пергамента, на которыхъ пишется св. свертокъ.

Ецѳъ-іа-раа — склонность ко злу.

Ецѳъ-товъ — склонность къ добру.

Ешиба (множ. *ешиботъ*) — главные талмудическія школы.

З.

Земироѳъ — пѣсни на еврейскомъ языкѣ, которыя Евреи поютъ въ субботу за столомъ, а также піесы, которыя еврейскіе музыканты играютъ у невѣсты на исходъ субботы, предшествующей свадьбѣ.

Зѳѳъ-ле-хурбанъ — память разрушенія храма Іерусалимскаго.

Зикорекъ-двоумъ — памятная записка, т. е. условіе по торговымъ дѣламъ на еврейскомъ языкѣ.

И.

Ишъ-оумдъ — состоятельный человѣкъ.

І.

Іахсанъ (множ. *іахсанимъ*) — родословный человѣкъ, имѣющій преимущество по своему происхожденію.

Іодѳа-сѳѳѳъ — свѣдущій въ еврейскихъ книгахъ.

Іоре-шомѳимъ — боящійся неба, т. е. богобоязливый.

К.

Каббала — теологическая философія въ мистическомъ толкованіи (gnosticism).

Каболасъ-киманъ — принятіе или полученіе купленной вещи; обычай, исполняемый при совершеніи разнаго рода сдѣлокъ у Евреевъ.

Кабренъ — погребальщикъ.

Кабценъ — собирающій милостыню.

Каналъ — собраніе главныхъ членовъ общества.

Кананы — Евреи, происходящіе отъ потомковъ великаго жреца Аарона, которые пользуются въ народѣ нѣкоторымъ преимуществомъ.

- Кадшиз* — молитва на арамейскомъ языкѣ, читаемая Евреями, обыкновенно сиротами, послѣ общественной молитвы.
- Каше* (мн. *кашесэ*) — задача, загадка.
- Кешерз* — обязательство, актъ, на еврейскомъ языкѣ, по разнымъ торговымъ сдѣлкамъ.
- Кидушиз* — молитва, читаемая при входѣ субботы на бокаль съ виномъ.
- Кителъ* (не-евр.) — смертная рубашка, которую носятъ въ день отпущенія грѣховъ и въ ней хоронятъ мертвыхъ.
- Клезмóримз* — еврейскіе музыканты.
- Кнѣйдлехз* (не-евр.) — круглая клѣчка изъ муки для приварки супа въ праздникъ пасхи.
- Кóсевъ-га-каналз* — кагалный или общественный писарь.
- Коцинз* — зажиточный, богатый Еврей, пользующійся уваженіемъ общества.
- Кóшерз* — способный, годный къ употребленію въ пищу, или по прочимъ случаямъ.
- Крѣбхенз* (не-евр.) — маленькіе 3-хъ угольные пирожки съ мясомъ для приварки супа.
- Криа* — раздираніе горящимъ отворота верхняго платья по случаю смерти самыхъ близкихъ родственниковъ.
- Криасз-шма* — произношеніе стиховъ: „слушай Израиль: Богъ нашъ, Богъ единъ“ и пр.
- Ксуба* — брачная запись Евреевъ писанная на арамейскомъ языкѣ.
- Кугель* (не-евр.) — родъ пирожного съ жиромъ, употребляемаго въ субботу (круглое) kugel.

Л.

- Ламданз* — ученый, талмудистъ.
- Лавіе* — выносъ тѣла покойника изъ дома до кладбища.
- Левіты* — Евреи, происходящіе отъ колѣна Леви, 3-го сына Иакова.
- Лѣкехз* (не-евр.) — пряникъ, лакомство, leckerei.

Лѣселъ-зѣѣимъ — хлѣбъ для бѣдныхъ: благотворительное братство этого названія.

М.

Магаршаа — коментаръ знаменитаго польскаго раввина на талмудъ.

Маидъ — проповѣдникъ.

Мазелъ-товъ — добрая звѣзда; выраженіе для поздравленія при рожденіяхъ, бракахъ, и подобныхъ случаяхъ.

Ма-іофисъ — одна изъ пѣсень, пропѣваемыхъ Евреями при субботнемъ обѣдѣ.

Малбишъ-арумъ — одѣвающіе нагихъ: названіе благотворительнаго общества, снабжающаго бѣдняковъ одеждою.

Махзікэй-іесомъ — поддержатели сиротъ; названіе благотворительнаго общества.

Мацево (множ. *мацевосъ*) — надгробная доска или камень.

Маца — опресноки, приготовляемые Евреями для кушанья въ праздникъ пасхи вмѣсто хлѣба.

Мезуза — а) кусокъ пергамента, исписанный главами св. писанія, который Евреи прибавляютъ на дверяхъ и воротахъ; б) талисманъ, навѣшываемый дѣтямъ на шею.

Мекаше лейлейдъ — сильно мучающаяся во время родовъ.

Меламедъ — домашній учитель.

Месъ-міцво — заповѣдныи покойникъ, т. е. мертвое тѣло, не имѣющее родныхъ, которые занимались бы его похоронами.

Мехіла — прощеніе, просимое у покойниковъ, послѣ исполненія обрядовъ, а также прощеніе вообще.

Мецица — высасываніе верхней крови послѣ обрѣзанія мальчика.

Мешане-га-шемъ — перемѣна имени, т. е. парицаніе больному другаго имени съ цѣлю перемѣнить его судьбу.

Мидрашъ — самый древній герменевтическій коментаръ св. писанія, въ которомъ много легендъ, басенъ и рассказовъ.

Мизрахъ — востокъ; сторона, къ которой Евреи стоятъ лицомъ во время отправленія молитвъ; на этой стѣнѣ повѣшены особаго рода политипажи съ стихами св. писанія.

Миква — резервуаръ въ банѣ для купанья очищающихся женщинъ.

Мингагъ — обычай; „мингагъ меватель галоха“ — обычай сильнѣе закона.

Мисна́идъ — противящійся; такъ хасиды называютъ всѣхъ Евреевъ, непризнающихъ ихъ ученія.

Митта — одръ, носилки, на которыхъ носятъ тѣла умершихъ изъ дома до кладбища.

Мишна — сводъ преданій, къ которымъ талмудъ служитъ какъ бы каментаріемъ.

Мишна́юсъ — братство, читающее мишну.

Мбэс-хитимъ — деньги для пшеницы, собираемыя предъ праздникомъ пасхи для раздачи бѣднымъ.

Мукас-эзъ ударенная коломъ; такъ называютъ дѣвицу, потерявшую свою невинность вслѣдствіи посторонней причины, какъ ушиба и т. п.

Муфлевъ — отличный талмудистъ.

Н.

Неемонъ — довѣренный или казначей.

Нихумъ авелимъ — утѣшеніе горюющихъ.

Ницрехъ — нуждающійся, бѣдный.

Нѣидъ — состоятельный, достаточный, имѣющій положеніе въ обществѣ по своему капиталу.

О.

Онкелосъ — арамейскій переводъ пятикнижія, освященный Евреями по своей древности.

П.

Пърнесъ-хбдемъ — каждый изъ избранныхъ Евреевъ, завѣдывающихъ общественными дѣлами помѣсячно, по очереди.

Пацъ (пбале-цѣдекъ) — правильно дѣйствующіе, т. е. общество мастеровъ.

Пеосъ — длинные волосы по обоимъ вискамъ, носимые Евреями при старомъ ихъ костюмѣ.

Пешара — миролюбивое разбирательство тяжущихся.

Пидіонъ-та-бѣнъ * — выкупъ сына, именно первенца у кагана по извѣстному обряду.

Пинкесъ — общественная книга.

Пирсуме-нисе — зажиганіе свѣчей въ синагогѣ въ первый вечеръ праздника ханука, совершаемое съ торжествомъ.

Піотъ (множ. *піотимъ*) — оды и вообще молитвы, сочиненныя римами.

Плетъ (не-евр.) — записка, выдаваемая служителемъ синагоги бѣдному гостю для принятія его къ столу состоятельнаго Еврея въ субботу и праздничные дни (*billet*).

Приа — раздираніе препуціа послѣ обрѣзанія.

Псакъ — рѣшеніе, приговоръ бедина.

Пуримъ — праздникъ избавленія отъ бѣдъ, подготовленныхъ Евреямъ Аманомъ при персидскомъ царѣ Ахашверусѣ (Херх), совпадающій около марта.

Р.

Рахамимъ-бне-рахманимъ — милосердные сыновья милосердныхъ.

Раши — главный комментарий библіи и талмуда, писанный особеннымъ еврейскимъ шрифтомъ.

Рѣбецель (множ. *ребецель*) — учительница-женщина, обучающая еврейскихъ дѣвочекъ въ нѣкоторыхъ краяхъ.

Рецуосъ — полоски изъ телячьей кожи, которыми привязываютъ тефилинъ къ головѣ и лѣвой рукѣ во время утренней молитвы.

Рѣ-хѣибенъ — счетчикъ, избираемый для повѣрки прихода и расхода у назначесвъ братства.

С.

- Сидуръ* — требникъ для ежедневныхъ, субботнихъ и праздничныхъ молитвъ.
- Сидуръ-кдушинъ* — порядокъ сочетанія, состоящій въ чтеніи молитвъ и брачной записи при вѣнчаніи.
- Симхасъ-то́ра* — послѣдній день праздника кущей, въ который Евреи оканчиваютъ годовичное чтеніе пятикнижія и начинаютъ снова, почему много веселятся.
- Сюмъ-то́ра* — окончаніе писанія экземпляра пятикнижія на пергаментѣ для св. свертковъ, которое обыкновенно совершается съ торжествомъ.
- Сміхосъ* — молитвы, читаемыя по разнымъ постнымъ днямъ.
- Сѳеръ* — писецъ, пишущій св. свертки, тефилинъ и мезуза еврейскимъ квадратнымъ шрифтомъ на пергаментѣ.
- Стамъ-іейномъ* — виноградное вино, приготовленное не-Евреемъ.
- Сукка* — будка изъ досокъ, крытая ельникомъ, устроенная для праздника скинопигія (куща).
- Сфардъ* — португальскій или испанскій обрядъ молитвы.
- Сзуда* — пиръ, даваемый членамъ святаго братства погребателей.

Т.

- Тайара* — очищеніе или омываніе тѣла мертваго.
- Тайара-штубъ* — домикъ на кладбищѣ, въ которомъ исполняется обрядъ омыванія.
- Талисъ* — 4-хъ угольное шерстяное покрывало, надѣваемое на плеча во время утренней молитвы.
- Талмудъ-тора* — обученіе торы; учрежденіе для воспитанія бѣдныхъ дѣтей и сиротъ.
- Тазрихинъ* — одежды, въ которыя одѣваютъ мертвыя тѣла предъ преданіемъ ихъ землѣ.
- Тейлехъ* (не-евр.) — лакомство изъ тѣста, яицъ и меда.

- Текіас-кафъ* — подаіе руки, служащее обязательнымъ подтвержденіемъ всѣхъ родовъ сдѣлокъ.
- Тейлины* — пергаментные ковчегы, привязываемые къ головѣ и лѣвой рукѣ во время утренней молитвы.
- Тейлосъ* — молитвы; такъ называются тѣ молитвы дней покаянія, которыя составлены стихами и имѣютъ особыя мелодіи.
- Техейлесъ* — синія полоски по краямъ талиса.
- Тилины* — псалтырь; названіе братства, читающаго псалтырь.
- Тноины* — условія; актъ, составляемый при обрученіи.
- Тбанисъ* — адвокаты по спорнымъ дѣламъ, объясняющіе доводы тяжущихся сторонъ предъ бесдиномъ.
- Тгоръ* — чисть.
- Тосфесъ* — прибавленіе, т. е. пренія раввиновъ, жившихъ въ началѣ среднихъ вѣковъ во Франціи, на талмудъ и его комментарія.
- Трефъ* — непозволительно кушать или пить.

Ф.

Фарфель — (не-евр.) родъ вермишеля для приварки супа.

Х.

- Хаверъ* — товарищъ по занятіямъ ученія.
- Хазанъ* — канторъ, отправляющій общественную молитву при кивотѣ.
- Хай-аноинъ* — 18 лицъ, приглашаемыхъ раввиномъ для совѣщанія по дѣламъ духовнымъ.
- Хала* (множ. *халосъ*) — пшеничныя булки или калачи, которые Евреи пекутъ на субботу и праздничные дни.
- Ханука* — праздникъ Маккавеевъ, совпадающій около декабря.
- Хасидъ* (множ. *хасидимъ*) — Евреи, принадлежащіе къ партіи каббалистовъ, молящіеся по португальскому обряду и обожаящіе своего предводителя.

Хевра-кадиша — святое братство, или братство погребальщиковъ.

Хевра-линосъ — братство ночующихъ, члены котораго ухаживаютъ за больными бѣднаго состоянія.

Хевросъ — братства, благотворительныя и благочестивыя общества.

Хедеръ (множ. *хедоримъ*) — мелкое частное училище для еврейскихъ предметовъ.

Хелекъ-олемъ-таба — часть будущаго свѣта, т. е. духовное вознагражденіе въ вѣчной жизни.

Хитимъ-анимъ — пшеница, раздаваемая бѣднымъ на праздникъ пасхи.

Хитухъ — обрѣзаніе препуція младенца, самая суцая обязанность при операціи обрѣзанія.

Хумешъ — пятикнижіе Моисея.

Хупта — балдахинъ, подъ которымъ вѣнчаютъ новобрачныхъ.

Ц.

Цавоа — завѣщаніе опасно больнаго предъ смертью.

Цадикъ — праведникъ; титулъ присвоенный предводителямъ секты хасидовъ.

Цемукимъ — напитокъ, приготовляемый Евреями изъ изюма.

Цидукъ-та-динъ — оправданіе суда, т. е. молитва, читаемая послѣ похоронъ мертвыхъ, въ которой какъ горюющіе, такъ и прочіе оправдываютъ и признаютъ за благо, постигшій ихъ судъ Божій.

Цимесъ (не-евр.), — десертное блюдо изъ огородныхъ овощей съ мясомъ и медомъ.

Цицисъ — повязка въ восемь нитокъ, привязываемая къ кончикамъ талиса и арбе-канфеса.

Ш.

Шалосъ-тешувосъ — вопросы и отвѣты по богословскимъ предметамъ, сочиняемые великими раввинами по встрѣчающимся у нихъ случаямъ.

Шадхонесъ — вознагражденіе, получаемое сватами за ихъ посредничество въ дѣлѣ брака.

Шадхонимъ — мужчины-сваты, занимающіеся сочетаніемъ партій.

Шамешъ (множ. *шамошимъ*) — служители синагоги, разныхъ братствъ, бедина и т. п., также дѣйствующіе члены братства погребателей.

Шева-брахосъ — семь благословеній, произносимыхъ при вѣчаніи и за свадебнымъ столомъ.

Шлиши-ле-мила — третій день послѣ обрѣзанія.

Шива-некимъ — семь чистыхъ дней, которые жепщина считаетъ послѣ очищенія, прежде омыванія себя въ теплой купальнѣ.

Ширъ-а-мдалосъ — 120-й псалмъ, написанный на $\frac{1}{8}$ листа бумажки и наклеиваемый на дверяхъ въ комнатѣ родильницы.

Шмура — мукъ для опресноковъ праздника пасхи, которую еще въ зернахъ сохраняютъ отъ сырости.

Шблишъ — третье лицо, подъ руки котораго родители бракосочетающихся вкладываютъ приданое.

Шолентъ (не-евр.) — субботнее кушанье, приготовляемое въ пятницу и вставляемое въ большомъ горшкѣ въ закрытую печку до завтра.

Шопримъ-ла-бюкеръ — члены братства, рано встающіе, и читающіе молитвы въ синагогѣ.

Шохетъ — рѣзникъ животныхъ и птицъ по еврейскому обряду.

Штадленъ — ходатай, общественный писарь для русскаго или польскаго языка.

Э.

Эйнъ-іакобъ — отрывки изъ талмуда, относящіеся болѣе къ моральности, чѣмъ къ законодательству. Въ сей книгѣ много легендъ, рассказовъ и пр., отчасти историческихъ.

Эцъ-хѣимъ — палка съ головками вверху и ручками внизу для прикрѣпленія къ обоимъ концамъ св. свертковъ и на-вертыванія ихъ на палки.

Я.

Ядвенъ — знающій, знатокъ.

Яинъ-нѣсехъ — виноградное вино, въ которомъ есть сомнѣнiе — не употреблялось ли оно для идолопоклонническаго богослуженія?

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ХИВУ

и нѣкоторыя подробности о ханствѣ во время правленія Сидь-Мохаммедъ Хана, 1856—1860 г.

Миссія, назначенная въ 1858 г. въ Средне-Азіатскія владѣнія, выступила 15-го мая изъ г. Оренбурга и, переправившись чрезъ рр. Илекъ и Эмбу, прослѣдовала степью оренбургскаго вѣдомства и западнымъ берегомъ Аральскаго моря до Айбурскаго озера. Около мыса Урга положено было переправиться чрезъ озеро на туземныхъ лодкахъ, потому что предполагаемый сперва путь на Куна-Ургенджъ по многимъ причинамъ оказался неудобнымъ.

Отъ мыса Урга до урочища Айбугирь тянется юговосточный Чинкъ Усть-Урта; онъ замѣтно понижается по мѣрѣ удаленія отъ моря и постепенно теряетъ свой прежній разрушенный характеръ, и хотя еще долго сохраняетъ утесистый видъ, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ уже удобные подъемы. Приближаясь къ урочищу Айбугиру онъ превращается въ невысокое холмистое возвышеніе, всюду отлогое.

Не доѣзжая еще мыса Урга, миссію встрѣтили четыре депутата Хивинскаго хана, а именно: сынъ Кунградскаго губернатора, Каракалпакскій князь Истлеу, Киргизскій Бій Азбергенъ и Табынецъ Бекъ Мурадъ; они сопровождали насъ до нашего лагеря, который былъ расположенъ у Айбугирскаго озера, близъ находящейся на этомъ мѣстѣ четырехъ-угольной, пирамидальной

башни. Эта башня, по словам туземцев, построена князем Бековичемъ, который, какъ извѣстно, отправился въ 1717 г. по порученію Петра Великаго въ Хиву, гдѣ и погибъ со всѣми спутниками. (Онъ былъ умерщвленъ въ г. Порсу, въ 100 верстахъ на с.-з. отъ Хивы). Говорятъ, что подобныхъ башенъ много въ Ханствѣ и всѣ они приписываются князю Бековичу. Но этому трудно вѣрить, ибо онъ едва ли имѣлъ возможность заниматься подобными постройками во время своего похода. Данилевскій, въ своемъ описаніи Хивинскаго ханства, умалчиваетъ объ этомъ помятникѣ, не смотря на то, что онъ, при возвращеніи въ Россію изъ Хивы чрезъ г. Кунградъ, проходилъ Айбугирское озеро по льду, противъ самаго мыса Урга. Древность этой башни подтверждается картою, которую я недавно имѣлъ случай разсматривать, и на которой она обозначена на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы ее видѣли. Эта карта составлена грекомъ Базиліо Батаци, совершившимъ путешествіе черезъ Туркестанъ въ Персію отъ 1727 — 1730 г.

Переправа чрезъ Айбугирское озеро продолжалась три дня, съ 22 по 24 іюня. недостатокъ въ лодкахъ, забота о продовольствіи многочисленнаго конвоя и неисправная перегрузка тяжестей миссіи значительно замедлили переправу. Повозки и гарантасы оказались уже лишними, по невозможности провезти ихъ по глубокому неску, и поѣтому было ршено сжечь все, что только могло обременить дальнѣйшее слѣдованіе. Лошади были переправлены на туземныхъ лодкахъ, а верблюды прошли въ бродъ нѣсколько южнѣе. 24-го іюня, въ 10 часовъ утра, перѣѣхалъ начальникъ и нѣсколько членовъ миссіи на особенно для нихъ убранной лодкѣ; впередъ ѣхали пѣсенники изъ казаконъ, а сзади слѣдовали необходимыя тяжести посольства, казна, подорожныя вещи, артиллерійскіе снаряды и т. д. Плаваніе продолжалось шесть часовъ, въ самую жаркую пору дня, отъ 10 ч. утра до 4 часовъ по пол.; удушливый южный вѣтеръ, мошки и комары были невыносимы.

Айбугирское озеро имѣетъ около 120 верстъ въ длину и

въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переправились, около 30 верстъ въ ширину. Одинъ изъ главныхъ его притоковъ, рукавъ Аму-Дарьи. Гауданъ. Наибольшая глубина озера находится въ заливѣ Акъ-Чегавакъ, который ограничивается обрывистымъ и высокимъ Чинкомъ Усть-Урта. Берега поросли густымъ камышемъ, почти повсемѣстно покрывающимъ и самую поверхность воды, исключая узенькой полосы, по которой производится плаваніе на небольшихъ лодкахъ. Вода прѣсная, а дно иловатое.

На Хивинскомъ берегу насъ ожидали вышеупомянутые Ханскіе чиновники и Хивинскій почетный конвой, которой долженъ былъ сопровождать миссію до г. Кунграду. Для первыхъ назначенъ былъ на другой день приѣмъ въ парадной кибиткѣ, убранной коврами и обитой внутри краснымъ сукномъ; аудіенція продолжалась пол-часа и разговоръ, послѣ обычнаго угощенія, ограничивался обыкновенными фразами.

27 іюня въ 5 часовъ утра вся миссія, въ сопровожденіи хивинцевъ, двинулась къ г. Кунграду. Уже начали появляться застѣянныя поля и небольшія селенія, вся страна была изрѣзана канадами, назначенными для орошенія полей. Вообще по лѣвому берегу Аму-Дарьи сосредоточено почти все осѣдлое населеніе Хивинскаго ханства; расположеніе его обусловлено совершенно домохозяйствомъ Хивинцевъ, которое требуетъ, чтобы поля и пашни были у самаго жилья, почему послѣднія и состоятъ преимущественно изъ отдѣльныхъ хуторовъ. Каждый владѣлецъ земли огораживаетъ участокъ свой земляными стѣнами. Въ оградѣ, у него обыкновенно пашни, садъ, огородъ, скоть, иногда и фабрика и различныя ремесла; такой владѣлецъ называется Бекъ или Ходжейнъ (хозяйинъ). Соединеніе нѣсколькихъ подобныхъ усадебъ образуетъ селеніе.

На половинѣ дороги къ Кунграду, пріѣхалъ къ намъ съ поклономъ отъ Хана сборщикъ податей или скорѣе таможенной чиновникъ; онъ объявилъ, что посланъ Ханомъ для того, чтобы узнать какого рода тяжести везетъ съ собою миссія; вѣроятно въ Хивѣ распространился слухъ, что посольство ищетъ при

себѣ пушки. Объяснивъ ему, что посольское имущество нигдѣ не подлежитъ осмотру, онъ просилъ, чтобы мы по крайней мѣрѣ сами обозначили какія имѣемъ при себѣ вещи. Довольствуясь легкою описью главнымъ тяжестьми и небольшими подаркомъ, онъ отправился въ тотъ же вечеръ, а послѣ него простились съ нами и Хивинскіе чиновники, не забывъ въ продолженіе всего дня спрашивать по нѣскольку разъ о здоровьѣ начальника и всѣхъ членовъ миссіи. Въ этотъ день ночлегъ былъ назначенъ близъ сада киргизскаго Бія Азбергена, гдѣ до разстановки лагеря было приготовлено угощеніе изъ баранины, хлѣба на кунджутномъ маслѣ, фруктовъ и чая. Садъ этотъ обведенъ глиняною стѣною и представляетъ видъ крѣпостцы; онъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ 1856 г. выдержалъ осаду Туркменъ и помѣщалъ въ себѣ въ это время около 1500 кибитокъ.

28 іюля мы стали приближаться къ Кунграду, въ растояніи одной версты отъ города, въ небольшой роцѣ, всѣ члены миссіи переодѣлись и приготовились такимъ образомъ къ торжественному въѣзду въ городъ Кунградъ. Еще до этого губернаторъ Кунграда, Есаулъ Баши выслалъ сперва Азбюргена, потомъ Юзь-Баши своего сына и наконецъ князя Истлеу узнать объ здоровьѣ и передать привѣтствіе. По мѣрѣ приближенія къ городу, толпа любопытныхъ возрастала, повсюду раздались крики Урусь, Урусь и полицейскіе служители съ большимъ трудомъ держали эту массу въ должномъ повиновеніи. Проѣхавъ узкія улицы Кунграда, мы остановились у воротъ Ханскаго двора, гдѣ были встрѣчены новымъ чиновникомъ Диванъ Баба, назначеннымъ сопровождать миссію въ Хиву въ качествѣ пристава. Для всѣхъ чиновъ миссіи были отведены покои въ Ханскомъ дворцѣ. На послѣднемъ дворѣ была разставлена кибитка, въ которой приготовлено было угощеніе; въ числѣ другихъ предметовъ, поднесли и первые плоды, виноградъ, дыни и урюкъ. Караванъ прибылъ часа черезъ два и расположился на первомъ дворѣ. Вечеромъ, въ 8 часовъ, явился Есаулъ Баши, губернаторъ города; онъ повидимому былъ очень недоволенъ нашимъ прибытіемъ

и вслѣдствіи старался насъ уговорить послѣпить отъѣздомъ въ Хиву. Причина была ясна. На немъ, по повелѣнію Хана, лежала обязанность угощать и отчасти содержать миссію во время пребыванія ея въ Кунградѣ.

Разспросивъ Диванъ Баба о дальнѣйшемъ пути слѣдованія нашего, мы получили въ отвѣтъ, что всего лучше раздѣлиться на два отряда и идти по правому берегу рѣки; но по собраннмъ свѣдѣніямъ оказалось, что такимъ образомъ пришлось бы совершить три перехода песками: при томъ въ этихъ мѣстахъ водится червь, отъ котораго погибають всѣ верблюды. Сообразивъ все выше изложенное, губернатору было объявлено, что мы жезаемъ ѣхать водою, хотя это движеніе и медленнѣе; а лошадей мы согласны послать сухимъ путемъ, съ тѣмъ только, чтобы онѣ не удалялись слишкомъ далеко отъ берега. Послѣ этого было дано приказаніе вьючить верблюдовъ и перевозить тяжести на берегъ Аму-Дарьи.

Городъ Кунградъ расположенъ около лѣвой стороны Ханскаго канала и р. Аму-Дарьи, между правымъ берегомъ этаго канала и Аму-Дарьей тянется широкая насыпная стѣна, ннѣющая около 4 версть въ длину; около нея, ближе къ берегу рѣки, возвышается другая, которая примыкаетъ двумя сторонами вплоть къ Дарьѣ и составляетъ съ берегомъ ея продолговатый четверугольникъ. Эти двѣ стѣны были нѣкогда укрѣпленіемъ прежняго Кунграда, который еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія не зависѣлъ отъ Хивы и управлялся своими князьями изъ Узбековъ. При Могаммедъ-Рахимъ-Ханѣ въ 1814 г. весь городъ съ окрестностями поступилъ подъ власть Хивинскихъ хановъ. Замѣчательнѣйшее зданіе въ Кунградѣ Ханскій дворець, которой мы занимали во время нашего пребыванія.

1-го іюля вся наша миссія на 7-ми хивинскихъ лодкахъ, пустилась въ путь; каждую лодку тянули 4 или 5 хивинцевъ. Плаваніе было весьма медленное и мы проходили не болѣе 15 версть въ сутки. Опасаясь встрѣчи съ Туркменами, а иногда для сокращенія пути, лодки пробирались каналами и рукавами

Аму-Дарья, которая въ то время выступила изъ своихъ береговъ. Подобныя разливы бывають два раза въ годъ съ мая до іюня и съ іюля до августа. Главное русло рѣки измѣняется. При полноводіи нѣкоторые каналы заноситъ пескомъ, а другіе напротивъ прочищаются напоромъ воды, измѣняющими иногда даже теченіе въ каналахъ; случается, что отъ большихъ разливовъ прорываются всѣ плотины въ побочныхъ каналахъ.

Провозъ товаровъ водою предпочитается сухопутному, во первыхъ онъ дешевле, а во вторыхъ верблюдожатые отказываются отъ перевозки берегомъ рѣки, потому что верблюды отъ множества комаровъ, слѣпней и мошекъ издыхають на этомъ пути, кромѣ того сырой и нечистый воздухъ около рѣки чрезвычайно вреденъ и порождаетъ лихорадки.

Такъ какъ время не позволяетъ мнѣ входить въ подробности нашего плаванія по Аму-Дарьѣ, то я ограничусь только главными пунктами, которые обратили на себя мое вниманіе. Всѣ почти селенія и города были въ самомъ жалкомъ видѣ, повсюду видны были слѣды разбойничьихъ нападений Туркменъ; въ разрушенныхъ Каракалпацкихъ аулахъ, встрѣтили мы только младенцевъ и стариковъ: все молодое поколѣніе было взято въ плѣнъ и отправлено въ Хиву или на персидскую границу для продажи. Такой же участи подверглись и городъ Кипчакъ (на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи и Ходжейль) противъ горъ Шейхъ-Джейли. Въ 30 верстахъ отъ развалинъ древняго города Гіауръ лежитъ городъ *Яны-Ургенчъ* или Новый-Ургенчъ, онъ послѣ Хивы, самый главный торговый городъ. Складка русскихъ товаровъ дѣлается въ Хивѣ, но вся закупка туземныхъ произведеній производится въ Новомъ-Ургенчѣ и по окончаніи торговыхъ дѣлъ въ Ханствѣ наши купцы выступаютъ съ караванами, обратно въ Россію изъ этого города. Здѣсь сосредоточивается и главная ремесленная промышленность. Въ окрестностяхъ города видѣливають пороховъ, но въ весьма маломъ количествѣ; главный заводъ въ Хазараспѣ. Въ Яны Ургенчъ присланъ былъ къ намъ отъ Хана, Хивинскій сановникъ Дарга съ небольшою свитою. Дарга былъ

весьма почтенный старикъ, который, по видимому, пользовался большимъ уваженіемъ у Хана, что доказывалъ его почетный халатъ изъ кашемировой шали и кинжалъ, украшенный драгоценными камнями. Онъ крайне сожалѣлъ, что слѣдованіе миссіи сопряжено было съ такими неудобствами и увѣрялъ насъ неоднократно, что уже сдѣланы все нужныя распоряженія на счетъ нашихъ лошадей и ожидаемыхъ тяжестей.

Въ свитѣ его находились и музыканты и танцовщики; первыхъ было четверо; главная мелодія разыгрывается по переменно на *зурнал* или кларинетѣ и на *гитчикъ* или маленькомъ віолончелѣ, *дугаръ* двуструнная гитара и барабанъ служатъ для аккомпаниента. Танцы состоятъ только изъ пантомимъ, въ которыхъ болѣе дѣйствуютъ руки и голова, чѣмъ ноги.

16 іюля мы свернули изъ Аму-Дарьи въ каналъ Шаватъ, а потомъ каналами Казаватъ и Палванъ Ата, въ притоки сего послѣдняго Ингрикъ и Чарджели и подъѣхали къ самой столицѣ. Послѣ безостановочнаго плаванія по Хивинскому каналу, при 36° жара, въ сопровожденіи огромной толпы народа, миссія прибыла въ садъ Гюмгюнданъ, назначенный ей Ханомъ для жительства. Садъ этотъ мѣсто-рожденіе Сеидъ-Мохаммеда принадлежалъ нѣкогда его отцу Мохаммедъ-Рахиму. Не имѣя при себѣ дощакъ, мы не могли представиться самому Хану и отложили по этому аудіенцію до 28 іюля. Въ этотъ день въ 5 часовъ по полудни пріѣхалъ Шахаулъ Бекъ или церемоніймейстеръ и пригласилъ начальника миссіи отъ имени Хана во дворецъ. Оставивъ часть конвоя въ посольскомъ домѣ, мы отправились въ Хиву. У городскихъ воротъ встрѣтила насъ Хивинская пѣхота, а у Ханскаго дворца—дворцовая стража. У большихъ воротъ арка или дворца, все члены миссіи спѣшились и вошли въ дворецъ, оставивъ конвой у подъѣзда. Первый пріѣзъ былъ сдѣланъ *Мехтеромъ*, однимъ изъ главныхъ министровъ Хана. Нужно замѣтить, что первые сановники какъ-то Мехтеръ, Кушбеги, Диванъ-Беги и др. имѣютъ свои покои въ Ханскомъ дворцѣ, гдѣ они собираются ежедневно, для выслушанія Ханскаго при-

казанія. Пробывъ около $\frac{1}{4}$ часа въ комнатѣ Мехтера, мы были приглашены къ Хану,—онъ сидѣлъ на возвышенной террасѣ и передъ нимъ лежалъ кинжалъ и пистолеть, а за нимъ находилось Государственное знамя. Три Министра Кушъ-Беги Мехтеръ и Диванъ-Беги стояли внизу передъ Ханомъ, а у входа церемонімейстеръ. Высочайшая грамота, которую несъ на красной подушкѣ секретарь миссіи, была передана начальникомъ миссіи Мехтеру, который поднесъ ее самому Хану. Развязавъ золотой шнурокъ, онъ велѣлъ Мехтеру вынуть грамоту изъ глазетоваго чехла; долгое время разсматривалъ печать и наконецъ положилъ ее неразпечатанную подлѣ себя.

Сеидъ Мохаммедъ Ханъ, сынъ бывшаго Хана Мохаммедъ-Рахима и братъ извѣстнаго Аллахъ Куля, былъ избранъ на ханство въ апрѣлѣ 1856 г. и имѣлъ тогда 30 лѣтъ отъ роду. До него царствовалъ Кутлу-Мурадъ, племянникъ погибшаго въ 1855 году при Сараксѣ около Мерва Мохаммедъ-Амина. Туркмены и Каракалпаки недовольные Кутлу Мурадомъ избрали первые своимъ Ханомъ *Ата-Мурада*, а вторые *Дзярлыкъ* Тюря. Испуганный Кутлу-Мурадъ послалъ воззваніе къ своему народу вооружиться противъ Туркменъ, но Туркмены, видя бѣдственное положеніе Хана, рѣшились воспользоваться этимъ и подъ предводительствомъ Бія Мохаммедъ-Ніяза подступили къ Хивѣ. Бій Ніазъ подъ предлогомъ поклониться Хану прошелъ во дворецъ и во время пріема умертвилъ его съ 7 савовниками, находившимися при немъ. Вслѣдствіе этого по всему городу произошло страшное кровопролитіе; жители бросились на Туркменъ, изъ которыхъ весьма малое число спаслось. Самъ Бій Ніазъ былъ схваченъ и казненъ на мѣстѣ.

Послѣ краткаго междуцарствія былъ избранъ Сеидъ Мохаммедъ. Первымъ его дѣломъ было наказать непокорныхъ Туркменъ и Каракалпаковъ. Онъ выслалъ противъ нихъ отрядъ, который разбилъ выступившую противъ него изъ Куны-Ургенжа шайку бунтовщиковъ, при чемъ былъ убитъ Дзярлыкъ Каракалпа-

ковскій Ханъ, провозглашенный въ 1855. Часть Каракалпаковъ перешла въ Бухарскія владѣнія.

Междоусобія и безпрестанныя войны породили повсюду страшную дороговизну и голодъ. Поля остались незасѣянными и необработанными. Пудъ хлѣба, стоящій обыкновенно 4 теньги (80 коп.), продавался въ это время по 20 теньгъ (4 руб.). Наконецъ по совершенному недостатку въ хлѣбѣ, Сеидъ Мохаммедъ отправилъ въ Бухару къ Эмиру Насръ-Уллѣ Бехадуръ Хану нарочное посольство съ просьбою дозволить закупить для Хивы хлѣбъ на Бухарскихъ рынкахъ, что и было разрѣшено. За недостаткомъ товаровъ Хивинскіе торговцы привезли сюда на продажу множество ношенныхъ халатовъ; безъ сомнѣнія съ убитыхъ и умершихъ. Лѣтомъ 1857 свирѣпствовала въ Хивѣ сильная эпидемія, бывшая вѣроятно послѣдствіемъ голода и сопряженнаго съ нимъ истощенія силъ; особенно велика была смертность между дѣтьми; болѣзнь эта по всѣмъ признакамъ была холера.

Съ Бухарою съ 1856 Хива не имѣла никакихъ непріязненныхъ столкновеній. Сеидъ Мохаммедъ успѣлъ наконецъ утвердить свою власть на столько, что смуты и междоусобія на время умолкли. Считая себя такимъ образомъ достаточно утвердившимся на престолѣ, онъ отправилъ лѣтомъ 1857 посольство въ Россію съ извѣстіемъ о вступленія своемъ на Ханство, а также для изъявленія горести о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича и принесенія проздравленія съ восшествіемъ на прародительскій престолъ Его Императорскаго Величества. Въ главѣ посольства былъ Фазыль Ходжа, Шейхъ-уль-Исламъ Ханства.

Во время пребыванія Русской миссіи въ Хивѣ, тамъ было довольно спокойно, ибо враждебныя ей Туркменскія племена Яумудовъ, Игдырцевъ и др. не рѣшались на хищничество, но какъ скоро миссія выступила (31 авг.) Кунградскіе Узбеки и Каракалпаки соединились съ Туркменскимъ Ханомъ *Ата-Мурадомъ*, убили своего правителя Кутлу Мурада со многими

его приверженцами и на его мѣсто сѣлъ *Мохамедъ Фанаа*, внукъ Тюря Суфи, при которомъ въ 1814 Кунградъ попалъ подъ власть Хивы. Мох.-Фанаа называлъ себя Ханомъ Ховарезма и чеканилъ монету со своимъ именемъ; описаніе такой монеты было доставлено въ Археологическое Общество председателемъ Областнаго Правленія Оренбургскими Киргизами Григорьевымъ.

Смуты, длившіяся цѣлый годъ, прекратились наконецъ, и Мох. Фанаа былъ убитъ, а Кунградъ снова призналъ надъ собою власть Хивинскаго Хана Сеидъ Мохаммеда. Въ 1858 г. у Сеидъ Мохаммеда было три законныхъ сына, старшему Бабаджану было 13 лѣтъ; кромѣ того онъ усыновилъ 13-ти лѣтнаго сына предмѣстника своего Кутлу Мурада, убитаго во дворцѣ Туркменинн. Бухарскій Эмиръ предлагалъ выдать свою дочь за этого сына, имѣя въ виду вѣроятно въ послѣдствіи воспользоваться этою связью для непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла хивинскаго правленія. Большое вліяніе на Хана имѣлъ старшій братъ его Сеидъ Махмудъ, человекъ умный и весьма богатый. Ханъ спрашивалъ во всемъ его совѣтовъ, къ несчастію онъ отъ сильнаго употребленія опиума по временамъ совершенно терялъ свой разумъ.

Высшія должностныя лица въ Хивѣ слѣдующіе: *Мехтеръ* или главный Казначей — онъ собираетъ подушную подать въ одной половинѣ Ханства, а именно въ южной, начиная съ канала Шавать, — иногда онъ начальствуетъ войсками, а иногда даже управляетъ государствомъ во время отсутствія Хана. 2-ое лице *Кушъ-Бегъ*, онъ собираетъ подушную подать въ сѣверной половинѣ Ханства, повѣщаетъ о сборѣ войска и надзираетъ за копаніемъ каналовъ. Въ 1858 Кушъ-Бегъ, свирѣпый Узбекъ успѣлъ оклеветать и удалить отъ должности Мехтера: такъ что во время нашего пребыванія всѣми дѣлами завѣдывалъ одинъ Кушъ-Бегъ. *Диванъ-Бегъ* собираетъ таможенныхъ податей и акцизовъ и начальникъ монетнаго двора. Верховный судья и старшее духовное лице *Казы* принимаетъ все дѣла ре-

лигіозныя. Дарга завѣдуетъ ханскимъ дворцемъ, а Есауль-Баши главное военное лице: кромѣ этихъ приближенныхъ еще множество *Мехремовъ*, придворныхъ людей, получившихъ отъ Хана ножъ, вслѣдствіе чего, имѣютъ всегда свободный къ нему доступъ.

Считаю не лишнимъ обратить вниманіе на положеніе сего Ханства, во время правленія Сендъ Мохаммеда.

Предѣлы Ханства. Если разумѣть подъ именемъ Хивинскаго Ханства обработанную полосу земли, по обѣимъ сторонамъ низовьевъ р. Аму-Дарьи лежащую, то предѣлами ея можно положить на южный берегъ Аральскаго моря, на в. степь Кызыль-Кушъ и горы Шейхъ-Джели на ю. большую Туркменскую степь на з. плоскую возвышенность Усть-Урть.

Но притязанія Хивинскаго хана простираются гораздо дальѣ означенныхъ предѣловъ. Въ его смыслѣ владѣнія Хивинскія граничатъ къ С. р. Эмбою и Яны Дарьею, впадающей въ Аральское море, къ В. чертою до ур. Кукертли при Аму-Дарьѣ, къ Ю. отъ ур. Кукертли до г. Мерви и оттуда до Балканскаго залива.

Принимая въ соображеніе первые дѣйствительные предѣлы Хивы, владѣніе это содержитъ въ себѣ не болѣе 400 кв. геогр. миль.

Народонаселеніе ханствъ состоитъ изъ самыхъ разнородныхъ племенъ, которыя до сихъ поръ не успѣли слиться въ одно цѣлое. Число ихъ опредѣлить весьма трудно, потому что народный переписи въ Хивѣ не ведется.

Главнѣйшія племена слѣдующія: *Сарты*, коренныя жители; они составляютъ нынѣ преобладающее племя осѣлаго народонаселенія. До Илгезеръ хана, который въ концѣ прошлаго столѣтія первый присвоилъ себѣ титулъ хана, Сарты терпѣли много отъ насилія *Узбековъ*, но съ тѣхъ поръ какъ Илгезеръ ханъ подчинилъ своей власти всѣхъ *Узбековъ* *Инаковъ* или мелкихъ владѣтелей городовъ, Сарты допускаются къ высшимъ государственнымъ должностямъ, отъ которыхъ *Узбеки* мало по малу были удалены. За исключеніемъ Кушъ-Беги, всѣ высшія

мѣста занимають Сарты, такъ что они теперь составляютъ могущественный классъ народонаселенія, они живутъ болѣе въ городахъ и кромѣ хлѣбопашества, занимаются торговлею, промыслами и шелководствомъ. Сарты до сихъ поръ отличаются отъ Узбековъ наружнымъ типомъ.

Узбеки, племя побѣдителей, разсѣяно по всему ханству; они живутъ преимущественно въ хуторахъ и занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и рыбною ловлею. Они составляютъ нынѣ второстепенный отдѣлъ народонаселенія и по числу, и по политическому значенію. Самое строптивое отдѣленіе этого племени *Уйгурь* за бунты были разорены самими ханами. На сѣверѣ около Аральскаго моря Узбеки называются *Араль-Узбеками* или островскими-Узбеками или *Арасто-Аралы*, потому что вся часть страны на сѣверѣ отъ Лаудана (рукавъ Аму-Дарьи) есть собственно островъ. Аралы занимаются скотоводствомъ и преимущественно рыбною ловлею. Главнѣйшимъ племенемъ изъ котораго происходитъ и самъ ханъ, считается Кунградское. Узбековъ и Сартовъ насчитываютъ около 400,000 душъ.

Каракалтаки въ числѣ 15,000 поселянъ, на низовьяхъ Аму-Дарьи близъ Аральскаго моря и ведутъ отчасти жизнь кочевую. Они болѣе другихъ подвластныхъ ханству племенъ отягощены налогами, которые совершенно разоряютъ ихъ.

Киргизз Хивинскаго вѣдомства насчитываютъ около 10,000 душъ, они кочуютъ въ Сѣверо-Восточной части ханства преимущественно около озера Даукара.

Туркмены издревле находятся подъ владычествомъ Хивинскихъ хановъ. Типъ и языкъ ихъ болѣе Турецкій, чѣмъ Персидскій, многіе изъ нихъ отложились отъ Хивинцевъ и управляются теперь своими старшинами, а съ оставшимися въ подданствѣ Туркменами Хивинцы завели междоусобія и споры объ избраніи хана. Туркмены хотѣли имѣть хана изъ своего рода, Хивинцы этому противились, а по этому въ короткій промежутокъ времени Туркмены убили 3-хъ Хивинскихъ хановъ. Избранный ими ханъ Ата-Мурадъ имѣеть свое пребываніе въ

Куня-Ургенджъ. Туркмены занимаются хлѣбопашествомъ и особенно коноводствомъ. Туркменскія аргашаки славятся во всей Средней Азіи. Женщины выдѣлываютъ ковры, которыя своею прочностью не уступаютъ персидскимъ.

Кизылъ-Баши или персидскіе плѣнные, находящіеся въ рабствѣ, живутъ на земляхъ своихъ господъ.

Ямиды Тюркское племя по договору Достъ Мохаммеда съ Рахимъ-Куломъ возвратились на родину. Ихъ безъ всякаго основанія называютъ Аванцами.

Евреев около 10 семействъ, прибывшихъ изъ Бухаріи, они занимаются красильнымъ ремесломъ и винокуреньемъ, для собственнаго употребленія.

Аравитяг въ Хивинскомъ ханствѣ нѣтъ.

Хивинскій ханъ чеканитъ свою монету; въ обращеніи находятся золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты. Золотыя (тилла) двухъ родовъ: большіе червонцы въ 4 р. сер. и маленькіе въ 2 р. сер. Серебряныя (теньги) въ 20 к. и *шан* (величиною въ нашъ пятачекъ (5 к. сер.) *Пуль* или карапулъ чеканится изъ красной мѣди. Курсъ весьма часто измѣняется; въ наше время 48 пуль составляли одну теньгу. Монетный дворъ въ г. Хивѣ; онъ учрежденъ по словамъ Муравьева при Мох. Рахимъ ханѣ. Какъ въ грамотахъ или другихъ оффиціальныхъ бумагахъ, такъ и на монетахъ, вмѣсто Хивы, употребляется древнее названіе Харезмъ, съ прибавленіемъ разныхъ эпитетовъ.

Войскъ въ Хивѣ около 1000 ч. пѣхоты и около 20,000 конницы; ими командуютъ Минъ-Баши (100).

Въ военное время они получаютъ жалованье въ 4 раза болѣе обыкновеннаго, орудія въ самомъ жалкомъ видѣ; передъ ханскимъ дворцомъ находятся 6 или 10 пушекъ, отчасти на лафетахъ изъ тутоваго дерева, отчасти и безъ оныхъ.

Государственные доходы значительно уменьшились противъ прежняго. Причина тому, отчасти откочеваніе Киргизъ и отложеніе Туркменъ, отчасти и упадокъ торговли — таможенная пошлина съ товаровъ составляла нѣкогда значительный доходъ

ханства. Казна хранится у Мехтера; въ случаѣ недостатка ханъ занимается у купцевъ.

Изъ русскихъ товаровъ на базарахъ встрѣчается юфть, желѣзо, чугуны, сталь, листовая жѣдь, иглы, сукна шиваго достоинства, а изъ Англійскаго, привозимые изъ Персїи, ситцы и ниткаль. Мѣновая торговля не существуетъ, а все покупается на наличныя деньги.

Земли въ Хивѣ издревле распределены по семействамъ и племенамъ, а не принадлежащїе никому жалуются ханомъ въ видѣ награды; обработка земли стоитъ большаго труда и денегъ, нужно пропустить предварительно на нее воду, навозить илу и чернозему и тогда можно только приняться за приготовленіе къ посѣву. Ханъ часто отдаетъ свои земли и сады въ аренду и получаетъ за то 3-ю часть дохода. Ремесленными и фабричными произведенїями занимаются преимущественно въ городахъ, особенно въ Яны-Ургенджѣ. Подробное описаніе самой столицы мы находимъ въ сочиненїяхъ Давилевскаго и Базинера, посѣтившихъ Хиву въ 1841 г. Съ тѣхъ поръ городъ мало измѣнился.

Во время нашего пребыванїя городъ былъ опредѣленъ астрономически по исчисленїямъ капитанъ-лейтенанта Можайскаго, провѣреннымъ К. В. Струве. Положеніе Хивы слѣдующее :

41° 22' 40" сѣвер. широты

60° 2' 57" долготы отъ Гринвича

77° 42' 47", 6 долготы отъ Ферро.

Е. Колесовъ..

ОСТАТКИ СЛАВЯНЪ

НА ЮЖНОМЪ ВЕРЕГУ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ.

На южномъ берегу Балтійскаго моря (¹), на западъ отъ низовьевъ Вислы, сохранились до сихъ поръ поселенія Славянъ. Это послѣдніе остатки нѣкогда великаго и славнаго народа, который въ теченіе многихъ столѣтій отстаивалъ свою народную независимость и свое непокорное язычество отъ напора всей Германской имперіи. Теперь потомки этого воинственнаго племени скрываются въ песчаномъ и болотистомъ захолустьѣ, куда рѣдко заглядываетъ путешественникъ. Поляки и Нѣмцы называютъ ихъ Кашубами; сами они называютъ себя «*Кашеби*» (единств. числ. *Кашеба*), выговаривая *e* за *y*,— а въ нѣкоторыхъ, наиболѣе отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, сохранилось у нихъ древнее народное имя *Словинцевъ*.

Этотъ безвѣстный обломокъ знаменитаго въ старину народа Славянскаго привлекалъ мое любопытство. Я посвятилъ на его изученіе часть лѣта 1856 года. Прежде всего я счелъ долгомъ посѣтить лучшаго, или скорѣе единственнаго знатока Кашубскаго народа и языка, г. Флоріана Цейнову, который,

(¹) Нижеслѣдующій очеркъ путешествія по Кашубскимъ землямъ, а равно параграфы I-й и X-й этой статьи (этнографическій обзоръ края, населеннаго Померанскими Словинцами и Кашубами и заглавія объ особенностяхъ ихъ языка) напечатаны были въ VIII томѣ извѣстій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, стр. 41—56.

будучи самъ родомъ Кашубъ (изъ деревни Славдшено близъ Пуцка, Putzig), первый сообщилъ Славянскимъ ученымъ нѣсколько удовлетворительныхъ свѣдѣнiя о нарѣчiи своей родины. Теперь онъ живетъ, къ сожалѣнiю, внѣ ея, но однако недалеко отъ Кашубской страны, въ селѣ близъ городка Тересполья (на желѣзной дорогѣ между Быдгошемъ, Bromberg, и Гданскомъ, Dantzig), занимаясь тамъ медицинскою практикою. Поѣхавъ съ нимъ въ Гданскъ, мы отправились оттуда, для обозрѣнiя Кашубскаго края, на западъ, въ Вейерово (Neustadt), Лауенбургъ или, по Кашубскому произношенiю, Лемборкъ, и село Гловчицы (Glowitz), а потомъ повертели на югъ, въ Бытову (Bütow). Здѣсь я долженъ былъ разстаться съ г. Цейновою, который не могъ надолго отлучиться изъ дому, и тогда я началъ подробное изученiе страны, которую съ нимъ объѣхалъ въ нѣсколько дней. Исходивъ Бытовскiй округъ почти во всѣхъ направленияхъ, я поѣхалъ къ востоку, въ городокъ Косцержину (Behrendt); ознакомившись съ тамошнимъ нарѣчiемъ, пошелъ къ сѣверу, къ селу Стенжицѣ (Stendzyc) и мимо развивающагося, какъ длинная голубая лента, Радувскаго озера, къ селу Пржевозу; потомъ, черезъ Бродницу, Хмѣльно, Сяново, Бандаргово, Зомблево, достигъ знакомаго уже городка Вейерова. Съѣвъ тутъ въ огромный, медленный Прусскiй дилижансъ, опять посѣтилъ Лауенбургъ. Чтобы приступить къ основательному изученiю уголка на сѣверо-западъ отъ Лауенбурга, на морскомъ берегу, гдѣ удержалось имя Словинцевъ, я сперва поѣхалъ въ городъ Столпъ (Stolpe) или, какъ Поляки его называютъ, Слупскъ, въ надеждѣ и тамъ найти какой нибудь остатокъ Славянской народности; но, кромѣ имени, въ этомъ торговомъ, довольно богатомъ и красивомъ городѣ, ничего о Славянахъ уже не напоминаетъ. Я долженъ былъ воротиться изъ Слупска къ сѣверо-западу, въ с. Гловчицы. Тутъ я нашелъ много любопытнаго для себя и пользовался помощью и указацiями просвѣщеннаго и благодушнаго пастора, г. Ломанна, который принялъ меня съ осо-

бенною предупредительностью. Тутъ имѣлъ я также удовольствіе встрѣтить ученаго Русскаго и Славяниста, И. И. Паплонскаго, который, также какъ я, пожелалъ увидѣть Кашубскій край, но, къ сожалѣнію, могъ только чрезъ него проѣхать. Наговорившись вдоволь съ умнымъ и наблюдательнымъ пасторомъ и съ тѣми изъ Гловчицкихъ поселянъ, которые еще не забыли Славянскаго языка, я пошелъ въ с. Смодзины и Гарну, гдѣ прожилъ почти недѣлю. Изъ Гарны я рѣшился повернуть къ востоку и идти, параллельно морскому берегу, до Пуцкаго залива и Гельской косы. По этой дорогѣ посѣтилъ рыбацьи избушки, построенныя на болотѣ у Лебскаго озера и называемыя Клѣки или Клюки, село Избицу, приморскій городъ Лебу, с. Сорбско, Осѣкъ, Вержхуцино, Жарновець (Zarnowitz), Кроковъ, Своржево (Schwarschau). Посѣщеніемъ городка Пуцка и рыбацкихъ селеній (Халейё ¹⁾) на Гелѣ кончилось мое небогатое впечатлѣніями природныхъ красотъ путешествіе. Изъ Пуцка я по большой дорогѣ спокойно возвратился въ Данцигъ.

Во время этой поѣздки я собралъ довольно много этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ. Большаго интереса все это представить не можетъ; но все-таки для насъ должно быть любопытно и дорого всякое свѣдѣніе, касающееся Славянскаго міра, даже въ самыхъ отдаленныхъ и заброшенныхъ его углахъ; притомъ же Кашубская рѣчь, особенно въ Помераніи, гдѣ ея типъ сохранился чище и гдѣ она заключаетъ въ себѣ наиболѣе своеобразныхъ формъ и словъ, любопытныхъ для филолога, такъ быстро вымираетъ, что черезъ двадцать или тридцать лѣтъ она, быть можетъ, тамъ загложнетъ вовсе.

I.

Этнографическій обзоръ.

Кашубы и Словинцы Прибалтійскіе занимаютъ сѣверную и западную половину Гданской области (Regierungsbezirk Dan-

(¹) Т. е. халупы.

zig), составлявшей нѣкогда Польское Поморье, и восточную часть Кёслинской области ⁽¹⁾ (Regierungsbezirk Coeslin) въ Помераніи.

Въ Гданской области они населяютъ сялошь округи Вейеровскій (Neustädter Kreis) и Картузскій (Carthauser Kreis). Первый составляетъ сѣверную оконечность этой области и прилегаеть съ сѣвера и запада къ морю; къ востоку онъ граничитъ съ Помераніемъ, къ югу съ Картузскимъ округомъ. Въ немъ главное средоточіе Кашубовъ. Только юго-западная оконечность его, около станціи Каць, въ двухъ миляхъ на сѣверъ отъ Данцига, занята Нѣмцами. Картузскій округъ принадлежитъ весь Кашубамъ, кромѣ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ колоній, водворенныхъ въ срединѣ его, около Келпива, и на западѣ, около Пржеазна (Rheinfeld). Нѣкоторыя деревни на окраинѣ Данцигскаго округа, прилегающей къ округу Картузскому, также заселены Кашубами. На югъ отъ Картузскаго округа, округъ Косцержинскій (Kreis Behrendt), занятъ Славянами, но тутъ Кашубская рѣчь мало-по-малу сливается съ Великопольскою. Сѣверная и западная половина этого округа принадлежитъ болѣе Кашубскому говору, южная и восточная — Польскому. Въ самомъ городѣ Косцержинѣ особенно замѣтно это сліяніе: онъ какъ будто находится на пограничной чертѣ обоихъ нарѣчій. Лежащій на юго-востокъ отъ Косцержинскаго округа, округъ Старгардскій уже чисто Польскій (за исключеніемъ Нѣмецкихъ поселеній); но на юго-западѣ, въ округѣ Хойницкомъ (Conitz) ⁽²⁾, черта Кашубской рѣчи, хотя уже теряющей все болѣе и болѣе свои особенности, тянется далеко къ югу, до самаго города Хойницы. — Мы опредѣлили такимъ образомъ восточную и южную границу Кашубовъ; опишемъ теперь западную границу, идя съ юга, отъ Хойницы, на сѣверъ. Кашубы занимаютъ сѣверозападную

⁽¹⁾ Словинцы называютъ Coeslin — Koszáleno, Данцигъ — Dgunsk или Udgunšk, Stolpmünde — Usce, Rügenwalde — Ráwud, Schlawe — Slóvno, Schönwalde — Száno.

⁽²⁾ Въ области Мариенвердерской.

половину Хойницкаго и прилежающіе къ нему съ запада приходы Конаржинскій и Боржисковскій Челоховскаго округа (Schlochauer Kreis). Затѣмъ мы изъ западной Пруссіи (Westpreussen) вступаемъ въ Померанію. Здѣсь Кашубамъ недавно еще принадлежалъ юговосточный уголь, именно округъ Бытовскій, но только слабые остатки ихъ сохранились тамъ (впрочемъ, почти во всѣхъ деревняхъ этого края), ежедневно исчезая.

На сѣверъ отсюда, въ округъ Лауенбургскомъ, Кашубы живутъ въ узенькой окраинѣ, прилегающей къ западной Пруссіи, именно въ деревняхъ: Ракитке (Rakitt), Глѣснице (Gliesnitz), Вучково (Wutzkow) (1), Шѣмеровице (Schimmerwitz), Бѹковина (Bukowina), Лебунье (Labuhn), Вѹсево (Wussow), Пѹпово (Poppow), Дзенцелице (Dzincelitz), Восѣкъ (Osseck), Ловчъ (Lowitz), Ежево (Jezow), Парашено (Paraschin), Божеполе (Bozopol). За Божеполемъ Нѣмецкія поселенія достигаютъ до самой границы западной Пруссіи и занимаютъ пограничный съ ней Померанскій приходъ Свислено (Schwesslin). Сѣвернѣе, опять находимъ двѣ пограничныя Померанскія деревушки, Бисмаркъ и Ребинке (Ribienke), въ которыхъ еще уцѣлѣла Кашубская рѣчь. Далѣе на сѣверъ, пограничный приходъ Гнѣвинскій (Gnewin) сдѣлался совсѣмъ Нѣмецкимъ; но въ самомъ крайнемъ на сѣверо-востокъ приходѣ Померанскомъ, Осѣкскомъ, на побережьѣ Балтійскаго моря, еще живетъ Кашубскій языкъ, именно въ деревняхъ Осѣки (Ossecken), Старбенино (Sterbenin), Слухова (Schlochau), Вержхуцино, Бѣлогоро (Wittenberg) и Пьосница (Piasnicz).

Отсюда мы должны повернуть на западъ и найдемъ Кашубскую рѣчь въ прибрежной полосѣ, тянущейся на западъ до Гардненскаго озера (Gardensee): это сѣверная, приморская часть цѣлаго Лауенбургскаго и вѣсточной половины Столп-

з (1) Эти три деревни принадлежатъ къ Столпскому округу, который здѣсь вдался влѣвко между Бытовскимъ и Лауенбургскимъ и доходитъ до самой западной Пруссіи.

скаго округа. Ширина этой полосы — отъ полъ-мили до двухъ и двухъ съ половиною миль отъ морскаго берега. Мѣста, въ которыхъ еще сохранилась, хотя въ слабыхъ остаткахъ, Славянская рѣчь, суть слѣдующія, идя съ востока на западь:

1) Между границею западной Пруссiи и рѣкою и озероу Леба: с. Osek съ упомянутыми уже пятью деревнями; дер. Lebietovo (Lüptow), Koscerzenka (Koszireinke), Kopàlena (Korpalin).

	Dennewitz,
Biebrovo	(Bebbrow),
Stavúszevo	(Schlaischow),
Jáckowo	(Jatzkow),
	(Chottschewke),
Kúrovo	(Kurow),
Czekòceno	(Zakenzin),
Sáseno	(Sassin),
Uljanie	(Uhlingen),
Bargądzeno	(Bergensin),
Roszczice	(Roschitz),
Strzézovo	(Stresow),
Mászevo	(Massow),
Zdrzévno	(Zdrewen),
Kòponovo	(Koppenow),
	(Scharzschow),
Vick	(Vietzig),
Vrzésece	(Freist),
с. Chàbrovo	(Charbrow), ¹⁾
Nieznáchovo	(Neznachow),
Szczenúrzi	(Schönehr),
с. Sorbsk	(Sarbske),
Lebinc	(Labenz).

(¹) На югъ отъ этихъ селеній можно еще, по словамъ жителей, найти по вѣсколку стариковъ, говорящихъ или понимающихъ по кашубски въ с. Garzégortz (Garzigar), с. Janojce (Jannewitz), Ròzgorze (Rosgars), Vełkovo (Vilkow), Pógorszovo (Puggerschow), Kaboła (Camelow), Kisovo (Küssow), Brzézeno (Bresen), Pużice (Pusitz), Suchovo (Schwichow), с. Sólono (Saulin), Mèrzeno (Merzno), Hejncovo (Enzin).

городокъ Леба ¹⁾	(Leba)
д. Żarnóvske	(Czernowski)
Babidół	(Babidol)
Dąbino	(Dambien),
Gáco, Gáca	(Speck).

Этотъ край есть центръ Померанскихъ *Кашубовъ*. Сюда же должно причислить рыбачью деревню Jizbice (Giesebitz) и деревушки Pażątka (Paschenik) и Zápotok, лежащія по ту сторону рѣки Лебы, у самаго ея впаденія въ соименное ей озеро, и отдѣляемая большимъ, непроходимымъ болотомъ отъ остальнаго населенія, живущаго на западной сторонѣ этой рѣки.

2. Между рѣкою Лебою и болотами, тянущимися вдоль ручья Пустыника, на югъ отъ Лебскаго озера.

с. Cécenovo	(Zezenow),
Vólgnj	(Wollin),
Poblóce	(Poblotz),
Prebędovo	(Prebentow),
Dárgolese	(Dargolese),
Vekósovo	(Vixow),
Rzúszcze	(Ruschitz),
.	(Zemmin),
.	(Czgorny),
с. Głowczíce	(Glowitz),
Knjicino	(Klenzin),
Vórbliно	(Warbelin),
Szczipkójce	(Zipkow),
Duóchovo	(Dochow),
Zarátin ²⁾	(Grossedorf),
Siódlina	(Zedlin),
Bądzechovo	(Banskow),
.	(Rumske),
Równo, Rómno	(Rowen),
Skórzino	(Schorin).

(¹⁾ Словинцы произносятъ это имя Ltjeba, Кашубы — Leba г. в. Weba.

(²⁾ Такъ (или Zarentin) называютъ эту деревню старики, а молодежь, заразившаяся, по ихъ словамъ, Нѣмецкимъ обычаемъ, уже употребляетъ названіе Vielko vics.

Жители этихъ деревень извѣстны подъ именемъ *Кабатковъ*.

3. На западъ отъ болотъ, въ которыхъ течетъ ручей Пустыникъ:

а) Деревни или, лучше сказать, деревушки изъ нѣсколькихъ рыбацкихъ хатъ (въ нѣкоторыхъ по двѣ, по три), между Лебскимъ и Гарденскимъ озерами, на морскомъ побережьѣ:

Klěki или Klěczice	(Klucken),
Brinkenhof	(Brenkenhofsthal),
Las	(Lassen),
Lokc	(Lochzen),
Bolinc	(Bollenz),
Dambé	(Dambe),
Rodk	(Radike),
Czówpino	(Scholpin).
Chústa	(Chust).

б) Деревни между болотистымъ ручьемъ Пустыникомъ, впадающимъ въ югозападный уголъ Лебскаго озера, и рѣкою Лѣпавою (Lupow), впадающей съ востока въ Гарденское озеро.

Vierzchúcino	(Virchenzin),
Železe	(Selesen),
с. Smoldzěne	(Schmolsin),
Sécy	(Zietzen);
Vítkovo	(Vietkow).

в) Деревни въ уголкѣ между западнымъ берегомъ рѣки Лѣпавы, при ея устьѣ и Гарденскимъ озеромъ:

с. Vielgo Garnô	(Gross-Garden),
Malo Garnô	(Klein-Garden),
Kiersk	(Kerske),
Blótki	(Blotke),
Czlúchovo	(Schlochow),
Stojcino или	
Stówcino	(Stojentin),
Visuóko	(Wittstock),
Ráto или Rto	(Rotten).

Въ этихъ трехъ группахъ деревень Славянскіе жители называютъ себя *Словинцами*.

Числа Кашубскаго народонаселенія опредѣлить не могу.

Полагаю однако, что Кашубовъ (со включеніемъ Кабатковъ и Словинцевъ, которыхъ, впрочемъ, едва ли наберется двѣ или три тысячи, сохраняющихъ еще свой природный языкъ) должно считать около 200,000, можетъ быть нѣсколько больше.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь замѣчаніе о народномъ имени и прозвищахъ этихъ Славянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они первоначально носили всѣ имя Словинъ или Словинцевъ; теперь же оно сохранилось только на западной окраинѣ пространства, занятаго Померанскими Славянами, въ деревняхъ, отдѣленныхъ отъ прочихъ Кашубскихъ поселеній глубокими топями, такъ что, когда я спрашивалъ у Померанскихъ Кашубовъ о томъ, гдѣ живутъ Словинцы, мнѣ часто отвѣчали за błota (за болотомъ). Этому разобщенію Словинцы⁽¹⁾, вѣроятно, и обязаны сохраненіемъ древняго народнаго имени и многихъ старинныхъ словъ, которыхъ не слышно въ другихъ мѣстахъ. Имена *Кабатки* и *Кашубы* суть, очевидно, прозвища, заимствованныя отъ одежды, которая могла въ старину отличать жителей праваго и лѣваго берега рѣки Лебы. Ибо *кабатома* называютъ тамъ куртку (въ особенности такую, какую носятъ тамошнія женщины), а имя Кашубовъ Кабатки теперь еще производятъ отъ слова *шуба* и рассказываютъ, что въ старину эти люди носили, вмѣсто верхней одежды, двѣ цѣлыхъ, невыдѣланныхъ овечьи шкуры, спитыхъ вмѣстѣ, безъ рукавовъ, шерстью наружу, которыя надѣвались черезъ голову и висѣли на чело-вѣкѣ, какъ мѣшокъ: такой костюмъ называютъ тамъ *шубою* и говорятъ, что старики, недавно умершіе, помнили еще такія шубы⁽²⁾. Кромѣ названій Словинцевъ, Кабатковъ⁽³⁾ и Кашубовъ

(1) Померанскіе Словинцы не всегда произносятъ это имя въ полной его формѣ: Słowinici; часто они выговариваютъ Słowinici (чит. Словинци). Языкъ свой они всегда называютъ Słowinsko (рѣдко Słowensko) мова или szproka (съ нѣмецкаго Sprache). Въ Избицахъ я слышалъ также Słowinski вмѣсто Słowinski.

(2) Впрочемъ, Словинцы называютъ шубою всякое длиннополое верхнее платье.

(3) Жители деревень между великимъ «болотомъ» и Лебою, называютъ себя безразлично Кашубами и Кабатками, но чаще прилагаютъ къ себѣ первое наименованіе, второе же чаще дается имъ сосѣдами; языкъ ихъ всегда называется Кашубскимъ; выраженія «Кабатекій языкъ», я не слышалъ.

тамъ употребляется еще названіе *Польскій*, но только въ при-
мѣненіи къ языку: именно, люди эти называютъ свой языкъ
Польскимъ въ томъ смыслѣ, что они имѣютъ свои богослу-
жебныя книги на Польскомъ языкѣ; я слышалъ часто такого
рода выраженія: „Словинскій языкъ (или Кашубскій языкъ) и
Польскій—это одно и тоже: книги у насъ Польскія, *обрядъ*
(богослуженіе) Польскій“. Но Поляками прибалтійскіе Словинцы
и Кашубы себя никогда не называютъ.—Въ деревнѣ Избицахъ
я слышалъ, что дѣлали различіе между *Польскимъ* языкомъ,
который отождествлялся тутъ съ Кашубскимъ, и языкомъ *Полян-
скимъ*, т. е. рѣчью Поляковъ въ собственномъ смыслѣ. „Мы
говоримъ по-Польски, сказывали мнѣ, а *Polaska towa* другая“.

Есть ли какое нибудь существенное различіе въ языкѣ
между Словинцами, Кабатками и Кашубами? Нѣтъ. Все различіе
состоитъ въ большей или меньшей близости къ Польскому
языку, что не имѣетъ однако связи съ этими народными
наименованіями, а зависитъ исключительно отъ большей или
меньшей близости, въ географическомъ положеніи, къ предѣ-
ламъ Польскаго народа. Такъ говоръ рыбаковъ въ деревнѣ
Избицахъ на Лебскомъ озерѣ, строго отличающихъ себя отъ
сосѣднихъ Кабатковъ и Словинцевъ и дорожащихъ именемъ
Кашубовъ, совершенно сходенъ съ рѣчью Кабатковъ и Словин-
цевъ и весьма далекъ отъ рѣчи тѣхъ Кашубовъ, которые жи-
вуть, наприимѣръ, въ Косцержинскомъ округѣ. Одинъ только
признакъ нѣсколько отличаетъ языкъ Словинцевъ отъ языка
Кабатковъ и Кашубовъ и выставляется самимъ народомъ какъ
его особенность, именно произношеніе твердаго *л*: Словинцы
выговариваютъ его какъ среднее *l*, подобно южнымъ Славянамъ,
Кабатки и Кашубы, какъ полугласное *у*, подобно Малороссія-
намъ (въ концѣ слоговъ и словъ) и Верхне-Лужицкимъ Сербамъ; но
это не даетъ права заключить о существованіи двухъ особыхъ на-
рѣчій у тамошнихъ Славянъ, ибо то же самое произношеніе *л*,
какое мы встрѣчаемъ у Померанскихъ Словинцевъ, является въ са-
момъ центрѣ собственной Кашубіи, въ западной Пруссіи, въ с.

Своржевѣ (Schwarzhau) и окрестныхъ деревняхъ, на сѣверѣ отъ Пуцка (Putzig): оттого жители этой мѣстности носятъ у сосѣдей прозвище Bëllëci (отъ произношенія bël вмѣсто bël т. е. bëw — быть). Ближайшее разсмотрѣнiе языка Словинцевъ Померанскихъ и Кашубовъ докажетъ намъ впоследствии, что онъ составляетъ одно нарѣчiе, остатокъ древняго языка прибалтійскихъ Славянъ, но остатокъ, на которомъ изгладилась отчасти своеобразная фiзиономiя этого языка, потому что онъ сохранился только на той пограничной чертѣ, гдѣ рѣчь прибалтійскихъ Славянъ сливалась съ Польскою. Что же касается до раздѣленiя на Словинцевъ, Кабатковъ и Кашубъ, то я вижу въ немъ слѣдъ древняго раздѣленiя Славянскихъ народовъ на мелкiя племена, раздѣленiя вовсе не сопряженнаго однако съ различiемъ въ языкѣ. Въ употребленiи одного только слова Словинцы постоянно отличаются отъ Кашубовъ, и народъ самъ это замѣчаетъ. Словинцы говорятъ всегда *cerkev, jidq do cerkve*, а Кашубы этого древняго слова не знаютъ и употребляютъ Польское *koscól*. Впрочемъ, и у Кашубовъ въ Померанiи я слышалъ *cerkviszcze* вмѣсто Польскаго *cmętarz* (кладбище); въ западной Пруссiи Кашубы чаще употребляютъ это послѣднее выраженiе.

II.

Различiе положенiя Славянской народности въ Померанiи и въ Западной Пруссiи.

Черта, отдѣляющая Западную Пруссiю отъ Померанiи, давно уже не обозначаемая никакою таможеню и замѣтная только на картѣ, тѣмъ не менѣ весьма важна относительно Славянской народности. У Кашубовъ на правой (восточной) сторонѣ этой черты въ Западной Пруссiи, народность Славянская еще довольно жива и сильна; на лѣвой, западной сторонѣ, въ Померанiи, она вымираетъ совершенно, и вѣроятно исчезнетъ безъ слѣда прежде пятидесяти лѣтъ. Причина тому вмѣстѣ и политическая и религiозная. Западная Пруссiя до 1772 года принадлежала Польшѣ, и хотя подъ Польскимъ владычествомъ Нѣмецкая сти-

хія уже вполнѣ владѣла торговыми центрами на устьѣ Вислы, Гданскомъ, и его окрестностями, однако въ бѣдныя, лѣсистыя и песчаныя деревни Кашубовъ она проникнуть не успѣла. А со времени присоединенія Гданскаго поморья (1) къ Прусской державѣ, напоръ Нѣмецкой стихіи въ эту сторону также еще не вполнѣ развился. Онъ направлялся преимущественно въ болѣе богатый Познанскій край. Такимъ образомъ, бѣдная, непривлекательная Кашубія, хотя уже 90 лѣтъ подвластная Пруссакамъ, менѣе подверглась водворенію Нѣмецкихъ колоній и германизации, нежели самая колыбель Польши, область Познанская, только съ 1815 года присоединенная къ Пруссіи (2). Между тѣмъ, восточная Померанія уже со времени Вестфальскаго мира вошла въ составъ государства Бранденбургскаго; въ этомъ краѣ Нѣмецкая стихія господствуетъ уже цѣлыя столѣтія (3), и не удивительно, что Славянская народность находится тамъ совершенно въ другомъ состояніи, нежели въ Западной Пруссіи.

Вмѣстѣ съ политическимъ вліяніемъ дѣйствовало и религиозное. Кашубы въ Западной Пруссіи, находясь подъ властію Польши, удержали Римско-католическую вѣру; Кашубы въ Помераніи, издавна входившіе въ составъ Германской имперіи, были обращены въ протестантизмъ, болѣею частію въ XVII вѣкѣ. Хотя, вообще, протестантизмъ также мало можетъ быть названъ враждебнымъ сохраненію Славянской народности, какъ католицизмъ ей благопріятнымъ (4), однако у Кашубовъ оба

(1) Гданскимъ поморьемъ или Королевскими Прусами (Prusy królewskie) назывался этотъ край подъ Польскимъ владичествомъ. Этотъ край, какъ извѣстно, отвоеванъ былъ Польшею у Прусскаго Ордена въ XV столѣтіи и уступленъ ей Торунскимъ договоромъ 1466 года.

(2) Которое съ тѣхъ поръ получило наименованіе Западной Пруссіи.

(3) Я не говорю о временномъ первомъ присоединеніи Великой Польши къ Пруссіи при раздѣлѣ 1793 года.

(4) Она была господствующею въ Помераніи еще при туземной, Славянской династіи (пресѣвшейся въ 1637 году).

(5) Мы видимъ, напротивъ, у Чеховъ и Словаковъ, что протестантизмъ былъ тамъ всегда благопріятенъ Славянской народности, а католицизмъ, напротивъ, постоянно убивалъ ее.

вѣроисповѣданія стали въ особенныя отношенія къ Славянской стихіи. Носительницею протестантизма является въ этомъ краѣ народность Нѣмецкая съ Прусскимъ правительствомъ и съ своимъ сѣверно-Нѣмецкимъ образованіемъ: слабое, затерянное племя Славянское, принимая протестантскую вѣру, естественно, подчинялось господству Нѣмецкихъ идей, Нѣмецкаго образованія, и вскорѣ принимало даже языкъ Нѣмецкій. Напротивъ того, католицизмъ въ этой части Пруссіи есть нераздѣльная принадлежность Польской, т. е., говоря о Кашубскомъ краѣ, вообще Славянской стихіи, и католическое духовенство тутъ старается противоборствовать напору Нѣмецкой народности, чтобы чрезъ то охранять свою паству отъ вліянія протестантизма. Такимъ образомъ, въ Кашубской землѣ, католическія деревни гораздо крѣпче удерживаютъ Славянскую народность, нежели протестантскія.

Я могъ бы сказать многое о вліяніи прошедшей исторіи на положеніе Кашубовъ. Я могъ бы изложить великую ошибку, какую сдѣлала Польша, во время своей независимости, относительно этого несчастнаго народа, которому его положеніе назначало, по видимому, блестящую будущность. Когда Славянское племя, владѣвшее нѣкогда всѣмъ Балтійскимъ побережьемъ отъ границъ Даніи, потеряло его въ слѣдствіе бѣдствій средневѣковой исторіи, за нимъ осталась только небольшая часть этого побережья, столь важнаго въ смыслѣ политическомъ и торговомъ, именно Гданское Поморье, населенное Кашубами. Польша владѣла этимъ краемъ: что она сдѣлала изъ него? Самое важное мѣсто, торговую и военную гавань у истока Вислы, твердыню Гданскъ (Данцигъ) она оставила въ рукахъ Нѣмецкихъ мѣщанъ, а остальною частью Поморья, гдѣ жили и живутъ родственные Полякамъ Кашубы, пренебрегла совершенно. Возникшіе здѣсь города, Вейерово (Neustadt), Пуцкъ (Putzig), Картузы (Carthaus), Косцержина (Behrendt), Хойница (Konitz), населялись Нѣмцами и становились во враждебное отношеніе къ народности окрестныхъ поселянъ. Въ поселянахъ же этихъ

Польша не ушла даже вселить сознание народнаго съ нею единства. Хотя рѣчь Кашубская такъ близка къ Польской, хотя Кашубамъ не на кого опереться, кромѣ какъ на Польскую народность, они однако вовсе не чувствуютъ и не сознаютъ связи своей съ Польскимъ народомъ. Я не говорю о тѣхъ Кашубахъ, которые живутъ на самой границѣ Великопольской земли (въ Косцержинскомъ и Хойницкомъ округахъ), и которые сами считаютъ себя Поляками, хотя ихъ выговоръ отличается въ нихъ Кашубовъ; но далѣе на сѣверъ, въ глубь Кашубіи, народъ, повторяю, не ощущаетъ въ себѣ никакой внутренней связи съ Польскою землею, хотя ходитъ въ церковь съ Польскими молитвенниками и знаетъ, что его рѣчь сходна съ Польскою. Польша, владѣя столько столѣтій Кашубскими Поморьемъ, могла бы легко сроднить этотъ край съ собою совершенно. Она этого не сдѣлала въ слѣдствіе своего всегдашняго пренебреженія къ простому народу. Кашубы — простые поселяне, мужики; Кашубская рѣчь есть испорченный говоръ черни: какъ можно вельможнымъ панамъ заниматься низкимъ простонародьемъ и его грубою рѣчью? Такъ судятъ до сихъ горъ Поляки-помѣщики, сохранившіе еще часть имѣній своихъ въ Кашубскомъ краѣ. Въ разговорѣ со мною они даже выражали полу-насмѣшливое удивленіе тому, что я находилъ Кашубовъ и Кашубское нарѣчіе заслуживающими изученія. Хотя они весь свой вѣкъ живутъ между Кашубами, однако свѣдѣній объ ихъ нравахъ, бытѣ, обычаяхъ, языкѣ я ни отъ кого изъ нихъ добиться не могъ. На мои разспросы они отвѣчали мнѣ пошлыми, общими фразами о грубости своихъ поселянъ и испорченности Кашубскаго языка. Между тѣмъ, лишая себя самихъ всякаго внутренняго общенія съ своимъ народомъ и не находя случая поддерживать связь съ Познанскимъ краемъ, Польское шляхетство въ Кашубской землѣ все болѣе и болѣе подчиняется вліянію Нѣмецкому. Оно, въ особенности молодое поколѣніе, легче и охотнѣе говоритъ по-Нѣмецки, чѣмъ по-Польски; я видѣлъ въ той странѣ многихъ молодыхъ шляхтичей,

которые рѣдко и принужденно говорятъ по-Польски, когда нить по чему либо захочется показаться патриотами, а въ домашнемъ быту употребляютъ постоянно языкъ Нѣмецкій. Я видѣлъ въ Кашубіи цѣлое общество Польскихъ пановъ, человекъ 20, которые, по случаю присутствія одного Нѣмецкаго чиновника, повели всѣ разговоры по-Нѣмецки.

Католическое духовенство въ этой странѣ, какъ я сказалъ, не благопріятствуетъ распространенію Нѣмецкой стихіи. Но, къ сожалѣнію, ббольшая часть его членовъ также, какъ дворянство, проникнута духомъ Польской аристократической гордости въ отношеніи къ Кашубамъ и къ ихъ нарѣчію. Есть однако между духовенствомъ нѣкоторые, понимающіе лучше свои обязанности къ народу.

III.

Быстрое исчезаніе Славянской народности въ Бытовскомъ округѣ.

Всего скорѣе угаснетъ Славянская народность въ Бытовскомъ округѣ, составляющемъ южный уголъ восточной оконечности Помераніи. Я уже сказалъ, что остатки Славянской народности сохранились тамъ почти во всѣхъ деревняхъ. Но по Славянски говорить только старшее поколѣніе, и народность Славянская съ нимъ вѣстѣ вымираетъ. Народъ самъ это понимаетъ. Хотя старикамъ грустно видѣть исчезаніе родной рѣчи, хотя они знаютъ и говорятъ, что правительство сильно участвуетъ въ истребленіи у нихъ Славянскаго языка, однако ропота на это вы отъ нихъ не услышите. Германизация приняла уже въ Бытовскомъ округѣ такіе размѣры, что народъ покорился ей, какъ судьбѣ неотвратимой. Собственно, она тамъ кончила свое дѣло; никого не остается германизировать, надобно только подождать, лѣтъ 20, чтобы вымерло нѣсколько сотъ стариковъ, которые еще не сдѣлались Нѣпцами.

Въ самомъ городѣ Бытовѣ (Bytów) мѣщанство, не говоря о купцахъ и чиновникахъ, не знаетъ ни слова по Славянски.

Употребляютъ Кашубскій языкъ только нѣсколько стариковъ въ ремесленноѣ классѣ. Если тамъ найдется человекъ моложе 60 лѣтъ, знающій Кашубскій языкъ, то это непременно пришелецъ. Въ Бытовѣ есть одна церковь (протестантская), называемая Кашубскою, небольшая, ветхая, въ отдаленномъ предмѣстьѣ. Въ ней служатъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, именно для Кашубовъ, и служатъ для нихъ уже по-Нѣмецки. Польская служба прекращена лѣтъ 30 тому назадъ.

Одинъ изъ стариковъ Кашубовъ, котораго я видѣлъ въ Бытовѣ, говорилъ мнѣ: «Starszi płakali i lamentowali, wóni bëli jesz Kászëbi, że dzeci sę muszeli po Niemecku uczec, ale to nic nié pomogło. Teraz to vszëtci múszemy Niémcami bëc, to je zły: starszi nié mogą uczec dzece, a to je zły» (¹). Далѣе, указывая мнѣ на свою жену, 66-лѣтнюю старуху, онъ прибавилъ: «kej wóna mała bëła, to wóna chcà' sę po Kaszëbsku uczec, ale wóni nie dóbzvolili, xandz i szkólni» (²).

Совершающееся на глазахъ нашихъ вымираніе Славянской народности казалось мнѣ фактомъ, стѣющимъ ближайшаго изученія, и потому я побывалъ почти во всѣхъ деревняхъ Бытовскаго округа, спрашивая въ каждой, есть ли тамъ еще Кашубы. Передамъ свѣдѣнія, которыя я тогда собралъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ путешественникъ въ большей части этихъ деревень уже не найдетъ ни одного Славянина.

Изъ деревень, лежащихъ отъ г. Бытова къ сѣверозападу, въ Недаржинѣ (Meddersin) и Гржмицѣ (Gramenz) нѣкоторые старики еще знаютъ по-Кашубски. Также въ Моштернѣ (Moggenstern). Въ этомъ приходѣ, какъ я слышалъ, пасторъ запрещаетъ своимъ прихожанамъ говорить по-Кашубски. Въ Моштернѣ знаютъ по-Кашубски всего человекъ 20. Одинъ

(¹) «Родители (наши) плакали и жаловались, тѣ, которые были еще Кашубы, что дѣти ихъ должны были учиться по-Нѣмецки, но это не помогло. Теперь мы всѣ должны быть Нѣмцами, это дурно. Родители не могутъ учить своихъ дѣтей, это дурно».

(²) «Когда она была маленькая, то она хотѣла учиться по-Кашубски (т. е. на Кашубскомъ языкѣ учиться закону Божьему, для конфирмаціи), но ей не дозволили пасторъ и школьный учитель».

изъ стариковъ въ Гржиницѣ говорилъ мнѣ слѣдующее: «Do te sedmelátne vojne tu běła czista Polska, vszitko běło po Kaszubsku móva. Krol wóddal żebě sę pó Niemecku uczili, i vszestci dzeci sę uczili. Mě jesz po Kaszubsku v domie vjedno godali, a moje dzeci to jim lěcho pó Polsku móva. To vszetko vyjdzde, dali to nicht né budze tu; to nie budze vjedno godóne, to se zabódze; to krol nie chce miec, vszetko pó Niemecku ma bęc, jedno mova» (¹). Потомъ этотъ же умный и разговорчивый старикъ (по фамилии Ковалька) говорилъ еще: «Vsządze v Bětovskem kraju stórzy jesz so Kaszubski, ale ti młodzi sę nie náuczili. Ale ten biastoch (онъ указалъ на поселянина среднихъ лѣтъ) je uczóny i żegnóny pó Niemecku, ale tą movą rozumieje. V давныхъ czasachъ jedna piesnia běła spevjona pó Polsku, a drugo pó Niemecku (ve vsach, ve szkólnici, kej uczili dzeci); v kóscóle xądz jedno kósał kazani pó Polsku, drugo pó Niemecku. Běło zakozóne, że starszi nie mieli do dzeci móvic po Kaszubsku, to je za szesdzesåt lat. To krol zakazał. Tero tu czisto vězděchne ta móva» (²). — Еще въ 1814 году въ дѣти въ этихъ мѣстахъ говорили по-Кашубски, хотя старикъ, родившійся въ 1791 году, уже не помнилъ, чтобы въ школахъ преподавали иначе, какъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1811 году пасторъ въ этомъ приходѣ (село, гдѣ приходъ, называется Божтехомье, Borntuchen) еще былъ обязанъ говорить проповѣдь

(¹) «До семилѣтней войны здѣсь была чистая Польша, все разговаривало по-Кашубски. Король приказалъ, чтобы учились по-Нѣмецки, и чтобы всѣ дѣти непременно ходили въ школу. Мы еще всегда дома говорили по-Кашубски, но мои дѣти плохо знаютъ по-Польски. Это все кончится, потому никого здѣсь не будетъ (иъ Кашубовъ), вовсе не будутъ говорить (по-Кашубски), языкъ забудется. Король его не хочетъ, все должно быть по-Нѣмецки, вездѣ одинъ языкъ».

(²) «Повсюду въ Бытовскомъ краѣ старики еще Кашубы, но молодые не научились (по-Кашубски). Вотъ этотъ Бястохъ, онъ учился и былъ конфирмованъ на Нѣмецкомъ языкѣ; но онъ еще понимаетъ языкъ (Кашубскій). Въ прежнія времена, по деревнямъ, въ школахъ, когда учили дѣтей, одна пѣсня пѣлась по-Польски, другая по-Нѣмецки (набожныя пѣсни, которыя всякій день поются дѣтьми въ протестантскихъ приходскихъ училищахъ). Запретили родителямъ говорить съ дѣтьми по-Кашубски, тому назадъ шестьдесятъ лѣтъ. Это запретилъ король. Теперь тутъ совершенно вымретъ этотъ языкъ».

по-Польски; тогда именно прѣхалъ новый пасторъ, и первую свою Польскою проповѣдью возбудилъ общій смѣхъ въ народѣ; больше онъ уже и не сталъ проповѣдывать по-Польски, и съ тѣхъ поръ (съ 1811 г.) только четыре раза прѣзжалъ туда для Польской проповѣди, пасторъ изъ Велькаго-Техомья (Gross-Tuchen). А въ 1830 г. умеръ этотъ пасторъ, послѣдній, умѣвшій говорить по Польски.

Перехожу къ деревнямъ на востокъ и сѣверъ отъ Бытова. Въ Большомъ Помискѣ (Pomeissken) Кашубскій языкъ почти исчезъ, въ Маломъ говорятъ на немъ еще взрослые, но дѣти уже его не знаютъ. «Wu nas, a też v Pulszcze (Polzen), v Jamnie (Jamem) i Parzchowie (Pargchau)⁽¹⁾ Kaszubsko mōva zaginie», говорили мнѣ тамъ. Священникъ въ Большомъ Помискѣ, котораго я разспрашивалъ про исчезновение Славянской народности, сказалъ мнѣ: «Das erinnere ich mich ganz gut, dass es von selbst einschlof. Endlich schämte man sich Kaschube zu sein und kaschubisch zu sprechen. In früherer Zeit wurde aber wegen der Sprache viel Spektakel gemacht, besonders mit den Predigern»⁽²⁾. Въ деревняхъ этого прихода, граничащихъ съ западною Пруссіей, есть нѣсколько семействъ католиковъ: они тверже сохраняютъ свой языкъ. Одинъ изъ тамошнихъ поселянъ говорилъ: «Kožďe jakı je viare, tak goda», т. е. что языкъ совпадаетъ съ религіею, протестанты употребляютъ Нѣмецкій, католики Кашубскій.

Къ сѣверу, въ глуши около Луповскаго озера, есть нѣсколько деревень, въ которыхъ и у протестантовъ Славянская стихія сохранилась болѣе. Это Луповске (Lupowske), гдѣ почти всѣ жители говорятъ еще по-Кашубски, Букольтъ (Buchwalde) и Вусувкъ (Wussowke). Славянская рѣчь, хотя въ

⁽¹⁾ Двѣ послѣднія деревни принадлежатъ къ западной Пруссіи, и граничатъ съ Помисскимъ приходомъ.

⁽²⁾ „Я помню хорошо, что Славянская народность угасла сама собою. Наконецъ, стали стыдиться быть Кашубами и говорить по-Кашубски. Но въ прежнее время дѣлали много хлопотъ на счетъ языка, въ особенности священникамъ“.

немногихъ избахъ, между стариками, удержалась и въ сосѣднихъ деревняхъ Столпскаго округа, Будовѣ (Budow, село), Вицоркѣ (Jerschkewitz) и Клепаницѣ (Kleschnitz).

На юго-востокъ отъ Бытова, только деревня Рабадино (Gröbenzin) на половину Кашубская; въ с. Угощъ (Bernsdorf) и дер. Чорна Думброва (Czarndamerow), Ослава Думброва (Oslaw Damerow), Рогъ (Sonnenwalde), Прживозъ (Przywoz) лишь немногіе старики знаютъ по Кашубски. Въ Соминѣ (Sommin) Славянская рѣчь исчезла совершенно.

Наконецъ, идя отъ Бытова къ западу и югозападу, мы находимъ, что въ селѣ Незапржево (Damesdorf), дер. Тунгомье (Tangen) и с. Техомье (Tuchen) остались, въ каждомъ, по 2—3 семьи, гдѣ говорятъ еще по Славянски. Въ дер. Катковѣ (Katkow) Славянская стихія совсѣмъ угасла въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Одинъ изъ Кашубовъ въ этомъ краѣ, челоуѣкъ весьма пожилой, слышалъ отъ стариковъ, что когда-то говорили только по-Польски и въ ближайшихъ мѣстахъ Руммельсбургскаго округа (Rummelsburg, по-Славянски Мястко), лежащаго къ западу отъ Бытовскаго округа, какъ-то въ с. Колчиглоуѣ (Kolziglow) и Вержинѣ (Versin); «ale prsiszed cvang, прибавилъ онъ, i muszeło vszitko Polsko^o zagubione bęc i vszitko рó Niemecku бęc. Та Polska мова muszeła wustac, to бѣло zakazone, i dlo tego jen бѣло zażegnónie po Niemecku» (1). Еще въ 1817 г. въ этихъ деревняхъ Руммельсбургскаго округа были немногіе, говорившіе по-Славянски.

IV.

Славянская народность въ восточной Помераніи, на побережьи Балтійскаго моря и въ Западной Пруссіи.

Славянская народность исчезаетъ также и въ прибрежныхъ мѣстахъ восточной Помераніи, въ деревняхъ Словинцевъ, Ка-

(1) «Но наступило принужденіе, и все Польское должно было быть истреблено, все должно было быть по-Нѣмецки. Польская рѣчь должна была прекратиться, она была запрещена, и для того совершамъ конfirmaцію только по-Нѣмецки».

батковъ и Кашубовъ. И тутъ, также въ Бытовскомъ краѣ, она быстро истребляется правительствомъ, которое дѣйствуетъ всеильнымъ рычагомъ народнаго образованія и не останавливается иногда и передъ насильственными мѣрами для достиженія своей цѣли, не только оправдывая ее политической выгодой, но даже считая германизацию Славянъ своимъ призваніемъ въ борьбѣ цивилизациі съ варварствомъ. Разуѣется, центральнымъ властямъ Берлинскимъ теперь уже и не приходится хлопотать о германизациі слабыхъ остатковъ Славянскихъ около Лебскаго озера. Направленіе дано, и дѣло идетъ само собою, благодаря усердію мѣстныхъ чиновниковъ, бѣльшей части протестантскаго духовенства и учителей въ школахъ. Если Славянскій языкъ въ прибрежныхъ мѣстахъ восточной Помераніи проживетъ нѣсколько долѣе, нежели въ Бытовскомъ округѣ, то причиною тому глушь, въ которой находятся тутъ многія селенія и замкнутость рыбацкаго быта. Именно тамъ, гдѣ живутъ рыбаки и гдѣ селенія построены среди болотъ, Славянская стихія сохранила гораздо больше силы, чѣмъ въ деревняхъ земледѣльческихъ и въ мѣстахъ болѣе доступныхъ.

Всего полнѣе удержалась она въ рыбацкихъ деревняхъ Гарнѣ (¹) (Garden), Высокомъ (Wittstock) и Ртѣ (Rotten) у Гарденскаго, въ Клѣкахъ или Клѣчицахъ (Klucken), Избицахъ (Giesebitz), Гацѣ (Speck) и Бабьешъ-долѣ (Babidol) у Лебскаго озера, и въ маленькихъ выселкахъ, находящихся около этихъ деревень и которыя перечислены выше (стр. 8). Тамъ Славянская рѣчь представляетъ особенно много древняго, тамъ живетъ много старинныхъ преданій, а въ Гарнѣ, Высокомъ, Ртѣ, Клѣчицахъ и другихъ селеніяхъ этого глухаго уголка Помераніи народъ еще именуется себя, какъ я уже замѣтилъ, именовъ *Словинцевъ*; въ Гарнѣ я даже слышалъ отъ рыбаковъ, что они себя называютъ Slověnci (въ единствен. Slovēn, прилагат.

(¹) Словинцы говорятъ Garnò (вмѣсто Garga) и склоняютъ, какъ прилагательное женскаго рода: do Garné, v Garnú (или Garnò) и т. д. Древняя форма была Gardna, какъ видно изъ Нѣмецкой передѣлки Garden и прилагательнаго: Gardzinski.

Slovênski) (1). Между тамошними рыбаками есть еще много людей не старухъ, которые вовсе не знаютъ по-Нѣмецки. Но языкъ этотъ быстро проникаетъ и сюда. Такъ въ рыбацкой деревнѣ Ровъ (Rowe), лежащей къ сѣверозападу отъ Гарны, у истока Гарденскаго озера въ море, и гдѣ, по рассказамъ Гарденцевъ, я надѣялся найти много Славянскаго, оказался только одинъ 79-лѣтній старикъ, Грачекъ, который помнилъ нѣсколько Славянскихъ словъ, но уже связнаго разговора по-Славянски не могъ вести. Съ 1827 года прекратили въ Гарденскомъ приходѣ (2), къ которому принадлежитъ большая часть этихъ рыбацкихъ деревень, обученіе на Польскомъ языкѣ дѣтей для конфирмаціи и вообще исключили Польскій языкъ изъ школъ. Потому замѣчаютъ, что тѣ, которые получили конфирмацію до 1827 года, еще вполнѣ Славяне, а обучавшіеся позднѣе уже болѣе или менѣе онѣмечены. Народъ вполнѣ сознаетъ огромное вліяніе школьнаго ученія на истребленіе его языка. Такъ одна довольно молодая Словинская женщина въ Гарнѣ говорила: «U naszym starich nawuka běla vszitka německo, a gódka slovinsko. Stare jesz mają gódka po-Slovinsku, ale po tich starich oni ni mają po-Slovinsku vĕkle. Ja mogą też po Slovênsku gadac, ale Boże slovo nie rozumęje po Slovênsku, ne jem to uczona. Nynia naszo staro slovinsko viaro zatopili, vszetki naucziceli běli nemecke, sme mûszeli pó-nemecku vĕknaç. Moj chlop nie rózumeje dicht nic po-slovênsku, a jo roda gódaje pó-slovinsku, a ni mom nikogo, moje dzece nié umeją nic po-Slovinsku» (3). Во многихъ избахъ Гарденскихъ

(1) Такъ я слышалъ: «V Izbicach, to tak jak tu Slovênstji: Kászebi e Slovênci, to je jedno». Форму Slovên въ единственномъ числѣ пришлось мнѣ слышать только одинъ разъ; обмолвочно говорятъ: Slovenski, Slovinski или Slowanski.

(2) А также въ Гловчицахъ, въ краѣ такъ называемыхъ *Кабатковъ*.

(3) «У нашихъ родителей все ученіе было Нѣмецкое, а разговоръ по-Словински. Родители еще говорятъ по-Словински, но дѣти не научились отъ родителей по-Словински. Я также умѣю говорить по-Словински, но слово Божіе не понимаю по-Словински, не была этому обучена. Теперь уничтожили нашу старую Словинскую вѣру (т. е. богослуженіе на Славянскомъ, Польскомъ языкѣ), всѣ учителя были Нѣмцы, имъ должны были учиться по-Нѣмецки. Мой мужъ не понимаетъ ровно ничего по-

рыбаковъ выражалось при мнѣ подобное сѣтованіе на то, что дѣти не понимаютъ языка родителей и изъяснялась радость случаю поговорить по-Словински: «Vielka skáza mezi mnú a dziecmi, że oni nie rozumieją co ja powím,» говорилъ отецъ семейства; «Mac po-Kaszubsku, dzieci pó nemecku»; — «Dlo dzieci je za žimko žebě me godali po-slovinsku, i szkolni towo nechce»; «Rédosc mome ga chto gada z nami po-slovénsku, możeme se porozumec;» — «Nasze pánovie nie chco, gadac z nami po-Slovinsku, a ja nie mogą tak dicht vszetko powiedzec po-Nemecku, to jem tak uredóna, ga mogą pó-Slovinsku gadac» (1). Эти выраженія и записалъ со словъ разныхъ жителей и жительницъ Гардненскихъ. Они рассказывали также, какая радость была рекрутацъ, взятымъ изъ ихъ села въ Landwehr, услышать во время стоянки въ Нижней Музаці (въ 1850 г.) Славянскую рѣчь и говорить съ народомъ на родномъ языкѣ.

Сужденія Гардненскихъ Словинцевъ - простолюдиновъ объ ихъ умирающей народности такъ заинтересовали меня, что я часто направлялъ разговоръ съ ними на этотъ предметъ и записывалъ ихъ рѣчи. Передаю ихъ безъ комментариевъ, замѣтивъ только, что это отзвѣвы не одного лица, а нѣсколькихъ, и мужчинъ и женщинъ.

«Ga jem běl mlodí, bělo lěcho Nemeckich, a nynja je vszitko Niemczizna, te starzi vězdychają; jak lata dzesąc nie budze nic» (2).

«Sedemdziesiąt lat nauka Slovinsko je zginiona, a trzindóscie lat co wobrzod nieje vici». «Przed szesdziesiąt laty tu jesz dze-

Словински, а я охотно говорю по-Словински, но не съ кѣмъ, мои дѣти не знаютъ ничего по-Словински».

(1) «Большая неприятность, между мною и дѣтьми, что они не понимаютъ, что я скажу». — «Мать по-Кашубски, а дѣти по-Нѣмецки». — «Для дѣтей слишкомъ тягостно, чтобы мы говорили (съ ними) по-Словински, да и учитель этого не хочетъ». — «Намъ радость, когда кто говоритъ съ нами по-Словински, мы можемъ понять другъ друга». «Наши господа не хотятъ говорить съ нами по-Словински, а я не могу все сказать по-Нѣмецки, то я бываю такъ рада, когда могу говорить по-Словински».

(2) «Когда я былъ молодъ, было мало Нѣмцевъ (т. е. людей, говорившихъ по-

sąty ni mógł pó-Nemecku. vsetko Slovinsko, Slovinstji kódre». «Przed pindzesąt laty bëło jez dwa dzelà Slovinskich a trzeci dzel był Nemecki. Te starzi povèzdèchali. a ksodz ni muk po Slovinsku navèknoć: ksodz Hefner. Przed tim bëł Kummer. slèni Slovinski ksodz. Potom bëło dvadzescé co chodzilo do obrzàdu, potom ósem, pótom czvióro, potom zós bëło dvoje, Pópik a storó Zonderka, i tu Slovinski óbrzod przèstal, muszili jic do Nemeckewo óbrzoda: ksodz ni mog kazac, a nié dal vici». «Ksodz Kummer przez moc Boże slovo po-Slovinsku ótmiol; to jesta ju nynja czvarte ksodz, czvarte pokolinje» (1).

«Krol niechce żebe v zoldatach góдали pó-Slovinsku». «Dzéci ni mó pó Slovinsku gódac, dla szkuole». «Moja matka (говорила 80-лѣтній старикъ) bëła Niemecko, ale óna vèkla pó-Polsku od dzeci; i ja te zód dzeci. od malech dzeci muszà nynja vèknać pó-Niemecku» (2). «Mè ni mogli vèknać po-Slovinsku, to me rzucili przyz tą godkà (3) (говорила молодой человекъ); на мой вопросъ, было ли это для нихъ тяжело, онъ отвèчалъ: «żimko do niesenia bëło, ale mili nesc, ako mrzec» (4).

Нѣмецки), а теперь все Нѣмецкиа, старые умирають; черезъ десять лѣтъ ничего не останется».

(1) «Семьдесятъ лѣтъ Словинское ученiе уничтожено, а тринадцать лѣтъ уже не бывають (Словинскаго) богослуженiя. — «Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ двѣ трети было еще *Словинскиа*, а одна треть — *Нѣмецкиа* (т. е. говорившихъ по-Словински, по-Нѣмецки). Старики повимерли, а пасторъ не могъ научиться по-Словински: именно пасторъ Гефнеръ. Передъ тѣмъ былъ Куммеръ, послѣднiй Словинскiй пасторъ. Потому было 20 человекъ, которые ходили къ (Словинскому) богослуженiю. потомъ восемь, потомъ четыре, а подъ конецъ было двое, Попикъ и старуха Зондерка, и тутъ прекратилось Словинское богослуженiе, они должны были ходить къ Нѣмецкому. Пасторъ не умѣлъ проповѣдывать (по-Словински) и не сталъ больше допускать Словинскаго языка (при богослуженiи). — «Свидѣтели Куммеръ насильственно отнялъ слово Божiе по-Словински: съ той поры теперь четвертый пасторъ, четвертое поколѣнiе».

(2) «Король не хочетъ, чтобы въ войскѣ говорили по-Словински». «Дѣти не должны говорить по-Словински, по причинѣ школы. — «Моя мать была Нѣмецкая (т. е. изъ семьи, гдѣ говорили по-Нѣмецки), но она научилась по-Словински отъ дѣтей; и я также отъ дѣтей, отъ малыхъ дѣтей, принужденъ теперь учиться по-Нѣмецки».

(3) «Мы не могли учиться (въ школѣ) по-Словински, такъ мы бросили этого языка».

(4) «Тяжело было нести, но лучше нести, чѣмъ умирать».

«Nynja vszetko Niemci vszadze, e v Kabátcich tež». «Nynja Kaszebsko vszetko ginie, nauka e godânjo, vszetko, jest wiele lat co ôna tod jesta» (1).

На разспросы о Славянскихъ (Польскихъ) книгахъ и бумагахъ, я получилъ отвѣтъ: «Slóvinstji lédzi, ti stórzi vězděchaja, a mlodzi Niemectji, te Slovinske lěste daja dzecom porvác». — «Nie potrzebujemě Polskich ksag, a dajeme chlopom v žark» (2).

Эти послѣднія слова характеристичны: «Мы не нуждаемся уже въ Польскихъ книгахъ, и кладемъ ихъ мужикамъ (т. е. Словинскимъ) въ гробъ». Какъ этотъ народъ ясно сознаетъ свой близкій конецъ!

Въ заключеніе прибавлю еще два отзыва, которые могутъ дать понятіе объ отношеніи Нѣмецкаго образованнаго класса къ народности Гарденскихъ Словинцевъ. Тамошній пасторъ говорилъ мнѣ: «Ich kam hierher aus Grosstuchen. Es war mein Schicksal in zwei Stellen das polnische zu unterdrücken. Vor mir predigte man alle 6 bis 8 Wochen in Grosstuchen polnisch. Als ich hierher bestimmt war, fragte ich, wie es mit dem Kassubischen stände. Da sagte mir der Landespräsident, es solle mit dem polnischen in Pommern ein Ende werden: *wir wollen es*» (3). И такъ, пріѣхавъ въ Гарну, пасторъ, вслѣдствіе этого указанія свыше, тотчасъ изгналъ Польскій языкъ изъ церкви и постоянно внушаетъ народу, чтобы онъ бросилъ Кашубскую рѣчь.

(1) «Нынче все Нѣмцы повсюду, и тоже у Кабатковъ». — «Нынче все Кашубское гибнетъ, ученіе и (разговорная) рѣчь, все: уже много лѣтъ, что онѣ мертвы».

(2) «Словинскіе люди, старики, вымираютъ, а молодые уже Нѣмецкіе, такъ даютъ Словинскія бумаги рвать дѣтямъ». — «Мы не нуждались въ Польскихъ книгахъ, и кладемъ ихъ мужикамъ въ гробъ».

(3) «Я прибылъ сюда изъ Гроссъ-Тухена (Vielke Têchomie, въ Бытовскомъ округѣ). Моя судьба была въ двухъ мѣстахъ уничтожить Польскую народность (о Гроссъ-Тухенскомъ приходѣ см. выше, въ описаніи Бытовскаго края, стр. 15—16). До меня въ Гроссъ-Тухенѣ проповѣдывали по-Польски разъ въ 6 или 8 недѣль. Когда меня назначили сюда, я спросилъ, какъ быть съ Кашубскою народностью. Тогда областной президентъ (т. е. губернаторъ) сказалъ мнѣ, что надобно покончить съ Польскою стихіею въ Пожераніи: *мы этого хотимъ*».

Еще замѣчательнѣе другое признаніе, слышанное мною отъ молодаго помѣщика, дѣйствующаго въ томъ же духѣ, по влеченію собственнаго сердца, безъ всякаго оффиціальнаго побужденія. Встрѣтилъ я этого господина въ полѣ, въ изящномъ охотничьемъ костюмѣ, надзирающимъ за работою косарей. Мы разговорились; онъ показался мнѣ человѣкомъ весьма образованнымъ, лѣтъ 25 или 30. Рѣчь зашла о предметѣ моего путешествія. «Что, ваши работники Нѣмцы или Кашубы?» спросилъ я. «Кашубы изъ здѣшнихъ деревень, былъ отвѣтъ, но говорятъ при мнѣ по-Нѣмецки: als ich auf die Wiesen und in das Feld ging, verbat ich den Leuten das kassubisch sprechen, ich konnte es nicht leiden; es schien mir ein Schnattern!» (1) Жалѣю, что не записалъ имени этого господина.

Въ другомъ приходѣ, къ которому принадлежитъ Словинскій уголокъ, въ Смолдзенахъ (Schmolsin), конфирмація на Польскомъ языкѣ прекращена гораздо прежде, чѣмъ въ Гарнѣ, именно около 1790 г. (2). Я видѣлъ въ Клецицахъ 80-лѣтняго старика, послѣдняго, оставшагося въ живыхъ изъ тѣхъ, которые учились для конфирмаціи по-Польски въ Смолдзенскомъ приходѣ. Этотъ старикъ — личность замѣчательная. Въ немъ нѣтъ той покорности передъ истребленіемъ роднаго языка, какую мы находимъ по большей части въ Славянскомъ простонародѣ восточной Помераніи. Напротивъ, старикъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ во всемъ околоткѣ, какъ упорный врагъ германизации. Онъ видитъ, что съ нею бороться уже нельзя; но смиренно, какъ другіе, онъ ей не покоряется. Онъ увѣрилъ себя, что гибель Славянской народности въ его родинѣ есть дѣло Антихриста, есть признакъ приближенія кончины вѣка. Эту мысль, сказывали мнѣ Клецицкіе рыбаки, старикъ этотъ,

(1) «Когда я отправлялся на луга или въ поле, я сталъ запрещать людямъ говорить по-Кашубски; я этого не могъ терпѣть, оно казалось мнѣ чѣмъ-то въ родѣ гусиного крика».

(2) Потомъ тамъ четыре раза въ годъ совершалось богослуженіе по-Польски; наконецъ и это уничтожено въ 1855 году.

безсемейный и кое-какъ перебивающійся у хозяевъ въ сосѣдствѣ, безпрестанно проповѣдываетъ и почитается чѣмъ-то въ родѣ пророка. Съ какою-то дѣтскою радостью встрѣтилъ онъ меня, когда услышалъ, что я пришелъ въ Клечицы именно для того, чтобы узнать, говорятъ ли тамъ еще по-Словински: «Вотъ, я вамъ твердилъ, что нашъ языкъ еще не такой негодный, когда изъ самой Московской земли приѣзжаютъ учиться ему!» Эти слова онъ нѣсколько разъ повторилъ съ самодовольнымъ видомъ народу, собравшемуся смотрѣть на иностранца. Приведу въ подлинникѣ нѣсколько отрывковъ изъ рѣчей Клечицкаго старика, которые я успѣлъ записать. «V Klęczicach gádają pó-Slovinsku, v Jizbicach pó-Kaszëbsku; nasza szproka to je prawo Slovinski jazyk; mě smě Slovinskji; ale v Głowczicach Kaszëbsko. Te mlodzi u nas są Niemecke . . . Tu nynia wiele Slovínskeho lëda, ale wóni są zarzucóne, nie chcą gadac: ga jeden nie gada, nie gádają . . . Ta Niemécizna cali sviat ótrëla. Bucha przëszla a wostavila Slovinską náuka a szproką. Ksódze bëli buszni . . . Nié davno bëlo to vszetko Kaszëbskji lëdzi; dzeci mlodë rozumjoc mogą po-Slovinsku, ale gadac nie-ą ju chtorzi to mogą. Ga Slovinsik, ten Polski jazyk ústanie, to je konje sviata; ale nie tak chutko ustánie. Nynia vszitkich chlopov uczą pó-Niemecku. Je písóne, że bądze o Kaszëbski szproce chodzone, pitone, gdzie je jesz Kaszëbski czlowiek; ga to ustánie, to bo konje sviata» (1).

(1) «Въ Клечицахъ говорятъ по-Словински, въ Избицахъ по-Кашубски. Нашъ языкъ есть настоящій Словинскій языкъ. Мы Словинскіе, а въ Гловчицахъ Кашубы. Молодежь у насъ Нѣмецкая. Здѣсь еще много Словинскаго народа, но онъ заброшенъ: не хочетъ говорить (по-Словински); когда кто нибудь не заговоритъ (по-Словински), то не говорятъ. Нѣмецина отравила весь свѣтъ. Завелась гордость и сдѣлала то, что покинулъ Словинское ученіе и языкъ. Священники были высоко-мѣрны. Недавно тутъ весь народъ былъ Кашубскій. Дѣти еще понимаютъ по-Словински, но уже нѣтъ такихъ, которые умѣли бы говорить. Когда Словинскій, т. е. Польскій языкъ прекратится, то это кончина міра; но онъ прекратится не такъ скоро. Теперь всѣхъ мужиковъ учатъ по-Нѣмецки. Писано, что будутъ ходить искать Кашубскаго языка, будутъ спрашивать, гдѣ еще Кашубскій человекъ: когда это кончится, то будетъ свѣтопреставленіе».

Въ Избицахъ рыбаки также не всегда безъ ропота глядятъ на истребленіе Славянской народности въ младшемъ поколѣніи. Родителямъ горько и обидно, что когда они говорятъ дѣтямъ по-Кашубски, тѣ уже бѣольшою частію отвѣчаютъ имъ по-Нѣмецки. Одинъ изъ рыбаковъ говорилъ: «*Tu stare běli vszetki Kaszėbski, a teroz dzeci sō Niemecke Kej te stāri zāmra, vszetko bdze tu rō-Niemecku; v szkołach uczo dzeci vszetko rō-Niemecku, le co ot starszich drobka są naucza, to je, ale vici tu niėbdze rō-Polsku godōne*» (1). Далѣе, разказавъ мнѣ, что въ ихъ школѣ бьютъ дѣтей за каждое слово, сказанное другъ дружкѣ по-Славянски, этотъ рыбакъ прибавилъ: «*Pol-sko nāuka ma vėginac: jak bė nas vzole v Ruska, nas Pol-skich vszech!*» (2) Что касается сѣченія въ школѣ за слово, произнесенное по-Кашубски, то оно господствуетъ и въ Кле-чицахъ, какъ сказывалъ мнѣ тамошній мальчикъ по собственному опыту. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Отъ рыбацкихъ селеній перехожу къ земледѣльческимъ деревнямъ Померанскаго побережья. Отъ запада буду подвигаться въ востоку. Крайній къ западу приходъ, въ которомъ еще живутъ Славяне (именно Словинцы), есть Гардненскій. Кромѣ деревень, лежащихъ на берегу Гардненскаго озера (3) и населенныхъ рыбаками, къ этому приходу приписано нѣсколько земледѣльческихъ деревень. Изъ нихъ только въ Стойцинѣ (Stojentín) еще довольно много Славянскаго; въ Члоховѣ (Schlochow) говорятъ почти только по-Нѣмецки; въ Буковѣ и Витбекѣ Славянство совсѣмъ исчезло.

Во всемъ Смелдзинскомъ приходѣ, кромѣ рыбацкихъ дере-

(1) «Здѣсь старики были всѣ Кашубы, а теперь дѣти Нѣмцы. Когда старики вымрутъ, все здѣсь будетъ по-Нѣмецки. Дѣтей учатъ въ школахъ все по-Нѣмецки, и развѣ отъ стариковъ научаются они немножко (говорить по-Кашубски), но больше не будутъ уже говорить здѣсь по-Польски».

(2) «Польское ученіе должно быть уничтожено. Какъ бы насъ ввали въ Россію, насъ всѣхъ Польскихъ».

(3) Озеро это имѣетъ истокъ въ Балтійское море.

вень, о которыхъ было сказано, Словинскій языкъ почти совершенно исчезъ передъ Нѣмецкимъ.

Далѣе — приходы Гловчицкій (Glowitz) и Цеценовскій, составляющіе землю такъ называемыхъ Кабатковъ. Объ нихъ я получилъ довольно подробныя статистическія свѣдѣнія по вопросу о народностяхъ, но прежде долженъ сказать нѣсколько словъ о человекѣ, которому обязанъ этими свѣдѣніями, именно о Гловчицкомъ пасторѣ г. Ломаннѣ (Lohmann). Среди протестантскаго духовенства восточной Помераніи, которое болѣею частію относится къ Славянской народности не только съ пренебреженіемъ, но и съ враждою, и употребляетъ все свое вліяніе на прихожанъ для ея истребленія, г. Ломаннъ составляетъ замѣчательное исключеніе. Получивъ, по окончаніи курса наукъ, приходъ въ дикой «Кашубіи», онъ, уроженецъ Рейнской провинціи, тотчасъ принялся за изученіе Польскаго языка и успѣлъ въ немъ на столько, что въ скоромъ времени могъ говорить на немъ проповѣди (1). Славяне и Нѣмцы пользуются одинаково его духовными попеченіями; Гловчицкій приходъ единственный во всей Помераніи, гдѣ Славянинъ не принуждается церковью дѣлаться Нѣмцемъ. Гловчицкая приходская школа, благодаря вліянію просвѣщеннаго пастора, единственная въ Помераніи, гдѣ не только Славянскій языкъ не выбивается розгами, но гдѣ учатъ Славянскихъ дѣтей читать, писать и молиться по-Польски (2). За то надобно видѣть любовь народа

(1) Я уже упоминалъ, что богослужебный языкъ у Кашубовъ Польскій. Они его хорошо понимаютъ. Кашубы и Словинцы-протестанты употребляютъ молитвенники и другія религиозныя книги, печатавшіяся для Польскихъ протестантовъ готическими буквами въ XVI и XVII столѣтіи. Рѣчь ихъ, когда они говорятъ о религиозныхъ предметахъ, отзывается архаизмами, заимствованными изъ этихъ книгъ. Въ Гараѣ я видѣлъ у одной старухи молитвенникъ, на оберткѣ котораго написано было перомъ: «Słowinskie Modlitwy»; но молитвенникъ былъ Польскій. Новыхъ Польскихъ книгъ, печатанныхъ Латинскими буквами, Кашубы-протестанты въ Помераніи чуждаются совершенно.

(2) Учителемъ въ этой школѣ былъ въ 1856 г. старикъ Горъ; ему было тогда 81 годъ; онъ хорошо говорилъ по-Словински и зналъ по-Польски. Онъ родился еще при Фридрихѣ Вслякомъ и помнилъ, что этотъ король приказалъ выучить всѣхъ

къ своему пастору. Сила Нѣмецкой стихіи однако уже такова въ этомъ краѣ, что Славянская исчезаетъ передъ нею съ каждыиъ годомъ. Мнѣ случилось быть въ Воскресенье въ Гловницкой церкви. Сначала пасторъ прочелъ службу и сказалъ проповѣдь по-Польски. Народу было довольно много, но болѣе всего старики и старухи; они пришли по бѣльшей части изъ дальнихъ рыбацкихъ деревень. Дѣтей и молодежи почти не было въ церкви. Молодежь и дѣти, въ праздничныхъ нарядахъ, толпились на церковномъ дворѣ и ждали окончанія «вендскаго» богослуженія. Когда проходила какая нибудь старуха въ народной Кашубской одеждѣ, съ прикрѣпленнымъ къ головѣ длиннымъ и широкимъ холщевымъ платкомъ, въ родѣ простыни, они посматривали на нее съ насмѣшливымъ любопытствомъ. При послѣдней пѣсни Славянскаго богослуженія, вся разряженная толпа молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и парней хлынула въ церковь къ началу Нѣмецкой службы, спѣша занять скамьи, изъ которыхъ медленно выходили Кашубы, остатки отживающаго поколѣнія.

Въ Гловницкой церкви ведутся съ 1829 года списки принимавшихъ причастіе, съ обозначеніемъ, кто причащался при богослуженіи на Славянскомъ, и кто при богослуженіи на Нѣмецкомъ языкѣ. Эти списки даютъ вѣрное понятіе объ измѣненіи отношеній обѣихъ народностей въ Гловницкомъ приходѣ. Г. Ломаннъ сообщилъ мнѣ эти цифры; вотъ онѣ.

Годъ.	Общее число причастниковъ.	Причащались за Славянскимъ богослуженіемъ.	Причащались за Нѣмецкимъ богослуженіемъ.
1829	4,838	3,287	1,551
1830	5,098	3,247	1,851
1831	5,373	3,346	2,027
1832	4,928	2,852	2,076
1833	5,291	2,893	2,398

Кашубскихъ дѣтей по-Нѣмецки. Однако, по его словамъ, тому назадъ 60 лѣтъ въ Гловницкой школѣ было 54 ученика, не понимавшихъ ни слова по-Нѣмецки и только 11, знавшихъ вѣсколько Нѣмецкій языкъ. Теперь всѣ дѣти знаютъ по-Нѣмецки.

Годъ.	Общее число причастниковъ.	Причащались за Славянскимъ богослужениемъ.	Причащались за Нѣмецкимъ богослужениемъ.
1834	5,459	2,757	2,702
1835	5,426	2,680	2,746
1836	5,632	2,591	3,041
1837	5,503	2,529	2,974
1838	5,415	2,328	3,087
1839	5,410	2,450	2,960
1840	5,561	2,150	3,411
1841	5,160	2,010	3,150
1842	5,400	1,980	3,420
1843	5,190	1,980	3,310
1844	5,200	1,700	3,500
1845	5,612	1,719	3,893
1846	5,292	1,500	3,792
1847	5,388	1,752	3,666
1848	5,277	1,449	3,828
1849	4,930	1,340	3,590
1850	5,122	1,370	3,752
1851	5,016	1,178	3,838
. . . (1)
1854	4,907	878	4,029
1855	5,542	996	4,546

Эти цифры не требуютъ поясненій. Мы видимъ, что еще въ 1829 году между прихожанами Гловчицкой церкви болѣе двухъ третей предпочитали богослуженіе на Славянскомъ языкѣ Нѣмецкому; въ 1834 и 1835 г. число тѣхъ и другихъ было почти одинаково, но такъ, что въ 1834 перевѣсъ находился еще на сторонѣ Славянской народности, а въ 1835 перешелъ на сторону Нѣмецкой; наконецъ, въ 1855 году, менѣе одной пятой Гловчицкихъ прихожанъ молились Богу по-Сла-

(1) Въ 1852 и 1853 списки не велась, по случаю того, что пасторская должность не была завіщана.

вянски. Если число причащавшихся въ 1855 году, при богослуженіи на Славянскомъ языкѣ, увеличилось противъ 1854 года, то это, какъ объяснилъ мнѣ пасторъ, не было знѣкомъ усиленія Кашубскаго элемента, а произошло отъ увеличившагося числа причастниковъ вообще; это видно и изъ того, что цифра принимавшихъ причастіе при Нѣмецкомъ богослуженіи возрасла въ одинаковой пропорціи.

Относительно Цеценовскаго прихода сообщили мнѣ такіа же цифры съ 1844 годѣ. Вотъ онѣ:

Годъ.	Общее число причастниковъ.	Причащались за Славянскимъ богослуженіемъ.	Причащались за Нѣмецкимъ богослуженіемъ.
1844	709	192	517
1845	777	174	603
1846	858	191	667
1847	793	169	624
1848	774	159	615
1849	703	130	573
1850	714	122	592
1851	756	135	621
1852	756	101	655
1853	748	112	633
1854	733	88	645
1855	764	78	686

Мы видимъ здѣсь перевѣсъ предпочитающихъ Нѣмецкую народность Славянской еще гораздо болѣе значительный, нежели въ Гловчицкомъ приходѣ, не смотря на то, что Цеценовскій лежитъ къ востоку и, стало быть, ближе къ массѣ Кашубскаго населенія въ западной Пруссіи. Если Нѣмецкая стихія сильнѣе завладѣла Цеценовскимъ приходомъ, нежели Гловчицкимъ, то причина, безъ сомнѣнія, та, что въ первомъ населеніе земледѣльческое и деревни въ мѣстахъ открытыхъ, а въ Гловчицкомъ приходѣ часть жителей рыбаки, заключенные между Лебскимъ озеромъ и топью почти непроходимой.

Далѣе къ сѣверовостоку, мы находимъ Славянъ въ трехъ приходахъ, составляющихъ прибрежную полосу восточной Помераніи между рѣкою Лебою и границею западной Пруссіи, именно Хабровскомъ (или Харбровскомъ), Лебинскомъ (съ мѣстечкомъ Леба) и Осѣкскомъ. Эти три прихода принадлежатъ къ Лауенбургскому округу (¹). Пришлось бы повторять тѣ же подробности, какія были приведены выше, относительно положенія въ этихъ мѣстахъ Славянской народности. И здѣсь вездѣ Нѣмецкій языкъ замѣняетъ Славянской въ молодомъ поколѣніи. Въ мѣстечкѣ Леба (²), лежащемъ у истока Лебскаго озера въ море и ведущемъ довольно значительную торговлю, многіе изъ просто-народья знаютъ еще по-Кашубски, особенно люди пожилые, но стыдятся этого языка и публично говорятъ почти только по-Нѣмецки. Съ 1811 года Польскій языкъ въ Лауенбургскомъ округѣ официально запрещенъ, *gesetzlich untersagt*, какъ говорилъ мнѣ пасторъ въ Осѣкахъ; тогда же тамъ уничтожено приготовленіе на Польскомъ языкѣ дѣтей Кашубовъ къ конфирмаціи. Тѣ, которые конфирмованы до 1811 года, еще чистые Кашубы; остальные предпочитаютъ уже Нѣмецкій языкъ, а дѣти другаго языка не знаютъ. Въ Осѣкахъ 2 или 3 раза въ году совершается богослуженіе по-Польски. Около 1835 года было еще до 800 чел., ходившихъ къ Польскому богослуженію въ Осѣкскомъ приходѣ; теперь (³) осталось не болѣе 200; въ Харбровскомъ приходѣ почти столько же, а въ 1824 г. причащалось при Польскомъ богослуженіи до 700 чел. Въ этомъ послѣднемъ приходѣ изъ 800 душъ вовсе не говорятъ по-Нѣмецки 20 человекъ. Въ Яновицкомъ приходѣ (Jannowitz), лежащемъ на югъ отъ Харброва, между этимъ селомъ и горо-

(¹) Въ самомъ городѣ Лауенбургѣ уже никто не помнитъ времени, когда тамъ говорили по-Кашубски.

(²) Словинцы называютъ его *Ljeba*, Кашубы *Łeba* (чит. Уеба).

(³) Все, о чемъ я говорю въ этой статьѣ какъ о настоящемъ, относится къ 1856 году. Съ тѣхъ поръ, разумѣется, Славянская стихія еще болѣе ослабѣла въ этихъ мѣстахъ, Нѣмецкая еще болѣе усилилась.

домъ Лауенбургомъ, изъ 3,200 душъ 24 признаютъ себя Кашубами.

Объ отношеніяхъ Славянской и Нѣмецкой народностей въ собственной Кашубіи, т. е. въ сѣверной части западной Пруссіи, я не буду распространяться. Читателю уже извѣстно, какъ положеніе Славянской стихіи въ этомъ краѣ различно отъ положенія ея въ Помераніи. Тамъ вся масса народонаселенія Кашубы, за исключеніемъ чиновниковъ, купечества и мѣщанства въ городахъ и нѣсколькихъ Нѣмецкихъ колоній, водворенныхъ въ Картузскомъ округѣ (8). Но если въ собственной Кашубіи масса народонаселенія говорить еще только по Славянски, то ее въ настоящее время уже учатъ Нѣмецкому языку. Учатъ ее Нѣмецкому языку въ школахъ, посѣщеніе которыхъ обязательно для каждаго ребенка (за нехождение въ школу берутъ пеню съ родителей), учатъ во время трехгодичной, также обязательной для каждаго, службы въ войскѣ. Такимъ образомъ, во всей Кашубіи (за исключеніемъ стариковъ), нѣтъ уже мужьяны, не знающаго сколько нибудь по Нѣмецки. Славянская же стихія поддерживается тѣмъ, что закону Божьему учатъ по Польски (Кашубы въ западной Пруссіи всѣ, какъ я сказалъ, католики), что проповѣдуютъ въ церквахъ по Польски, и что женщины, если выучатся нѣсколькимъ Нѣмецкимъ словамъ въ школѣ, дома ихъ тотчасъ позабываютъ и помнятъ только то, чему учились у Поляка-ксендза, ибо только это впоследствии поддерживается въ ихъ памяти церковью. Впрочемъ и въ преподаваніи закона Божія у Кашубовъ-католиковъ Прусское правительство уже пыталось замѣнить Польскій языкъ Нѣмецкимъ. Въ 1843 году сдѣлано было въ Кенигсбергскомъ областномъ сеймѣ предложеніе слѣдующаго содержанія: «такъ какъ въ Картузскомъ,

(8) Нѣкоторыя Нѣмецкія колоніи, въ прежнее время водворенныя въ сѣверной части Вейровскаго (Нейштадтскаго) округа, приняли Кашубскій языкъ, напр. рибяи (Rüben), Варшкоче (Wargschkau), Телове (Tillau), Большево (Bohlschau), Нанъцъ (Nanitz), Орле (Orla), а нима, напр. Польчево (Polzin) совсѣмъ позабыли по Нѣмецки.

Берендскомъ (Косцержинскомъ), Нейштадтскомъ (Вейеровскомъ) и въ части Коницкаго (Хойницкаго) округа языкъ употребляемый народомъ не есть Польскій, а Кашубскій, и такъ какъ Кашубскій языкъ не есть языкъ письменный и потому лишенъ всякаго основанія къ дальнѣйшему развитію, то ходатайствовать, дабы государственная власть употребила для уничтоженія (Unterdrückung) онаго всѣ зависящія отъ нея средства». Вслѣдствіе этого постановленія сейма изданъ былъ правительствомъ приказъ, чтобы во всѣхъ училищахъ поименованныхъ четырехъ Кашубскихъ округовъ, преподаваніе, не исключая и религіознаго, производилось единственно на Нѣмецкомъ языкѣ. Это распоряженіе встрѣтило сильную оппозицію въ католическомъ духовенствѣ, которое въ особенности опасалось, чтобы Нѣмецкій языкъ не открылъ въ народѣ дорогу протестантскимъ идеямъ; народъ также ропталъ. Нѣкоторые изъ членовъ католическаго духовенства въ Кашубіи обратились тогда къ престарѣлому Данцигскому пастору Мронговіусу (составителю извѣстнаго Польско-Нѣмецкаго Словара), пользовавшемуся большимъ ученымъ авторитетомъ и получили отъ него свидѣтельство, что «Кашубскій языкъ, употребляемый въ западной Пруссіи, есть лишь нарѣчіе литературнаго Польскаго (hochpolnisch) языка, болѣе близкое къ нему даже, нежели Баварское или Саксонское нарѣчіе къ литературному Нѣмецкому (hochdeutsch)». На основаніи этого свидѣтельства стали ходатайствовать у Прусскаго министерства и, наконецъ, у самого короля, и достигли того, что въ 1846 г. кабинетнымъ повелѣніемъ разрѣшено было преподавать законъ Божій въ Кашубскихъ округахъ на «родномъ языкѣ» (in der Muttersprache); а въ 1852 г. послѣдовалъ министерскій рескриптъ, постановлявшій, чтобы въ тамошнихъ низшихъ школахъ преподавался «родной языкъ, какъ основаніе для изученія языка Нѣмецкаго (die Muttersprache als Grundlage zur Erlernung der deutschen gelehrt werde)». Такимъ образомъ католическое духовенство отстояло на первый разъ Польскій языкъ въ Кашубскихъ учи-

лицахъ западной Пруссіи. Но надобно, однако, сказать, что народное образованіе у тамошнихъ Кашубовъ, находящееся подъ влияніемъ, а частью въ рукахъ этого духовенства, стоитъ на гораздо низшей степеніи, нежели въ протестантской Помераніи.

V.

Народный характеръ и бытъ Словинцевъ и Кашубовъ.

Я пробылъ между Словинцами Померанскими и Кашубами слишкомъ мало времени, чтобы могъ судить вполне объ особенностяхъ ихъ народнаго характера и быта, и долженъ буду въ этомъ отношеніи сослаться болѣе на показанія тамошнихъ жителей, нежели на собственные наблюденія.

Прежде всего обращаюсь къ характеристикѣ Померанскихъ Кашубовъ, сдѣланной Цеценовскимъ пасторомъ Лорекомъ въ 1820 году и напечатанной въ «Pommersche Provinzialblätter» (Zweiter Band; 3 и 4 Stück. Treptow a. d. Rega 1821) подъ заглавіемъ «Zur Charakteristik der Kassuben am Leba-Strome». Это, сколько мнѣ извѣстно, единственное описаніе Кашубскаго племени въ Нѣмецкой литературѣ. Наблюденія Лорека тѣмъ болѣе любопытны, что въ 1820 году Кашубское населеніе было еще преобладающимъ элементомъ въ сѣверовосточномъ углу Помераніи и что авторъ, бывши пасторомъ Кашубскаго прихода, могъ, какъ нельзя лучше, познакомиться съ этимъ народомъ. Переведу здѣсь, съ нѣкоторыми сокращеніями, мѣсто изъ статьи Лорека, касающееся народнаго характера и быта Кашубовъ, а потомъ слычу его свидѣтельства съ показаніями лицъ, которыхъ я спрашивалъ, и съ собственными замѣчаніями.

«Кашубъ презираетъ все Нѣмецкое. Рѣдко онъ отвѣтитъ Померяину, какъ онъ презрительно ⁽¹⁾ называетъ Померанска-

(1) Einem «Pomerèng», wie er den Deutsch-Pommer verächtlich nennt. Я этого выраженія не слыхалъ; но во всякомъ случаѣ, само по себѣ, названіе *Померя*

го Нѣнца, на сдѣланный ему вопросъ, даже если его хорошо понялъ и могъ бы отвѣчать по Нѣмецки (1)..... Языкъ простаго народа весьма протяженъ и, когда говорятъ не скоро, монотоненъ и имѣетъ противную для уха пѣвучесть (klingt... widrig singend) (2). Въ словахъ трехсложныхъ удареніе ставится всегда на первомъ слогѣ, отчего рѣчь получаетъ, по большей части, характеръ подскакивающей (hüpfend) (3). Бабы не говорятъ: онѣ кричатъ и этимъ дѣлаются невыносимыми. Кажется, что слышишь вѣчную брань (4).

«Низкая степень умственнаго образованія, на которой стоятъ Кашубы здѣсь на рѣкѣ Лебѣ и далѣе къ западу, обличается также тѣмъ, что они не имѣютъ собственныхъ пословицъ и народныхъ пѣсенъ (5). Никогда не услышишь Кашуба поющимъ. Нѣмой, безъ радостей и безъ мыслей, проходитъ онѣ жизнь. Рѣдко побуждаетъ его религиозное чувство пѣть внѣ церкви духовныя пѣсни: ихъ отъ него почти не услышишь. Развѣ иногда дѣвки, возвращаясь вечеромъ съ сѣнокоса, затянутъ однообразно-звучащую духовную пѣснь; но съ окончаніемъ полевыхъ работъ эти пѣсни умолкаютъ.

«Нравственный характеръ Кашубовъ такой же, какимъ было доселѣ ихъ общественное состояніе: именно рабскій (6).

рминс (такъ, очевидно, слѣдуетъ прочесть Лорековское «Romegenig») не могло имѣть характера презрительнаго въ устахъ Кашуба.

(1) Не знаю, справедливо ли это замѣчаніе; на вопросы, сдѣланные по Польски, мнѣ отвѣчали всегда охотно.

(2) Дѣйствительно, Померанскіе Славяне говорятъ весьма протяжно, но не всѣ, а только Словинцы и нѣзъ Кашубовъ жители рыбацкихъ деревень. Это, кажется, необходимое послѣдствіе быта рыбаковъ, которые, перекикиваясь другъ съ другомъ на водѣ, при сильномъ вѣтрѣ, привыкаютъ тянуть слова.

(3) Совершенно несправедливо: рѣчь Кашубовъ и Слѣвинцевъ отличается отъ Польской и другихъ западныхъ Славянскихъ нарѣчій особеннымъ разнообразіемъ удареній.

(4) Я не замѣтилъ, чтобы Кашубскія женщины говорили громче Нѣмецкихъ и другихъ деревенскихъ бабъ.

(5) Пословицъ у этого народа не мало: видно, пасторъ Лорекъ ихъ не замѣтилъ. Что касается до пѣсенъ, то объ этомъ я скажу впоследствии.

(6) Пасторъ Лорекъ писалъ въ 1820 г., а только въ 1816 уничтожено было въ Кашубскомъ крайъ крѣпостное состояніе.

Кашубъ не имѣеть почти или вовсе понятія о вѣжливости, благопристойности и приличіи, и говоритъ всякому безъ разбора *ты* или *онъ* (*Er*), о нашемъ *Sie* не знаетъ и не имѣеть соотвѣствующаго выраженія (1). Это еще не бѣда; но хуже то, что въ немъ мало или вовсе нѣтъ чувства благодарности, признательности и услужливости. При всемъ томъ, однако, неосновательнымъ образомъ преувеличено общепринятое мнѣніе, будто только палкою или стаканомъ вина можно побудить Кашуба къ оказанію требуемой услуги; хотя нельзя отрицать, что онъ не легко рѣшится сдѣлать шагъ просто изъ дружбы и безъ вознагражденія. То, что онъ долженъ отработать, онъ дѣлаетъ неохотно и старается исполнить какъ нельзя хуже.

Онъ алченъ къ деньгамъ и корыстолюбивъ, а потому не позволяетъ себѣ никакой роскоши, кромѣ водки, всякій разъ какъ придетъ въ городъ. Хлѣбъ свой онъ приготовляетъ такъ дурно, что онъ одинъ въ состояніи его ѣсть. Для хлѣба онъ беретъ самую дурную рожь, смѣшанную болѣе, чѣмъ на половину, съ ячменемъ, или одинъ только ячмень, предварительно высушенный и смолотый съ шелухою и остами; за тѣмъ, эта мука печется съ сыромъ, растертымъ картофелемъ. Выходитъ хлѣбъ, похожій на черный торфъ, и такой гадкій, что всякій Нѣмецъ имъ побрезгаетъ. Кашубу, напротивъ, этотъ хлѣбъ доставляетъ бѣлизну зубовъ, похожую на слоновою кость, но причиняетъ также частыя судороги желудка и нерѣдко смертельныя болѣзни. Многіе, однако, остаются здоровыми и достигаютъ глубокой старости. Чтобы сберечь побольше ржи для

(1) Странное требованіе, чтобы въ Славянскіхъ языкахъ было такое выраженіе. Впрочемъ, несправедливо, чтобы Кашубы-простолюдины были такъ невѣжливы и говорили всакому *ты*. Напротивъ, Словинцевъ и Кашубовъ, когда желаетъ быть вѣжливымъ, говоритъ *см*. Этотъ рѣчь Словинцевъ и Кашубовъ отличается отъ Польской, гдѣ говорятъ другъ другу въ третьемъ или второмъ лицѣ единственнаго числа съ прибавленіемъ слова *яамъ*. Этотъ Польскій способъ обращенія совершенно неизвѣстенъ Словинцамъ и Кашубамъ въ Помераніи; въ Западной Пруссіи онъ вкрадывается на границѣ Великопольскаго племени, а также вообще у тѣхъ Кашубовъ, которые находятся въ непосредственной сопряженности съ Польскою шляхтою.

продажи, Кашубъ не смотритъ въ этомъ отношеніи ни на какія лишенія.

«Нечистота въ бѣльѣ, одеждѣ, постеляхъ и жилищахъ господствуетъ у Кашубовъ въ высшей степени.—Кашубъ готовъ прибѣгнуть къ хитрости, интригамъ и обману, если надѣется достигнуть этимъ какой нибудь выгоды. Склонность къ кражѣ простирается большею частію только на дрова и плоды (присвоеніе которыхъ, по общепринятому у Кашубовъ мнѣнію, не есть грѣхъ), но при случаѣ Кашубъ не откажется присвоить себѣ и другіе предметы, если попадутся подъ руку.

«Коварство, дерзость и злобные замыслы, затѣянные и исполненные сообща, не составляютъ рѣдкихъ явленій между Кашубами, особенно если зачинщики такихъ замысловъ могутъ остаться скрытыми. Такъ какъ у Кашубовъ всѣмъ управляютъ женщины, то онѣ и бываютъ обыкновенно предводительницами въ мятежныхъ сборищахъ противъ распоряженій власти, ибо онѣ надѣются легче избѣгнуть наказанія. На голодный желудокъ Кашубъ низкопоклоненъ, но становится высокохвальный, коль скоро обезпеченъ отъ нужды. Когда нѣтъ сопротивленія, онъ левъ; но когда ему противостанутъ серьезно, выказываетъ величайшую трусость, если только его не воодушевятъ водою.

«Такое чрезмѣрное преобладаніе дурныхъ качествъ, конечно, объясняется у этого маленькаго народа сколько недостаточнымъ религіознымъ и умственнымъ образованіемъ, столько его внѣшнимъ положеніемъ, неблагоприятными обстоятельствами, въ которыхъ онъ жилъ такъ долго, и способомъ, какимъ часто съ нимъ обращались. У Кашубовъ нерѣдко живутъ вмѣстѣ, въ одной избѣ, до 15 и 20 человекъ. При такой тѣсотѣ, для всякаго, и не только для грубаго и безчувственнаго Кашуба, было бы трудно сохранять благонравіе, чистоту и порядокъ. Съ молодю не привыкшіи видѣть лучшее, онъ вовсе не тяготеетъ нечистотою, а она влечетъ за собою нечистоту въ помыслахъ и дѣйствіяхъ. Какъ можетъ въ такой тѣсотѣ быть

заведенъ порядокъ? Пустые разговоры, шалости и непристойности занимають длинныя зимніе вечера. Одинъ портится отъ другаго.

«Жестокость и презрительность обращенія и истязанія, по необходимости, вызываютъ лукавство, дерзость и злобныя поступки. Я далекъ отъ мысли, чтобы между господами, подъ властію которыхъ находились Кашубы, жестокіе и безпутныя издавна были въ большинствѣ. Къ ихъ чести, можно, напротивъ, принять съ достовѣрностью рѣшительное большинство добрыхъ и благодушныхъ... (1). Но и при такихъ господахъ, могли ли эти люди не утратить чувства собственнаго достоинства, когда, напримѣръ, существовало такое правило: въ Михайловъ день, срокъ, въ который у поселянъ мѣнялись работники, всѣ батраки и батрачки, а равно и взрослые сыновья и дочери самыхъ поселянъ (2), призывались на барскій дворъ, тѣ, которые не шли по доброй волѣ, пригонялись туда; помѣщикъ выходилъ на дворъ и, по своему произволу, назначалъ кому гдѣ и у кого служить въ работникахъ въ теченіе слѣдующаго года; никакое возраженіе, даже самое основательное, не принималось противъ такого приказанія; отецъ, сколько бы ни нуждался въ помощи своего сына или дочери, принужденъ былъ уступить ихъ другому, по прихоти своего повелителя.

«Кашубскій народъ между собою миролюбивъ и единоплеменъ. Рѣдко случаются между ними несогласія и значительныя ссоры: изрѣдка только побранятся двѣ бабы, да и это скоро забывается и прощается. Разводъ у Кашубовъ дѣло неслыханное; несогласія между супругами рѣдкость. Часто, какъ ска-

(1) Слѣдуетъ нѣсколько общихъ фразъ о вредѣ принципа крѣпостнаго права даже при хорошихъ помѣщикахъ.

(2) Словомъ *поселянныя* я перевожу Нѣмецкое *Bauer*, т. е. наследственный обладатель (при крѣпостномъ правѣ зависимый отъ помѣщика, а нимѣ выкупившійся) усадьбы и поля; число этихъ поселянъ ограничено сравнительно съ батраками (*Knechte*), которые живутъ у нихъ въ работникахъ и не имѣютъ участія въ земельной собственности.

зано, виѣстѣ живутъ человекъ 20 и болѣе, нѣсколько семей, и между ними царствуетъ мирная тишина. Къ близкимъ, особенно къ своимъ дѣтямъ, они питаютъ большую любовь. Въ болѣзняхъ они тратятъ для родныхъ послѣднюю копейку, хотя часто и въ этомъ отношеніи превратнымъ образомъ, на знахарей, ворожей и т. под.

«Ими легко можно управлять, если быть имъ нѣсколько уступчивымъ, щадить ихъ предрасудки и обходиться съ ними дружелюбно. Они становятся даже довѣрчивыми, коль скоро съ ними обращаешься терпѣливо и не противопоставляешь имъ жесткости и буйства. Неосновательно упрекаютъ ихъ въ совершенной глупости. Грубые и невѣжественные, они дѣйствительно неловки въ обхожденіи; но тупость и неспособность не столь общія и существенныя ихъ качества, какъ обыкновенно полагаютъ. Славянинъ (der Wende), конечно, не обладаетъ утонченными манерами, привычками и обычаями, которые мы находимъ у образованныхъ Померанцевъ и у помѣщиковъ Кашубскаго края; еще менѣе знакомъ Славянинъ съ изысканными выраженіями вѣжливости; но при всемъ томъ въ немъ нѣтъ недостатка въ прямомъ и здоровомъ умѣ, которымъ онъ иногда превосходитъ своего пастора и помѣщика. Въ его могучемъ тѣлѣ живетъ часто могучая душа.

«Дѣти оказываются въ школахъ далеко не тупыми; они понимаютъ легко, быстро заключаютъ по одному о другомъ и приспособляютъ свои заключенія, если только есть у нихъ учитель, способный возбуждать ихъ умственную дѣятельность. Здѣсь, на берегу Лобы (здѣшнихъ именно Кашубовъ я имѣю преимущественно въ виду), улучшеніе находившихся въ столь глубокомъ упадкѣ школъ въ короткое время вызвало такъ много утѣшительныхъ явленій, что прежде нельзя было ожидать ничего подобнаго.

«Также между взрослыми встрѣчаются часто ловкіе мастеровые, часовщики, токари, рѣзчики, бочары и т. п., истинные чародѣи (Tausendkünstler), которые этимъ ремесламъ никогда

не учились и тайкомъ высмотрѣли ихъ у мастеровъ или дошли до нихъ тщательнымъ осмотромъ и разложеніемъ предмета, наведшаго ихъ на попытки подражанія. И это они дѣлаютъ по бѣльшей части простымъ ножомъ и самыми обыкновенными орудіями, часто такъ искусно и умно, что съ трудомъ признаешь это за произведеніе Кашуба, котораго видишь передъ собою.

«У насъ не было бы теперь такого недостатка въ хорошихъ мастеровыхъ и ремесленникахъ, если бы Кашубамъ, крѣпостнымъ людямъ, дозволялось учиться ремесламъ. Это имъ прежде запрещали, дабы не лишиться земледѣльцевъ, или же дозволяли только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они навсегда и исключительно работали для своихъ господъ. Естественно, что это подавляло въ нихъ всякую охоту дѣлаться ремесленниками.

«Чего нельзя ожидать отъ этихъ людей, коль скоро они будутъ учиться въ школахъ, которыхъ до сихъ поръ вовсе или почти не посѣщали; коль скоро снимутъ съ нихъ оковы, остававливавшія до сихъ поръ свободное направленіе ихъ дѣятельности; коль скоро они будутъ въ правѣ распоряжаться своимъ временемъ и сдѣлаются владѣльцами своихъ домовъ. Если и нынѣ, когда они едва могутъ питать надежду пріобрѣсти самостоятельность и собственность, хорошіе примѣры уже начинаютъ возбуждать въ нихъ охоту къ подражанію, и они, напримѣръ, разводять у себя правильные фруктовые сады, усваиваютъ себѣ прививаніе деревьевъ, стараются распространять и улучшать свои жилища и хозяйственные строенія, то сколь отраднымъ будетъ черезъ 50 лѣтъ видъ Кашубскихъ деревень, когда эти люди будутъ работать въ томъ убѣжденіи, что ихъ усилія и труды обратятся въ пользу ихъ самихъ и ихъ дѣтей! Ибо Кашубскій поселянинъ трудолюбивъ и постояненъ въ работѣ, когда дѣло идетъ о его собственной выгодѣ. Если немногіе только изъ мужчинъ пріобрѣгаютъ къ другимъ промысламъ, кромѣ земледѣлія, если женщины не сами ткуть себѣ

полотно, то это приходит не столько отъ лѣни или неспособности, сколько, по большей части, отъ чрезмѣрной тѣсноты жилищъ, въ которыхъ нѣтъ мѣста для какого бы то ни было домашняго производства, а также отъ бывшей доселѣ невозможности располагать своимъ временемъ и силами.

«При существовавшей до сихъ поръ необезпеченности владѣнія крестьянскими участками (Bauergut), происходило равнодушіе, неисправность, и — какъ необходимое ихъ послѣдствіе, — безпорядокъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Безпорядокъ этотъ распространялся тѣмъ болѣе, что никто не думалъ ему противодействовать. Такъ, на примѣръ, канавы на лугахъ и выгонахъ сто лѣтъ оставались нечищенными, никто не заботился о поддержкѣ и исправленіи плотинъ, и такимъ образомъ луга затоплялись, скотъ всякій день утопалъ въ грязи на пастбищѣ и т. д. (1).»

Переведенныя нами слова не требуютъ особеннаго поясненія. Вы видите тутъ Нѣмецкаго пастора, который приступаетъ къ изображенію своей Славянской паствы со всѣми чувствами національной гордости и презрѣнія къ варварамъ «Вендамъ». Первый ихъ порокъ въ его глазахъ тотъ, что они, съ своей стороны, презираютъ все Нѣмецкое. Съ него пасторъ Лорекъ и начинается свою характеристику. Подъ вліяніемъ этого чувства, онъ продолжаетъ описывать варварскій народъ, Кашубы у него выходятъ и лишенными мысли и раболѣпными и невѣжливыми и неблагодарными, пьяницами, скрягами, ворами, наглецами и трусами и т. дал.; и хлѣбъ у нихъ гадкій, и живутъ они въ чрезмѣрной тѣснотѣ, цѣлымъ родомъ вмѣстѣ, и сопротивляются властямъ и проч., и проч. Но, мало по малу, добрымъ пасторомъ овладѣваетъ сомнѣніе: всѣ эти пороки и дурныя качества, которыя онъ замѣтилъ въ Кашубахъ, суть ли свойство ихъ характера, и не происходятъ ли, по большей части,

(1) Пропускаемъ, какъ не относящіася къ нашему предмету, заключительныя сужденія автора о мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты противъ этихъ неудобствъ.

отъ вѣшнихъ причинъ, т. е. отъ порабощенія, въ которомъ жилъ этотъ народъ? Вотъ онъ и выставляетъ вліяніе на него крѣпостнаго права; выставляетъ онъ это вліяніе осторожно и робко, съ множествомъ недомолвокъ и оговорокъ, очевидно для того, чтобы не оскорбить своихъ прихожанъ и пріятелей, Нѣмцевъ-помѣщиковъ, которые, только что лишившись въ то время своихъ владѣльческихъ правъ, вѣроятно, еще жалѣли о нихъ. Что слова пастора Лорека о гнетѣ, подъ которымъ жили Кашубы отъ Нѣмцевъ-помѣщиковъ, представляютъ только самую слабую тѣнь дѣйствительности, это можно сказать положительно: ни говорили тамошніе жители Нѣмцы, что нигдѣ въ Пруссіи крѣпостное право не было такъ тягостно и такъ обильно злоупотребленіями, какъ въ Кашубской части Померанія (это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что помѣщики Нѣмцы не имѣли ничего общаго съ своими подданными и презирали ихъ, какъ низшее племя); реформа произведена была здѣсь поздне и медленнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ Пруссіи; народъ находился въ нищетѣ невѣроятной и былъ до того убитъ крѣпостнымъ правомъ, что, по прекращеніи этого права, цѣнность крестьянскихъ участковъ въ Кашубскихъ деревняхъ въ весьма короткое время, по словамъ тамошнихъ жителей, болѣе чѣмъ удесятилась. — Но возвратимся къ пастору Лореку. Какъ только онъ сказалъ себѣ, что темная сторона, замѣченная имъ въ Кашубахъ, не столько ихъ собственная вина, сколько вина Нѣмецкаго владычества и крѣпостнаго права, Нѣмецкій пасторъ взглянулъ на этотъ народъ совсѣмъ другими глазами, и кончилъ его характеристику чертами, прямо противоположными тѣмъ, которыми ее началъ. Во многомъ вы тутъ видите сохранившимися у послѣднихъ остатковъ Славянъ Балтійскихъ характеристическія качества Славянскаго племени (я говорю *качества*: ибо, разумеется, о порокахъ и добродѣтеляхъ народа вообще, у насъ и рѣчи быть не можетъ). Показанія пастора Лорека заслуживаютъ тѣмъ большаго довѣрія, что онъ, какъ видно изъ его статьи, не имѣлъ никакого понятія о дру-

гихъ Славянахъ и писалъ единственно по собственнымъ наблюдениямъ; при томъ же онъ далеко не былъ расположенъ, читатель видѣлъ, хвалить Кашубскій народъ. Весь конецъ приведеннаго отрывка въ этомъ отношеніи весьма замѣчательнъ. Если Кашубы Померанскіе, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, утратили, всѣ слѣды общины въ устройствѣ гражданскомъ и подчинились вполнѣ общественному порядку Нѣмецкому, то въ домашнемъ быту общинный духъ у нихъ еще во время Лорекъ былъ живъ и отличалъ ихъ отъ Нѣмецкихъ поселянъ ('). Жаль, что Лорекъ не записалъ подробностей о хозяйственномъ устройствѣ этихъ родовыхъ общинъ у Померанскихъ Кашубовъ, имѣющихъ, по видимому, много сходнаго съ родовыми общинами Сербскими. Въ настоящее время, послѣ экономическаго переворота, произведеннаго законами о выкупѣ крестьянскихъ земель и при быстромъ вымираніи Кашубской народности, семьи раздѣлились и бытъ Померанскихъ Кашубовъ, сколько я могъ судить, почти не отличается уже отъ Нѣмецкаго. Сельское общество (*gromada*), состоящее только изъ тѣхъ поселянъ, которые имѣютъ поземельные участки (*gburzi*), распоряжается лишь выборомъ пастуха и ночнаго сторожа, отводомъ квартиръ для постоя, нарядомъ людей, чтобы копать или чистить рвы, и раскладкою *сытки*, т. е. хлѣба, крупъ и т. д., въ пользу священника и школьнаго учителя. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ *громада* выбираетъ *шолтыса* (старосту); но въ другихъ эта должность наследственна въ одной семьѣ, въ иныхъ онъ назначается патрономъ деревни, т. е. ея бывшимъ помѣщикомъ. Кромѣ *буровъ*, населеніе деревни состоитъ изъ *халутниковъ*, имѣющихъ свою избу, но безъ поля,

(') Лорекъ рассказываетъ въ другомъ мѣстѣ той же статьи, что для сѣнокоса Кашубскіе хозяева звали на помощь сосѣдей, и что они съ ними работали тогда всю ночь. Ихъ угощали виномъ, а на другой день обѣдомъ. Этотъ обычай, по его словамъ, приносилъ каждому хозяину гораздо больше убытка, чѣмъ пользы, но Кашубы считали невозможнымъ безъ этого косить свое сѣно. Теперь обычай этотъ совершенно вывелся.

и *коморниковъ*, не имѣющихъ никакой собственности и живущихъ въ батракахъ у хозяевъ.

Прибавлю еще нѣсколько отзывовъ, мною слышанныхъ, и собственныхъ моихъ замѣчаній о Кашубахъ.

Мнѣ трудно говорить о Кашубахъ безъ сочувствія: таково впечатлѣнiе, произведенное на меня этимъ народомъ. Въ особенности Словинцевъ-рыбаковъ не полюбить невозможно. Это народъ совершенно неиспорченный нравственно, добродушный, удалой на морѣ, въ высшей степени повѣтливый. Гардиенскій пасторъ, весьма неблагоклонный къ Славянскому элементу, хвалилъ, однако, честность своихъ прихожанъ-Словинцевъ, чистоту ихъ семейнаго быта, въ которомъ супружеская невѣрность совершенно неизвѣстна, и говорилъ, что Словинскіе жители края гораздо живѣе и бойче умственно (*geistig reger* и *gewandter*), чѣмъ Нѣмецкіе; что дѣти Словинцевъ, которые выучиваются въ деревнѣ господствующему во всей Помераніи нижне-Нѣмецкому нарѣчію (*plattdeutsch*), — поступивъ въ школу, гораздо скорѣе и лучше Нѣмецкихъ дѣтей усваиваютъ себѣ языкъ литературный (*hochdeutsch*), который какъ извѣстно, въ Пруссіи и остальной Германіи господствуетъ въ преподаваніи исключительно предъ всѣми мѣстными нарѣчіями. Сверхъ того, Словинцы, по словамъ Гардиенскаго пастора, отличаются вспыльчивостью и злобою къ Нѣмцамъ. Болѣе благоклонный къ своей Славянской паствѣ, Гловчицкій пасторъ Ломаннъ, имя котораго я уже приводилъ не разъ, изображалъ мнѣ ее самыми свѣтлыми чертами, и говорилъ даже, что они добрѣ Нѣмецкихъ поселянъ. •

По единогласному отзыву всѣхъ, описывавшихъ мнѣ характеръ Словинцевъ и Кашубовъ, они отличаются необыкновенною силою религіознаго чувства; набожностью своею они далеко превосходятъ Нѣмецкихъ поселянъ этого края. Религія, по словамъ г. Ломанна, проникаетъ всю ихъ жизнь; къ церкви постоянно обращаются ихъ мысли. Они здороваются при встрѣчѣ словами: «*Pomoz Bog*»; прощаются словами:

«Ostańce z Bogą». При всякомъ важномъ случаѣ въ жизни они приносятъ какой нибудь даръ (обыкновенно нѣскольکو денегъ) «на Воzi dom», чего ихъ сосѣди Нѣмцы никогда не дѣлаютъ; ходять къ причастію гораздо чаще Нѣмцевъ, почти всѣ безъ исключенія по четыре раза въ годъ; поютъ духовныя пѣсни весьма часто, непременно каждую субботу вечеромъ и всю Страстную недѣлю.

Въ слѣдствіе ли вѣковой тяжелой борьбы, уничтожившей племя Балтійскихъ Славянъ, или по другимъ причинамъ, остатки этого племени, Словинцы и Кашубы Померанскіе, разительно отличаются отъ всѣхъ другихъ Славянъ совершеннымъ отсутствіемъ веселости въ характерѣ и проявленій веселія въ жизни, т. е. пѣсенъ и пляски. Я не замѣтилъ въ этихъ людяхъ никакихъ признаковъ шутливости. Пѣсни они поютъ только духовныя (заимствованныя изъ церковныхъ книгъ); кромѣ того, слѣды пѣсни замѣтны только въ обрядовыхъ приглашеніяхъ на свадьбу (goczenia), которыя произносятся римованными фразами. Но иначе этотъ народъ не поетъ. Онъ также не пляшетъ, отличаясь тѣмъ отъ Польскаго простонародья, которое, какъ извѣстно, необыкновенно любитъ плясать. Единственный случай, когда Кашубамъ иногда вздумается плясать, это на свадьбѣ. Я долженъ, однако, замѣтить, что эти слова относятся въ полной мѣрѣ только до Словинцевъ, Кабатковъ и Кашубовъ Померанскихъ, и лишь отчасти до жителей коренной «Кашубіи» въ западной Пруссіи, т. е. сѣверной, приморской части этой области. Далѣе къ югу, ближе къ границѣ Польской народности, въ Картузскомъ, а еще болѣе въ Косцержинскомъ (Берендскомъ) округѣ, гдѣ Кашубская рѣчь уже сливается съ Великопольскою, народъ поетъ охотнѣе; но его пѣсни еще отрывочнѣе и бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ Польскія. Большою частію онѣ состоятъ изъ одного четырехъ-стишнаго куплета, на подобіе *краковяковъ* (вообще форма эта, какъ извѣстно, особенно свойственна Польской народной поэзіи). Вотъ

два примѣра такихъ пѣсень, слышанныхъ мною въ этой части Кашубской земли:

«A ty kviotko levandovy
Nié spadni że z moji głowy;
Bo ke tѣ róz spadniesz,
Tѣ vici se nie usadniesz»; или:

«Moja pani matko,
Trzimaj że mnie gładko,
Od niedzeli do niedzeli,
Jak czervone jabko».

Впрочемъ, тамъ знаютъ и цѣльныя пѣсни, но весьма мало и, кажется, преимущественно шуточные или обрядовыя. Читатель познакоится съ ними изъ приложения къ этой статьѣ.

Окончу эту характеристику словами одного просвѣщеннаго католическаго священника ⁽¹⁾ о Кашубахъ - католикахъ въ Западной Пруссiи. «Этотъ народъ отличается честностью и добродушіемъ. Кашубы у себя ничего не запираютъ; о покражахъ и обманахъ почти никогда не слышать въ Кашубскихъ деревняхъ. Только въ самой крайней нуждѣ Кашубъ рѣшится украсть, но украдетъ тогда кусокъ хлѣба, а денегъ или чегонибудь цѣннаго никогда не тронетъ. Вообще Кашубское простонародье славится своею честностью и превосходитъ въ этомъ отношенiи Нѣмецкихъ колонистовъ, здѣсь живущихъ; въ послѣднихъ также гораздо больше грубости (Bestialität), чѣмъ въ Кашубахъ. Кашубы чрезвычайно набожны и преданы церкви; духовенство имѣетъ на нихъ всесильное вліяніе. Нравственность ихъ не испорчена; нарушенiя супружеской вѣрности почти никогда не бываетъ. Дѣвушки берегутъ свою честь: на 200 законнорожденныхъ въ Кашубскихъ деревняхъ едва приходится одинъ незаконнорожденный ребенокъ. — Что касается общественнаго быта, то всѣ слѣды общины, если она была здѣсь прежде,

(1) Деканъ Бьешки (Bieschki) въ с. Стржепцѣ, въ Нейштадскомъ (Вейеровскомъ) округѣ.

стерты законодательствомъ о выкупѣ крестьянскихъ участковъ и раздѣлѣ между поселянами прежнихъ общественныхъ угодій. Общиннаго чувства между Кашубами уже вовсе не замѣтно; напротивъ, Кашубъ, болѣе чѣмъ Нѣмецъ, любитъ уединяться и при первой возможности старается выселиться изъ деревни и выстроить себѣ одинокое жилье. — Кашубы вообще богато одарены способностями. Относительно практическаго ума они, должно быть, всего болѣе похожи на Русскихъ (dem Nationalgussen am ähnlichsten); что Кашубъ увидитъ, онъ перейметъ тотчасъ. Имъ въ высшей степени владѣетъ духъ предприимчивости и спекуляціи. Коль скоро у него талеръ въ карманѣ, онъ хлопочетъ о приобрѣтеніи другаго. Всѣ Кашубы въ душѣ купцы и промышленники; вся Кашубія занимается спекуляціями. Напротивъ того, простолюдинъ-Полякъ никогда не пускается въ спекуляціи и занимается исключительно хлѣбопашествомъ.*

Обращаю вниманіе читателя на это различіе въ характерѣ Поляковъ и Кашубовъ, замѣченное человѣкомъ, столь коротко знакомымъ съ обоими племенами и внимательнымъ къ народу, какъ этотъ священникъ, слова котораго я только что привелъ. Дѣйствительно, различіе въ характерѣ между Кашубами и Поляками чрезвычайно велико, судя по единогласнымъ показаніямъ туземцевъ, и это особенно любопытно при тѣсномъ родствѣ этихъ двухъ племенъ, при близости ихъ нарѣчій, которыя, на примѣръ, въ Стржепцѣ, гдѣ живетъ священникъ, указывавшій мнѣ на такую разницу въ народномъ характерѣ, сливаются почти въ одинъ говоръ. Итогъ всего, что я слышалъ о различіи Польскаго и Кашубскаго характера заключается въ слѣдующемъ. Кашубы гораздо холоднѣе, осторожнѣе, серьезнѣе и положительнѣе въ словѣ и намѣреніи; Полякъ болѣе воспламенителенъ, живъ, легкомысленъ и непостояненъ; Полякъ ббльшій охотникъ веселиться, чѣмъ Кашубъ; Полякъ имѣетъ въ себѣ мало промышленнаго духа и склоннѣе тратить, чѣмъ приобрѣтать; Кашубъ, напротивъ того, человѣкъ промышленный и расчетливый. Можно сказать, что эти двѣ вѣтви одного Сла-

вянскаго народа, Поляки и Ляхи Прибалтійскіе, были созданы для того, чтобы восполнять другъ друга, и нѣтъ сомнѣнія, что вѣтвь Прибалтійская, по своимъ свойствамъ, могла бы имѣть важное вліяніе на общественное развитіе своихъ братій и сосѣдей Поляковъ, если бы исторія не довела ея до такого политическаго и численнаго ничтожества и не приготовила ея постепеннаго вымиранія.

VI.

Народная одежда Словинцевъ и Кашубовъ.

Въ настоящее время, народная одежда этого племени исчезаетъ передъ Нѣмецкимъ костюмомъ и городскою модою; ее сохраняютъ только старики и старухи, и то большею частію не вполнѣ. Судить о ней въ подробности мы можемъ по описанію пастора Лорека (въ приведенной уже статьѣ), сдѣланному въ 1820 г., когда одежда эта еще господствовала повсемѣстно у Померанскихъ Славянъ. Лорекъ имѣлъ въ виду преимущественно своихъ прихожанъ, Цеценовскихъ Кашубовъ на западномъ берегу Лебы; но сколько я могъ судить по рассказамъ стариковъ, одежда прочихъ Кашубовъ и Словинцевъ ничѣмъ существеннымъ не отличалась отъ той, которую онъ изображаетъ. Я переведу здѣсь, съ небольшими сокращеніями, его описаніе, и дополню его нѣкоторыми своими примѣчаніями.

«Кашубы въ одеждѣ своей придерживаются преимущественно чернаго цвѣта, согласно обычаю своихъ предковъ. Не только женщины, но и мужчины носятъ всегда черное. Праздничное и свадебное платье мужчинъ — это черный кафтанъ (Kittel) безъ складокъ, подбитый красною матеріею, которая выступаетъ нѣсколько по краямъ, и спереди, на груди и полахъ, украшенный снурками и петлями. Широкія короткія брюки дѣлались также прежде изъ черной матеріи, но теперь изгоняются бѣлыми холщевыми. Крошъ чернаго, любимый цвѣтъ красный. Праздничный колпакъ (Sonntags-kolpack) Кашубовъ красный, съ чер-

нымъ околышкомъ, а еще наряднѣе — черная мѣховая шапка съ краснымъ суконнымъ дномъ.

«Будничная одежда нѣсколько другая. Дѣтей одѣваютъ въ длинные черные кафтаны изъ домашней ткани, которая тчется изъ льна и шерсти вмѣстѣ и красится также дома женщинами; только видъ головного убора отличаетъ мальчиковъ отъ дѣвчушекъ. По шестому или по седьмому году мальчикъ облачается въ настоящій Кашубскій костюмъ: это *harneja*, куртка изъ бѣлаго холста, протканнаго шерстью (1). Подъ нею носится *liwk*, жилетъ изъ той же матеріи, также какъ куртка, застегиваемая на крючки; брюки по колѣна, шерстяные чулки, и, наконецъ, кожаные башмаки, покрывающіе ногу выше щиколки, съ толстыми подошвами, безъ каблучковъ. Башмаки же дѣлаются достояніемъ Кашуба только съ достиженіемъ возмужалости; до того времени они носятъ деревянные туфли (*kozki*); онѣ, впрочемъ, составляютъ ихъ постоянную домашнюю обувь.

«Кашубы носятъ также бѣлыя шерстяныя перчатки, кончающіяся завитою бахромою у сгиба руки, или толстыя шерстяныя рукавицы, до половины руки бѣлыя, а къ верху украшенныя пестрою шерстью и окаймленныя свернутою бахромою. Послѣднія составляютъ необходимую принадлежность всякаго праздничнаго наряда, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Теплота и прочность ихъ ткани оправдываютъ разившіяся на нихъ обширный запросъ.

«Въ холодъ Кашубъ носить особаго рода *кожузы* (2), состоящій изъ двухъ дубленыхъ и сшитыхъ вмѣстѣ ремешками овечьихъ шкуръ съ висящими внизъ хвостами и съ прорѣзомъ вверху, открывающимся вдоль всей груди и черезъ который просовывается голова; на груди онъ застегивается 4 или 5

(1) Эта куртка у Словинцевъ и Кабатковъ называется *кабатомъ*; подъ этимъ именемъ Кашубы, напротивъ, разумѣютъ женскую куртку.

(2) *Кожуза* у Кашубовъ есть общее названіе всякой мѣховою одеждою; собственно же тотъ видъ *кожузы*, который здѣсь описанъ пасторомъ Лореконъ, называется у нихъ *шуба*.

кожаными пуговицами. Кругомъ шею *кожухъ* обшить небольшимъ стоячимъ воротникомъ, который прикрываетъ голую шею Кашуба (ни лѣтомъ, ни зимою онъ не надѣваетъ никакого галстуха). *Кожухъ* стоитъ отъ 1½ до 2 талеровъ, но безъ рукавовъ. Рукава пришиваются дома; ихъ дѣлаютъ изъ той же матеріи, какъ *сарнелъ*, и подбиваютъ сукномъ или байкой. Когда Кашубъ идетъ въ *кожухъ*, у него кончики этой шубы болтаются между ногъ и ноги покрыты по колѣна.

«Вся одежда Кашуба стоитъ ему не дороже 8 или 9 талеровъ. Сапогъ онъ не носитъ, потому что они для него слишкомъ дороги, и ходитъ по снѣгу въ своихъ кожаныхъ башмакахъ, удерживаемыхъ кожаными ремнями; сверху надѣваются длинные штиблеты. Голову защищаетъ хорошая мѣховая шапка (¹).

«Женщины любятъ черный цвѣтъ еще болѣе мужчинъ. Коль скоро дѣвчонка выросла изъ дѣтской одежды, мать одѣваетъ ее навсегда совершенно такъ, какъ сама одѣвается. Волосы дѣвушка чешетъ гладко, придерживаетъ ихъ къ головѣ самодѣльной черною тесьмою, заплетаетъ ихъ тремя прядинами въ двѣ косы, косы обвиваетъ вокругъ головы и сзади прикрѣпляетъ концомъ къ тесьмѣ, такъ что тѣмя остается гладкимъ и непокрытымъ. На косы кладется повязка изъ бѣлаго холста (*sprodnok* или *bina*) (²) и засовывается сзади, а на это надѣвается собственная головная повязка (*zaglowk*) изъ чернаго *раша* (*Rasch*), шириною въ ладонь, сверху по обоимъ бокамъ, до лба, украшенная выдающимся краснымъ кантикомъ, а сзади согнутая въ треугольникъ и сшитая (³). Въ иныхъ мѣстахъ треугольникъ этотъ обведенъ красною каймою.

«Этотъ головной уборъ носить только дѣвицы. Потерявшія дѣвство и замужнія женщины надѣваютъ подъ черную повязку

(¹) У рыбаковъ мѣховая шапка имѣетъ большой отворотъ, который въ непогоду покрываетъ большую часть лица и сзади спускается по плечи. Замѣчу еще, что Кашубы носятъ длинные волосы по плечи и этимъ, между прочимъ, отличаются отъ Нѣмецкихъ поселанъ.

(²) Съ Нѣмецкаго *Binde*.

(³) Въ Гловчицахъ эту повязку называютъ *puster*.

бѣлый чепецъ (*hiva*) (1), который покрываетъ гѣмя, а въ иныхъ мѣстахъ украшается на верхушкѣ большою, плоскою, обтянутою холстомъ пуговицею.

«Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то на крестины, свадьбы и для причастія, дѣвушки, вмѣсто черной повязки, надѣваютъ *krzeplank* (или *medik*), т. е. холщевую повязку съ вырѣзкою внизу у лба и съ прошитыми небольшими дырками, такъ чтобы видна была насквозь нижняя повязка, покрывающая косы. Этотъ *krzeplank*, толщиною съ обухъ ножа, наводится синькою, а сверху на него надѣвается, закрывающая обыкновенную черную, бѣлая повязка изъ Силезскаго полотна, такъ что изъ подъ нея видѣнъ только краешекъ синей повязки. Воротясь изъ церкви, снимаютъ бѣлую повязку и остаются въ синей.

«Въ этомъ же головномъ уборѣ вѣнчается невѣста. Въ первые два дня послѣ свадьбы она не можетъ показаться безъ бѣлой повязки. Въ другихъ болѣе зажиточныхъ мѣстностяхъ невѣста украшается, сверхъ того, вѣнкомъ изъ зеленыхъ садовыхъ растений, петрушки и т. под., оклеенныхъ листовымъ золотомъ, а къ повязкѣ прикрѣпляются блестящія пуговицы и мѣдныя испещренныя бляхи.

«Замужнія женщины въ торжественныхъ случаяхъ носятъ шапочку (*жуца*), наведенную синькою и покрывающую всю голову, но безъ бѣлой верхней повязки. Вмѣсто этой верхней повязки, онѣ, когда посѣщаютъ церковь, навѣшиваютъ на себя короткую, когда идутъ на свадьбу или къ причастію—длинную простыню изъ Силезскаго полотна. Простыня подвертывается въ складку на обѣихъ сторонахъ головы и припиливается; ее прикрѣпляютъ также на груди (2).

(1) Съ Нѣмц. *Haube*, по ниже-Нѣмецкому произношенію.

(2) Обычай являться подъ такимъ покрываломъ или простынею къ причастію до сихъ поръ соблюдается женщинами (преимущественно старухами) въ Словинскихъ и Кашубскихъ деревняхъ Помераніи. Простыня доходитъ почти до ногъ. Она должна служить всю жизнь и потомъ обращается въ савинъ. Она называется *plachta* или *plochta*.

«Остальная часть костюма Кашубскихъ женщинъ и дѣвусекъ слѣдующая. Снизу длинная юбка, *suknia*, восходящая до плечъ, но безъ рукавовъ, изъ краснаго или бѣлаго фризу (*Fries*) (1). На это надѣвается *liwk* (2) (корсетъ) изъ домашней шерстяной или льняной матеріи, выкрашенной въ черный цвѣтъ, съ глубокими выемками на груди и спинѣ, такъ что видна значительная часть рубахи. По обѣимъ сторонамъ онъ доходитъ только до груди. На грудь накладывается кусокъ краснаго фризу, называемый *borzduk* (3), и надъ нимъ зашнуровывается *ливкз* разноцвѣтной тесемкой. При траурѣ *боридукз* долженъ быть чернаго цвѣта. Сверхъ *ливка* носятъ *кабатз*, короткую черную куртку съ коротенькими оттопыривающимися полами, изъ такой же матеріи какъ *ливкз*, съ длинными рукавами. *Кабатз* застегивается на крючки или оставляется на распашку. *Ливкз* внизу набить сѣномъ на подобіе полушки, чтобы на немъ крѣпко сидѣлъ *кидель*, верхнее женское платье. Этотъ *кидель* изъ той же черной матеріи и очень пышенъ: въ немъ до 13 локтей; онъ у талии образуетъ сотню складокъ, которыя расширяются къ низу. Доходитъ онъ до икръ и внизу обложенъ черною суконною каймою въ палецъ ширины.

«Сверху, надъ талию *киделя* и маленькими полами *кабата* повязывается трижды кругомъ волосяной *станикз* (4) со штымиъ сверху бѣлымъ кантикомъ, покупаемый въ Данцигѣ. Въ траурѣ *станикз* долженъ быть совершенно черный, безъ всякаго кантика. Отсутствие этого кантика и черный платокъ на груди единственные признаки траура у женщинъ; у мужчинъ трауръ ничѣмъ не обозначается.

(1) Въ Избницахъ *сукня* была всегда бѣлая, съ красною каймою.

(2) Съ Нѣмецк. *Leib, Leibchen*, по ниже-Нѣмецкому произношенію.

(3) Съ Нѣмецкаго *Brusttuch*. Въ Избницахъ я слышалъ Словинское имя этого платка, *strzodk* (отъ слова *strzoda* середина).

(4) Въ имхъ мѣстахъ называется *касумка*. Лорекъ видитъ въ этомъ имени испорченное *Kasakine*: совершенно несправедливо, ибо, по значенію, оба слова не имѣютъ ничего общаго. *Касумка*, очевидно, происходитъ отъ Славянскаго корня *касати* — подполсывать (Чешск. *kazati*, Верхне-Дужицк. *kasac*, Нижне-Дужицк. *kazáti*).

«Такова одежда женщинъ въ здѣшнихъ Кашубскихъ деревняхъ, впавшихъ въ крайнюю бѣдность. Одежда эта никогда не видоизмѣняется. Дальше къ западу, у р. Луповъ (¹), гдѣ народъ зажиточнѣе, женщины больше тратятъ на наряды. Уже замѣчено, что онѣ разукрашиваютъ свои головные уборы. Въ послѣднее воскресенье передъ вѣнчаньемъ, невѣста является въ церковь въ *кидель* изъ краснаго сукна, съ черною суконною каймою внизу. Сверхъ его она надѣваетъ зеленый передникъ, внизу съ прошивками, украшенными бѣлыми шитьемъ и черезъ которыя просвѣчиваетъ красное платье. У нея *ливкэ* украшенъ черными шнурами, *боридукэ* испещренъ шелковыми или ситцевыми, треугольными или четверугольными, нашивками. Въ такомъ нарядѣ является она и послѣ свадьбы, какъ молодая; а подъ вѣнецъ она идетъ въ *кидель* изъ синяго сукна, съ черною каймою, и въ бѣломъ передникѣ.

«Лѣтомъ *кабатэ* снимается; это единственное различіе отъ зимняго костюма. Шей ничѣмъ не покрываютъ. Впрочемъ, лѣтомъ дѣвушки по воскресеньямъ надѣваютъ *поплекэ*, короткую, доходящую только до бедръ, верхнюю рубаху изъ такъ называемаго Силезскаго полотна, съ узкимъ стоячимъ воротникомъ, который также, какъ верхъ рукавовъ, вышитъ бѣлыми узорами. Длинные рукава суживаются къ кисти и не застегиваются. Эта рубаха спереди не сшита; ее запахнуть, сверху надѣнуть *ливкэ* и подпояшутся *станикомэ*.»

VII.

Обычаи и обряды.

Словинцы и Кашубы Померанскіе никогда не даютъ своимъ дѣтямъ Нѣмецкихъ именъ. Вообще, число именъ, употребляемыхъ у Кашубскаго и Словинскаго престопаго народа (особенно у протестантовъ въ Померавіи), самое ограниченное. Есть деревни

(¹) Авторъ говоритъ здѣсь не о собственныхъ Кашубахъ, а о Словинцахъ и Кабаткахъ, живущихъ на берегу р. Луповъ, по Словински Лераа.

(напр. въ Цеценовскоѣ приходѣ), гдѣ все мужское населеніе носить имя Мартынь, Павелъ или Михаилъ, женское—Катерина, Станца или Станка (Констанція) и Елишка (Елисавета).

Фамильныя имена рѣдко оканчиваются на *зкі*, какъ у Поляковъ, и болѣею частію состоятъ изъ именъ существительныхъ, превращенныхъ въ прозвища, напр. *Mraga, Mucha, Pstręga, Trela, Żaczk, Nowak, Jawor, Kowal* и т. под.

Весьма замѣчательнъ обычай, сохранившійся въ этомъ отношеніи у Словинцевъ и отчасти также въ прилегающихъ къ Словинцамъ деревняхъ Кабатковъ (напр. въ Гловяцахъ) и Кашубовъ Померанскихъ (напр. въ Избицахъ и Цеценовѣ). Именно, тамъ каждая крестьянская усадьба имѣетъ свое прозвище, сохраняющееся со временъ незапамятныхъ и болѣею частью представляющее форму отечественную (*patronymicum*) на *-іс* (т. е. -изъ), *-ојс* (сокращ. изъ) и *ејс* или *ѣс* (сокращ. изъ). Эти прозвища суть такимъ образомъ родовыя и сохраняютъ память о первомъ хозяинѣ усадьбы. Съ тѣхъ поръ она могла десять разъ перейти изъ рукъ въ руки, но кто бы ни былъ ея обладатель, онъ извѣстенъ въ деревнѣ подъ именемъ, присвоеннымъ его оцѣдлости, и его собственная фамилія остается почти неизвѣстною. Такъ напр. въ Гарнѣ (*Garden*), гдѣ очень распространена фамилія *Beter*, одна семья Бетеровъ по оцѣдлости называется *Kretoјс*, другая *Krežeјс*, третья *Koczeјс*, четвертая *Koleczkoјс*; поселянинъ по фамилии *Ek* (*Eck* по Нѣмецкому правописанію) называется *Nóvakoјс*, *Jost*—называется *Cechóјс*, вдова *Jost* называется *Merchlóјс*. Полное имя, напримѣръ, слѣдующее: *Jonek-Martin* (крестныя имена), *Janekoјс* (прозвище по оцѣдлости), *Durer* (фамилія). Въ Цеценовѣ такія же прозвища: *Pavlic* (фамилія *Soch*), *Cesznic* (фамилія *Gavor*), *Szolcyc* (фам. *Topelj*), *Toplic* (фам. *Rava*), *Gavroјс* (фам. *Topelj*), *Kotoјс* (фам. *Novak*). Въ Клечицахъ (*Kluczen*) встрѣчаются, между прозвищами, даваемыми по усадьбѣ, кромѣ отечественныхъ, такія, которыя имѣютъ форму имени прилагательнаго, даже изрѣдка въ мѣстномъ падежѣ множествен-

наго числа, употребляемаго безъ предлога, наприѣръ: Lugovach, Pioskovach, Gorni (т. е. горный), Grządovi, Dębovi, Zagorkovi, Stavovi, Novodonski, Ogordkovi, Puszczovi (1).

При крестинахъ, я не слышалъ, чтобы у Кашубовъ существовали какіе нибудь особенные обычаи. Но въ прежнее время, по свидѣтельству пастора Лорека (Pommersche Provinzialblätter, II, 4. 1821, стр. 472) выбирались родителями двое мальчиковъ отъ 8 до 9 лѣтъ, которымъ придавался титулъ *старыхъ*, и они, за часъ до крестинъ, должны были обѣжать дома въ деревнѣ, врываясь въ каждый и крича во все горло: «Ragara, hohoho, ragara, hohoho, ostanice z Bogem, niemasz wiele czasu». За тѣмъ они выбѣгали и показывали свою удалъ въ томъ, чтобы такимъ образомъ всполошить всю деревню и не дать себя поймать нигдѣ.

Свадебные обычаи представляю въ подробномъ описаніи, сдѣланномъ пасторомъ Лорекомъ (въ той же статьѣ). Тѣ же обычаи существуютъ и теперь, но выводятся изъ употребленія.

«Всѣ свадьбы празднуются передъ наступленіемъ дня св. Мартина, въ одинъ и тотъ же день, обыкновенно во вторникъ.

«При сговорѣ не упоминается о приданомъ; для этого, впрочемъ, Кашубы слишкомъ бѣдны (2). Дѣло это предостав-

(1) Вотъ еще нѣсколько прозвищъ по усадьбамъ, записанныхъ мною въ Гарнѣ и прилегающихъ Словинскихъ деревняхъ: Szeporzekoje (szeporzek—уменьшительное отъ *szepere*, съ нѣмецкаго пастухъ), Legovi (т. е. луговой), Popkóje, Jósztójc, Lèchoje Puntójc, Betreje, Derleje, Nèzec, иначе Bétrovic, Potoczic, Petkoje, Zvąchoje, Borzeje, Tibà'ojc, Kùbic, Prachojc, Grègoric, Vèdrzec, Kosèrczic, Kozàroje. Grechniejc, Lèmoje, Plotkoje, Zaukoje, Tàmermonoje (съ нѣмецкаго Zimmermann), Koseje, Szemleje, Koniszic, Koleje, Hąszpoteje, Hąsèje, Strezèje, Porambóvic, Zèmnokojc, Jostojc; въ Клечицахъ, кромѣ приведенныхъ выше: Krestkoje, Sikòrzec, Volszkoje, Koleczkoje, Homanoje, Hakoje, Kramarzc, Krepic, Lènoje, Szoltyszojc, Stargloje, Churcèc, Szenkoje, Klabuszic, Krutkoje, Kobolic, Kujic, Grechinkojc, Princkoje, Kumloje, Krestofroje, Merduseje, Iurejeje, Kotoje, Haniszkoje, Slivkoje.

(2) Здѣсь авторъ рассказываетъ, что лѣтъ за 50 или 60 передъ тѣмъ Кашубы въ Поверани были весьма зажиточный народъ, но что, мало по малу, повѣщия, налага я

ляется средствамъ и любви родителей. Но обычные подарки должны быть сдѣланы, и это не соблюдается только при крайней нищетѣ. А именно, невѣста должна подарить жениху передъ обрученіемъ рубаху, исподнее платье, платокъ шейный и носовой, пару чулокъ и пару рукавицъ, а при вѣнчаніи, кроми того, шейный и носовой платокъ. Всѣмъ родственникамъ жениха она даритъ по парѣ рукавицъ, такъ что иногда ей приходится раздать ихъ паръ 30. Пасторъ получаетъ также пару (¹). Потому Кашубскія дѣвушки заблаговременно запасаются шерстью и прядутъ эти рукавицы.

«Если у жениха есть отецъ, онъ получаетъ отъ невѣсты рубаху, шейный и носовой платокъ и пару рукавицъ. Матери жениха дарятся 4 локтя Силезскаго полотна для покрывала; его замужнимъ сестрамъ по 2 локтя, незамужнимъ—по локтю.

«Съ своей стороны, женихъ даритъ при сговорѣ невѣстѣ 2 локтя топкаго полотна, пару башмаковъ и талеръ или нѣсколько талеровъ деньгами. Если жениха сопровождаетъ отецъ или братъ, то они также дарятъ невѣстѣ отъ 12 грошей до 1 талера, 8 грошей. Отецъ невѣсты получаетъ отъ жениха шѣвную шапку; каждый изъ ея братьевъ шляпу, каждая сестра по локтю черной матеріи для *ливка*. Матери же невѣстной ничего не дарится; сдѣлать ей подарокъ считалось бы неприличнымъ.

«Въ понедѣльникъ, наканунѣ свадьбы, невѣста и женихъ выбираютъ себѣ, съ каждой стороны, *старо* (²) (это, впро-

на нихъ чрезмѣрные работы и повинности, ихъ разорили и довели почти до нищеты. Съ тѣхъ поръ, какъ замѣчено выше, положеніе переиначилось вслѣдствіе уничтоженія помѣщичьихъ правъ.

(¹) Сверхъ того, во время, когда писалъ Лорекъ, Кашубскія невѣсты, по его словамъ, дарили по парѣ рукавицъ помѣщику и каждому изъ его сыновей, а его жени и каждой дочери по парѣ самодѣльныхъ пестрыхъ подвязокъ.

(²) У Кашубовъ въ Западной Пруссіи его называютъ *дружба* или *говбуа* (отъ глагола *говбіс*, Польское *wabić*, т. е. заманивать, получившаго въ этомъ случаѣ значеніе *приглашать*). Лорекъ дѣлаетъ призмѣчаніе, что *стар* есть почетный титулъ, который дается также священникамъ: а этого не смыхать.

чемъ, можетъ быть и молодой человѣкъ). Онъ облачается въ описанный выше праздничный нарядъ, для дополненія котораго нужно, чтобы на его шапку спереди была прицѣплена мишурная бляха съ трехцвѣтнымъ бантомъ и пучкомъ зелени, оклеенной листовымъ золотомъ, и чтобы такіе же банты и пучки прикрѣплены были на груди и на отворотахъ рукавовъ; кромѣ того, у подбитыхъ краснымъ полъ его кафтана должны болтаться новыя рукавицы.

«Въ этомъ нарядѣ оба *старые* берутъ въ руку страннической посохъ (большею частію выкрашенная въ красный цвѣтъ палка съ коричневымъ точенымъ набалдашникомъ) и отправляются звать гостей на свадьбу замысловатыми и напередъ вытверженными рѣчами (1). Но отъ угощенія въ каждомъ дошѣ языкъ ихъ мало-по-малу тяжелѣетъ и часто въ полночь приходится ихъ отвести домой въ безчувствіи.

«При этомъ соблюдается еще другой обычай, теперь, однако, выходящій изъ употребленія. Двое изъ званыхъ на свадьбу молодыхъ людей запрягаютъ четверку вороныхъ въ наибольшую, по возможности, телѣгу (обыкновенно такую, въ какой возятъ сѣно); одинъ садится на переднюю, другой на дышловую лошадь. Съ длиннымъ бичемъ въ рукѣ ѣдутъ они такимъ образомъ въ невѣстинъ домъ за приданымъ. Приѣхавъ туда, вечеромъ, отпрягаютъ лошадей и ставятъ въ конюшню. Между тѣмъ изъ пирующихъ въ домѣ гостей то тотъ, то другой выходитъ потихоньку и старается утащить, кто колесо, кто валекъ и т. под. Возницы не выпускаютъ бича изъ рукъ и, замѣтивъ вора, бросаются за нимъ въ дверь; если онъ имъ попадется, то поплатится побоями. На другое утро приготавливаются къ отъѣзду; тогда являются, одинъ за другимъ, вчерашніе гости и отдають

(1) Образцы такихъ рѣчей, которыя называются *госгеніе*, записаны мною въ разныхъ мѣстахъ; см. въ приложеніи №№ 22, 26, 46 и 47. У Кашубовъ въ Западной Пруссіи *дружба* (или *вобца*) ѣдетъ верхомъ и выбираетъ для того самую малорослую лошадь, чтобы хогъ вѣзжать прямо въ комнату верхомъ.

похищенными части телѣги, говоря: «конечно, я это укралъ, но какъ вамъ предстоитъ долгій путь, то возвращаю вамъ ваше добро». Въ замѣнъ, каждый получаетъ рюмку водки и Кашубскіе пряники (которые, впрочемъ, не что иное, какъ запеченные кусочки ржаного тѣста). Наконецъ, запрягаютъ лошадей, украсивъ имъ гриву, хвостъ и узду зелеными букетами, облѣпленными листовымъ золотомъ. Скучный пожитками, невѣстину сундукъ и ея постель наваливаются на телѣгу; туда садятся двѣ женщины, которыя должны сторожить невѣстино добро, возницы вскакиваютъ на своихъ лошадей и ѣдутъ.

«Надобно замѣтить, что у здѣшнихъ Кашубовъ замужнія женщины никогда не приглашаются на свадьбу. Только женихъ и невѣста выбираютъ себѣ, съ каждой стороны, по двѣ *przedanki* изъ замужнихъ женщинъ. Эта должность весьма почетная и ея добиваются. Онѣ отличаются отъ дѣвушекъ, присутствующихъ на свадьбѣ, своими бѣлыми простынями, прикрѣпленными къ головному убору.

«Телѣга съ невѣстинымъ добромъ ѣдетъ вскачь, но не скоро достигаетъ дома. Изъ-за cadaго угла выскакиваютъ шалуны и загораживаютъ дорогу жердями. Отъ нихъ надобно откупаться орѣхами и водкой.

«Пріѣхавъ къ жениху, *przedanki* вытаскиваютъ сундукъ и постель и стелятъ брачное ложе. При этомъ онѣ никакъ не должны взбивать перинь, потому что иначе супруги стали бы колотить другъ друга; постель осторожно глядятъ и равняютъ рукою.

«Между тѣмъ собираются гости у жениха и невѣсты. Ихъ обильно угощаютъ водкой и хлѣбомъ съ масломъ. Около полудня *старый* затягиваетъ по Польски пѣснь: «во имя Божье мы отправляемся въ путь» и т. д. Тогда женихъ, съ сердечными объятіями и слезами, прощается съ родителями, а между тѣмъ *przedanki* роздаютъ гостямъ ломти хлѣба, приговаривая: «спрячь; надобно готовиться въ путь». То же самое происходитъ въ домѣ невѣсты.

«Оба шествія встрѣчаются на церковномъ дворѣ. Тогда идутъ звать пастора. Онъ является у алтаря; кистеръ открываетъ богослуженіе, и *старый*, съ поднятымъ краснымъ посохомъ своимъ, вступаетъ въ церковь; за нимъ женихъ, его ближайшіе родственники, потомъ *пржеданки* и прочіе гости. За ними слѣдуютъ такимъ же порядкомъ *старый* со стороны невесты, сама невеста и т. д. Такимъ образомъ вступаютъ, другъ за другомъ, въ церковь всѣ брачующіяся въ этомъ году пары (¹). Всѣ они степенными шагами подходятъ поочередно къ алтарю и каждый кладетъ пастору мѣдную монету. Вмѣстѣ съ женихомъ и невестою становятся передъ пасторомъ ихъ *старые*, за ними *пржеданки*, и такъ они выслушиваютъ, по окончаніи пѣснопѣнія, вѣнчальную рѣчь (²).

«По окончаніи вѣнчанія, невеста снова подходитъ къ алтарю и становится на колѣни; пасторъ кладетъ ей на голову руку, читаетъ молитву и благословляетъ ее. При этомъ онъ получаетъ отъ каждой *пржеданки* по мѣдной монетѣ.

«Изъ церкви молодые со всѣми гостями идутъ въ назначенный напередъ домъ къ кому нибудь изъ чужихъ, согласившемуся приготовить имъ угощеніе пивомъ, хлѣбомъ съ масломъ и селедкою (³). *Старые* исчисляють его издержку и уплачиваютъ ее, разложивъ деньги на всѣхъ присутствующихъ мужчинъ. Въ это время молодая сидитъ въ углу комнаты и *пржеданки* отъ нея не отходятъ.

«Вечеромъ все собраніе отправляется къ дому новобрачныхъ. Стучатся, изнутри спрашиваютъ: «Кто тамъ?» — Друзья. «Нѣтъ, опять слышно изнутри, если вы не чужіе (или Нѣмцы) (⁴), дайте о себѣ знать». Берутъ первый попавшійся кло-

(¹) Какъ замѣчено выше, по Кашубскому обычаю всѣ свадьбы совершались въ одинъ день.

(²) Тутъ Лорекъ замѣчаетъ, что отъ множества вѣнчающихся въ одинъ день происходитъ въ церкви давка, беспорядокъ отъ подгулавшихъ гостей и т. и.

(³) Этотъ домъ называютъ *goscinc*.

(⁴) «Mit nichten! Wenn ihr nicht Fremde (Deutsche) seyd: so gebt euch kundig» пишетъ Лорекъ.

чекъ бумаги, и сдѣлавъ на немъ каракули углемъ, просовываютъ въ щель подъ ворота или надъ воротами. Но, недовольные этимъ, повторяютъ этотъ обрядъ по нѣскольку разъ.

«Всѣ входятъ въ комнату, кромя дѣвушекъ, которыя не переступаютъ порога и прячутся. Когда за столъ сѣли молодые и почетнѣйшіе гости, то распорядитель угощенія, называемый *кольфекторъ*, отыскиваетъ дѣвушекъ и усаживаетъ ихъ, каждую рядомъ съ мужчиною. Со свѣчей передъ молодыми не снимаютъ, чтобы не снять ихъ любви, которая должна догнать сама собою, вмѣстѣ съ жизнію.

«Угощеніе дѣлается на счетъ родителей невѣсты или близкихъ къ ней. Не подаютъ уже вина, а только пиво. Гости доставляютъ только нѣсколько кружекъ молока, и кусокъ масла, а близкіе родственники — гуся. Такъ какъ здѣшніе Кашубы не любятъ музыки и не пляшутъ, то гости послѣ обѣда проводятъ время въ разныхъ играхъ, покуда *пржеданки* раздѣваютъ молодую, отводятъ въ ея каюрку жениха и запираютъ ихъ на ключъ. Ключъ онѣ берутъ съ собою и съ гостями уходятъ по домамъ.

«На другое утро *пржеданки* возвращаются, одѣваютъ молодую и убираютъ спальню. Мало-по-малу являются вчерашніе гости. Молодой угощаетъ ихъ водкой и хлѣбомъ съ масломъ, молодая даритъ имъ орѣхи, а они даютъ ей по нѣскольку грошей, смотря по средствамъ. За тѣмъ дѣлается обѣдъ, такимъ же порядкомъ, какъ наканунѣ, и веселятся до ночи. На третій день молодой лично приглашаетъ къ обѣду ближайшихъ родственниковъ; тогда являются и жены съ своими мужьями.

«Если невѣста переселилась въ домъ жениха, то она не смѣетъ посѣтить родителей, пока въ воскресенье не пойдетъ въ церковь, чтобы пасторъ прочиталъ ей благодарственную молитву за благополучное и христіанское вступленіе въ бракъ. Если бы случилось, почему нибудь, особенная надобность, то она идетъ къ воротамъ родительскаго дома и кричитъ, пока

не дозвется кого либо, чтобы объяснить то, что ей нужно, не перестуная порога.»

Похоронныхъ обычаевъ особенныхъ нѣтъ. Только въ Пуцкомъ краѣ, для объявленія о кончинѣ покойника и приглашенія на похороны, выбирается старуха, которая обходитъ дома съ бѣлой палкой (ралёса) изъ орѣшника. Родственники и друзья покойника, поютъ на кладбищѣ духовныя пѣсни, пока не насыпана будетъ вся могила.

Въ западной Пруссiи у Кашубовъ-католиковъ наканунѣ Рождества мальчики обходятъ деревню съ поздравительными пѣснями, за которыя получаютъ что нибудь съѣстное (это называется szorka; но Польское имя kolęda также извѣстно Кашубамъ). Наканунѣ Богоявленія (trze Kroli) бываютъ *szczodraki*. Пастухи собираются всѣ вмѣстѣ и также обходятъ дома съ пѣснями, вознаграждаемыми подаркомъ съѣстнаго (8). Передъ новымъ годомъ гадаютъ: топятъ олово, бросаютъ башмакъ, заглядываютъ въ печь, чтобы увидѣть суженаго. Также берутъ наперстокъ, наполняютъ мокрымъ пескомъ и кладутъ такимъ образомъ песокъ кучками, по числу присутствующихъ. Чья кучка песка къ утру развалится, тотъ умретъ въ теченіе года.

За три недѣли до Иванова дня, въ иныхъ деревняхъ совершается обрядъ, называемый *scinanie kani* (казнь коршуна).

(1) Эти пѣсни, какъ кажется, чисто Польскія, только нѣсколько переименованныя Кашубскими выговоромъ, наприимѣръ:

Dobri wieczor, szczodri wieczor,
 Nam powiedaja że tu rógule pieczą.
 Jezli ne rógula, tej chleba glén (краюха).
 Wasza dësza mdze miała v niebie szczodroblevy dzień.
 A jezli nie chleba glén, tej korszczuk (ложка) masła.
 Wasza dësza mdze są dóbrcze v niebie pasła, и т. д.

Вотъ пѣсня Рождественская:

Ju (уже) pochvalme, ju pochvalme krola teho,
 Dzis v Betleem narodzoneho,
 I z Marijã i z Marijã matkã jeho.
 Jemu słuži, jemu słuži słońce, miesąc,
 Ve dnie, v noci nie przestając и т. д.

Въ воскресенье парни и дѣвки (которые въ этотъ день не должны быть въ церкви) сходятся на лугу, до полудня. Парни становятся въ линію и кладутъ передъ собою шапки. Первый съ правой стороны получаетъ званіе старосты (szoftys), второй и третій—присяжныхъ (przeteżni), четвертый пазача (kat), пятый—лѣснаго сторожа (lesni), предпоследній—живодера (takarz), послѣдній—пекаря (piekocz). Остальные назначаются слугами того или другаго должностнаго лица. Въ такомъ же порядкѣ становятся, насупротивъ ихъ, занимавшіе эти должности въ прошлогдній праздникъ, староста противъ пекаря и т. д. Отшриваютъ отъ рада шапокъ шаговъ 300 и потомъ, по знаку, данному прошлогдннмъ старостою, бросаются въ перегонку за шапками: каждый старается схватить свою первый. Послѣ этой игры, дѣвушки приносятъ каждая круглую палочку съ нарѣзаннымъ знакомъ; кладутъ палочки въ шапку и парни вынимаютъ эти жребіи. Чья палочка кону вынется, тотъ будетъ съ нею плясать въ Нвановъ день. Между тѣмъ въ деревнѣ, въ которой избы разукрашены кленовыми и капустными листьями, комнаты прибраны и полы посыпаны пескомъ, дѣти гдѣ нибудь выкопали яму и вбили въ нее коль. Туда отправляется послѣ полудня населеніе деревни, впереди новый староста, сзади всѣхъ *лѣсной сторожъ* съ коршуномъ (kaniа) (¹), котораго его обязанность была поймать. Становятся вокругъ ямы: *лѣсной* передаетъ коршуна палачу и его «служителямъ», которые сажаютъ птицу на коль. За тѣмъ «служители» старосты раздвигаютъ толпу словами:

Rum, rum, s place naszewo

Abě se nie stało co złewo.

Староста выступаетъ впередъ и говоритъ:

A vě lědze ze vse,

Po co vě se tu zesze?

Vě njic nie viece,

(¹) Falco milvus по словарю Мронговіуса.

Vě njic nie póviece.
 Io viem; jo poviem.
 Jo jem sin karczmarski,
 Kavaler dzirski,
 Mom trěnki dvojákewo rodě,
 Iedne dlo zdrovjo, drěge dlo wóchodě.
 Chto te trěnki zaživo,
 Ten bógačtva mievo.
 Jo je zažívaję
 I bogactva miévaję (1).

За тѣмъ онъ обращается къ воткнутой на колъ птицѣ и говоритъ:

Nieszczęsłewo kania, jak ze tã jes wołã?
 Kej jes v lese na drzeve sedza?
 A mě do dom kanie gnale
 E cę złapale.
 Pjic! pjic!
 Dame mě ci pjic—psim gnotę,
 Kobělim donotę.
 Vorczekę věgrzebojce.
 Tewo sę zli lędze spodzevojce
 A do mie blęzi nie przestãpojce (2).

Послѣ окончанія этой рѣчи, *камъ* (палачъ) обращается къ старостѣ:

Zvõlę, zvõlę wõd pana szełtesa
 do trzécého raza ccic.

(1) «А вы люди изъ деревни, зачѣмъ вы здѣсь сошлись? Вы ничего не знаете, ничего не скажете. Я знаю, я скажу. Я сынъ корчмаря, храбрый кавалеръ. У меня напитки двоякаго рода, одни для здоровья, другіе для праздника. Кто употребляетъ эти напитки, тотъ бываетъ богатъ. Я ихъ употребляю и имѣю богатства.»

(2) «Несчастный коршунъ, какъ же ты кричалъ, когда въ лѣсу сниживалъ на деревѣ. А мы гнали коршунуновъ домой и тебя поймали. Пить! пить! Дадимъ мы тебѣ пить, изъ собачей кожи, изъ кобыльаго (значение слова *donot* имѣ неизвестно) Выгребайте землю ишскомъ (?). Ждите этого, злые люди и ближе подходите ко имѣ.»

Староста отвѣчаетъ:

Zwoļę, zwoļę. Ieszle nie zetniesz, to
twojo szejja scęto będze.

Тогда *катъ* говоритъ народу:

Moje miłe matki,
Strezżęce wasze dzatki,
Abę nie przęszle pód katovske rące.
Bó to jo nie tracę, ale pravo traci (1).

Онъ отрубаетъ голову птицѣ. Ее хоронятъ въ яму, а колъ бросаютъ въ воду или куда нибудь въ глухое мѣсто въ лѣсу (2).

Въ ночь наканунѣ Иванова дня (*sobotki*) Кашубы выходятъ куда нибудь на возвышенное мѣсто, жгутъ бочки съ дегтемъ и соломѣ, пляшутъ вокругъ огня, перескакиваютъ черезъ огонь и т. под.

Всѣ вышеописанные праздничные обычаи и обряды существуютъ только у Кашубовъ въ западной Пруссии. У Словинцевъ и Померанскихъ Кашубовъ я ни о чемъ подобномъ не слыхалъ.

Изъ названій праздниковъ замѣчу, что Кашубы называютъ Рождество—*gode*, Свѣтлое Христово Воскресенье—*jąstre*; католики называютъ Стрѣтеніе—*Najsviętsza panna gromniczina*.

VIII.

Преданья и повѣрья.

Кашубскій народъ имѣетъ много повѣрій о существахъ и силахъ сверхъ естественныхъ. Въ одномъ изъ этихъ повѣрій слышится, можетъ быть, отголосокъ преданія историческаго, именно въ разсказахъ о *Столымахъ*, великанахъ, одарен-

(1) «Разрѣшеніе, разрѣшеніе отъ господина старосты рубить до третьяго разу. — «Разрѣшеніе, разрѣшеніе. Если не отрубишь, твоя шея будетъ отрублена.» — «Мои милыя матушки, стерегите вашихъ дѣтей, чтобы не попались подъ руки палача. Ибо тутъ не я казню, а право (законъ) казнить.»

(2) Описаніе этого обряда представлено по разсказу, слышанному мною отъ г. Цейковы.

ныхъ силою исполинскою, которые когда-то населяли землю и исчезли потомъ передъ родомъ человѣческимъ, побѣжденные имъ не силою, а умомъ. Преданіе это распространено повсемѣстно у Кашубовъ и Словинцевъ въ Помераніи; въ Западной Пруссіи, особливо ближе къ границѣ Польскаго племени, его знаютъ весьма немногіе. Тѣ изъ Кашубовъ, которые знакомы съ сказками Нѣмецкими, отождествляютъ *Столымовъ* съ *Гинами* (Hünen); я слышалъ не разъ отъ поселянъ, что *Stoly-movie* и *Hinjovie* — одно и то же. *Столымамъ* Кашубы приписываютъ, какъ Нѣмецкое простонародье *Гинамъ*, курганы, которые считаютъ за ихъ могилы, и кости допотопныхъ животныхъ, иногда попадающіяся въ этомъ краѣ. Имя это произносится *Stolum* собственно Кашубами; Словинцы и Кабатки произносятъ *Stólem*, иногда сокращенно *Stolm* и *Stołm* (чит. Стоуль). Раза два у Померанскихъ Кашубовъ я слышалъ не *Stolum*, а *Stołyn*, *Stótynovie*, что мы признали бы за форму вѣрнѣйшую, если бы захотѣли искать въ этомъ словѣ передѣланнаго *Сполинъ* (Исполинъ): этимологія, впрочемъ, довольно сомнительная. Въ западной Пруссіи вѣсто *Stołym* говорятъ иногда *Sztołym* (¹) и употребляютъ также форму *Stolmak*, а въ Бытовскомъ краѣ народъ, чтобы сдѣлать слово болѣе понятнымъ, превратилъ *Столыма* въ *Стольника*.

Читатель найдетъ въ приложенныхъ къ настоящей статьѣ «Образцахъ нарѣчія Словинцевъ и Кашубовъ» нѣсколько записанныхъ мною со словъ поселянъ разсказовъ о Столымахъ. Въ одномъ изъ нихъ (№ 14) Столымъ находятъ въ полѣ червячка, который пашетъ землю съ четырьмя волами, засовываетъ червячка съ плугомъ и волами въ рукавицу и приноситъ показать это диво своей матери. Этотъ червячокъ былъ человѣкъ. Мать ему говоритъ: оставь червячка въ покоѣ, онъ насъ выживетъ со свѣту. Въ Бытовскомъ краѣ я слышалъ точно такой разсказъ, съ тѣмъ только прибавленіемъ, что *Стольникъ*

(¹) Именно на Гельской косѣ, называемой Кашубами *Medzemozrze* (между-морье).

хотѣлъ убить это маленькое существо, а мать ему сказала, чтобы онъ оставилъ его въ покоѣ, «bo to są ti co nas od sviata odprziniosa» (сравни также № 31). Въ разсказѣ подъ № 15 человѣкъ перехитряетъ и убиваетъ послѣдняго Столыма. Въ такомъ же родѣ слышалъ я разсказъ въ Бытовскомъ краѣ: однажды Столымъ (*Стольникъ*) встрѣтилъ человѣка, который рубилъ сосну, спрашиваетъ у него, для чего ты это дѣлаешь? — Чтобы достать до твоей головы. «Не достанешь». А вотъ помѣримъ, говоритъ человѣкъ: ложись, и мы посмотримъ, длиннѣе ли ты сосны. Столымъ легъ возлѣ поваленной сосны, и человѣкъ отрубилъ ему голову топоромъ. Въ разсказѣ № 27 Столымы погибають отъ потопа.

Во всѣхъ этихъ преданіяхъ исполины, предшествовавшіе людямъ на землѣ ⁽¹⁾, являются безъ злобнаго характера, и это, по всей вѣроятности, представленіе первоначальное. Но въ иныхъ сказаніяхъ (№ 4 и 34) имъ приписываются свойства великановъ-людоедовъ, быть можетъ, подъ влияніемъ Нѣмецкихъ сказокъ, столь обильныхъ такими представленіями. Я слышалъ однажды ⁽²⁾ такое опредѣленіе: *Stuolem — to bѣl wielgi czlowiek, zli duch*. Наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ, на примѣръ, въ Западной Пруссіи, народъ иногда отождествляетъ Столымовъ съ *кржсизжаками* (крестоносцами); однако, одинъ Бытовскій поселянинъ говорилъ весьма опредѣлительно, что въ началѣ были на землѣ *стольники*, потомъ наступили *кржсизжаки*, и, наконецъ, явился родъ людской. О крестоносцахъ я никакихъ особенныхъ разсказовъ не слышалъ.

Еще болѣе Столымовъ распространена между Кашубами вѣра въ существова противуположнаго свойства, въ подземныхъ карликовъ. Это вѣрованіе тамъ всеобщее. Столымы уже не имѣють никакого значенія для человѣка; а съ подземными карликами ему до сихъ поръ приходится имѣть дѣло. Называютъ

(1) Одинъ Словинскій рыбакъ въ Гариѣ говорилъ мнѣ: *przed nami to bѣl jiny swiat, bѣli na swiece stuolemi*.

(2) Въ Гариѣ.

ихъ Словинцы и Кабатки — *drěmni* или, рѣдко, *drěbni*, т. е. *дробные* (маленькіе); у Кашубовъ въ собственномъ смыслѣ сохранилось названіе, по видимому, коренное—*krosnięta* ⁽¹⁾: между *дробными* и *кроснятами* не полагаютъ никакого различія. Отрываемя иногда въ Помераніи древнія кладбища, съ горничками, наполненными пепломъ и остатками костей, почитаются народомъ за мѣста погребенія *кроснятъ*. Черты этимъ существамъ приписываются повсюду одинаковыя. *Кроснята* или *дробные* живутъ подъ поломъ избы, хлѣва или сарая. Есть между ними старички съ длинными бородами, молодые люди, женщины ⁽²⁾ и дѣти; празднуютъ свадьбы, съ музыкою и плясками, и для этого собираются обыкновенно подъ полъ корчмы; они носятъ всегда красную шапочку, перебираютъ свои деньги; по ночамъ выходятъ иногда въ избу и прядутъ на самопралкѣ; любятъ, чтобы имъ ставили молока въ орѣховой скорлупѣ. Если домъ имъ нравится, то холятъ лошадей, кормятъ скотъ; если же прогнѣваются на хозяина, то уносятъ кормъ изъ конюшни и хлѣва, и лошади, скотъ худѣютъ, чахнутъ и умираютъ. Въ случаѣ особенной услуги, имъ оказанной, иногда приносятъ человѣку мѣшокъ съ деньгами. Такой же даръ можно получить отъ нихъ, если удастся сорвать съ одного изъ *кроснятъ* его красную шапочку: они непрежѣнно придутъ выкупать ее. Новорожденныхъ и некрещенныхъ еще дѣтей они подмѣниваютъ ночью. Если въ семьѣ родится карликъ, то вѣрятъ, что кроснята похитили у родителей младенца и взамѣнъ положили въ люльку своего ребенка. Украденное у людей дитя воспитывается кроснятами, чтобы потомъ быть у нихъ *ксендозомъ* (священникомъ). Ребенокъ, положенный ими взамѣнъ въ людскую семью, на первыхъ порахъ, все плачетъ, что онъ разлученъ съ

⁽¹⁾ Корень весьма древній: въ Санскритѣ *kr̥s* худѣть, *kr̥sā* худой, щедушный, Чешское *kr̥sati* худѣть, уменьшаться, *kr̥sek* карликъ. Отсюда же и наши *крога*, *крошты* и т. д. Въ Скаршевѣ (Schöneck), на границѣ Польскаго и Кашубскаго племени, *кросняты* называютъ *kr̥sniaki*.

⁽²⁾ *Кросняты* женскаго пола называютъ иногда *кросницями*.

своими. Для предупрежденія подѣла, необходимо стеречь младенца до крещенія, день и ночь, не смыкая глазъ. Впрочемъ, употребляютъ и другія средства, именно берутъ пасмо нитокъ, немытыхъ и небѣленныхъ, раздѣляютъ его руками и проводятъ ребенка трижды взадъ и впередъ сквозь отверстіе; также кладутъ подъ ребенка книжку или вѣночекъ (*korunka*), или же кладутъ новорожденнаго подъ лавку у печи. Въ приложеніи помѣщено нѣсколько разказовъ о *кроснятахъ* (№№ 5, 17, 24, 25, 28, 40, 45, 57) (1).

Самое страшное существо, пугающее фантазію Кашуба, это *влицій*. Подъ именемъ *влиціа* Словинцы и Кашубы обозначаютъ повсемѣстно то существо, которое другіе Славяне называютъ упыремъ. Названіе *упырь* вовсе не употребительно у Словинцевъ и Кашубовъ. Кашубы знаютъ его только на границѣ Польскаго племени; я тамъ слышалъ отъ нихъ не разъ: «то, что мы называемъ *vięzgszi* (2), это по-Польски *upior*». Если ребенокъ родится въ сорочкѣ, или какъ выражаются Кашубы, въ шапкѣ (*тиса*, *карка* или *сгарка*), то это, значить, будетъ *влицій*. Для предупрежденія чародѣйственной силы, нужно сжечь эту *шапку* и дать младенцу проглотить пепель. При жизни своей, *влицій* и *влиця*, по словамъ однихъ, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ людей; иные приписываютъ имъ качество чародѣевъ и вѣдьмъ; но главное свойство *влиціа* обозначается послѣ его смерти. Положенный въ гробъ, онъ сохраняетъ румянецъ въ лицѣ, и начинаетъ грызть себѣ руки и тѣло. Покуда онъ себя грызетъ, одинъ за другимъ болѣютъ и умираютъ всѣ его родственники. Когда онъ себя изгрызъ всего, гдѣ только можетъ достать зубами, и утанилъ за собою въ гробъ всѣхъ родственниковъ своихъ до послѣдняго, то онъ встаетъ изъ гроба ночью, взбирается на колокольню и звонить; и кто только, во всемъ околоткѣ, услышитъ этотъ

(1) Жители Гельской косы разказываютъ, что тамъ въ старину были *кроснята*, но что пришелъ корабль и забралъ ихъ; съ тѣхъ поръ они тамъ исчезли.

(2) Въ Лебѣ я слышалъ однажды вмѣсто *vięzgszi* названіе *vięzki*.

сверхъестественный звонъ, тотъ долженъ умереть. Для того, чтобы уничтожить смертоносную силу, нужно откопать гробъ, въ которомъ лежитъ вѣщій и перерубить ему горло лопатой. Въ прежнее время, коль скоро въ семействѣ нѣсколько чело- вѣкъ умирало одинъ за другимъ въ непродолжительное время. Кашубы прибѣгали къ этому средству и были увѣрены, что тѣмъ спасутъ жизнь остальнымъ родственникамъ *вѣщано*. Если между ними были уже больные, то для излѣченія единственнмъ средствомъ считалось—дать имъ выпить три капли крови, взятой изъ трупа *вѣщано*. Весьма недавно бывали еще случаи, что такимъ образомъ откапывали покойниковъ, при всей стро- гости закона, наказывающаго за оскверненіе кладбищъ. Если чело- вѣкъ заснетъ летаргическимъ сномъ и оживетъ, то его по- читаютъ *вѣщимъ*. Таковы главныя черты, съ которыми является народу *вѣщій*; на этой основѣ напуганное воображеніе рисуетъ много разнообразныхъ подробностей, которыя было бы беспо- лезно приводить здѣсь: читатель познакомятся съ ними изъ при- ложенныхъ сказокъ, №№ 6, 7, 8, 9, 36, 58. Но не могу не остано- виться на одномъ обстоятельствѣ, по которому Кашуб- ское представленіе о *вѣщемъ* заслуживаетъ особеннаго внима- нія: оно свидѣтельствуетъ, по моему мнѣнію, самымъ явнымъ образомъ о совершившемся, въ народной фантазій, процессѣ сращенія двухъ мифическихъ понятій, по существу своему со- вершенно разнородныхъ. У насъ родиться въ сорочкѣ есть при- знакъ особеннаго счастья. Кашубы родившемуся въ сорочкѣ придаютъ названіе *вѣщано*. Имя это, по своему коренному зна- ченію, очевидно не могло имѣть ничего общаго съ смертонос- нымъ упыремъ. Родившійся въ сорочкѣ былъ *вѣщимъ* въ дѣй- ствительномъ значеніи этого слова, т. е. одаренъ былъ сверхъ- естественною мудростью, и потому самому особеннымъ сча- стіемъ. Но, мало по малу, представленіе о благотворной му- драсти *вѣщано*, какое мы видимъ у древнихъ Славянъ, исче- заетъ, и въ понятіи народномъ выступаетъ все болѣе и болѣе другая его сторона, его сверхъестественная сила, и эту силу

болѣе поводовъ представить себѣ направленною на злое, нежели на доброе: *вльцй* становится злымъ чародѣемъ. Такъ у Сербовъ, гдѣ *вльцица* значитъ колдунья, вѣдьма. Остается теперь только, такъ сказать, специализировать понятіе о зломомъ *вльцемъ*, придать его злобѣ извѣстный характеръ дѣятельности. Это сдѣлали Кашубы, приписавъ ему свойства, специально принадлежавшія у Славянъ *унырю*, и отождествивъ эти два образа такъ, что самое имя *унырь* стало у нихъ лишнимъ и исчезло изъ ихъ языка. Когда совершился такимъ образомъ этотъ переходъ понятій, то и символъ счастья, сорочка, стала признакомъ злой силы, съ которою рождается *вльцй* ребенокъ, и, вмѣсто того, чтобы беречь ее, какъ у насъ, сдѣлалось нужнымъ ее сжигать, чтобы предупредить дѣйствіе злаго начала.

Менѣе ужасными, нежели *вльце*, но все таки пугая народное воображеніе, являются Кашубамъ *моры* ⁽¹⁾ (см. о нихъ рассказы №№ 10, 18, 19, 37). *Мора* есть дѣвушка, которая ночью, обернувшись невидимкою, отправляется душить свою жертву. Она способна принимать всякіе образы, являясь то кошкой, то собакой, то яблокомъ, то ниткой и т. дал. Вечеромъ, когда Кашубъ сидитъ въ своей избѣ, имъ иногда овладѣваетъ безотчетный страхъ: это, значитъ, *мора* его пугаетъ. Не зная куда дѣться, онъ спѣшитъ лечь въ постель, и тутъ то *мора* его давитъ, садясь ему на ротъ или захватывая горло. Онъ встаетъ на другое утро весь разбитый и говоритъ сосѣдямъ, что его въ эту ночь *mórgeża mora*. Для того, чтобы поймать *мору*, нужна чья нибудь посторонняя помощь. Пока ее жертва спитъ и она его душитъ, нужно, чтобы кто нибудь накинулъ на нее веревку или заткнулъ въ комнатѣ всѣ малѣйшія щели и скважины: тогда поймаютъ дѣвushку и если отпустить, то она никогда больше въ этотъ домъ не вернется. Есть также средство отогнать *мору*: именно, положить подъ изголовье ремень, вырѣзанный изъ кожи руками живодера. Женщины и дѣвushки - лунатики считаются въ народѣ *морами*.

(1) Онъ извѣстенъ также Полякамъ, Чехамъ, Сербамъ и друг. Славянамъ.

Кашубы вѣрятъ также въ вѣдьмъ (*czarownica*), но рассказы о нихъ, сколько я могъ замѣтить, навѣяны Нѣмецкими сказками о ночныхъ собраніяхъ вѣдьмъ на горѣ, объ ихъ *balax* (Кашубы знаютъ это слово) и т. под. Даже гора, на которой онѣ собираются, извѣстна Словинцамъ и бѣльшей части Кашубовъ подъ именемъ *Bloksberg*. Ближе къ границамъ Польскаго племени Кашубы знаютъ про *Лысую Гору* и называютъ такъ небольшую гору недалеко на западъ отъ Радунскаго озера, у деревни Ржеписка. Тутъ, по ихъ словамъ, бывають сборища вѣдьмъ (о такомъ сборищѣ см. въ приложеніи сказку № 2; см. также сказки о вѣдьмахъ №№ 20, 29, 30). Бывають также, по мнѣнію Кашубовъ *чаровніки*, т. е. колдуны. Если кто найдетъ *четвертую* изъ четырехъ подковъ лошади, завяжетъ ее въ узелъ платка, повѣситъ себѣ на шею, и отправится въ церковь, то Словинцы думаютъ, что онъ разглядитъ тамъ въ народѣ *чаровниковъ* и *чаровницъ*. Въ иныхъ мѣстахъ я слышалъ, что колдуновъ и вѣдьмъ можетъ разглядѣть въ церкви священникъ, когда идетъ съ дарами; онъ видитъ тогда у нихъ на головѣ шапки; но послѣ онъ не можетъ уже вспомнить и указать этихъ людей. Если сказки Кашубовъ о похожденияхъ колдуновъ и вѣдьмъ не представляютъ ничего оригинальнаго, то вѣра въ ихъ существованіе у нихъ такъ сильна, что еще въ 1849 или 1850 году на Междуморѣ (Гельской косѣ) народъ утопилъ одну женщину, подозрѣваемую въ колдовствѣ. По представленію Кашубовъ, вѣдьму можно узнать по тому, что, брошенная въ воду, она всплываетъ. Такъ случилось и съ этою женщиною. Ее насильно посадили въ лодку, выѣхали въ море и бросили: такъ какъ она не вдругъ пошла ко дну, то ее, какъ вѣдьму, тутъ же убили ударами веселъ. Повсемѣстно въ Кашубской землѣ можно слышать рассказы о томъ, что такимъ образомъ топили вѣдьмъ въ старинное время. Народъ помнитъ также, что ихъ жгли. Въ Бытовѣ рассказываютъ, что въ послѣдній разъ вѣдьму сожгли въ 90-тыхъ годахъ прошлаго вѣка.

У колдуновъ и вѣдьмъ дурной глазъ; Кашубы чрезвычайно вѣрятъ дурному глазу (*úrok, ugoczec* — сглазить; также *gusta*, т. е. чары) ('). Колдуны и вѣдьмы могутъ сглазить и испортить человѣка, напустить на него болѣзнь, могутъ сглазить скоть, домашнихъ птицъ и т. дал. Они могутъ дать человѣку съѣсть въ хлѣбѣ или картофелѣ *колтунъ*, который вслѣдъ за тѣмъ образуется у него на головѣ. Отъ глазу и порчи употребляются разныя средства:

Въ Избицахъ, въ ночь на Рождество Христово и на новый годъ, запираютъ хлѣвъ или конюшню висячимъ замкомъ, потому что тогда у колдуновъ и вѣдьмъ бываетъ особенная сила.

Въ день Богоявленія, Кашубы-католики, для отогнанія колдуновъ и вѣдьмъ, дѣлаютъ на воротахъ крестъ мѣломъ, который нарочно носятъ святить въ церковь.

Дѣлаютъ младенцу первую пеленку изъ рубахи его отца или вообще мужчины.

Если ребенокъ сглаженъ, то берутъ песку изъ-подъ трехъ колесъ одной телѣги и трижды его посыпаютъ этимъ пескомъ, или же даютъ ему выпить его собственной мочи.

Для предохраненія лошадей отъ глазу, привязываютъ имъ къ уздечкѣ красныя клочки сукна или ленты, а жеребятамъ обвязываютъ шею красною лентой.

Для излеченія цыплятъ, которыя сглажены и болѣютъ отъ этого, просовываютъ ихъ три раза сквозь брюки или три раза кропать человѣческою мочою.

Есть люди, способные *zdymac urok* (снимать дурной глазъ) со скота: для этого они должны положить въ теплую воду нѣсколько горячихъ углей и три раза плеснуть этой водой съ угольями черезъ сглаженное животное; если сглажены гуси, утки или куры, то кладутъ три угля въ миску съ водой и, какъ скоро угли потухнутъ, кропать птицъ изъ этой миски.

(') Если новорожденный не сразу возьметъ грудь у матери, то его считаютъ одареннымъ дурнымъ глазомъ.

Въ ночь наканунѣ Иванова дня знахари собирають извѣстныя травы и даютъ ихъ скоту и домашнимъ птицамъ, для предохраненія отъ чаръ.

Въ приложенныхъ «Образцахъ нарѣчія Кашубовъ» (1, 2, 32, 33, 39, 48) помѣщено нѣсколько сказокъ, въ которыхъ - являются черти, привидѣнія, змѣи и т. под. созданія народной фантазіи.

Прибавлю еще нѣсколько повѣрій и примѣтъ, записанныхъ мною у Словинцевъ и Кашубовъ.

Радуга (*tağa*), по всеобщему ихъ вѣрованью, пьетъ воду изъ моря, озера или болота и передаетъ ее облакамъ. Оттого она, по ихъ мнѣнію, предвѣщаетъ дождь. *Тага pije wuoda z morza, z blota или z jézega*, это опредѣленіе я слышалъ повсюду, смотря по тому, были ли по близости озеро, болота или море; *tağa wuoda ve wóbloki cigne* (тянетъ), говорили Словинскіе рыбаки, предвѣщая дождь. У Кашубовъ въ Западной Пруссіи существуетъ то же самое повѣрье, но радуга называется тамъ не *tağa*, а *taçza* или *teçza* (1).

Кукушка, по мнѣнію Словинцевъ, послѣ дня св. Якова превращается въ ястреба и остается ястребомъ всю зиму, до марта мѣсяца; тогда она принимаетъ свой прежній видъ.

Если аистъ въ первый разъ прилетитъ на крышу дома и въ ту минуту у хозяина вѣтъ при себѣ денегъ, то онъ будетъ безъ денегъ весь годъ.

Если курица запоетъ пѣтухомъ, то это предвѣщаетъ несчастіе.

Если двое сосѣдей имѣютъ пчелъ и одинъ изъ хозяевъ умретъ, то другой долженъ пойти къ пчеламъ и постучивая палкой по ульямъ, проговорить три раза: «*pszczołki, waju*

(1) Въ Хмѣльнѣ одинъ простолудинъ описывалъ мнѣ слѣдующимъ образомъ происхожденіе дожда и снѣга. «*Prómnienie (лучи) se zrobią take czéryvöne, co me zóveme taçze: to jeden konje z jédnego jézora pije, drugi z drúgiego, i z tego póchodzi deszcz i snieg. Kej pije, to bądze wiele deszcza pádało.*»

spółownik zamiar» (пчелки, вашъ соучастникъ умеръ); въ такомъ случаѣ пчелы у него останутся. Иначе онѣ улетѣли бы.

Если украдутъ чтонибудь (напримѣръ, хлѣба, масла и т. под.), то остатокъ отъ украденнаго нужно положить въ гробъ покойнику: въ такомъ случаѣ покойникъ втянетъ въ гробъ вора.

Когда у кого вѣтъ дѣтей, то онъ кладетъ подъ порогъ складной ножъ, открывъ его. Если жена ступить на порогъ и ножъ закроется, то будутъ дѣти; если ножъ останется открытымъ, то она вѣкъ будетъ бесплодна.

Когда замѣтятъ, что дѣвушка приглянулся паренъ и семья хочетъ ихъ развести, то надобно разнять по поламъ телѣгу, и въ ту минуту, когда дѣвушка входитъ со двора въ родительскій домъ, сдвинуть задній и передній ходъ телѣги.

Если въ день Рождества ктонибудь унесетъ кормъ у чужой скотины, то она откажется отъ ѣды и падетъ съ голоду.

Если въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, до восхода солнца, достануть воды, въ которой утонулъ грѣшный человекъ, ею умоются и напьются ея, то во весь годъ не пристанетъ никакая болѣзнь.

Если молоко скисается, когда его варятъ, то нужно плеснуть въ огонь немножко парнаго молока.

Въ теченіе девяти дней, считая отъ кануна Рождества Христова, женщины не должны касаться иглы и прялки: иначе скотина въ домѣ будетъ худѣть.

Если гусята болѣютъ, то, для излѣченія остальныхъ, нужно закопать одного больнаго гусенка въ землю на перекресткѣ.

Если кто украдетъ гусыню или свинью, назначенную на племя, то онъ приобретаетъ себѣ счастье, а у того хозяина, у котораго ихъ украли, всѣ остальные гуси или свиньи начинаютъ болѣть, не даютъ приплода и т. дал. Противъ этой бѣды есть тогда средство: закопать одного гусенка или поросенка въ хлѣву, такъ чтобы онъ носомъ пришелся подъ порогъ.

Для того, чтобы лошади были жирны, надобно украсть

печной листъ и прибить его гвоздями въ конюшнѣ или положить тамъ подъ переднія ноги лошади (1).

IX.

Народныя лѣкарства.

Мы уже привели, при исчисленіи повѣрій и примѣтъ Кашубскихъ, нѣкоторыя средства, употребляемыя тамошнимъ простонародьемъ для предотвращенія или леченія болѣзней. Медицина у Кашубовъ, какъ и естественно при той степени образованности, на какой стоитъ этотъ народъ, находится преимущественно въ рукахъ знахарей и знахарокъ. Хотя законъ заставляетъ сельскія общества имѣть повсемѣстно медиковъ, народъ къ нимъ обращается неохотно и только послѣ того, какъ средства, предложенныя знахарями, оказались не-дѣйствительными.

Народная медицина Кашубовъ изложена г. Цейновою, который, вышедши самъ изъ среды этихъ поселянъ и будучи медикомъ, имѣлъ возможность узнать ее во всей подробности. Онъ посвятилъ ея описанію свою докторскую диссертацию: «De terrae Pucensis incolarum superstitione in re medica (Berolini 1851)». Имѣя въ виду рѣдкость этой книжки, считаю полезнымъ изложить здѣсь ея содержаніе, для дополненія свѣдѣній, представленныхъ мною о Кашубскомъ народѣ.

Кашубы-католики, говоритъ г. Цейнова, питаютъ особенную вѣру въ цѣлебныя свойства разныхъ травъ, которыя должны быть освящены въ Воскресенье по Успеніи Богородицы, называемое *Nocnietszo Panna zelno* (2). Поселяне приписываютъ

(1) Эти пять послѣднихъ повѣрій заимствованы нами изъ диссертациі г. Цейновы: «De terrae Pucensis incolarum superstitione in re medica», о которой будетъ упомянуто ниже.

(2) Г. Цейнова исчисляетъ эти травы. Вотъ онѣ: pokce (Calendula off. ноготки), vjika (Convolvulus purpureum), makóvjica (макъ), beleca (бѣлена), ruta (рута), pokrętajik (Tanacetum vulgare, дикая рябина), zelte knopki (Chrysanthemum coronarium), kóscelnjica (Xeranthemum annuum, сѣроцвѣтъ), lilije (Lilium sal-

этимъ травамъ тѣ или другія опредѣленные свойства, руководствуясь обыкновенно случайными соотношеніями. Такъ, если у него выходитъ кровь съ мочою, то нужно употребить травы краснаго цвѣта; если кто страдаетъ колотьежъ,—то травы колючія, какъ напр. *Datura stramonium*.

Новорожденнаго ребенка моютъ водою, въ которую пригѣшанъ настой освященныхъ травъ. Такой же настой ставитъ подъ родильницу, для облегченія родовъ. Отелившаяся корова должна быть три раза напоена водою, въ которую опущены освященные травы и гребень: тогда она хорошо будетъ давать молоко. Въ первый разъ, когда выпускаютъ корову въ поле, кладутъ подъ порогъ черепокъ съ угольями, на которые брошено нѣсколько освященныхъ травъ, для того, чтобы ими окурить животное.

Отъ кровавой мочи употребляютъ также освященный маточникъ *Melissa officinalis*; отъ зубной боли — куренье изъ освященнаго дурмана *Datura stramonium*. Скоту, который переводится на пастбище, ему не нравящееся, даютъ освященные ноготки *Calendula officinalis*.

Г. Цейнова приводитъ нѣсколько примѣровъ огромнаго вреда и даже смерти, причиненныхъ употребленіемъ разныхъ травъ въ болѣзняхъ, для которыхъ онѣ не годятся, или въ чрезвѣрныхъ приемахъ. Сверхъ этихъ травъ, Кашубы носятъ святить въ церковь: воду и мѣлъ наканунѣ Богоявленія, хлѣбъ и соль въ праздникъ Св. Агаты (4 февраля); вѣтки жостери

didum и *bulbiferum*), *levēda* (*Lavandula spica*), *kōper* (укропъ), *kōlēder* (*Coriandrum sativum*, кишнецъ), *słonecznjik* (подсолнечникъ), *salota* (салатъ), *mjetkat* иначе *wurazeve drzevo* (*Mentha piperita*, перечная мята), *hokbaba* или *spica* (*Mentha crispa*), *klosztorni kviat* (*Solanum dulcamara*, глистовникъ), *gōdzik* (*Dianthus*), *biety klever* (*Melilotus alba*, доиникъ), *czerzwione baranki* (*Melissa off. matocznikъ*), *sztokrozo* (*Alica rosea*), *sloz* (*Malva*, просвирки), *bielun* или *vōstropōs*, (*Datura stramonium*, дурманъ), *czorni kōlēder* или *czorno gōrczeca* (*Sinapis nigra*, горчица), *vōstōdže* (*Inula Oculus Christi*, рѣзакъ), *szalvijo* (*Salvia off.*, шалфей). Кроми того, Кашубы святятъ еще слѣдующія травы, ботаническія имена которыхъ неизвѣстны г. Цейновъ: *kōrki*, *wudra*, *peperkrut*, *božedrzevko*, *panienki*, *arfrung*, *Kržíve zodrzevo* и *lajk* или *gromove zele*.

(*Rhamnus cathartica*, szatlach) въ Лазарево Воскресенье; вѣнки изъ травъ въ Страстную Пятницу; воду также въ Троицынъ день. Всѣ эти предметы имѣютъ потомъ свое употребленіе. Если молоко слишкомъ скоро скисается, то надъ нимъ нужно одинъ разъ положить освященный вѣнокъ. Кусочекъ освященнаго хлѣба и соли, данный скоту, предохраняетъ его отъ укушенія змѣи. Наканунѣ Рождества даютъ гусямъ, для здоровья, кусочекъ того же хлѣба. Въ случаѣ пожара, останавливаютъ огонь, посыпая на него освященной соли. Наканунѣ Иванова дня, для предохраненія отъ чаръ, дѣлаютъ на воротахъ кресты освященнымъ мѣломъ или смолою, а также прицѣпляютъ къ воротамъ вѣтку жостери (*Rhamnus cathartica*) и окропляютъ дощъ и хлѣвъ освященною водою.

Бородавки сводятъ прикосновеніемъ къ рукѣ покойника. Также лѣчатъ бородавки и всякіе наросты слѣдующимъ образомъ: у сосѣда крадутъ клокъ соломы и крѣпко трутъ имъ листь, на которомъ сажаютъ хлѣбъ въ печку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ послѣдній испеченный хлѣбъ, а потомъ тою же соломою, какъ можно крѣпче, трутъ бородавку; за тѣмъ бросаютъ эту самую солому въ печь, и въ это мгновеніе больной долженъ убѣжать какъ можно скорѣе, чтобы не видѣть и не слышать, какъ она горитъ.

Полотенце, которымъ вытерли умершаго послѣ омовенія, прикладывается къ лицу для излѣченія отъ рожи.

Отъ рожи Кашубы употребляютъ еще слѣдующія три средства:

1) Берутъ три соломенки и опускаютъ концами въ жидкую смолу. Потомъ дѣлаютъ на мѣстѣ, гдѣ образовалась рожа, каждою соломенкою по три креста, считая однако отъ девяти нисходящимъ порядкомъ. За тѣмъ покрываютъ больную часть льномъ или коноплей и даютъ больному выпить чашку кислаго или неснятаго молока съ девятью каплями жидкой смолы. Вся операція должна быть произведена среди глубокаго молчанія.

2) Надъ больною частію, которая должна быть обнажена,

меньшой изъ трюхъ братьевъ высъкаетъ девять разъ искру изъ кремня, начиная также считать съ девяти и кончая однимъ, и также при совершенномъ молчаніи. За тѣмъ больной долженъ плюнуть три раза.

3) Также заговариваютъ рожу произнося трижды слова: «остановись рожа, какъ Господь нашъ Исусъ Христосъ останавливался въ свои часы»; при этомъ творятъ крестное знаменіе и благословляютъ именемъ Отца и Сына и Св. Духа.

Противъ слабости и чахлости (atrophia) ребенка прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: берутъ всю одежду, какую ребенокъ надѣваетъ заразъ, и варятъ въ котлѣ, наполненномъ водою. Въ это время отецъ три раза обходитъ домъ и спрашиваетъ девять разъ черезъ окна: «Мать, что варишь?» Она всякій разъ должна отвѣчать: «Ростъ нашего дитяти». Или же разводять огонь на перекресткѣ и раскачиваютъ надъ нимъ ребенка крестообразно, по направленію дорогъ.

Если язычекъ распухнетъ и жѣшаетъ глотать, то нужно схватить на темени нѣсколько волосъ и трижды крѣпко дернуть къ верху.

Водяную или опухоль шулятъ у ребенка лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: три дня сряду, передъ выходомъ или заходомъ солнца, приносятъ изъ рѣки въ шайкѣ воды и выливаютъ въ тазъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ изъ рѣки три камня, кладутъ въ огонь и, раскаливъ, бросаютъ въ принесенную воду. Потомъ этою водою обливаютъ больную часть три или девять разъ.

Если ребенокъ страдаетъ судорогами или біеніемъ сердца, то его просовываютъ между перилъ телѣги. Также, въ случаѣ сильныхъ конвульсій ребенка, снимаютъ съ него черезъ голову рубашку, рвутъ ее на четыре части крестообразно и зарываютъ на мѣжѣ.

Средства отъ кровотеченія: берутъ камень, дѣлаютъ на немъ 3 креста, произнося трижды: «Во имя Отца» и проч., обмакиваютъ его въ кровь и потомъ кладутъ на прежнее мѣсто;

или же, что считается еще дѣйствительнѣе, вырубаютъ четыре клинушка изъ четырехъ ножекъ стула, сперва изъ задней ножки одного бока, потомъ изъ передней другаго, потомъ изъ передней ножки прежней стороны, наконецъ изъ остающейся задней ножки, и, обмочивъ кровью, тѣмъ же порядкомъ втыкаютъ ихъ назадъ.

Чтобы остановить кровотеченіе носомъ или ртомъ, Кашубы привязываютъ къ спинѣ мѣшечекъ съ каломъ гнѣдой кобылы — мужчинамъ, а гнѣдаго жеребца — женщинамъ.

Лѣченіе отъ *crusta lactea*: надобно, передъ восходомъ или заходомъ солнца, украсть три тычинки изъ трехъ плетней, на трехъ межахъ, сжечь ихъ, взять уголья и перебросить девять углей черезъ больного, начиная счетъ съ девяти и кончая однимъ. То же самое средство употребляется для излѣченія цыплятъ, на которыхъ дурнымъ глазомъ напущена болѣзнь.

Къ этимъ средствамъ народной медицины Кашубовъ, записаннымъ г. Цейновою, прибавляю еще два слышанные мною:

Чтобы лѣчить отъ рожи, знахарь идетъ утромъ до восхода солнца въ садъ и караулить, пока увидитъ, что кротъ выбрасываетъ землю изъ своей норки. Онъ бросается туда и старается схватить крота, такъ чтобы кротъ проскочилъ черезъ его руку. Когда это ему удалось, онъ идетъ къ больному и произноситъ надъ нимъ извѣстный заговоръ.

Отъ укушенія змѣи выкапываютъ яму, ставятъ въ нее укушеннаго босыми ногами и льютъ въ яму молоко.

Х.

Особенности языка Словинцевъ и Кашубовъ.

Нарѣчіе, на которомъ говорятъ эти послѣдніе остатки Прибалтійскихъ Славянъ, имѣетъ наиболѣе сходства съ Польскимъ языкомъ. Мы находимъ также въ разныхъ письменныхъ памятникахъ нѣкоторые обломки нарѣчія Славянскаго населенія,

жившаго въ старину на Эльбѣ и въ западной части Балтійскаго поморья. Обломки эти показываютъ, что языкъ прежнихъ Славянскихъ обитателей Мекленбургіи, Бранденбургіи и Люнебургскаго *Вендланда* близокъ былъ къ типу Польской рѣчи, но имѣлъ также свои характеристическія особенности. Это свидѣтельство признаковъ лингвистическихъ, подкрѣпляемое разными историческими фактами, наводитъ на мысль, что Польскій языкъ и языкъ Прибалтійскихъ Славянъ составляли одну общую вѣтвь Славянской рѣчи, вѣтвь, которую можно назвать Ляшскою, и что вѣтвь эта раздѣлилась на два нарѣчія, Польское и Прибалтійское, точно также какъ, на примѣръ, Русская вѣтвь раздѣлилась на нарѣчія Великорусское и Малорусское. Языкъ Кашубовъ и Померанскихъ Словинцевъ есть послѣдній живой остатокъ Прибалтійскаго нарѣчія, объемъ котораго въ средніе вѣка былъ, по крайней мѣрѣ, равенъ объему нарѣчія Польскаго, но которое несчастныя обстоятельства мало-по-малу стерли и стираютъ съ лица земли. Потому мнѣніе, господствующее въ образованномъ классѣ туземцевъ, будто Кашубское нарѣчіе есть лишь искаженный Польскій языкъ, совершенно ложно: это то же самое, какъ если бы кто нибудь сталъ увѣрять, что Малороссійскій языкъ есть испорченный Великорусскій. Но мнѣніе это могло легко составиться и весьма извинительно. Дѣло въ томъ, что Прибалтійское нарѣчіе угасло въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оно должно было имѣть всю полноту своего своеобразнаго типа, т. е. на берегахъ Эльбы и въ западной части Балтійскаго Поморья; мы его знаемъ только въ мѣстахъ, гдѣ оно граничитъ съ чистымъ Польскимъ языкомъ и гдѣ, естественно, въ говорѣ народа слышенъ переходъ къ этому языку. Представьте себѣ Малороссійскую рѣчь исчезнушею вездѣ, кромѣ какъ на пограничной чертѣ съ Великорусскимъ племенемъ, на примѣръ на рубежѣ Курской и Черниговской губерніи: въ такомъ случаѣ трудно бы было представить себѣ своеобразный типъ этого языка и освободиться отъ мнѣнія, что тамошняя рѣчь есть только искаженный мѣстный говоръ.

Постепенное приближеніе къ Польскому языку слышится, можно сказать, на каждомъ шагѣ Кашубской земли, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься отъ запада въ востокъ и отъ сѣвера къ югу. Потому нѣтъ никакой возможности опредѣлить, такъ сказать, нормальный типъ Кашубскаго нарѣчія, или можно это сдѣлать только условно, принявъ говоръ одной какой-нибудь мѣстности за норму, какъ пытался г. Цейнова въ изданныхъ имъ Кашубскихъ книжечкахъ. Онъ принялъ за норму рѣчь, господствующую въ его родинѣ, въ сѣверной, приморской части Вейеровскаго округа, въ Западной Пруссіи; но эта норма гораздо ближе къ Польскому языку, нежели нарѣчіе Кашубовъ и особенно Словинцевъ въ Помераніи, и гораздо дальше отъ него, нежели нарѣчіе Кашубовъ въ южной части Вейеровскаго и въ Картузскомъ и Косцержинскомъ округахъ.

Говоръ жалкихъ рыбаковъ и поселянъ, живущихъ около Гарденскаго и Лебскаго озеръ въ Помераніи и носящихъ названіе Словинцевъ и Кабатковъ, былъ для меня особенно любопытенъ тѣмъ, что въ немъ представляется это нарѣчіе съ наиболѣе своеобразными чертами. Если можно искать какого нибудь опредѣленнаго типа въ угасающихъ остаткахъ нарѣчія Прибалтійскихъ Славянъ, то должно брать его именно въ деревняхъ Померанскихъ Словинцевъ и Кабатковъ. Потому я постараюсь указать на важнѣйшіе признаки тамошняго говора.

1) Гласная *a* переходитъ въ *o*, обыкновенно, когда она приходится подъ удареніемъ, всегда, когда она долгая. Вліяніе долготы замѣтно особенно въ грамматическихъ формахъ; напримѣръ *duobro żona, wielgó rëba*: *jo* или *ja*; *znaja, tã znosz, wõp znõ* (въ формахъ *duobro, wielgó, znosz, znõ* было долгое *a*, ибо оно произошло въ слѣдствіе контракціи). Постоянно переходитъ *a* въ *o* также въ окончаніи причастія на *аннйй*, напр. *poddõni, wõteslõni* (отосланный); *o* въ этомъ случаѣ произносится чрезвычайно протяжно. Вообще же слышно постоянное колебаніе между *a* и *o*, особенно подъ удареніемъ; одинъ и тотъ же человекъ произнесетъ то *ja*, то *jo*, то *gadac*,

то *godoc*, то *godac*, ибо, собственно, тутъ существуетъ звукъ средній между обѣими гласными, склоняющийся то въ ту, то въ другую сторону и неуловимый на письмѣ.

2) Послѣ согл. *r* въ началѣ словъ *a* переходитъ въ *e*: *respic* (расти), *wón res*, *gedosc*, *gemia*; но слышно также *gadosc*, *gad* и т. п. Переходъ *a* въ *e* встрѣчается и въ другихъ случаяхъ; я его слышала особенно часто у Померанскихъ Кашубовъ, когда на *a* нѣтъ ударенія, напр. *on gade* (говорить), *on gadel*, *oní gedáli* и т. п.

3) Гл. *o* подъ удареніемъ (и часто даже безъ ударенія) разлагается въ двугласную, похожую на *oä* или *uä*, въ которой звукъ главнымъ образомъ упирается на *e*; двугласную эту я приняла изображать знакомъ *ö* (¹). Въ сѣверной части Западной Пруссіи (въ нарѣчій, на которомъ пишутъ г. Цейнова) этотъ переходъ особенно употребителенъ и имѣетъ мѣсто постоянно послѣ согласныхъ губныхъ (*b*, *p*, *v*, *w*, *m*) и гортанныхъ (*g*, *k*, *ch*). Въ началѣ словъ, *o* очень часто получаетъ этотъ же звукъ, но тогда первая часть двугласной, именно *o* или *u*, бываетъ слышна сильнѣе, ибо съ нею сливается придыханіе *w*, которое Кашубы, подобно многимъ другимъ Славянамъ, присовокупляютъ къ гласнымъ, начинающимъ слово. Впрочемъ, въ этомъ произношеніи гласной *o* господствуютъ величайшіи произволь, особенно у Словинцевъ и Померанскихъ Кашубовъ: вы услышите то *chodzic* съ чистымъ *o*, то *chódzic*, то *won* (онъ), то *wón*, иногда даже *wup* и наконецъ чисто *on*, и все это въ рѣчи одного и того же человѣка. (Замѣчу кстати, что начертаніе *w* обозначаетъ такое *e*, которое подходитъ къ полугласному звуку, какъ *e*, замѣняющее *ä* въ Малороссійскомъ языкѣ или какъ Англійское *w*, а что чистое *e* выражается буквою *v*). — Иногда *o* переходитъ въ долгое *u* (*wón púdze*, поидеть), иногда въ *ou* (*Buog*, *duobri*).

(¹) Г. Цейнова пишетъ *ö*, но я счелъ лучшимъ предоставить знакъ *ö* для изображенія обмкновеннаго *o* съ удареніемъ.

4) Гласныя *y* (*ы*), *u* (*у*) и *i* (первая почти всегда, вторая изрѣдка подѣ удареніемъ и не въ началѣ слова) переходятъ въ краткое *e*, весьма открытое, которое изображается мною знакомъ *ě*: напр. *běl* (быль), *gěba* (рыба), *palěsa* (палка), *děsza* (душа). Въ нѣкоторыхъ словахъ *y* (*ы*) произносится и какъ *i* (*pitac*, спрашивать; впрочемъ, собственные Кашубы говорятъ *řetas*), а въ словѣ *punia* (нынѣ), употребляемомъ Словинцами и Кабатками, звукъ *y* (*ы*) слышится довольно чисто. Въ окончаніяхъ, *ы*, когда на немъ нѣтъ ударенія, имѣетъ звукъ колеблющійся между *ě* и *i* и чаще подходящій къ первому въ формахъ женскаго склоненія (гѣбѣ рыбы, бѣлѣ были, въ женскомъ родѣ, Польск. *były*), — ко второму въ окончаніи прилагательныхъ именъ, *ыи* (*duobri*, *dóni* данный); когда же на это окончаніе падаетъ удареніе, то *i* произносится весьма явственно и протяжно (*złi*, *chori* больной и т. п.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Своржевѣ и около Пудка, а также въ Хмѣльнѣ (въ Картузскомъ округѣ) гласн. *u* (*у*) въ серединѣ словъ часто получаетъ звукъ Французскаго *u* или Нѣмецкаго *ü* (*drügi*, *glüpi*).

5) Носовые звуки весьма явственно произносятся Словинцами и Кашубами и имѣютъ у нихъ самые разнообразныя отгѣнки, такъ что Польскія *ą* и *ę* произносятся тамъ то какъ *añ*, то какъ *eñ*, то какъ *oñ*, то какъ *uñ*. Въ Хмѣльнѣ и сосѣднихъ деревняхъ *ą* въ концѣ словъ часто произносится какъ *um* (напр. *z sobum*). Не смотря на то, что носовой звукъ часто слышенъ такъ выразительно, что онъ приближается къ согласной *n*, онъ однако столь же часто скрадывается, и при этомъ носовыя гласныя превращаются и въ *a*, *e*, и въ *o* и наконецъ въ *u* и *ou* (*y* и *ou*). Такимъ образомъ въ произношеніи Померанскихъ Словинцевъ и Кашубовъ являются совокупно всѣ видоизмѣненія, какимы только носовыя гласныя подвергались въ разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, и это въ одной и той же мѣстности и въ однихъ и тѣхъ же словахъ. Такъ Словинецъ произнесетъ то: *ja bañdañ*, *wóñi bañdañ*, то: *ja boñdañ*, то: *ja buñdañ*, *wóñi buñduñ*, то: *ja badañ*, то: *ja bodañ*, то: *ja budu*,

wóni bodo, wóni budu; слышно zamb, zumb, zob, zub; stampic, stopic; stupic, stoupic; sañ, señ, sa, se (—са) и т. под. Записывая слова этихъ поселянъ, я старался всякій разъ изображать вѣрно оттѣнки носовыхъ звуковъ, и для того принялъ, кромѣ Польскихъ знаковъ ꙗ (которое должно быть произносимо въ Кашубскихъ словахъ какъ ай) и ꙗ, еще начертанія о и ѹ (о и у съ носовымъ звукомъ).

6) ѵ и ѹ, превращающіяся въ Русскихъ словахъ въ бѣглыя о, е, въ Польскихъ въ е, ie, пропускаются, какъ въ нарѣчи Лужицкихъ Сербовъ: напр. dobětk (скотъ), ftaszek (пташка Польск. ptaszek), junc (бычокъ), wiechc (клокъ соломы, Польск. wiecheć) и т. д.

7) Въ корняхъ, гдѣ за согласною r (р), стоящею послѣ другой согласной, слѣдуетъ а, и гдѣ въ Русскомъ языкѣ это сочетаніе переходитъ въ *оро* (напр. врана—ворона), Словинцы обыкновенно ставятъ гласную а (или о) впереди, напр. rarch (пражъ, т. е. пыль), rarsa (поросенокъ), rog (произносится почти какъ roch), во множеств. rargi (порогъ), wagna (ворона), skowonk (жаворонокъ), sarka (сорока), chogna или chagna (пища, Сербск. храна), wagna (борона), rowog-z (веревка, Польск. rowóg), rargac (папоротникъ), róstornk (постройка), wógard (садъ, Польск. ogród), zogarda (загородка въ амбарѣ) и т. д. Но это древнее свойство языка Прибалтійскихъ Славянъ не сохраняется во всѣхъ словахъ (напр. говорятъ broda борода) и исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ границамъ Польской рѣчи.

8) Смягченіе согласныхъ d, t, r въ dz, c, rz производится постоянно, какъ у Поляковъ; но характеристическую особенность произношенія Кашубовъ и Словинцевъ составляетъ то, что dz, z, c и s не терпятъ за собою смягченной гласной; они говорятъ, напр., dzenj, zogno, siebie, wapo (сѣно) и т. д.

9) G смягчается въ z, а не въ dz, какъ у Поляковъ, напр. dręzi (другіе), poze (ноги, двойств. ч.) и т. д. K смягчается иногда въ tj въ именит. множ. ч. именъ прилагатель-

ныхъ на *ski*, напр. *Kaszëbstji*, *Slovinstji lëdze* (люди); но часто слышно также *Kaszëbski*, *Sloviniski lëdze*.

10) Тьердое *ĭ* (*л*), какъ было уже замѣчено выше. выговаривается Словинцами какъ среднее *l* (подобное Французскому, Нѣмецкому, Чешскому или Сербскому *l*), Кабатками и Кашубами какъ *w* или полугласное *ÿ*, подобно Верхне-Лужицкому *ĭ* и Малороссійскому *o*, замѣняющему твердое *л* въ концѣ словъ и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Между Кашубами только такъ называемые *Bëllëci* (см. выше) произносятъ твердое *ĭ*, подобно Словинцамъ, какъ *l*.

11) Ударенія въ рѣчи Словинцевъ и Кашубовъ совершенно отличаются отъ Польскихъ и разнообразіемъ своимъ не уступаютъ Русскимъ. Удареніе бываетъ острое и протяжное. Всего болѣе любимо, какъ кажется, удареніе на третьемъ слогѣ съ конца, но бываетъ также и на четвертомъ, и на предпоследнемъ и часто даже на последнемъ⁽¹⁾. Правило тутъ опредѣлить тѣмъ менѣе возможно, что одно и то же слово принимаетъ нерѣдко разныя ударенія, напр. *wôna* и *onâ*, *wôni* и *ôni* (она, они), *trégi* и *tregi* (назадъ, Сербск. *натрагъ*), *kórznie* и *korzénie* (корни) и т. п. При сочетаніи односложнаго слова (предлога или мѣстоименія) съ двусложнымъ, удареніе почти всегда переходитъ на первое (напр. *jó budâ* я буду, *nâ dumie* на домъ и т. под.). Удареніе на последнемъ слогѣ особенно часто имѣютъ двусложныя прилагательныя, напр. *sëzi*, *sezó*, *sëzé* (чужой, чужая, чужое), *chorí* (больной), *zôltí*, *gorzki*, *svardí* (твердый), *prostí*, *dlegí* (долгий), *dzeví* (дикий) и т. д. Въ склоненіяхъ и спряженіяхъ удареніе часто перемѣщается, и перемѣщеніе это употребляется, гдѣ нужно, для различія сходныхъ формъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого перемѣщенія: *jájo* яйцо, *pol jajô* полъ-яйца, *v jajú* въ яйцѣ, *jája* яйца, *jój* яиць, *na jajích* на яйцахъ; *dôsh*, *duóm*, *dom*,

(1) Въ Хмѣльнѣ и окрестныхъ деревняхъ (яа западъ отъ г. Картауза) удареніе постоянно звучитъ на первомъ слогѣ слова, какъ у Лужичанъ и Чеховъ.

dôma, v domû, ná dumie, dúmy (домы), s dumô' (съ домовъ), ve dumách; rǎka рука, rǎka или rǎko руку, rǎkǎ, rǎkó, rǎkú рукою; žolti kviáti желтые цвѣты, s temi žolti kviáti съ этими желтыми цвѣтами; lědzi или lědze люди, lědzi людей, dzéci дѣти, dzeci дѣтей; viélgi czloveik, viélgi lědze; biérze беретъ, biérzece берете, bierzé бери, bierzéce берите; przíndzece придете, przíndzéce придите и т. д.

12) Въ склоненіи именъ существительныхъ характеристична форма *ǎ*, служащая окончаніемъ творительнаго падежа единств. ч. мужск. и средн. родовъ (напр. *czloveikǎ*, *Boǒǎ*, *slovaǎ*). Не говоря о многихъ архаическихъ формахъ (какъ-то творит. множ. на *ы* и мѣстн. множ. на *ьхѣ*), замѣчу еще, что двойственное число весьма рѣзко отдѣляется отъ множественнаго въ окончаніяхъ именит. и винит. падежей женскаго и средняго рода, напр. *dvie córce* (дочери), *trze córki*; *dvie njásce* (двѣ женщины, *njásca* = невѣста), *trze njástě*; *dvie sztěze*, *trze sztěgi* (*sztěga* — собирательное имя, означающее двадцать); *dvie kópie*, *trze kópě* (*kópa* — шестьдесятъ), *dvie szpróce* (*szpróka*, съ Нѣмецкаго, языкъ), *dvie lece*, *trze lata* и т. д.

13) Въ склоненіи именъ прилагательныхъ замѣчательно окончаніе родительнаго падежа на *ewo* вмѣсто Польскаго *ego* (*duóbrewo* добраго, *viélgewo*, *sviátewo* и т. д.); то же самое въ мѣстоимѣніяхъ: *jewo*, *tewo* или чаще, что правильнѣе, *towo*, *vzewo* и т. п. Нерѣдко это окончаніе сокращается и произносится *duóbre'o* или просто *duóbrô*, *je'o*, *to'o* или *tô*. Это окончаніе *ewo* слышится только у Словинцевъ и Кабатковъ и въ ближайшихъ къ нимъ Кашубскихъ деревняхъ въ Помераніи; далѣе на востокъ произносятъ *eho* (*viélgeho*, *jeho*), а на границахъ Польскаго племени *ego*.

14) Относительно мѣстоименій, кромѣ особенностей, протекающихъ изъ законовъ фонетическихъ, обращу вниманіе на сокращеніе, весьма обыкновенное, словъ *onen*, *onâ*, *ono*, *oni* въ 'nen (оный), 'nâ, 'no, 'ni.

15) Спряжение отличается отъ Польскаго преимущественно

полнымъ окончаніемъ аѣ вмѣсто амъ въ 1-мъ л. настоящаго вр. глаголовъ на ас; полнымъ развитіемъ двойственнаго числа; несокращенными окончаніями повелительнаго и многими старинными формами. Вотъ нѣсколько образчиковъ спряженія у Словинцевъ:

Jo jem (есмь), tѣ jes, on je или эмфатически, on jesta; ma jesma, va jesta, ona jesta; mѣ jesmѣ, vѣ jesse, oni su или эмфатически jesu; jo jem bѣl; bадзи и bадzѣ (будь), bадzѣce (будьте); ja bадa, tѣ bадzesz, on bадze, ma bадzema, va bадzeta, ona bадzeta, me bадzemѣ, vѣ bадzece, oni bадu; bадu; bѣvszѣ; bivѣni (!); bѣc (быть).

Ja jѣm (ѣмъ), jѣs, jѣ, jѣma, jѣta, jѣmѣ, jѣce, jedzа; jes (ѣшь); jad, jадla; jedzѣni; jesc.

Viem (вѣдаю), vies, vie, viema, vieta, viemѣ, (изрѣдка vismѣ), vice, viѣdзa; viedzec.

Jidа, jidzesz, jidze, jidzema, jidzeta, jidzemѣ, jidzece, jidu; jidzѣ (иди), jidzѣce; szed, szla; jiduc или jiduc, jidzѣni; jic.

Jadа (ѣду), jѣdzesz, jѣdze, jѣdzema, jѣdzeta, jѣdzemѣ, jѣdzece, jадu; on jol (ѣхалъ), jѣni; jachac.

Ca (хочу), cesz, ce, cema, ceta, cemѣ, cese, co (хотятъ); cel; cѣni; sec.

Znâje, znâjesz (иногда znasz, znosz), znâje; znâjema, znâjeta, znâjemѣ, znâjece, znâju; znoj; znol; znѣni; znajuc; znoc.

Gadaje (изрѣдка gada, говорю), gâdasz или gâdosz, gâda или gâdo, gâdoma, gâdota, gâdomѣ, gâdoce, gâdaja (изрѣдка gâda); gâdoj; gâdol; gadѣni; gadac.

Czinią (дѣлаю), czinisz, czini, czinima, czinита, czinimѣ, czinice, cziniу; czini, czinice; czinil; cziniuc; cziniѣni; czinic.

Cigną (тяну), cigniesz, cignie, cigniema, cignieta, cigniemѣ, cigniece, cignу; cęgni, cęgnece; cignunl; cigniѣni; cignуc.

Странную особенность спряженія у Словинцевъ составляютъ сокращенныя формы. Въ одномъ словѣ мы находимъ аналогію

(!) О значеніи этого причастія будетъ сказано ниже.

этому въ Словинскомъ нарѣчїи въ Крайнѣ; именно, Словинцы Померанскіе, точно также какъ ихъ соименники въ Норическихъ Альпахъ, часто сокращаютъ глаголь *буду*, и говорятъ: *ja bom, tѣ bosz, on bo, ma boma, va bota, ona bota, mѣ bomѣ, vѣ boce* (1). Кромѣ того, Померанскіе Словинцы говорятъ: *on mѣ' вѣ. moѣ, pѣmѣ вѣ. pomѣ, mѣ'ce вѣ. moѣse; on pѣ' вѣ. pѣdze* (пойдетъ), *on przi вѣ. przidze, tѣ przisz вѣ. przidzesz, ma prziма вѣ. przidzema, on uczi' вѣ. uczinil*. Заимствованный у Нѣмцевъ глаголь *кѣгас* (достать, получить) обыкновенно является въ сокращенной формѣ: *кѣас, jo кѣ, tѣ krosz* или *кѣasz, on кѣа* или *кѣѣ* и т. д.; прошедшее *кѣгал* и *кѣѣ*. Наконецъ сокращается часто форма прошедшаго спрягательнаго причастїя въ двойств. числѣ и въ женскомъ родѣ единств. числа, напр. *она miá' вѣ. miála* (имѣла), *она przegná' вѣ. przegnála, она kazá' вѣ. kazála, она wiedzá' вѣ. wiedzála, она zná' вѣ. znála* и т. д. (все это одинаково въ женск. единств. и въ двойств. мужеск. рода). Какъ послѣднюю особенность Словинскаго глагола отмѣчу образованіе прошедшаго сложнаго и давно-прошедшаго съ причастїемъ страдательнымъ, но съ значенїемъ дѣйствительнаго. Это есть чистый германизмъ, который какъ и многія другія конструкціи, обезобразилъ Славянскую рѣчь въ устахъ Померанскихъ и Западно-Прусскихъ Словинцевъ и Кашубовъ. Такъ Словинцы говорятъ: *jo jem bivóni = ich bin gewesen, ja mom zaběto = ich habe vergessen, on mo uczinióhe = er hat gethan, on mial zapisóne = er hatte aufgeschrieben*, и мн. т. под.

(1) Въ третьемъ лицѣ множест. ч. сокращенная форма не употребляется.

ОБРАЗЦЫ НАРѢЧІЯ

Померанскихъ Словинцевъ и Кашубовъ.

I.

НАРѢЧІЕ СЛОВИНЦЕВЪ.

1.

Сказка о поѣздѣ мальчика въ адъ.

Běl wotc, ten miał se svou żonu sedmioro dzieci, a ga to wósmie mialo przec nâ sviat, mialo są wúrodzec, te przî zli duch. A ten wotc 'col kúmotro miec, nicht nie chcol stojec, abo wón běl wúbogi. A te wón jidze przez las. Tako są nalêze zli duch dó niewo, a pita gdzie wón jidze. Wón rzek eż chcol miec kúmotra, dwu wón miol, a trzécewo nie mók nalezc. A te zli rzek: «jâ budą też stojel»; a rzek zli duch, ga woné sa wuródzi, to wón bē nie vzol. A tako sa wúrodzil wotrok. Tako wón rzek, eż ga budze trzé lata store, to wón bē jewo vzonl. A te wotc chodzi lik pláczuce, a rzek zli: «huja, nie placz, wón slécha mnie». A ga wón běl trze lata, tako wón mok vnet kazac, Pan Bog mu dal eż běl jakó ksodz, a rzek wotcu: «nie placzíce, wón mie nie kró». Tako przî zli duch, a wón veznie bíblejo, á idze dó ksódza, a rzecze ksódu: «tako a tako to jé, moj wotc mie miol przedónewo zlemu duchu». Tako jidze ksodz s nim v cerki, as jewo przeżegno. Tako ga wón miál jewo przeżegnóni, wón jidze bŭten s cerkwie, a zli duch lik ú jewo stojol. Tu běl wielki kâme, tako wón sa vsâdzi nó ten kâme, asté pocznie kâzac, a tako zli muszi przecz wót niewo. A wón tako res, co běl jako swieczka zbiegli. A wón chcol jic ve vandrâni, a wotc bardzo placze.

Tako ga wón jewo abszejdol (wó dtegnol), a ga wón sred na vandráni. wón při ve wielgi las a maléze moordarza, ten kleczol na kolaniech. a běla jábloň. jená minò, a jená kwasnò, te jabka běli jánielowie. dusze co wón mial pomordòne, ten moordarz. Tako moordarz pita. dokud ten wotrok jol (a wón mial najanti wòz). A wón rzek ež wón jol dó piekla, ež chceł miec swoje szrefte trěgi. Tako moordarz rzek: pětój gdje jò przidą do legunio. Wón rzek, wón bě jemu to správil. A ga won při dó piekla, tako wón zaklepie a pito. Te 'ni mu wótemkli, a njewo pítali, co wón 'col. A wón rzek, wón 'col miec sve pismio. Tako tą nié bil zli, tako 'ni za nim múzeli trąbic, a ga wón przeszed, to przeszed taki wulúmni, a pismio niemu muszel dac. Tako ten wotrok pito, gdzie bě ten moordarz przeszed do leženio, tako 'ni rzekli, na Remiászowe loža, tą běli gótowe nuoze, na chterych wón mial ležec. Tako wón rzek že mial jemu to rzeć; a wón běł vo cali ruok pricz, a ga wón przejedze zas do moordarza, te moordarz kleczy, a běł dicht call wóbrosli. Ga wón dó niewo při, as jemu rzek, tako a tako. A ga wón jewo przézegnol, to wón spad dó grěpe ako proch, a vszetki jabka zginonle. Te ga wón przejedze duó dom, wotc ni mok poznac jewo. A potem pito: «jes tě tó, Ernst Frídrichu?» Rzek: «ja, tatò, to jò jem.» Tako wotc na kolána a placze, a wón rzek: «wojeze, nie placzice, jo jem v duóbrim stónie, jo mom pjondze, jo mom vszewó bokádosc». Tako wón jidze duó pana ksondza ale ksodz go nié poznal, a pita jewo, co wón zocz běł. Rzek: «jo jem ten co see vě przezegnuóli». Tako ksodz rzek, wón mial dó niewo bén jic. Ale wón rzek: «nie, ni mogą». Tako ksodz rzek: «tě moż' bée ksandzą». A ten wotrok rzek takó: «nie, ni buda ksandzą, jo 'ca jesz v swiecco wó bezdrzec, jako v swiecco jidze. Nynia wóstanice z Bogą, a ja púda svo droga».

Для облегченія пониманія этихъ образцовъ Померанско-Словинскаго нарѣчія, прилагаю дословный переводъ первой сказки; въ слѣдующихъ достаточно будетъ объясненія нѣкото-

рыхъ словъ и оборотовъ, тѣмъ болѣе, что въ приложенномъ ниже глоссаріи объяснены слова, составляющія особенность Кашубскаго нарѣчія.

Считаю небезполезнымъ напомнить здѣсь, что въ этихъ образцахъ нарѣчія Померанскихъ Словинцевъ и Кашубовъ мною употреблено Польское правописаніе, — такъ какъ оно уже для него принято, — съ нѣкоторыми необходимыми дополненіями, о которыхъ я упомянулъ выше, и что затѣмъ надобно читать:

- ą всегда какъ ай, т. е. какъ носовое а;
- ę какъ носовое е;
- o какъ о носовое или какъ Польское ą;
- u какъ носовое у (и);
- c какъ ц, sz какъ ч, sh какъ ш;
- e всегда какъ твердое е, ie какъ е мягкое, ia какъ я, io какъ Русск. ё, iu какъ ю;
- ë какъ краткое, весьма открытое, твердое е;
- l въ нарѣчіи Словинцевъ какъ среднее (напримѣръ Французское или Нѣмецкое) l, въ нарѣчіи Кабатковъ и Кашубовъ какъ Польское (смягченное) l;
- ł какъ полугласное ŷ или какъ e въ Малороссійскихъ словахъ знаєть, вѣзеть, или наконецъ какъ Кашубское же и Англійское w;
- o какъ двугласная oŃ или uŃ (oŃ, ŷŃ), съ удареніемъ на послѣдней половинѣ двугласной;
- o какъ простое о съ удареніемъ, а не какъ Польское ó;
- rz какъ Польское rz (рж); r-z какъ рз;
- sz какъ ш;
- uo какъ yo (двугласная);
- ü какъ Нѣмецкое ü или Французское u;
- v какъ простое (Русское) в;
- w какъ полугласное ŷ или какъ Англійское w;
- у какъ ѡ, но нѣсколько мягче, ближе къ и, чѣмъ Русскій звукъ ѡ;
- z какъ з, ź какъ ж.

Гдѣ удареніе не отиѣчено, оно ставится какъ въ Польскоу языкѣ, т. е. на предпоследнемъ слогѣ.

Знакъ ударенія ^ поставленъ тамъ, гдѣ гласная должна произноситься протяжно.

Переводъ.

Былъ отецъ, онъ имѣлъ съ своею женою семерыхъ дѣтей, а когда восьмое должно было прійти на свѣтъ, должно было родиться, то пришелъ злой духъ. А отецъ хотѣлъ имѣть кума, но никто не хотѣлъ стоять у него (восприемникомъ ребенка), потому что онъ былъ бѣденъ. Тогда онъ идетъ лѣсомъ. Тутъ встрѣчается ему злой духъ, и спрашиваетъ, куда онъ идетъ. Онъ сказалъ, что хотѣлъ найти кума, что двоихъ онъ имѣлъ, но третьяго не могъ найти. А злой сказалъ: «я тоже буду стоять (восприемникомъ)»; и злой духъ сказалъ, что когда дитя родится, онъ его возьметъ ⁽¹⁾. Такъ родился мальчикъ. Такъ онъ сказалъ, что когда ему будетъ три года отъ роду ⁽²⁾, онъ его возьметъ. А отецъ все ходитъ плача, а злой сказалъ: «Эй не плачь, онъ мнѣ принадлежитъ». А когда ребенку было три года, онъ могъ бы хотъ сейчасъ проповѣдывать, Господь Богъ далъ ему (даръ), такъ что онъ былъ, какъ священникъ, и онъ сказалъ отцу: «Не плачьте, онъ меня не получить». Такъ пришелъ злой духъ, а (ребенокъ) взялъ библию и идетъ къ священнику и говоритъ священнику: «такъ и такъ, мой отецъ продалъ меня злomu духу». Такъ священникъ идетъ съ нимъ въ церковь и благословляетъ (конфирмируетъ) его. Когда онъ его благословилъ (конфирмировалъ), онъ выходитъ вонъ изъ церкви, злой духъ тутъ-же подлѣ его. Тутъ былъ большой камень: такъ онъ усѣлся на этотъ камень, и началъ проповѣдывать, такъ злой долженъ былъ (отойти) отъ него прочь. А онъ такъ росъ, что былъ тонокъ, какъ свѣча. Онъ

(1) Въ подлинникѣ германизмъ: er würde es nehmen.

(2) Въ подл. германизмъ: drei Jahre alt.

захотѣлъ итти странствовать, а отецъ сильно плачетъ. Такъ онъ отпустилъ его, а когда онъ шель на странствіе, то онъ пришелъ въ большой лѣсъ, и нашель убійцу: этотъ (убійца) стоялъ на колѣняхъ, и была яблонь, одна сладкая, другая кислая, и яблоки были ангелы, души тѣхъ, которыхъ онъ убилъ, этотъ убійца. Такъ убійца спрашиваетъ, куда онъ ѣхалъ (а онъ нанялъ телѣгу). А онъ сказалъ, что ѣхалъ въ адъ, что онъ хотѣлъ получить назадъ свою записъ (записъ, данную его отцомъ злomu духу). Такъ убійца сказалъ: «спроси, гдѣ мнѣ придется лежать». Онъ сказалъ, что сдѣлаеть для него это. А когда онъ пришелъ къ аду, такъ онъ постучался и спрашиваетъ. Они ему отворили и спросили, чего онъ хотѣлъ. А онъ сказалъ, что хотѣлъ получить свою записъ. Тамъ злаго (духа) не было, такъ они должны были трубить за нимъ, а когда онъ пришелъ, то пришелъ такой разслабленный, и принужденъ былъ отдать ему записъ. Такъ мальчикъ спрашиваетъ, гдѣ придется лежать тому убійцѣ, такъ они ему сказали: на Реміашевомъ ложѣ, тамъ готовы были ножи, на которыхъ онъ долженъ будетъ лежать. Такъ онъ сказалъ, что передастъ ему это; а онъ былъ цѣлый годъ въ отлучкѣ, и когда пріѣхалъ опять къ убійцѣ, то убійца стоялъ на колѣняхъ, и весь обросъ. Когда онъ къ нему пришелъ, то онъ сказалъ ему, такъ и такъ. А когда онъ перекрестилъ его, то онъ обвалился (1), какъ пыль, и всѣ яблоки исчезли. Когда онъ пріѣхалъ домой, отецъ не могъ узнать его, а потомъ спрашиваетъ: «ты ли это, Эрнстъ-Фридрихъ?» Онъ сказалъ: «да, тятенька, это я». Такъ отецъ на колѣни и плачетъ, а онъ сказалъ: «отецъ, не плачте, я въ хорошемъ состояніи, я имѣю денегъ, я имѣю всего довольно». Такъ онъ идетъ къ господину священнику, но священникъ не узналъ его и спрашиваетъ его, кто онъ такой. Онъ сказалъ: «я тотъ, котораго вы благословили (конфирмировали)». Такъ священникъ сказалъ,

(1) Въ подлинникѣ германизмъ: er fiel zusammen.

чтобы онъ вошелъ къ нему, но онъ сказалъ: «нѣтъ, не могу». Такъ священникъ сказалъ: «ты можешь быть священникомъ». А мальчикъ сказалъ такъ: «нѣтъ, не буду священникомъ; я хочу еще осмотрѣть свѣтъ, какъ на свѣтѣ идетъ (1). Теперь оставайтесь съ Богомъ, а я пойду своей дорогою».

2.

Сказка о пастухѣ и вѣдьмѣ.

Та 1) бѣла панѣszka 2), а пон nie wiedzel wo tim, eż wońa bѣlá też przę 3) tech co na Bloksberg 4) jeli 5). Tako bѣł szęper 6), ten bѣł z wońcmi v vlókach 7), a te wun czul ga 'ni 8) trobili. Tako moj szęper wostavi wowce ve vlokach a jidze tą gdzie trobili, a ga woń przі 9), tak woń nalęze svo pāneszką. Tako panęszka ná nio vēzdrzi 10), a rzecze: «postavice njemu stólki 11) zloconę». Póstavili mu stólki zloconę, a te to nié bѣle stólki, le 12) to bѣle stare konie odzarte 13), to na tim woń sedzol. Tako wońi múszeli piskac 14), te kózdi miał kóta, a ga 15) woń piskal, to piskal kótovi przez rzec 16), a zā wońgon 17) krącel 18). A do jedzenio wońi kroli 19) koški gońna, krople szczine 20) do pico, to bѣle jich vjina, a na rzebrzech muszeli sedzec. To bѣla ako jich svádzba, to jénowo dnia. A ga 'ni mieli 'no odbęte, szęper stoi lik 21) a zdrzi 22) ná nich a na panęszką. Tako jene sztęnie 23) przeszle, a ga dvanostno sztęnia bѣla, to zli jim háloval 24) vjino do pico, a rzek: «nynia pijce a jesce». Ga wońi mieli moltet 25) · dô konca, tako moj szepter stoi lik á zdrzi. Tako 'ni mŭ 'celi 26)

1) тамъ. 2) барышня. 3) при. 4) известное въ нѣмецкихъ сказаніяхъ сборное мѣсто колдуній. 5) ѣхали, ѣздили. 6) пастухъ. 7) въ загонѣ (?). 8) когда они. 9) пришелъ. 10) поглядить. 11) ступа. 12) но. 13) ободранные. 14) играть какъ на свирѣли. 15) когда. 16) задъ. 17) хвостъ. 18) вертѣлъ. 19) получали. 20) капли мочи. 21) все, постоянно. 22) глядеть. 23) часть (съ вѣи.). 24) принесъ (съ вѣи.). 25) Нѣм. Mahlzeit. 26) хотѣли.

(1) Въ подл. германизмъ: wie es in der Welt zugeht.

těz dac, a wón sa podzekuje¹⁾ a rzek, wón nié žōdol²⁾ nic. Tako sedzi ta paněszka as³⁾ na szepra lik zdrzi. Tak one sztěnie ju⁴⁾ szle dō konca, tako wōni sedli nā herszłā⁵⁾ a zgīnanli. Tako ga ni wszetce zgīnanli wōd szepra, szēper nié wiedzel nindze⁶⁾ gdje wón mial jic. Tako pse lik lājali, a szēper za 'nim glosā szēd, ale wón ni mok nindze trāfic. Tako wón chōdzi esz⁷⁾ dō polnja, a 'ne pse lajō lik u vlōku. Tako ga wón vēblodzi⁸⁾ a przeszed buten⁹⁾, tako wón jidze dō vloku, a ga wón dō vloku przī, veznie a wō bezdrzi vszetke wovce, asté jidze na sniodāni, a ga wón na sniodāni¹⁰⁾ przī, tako pon rzek szēprovu, gdje wun běl tako dlugo. Tako wón rzek, ež mial zaspone¹¹⁾. Ale ga wón przī na sniodāni, ta paněszka lezi v lōzku, a pon to nie wiedzol, ež wōna u tech czarovniku' běla. Tako to vōralo¹²⁾ do Nōvewo Vālbrega¹³⁾. Tako szēper wō pasuje¹⁴⁾ za 'nim dnā, asté¹⁵⁾ sa skrēje v dwornici¹⁶⁾, a tako le¹⁷⁾ lik zdrzi, co wōnā, ta paněszka, bě robila. Tako wōnā se pomāže wōžeg¹⁸⁾, a sine¹⁹⁾ nā wōžeg, asté rzēkla: *heran, nur nah nicht an*, a vēlecela v kumin²⁰⁾. Ale moj szēper sa niēprzeslēcha, a se krol²¹⁾ tež wōžeg, asté se s te skōrupe pōmāzal gdje wōnā se pōmāza', a rzek: *heran, aller Wege an*, tako wón vēlecol v kumin, asté spad s kúmina trēgi²²⁾. Tako wón krā²³⁾ a pomāže zos²⁴⁾ wōžeg, asté rzek: *heran, nur nah nicht an*, tako wón przēleci na Błoksberg. Paněszka sedzi a vezdrzi zos na szēpra. Tako moj szeper běl dzirzi²⁵⁾: ga 'ni mieli vszetko tą odbēte, wón veznie as jidzē do paněszki, asté rzek: «no, paněszko, vē me vezméce z sobó duó dom». Tako paněszka rzēkla, «ja²⁶⁾». Tako wōna sinieta²⁷⁾ wōba na herszlu, a ga wōna przenažkota²⁸⁾ do vse,

1) благодаритъ. 2) жевалъ. 3) и. 4) уже. 5) заступъ. 6) нигдѣ, нигуда. 7) еще. 8) выбрелъ. 9) вонъ (съ нѣм.). 10) завтракъ. 11) проспалъ. 12) продолжалось (съ нѣм.). 13) до новаго Альбрехта (праздника?). 14) примѣчаетъ (съ нѣм.). 15) и. 16) въ избѣ. 17) только. 18) кочергу. 19) сидеть, садится. 20) въ трубу. 21) досталъ (съ нѣм.). 22) назадъ. 23) достаеъ. 24) опять. 25) свѣдѣнїй. 26) да. 27) садатся (двойст. число). 28) приближаются.

tako tą běla kůznica, tako wón ją vzol a szed do kůznici, a dol ją pŕdkovac na vszetki szterze, na rące a nâ nogi, a ją miał vovuzdŕone. Tako wŕna jidze duŕ dom, a ga duŕ dom przĩ, wŕna ligne v lŕzku. A pon běl nâ nivach, ten nie viedzol wŕ tim nic, tako wón przĩ a rzek: «jako to je, co tako dlugo leżesz?» a rzek, «vstâni». A wŕna ni-mogla vstac. Tako szęper przĩ nâ sniodâni, astę rzek: «panęszko, coż vom je?» Tako pon rzek: «wŕna je chorŕ». Szęper sa pito, «co ji bělo?» — «Jo nie vim». Tako szęper rzek: «jo vim, co ji je». Pon rzek: «tako chadoj ¹⁾ do panęszki». Szęper rzek: «panie, chadojce, jo vom pŕkażę co ji je». Tako ga pon przĩ do lŕzka, vidzi eż wŕna je podkovoŕno na vszetki szterze. Ga pon to vŕbezdrzi, tako wón pital szepra, gdje wŕnâ to krâ ²⁾. Szęper rzek: takŕ a takŕ onâ je». Tako moj pon krŕ astę dol wŕgiŕ sklasc, as ją dal seżjec, eż wŕna pŕd tim běla, pŕd tęmi czarovniki. A ga wŕnâ sa b'la seżgla, tako pon rzek szęprovu: «nynia tę mosz tu prze mnie wostac, poki tę bę żel».

1) ступай. 2) достала.

3.

Сказка о Ленорѣ и зломѣ духѣ.

Tą běl doch ¹⁾ jeden rębok ²⁾, astę běl jeden vŕrman ³⁾, a ten vŕrman muszel jezdzec s rębi dŕ miasta, a on mŕg vszetko przedac; a jini vŕrmanie jeli ⁴⁾ te ni mogli przedac nic. 'Ni ⁵⁾ nie viędzeli na jakĩ hort ⁶⁾ to bělo, a wŕn sa miol zlęmu dŕchowu poddŕone nâ pŕl kope ⁷⁾ lat. Ga b' on jezdzel, to vszetko co miol na vozŕ przedol, běle szâte ⁸⁾, běle rębe. Tako ga do slęnji ⁹⁾ sztęnie wŕn jol ¹⁰⁾ dŕ miasta, to j'ŕ ¹¹⁾ setko ¹²⁾ bâba a sa pito towŕ vŕrmana co wŕn miol. A wŕn rzek: «rębę». Jakę rębę? «Jâżdżę ¹³⁾. Te wŕnâ rzekla: «tę vszetko

1) Нѣмецк. doch. 2) рыбаць. 3) извоцникъ (съ Нѣм.). 4) їздили. 5) они. 6) якийсь образъ (съ Нѣм.) 7) кора — шестьдесятъ. 8) платье. 9) послѣдній. 10) ѣхалъ. 11) его. 12) встрѣчаетъ. 13) ершей.

przedosz, koc ¹⁾ tĕ bosz ²⁾ miol jesz takie môle, do towo jâ tobie pûmoga, ale ce-ż ³⁾ mĕslisz, co tĕ mnie zô to uczinisz duobrze?» Tako wôn rzek: «jâ tobie kupiâ dobre bôte ⁴⁾, ga jo dobrze przedom; nynia jo móga jachac s tobô dô miasta». Tako ga 'nâ przejédzeta dô miasta, a 'nâ (ta bába) sedzâ' na vozû, to lĕdze ⁵⁾ ja miele wugârlec ⁶⁾, co 'nâ se nie wiedzâ' zône råde ⁷⁾, tako 'ni wot nju ⁸⁾ chĕceli kupiac; a ti jindzi ⁹⁾ ni mogli nic przedac. A ga wôn miol przedône, tako 'nâ jîdzeta dô piekarza asté se véznieta chljeba, asté jîdzeta dô brovarza wziac pjiva, asté szla do manĕste ¹⁰⁾ a se kúpita górzalki. A ga 'nâ miâ' kupiône, tako sa nalêze chluop dô nju, a rzek, nie chcâ' 'nâ mu tež dac chljeba abo górzalki. A onâ rzekla: «nie, wagleju ¹¹⁾ co sa pâleli, to b' jimu bělo dobrze, ale zône ¹²⁾ górzalki ani zônewo chljeba». Tak on rzek: «jako-ż to»? A onâ rzekla: «ja ce znâjĕ! mĕslil tĕ, eż tĕ b' col nâs wôzec ¹³⁾? ale s to' ¹⁴⁾ nie bô ¹⁵⁾ nic». A on rzek: «jako-ż to»? A onâ rzekla: «tako to, abo tĕ jes zli duch, tĕ idzesz na wozolĕni ¹⁶⁾. Hola, stoj... tĕ nie pilujesz ¹⁷⁾ za czim jinim jako za dĕszô, ale s to' nie bô nic, tvô pocecha je zgubiono, tĕ nie przisz nîndze przed-co ¹⁸⁾. Mĕslisz tĕ, eż jo jem glupo, jo jem chitrzo ¹⁹⁾ jako tĕ, zli duchu! Bierzĕ-ż sâ prĕcz, jo s tobô nick ni mom, zli duchu, abo tĕ zgodzosz ²⁰⁾ na vurmanovô dĕszô. Ale wôn mo nâ pol kope lat eż on bo żĕl, eż tako dlugo on bo lik jezdzil a wôn przedo co wôn bo mial na vozû, on bo mial takĕ jako bô, to vszetko wôn przedo». A zli duch rzek: «eż le jâ budĕ 'col ²¹⁾».... — «Ale tĕ muszisz ²²⁾ tako dlugo co te lâta pudo dô konjca, a tej ²³⁾ s towo nie bo nic. Tve mĕsle ce oszolo ²⁴⁾ sâmewo, zli duchu! bierzĕ sâ precz, hinaczĕ koc tĕ bosz jesz gadol, te tve gôdki ²⁵⁾ nic

1) хотя. 2) будешь. 3) что же. 4) сапоги. 5) люди. 6) задушить.
 7) Нѣм.: wusste keinen Rath. 8) отъ нихъ (двойств. число). 9) другіе.
 10) цѣловальникъ. 11) угольевъ. 12) никакой. 13) обжечь. 14) этого.
 15) будетъ. 16) обманъ. 17) сторожить. 18) т. е.: ты нигдѣ не успѣешь.
 19) хитрѣе. 20) мѣтишь. 21) если только я захочу. 22) ты долженъ.
 23) теј, тоже что те, частица въ смыслѣ да, и. 24) обмануть. 25) слова.

nié pumoga, abo jo jem chitrzo jako tě, zli duchu. dej chlopu pokoj. Tve rědosce¹⁾ co tě měšliš, s to' nie bô jako živ nic: tě są rédujesz²⁾ ež tě krosz děszą, ale s to' nie bo nic, bierzé są precz!³⁾ A zli duch rzek: «no, Lenora, chto ce znaje, ten ce nie kûpi». Tej ga te lata bëli dô konjca, Lenora sa nâlazla a rzekla zlımu dúchovu: «Bierzé są wóte mnie přecz!⁴⁾ Tako vórman veznie ją ná voz, a z niô lik jezdzi jedną wúlecą v drugô, a nicht nié 'cal kupic wót niewo nic. Tako zli rzek: «Lenora, chto ce znaje, ten ce nié kupi». Tako 'ná rzekla vórmanovu: «jédze⁵⁾ dó duom». A ga 'ná dó duom przejédzeta, tako 'ná rzekla: «nynia uczini trze krziže na dvierzach, co wón nigdě vicí⁶⁾ nie przí». Te wón tež uczinil, a tej zli duch uczinil takí grzem co cali chicze⁷⁾ sa chcale zvárcec⁸⁾; ale s towo nié bëlo nic.

1) радости. 2) радуешься. 3) пожай. 4) больше. 5) изба. 6) опрокинуть.

4.

О столымахъ (великанахъ).

Stólēm jest to bardzo mocni chlop, ten mog vszetko zvarcec, ten bël v sztance¹⁾ tą cerkji zvarcec, a sztagą²⁾ zélaza, takú ako vě jesce miôsz³⁾, jemu je telko jako knepelj⁴⁾, a człowieka co wón na nj'ô vezdrzi telko a chlunie (chuchnie)⁵⁾, te ten człowiek muszi zginunc jako mucha. A te drzeva, co vě nynia vídzece, to wón le veznie, ka bo⁶⁾ wielgi dąb, — ten wón věrvie s korzénjmi, a te wón 'nien věznie v jeną rąką, te mu je tako jako ga bë wón vzanl kij. A takí stólēm bël zasadzóni⁷⁾ z jedną bialką⁸⁾, ež wón mial pol towo lasa przeniesc, te oná bë bëla jewo, a ga bë on niéprzenios, bialka bë jemu nié sléchala⁹⁾. A bialka měšlsla že

1) im Stande. 2) полоса (съ Нѣм.). 3) толсты. 4) палика (съ Нѣм.). 5) дунеть. 6) хотя будетъ. 7) бился объ закладъ. 8) женщина. 9) принадлежала.

wón bě niéprzenios. A wón przenios cali las s korzénjmi, se vszem, te 'nâ sa múszela jemu poddac. Te ga 'nâ se miâ' jemu poddône, tako mu rzekla: «tě mi muszisz jesz janâ¹⁾ róbotą uczinic». Tak wón ją pito, co to běla za robôta. A onâ mu rzekla, ež wón mial vszeden²⁾ piosk z gor, od bialich gór v jenâ grěpâ³⁾ zniesc. Ale wón ni mog, wón vloczil co wón môg, a vici wón vloczil, lik vici piasku sa nalóžalo. Tako wón rzek: «tě jes chitrza jako jo, tě mi jes za chitro⁴⁾, ale jo ce kra⁵⁾ doch, abo prze tim jo ni mogâ wóstac, jinaczl jo bě krol srômota, ga bě tobie to nástopil⁶⁾. A s to'o ni mo bęc⁷⁾ nic, jinaczê wóni bě mie wúgarleli⁸⁾. Ale tě mosz mo⁹⁾ bęc, abo jo viem jino pômoc co mie pômô¹⁰⁾, co tě mosz bęc wugarlôno. Daj se času, wo trze dni tě mosz bęc ze mnô, zo te jo ce jem 'duobri¹¹⁾ ež tobie to są stânie». A ona jemu rzekla: «daj se času, tě mosz bęc utracóni¹²⁾, tě ni mosz dlugo bęc, te za trze dni tvoj ževot mo bęc skrocóni, co tě mie mészlisz, to tobie są stânie, a nâ¹³⁾ nynia biaw¹⁴⁾, nynia ja nji mom nick s tobô, jo za tobô ucziniâ trze krziže, co tě nji mosz jako živ oglâdac slúniszka ani ksiâžeca¹⁵⁾ te žone gviozde, te to bô¹⁶⁾ kônc, tēh tě vici nie uzdrzisz; te ga jedna gviozda nocâ udrzi¹⁷⁾, tě muszisz zginonc ako popiol». Tako wón ją prôsi, ež 'nâ bě sa cheâ' zgôdzec¹⁸⁾, a wónâ rzekla: nie-â¹⁹⁾, ga mie slúniszko e ksiâžec osviecei, to ja sâ s tobô nie zgodzê, abo tě zli duch, te snies²⁰⁾ dzeci e niâstâ²¹⁾ e vszetko, abo tě nie jes czloviek, tě zli duch, co jo ce nie uzdrzâ, ani cebie miec vidzec. Nynia biaw, to je kônc tve gôdke²²⁾, tve gôdke nie nie uplâco²³⁾, abo tě nie przisz przez sviat, abo kôzdi ce znâje. Nynia biaw, to je kônc, nynia ucziniâ trze krziže, nynia masz ma rozestôno²⁴⁾!»

1) еще одну. 2) весь. 3) куча. 4) ты для меня слишком хитра. 5) получу. 6) уступилъ. 7) не имѣеть быть, т. е. не будетъ. 8) задумшии. 9) моя. 10) поможеть. 11) ручаюсь тебѣ (оборотъ Нѣмецкій). 12) уничтоженъ. 13) ну. 14) прочь, вонъ. 15) мѣсяца. 16) будетъ. 17) и когда одна звѣзда ночью покажется. 18) помириться. 19) нѣтъ. 20) съѣшь. 21) жену. 22) твоей рѣчи. 23) ничего не значать. 24) я съ тобою разсталась (оборотъ Нѣмецкій).

5.

Сказка о Дробныхъ или Дремныхъ, т. е. Карликахъ.

V těch storich, starodavnich czasách běli drěmní u gburá¹⁾ v Stowcine. Tako wón nie wiedzel wo nich ež²⁾ 'ně běli ti niewo v chiczach³⁾, ga won koniom sol do grěžinjo daval³⁾. Tak 'ne kuonie lik⁴⁾ běli umiarli, a te ani przed tim nié běli zwak⁵⁾. Ale jeden běl lik duobri. Tako gbur nié wiedzel jako to bělo, a niga⁶⁾ wón jich ni mog upilác⁷⁾. Tako wón ópasuje⁸⁾ a widzi ga 'ně towo kuonia dóbrego wzánle á niewo vudrálí⁹⁾ wovsą dobrze, abo na nim jezdze. Tako moj búr ópasuje, te 'ni na nim zós przejezi¹⁰⁾, as kóniewu vsěli¹¹⁾ wovs, tako moj búr nié rzek nic. Te 'ně se miale wuzdą uczinionu wód grzeve, asté 'ně se trzimale zó 'ną grzewą (abo miale splotle vloze co 'ně běle tak dlugi co 'ně sa mogle za nie trzěmac). Tako moj búr nie rzek nic, a měslel sě: «no¹²⁾ le jewo vudruju, to ja mom doch jano'¹³⁾ duobro'». Tako moj bur ópasuje zas trzeci nuoce, tako to jano drumné jewo pita, bura, za czim wón ópasol, a wón rzek ež nie wiedzel co te jini kuonie běli umiarli. A to drumné rzeklo: «'ně¹⁴⁾ majo vszetke bęc duobre, ale vě muszice dac vuolą co mě 'cime czinic». Tako gbur rzek: «vernice se¹⁵⁾ vszetki, a bōce na nich jězdze tako dáleko a dlugo jako ve 'cěce, abo jo vom nie przidą nic to-nó¹⁶⁾, to vě mo'ce¹⁷⁾ czinic jako vě boce viédze». Ale to drumné rzeklo: «jo vom dóm, vě jesce szwak¹⁸⁾, stori, mě vom dōme piódze¹⁹⁾, ale vě nie mūszice nikómu rzec ež mě jesmě tudó²⁰⁾, jinaczí vom nie pú²¹⁾ duobrze, te vě ni mace dlugo žęc, ež vě komu rzěcece; tej tobie pú' duobrze ga tě nikómu nié rzeczesz; jinaczí ga tě komu rzeczesz, tě tą²²⁾ muszisz bęc wulūmni²³⁾ tako dlugo pokie tě bosz žel. Abo mě vom duobrze

1) мужика. 2) въ избѣ. 3) когда онъ давалъ лошадиамъ соли въ кормѣ. 4) всегда. 5) слабы, больны (съ Нѣм.). 6) никогда. 7) подстеречь. 8) смотрѣть (съ Нѣм. aufpassen). 9) кормили (съ Нѣм.). 10) приѣхали. 11) всыпали. 12) пусть. 13) одну (лошадь). 14) они. 15) вернитесь, возвратитесь. 16) Нѣм. zu nah kommen, т. е. обидѣть. 17) можете. 18) слабы. 19) деньги. 20) здѣсь. 21) пойдетъ. 22) тажъ. 23) хромою, разслабленною.

měšlime. co tvoj dwôr bo duobri, ten mo bęc bogáti, tě masz miec žita, chłjeba, vszetko co tě bosz żodol, ale muszisz mēwczec, co nict mie krô nick do wiedziny¹⁾). Jinaczi tě jes zgubioni, te tě muszisz palęca²⁾) wzic a jic na prôcha³⁾). Mász tě mewczec, tě nom rzeczi, chcesz tě mewczec, co mě sa nie omilime⁴⁾). Te wôn rzek, «ja». Tako wóni tą a tą mieli sve chicze, te wôn miel przic s njimi a wóbezdrzec jich chicze. Tako lezi jeno drumně v lózku, as mo môle, to 'ně są ródzelo, tako 'ni mu postaviu vjino. górzalką, pjivo, mialki⁵⁾) chleba, a te wóno mialo jesc as pic. Tako drumně rzekli, eż bur mial jic a grotką⁶⁾) halac⁷⁾). A ga wôn halol grotką, drumně pitali co gbur 'cal miec. — Nic. — Ale darmo wóně to nie 'cale. A wóne wezmio lópatę, as vsęjo⁸⁾) grótcę v klin⁹⁾) ga 'nà jidze buten. Tako 'nà se męšli, to je parch¹⁰⁾), a ga 'nà to posęje¹¹⁾), to bęle cziste piódze. Tako 'nà se męšli: «holt still, nie rzeczi nikómu nic eż tě krá'». Tako ga onà to rzeklà do se sami, tako wotemknie to jene drumně dwierze aste rzeklo: «o grotko, vē sce glupi, za czim-s vē se to nie schovali, ale vē muszice wieczor zos pszic as wóbezdrzec jako z nio je». Tak onà tyż jidze as wóbezdrzi; 'ni ji dajo co ji serce żodo. Ale chłop nie 'col nick miec wót drumnich poki co jewo dwor bę bil bogáti a kuónj duobri a duobrze wudroni.

1) Нѣмецкiй оборотъ: dass niemand was zu wissen bekomme (простовар. kriege). 2) шапка. 3) итти просить милостыню. 4) ошибеся. 5) крошки. 6) повивальную бабку. 7) привести (Нѣм.). 8) всмпаютъ. 9) на колѣни, in den Schooss. 10) пмль. 11) посмплетъ.

6.

Сказка о Вѣщомъ или Вампирѣ.

Vieszczci pó Slovinsku, a pó Niemiecku *wüthend*. Ga wôn je vieszczci, wôn ma, ga se ródzi, taką karpuzą¹⁾), taki flor dicht biali jako snieg na gловіe, a ga grotka²⁾) za tim nie zdrzi, co 'nà to sejmie, to wôn budze vieszczci. Ga wôn wumrze, te mu

1) шапка. 2) повивальная бабка.

nima ubětku ¹⁾ v grobie, zódněwo roja ²⁾). Tako co kró ³⁾ to wón pórwie v noci v jedno sztejno, co wón ma vri ⁴⁾). Běl jaden krol, mial vlastno cūrko, ta běla vieszczo. Mieli ją v żarku ⁵⁾ vstaviono v pívnicę ⁶⁾, a ka wón pošlal wót zoldatův vāchtu ⁷⁾, te zavitra ten zoldat běł tod ⁸⁾, a te wón posle drugó vāchtu, a ga wóni przeszli, wón zase leżał u dvierzi. Tako przidze vandrovczik ⁹⁾, a pital go krol což wón zocz ¹⁰⁾ běł. A wón rzek eż wón běł ubógi vandrovczik. Tako krol go pito, czy nie chce ú niewo wóbnoc wóstac. Ka wón wóstal, tako wón rzek, ne chcol wón też i v cerkvi; wón mial tělko dwie vachce posłone, a wóbie běli dót ¹¹⁾). Tako wón rzek: «jó pujdę na noc», a że wón niechcel nic víc jako svieczkę. A te krol jimu rzek: «jo tobie dom tofłę» ¹²⁾; asté jemu dal póstavic sklonkę z vjiną na tofłę. A ga zavitro ka krol dal cerkvi wótemknęć, te mój vandrovczik żěl, i krol běł pelni radósci ce wón żěl. A te wun rzek: «jo jem chlop, jo mogę to útvierac» ¹³⁾. Te wón mial żark vėhaloni ¹⁴⁾ z pjivnice buten ¹⁵⁾, asté wón lęg v ten żark, a te ga wón běł leżał, to ta curka chódzila koli żarka, ka szténja běla precz, i prosėła až wón mial vėlesc z jeje żarka. A wón rzek: «tako nie! jo z niewo nie pudę buten»; a ga zvon jaden wudrzel ¹⁶⁾, te wóna wostá stojęci ú żarka, asté ní mogła nigdzie przlc. Te wón vėłoz, te wóna ní mogła vici v żark przlc. Te wóna go prósi, až wón ji rzek, żebě 'na miá' mu poviedzec co wóna miá' na svojim sumieniu ¹⁷⁾). Tako oná rzekla, 'na miá' kljucze, wón mial te kljucze vzlc ale nikomu rzec, až wón te kljucze miol, tą so te jadne kumorze, tą oná miá' pjódze, tech ni miá' nicht miec ako ji sostra. Tako wón też zavitro szed z krolą, ale nie mu niē rzek až wón kljucze mial, jako te nómlodsi sostrze. Na drugó nóć wón szed zóś, zóś se vėvlek v żark, lęg, te

1) покой, житье. 2) рая. 3) достанеть, нѣм. kriegt. 4) frei (въ теченіе одного часу, который у него свободенъ). 5) въ гробу (нѣм.). 6) погребъ. 7) часового. 8) мертвый. 9) странникъ. 10) что онъ такое. 11) Нѣм. sie wagen beide tod. 12) столъ (нѣм.). 13) отпереть. 14) вынесенный (нѣм.). 15) вошь (нѣм.). 16) когда пробило часъ. 17) совѣсти.

ga chora ta běla precz¹⁾, tѣ wѣna mu vszѣtko rospoviádala, a kazala, žebě przeszli wѣjc, mac a grѣtka, a ta grѣtka múszala to sníc²⁾. Te wѣna wicі nié prszėsza.

1) Когда тотъ часъ прошелъ. 2) снять (т. е. сорочку, въ которой она родилась).

7.

О томъ же.

V Czisté běl pon, a te wun zâmiar, to jewo tudѣ, dó Garnê, przevezli, asté njewo vstâvili v pjivnicâ. Tako ga trzecéwo dnia moj pon zѣs szed z gruobu, a zos idze do Cziste, te wѣn szpeknoł¹⁾ e vszetko v chiczach taki grzѣm, trzosk czynil. Tak onі jimu dali bęc kule dniu²⁾: onі mѣsleli ež to bѣ są dalo³⁾. Tak 'ni se nie wiedzeli zѣne râde⁴⁾, tako 'ni múszeli krâc jínowo człówieka co wѣn jimu to zâkózol⁵⁾, co wѣn ni muszel wicé chuodzec. Tako ga wѣn jimu to zâkózol, tako wѣn jidze asté rzek: «dlo cz'wo-ž tѣ mie to zâkózol? Jo tobie nick to-nѣ nâ-przcz⁶⁾ nié przszed, dej mie jic». A wѣn rzek, ten chluop: «Nie, ja tobie ni mogâ dac jic, tѣ czynisz trzosk a strâszisz swo niastâ a sve dzece, co 'ni ni mogo spac ani nuoc ani dzênj. Ce-ž tѣ mosz na svim sѣmtnju?⁷⁾ tѣ mie to wѣrzeczi, te tѣ bosz mial pokoj.» Tako wѣn rzek: «jo ni mogâ tobie to rzec.» — «Jakož to co tѣ mie ni mó'sz⁸⁾ rzec?» — «To mi je zakozóne: jo jem pod zlo rankô, jo jem zlêmu dúchovu poddôni, to ja ni mom spókoju.» Tako wѣn rzek: «Jo bodâ lježol, alé wu mie muszq trze vachte stojec wo trze dni, tâ przidâ duo mie ti co me 'cъ wodrzec skoraž z mo' cala, a ja bѣ to rod ni miol⁹⁾: rzeczi tѣ mi njêsce, 'nâ mo duo mie przic, ja z nio 'câ gâdac. Ja môm wicłgo krzıvdâ mi njêsce, ale 'nâ no przı¹⁰⁾ duo mie, te sa

1) er spuckte, т. е. являлся привидѣніемъ. 2) оставили его нѣсколько дней. 3) что оно пройдетъ (нѣм. обор.: es würde nachgeben). 4) не знали что дѣлать (нѣм. обор.: wussten keinen Rath). 5) запретилъ. 6) тоже, что to-nѣ (Нѣм. zu nah), т. е.: я тебя ничѣмъ не обидѣлъ. 7) совѣсти. 8) можешь. 9) я бы этого не хотѣлъ (нѣм. обор.: ich würde es nicht gerne haben). 10) пусть придетъ.

dorádzima ¹⁾). Tak 'ná przi se svèmi córkami, a jidze placzó-
cemi wóczima se svemi corki. Ga 'ná przi duó žarka, tak
wón leži znak ²⁾). Tak onà j'ò rězi ³⁾, tak wón sa znósi, a
běl zděchli. Tak onà są barzo úzasla, tak wón duo nie: «nie
bój sa, jo tobie -nick nié uczinią, ga le tě duo mie przeszla.»
Tak oné dzece plākale, tako wón rzek: «nie placzice, ež jo
jem tako jako vě mie vlóžili v žark, alé 'nt 'co wodrzec, wónf
'co szpeknac z mą skorą, ale jo to nié 'ca, jo vas nié 'ca
straszec. No nynia biaw, njaste ⁴⁾), dzéce, z Buogą, nynia bóda
spókojnie spol, ale vjicé duo mie nie chodzéce, nynia jo mam
pokoj, e otrzima ⁵⁾) pokoj ež ót vieka, ež ná vieki, amen.»

1) посоветуется, условится (двойств. ч.) 2) навзничь. 3) дотрогивается.
4) прочь, женщины. 5) получу.

8.

О томъ же.

Tą běl jeden szpektor ¹⁾), ten są pówiesil ga wón běl na
njivach, te wón nie széd ná polnie ²⁾). Te lédze szli ná polnie,
a wóni měsleli ež wón bě slád ³⁾) przěsed, a wón nié przěsed.
Tako pon poslal chluopca ež wón miał doch wěnic ⁴⁾) a wóbezdrzec
gdze szpektor vostal. A nindze szpektra nié bělo. Tak moj
chluopc duó dom, asté rzek: «szpektra nindze nima». Tako
panu są učinilo barzo strasznie, tako pon veznie kuonia asté
se dol siodlo wložec, aste są vsádzil ná konia aste gnol. Tako
wón wóbegnal sve vszetki njive, tako przi dzěvczą tu z Garné,
to bělo tu do Garné szlé ⁵⁾), tak ona jidze przez taki male chójki ⁶⁾),
tako wón visi na taki mali stórneczce ⁷⁾). Dzěvcza biegló v
strasze, asté duó pana, tako pon są vsadzi ná konia, a te
dzěvczą múszeło z nim biegal. Ga pon przenąka ⁸⁾), tak wón
visi, tak pon schvaci nož as ten povor-z ⁹⁾) przerznie, co wón
spod ¹⁰⁾). Te wón ni miol, ga wóni jewo záchovali, zónu sparchu ¹¹⁾),

1) Управляющій. 2) съ Нѣм. zu Mittag (на обѣдъ). 3) вслѣдъ. 4) выйти.
5) нѣм. обор.: es war hieher nach Garden gegangen. 6) сосны. 7) хлѣмъ.
8) приближается. 9) веревка. 10) упалъ. 11) покой.

wón muszel chodzec, szpeknác ¹⁾, a dicht mǒcno. Tako pon, ga wón duó niewo przeszed wobnoc, pita jewo: «což tě 'col wǒte mie, jo ni mam nic z tobó, bław tě tvǒ drogu, abo jo s tobó nick ni mom, tě wostáni tą gdje tě jes, tě do mie víc ní chodzi, abo to nie bo dobrze, tě wostáni ležóce tą gdje jes zachovóni. Dej tě mie pokoj, jo ni mom s tobó nic, a tě ni masz se mnó nic, nie ostániesz tě trěgi ²⁾, to já tobie dom gnek ³⁾ skinunc, ež tě nie wostániesz ležóce gdje tě jes». Tak szpektor rzek: «jo tež ní budą spǎrchu miel rěchlǐ ⁴⁾ czim já budą skapunióni» ⁵⁾. Věznie miecz os uczi ⁶⁾ trze krziže ná jewo gněce, wǒt tě duobě ⁷⁾ wón ní przeszed vícé, gdje wóni jewo ní widzeli ani nie věglóđáli». No nynia leži do sódno' dnia. Te tě mosz rzec, jo nie jem v niebie, jo jem v piekle v zólim wogniu ⁸⁾, tą jo muszą gǒrzec tako dlugo jak swiat bo' stojol, a te tó' nie bǒ' kǒnc, te są pocznie znuovu zǒs koc stó lat e těsinc lát sa minie, te tó' nie bǒ' zoden kǒnc; tą nima co jino jak vuoginj, tą ja nie krą zóně vuodě, zono' pjiva, zóně gǒrzalki, zono' chljeba, nic nie kregą jako žoli vuoginj, ten jo muszą polěkac ⁹⁾; jo ni mogą volac ¹⁰⁾: «pomožé-ž mie», abo mie nicht nic nie pomó', ani nie mó' ¹¹⁾. Nynia ga bě chto běl co bě mǐmu bratu rzek, wón to ni mial czinic, tuo co jǒ uczinil, jinaczi ga wón to' nie bo' wiedzol, te wón bo' takǐ dicht jako jǒ jem; te wón przǐ' v ten vuoginj gdje jo jem, alé nynia to žodo co wón tą nie przǐdze. Pan Bǒg mial jǎniela seslac s nieba a mial jemu dac rzęc, bratu, ež wón tako ni mial žęc». Tako Bǒg rzek: «ni mial tě lěstǒ' ¹²⁾, ni mog tě pioc ¹³⁾, nie chodzil wón do szkuloě, ni navěk wón Božǒ' sluova, no są sędzų, nie bodą vícé sǒdzel. To je kǒnc a wostánie pokǐ swiat bo' stojol. Nynia wostáni, ja s tobó nick ni mom».

1) являться привидѣніемъ (см. выше). 2) не останешь (лѣн. обор.: bleibst du nicht zurück). 3) затылокъ Нѣм.). 4) скорѣе, прежде. 5) обезглавленъ (съ Нѣм.). 6) вмѣсто uczinil. 7) время. 8) In hellem Feuer (какъ перевелъ мнѣ самъ разсказчикъ). 9) глотать. 10) звать. 11) помочь, можетъ. 12) писаній. 13) пѣть (т. е. въ церкви).

9.

О ТОМЪ ЖЕ.

Ve Stówcinie są wúrodzelo dzecą, to bělo vieszcze, grótkka jemu nie sniô' te karpúze s glove. Tako starszi placzu a nie wiedzu co temu dzecu bělo, 'no bělo lik niespokójne a lik skvirálo ¹⁾). Tako starzi nie wiedzeli žone rade. Tako woni jido dó ksódzka ²⁾), os ksódzovu vszetko powiadali jako jim bělo, co 'ni mieli czinic. Tako ksódz rzek: «Nié placzi, to je próžni. dej se tako dlugo czasu, czim jo krą to dzeco do widzinio ³⁾), to jô tobie rzeką co tě mosz czinic, ale nynia nié placzi, tě jes glupo, tě nié vis nic co tě godosz; daj pókoj, haloj grotką ⁴⁾), ma są doradzima». Ta grotka przí, a ga grotka przészła, tako on pito: «což ma boma czínila ⁵⁾)?» Tako grotka rzekla: «jo wiem, panie, ma je wuczínima co to bo' zos dobre dzecą». Tako 'ná vezuie 'no dzecą s ksódzą, a idzeta v cerki, os 'ná jemu to sejmeta s gluove, a te wón je chci ⁶⁾ do drugó' ráza. Tako wón rzek grotce: «No, nynia to je krzescejánski dzeco, nynia ma 'cima jic do mácerze a rzec tako: «nynia mosz krzescejánski dzeco, nynia úczini jako 'cesz; jo mészlo ež nyuia bo dobre dzecq; nynia óstani z Buogą, a no ⁷⁾ Pun Bog jemu do szczesze, co b' 'no bělo bogáte».

1) плакало. 2) и. 3) погоди, пока я увижу дитя (оборот. нѣм.: gieb dir so lange Zeit, bis ich das Kind zu sehen kriege). 4) приведи бабку. 5) что-жь мы сдѣлаемъ (двойств. числ.). 6) крестить. 7) пусть.

10.

Рассказы о Морахъ (привидѣніяхъ).

To są mórě, ga oná dó mnie przí', tak oná mnie mórzi, co ja ni mogą sa rězec ¹⁾), te oná mie mo ugárlec ²⁾). Tako ga oná mie wópusci, te jo jem jako pobiti, to ja nick niewiem co mi je. A ga oná mórzi, te oná je caló gó'lo, ni ma ná se žgla ³⁾ ani nic. A ga ją chce krác ⁴⁾), to muszi drěgi czlowiek wópasac ⁵⁾ z wuzdo mizé ⁶⁾ jenóstne a dvanóstne sztěnji. Ga 'ná

1) тронуться. 2) задуться. 3) рубашки. 4) получить, т. е. схватить. 5) сторожить. 6) между.

vas mórzi, to wón vloži wuzdą na was, to vě ja máce wó-wuzdóno, to 'nâ ni mó' nîndze jic, te 'nâ was prósi ež vě ja máce doch lož¹⁾ puscec. A ga vě rzeczece nie, jo was nié puszczo, te vě ja véznece mizé lédzi, a vě provádzece co lédze widzo co wóna zocz je²⁾. Ež³⁾ vě ją chcece puscec, to je dôbrze, ež nie-ą⁴⁾, to lik 'nâ muszi lik gólo⁵⁾; a doch was wóna prósi, to ją puszcze, te onâ nie przidze vícé jako živ do was, nie-ą.

Móra móže są uczenic jak wóna chce, czasą kotką⁶⁾, czasą mugą⁷⁾. Oną dēszi tak że nié može gādac, to je złó, onâ sūdze⁸⁾ nâ piers czele nâ gąbą⁹⁾. Miono muszi im czloviek volac, mac abo sostra; muszą wielgi polc ú nogi rēzsec¹⁰⁾.

Ga móra mórzi, móže wóna sa uczinic njitką, a te ten co wópasuje¹¹⁾ kro tą njic a zarzesze¹²⁾ vazel, to ją segniol¹³⁾, te 'nâ krâ pukel¹⁴⁾; abo tež nynia co ją segnio a uczinio tą jeglą krevô, to ją gněk zlobio¹⁵⁾.

Ta móra vom do ložka przí, ke vě se ni móce rēzsec, te 'nâ no was lignje jako kāmě, te vě muszice volac a nict nie czuje, a nick są ni mó czloviek rēzsec, abo wónâ 'ce ugarlec. Rechli nie-ą ako ga vola¹⁶⁾, ce-ž tobieje, te wona wopusci a spānie ako kāmě. Ni móce žoną rākô nic rēzsec, ani pālca, ani czlonką dicht nic. To ja jem jako pómłoti v žornkach¹⁷⁾, ke ja nick nie viem. To ga wóni za mnó voló¹⁸⁾, te ja jim ni mogą wótpoviadac. Te ja jem jako zabiti a pómłoti tako, ako v žornkach. Ale jo cebie kro, daj le se času, tě ni masz dlugo tu chodzec, ež tobie je czas dlugi, tě przidzě dú mie

1) Нѣм. los. 2) что она такое. 3) если. 4) нѣтъ. 5) то она все должна (ходить) голая. 6) кошкою. 7) кожарошъ. 8) сидеть. 9) ротъ. 10) Надобно, чтобы кто-нибудь, мать или сестра, позвала по имени (когда душитъ мора, чтобы избавить отъ нея); надобно тронуть за большой палець у ноги. 11) Нѣм. aufpasst. 12) завязать. 13) согнуть. 14) горбъ (нѣм.). 15) а также, если ее согнуть и сдѣлають (у этой нитки), нгу кривою, то ей сломать шею. 16) Скорѣе нѣтъ (помощи), чѣмъ когда (человѣкъ) закричитъ: что тебѣ. 17) въ ручной мельницѣ. 18) зовуть.

na sniodâni, te ja tobie dôm sniodâni, a te tě są nâjis, te ma są dorâdzima. Ale ni mészlě ež jâ nie budą wiedzol dzis ten dzen ga tě mie morzëla. To ja tobie zâkożą¹⁾, dej se czasu do drëgëwo dnia, te ma są dorâdzima, co tě za kurwa jes, co cę krą doch do poznânio, ale te ma są dorâdzima. Tako 'nâ są skarzi wotcu a mâcerzi, no ni mogła to wici wëłëdac²⁾, to bëło zâ zimko³⁾ co 'nâ jâ lik mórzela; 'nâ ni mogła jesc ani pic; 'nâ bëła ju nõzna⁴⁾, muszela sé sviata jic, ež tó' nie bo kônc. Tako mac rzekła: Cûrko, nié placzi, jo tobie púmoga, tě ni mosz dlugo cerzpiec, jo to vnët kro⁵⁾. Tak 'nâ jidze dô kowolja⁶⁾, a te kowolj uczinil trze gozdze⁷⁾; a ga v niédzeljo mizé jeuóstnõ a dwanóstnõ sztënjo, weznie te gozdze os vkinie jeden v scana, a ga drëg'o dnia te 'nâ miâ' gozdze przez pierse, ta móra. Tako 'nâ weznie drëgi gozdz a vkinie zos v mur. Te wóna ji miała wu reminja przegnõne; ga trzeci gozdz, tak móra przi a prosi. Tako ako 'nâ prosi, mac rzekła corce: nié dejce są prosec, vkinice ten trzeci gozdz v mur, te ona jimu przez górcel⁸⁾ przegnâ'. Wót te duobe to są dalõ, te wici żóna móra nie bëła ani nié przeszła.

Móre są vszelejakni⁹⁾. Jedin muszi mórzec dâk¹⁰⁾, drëgi muszi lëdze mórzec, dobëtk¹¹⁾, drëgi muszi ve wóstrazim¹²⁾ skakac a mórzec. Ta móra chõdzi pó doku a nié vi o tem nic, a ga sę jej miono volo, to wóna spâne.

Bëł mlënorz, ten miel trze corki, a vszetkie trze bëłë mórą. Mlënorz nie wiedzal nic, ež 'në bëłë mórami. Tak przichodzi odzakõni¹³⁾ soldot, a prósi, wón chcol wõbnoc wóstac, a mlënorz ten rzek że ni mok jewo wotrzëmac, a wón rzek że wón bë ljeżol pód wõgniszczą¹⁴⁾. Tak wón rzek że wón mial lîgnyc,

1) запрещу. 2) терпѣть (нѣм.). 3) тяжело. 4) она была уже. 5) я это сейчас получу (т. е. захвачу). 6) кузнецъ. 7) три гвозда. 8) горло. 9) всякаго рода. 10) морить крышу (народъ думаетъ, что соннабулы суть моры, которыя давятъ крышу дома, когда ходить по ней, точно также, какъ другія моры душатъ людей или скотъ). 11) скотъ. 12) въ колючкахъ. 13) отставной. 14) очагъ.

jimu hálali sluma, te wón lèg. A ga jenóštni sztènji, tako te corki są dóródzale¹⁾ jakó jim szło, że 'nà múszela mórze²⁾ mórzec, a jena muszela drzón³⁾, a ta trzecâ late⁴⁾. Tako ten odzakoni vszetko všlèchel. Tako ga te corki przészle dó dom tako że lègle, tako 'ne duo siebie rzèkle: «sôstro, wóbezdrzi mé calo, jako jo wézdru, jo muszâ drzon mórzec»; a ta drugâ rzekla: «jo muszâ pó mórze, pó wódze lâtac». Tak onâ rzekla te trzeci: «tè mórzisz lâte». Tak ten odzakóni lik slècho, a ga zvon dva bële, te młënorz je volo, tako wón ustol, rzek mistrzu: «Nie wólejce jich, 'ne su barzo wumâczone», a rzek, jakâ robótâ 'ne miałe robionâ. Tako mistrz rzek, wón jim žone robóte nie dol wóbnoc. Tako ga zavitro moj wodzakoni idze ben⁵⁾ do mistrza, tej rzek mistrzu: «Jo budo nynia róspowiadol: wóbezdrzéce, ta mlodszo corka je calo jako wóna vezdrzi, a ta drégó, ta muszi po lâtach těr-zac⁶⁾, a ta trzecó, pú morze ve wórzechóvie skórupie». Ten młënorz se muszil krac jinech pâdów⁷⁾, a muszili dac chcec na podrégł⁸⁾. Te dzevczâta nié bëłë vicí mórâmi. A ten wodzekóni soldóta wótrzemal⁹⁾ do sve smierce co wón to wěslèchal.

1) совѣтовались. 2) море. 3) дернь. 4) дрань на крышѣ. 5) внутри (нѣм.). 6) бѣгать. 7) Мельникъ должесть былъ примскать другихъ крестныхъ отцовъ. 8) должны были дать ихъ окрестить во второй разъ. 9) удержалъ въ тайнѣ.

11.

Рассказъ о свадьбѣ.

Tâ bëł roz búr, a mial trze córki, a te tâ starszô tâ wón wëdol; tako ta vestrzênio¹⁾ 'ce vrejaric²⁾, a wón rzek: «Córko, to jidze zá wóstro³⁾ no mia, gdzie jo mom tolko krac, jo bë bëł sztrèchâ⁴⁾». Tako córka placze, nâ bë to' nôżenia⁵⁾ muszela miec koc bë jész tako. A wótc rzek: «Córko, dej se czâsu, czim budo jine czase; to mie ma wiele kosztóne, ta jena svâdzba, a ga b' jo miol tã dregô czinic, te bë se mie nick

1) средня. 2) выходить за-нужь (нѣм.). 3) Нѣм. zu scharf, т. е. слишкомъ шибко. 4) бѣдникомъ. 5) т. е. повоженія, жениха.

nié bělo». Tako corka rzekla: «Wojcze, uczinice wóstro, vě nie dârgoce¹⁾ wielgq svâdzbq czinic, kzotkq a prostq, co mâ przima do grępe²⁾, to vě nie bôce žone jadróbe³⁾ mieli, a te nynia no tako bo⁴⁾, co ma przima le dó grępe, e bo to tako». Tako wotc rzec: «na, nynia no tak bôdze».

1) должны. 2) придется выскрѣ, т. е., будетъ соединены бракомъ (нѣмецкій оборотъ). 3) печали. 4) пусть такъ будетъ.

(№ 1—11 записаны въ Большой Гарѣ, Gross-Garden, отъ 75-лѣтняго старика Якова Либскъ.)

12.

Заговоръ отъ ранъ.

Z ôgardu¹⁾ paradizu
Biegale trzě strużki²⁾.
Jedno biegâ',
A ta drugô scigâ'³⁾,
A ta trzecô stavnie stovâ'⁴⁾.

1) изъ сада. 2) ручки. 3) наговялъ. 4) Мыъ объяснили, что этотъ стихъ значить: «а третья останавливала» (that Anhalt); но точный грамматическій смыслъ двухъ послѣднихъ словъ мыъ неизвѣстенъ.

(Записано тамъ же.)

13.

Отрывки изъ разговора.

Ot starodavnich czasuv tu bělě rěbarskie budě, a te bělě zâs paniske katě¹⁾, a co se chto věrobie, to wôn se wótrzima: vejda²⁾ svojeglosna³⁾, a tórf, drzevo svojeglosne. Nynia mame svojeglosne dôme wótkupione wót pana van Bandemera. Przed tim múszeli robic panu, abo rěbq dajac..... Ląki co tu są, slěchali⁴⁾ do Klěk naszim przodkum, to se zvali Wotok, pachtu⁵⁾ 'ni dajâli szesdesq̄t talaruv; a jak Brinkenhof, Žerochovski pon, dal przékopac kanol, vóda z mórza vēstapila a zagubjila

1) хаты. 2) настѣище (нѣм.). 3) собственный. 4) принадлежали. 5) аренду (нѣм.).

tedó¹⁾ vszetko, a te ve dva lata v Klěkach nic nié krajali²⁾; a ga to' czvorto' roka zôs prziszed Amtman Hasa, ten je zos wzo' a wótrzimal; rzeka są sâma vĕrva', a wóda zbiegla, ale Amtman ląk nié del tregi vici³⁾

1) здѣсь. 2) получали. 3) луговъ уже не отдаѣтъ назадъ.

(Записано въ Клекахъ или Клецицахъ, Klucken).

Привожу здѣсь еще притчу о сѣятелѣ, записанную со словъ одного Словинскаго рыбака, который рассказывалъ ее на память. Она можетъ служить образчикомъ той формы, какую принимаетъ церковный Польскій языкъ въ устахъ Словинскаго простонародья въ Померани:

«Ga wiele ludu przy grępie bëli a z miastew dó niego biegali, movi won przez podobieństwo. Viszed rōsevca (поправился: sĕvorz) vĕsievac semia (поправился: nasienie), a gdy won sol, úpadle niechtore ná drogą, a bilo podeptōne, a ftâchi niebieske pózarli je. A niéchtore spadłō na cviardq̄ zemią a gdy veszło, uschlō, przĕtoż iż miazge nie mialo. A niéchtore padło meze drzōn, a drzone zăduszĕle je. A niéchtore úpadło na dobro rolō, a one vĕszło a przeniosło stokrotne ovec. Gdy on to movil, wolal: Chto ma usze do sluchanja, ten sluchaj. Pĕtali go uczniowie jego, co to bë mialo. Ōn ōdpowiedzal: Vom je done viedzec tajemnictvo Bożĕ; tim drĕgĭm v podobieństwach, żebĕ oni nie vidzeli, choc oni vidzo, a nie rōzumieli, choc ōni czujo. To jest to podobienstvo. Semia jest slovo Bożĕ; ti podla drōg so ti chtorzi je czujo, potim przĭndze djabel i vĕznie je ōt ich serca, żebĕ oni nie viĕrzeli a nie zbavioni bëli. Ti chtorzi na kamień spadli, so ti, gdy ōni to czujo veznio ōni to slovo z radoscq̄, a nie majq̄ kŕzenia, v jeden czas vierzo v nie, a czasu napadu ōdpadno. Ti medze drzoni padle so ti chtorzi je slŕchajo a jido pod klŕopotą, bŕgactvę a v radŕsce svŕjĕgo żeca, a zăduszŕ sa, a nie prziniesŕ żodni ōvec. To chtore na dobrq̄ rolo, so ti co to slovo otrzimajo v svojim dobrim sercu i przĭniesŕ ōvec v cerplevosce».

Для сближенія, считаю полезнымъ вставить здѣсь ту же притчу, также рассказанную на память однимъ старикомъ въ Бытовскомъ краѣ:

«V ten czas, jak wiele lędzi v gromądze bële, i z miastov dó niego przëbiegále, wón gódeł przez podobienstvo. Szed jeden sévorz soc svoje sëmią, a jak ón sël, upádło jedno na drogą a było podeptóne, a ptóchi pod niebię je zjadły; a jedno upadło na kamień, a jak óno schodło, óno uschło, dlo tego że óno soku nie miało. A jedno upadło v drzónë, a te drzone vschódzely téz i to zaděszyły; a jedno upadło na dóbro rólo, óno vschódzelo i niosło stokratny úrod. Jak ón to rzék, ón wołal: Chto usze mo do czëce, tën niech czëje. Jego pítali uczeniçi a rzëkle: co to za podubienstvo bëło? Ale ón rzek: Vama (поправила vóm) je done viedzec tajemnistvo krolestva Boskiego, tim jinszim ale v tajemnistvach, co bë óni nie vidzële, choc bë óni vídzele, a nie rozmiele, choc bë óni czële. Ale to je to podobienstvo. To sëmią je słovo Boskie; ti co na droze sum, to sum ti co to czële; potim przinđze djobeł a veznie to słovo z jich sercov, co bë óni to nie verzële a nie zbavioni bile. Ale ti na kámieniu sum, ti chtorzi, kej óni to czëją, vëznų to słovó z radóscų, ale óni ní mają kórzenia, jeden czas óni vierzą, a v czase napadku óni ódpádnų. To co pod drzone padło, sum ti co to czële, a jidų v klopóce, bogáctvie i pësznosci tego žëca; i zaděchnų i nie niosą žódnego uródu. Ale to co na dobrej role, sum ti co to słovo czëli i otrzimają v dobrem sercu i niosų úrod v cerplivósci.

II.

НАРЪЧІЕ КАВАТЕОВЪ.

14.

Сказка о Столѣмахъ (великанахъ).

Stólěmowie nynia vszetci vĕginanli. Ga jeden roz stólěm szed przéz pôle, wón vidzel že taki mali robaczki¹⁾ wóral²⁾. A stólěm ten miew ránkajcan³⁾, tako wón vzanl vielgi polc wód ránkajce te wón vetk nászewo góšpodarza, szterě wóle, pwug as knopa⁴⁾, vszetko vetk v jeden polc a przenios dó dom a rzek svy nĕnie⁵⁾: «jò przenios taczech mówych rebaczkow». A oná to wóbezdrzá' a jemu rzekwá: «dej pokoj temu, ten mali stwórzilw vszetko cĕ nás budze vĕganiac!».....

1) червячокъ. 2) пахаль. 3) рукавицу. 4) и батрака (съ нѣм.). 5) матери.

15.

О томъ же.

Jeden król miew stól'ma v svym wó'gardze¹⁾, to bĕw mocní kerla²⁾. A kregil³⁾ sobie jédnewo krĕvca⁴⁾ (z nászich lĕdzi), a 'nâ szwá⁵⁾ szpaceróvac v tem wó'gardze. Tą b'wa krĕszka⁶⁾, a na vierzchuczku snózi⁷⁾ krĕszki. A stól'm 'nen⁸⁾ se mog urvac krĕszką, a 'nen krĕvc ni móg dosignuç, jež wón bĕw moli. Asté wóni nádzq drugq krĕszką, asté 'nen krĕvc úchvaciw zâ j'no⁹⁾ vietvią, a nen stulm vzanl a pusciw, asté 'nâ krĕvca narzúcewa¹⁰⁾ na drugú struoną te krĕszki. Asté 'nen stól'm są wóbezdrzew dze 'nen krĕvc są dzĕw, a te wón jemu rzek: hot¹¹⁾, jo jem. Asté oná szwa spaceróvac, a 'nâ natrafiá' vielgi dúb, a 'nen krĕvc rzek: ma múszima ten dúb ucic¹²⁾, asté sobie žark¹³⁾ zgotovac. As ona ucią' 'nen dúb, as vĕrobia'

1) саду. 2) парень (съ нѣм.). 3) досталь (съ нѣм.). 4) портнаго. 5) они шли (двойств. ч.). 6) груша. 7) прекрасная. 8) тотъ, вѣсто open. 9) за одну. 10) перебросила. 11) вотъ. 12) срѣзати, срубить. 13) гробъ (съ нѣм.).

dó żarka, tak dwugim jak ten stolm běł, asté se szúfladu¹⁾ dó zasunienia. Na piervszemu ten krêvc vĕszed v ten żark, asté rzek stól'movi, on miew zasënac jewo, abĕ vidzew, czy páso-vawo²⁾ jemu, a pótém miew szúfladu vĕsignęc.. (Не удалось записать конца, гдѣ рассказывалось, какъ человекъ легъ въ гробъ, какъ великанъ, по его просьбѣ, засунулъ крышку, а потомъ, выпустивъ своего товарища, самъ легъ прилѣпить гробъ для себя, и какъ человекъ тогда, засунувъ крышку, приколотилъ ее на крѣпко и задушилъ послѣдняго *стóлыма*).

1) съ крышкой (съ нѣм.). 2) нѣм. passen, было въ пору.

(Въ дер. Ровномъ, Rowen.)

III.

НАРѢЧІЕ ПОМЕРАНСКИХЪ КАШУБОВЪ.

A. ОКОЛО ЛЕБЕСКАГО ОЗЕРА.

16.

Покойникъ не хочетъ краденнаго добра.

Mój wojc zâmiar jak ón běł*) ósm a osemdziesiąt lat story. Ón p'viadeł, v jednej vsi běł jeden chłop z białko¹⁾. Ta białka miá' ukrâdły płutno, a ga ji chłop zâmiar, dà' 'nâ jemu ód towo kradłó²⁾ płotna muçá³⁾ uszic. Pótému jak ón běł

1) жену. 2) краденнаго. 3) шапку.

*) Должно замѣтить, что твердое *л* выговаривается Кашубами какъ краткое *ў* или какъ Малороссійское *є* въ концѣ словъ (подобно какъ у Верхне-Лужицкихъ Сербовъ). Потому, гдѣ я пишу Польское *ł*, тамъ долженъ быть произносимъ этотъ звукъ *ў* (= *w*); онъ звучитъ особенно твердо въ концѣ словъ. Напротивъ, у Словинцевъ *ł* произносится какъ среднее *l*, на подобіе Чешскаго или Нѣмецкаго. У Кабатковъ различіе между *ł* и *l* (мягкимъ) не соблюдается во всей строгости, и потому я, въ образцахъ ихъ нарѣчія, писалъ *wo* тамъ, гдѣ *ł* имѣетъ этотъ звукъ, и *l* тамъ, гдѣ это *ł* произносится мягко, какъ въ нарѣчій Словинцевъ.

zachovony, přeszed ten zamiarły zâ tržě dni v 'nen jistny dum zos¹⁾, a vszed na kâždy roz dó szpinje²⁾. Jewo białka úzasła są bardzo a nie wiedzâ' co to bělo. On przeszed roz, dva ě tržě. Tak óna nie wiedzâ' co 'nâ miâ' czinic. Onâ są vžâ' a szła do pano xâdza, powiadâła jemu tâ novina. Pon xodz przeszed drěgewo dnia v obłoku xâdzevskim a pitał tó' umiarłó' co won žado. On úkazeł na svų głowâ i rzek: «Tak barzo mie pchá³⁾ jak ga bě cziste jegle⁴⁾ v mî głowie taczaly⁵⁾». Pótem zginuł umiarły a xodz pitał białkâ ód czu' ta muca na jowo głowie běła; a óna mu rzekła, ež jeden roz miâ' kosk płutna svemu sósiadě ukrâdłe, a ód to' płutna tež ta muca chtorq ten umiarły v grób vžól běła. Xodz rzek, óna miâ' od jino' płutna mučâ usžěc, a ga ten umiarły bě zos przeszed, jowo muca z głove múszeła bęc servônô, a ta jino vsadzônô. A tak ucziniła. Jak umiarły przeszed, servali jemu vidłami jowo mučâ a vsadzeli novâ, a on rzek, umiarły: «Tak, tak, to bělo moje žodonie⁶⁾, i ot to' času nie przeszed vicí.

1) опять, назадъ. 2) сундукъ. 3) колець. 4) иглы. 5) торчали. 6) желаніе.

(Записано въ Избѣцахъ.)

17.

Сказка о Дробныхъ или жарликахъ.

U jédnewo gbura góspodarz vészed buten¹⁾ v noci o sztěnji²⁾ jednostnej. Tak sedzel' trzej nâ ogniszczu v domû malinki knópi³⁾, a miel' czervione muce nâ głowie malęczki, a vieróv⁴⁾ se miel' nanieszone, a wielgi wogenj se składal'. Tak ten góspodarz to vidził, a tej mioł strach ež b' oni chěcze⁵⁾ jemu zâpolil'. Tak on jim rzek ce b' chěcze nie zâpolel'; ale óni dó niewo eni słowa nié rzekli, le kívnałi rękó ež ón mioł le⁶⁾ jic spâc.

1) вонъ (съ нижне-нѣм.) 2) часть (съ нѣм.) 3) мальчики. 4) щепокъ.
5) домъ, избу. 6) только.

(Записано тамъ же.)

18.

Сказка о коракъ.

Ga mōra mōrzi, ōna dēszi a jiczi¹⁾, a czasą ōna zasira pol²⁾ wōkna, ōna nie może są dōzdac co b' nen v łuzko szed. A te onā jeo strāszi ga on sedzi; on taki strach dōstōnie co ōn spac rychli jidze, a jak ōn lēgnie, te 'nā ná njeo prze-lēgnie rzecz³⁾ na gąbą⁴⁾ jednak, a te onā bar-zo żwak⁵⁾ robi, ōn lezi a nie może rēszić rąkō ani nogō; poki ōn sa rade nie szuko⁶⁾, a ga ōn dōstanie radą, te jemu sa dō, to ōna wici ni mōże dō nieo przinc. O'n muszi kupic kōrzenj a urzeszic⁷⁾ na sziję, a szersztinką⁸⁾ (объясн. kōminą) ōna przechōdzi dō nieo a poki ōn ni mo rade, to kōtki⁹⁾ skōczą bezla¹⁰⁾ ōkna.

1) стоять. 2) подлѣ. 3) задомъ. 4) ротъ. 5) слабымъ. 6) нѣм.: er sich nicht Rath sucht, т. е. не ищетъ помощи. 7) привязать. 8) труба (съ нѣм.). 9) кошки. 10) возлѣ.

(Записано тамъ же.)

19.

О томъ же.

Na Babim Dōle bēł jeden chłopc, ten sa zwoł Micho Bū-jaka, tewo morzâ' mōra, a cze¹⁾ oni jemu radą szukáli do tewo morzēnjo, bar-zē²⁾ onā jewo morzâ', a te morzâ' tēch gospodârzi vszech dicht ces cały rok, a z jānewo na dręgēwo 'nā chodzâ', a choc na pełniu prze pełnie³⁾ oni sēdzele, te onā jich morzâ', a 'ni zâ niq vachtōvali⁴⁾, a ní mogli jo do uchvacēnio dostac, jak jaden roz tej ten chłupc dostał na piēr-zēnie⁵⁾ gdzie 'nā jewo morzâ' v wołōvim chlēvie, kōsk skōre⁶⁾ (a ten kōsk skōre bēł ta mōra), a tą skōrą ōn wzq a trzimo. A onā sa ucziniâ' jak mocni chłop, a on ją trzimo s tą pierzēną, co onā jewo przed wołowi chlev vēvlekła buten⁷⁾, a te jewo prosâ' mieł ją puscec, jeż b' dō njeo wici nié przeszła. A kej ōn ją puscił, jesz le przed tim nie miâ' jewo tak

1) когда. 2) тѣмъ больше. 3) въ поудень за обѣдоу. 4) сторожили. 5) на перинахъ. 6) кусокъ шкуры. 7) вонъ.

morzône, jak pôtém¹⁾. Tak ónâ mu rzekła, jesz ce bądą morzá' dó rôku, a ke rok vészed, tak 'nâ przestâ' mórzec, a choc 'ni na nią vachtôvali, vici uvachtovac ni mogli.

1) а когда онъ се пустиаъ, то она еще никогда его такъ не *морила*, какъ съ того времени.

(Записано въ Бабиномъ-долѣ).

20.

О Жолдуньяхъ.

Przed czâsam' na Vickie a Chabrovskie grânce¹⁾ běła czarownica polôna²⁾, moc³⁾ s trzemi cômami, a cze⁴⁾ óne polone běle, to ónc dobą⁵⁾ gałovałc⁶⁾, vołałc dú Boga: «mił Božé, mił Božé!» A cômke narzekałc na mác, co onâ je to věucza', co óne polone muszełc bęc. A cze óne spalone běle, te óne tą běle zachovone, a tak stroszałc, że ni mok nicht mimo przinc. Ale jeden chłopc słužil u Chabróvskewo xądza, a te bę' zvôn⁷⁾ dvanôsce v noce, te bęł u xądza Chabróvskewo Janóvski xódz, a tak cemno óbnoce bělo, te ti xádzove są zagodâle, a bęł bę chto tolko dzir-zi⁸⁾, co bę dó Vicka dó dvoru doszed. A xódz Chabrovski rzek, ež talko dzir-zewo chłopc mieł; a Janovski gadó, ež talko dzir-zi nie bęł. A ón szed, kej jewo pôn poszeł, to co ón przeniec mieł to ón przenios. A cze ón przeszed dó tewo mola⁹⁾ gdcz te czarownice palone běle, te oné sa dó nicwo nâlazłc a z nim szły až do cêrkviszcza¹⁰⁾ Chabróvskewo, a oné jewo straszâły, a strach ón ni mioł. A cze ón prziszed do cêrkviszcza, to tą oné zginâłc, dali nie mogłc jic. Talko dzir-zivě ón bęł; a ke ten xódz jewo poszeł, mieł haloc beker¹¹⁾ z óltarza (dał jemu klucze), ón szed vēstrzod nuoce, a ón strachu nié mieł, a haloł beker. A Janovski xódz mieł zasadzônc¹²⁾, że ón talko dzir-zi nie bęł,

1) мешѣ. 2) сожжена. 3) мать. 4) когда. 5) по временамъ. 6) кричали. 7) часть. 8) и эти священники разговорились о томъ, былъ ли бы кто нибудь на столько смѣлъ. 9) мѣсто (съ нѣм. mal). 10) кладбище. 11) принести чашу (съ нѣм.). 12) быдса обѣ закладѣ.

a zgubił parą svěch kóni. A cze Chabrovski xòdz beł dobri, a óstavil jemu te kóni, a xòdz podarovał temu chłopcu dukat.

(Записано въ Избицахъ.)

21.

Дѣвушка обличаетъ своего убійцу.

V starym Szczecinie běło dvoje starěch lědzi, a vicí ní miel' jak jene dzěvczo, a te dzěvczo běło bar-zo tim starim ledzom duobre, a nic nie szło precz wot nich, ni na jáki tónjce, ni nidze, jak wot svewo sósada wót szlachtarza¹⁾ há-livało²⁾ miąso. A ten szlachtarz běł młody chłop. Tak ón skurvil³⁾ 'ne dzěvczą; tak 'ne dzěvczą jemu są skárziło⁴⁾, ež né běło wot niewo ospóne⁵⁾. Tak won ji rzék: «przídzi duó mnie vé wieczere». Tak won vzo ten tępórk⁶⁾ ce ón miaso nim róbił, a ucuł⁷⁾ dzěvczice głovą, as ji zákopał v gnój, as przėrucil naszczepiónewo drzjeva. Tak dzěvcza zginęło, nicht nie wiedzał gdze są dzało. Tak tą cigną⁸⁾ zółnierze precz, tak ti stárzi lědze skárzili sosadovi temu jistnemu co te úczinił; tak ón jim rzek tak: «to jinacz nie je, vaszo córka je se zółnierzami precz cignióno»⁹⁾. Tak óni úvierzeli temu. Tak do tech starech lědzi przėszli trzej zółnierze v kvartėro, jeden beł undroficir, a dva gemein¹⁰⁾. Tak ten undroficira spał z jадnim gemein-zółnirzą, a ten jeden spał wó se¹¹⁾. Tak ga woni tą lėzeli pierszo nóc, tak te dzěvczo do nich przėszło do łůzka a stójało całú chvílę¹²⁾. Tak ten jeden zółnirz, ten gemein, to vidzil, a te zavítre póviadoł temu undroficirze. Tak ten undroficira jemu rzek tak: «Tě jednak co z dzievcząty mosz do robóte, a te v nócí vnet są v óczy vėstavią». Tak ón rzek: «nie, to nieje pruvda, jó s' tim nick ni mom, ale te tu je v tech chěczach niéce niéproste». Tak ón prze nim óstał

1) мясникъ. 2) приносила. 3) растлилъ. 4) жаловалось. 5) растлена. 6) топоръ. 7) отрѣзалъ. 8) идуть (какъ въ нѣм.: ziehen fort). 9) ушла съ солдатами (какъ въ нѣм.: ist mit den Soldaten fortgezogen). 10) рядовые. 11) особо. 12) нѣсколько времени (какъ въ нѣм.: eine ganze Weile).

te nóce. Ga dręgi nóce 'ne przészło zos temu undrofictrovi, tak ón rzek jemu: «Nu, ga 'ne przidze zós trzeci nuoce, tě mie obudzisz». Tak óni bel' obadva dzir-zo¹⁾); a te te dzevczo szło przodka²⁾ nju, a te szło tą gdze ten szlachtarz ją miół zakopóne. Ga zavitro ten undroficira pitoł tech starich ledźl, a stało sa co nóvewo v jich checzach, a óni powiédzel' jemu, iż corka jim zginó', a nicht nie wiedzeł gdze są dzá'. Tak ga zavitre, te 'ni szle tą gdze 'ni vidzel' gdze 'ná są pódzá', tak óni ją ódkopal', ta corka lèza' tą v gnojù zakopóna. A te te běło u oficérov meldovone³⁾ a te żołniérzami dum ob-sadzony, aste ten szlachtarz běł uchvaczony as vsadzony do viązenjo, a te co są z nim dali stało, tewo mě nie vime.

1) не спали (какъ въ нѣм.: waren wach). 2) впереди. 3) возвѣщено (съ нѣм.).

(Записано въ Избицахъ.)

22.

Приглашеніе на свадьбу.

Dobri wieczor przijacele,
 Vszisci v domu jak vas wiele.
 Nynia, na zvón pinc¹⁾ — mace przinc,
 A zvón szesc — króce²⁾ jesc,
 A na zvón setem — bdze sznaps pótem,
 Na zvón ósem — gotovi jesem,
 Na zvón dzevinc — przed xądza przinc,
 A xodz vsziskich nas oboczi³⁾,
 A przed swoją rąką schvoci,
 Nas ótpravi, vszisko stavi
 A nas nazod zos pozbavi.
 Stery z młodym są navroci,
 Nazod do dómu są povroci,
 V domu bądzem znalezoni
 A przy stole posadzoni.

1) въ пять часовъ. 2) праники (?). 3) увидитъ.

Vszisko przed nas 'ni postávio,
 Jesc me bądzem moli, wielki,
 Jedle, pili ten dor¹⁾ vszelki.
 Teroz bądze to do konjca,
 Jadła przy tim i tiż grzénjca²⁾,
 Ta muzyka jest przed drzviami,
 Czeko za vsziskimi nami.
 Bądzem mili tancovali
 A nogami tątraptali³⁾,
 Jesc i pic bdo nádnošzali.
 Oni pucuju⁴⁾ teroz kónie,
 To vsziskó jest już przy zgónie⁵⁾. Amen.

- 1) угощение. 2) поджаренный хлѣбъ съ масломъ. 3) стучать, топать.
 4) чистить (съ вѣм.). 5) на готовѣ.

(Записано тамъ же.)

28.

**Избицкій рыбагъ рассказываетъ о своемъ житѣй-бытѣй и
 промыслѣ.**

Jó běł vczero ná jezerze, a tē¹⁾ nic vici nié ułovił aż szternósce okúnkov a jedna szczuka. To ja posłu²⁾ Vor-blackemu munárzovi³⁾ dzis, a tē chcu⁴⁾ poł-łabje⁵⁾ zéta kupic, ale mě sa barro zéto vidzi druogo, pinc złotéch za poł-łabje won chce miec; ale cze⁶⁾ je brukuje⁷⁾, tak je kupiac muszą, bo hertófel⁸⁾ stórych lacho⁹⁾ je, a przesních¹⁰⁾ nie chceme doch rôd¹¹⁾ vėbierac. A jesz jem są pàrsa¹²⁾ kupił na głupó głovą¹³⁾, do jedzenia starych hertufel. — Nynia ja chcą niewódk robic, alé mie felą¹⁴⁾ kónóple, a z Ruskie nieják oni nie przindą przy tej rebelioni¹⁵⁾ co nynia je, a tē co tą v Lebie są, te

- 1) те и той, частицы, котормя не имѣють особеннаго значенія, и только уси-
 ливаютъ союзъ а (т. е. и, а). 2) послалъ. 3) мельнику. 4) хотѣлъ.
 5) полъ-лѣрм. 6) какъ, когда. 7) вуждаюсь (съ вѣм.: ich brauche). 8) кар-
 тофели. 9) мало, недостаточно. 10) свѣжій. 11) какъ въ вѣм.: wir wollen
 doch nicht gern. 12) поросенка. 13) сдурю. 14) недостаеъ (съ вѣм.).
 15) война.

są barro drogi. Nynia miało bęc do macěce¹⁾, a tej dó slepie²⁾, a tē białko³⁾ bdzesz przędła, co onó bdze nā czas gotōve, bo są czini zěma, miar-zne, mor-z jesta, zěma nastaje, rěbok muszi pāsovac⁴⁾ co na prāvny czas jādra⁵⁾ uczini, bo kupce nalotaję co chcą miec rěbe. — Jō potrzebuję wielgi nievōdk ōbzimę, a wob jeseń to ja brukuję nete⁶⁾ a mrzēzki⁷⁾ a žaki⁸⁾, a ōbzimk⁹⁾ ja brukuję sosācznik¹⁰⁾ v mōrze, a ōb lato zos nievōdk i bōdarze¹¹⁾ na wāgorza pchanie, a tej muszę ōblato brodzic v vōdze. Ale ōb zěmę, ję muszę mec dōbry ōblek¹²⁾, wielgie skōrznie¹³⁾, dōbry kōżech, szerōki bukse¹⁴⁾, wielgō kārvodk¹⁵⁾, a tę wielgō kārpuz¹⁶⁾ co me bdze v głovie cepło, a wielge rākavice, co me cepło jesta, jinaczi jo bęc nie vētrvu¹⁷⁾ tewo. Jo białce rěbe hālaję¹⁸⁾ dla wieczere¹⁹⁾, a białka tež z nimi na kraj²⁰⁾ jidze, co ōna chleba halo, co ma rěbak do zěco, a przē tim rěbak muszi gōrzelk²¹⁾ dobrze pic, bo vōda teruje²¹⁾, trōvi²²⁾, jinaczi bęc nie vētrvu. Nete brukujeme ōb jesenj nā noc v dobre viodro²³⁾ nā pļotki²⁴⁾; je vięzq vē wieczor a jidq dó dom; a zavitro rēno rēna vstac a vēnjic²⁵⁾, a białka muszi przase a frisztik vārzec. A pōtem chłop jidze nā jezero a łovi rěbę nievodk²⁶⁾, a białka muszi dobētk²⁶⁾ a dzeci woprāviac. Neta je cenkō e vozko, a nievōdk je grēbi e głēboki, mrzeza je cenkō a szērszo jak neta. Rěbak muszi gonic rěbę v mrzez²⁷⁾ v kępach²⁷⁾, bo samā 'nā bęc nie szła; a cze 'nā pełnā jesta, te z nie są vēbrone rěbe, a te je vici staviōna na jiny mol²⁸⁾ jaž dó wieczera. A wieczor są povieszone na sōsze²⁹⁾ co ōbnoc vēschnie, a zavitro je zos vzęto a tej je zos z niq łovione, cze je viadro co są gōdzi do łovienio. A cze³⁰⁾ je wielgi viatr, tej nā jezoro nie je jachōne jasz cze viatr ulēgnie, co rěbok roz'miēje svoj czas a vie co

1 и 2) родъ сѣтей. 3) жена. 4) смотрѣть (съ нѣм.). 5) сѣти. 6—8) особе родм сѣтей. 9) весной. 10) ротъ сѣти. 11) багоръ. 12) одежа. 13) сапоги. 14) брюки. 15) плащъ. 16) шапка. 17) выносъ. 18) носу. 19) ужица. 20) на берегъ (въ смыслѣ моряковъ). 21 и 22) извуряеть. 23) погода. 24) родъ рыбъ (плотва?). 25) выйти. 26) скотъ. 27) островокъ, мель. 28) и ее (т. е. эту сѣть) опять ставить на другое мѣсто. 29) жерди. 30) когда.

ułowi. Bo rěbak muszi są zá viodrą richtovac¹⁾. Mome jesz słape²⁾ na kleszcze³⁾, na zimku le⁴⁾, cze kleszcze do kraju dó mrzostu⁵⁾ jidą. Ale to długo nie váro⁶⁾, pinc, szesc dniow, te ón zos jidze dó głąbu. Słap je no ten hort⁷⁾ co mrzeża, ale mocniejszy; on je też rzadkszi, óczátszi⁸⁾, ma vjksze sidła⁹⁾. Żak ma szterze pałogi¹⁰⁾, a dva vąbierzki¹¹⁾, co rěba cze v nien vléze, ni może vēlesc. Rěbak rozdrzeszi¹²⁾, co z niewo vēseje¹³⁾ rěbo, a te jen postâvi zâs co 'ne v nien lezo zôs. Tak rěbe tą vlezq, viatr v nien vnęka¹⁴⁾, vkidne. uczini vóđą biało. O'b zimk¹⁵⁾ rěbaci jâdq ná mórze na ósemset sizón¹⁶⁾ dâlek v mórze, a tej povor-zami¹⁷⁾ cigniq jâdra ná kraj, a cze łososa chvaczą v jêdrze, przicignią, abo jesotra abo flundra¹⁸⁾ abo pomuchlâ¹⁹⁾. Sosâcznik je od grěbêwo kô-nopla, a szternôsce łokc głąboki, a długi sto sizón, a ó dva zimki ón muszi vētržemac.

1) направлять (съ нѣм.). 2) родъ сѣти. 3) лещей. 4) только весной. 5) корость. 6) длится (съ нѣм.). 7) способъ (съ нѣм.). 8) съ большими клѣтками. 9) нитеть большія клѣтки. 10) дуги. 11) клады. 12) развяжетъ 13) высплеть. 14) вгоняеть. 15) весной. 16) сажень. 17) веревками. 18 и 19) какія-то рыбы.

24.

Сказка о Ероснятахъ (жарливахъ).

Běla jedna dzevezina, kej óna jedzénie varzâ', to 'ná se vjednak czosâ' a te vłosy rzucâ' ná ogniszczce¹⁾. As-to²⁾ krôsnią przindze a prosí, ni mą vici tewo robic a tak rzęcec vłosy, bo to krôsniątom běło viele do szkóde. As-to krôsnią rzekło, kej bě óna tewo nie popuszczâ'³⁾, to bě je zlé szło. As jak óno, to dzevezą, běło zos przespóne⁴⁾, tak óna dostâ' mole dzecą. Tak óna roczila⁵⁾ jistne⁶⁾ krosnią do chezenio v komótre, a 'nó tenczas są vstaviło a tej stojało, ale za pódepenk⁷⁾ onó przčniosło dva tálerze zakrěte, a tą běle cziste

1) бросала на очагъ. 2) а. 3) не оставила. 4) растлема. 5) пригласила. 6) этого самого. 7) деньги на зубокъ (съ нѣм.).

vłosy, co 'ná są czosała a tą miâ' wrzucóne no ten mol, gdje 'na ni miâ' rzęcec. As-to voráło ¹⁾ trze dnji, jak krosnią to dzecaą rozmieniło, a to dzecaą co óno je przęciesło, to bëło móle z wielgų gąbą ²⁾, wielgi nos, wielgi ręce, dicht vszitko wielge, a vjednak móle bëło, v grębq ³⁾ óno rósło, ale na vėsoko nįjak. As pótemu te-to dzevczą mieło wielgi strach, nie wiedzeła co miâ' robic, as óna szła dó xądz. As xądz ji rzek eż ón ni mog ji nic pómoc, onâ muszá' s tim spokójna bëc, co ji krósniaą przemieniło.

1) дмлось (съ нѣм.). 2) ротъ. 3) кучка.

(Записано въ Лебѣ.)

Б. ВЪ СЪВЕРОВОСТОЧНОЙ ПОМЕРАНИИ, ЗА ЛЕВСКИМЪ ОЗЕРОМЪ.

25.

Сказка о Дробныхъ или Барливахъ.

Drobné byvali na Babim Dóle przede, óne przechodzale a fudrovalé ¹⁾ vóte, a vóty tak sęte bële, co bë przęc szlachtarza ²⁾ bële. A cze oni ten chlěv rozvalały, te oni im zlě robiły, te oné przszły v chęcze a te czervione ruchna ³⁾ miały, a te oné sa vorzały jedzenie cze lědze szle spac. A te lědze postavily róz ót jaja skórępa ⁴⁾, a cze óne przeszle dręcę noce óni bar-zo są dzivóvale iż oni w takim gropie ⁵⁾ jedzenie gotóvali. A ty drobní to rzeką tak, iż bë talko story jak pielgrzimski las ⁶⁾, a jesz v takim gropie nie vidzá' varzec jak tu na Babim Dole: a lědze jima, tema drobnéma, do psote ⁷⁾ postavile tą skórępa. Tak drobné rzekú, cze óni chco varzic tak pózdze a v takim gropie co jesz nigdy nie vidzały, te oni b' so jiny mol ⁸⁾ ob-rały ⁹⁾. Ale temu góspodarzovi zas szlo zlě, óni jemu dobęc-

1) чормили (съ нѣм.). 2) для мясника, т. е. на убой. 3) одежда. 4) скорлупу. 5) сосудъ. 6) старшій какъ странническій лѣсъ: поговорка. 7) для поруганія. 8) другое мѣсто. 9) выбрали.

kovi¹⁾ brale chorną²⁾ a nosaly jinemu wóspodárzovi³⁾ a fudrowaly dobětk ten gdzie óne běhe. A rzeku⁴⁾ jesz, cze jima nie bu' ten góspodarz dobry, chtóremu óne potąd dobry dobětk trzýmałe, tej teroz ka ón bě widzil, ten wóspodarz, jak jemu bě szlecht⁵⁾ z dobětką szło, cze b' óne do jínego góspodarza fuder věnoszaly; jež óne nie są ná swiece do žodne szkóde, ale do wiélgewo profitu tą gdzie one są włożą, te one fudrują dobětk wóбноce, a góspodarz wóдженj⁶⁾. A chlev óni trzýmą v sztandze⁷⁾ a czisto, tak že žoden zły tą nie przindze, tą gdzie óne svq góspoda⁸⁾ majú. Ale chto jima dobrze robi, tą gdzie woni są, tą óne jesz dzesinc roz lept robiq; ale chto jima zlě robi, te óne gorzě cziniq, jak ke bě zły duch nad tim góspodarzą móć mieł.

1) у скота. 2) корнь. 3) хозяину. 4) говорить. 5) дурно (съ вѣд.). 6) днесь. 7) въ хорошемъ состоянн (съ вѣд.). 8) житье, хозяйство.

(Записано въ с. Харбровѣ.)

26.

Вовъ на свадѣбу (госцѣннє).

Otto jestem posłani posłaniec dó vas
 O't teho poczlíveho pánjca navožénjca¹⁾ N. N.,
 O't te poczlíve panne brutki²⁾ N. N.
 Ve vtork³⁾ koła wósmе na frísztik,
 A tej do koscoła, a z koscoła do goscinca⁴⁾,
 A z goscinca v naožénski dom.
 Tą mdzeme⁵⁾ pili i jedli,
 A te pótemu mdzeme táncováli,
 Až bdzeme béczke⁶⁾ ná dna vevrocáli.

1) жениха. 2) невесты (съ вѣд.). 3) вторникъ. 4) домъ, гдѣ готовится угощєннє. 5) будеть. 6) бочки.

(Записано тамъ же.)

27.

Разсказъ о Столмахъ или великанахъ.

U jednych panov visá' vielge žebro ¹⁾ na želaznem rzecozu ²⁾, na pámiatku: to bělo od stołymov. Jeden stolm vzoł na bătuk ³⁾ taki vielgi kám a pusił jen v ógrad; trzista puntov ⁴⁾ ten kám važíł; a vzoł ten kám v rąka, a pólce sq jednak do znánio jesz. Te stólmovie zgináli ód pótopa. Moj syn wóráł roz, a nálož od stolmov. cziste gnote ⁵⁾ v pudle ⁶⁾. To stólmovie spólili a póchovali. Stolm jeden roz stojał na kámieniu, a nogi do vidzenio jesz sq, velnali v ten kám.

1) ребро. 2) цѣпъ. 3) на палку. 4) фунтовъ. 5) кости. 6) въ ящикѣ?

(Записано въ Сорбскѣ.)

28.

Разсказъ о Карликахъ.

Moj moź szed roz, a szło szesc krosniąt, se trzemale za ręce, a vszetke take małe, a mieli czervione mucki ¹⁾ na głowie. Tu je taki dvor, a tą lédze běli, a matka szła dó pieca a piekła chleb, a tej moź óstał sedzące na łavie. A tej z dręgi jizbe przėsšlo dvoje krosniąt, bar-zo stáry chłop a bar-zo młodi, a małe vózika ²⁾ miał, dvoje konie białyh. A tej przised też xódz, a tej starą białką z młodim chłopem chcal zdavac ³⁾. A tej przėszed jeden stary chłop, a młodo białka. A 'nen chłop co sedzoł na łavie, a te movił, tak nie zadavac, story do stórewo, a młodi do młodéwo. A tej 'nen voz z 'nemi kóniami biego' precz, a kónj są vēplėszczał ⁴⁾. A moj chłop vídzel že beł miech, a běli cziste pieniądze. — Roz przėsšlo jedno krosnią a vzią dzecą z kołybki přecz a połožá' miotłą, a tej kobieta vsta' a mėsleła že jej dzecą bělo, tej b'á miotła. Jeden ubogi chłop przėszed a rzek: bij tato, oni prziniosą zos; oni bili tą miotłą, to bělo krosniące dzecą, a tej krosniąta vzałi zas tą miotłą a dzecą przemiesle a položili, ale

1) красныя шапочки. 2) тележку. 3) вѣнчать. 4) выбился.

mieli barzo pobite; te óno nie żyło długo, óno pómiarło. — Roz u jednych panov vzále tež přecz dzěcą a položili jine dzecą z wielgą głowų a z wielgemi uóczami.

(Записано тамъ же.)

29.

Сказка о жолдунѣ.

Běła v Vierzhúcinie białka a tą gódáją že bardzo zle robiła lědzom. A ona tu roz przěszła do Osék, a przěszła do nášewo zóka ¹⁾, a tej ta jewo białka szła buten ²⁾, a 'ná nie dá' te czaróvnici to co 'ná ód nji chcá'. A te óná do nji przistópi, a zatknó ji chustą ³⁾ dó koła szej i a rzekła: takó młódó białka muszá' snóže ⁴⁾ jic, a tej óna zázraz ó tej gódzinie óglupia ⁵⁾, tak co nicht ni mog ją trzamac, a dycht bële-co ⁶⁾ gódá'. Te ta czaróvnjica przeszła zas do Osék, a tej nasz xódz sie dóviedzeł že běła v Osékach, te ón sa vsádził ná konia a vzó kórbocz ⁷⁾ v rękę, a te do nji jachu, a tej ją bił, a tej rzek: «Tě co mużesz czarzec ⁸⁾, ó czarze že mje», a vjedno ⁹⁾ ją bił. A bił ją dó lasa jasz ná grančą; a jak ón nážad jachu, tak jewo konj zdrzucił ¹⁰⁾, ale ón ósta' visájóci v strzemie, a tej kónj jeo vlek esz do Osék: telko ¹¹⁾ ta czaróvnjica jemu doch dorobiła ¹²⁾.

1) школьный учитель. 2) вонъ. 3) платокъ. 4) красивѣе. 5) сошла съ ума. 6) всякую всячину. 7) кнутъ. 8) околдовать. 9) постоянно. 10) сбросилъ. 11) столько. 12) надѣлала (бѣды).

(Записано въ Осѣкахъ.)

30.

Заколдованная конская нога.

U nas zrobili že dobětk nam nijak nie gryz ¹⁾, a te leżá' końska nóga na naszym dvorku a moj chłóp gado tak: eszle

1) сдѣлали, что скотина у насъ никакъ не ѣла кормъ.

ta noga ma co krziv¹⁾, te on ja zanos na pole ruten²⁾, a jak oni sa o'bezdrzeli, tej noga bila tez zos na dvorku. Te on misli, ze pies ja przewlek, a doł ja zos zaniesc po'konc o'groda, na wielgę jablonj ja poviesil, a tej ke se o'bezdrzeli, ona bila zos tu. Te on ja doł zaniesc a zakopac, a to nic nie pomogło, ona le zos bila tu na dvorku. Tak me ja vzale a przez trze mieze³⁾ zanieste, a tej kula⁴⁾ v'ekopali v trzeci miezi a te vrzucele 'na noga. A z kazki miezi vzali jesme kam a knepelj⁵⁾, a tej na krziž vrzucele no 'na noga, a tej 'ne kamienie vrzucele tez no 'na noga v kula, a tej ona nie przeszla, 'na noga, nazad. A po'ki noga sa nałoża', dobetk nie griz vjedno. A tej jo halá⁶⁾ zos s tech trzech miezi trze kamienie, a z kazki tez sztěk⁷⁾ drzēva, a 'ne kamienie ja rozolala⁸⁾ a tej jo z njimi krēpe⁹⁾ vezolala¹⁰⁾, a 'ne knepeljki zpolala a tej na fuder jima je posypa'. Tej dobetk nom zagaz vszaden¹¹⁾ griz.

1) въ чешь виновата. 2) вопъ (съ нѣм.). 3) межа. 4) яма. 5) пакочка, тычинка. 6) я принесла. 7) кусокъ. 8) раскалила. 9) ясли (съ нѣм.). 10) обвела горячимъ. 11) всегда.

(Записано тамъ же, отъ старухи.)

31.

Разсказъ о Столымахъ (великанахъ).

Roz woroł od tych stolmakov jeden, a tej sa nalaz taki robaczek od naszich ledzi, a te jo¹⁾ vzol v svoj rakaviczni palc a przenios jewo duo dom. A tej on ostał u nieo do robote co on muk robic, a stolmak miel v stodole²⁾ do draszovania³⁾ zelazne cepe, co ten mali chłopik nie muk odniesc je, tak on ji miel probovone. Tak on gada' ze 'ne mu byly za letki⁴⁾, ze jemu nie lonovate⁵⁾ z njimi robic. Tak vloz ten малы chłop na bałka, a tej sa knoval⁶⁾ bałka do bicza co jimi chce draszovac. Tak stolem przeszed a zdrzel na nieo a

1) его. 2) амбаръ. 3) молотъба (съ нѣм.). 4) слишкомъ легки. 5) не стоило труда (съ нѣм.). 6) вырубалъ топоромъ.

píteľ jeo. co ón tã chce robic. On gadaľ, ón sa jině cepy muszeľ vėsztelovac¹⁾, te jemu nie lonovate²⁾. Tej ón jeo póngeň ógenj zniecec³⁾ dlo kucharki, a tej ón ógenj zaczon niecec a nimuk go zniecec nijak. A ón stojaľ a dođo⁴⁾ nijak nimuk zadic ógienj, žebe se zapoláło. A tej, 'neo stólema biaľka v szěsnice⁵⁾ ležáľa, a tej na nieo zdrzáľa, a jak na ľúžku ležáľa, z ľúžka poczáľa dyc⁶⁾, a taki forsz⁷⁾ jemu daľa, že chľop zaroz ruten z komina⁸⁾ vėleceľ e ná dak⁹⁾ przeszed. A tej chodziľ pón dace a shiraľ knupėľjki¹⁰⁾, tak 'nen stólm vėszed zaroz ruten a jeo vidzi, a tej ón gadaľ, cež ón sa chceľ. A ón gadaľ, že nie muk ógnia zaniecec, tak ón se halaľ knupėľjkov žebě ógenj zničĩ. Tej ón ná nieo vądziľ, co ón mieľ zlezc nadoľ, te ón mieľ dla kúcharki vodeľ dracht¹¹⁾ hálac. Ale tej ón przeszed a 'nech źelaznych vąbórkuv¹²⁾ ni mug wudniesc, tak tã beľ taki vielgi kluoc¹³⁾, tak ón do no' kluoca szed a począ 'nen kluoc dľubac a chca' sa vąborki sztelovac, že te běľy jemu za lichý. Tak 'nen stólm przeszed do svojej biaľki e rzek: «ma muszima jeo odpuscic, ón je na naju za mocnĩ, ja mėszeľ ež jo beľ mocnĩ, a ón je jesz mocniejszi».

- 1) приготовить (съ нѣм.). 2) не стоили труда (съ нѣм.). 3) развести. 4) покуда? 5) въ родахъ. 6) дуть. 7) силу. 8) возъ изъ трубъ. 9) кришу. 10) налки. 11) съ нѣм. zu Recht. 12) ведеръ. 13) чурбанъ (съ нѣм.).

(Записано тамъ же.)

32.

Вѣдныѣ сторожилѣ гробъ богатаго.

Roz beľ jeden pón bogáti a te 'nen ubógi człowiek tagłownik¹⁾ ósteľ jemu vinien²⁾, a tej ten bogáti póm̄ar. A tej nen przed tim jesz wiedzeľ že mieľ póm̄rzec, a deľ vóľac no' ubógewo do sebe, tak rózkazał cobě nad jewo gróbą ten ubogi nad nim wóbnóć vachtóveľ³⁾. Tak 'nen ubógi jidze do sveo próboszcza⁴⁾ a radziľ se tewo próboszcza, co bě te b'a za prziczina že ten pón rózkazel jemu to. Tak 'nen xodz jemu rzek: «Ja brace, to

- 1) поденщикъ (съ нѣм.). 2) долженъ. 3) сторожилъ (съ нѣм.). 4) священникъ.

bůdže lácho»¹⁾. Tak 'nen xůdz jidze z njim nů 'nen grob, tak xůdz jemu zrobĩ kůło paléců²⁾ na grobie, a ten ubogi muszeł ve strzodku tewo kůła stojec, a rychł³⁾ źebě mie seszed z 'neo kůła, jasz xůdz bě przeszed a jeo za rąką uchvycĩł. Tak kol dzesqtej tej zaczną pse jawůvac⁴⁾ jak bě zá zajců biegałe, za cmėtarzę⁵⁾, a co růż to bliźĩ do 'neo cmątarza. A strzelce těj przebivále bliźĩ a tej záczołe strzelac, a 'ne strzelce' strzelac v niewo, ale kule⁶⁾ padále do 'ne' kůła. A tak jewo vszelejask straszėle, cō bě jewo z 'newo kůła vėdostale. Jasz nĩ mogłe vėdostac, nie szed. Tak náloz są wůgenj, palėła są cháłupka⁷⁾ tewo ubógewo, tak przĩndze jewo źóna, a te godo: «poj⁸⁾ źe, co źe tu stojisz, ko widzisz, je pon pochovůny, vej⁹⁾, tobiė vszetka tvoja bieda¹⁰⁾ spoli». Ale nick nie uvazeł a nick niė movĩł jasz zos za chwilką po nim wůgniu jidze xůdz, te mu godo: «Poj tě dů dum, ju mosz svůje vėstojáły». 'Nen nic-le stojáł. Szed 'nen xądz v kůscoł, a tej tą v kůscole take gráni¹¹⁾, spiváni szłů, tą běło naboženjstvo, a vidno běło, ju dzenj bėł. Ale to vszitko běło umanieni¹²⁾. Tej jidze 'nen xůdz z kůscoła nazod, ten mu movĩł: «Na, poj, teroz tě mosz dobėtė». 'Nen nic-le stojół, osteł stojóc. «Na, ceź do robóte, tak óni mu movili, poj tě, mė ci důme miech pieniǫdzi». Przėnesle se miech pieniǫdzi, a rzecėle¹³⁾ mu miech pieniǫdze kol onėwo kůła, a v kůło nĩ mogłe wrzėcec. Ale nasz xůdz mu mieł dóną páliczką a tej 'nen chłop mog dosignųc¹⁴⁾, a zrobĩł nůve kůło kůł onėwo miecha. Alė nie seszed. Tak óni niė wiedzeli jak; a vzqłĩ szpodą¹⁵⁾ a tej zemiǫ kopále gruntą co mógłĩ do ne' zarku¹⁶⁾ przĩnjc. A tej jak óne do 'newo zarku przėszle zemiǫ, tak z 'newo umarłewo zdzėrzle skórá. Tak 'nen niė wiedzeł co mieł czėnic, mieł wielgi strach źe dobrze nie vachtovał, tak zrobĩł nad 'no, dzuro, zas kůło. Muszeli mu 'ną skorą ostavic. Tak tej zos kurė¹⁷⁾ pjały, tej są robĩł zos dzėnj; tej nasz xůdz

1) скверно. 2) кругъ палкой. 3) прежде. 4) занимать, лаять. 5) кладбищемъ. 6) пули. 7) хата. 8) ножъ. 9) смотри. 10) бѣдное имущество. 11) игра (на органы). 12) обманъ. 13) бросили. 14) достать. 15) шагу. 16) къ тому гробу. 17) вѣтухи.

jádre a tewo zá rěká uchvycil: «Teraz poj se mně v kósoč». A piemódze óni so z 'nim xádrě podzělěle.

(Замечано тамъ же.)

33.

Czasna o smřě.

Běli trzě vandřovčice, jeden běl króvc¹⁾, drěgi szěvc²⁾, trzeci kóvalj. A tej zrobili tako kumrocká³⁾, co chodzěli póspóř vszitce trze; tak chodzěle wiele lát v grěpie⁴⁾, jak jima są roz trafiło, że przeszle w oěžím kráju v wielgi los nieswiadómy. Tak muszeli tu wóstatc wóbnoc pod takim drzěvicą. Tak teroz zrobili sa wógenj, tak tej powiadajo so: «ja, ma muszima pi-lóvac⁵⁾, bo tak vszetci trze usnóc ni możem; na przódku muszi ten nóstarszi». 'Nen nóstarszi pówiadeł: «ne, ma mdzema cignqle kavle-⁶⁾». Tak chwěcało na przodku szěvca, a tak 'nen szěvc stojú na 'ne váchce pó dwie gódzine. Tak 'ni dvaj spale cviardo. Tej przindze do nich smók⁷⁾, tej chce wujesc jich. Tak 'ne mieli hersze⁸⁾, bardysze. Tak 'nen smók miel dwie głóve; tak ón jemu sciój jedná, a tež drěgá; ale vzq smóka a závlek v stróná, žebě kamróci nie vidzeli a nié mieli strach. Tak teš muszeł pótemu kóval stojec, tak tej przindze smók z trzemi głóvami. Tak 'nen zos robił 'nim berdýszę, sco jemu vszetki trze głóve. Tak zos ucignq v stróná, bo króvc běł taki bojáci⁹⁾, že bě nie vachtóveł. Tak zos 'newo zbudzil; te 'nen krovc vachtóveł. Tej przeszed smók z dvanóscq głóvami. Tak krovc se mészleł: «Nech je abo tak, abo tak, abo moja smierc abo vaju smierc». Tak zaczoł rqbic, robił jasz zco jewo tež. Tej zos běł ju dzěnj. Te ni prziszli v sztrit¹⁰⁾, tak ten pówiadeł: «Mnie trafiło zle», a drěgi powiadeł: «Mnie trafiło tež zle»; tak dálece až muszeł každý okazac, jesle běła próvda. Tej óni są zos vzále a szle, a przeszle do jednewo miasteczka v róbotá, tej tą robili a óstali.

1) портной. 2) сапожникъ. 3) товарищество. 4) нищета. 5) сторожить. 6) пробиі. 7) злїй. 8) лопаты (?) 9) трусливий. 10) споръ (съ нїмъ).

(Замечано тамъ же.)

ВЪ БѢТОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

34.

Сказка о Столымахъ (великанахъ).

Bělř mocní lédze, se názyvali Hinjovie, ale to běli te Stólyniovie. Běli sědmi stop Jich spóřeli dó popiořu i záchovali v gárnki (po kászubsku pótý¹⁾), te pótý stoją jesz z vąglami. Ti běli zřt, kej²⁾ dóřtali lédzi, to jich pářli³⁾ i szláchtovali⁴⁾. O'ni dóřtali roz měřych knópa⁵⁾ i dzěvcza, a vsádzeli v taką jizbą a dóbrze póřli, co óni mieli sěti⁶⁾ bęc; a tej běla dzůrka vé dvierzach, gdje mieli pole větknęc i óni patřzeli czy są sěte; ale te dzeci větkli kněpel⁷⁾ drzevenř. Na ostátku óni ich doch óbezdrželi; tak ta vjelgo biařka óřtařa doma, a chłop szed a vszětkich przijaceli hălăř⁸⁾ dó gromady, co bě jich piekli a tą pieczeną jedli. Tak chłop rzek do biařki: «Póradzi-ř tě jich zăbic», a piec óna ju miă napolóni. Tak te měřy drva nósili; a ted knóp mimi⁹⁾ do tej biařki, óna miă mu pókazac, jak ón ma sědzec na óřzegu kej zachce go piec. Tak óna sedne, a ógien běř rozgarnióny. Tak biařka se pósadzì, a knóp schvaci ją a vsěne ją v piec. Tej óna są úpiekřa. A kej prziszed ten vielgi z przijacelami, to ón uzdržel głová biařki v luřku, tak jak bě óna spařa. Ted óni se nájedli, a te měřy běli dávno pryč.

- 1) горшки. 2) когда. 3) откармливали. 4) убивали (съ нѣм.).
 5) нальчикъ, нальчикна (съ нѣм.). 6) смѣти, т. е. откармлиемъ. 7) напугу.
 8) созвать (съ нѣм. holen). 9) выражаетъ мнѣнiе (съ нѣм. meinen).

35.

Равсказъ о ирещенiи Вендовъ.

Na przed tu byli pógóni, jich nazывали Věndovie, tu ten cořy kraj, i bądze kilka set lat že jich krszczřł. Prziszed jeden xqdz (piěrszego puscele ná vodę i rzėkli, kedy masz tákiego mócnego Bóga, to niech ci teraz z vóde pómože; se názyveř Lesřav); póřtemu przeszed dręgi, ten se názyveř Otto, a te

ich zos dó tego cignoł¹⁾, a jeden vzoł kłónjicą²⁾ z vóza i chceł go zábic; a on úskocził, co on go nie trafił; tak on tego jístnego chrscił; i on rzek: *daj Bog co jo ce nie zabił. Ot těch czas (далѣ не умѣлъ старикъ разсказать.)

1) привисаєль, собств. тягуть. 2) толѣвную помощь.

(Записано въ Бѣтовѣ.)

36.

О вѣщихъ (упыряхъ).

Vieszczi kej púmrze a bódze zachovóny v žark¹⁾, to ón se dostone žgło²⁾ i žvie³⁾ je, až nobležszech prijacelov, ojca, matkă, jédnego po drugému vcigne⁴⁾. Tedy moc takô dostóne, i jidze do zvónov⁵⁾ i zvóni i tak dalek, jak ten głos jidze, to vsziti púmră. Tak nom te stórzi lédze pówiedale. Pó Pólsku je upior, pó Kaszubsku vieszczi. Oni viele razy odkopały a rylem⁶⁾ głová sciali, to oni v žarku sédzeli e běli decht⁷⁾ živí, krej⁸⁾ jim mogli vidzec ná lici, decht czervioni běli.

1) гробъ. 2) рубаху. 3) жуєть. 4) втянєть. 5) колокольня. 6) заступомъ. 7) совсѣмъ (съ нѣм.). 8) кровь.

(Записано въ Гржицѣ, Gramenz.)

37.

О морахъ.

Ta móră przindze e mórzi lud. Ona prziszła z cize zemi e mórziła jédnego chłopa vjedno. Tak jemu dóradzili¹⁾ jiny, ón miał zatknúc dzură v dvierzi, povruzk²⁾ tam vélec, to jeden jiny zatknę tą dzură jemu. A ted ón ócucił³⁾ decht szikóvnă⁴⁾ dzévka prze sebe v łozu. Tak óna go prósiła, on miał jej tą dzură ódetknúc, ale ón to nie zrobił vici. Ta zostá ú niego, i on z nią se ózenił i miał z nią dzece. Tak kej te dzece běle vielgi, tak óna jedno dzece prósiła, žebě tą

1) посоветовали. 2) веревочку. 3) увидѣлъ, замѣтилъ. 4) красавицу.

dzurą ódetkło. On to miał zakozóne¹⁾, ale to jedno dziecę to ódetkło. Jak ono ódetkło, to ona też była přecz.

1) запретилъ (какъ въ нѣк.: er hatte verboten).

(Тамъ же.)

88.

Загадка.

Sztëre chónë¹⁾, sztëre patrónë,
Dwa póganiacza, a jednego nádganiacza, a co to jest? —
Отвѣтъ: А то је krova.

1) или обозначилъ, что это значить четыре сосца у виномы.

(Тамъ же.)

IV.

НАРВЧІЕ КАПУЦОВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ПРУССИИ.

89.

Сказаніе о мальчикѣ, проданномъ дьяволу.

Jeden furman jacheł, a tej jacheł przez błoto, a tej zătënuł tą, a ni muk nijak wëjächac. Tak są nálóz jeden co jemu chceł pómoc, ale zapisac miał jemu o czim nié wiedzeł dómá. Ale mészleł że o vszëtkim wiedzeł, tak 'nen vzo vóz a mu wëpomog. Tak ón przëjacheł do dom, a tą beł syn urodzëny. Tak ten furman zos bardzo jiscił¹⁾ że miał syna zapisóne. Tak 'nen syn kej uros, tak ón piteł: «ojcze, o czim klopecesz tak barzo»? Tak ón rzek: «ja ce mom diabłë zapisóne». Tak 'nen knóp, «ej nie miej o tem są jiscec», że ón bë z teo wëprzeszed, bëlle uros. Tak 'nen chłop są barzo uczeł, co bë

1) безпомогся.

xoǰę mog być. Tak ǰn szed dó piekła, a szed dálek przez las, tak ǰn nóc zasta' tǰ, tak tǰ běł budýnk¹⁾ v tým lese, tak tǰ běła stóro baba dǰma. Tak ǰn ją prósi, miá' jeo wǰbnoc otrzěmac. Tak ona godá': «ja²⁾), jak chłǰp moj przindze, ǰn mdze viedzeł ze tu cezi je, a tej ucknie se»³⁾). Tak 'ná 'noo knopa otrzyma; tak 'nen chłǰp prziszed a cknǰł, «tě masz tu koo ceziwo». Tak 'ná białka poviada: «ja ci poviem, tu taki knop jidze dó piekła». Tej ǰn chceł' noo knopa zabic a 'na barzo prosá', tak on 'noo niézabił, ale są mieł v piekle oviedzec⁴⁾), ce tǰ o Remiaszu běł⁵⁾) (to beł teź jistny mórdierz). Tak 'nen knop tǰ ósteł wǰbnoc, a dregiwo dnia szed dó piekła. Tak jak on przeszed dó piekła, tak tǰ sedzeł jeden na leńcuchu⁶⁾), a ten knop mieł wǰtciny⁷⁾ vode vzǰte a mieł take krǰpiedło jak katolecke xǰdze miają; a jak przeszed, dichtig prisko na tewo co na leńcuchu běł, a tej ǰn chceł zopis miec-zos. Tak ten co na leńcuchu, trǰbi za temi tnszimi, tak jinszi przěszli, a jeden niě przeszed nijak, a kej ǰn muszeł przifc, to ǰn nie chceł onǰ' zǰpisa dac; tak on vjedno vǰdǰ ná tewo co na leńcuchu běł chilił⁸⁾), a jewo barzo polǰło⁹⁾). A tej ten co miał zopis rzek: «bierz-ta a rzut-ta¹⁰⁾ na Remiaszovo lǰže, gdje same brzětve e nǰže»¹¹⁾). Tak 'nen se úzas a zopis věrzucił. Tak 'nen knǰp vzǰł zopis, a tej szed nǰzad do Remiasza ná nǰc. Tak ǰn temu Remiasze 'ne pǰviadeł jake lǰže dla niewo běł. Tak Remiasz rzek, ten knop mieł jemu grzechi ǰdpussec; a knop chceł, ale pǰviadeł, žebě věszěkoł ten kij¹²⁾ ce nǰwici¹³⁾ zabił lědzi. Tak ǰn ten kij vsadził v zěmiǰ, a Remiasz muszeł klěknaç¹⁴⁾ koł tewo kija; tak 'nen klěk tǰ a knop pǰviedzeł že mieł tak dǰugo klěczec, jak bě zas do nieo przeszed. Tak z knopa běł ksǰdz, ǰn są doměsleł ǰno' Remiasza, že tǰ kleczeł, szed tǰ na ten mol¹⁵⁾); tej Remiasz kleczeł jesz a z tewo kija běli rǰzgi¹⁶⁾ věrǰsli a zeleniały a jabka věrǰsli ná nim; ale

1) строение. 2) да. 3) будетъ досадовать. 4) осъѣдниться. 5) какъ тамъ дѣло было съ Реміашемъ. 6) на цѣпи. 7) ? 8) направлялъ. 9) полизало. 10) берн и брось. 11) гдѣ только бритвы и ножи. 12) отыскала ту палку. 13) наибольшее. 14) стаъ на колѣни. 15) мѣсто. 16) прутья.

Remiasz bęł zdęchły ju. Tak 6n jemu dał sp6viedz¹⁾, a tej zruszeł ten kij, jabka spadłe a vszętki dó nieba lecące: to bęłe dęsze²⁾ zabitych; a Remiasz sa rozsępu' na kęski a przeszed do zbavienia.

1) исповѣдную молитву. 2) души.

(Записано въ Жарковѣ.)

40.

О Креснятахъ (карлинахъ).

Bęła roz jedna dzęvka a chodzęła vjedno¹⁾ doic krova a bili tą krasnięta, a 6na miala skorępkę, a 6na mię jima v tą mlęko lac; a oni to vipili a tą skorępkę full pieniędzy vjadno dęli. Tak dlęgo ta dzęvka mię miech pieniędzi ju full. Tak 'nā ze męšlila, což ja bđę z temi pieniędzami robięa; tak nie dā' jima mlęka vicі. Tak 'ne kresnięta zapitali, jak mlіka nie dęli. Tak onā poviedzā': ja nie brukuvā'²⁾ tych pieniędzi. A 6ni poviedzeli: «na, na, ke ti nie bādzesz brukuvā', tak me bādzeme viedzeli, co me zrobimy». Tak co 'nā miech pieniędzy mię, z tewo miecha z6stā'³⁾ miech vszi. Tak onā sa, 'na dzęvka, navrocila i davā 'nym kresniętom mleka, tak dlęgo jasz ta kresnięta nazad ji devā'⁴⁾ te pieniędze. Tak z6s ty kresnięta ję prosili na vesele⁵⁾. Tak onā przeszla i 6ni ję tą do jedzēnia przeroczāli⁶⁾. A 'nā dzęvka viedzā' že glępie bęło z ni6, bo chceli j6 zabic ta kresnięta. Ale jednak so jesz vęszkrobā'⁷⁾ a uceklā jim.

Jo roz tež vidzil jedno kresnię, a ono sędzalo na kolo-vroce⁸⁾, a mialo czervionę muckę⁹⁾ i n6 mię¹⁰⁾ so przeziralo. A ja g6d6l svojim starszim¹¹⁾, že jo vidzil, a mnie nie vierzęle, a dręg6 noc ja vidzil z6s.

1) постоянно. 2) не нуждалась (съ нѣм.: brauchen). 3) сталъ. 4) давали.

5) на свадьбу. 6) пригласили. 7) собств. выскреблась, т. е. высвободилась.

8) веретено. 9) шапочку. 10) на меня. 11) родителямиъ.

(Записано въ Сваржевѣ — Schwarzwau: нарѣчіе Болхецкое.)

41.

Рассказъ о двухъ умникахъ и третьемъ глупомъ братѣ.

Běl jeden gbūr¹⁾ a miel trzech sěnov. A te dvaj bělē chitri, a trzeci bil glūpi. Tak pōslel jich dō lasa. Tak vnoce jak 'ni zaczęli rambic, tak 'nen glūpi rzek: dajta pōkoj²⁾; a tej ucek, a tej lesnŷ³⁾ ūchvycil 'nich chitrych, tak 'ni dvaj przēszi v tormā⁴⁾ a 'nen glūpi rzek: «a kej bē jestā mie, brace, slēchāla, to bē bělo dōbrze. A co mōta teroz z tewo; teroz muszita sedzec v tormie; va glūpewo niē chceta slēchac, a że ja glūpi jem, a jo-ta mom prosto⁵⁾»).

1) умникъ. 2) оставате. 3) лѣсной сторожъ. 4) башню, тюрьму. 5) а я-го свободнѣе.

(Записано галъ во.)

42.

Рассказъ о вилокѣ.

Niékara — to je vielk. Przez morze ód Pucka przepłynul niékara, a to bil vilk, ale mě zóveme niékara, a ón to óvce jud. Tak me przestavili tu jádro¹⁾ od jédnewo mōrza²⁾ do drugtvo co be ūchvycic. Tak nen niekára przeszed v to jadrop a tej me jewo zos ustrzelēle w tym jedrze.

1) сѣть. 2) на Гельской косѣ, отъ открытаго моря (vielge mōrže) до Пудзана залива (mēte mōrže).

(Записано въ Халенгахъ, рыбацкихъ избахъ, на Гельской косѣ.)

43.

Шуточная пѣснь.

Kej tō jō beł gōspōdorzę¹⁾, — miel jem bēdłō hojne²⁾:
Sztērē kōte do robōte, — ě dva vruble dojne.
Przed tym bēłō take czase, — jadłō sę bez ókrase³⁾
Kłuski z popiołū⁴⁾ (bis).

1) хозяинъ. 2) многочисленный скотъ. 3) безъ приправы. 4) клѣцки изъ вешу.

Mieł jem szura¹⁾ bez oğona²⁾, — a z pułtorę wucha:
 Zrobic deł jem z niewo sobie — dobrowo kozucha.
 A z oś trze kulawe³⁾ môle⁴⁾ — chtere sedale v stodole⁵⁾
 Pilnějąc zboża⁶⁾ (bis).

Pod pałacę mím fundament — taki zakłódony,
 Żudnym spósobę nie może być — věpovedzóny:
 Słúpe⁷⁾ z viatra postaviłone — na trze przętre⁸⁾ odmierzone
 Z góre⁹⁾ do dołu¹⁰⁾ (bis).

A z oś scane z pajicżene, — ôkna vszetke z lode,
 Jak to bëło mieszkac miłe, — nie cerpiec głode.
 E sve kure e sve szure — zászadził jem vszetke dzure¹¹⁾
 Bě se množeló (bis).

A dak¹²⁾ snuzi¹³⁾ nad pałacę — bëł ód cení súnca.
 Przezerájac sę chto ná nien — ni mug dozdrzec kunca.
 Bo bëł dzivnie zbudovóny — pajicziną obijóny
 Od pajka decht vkuł¹⁴⁾ (bis).

Łuzkó moje ná powietrzu — bëm sę nie skołateł¹⁵⁾,
 A pod-spud¹⁶⁾ konski oğon — vjedno przepleteł.
 A pod głową mészce¹⁷⁾ jaje — gwesno¹⁸⁾ tewo nicht nie znaje,
 Bo go nie vidzeł (bis).

A jak zácne¹⁹⁾ pomieszkánie — kej bęsce viedzél.
 Póti²⁰⁾ zéjece ná sviece — takewo nie miele,
 Jak jo jem vum ópoviedzeł — poviem vici, kej bëm viedzeł,
 Abo pamiętył (bis).

Proszą viedzec ó mem pódvorze — jake sprzęte,²¹⁾
 V novim plęgu²²⁾ pórobione — jake są věkrete²³⁾;
 Vóz słomiany²⁴⁾ ószadzóny²⁵⁾ — kurzą farwą²⁶⁾ malovony
 Na podziv sviatē (bis).

1) крысу. 2) безъ хвоста. 3) хромиа. 4) моли, отъ моль (наѣжкоме).
 5) въ амбарѣ. 6) сторожа хлѣбъ. 7) столпы. 8) яруса. 9) сверху. 10) дыры.
 11) крыша. 12) красивая. 13) отъ паука совсѣмъ вокругъ. 14) ударился.
 15) внизъ. 16) мышное. 17) достоверно (съ нимъ). 18) великолѣпное. 19) пока.
 20) орудіа. 21) якугъ. 22) вычурности. 23) телѣга соломенная (т. е. сдѣланная
 изъ соломы). 24) шероховатый. 25) куриной красной.

Kôla běte szibovône¹⁾ — ôgónami²⁾ psemi,
 A kej są to jachálo — nie tykało zemi.
 A za sobą e przed sobą — paradovel³⁾ tą ozdoba⁴⁾,
 Nie běło ztratě (bis).

Pěszno z przudku, lěpji slude⁵⁾ — kôždemu sě zdało.
 Sztěře sledze⁶⁾ pocigałe⁶⁾ — barzo to lecało.
 Kjele⁷⁾ ône vskok biegałe — e nidze sě nie scigałe⁸⁾
 Chyba na miescé (bis).

Czeludz môja dva stôre pse — e dva slepe kôte.
 Kej jem jim kôzeł załozec⁹⁾ — do svéj robôte,
 Slepe kôte pazurami¹⁰⁾ — jak bě ôstremi szpónami
 Dzarle ochotnó (bis).

A stôre pse zabôviale¹¹⁾ — stodôłami memi,
 Ôtmłocěle vszelko zbože — ôgónami svemi,
 A kej przěszło mierzec zbože — nic nié běło, ach môj Bôže,
 Jak posěpałó¹²⁾ (bis).

Vszetko mnie sě nie udało, — tak poprzedac muszę.
 Vzavsze pałką wudom sě¹³⁾ — v jak nudalszą puszcze¹⁴⁾,
 A kej sě s kim vitac¹⁵⁾ bądę — dom¹⁶⁾ mu pałką, vnet¹⁷⁾ go
 Dlu vjksze trvogi¹⁸⁾.

1) обиты шинами. 2) нѣм. paradiren — щеголяль. 3) убрaйствонъ.
 4) сзади. 5) сельдя. 6) тянули. 7) когда. 8) не догоняли. 9) когда я
 имъ приказывалъ приняться. 10) когтями. 11) завѣдывали. 12) когда поспалось.
 13) отправляюсь. 14) въ самый дальній лѣсъ. 15) здороваться. 16) дамъ.
 17) тотчасъ. 18) для лучшаго страха.

(Вейеровское произношеніе. Сообщено г. Цейновом.)

44.

Простодушный женихъ.

V Kelnie niédalek Gdónska przěszęd ruz jeden prostóczk
 do zdôvaniu¹⁾, e pěszne do ôłtorza przěstapił. Ale jak jewo

1) къ вѣнцу.

se xjadz zapyteł: «masz dobrą i nieprzymuszoną volę» i t. dal., pódrapeł¹⁾ se nasz naozeni²⁾ nuprzud v głowie, ótemk gębę³⁾ co mu vszetki ząbe běło vidzec, e rzék: «Ceż⁴⁾? Tej xadz ná niewo povsteł⁵⁾: «Nuj, błaznie⁶⁾, odpovídaj! chcesz tě se z tą panną zenic?» Nasz kochani naozeni jesz ruz se v głowie pódrapeł, úsmiechną⁷⁾ e rzék: «Jegomoscłuku⁷⁾, he co, co, kó⁸⁾ ju⁹⁾ se jesz nigde nie żenił, co jo vej tej¹⁰⁾ tak to nie viem, ale kó jô, żebe ju to niechceł, to bě ju to niebêł.»

1) поцараналъ, почесаль. 2) женихъ. 3) ротъ. 4) что такое. 5) на него напустился. 6) дуракъ. 7) уменьшит. отъ jegomość, ваша милость. 8) когда. 9) я. 10) vej tej: частицъ безъ особеннаго значеніе.

(Въ Вейеровѣ, Neustadt.)

45.

О кроснятахъ.

Leżù jeden muž ze swoją białką v łuzku. Tak ón ódeck¹⁾; movił do swojej białki: «Ve-le²⁾ moja białko, tu som krusniąta, a pod mojim kołkem³⁾ prządze jedno, a múzyką barzo strogo⁴⁾ majum z wielgim veselem». Tak jego białka móviła: «Chłópie, vélez z łuzka a zervi czupką z głove, dadzom ce piéniendzy». Tak chłóп zervoł czupką z głovy, tak krosnię przinǰde dó niego. «Oddej me tą czupką, panie.» — «A jo ci jej nie oddom, jasz me zápłacisz.» Tak przinǰde take małe krosnię, mniejszi jak chłópiec, a stáruchny, vasy pód nosem miało jak óvczarz. A temu chłóп movił: «Prodzi⁵⁾ ci tej czopki nie oddam, aż mi miech piéniądzy prziniesesz. Koždú noc jesta táncováła v moji jizbie, moja białka miała kołko póstavione na skrzynią, a va sta go vzała a tej prządła.» Tak jak chłóп vstoł z łozka, to miech piéniądzy kol łozka leżoł. Tak żona sa úceszęła, svemu chłóпу gąby⁶⁾ dała, że miech z piéniądzami kol łozka leżoł.

1) проснулся. 2) смотри-ка. 3) прядка. 4) грозную. 5) Польск. прядзу, скорѣе, т. е. прежде. 6) подблуды.

(Записано въ Хилънѣ, въ Каргаузскомъ округѣ.)

46.

Приглашеніе на свадьбу.

Môji viêlci e przezâcni¹⁾ przêjacele! Prôsę vas z wun-
 njiženim wó vëboczënie, že jo tak smiâlym stepę²⁾ vjêzdžaję;
 gdež môm jêdnę pôvôžnâ³⁾ chřescijânskâ sprâvę⁴⁾; chtërâ
 wóde mnie laskawie przejit⁵⁾ prôsę. Jem jo pôslôni wód wutce-
 veho⁶⁾ pâna młodého e wód wutceve pâni młodê, to je wód N. N.
 Te dvje wôsobe zameszlâjâ sôbie przejit sakřâmënt małozënstva
 swiëtého na pjrszi pôniedzêlk. Zâprosžaję viac vaspânstvo
 na pôniedzêlk e na tak dlûgo, pôki viesêle tryac mdze, bó
 ten akt chvalëbni bez lëdzi e bez przejšoť wódpraviôni bëc
 ni môže. Tak prôsžâ pôn młodi e panië młodô žëbe ta rôczba⁷⁾
 žôdne vëmovki⁸⁾ nimia', bó bë ten afekt zesmucôni wôstëť.
 Zo tÛ wûslugę mdze ta młodô pôra⁹⁾ z wutcevořsâ wôslaviôno,
 na každîm miësce vaspânstvu vevzdžëczec gôtôvo. Na wô-
 stâtku prôsę tÛ môjÛ lechâ, prôsëžâ za vzdëcznâ prëjit. Na
 kônce pôsëstvÛ mdÛ.

Jëszlem jo w czîm dôbrze niëvemovieť

To vë lepî do mie przeživôjce,

Ze szklannicâ pîva przepijôjce;

Nie bëľâ bë to nôvina,

Chôc bë bëľâ szklônka vîna.

Niech mdze pôchvalôni Jëzus Christus.

1) почтениые. 2) шагомъ. 3) важное. 4) дѣло. 5) принять. 6) почтеннаго.
 7) приглашеніе. 8) отговорки. 9) пара.

47.

Тоже.

Môsçëve¹⁾ Pânstvo!

Viëlce wumîžënie

Prôsę wó vëboczënie.

Z'ëmce do vielmôžneho Pânstva tak mëlym stëpkę vstâpieť.

1) Милостивые.

Mám ce jo tež správe
 Žebě le mie vaspáństwo veboczělo¹⁾

E mojim prosbom poslěchac sę raczělo.

Nôprzod jem jo tu przesłóni wód Nówěszszeho Bôga, Mátki
 Przenosvjětsze e vszětkich sviętech; a pčtemu wód tēho dvoįga
 lědzi, co to zameszlāja

Wod kôskoła Bôžeho

Stáne małožěnskeho.

Viec wód wielmožneho Páństwa pŏslugi le žądāja:

Žebě jim to łaskávie wuczeniło

E swojā grzecznoścā ten akt przewozdobilo.

Vszakže to rzecz przewŏjito, že ten stŏn małožěnski bez
 lědzi spraviŏni bęc nimŏže. Viec tej wŭproszaję wielmoścęve
 páństwo, tak tež wuprŏszo młodi kaváler e panna brutka:

Žeběsce sę v pŏniedzělk dŏ domu viesělneho zgromadzěle

E tę sę dŏbrze pŏczestovále e jesz lepi zabovile.

A pŏtemu s tēho dŏmu viesělneho

Pŏprovádzim sę dŏ koscoła Bŏžeho.

A gđe kapłan tę pŏrę lědzi przed tribunálę Bŏżkim zviáže

Žebě e mě jesme tę bële,

Pána Bôga za nich prosěle.

A pŏtemu pŏprovádzim sę do kancellárij, czěle, pŏproste
 rzěksze, dŏ karczme.

Abě jesme sę tą pěrznę²⁾ zabavile,

Jědnę abo pŏrę szklonk piva vĕpile

E tę³⁾ nowožěncov międze sobā, rozvieselěle.

S karczme pŏprovádzim sę dŏ domu viesělneho. Tę mdze
 co jesz e co pic, e na czim wusádnac,

Co Pŏn Bog nadárzi,

To kuchorz wuvárzi.

Bądā tę sęte bārane

Przéd pane,

1) извинили. 2) минуту. 3) тамъ.

Skópe¹⁾ — Przed chłopie, Wówiecki — Przed białécki
 Jagniątka — Przed brútkę e dzevczátka,
 Będzie tę co jészce,— Mda tę rěbe co sę nazǔwają lészce.
 Wód kúrov e gęsi mie panna młódó rachúnka nieskłódá',
 Bó mie czim rechłi v drógę wészłá'.
 Bądą tę też jabka e wórzeche
 Dlo nas vszétkich viksze wúceche.

Wiec tej wúprosają miłoscève panstvo, tak też wuprószo
 pon młódi e pána młódó:

Żébészce wózki, kólászki²⁾ wéprovodzále

Pó-sztere abo szesc kóni zaprzegále.

Żebě także paniczkovie kónie sodłále

Prze pórze pistolétov do viesélného dómu przejezdžále.

Tó wespánstvo barzo mile mda przijmóvale, e jo też tę bądą

Tak e jo do kóchánech gósci przepiję,

A móže jednę e dregá, szklónkę wépiję.

Na kóncu miłoscève páństwo prószę, ábe mie przeboczéto.

Vszákze vie páństwo bázro dóbrze wó tim:

Zem jo newuczály

V szkólach niebywały

Dze móg bém sę czeho nawuczec,

Niejedni páni grzecznie póslěžec³⁾;

Jem też człówiek pódrózni,

Proszę żebe mieszk⁴⁾ nié wósteł prózni.

Móm ce kóńnika czórneho,

Prószę wó wóbrok⁵⁾ dló nieho,

A dlo mie wó szklónkę piva lub wódki,

Po nászemu zvóne górzélki;

A iészle nie wódki to wóde,

Dlo drúzbe viksze wóchote;

Lechó nié běła bě też nóvina,

Żebě běła szklónka rómu abo vína.

1) барань. 2) коляска. 3) не одной госпожѣ вѣжливо послужить. 4) мѣшокъ,
 сума. 5) корытѣ.

A tѣroz tim dvojigu lѣdzom daj Bŏže szczestlѣvi pŏczǎtk e zbaviѣnni¹⁾ konc.

Niech mdze pŏchvalŏni Jѣzus Christus.

1) счастливой.

(46 и 47 изъ окрестностей г. Каргуса, Carthans.)

48.

Человѣкъ вырываетъ души изъ ада.

Jeden pański kucharczyk¹⁾ szukał sobie służby i przyszed do samego piekła, tam kotły obskacał²⁾, a tedy on trzy lata był v tom piekle u tych szatanov. Tak tedy ti szatani poszli na wędrowkę a jemu zakazały, co ōn ni miał zazdrzec do tych grapov³⁾, co se tam gotowało. A on jednak nie mog se vstrzymac i zazdrzeł, a jeszcze wierzej⁴⁾ obskacał; a v tych grębach same dusze se gotowały. Tak tedy oni poznѣli zaraz jak do domu przyszli, i jemu vadzili⁵⁾, że tam zazdrzał. Tak oni sa pytali co on za myto⁶⁾ chcał miec, tak on movił, że żadnego myta, jeno⁷⁾ chcał v kŏźdej grǎpie swojǎ sukniǎ umoczec. Tedy tǎ suknia była barzo cenżka. Tedy szed do svojich rodzicov z tǎ sukniǎ. Tedy tej sukni ni mog donieśc, tak szed bez⁸⁾ jednǎ łŏczkę i tam zasnuł na tej łŏczce. Tedy jak ōdeck⁹⁾, to barzo wiele oviec chŏdziło przy nim. Tak on se pytał, gdzie ich ōvczarz był, a ony mŏviły, że ōn był jich ōvczarz, co ōn jich vybavił z mǎk pieczelnych¹⁰⁾.

1) поваренокъ. 2) чистилъ. 3) котлы. 4) вѣриже, прилежнѣе. 5) выговаривали. 6) награжденіе. 7) только. 8) черезъ. 9) проснулся. 10) адскихъ.

(Рисниско у с. Стяжницъ — Stendzyc — на сѣверъ отъ г. Косцерским — Behrendt.)

49.

Gǎsor¹⁾ pierze²⁾ na jezerze.

Ach muj miły inszǎ bierze.

Niechaj bierze, niechaj raczi,³⁾

O mnie Pan Bog nie zabaczi⁴⁾.

1) гусакъ. 2) поется, плещется. 3) изволить. 4) забудеть.

50.

Vedle lasa, vedle želonego
 Nie vidzelisce dzevczaca mojego?
 Vidzelisme, sztere myszki gnała,
 Sama piąta czarne oczka miała
 I roszczką¹⁾ pógoniała.

1) прутышокъ.

(Танъ не.)

51.

Ej povoli, povoli — Chodzi kurek¹⁾ po roli²⁾
 A kokoszka po rzisku³⁾. — Kochajmy sia braciszku.
 Łup, cup, nożka v nożkę — Skoczeł kurek na kokoszkę.

1) пѣтушокъ. 2) по пашнѣ. 3) по жниву.

52.

Kóło Chójn'ci miasta w jedni vsi są stało
 Że sę dvoje ledzi v sobie zakóchało (bis).
 Wón tę do nie chódzeł, nockami vėsodeł¹⁾
 Co wo nji wusleszeł, vszetko ji pówiodeł.
 Wóstatne noce wó pirszi gódzienie
 Vstań kóchancezko, wódprowadzisz te mnie.
 Kóchaneczka vsta', wódprowadzec chca'
 Bjelechną chusteczka wóczka včera'.
 Wódprowadzeła go do dvoru peszneho:
 «Jidze²⁾ Jaszinku z Bógę do domu svójeho».
 Wón ją dali łudzi³⁾, bě go dali viodła
 Ale wóđ żalu ju dali ni mogła.
 Wódprowadzeła go jasz tę na rostaje⁴⁾,
 «Jo tę tu zabije, jo cę niedostóne».

1) ночи проснивалъ. 2) иди. 3) манить. 4) распутъе.

— «Ach moj nómjilszi, daj že se wuprosec¹⁾,
Bąde jo do Bóga módlitve zanosec».

«Ach mója nomjilszo, njedom se wuprosec,
Bo²⁾ tvójich módlitev je wu Bóga dosec»³⁾).

E na kark ji skóczel, ręce załamowel,
Żodne letosce³⁾ nad nię niewukozel.

E tę je zabjił e tę ją póchówel
Pószed do dom, rodzicom powiodel.

«Ej rodzice, rodzice, co vē póměšlice,
Vszak mi szczerého kóchanio niezgúnice⁴⁾).

Ej rodzice, rodzice, na smirc mie niesądzce
Ale z włosnim vyrokę spokojni le bądzce⁵⁾).

Naprzod wo⁶⁾ to proszę, na kóło mie bijce
A pótem mie na szebienię cegnice⁶⁾).

Magdalenka lezi pód zelonim drzeve,
A jo chcę bic bjiti pód gólim niebę.

1) упросить. 2) довольно. 3) никакой пощады. 4) ? 5) но удовольствуйтесь
только своим собственным приговором. 6) тащите на виселицу.

53.

Swieci miesąc, słonce grzeje
Do kochanio serce mgleje¹⁾.
Kóchalésme se dwie niedzele,
Wo²⁾ tim ledze niewiedzele.

Jak se ledze dowiedzele
Wo²⁾ jce, matce powiedzele.
Cebie biją a mie łają³⁾,
Vo³⁾ bojgu³⁾ nóm vstíd zadają.

1) маеть. 2) ругать. 3) обонь.

Pujdę drogą wónim złobę
 A tě, dzevczę, wostań z Boge.
 Abo pujdę vedle bagna¹⁾,
 A tě dzevczę, jidz do djabła.
 Tě mie djobłu njepólecoj²⁾
 Bó mie Pan Bóg nie wobieceł.
 Je to v niebie zapisóne
 Że tě masz bęc moj kochóni.

1) возлѣ боюга. 2) не отсмѣй, собств. не поручай.

54.

Przesniło se Anuli w pókóju leżáci,
 Że vidzá' Jaszulinka pó mórze plěnáci.
 Oj rěboce¹⁾, rěboce, dlo Bóga żeveho,
 Nié vidzelesce tež Jaszulinka meho.
 Oj vidzele, vidzele, ale nieževeho
 Pó mórze plenáci, mieczem przebiteho.
 Věskoczela Anula z wókna vėsokieho
 E věrvá' wóstri miecz z bóku Jaszinkoveho.
 Oj věrvá', oj věrvá', sama sę przebiła
 Svoje mełe²⁾ serduszko na vodę puscela.

1) рыбаки. 2) маленькое.

55.

Na 'ni stronie goj, goj ¹⁾	Nieszczestlevo matka běła
Zeleńi sę moj, moj.	Co żołnierza póródzela.
Tę pasturki pasą wołki ²⁾ ,	Żolnierz jedze borę lasę
Ptoszki jedzą z gronka ³⁾ .	Przemierając głodę czasę ⁴⁾ .
A tě mełi Jaszku	Trzeba jeho pórátovac,
Nie robi mie krzivde.	Chleba sole nie žalovac.
Jo do cebje zavżde chodzę	Suknia na njim nie brakuje
A tě do mie nigde.	Viater dzurmi przelatuje.

1) роща. 2) волость. 3) съ волки. 4) порожь маленькая отъ голода.

Chócož zołnierz wóbszarpani ¹⁾ ,	Stoji kónjik niezeveho
Jednak jidze medze pani.	Czesze nozka koło nieho.
Skóro v bębne wuderzono	Věczosel doł pó kolana
Na vójenkę rozkazono.	Žalejáci sveho pana.
Starszo sostra jeho wuzna'	— «Póki jo miał sveho pana,
Kónjika mu wóbsodła'.	Jodeł jo to góle zorna ⁶⁾).
Młodszo sostra jeho wuzna',	A téroz úi pečzka słome.
V pravę ręczkę miecz mu da'.	Wóbidzają ⁷⁾ mie kręce ⁸⁾ , vrone.
Wójc e matka go wuznale,	Lepji doma rolę wórac,
Wóczka svóje zapłakale.	Njiž na vójnje verda ⁹⁾ wołac ¹⁰⁾).
Nie płacz wójcze, nie płacz matko,	Lepszo doma kapuszczezna,
Povracę sę za trze latka.	Niez na vójnje kurzeczezna.
Nie věszed rek ³⁾ nji półtora	Bó na vójnje szable kruszą,
A tę cigne ³⁾ zołnierz z pola.	Niejeden sę žegno ¹¹⁾ z duszą.
Kłaniaję sę Vaszmoscovi,	Kjej sę bądzesz z jednim vjiteł,
A jak dalek moj brat v póle?	Mdze cę dręgi s tełu chivoteł ¹²⁾).
«Wón tę ⁴⁾ leži na padółku ⁵⁾	A trzeci ce njic nie rzecze,
Trzimo głovkę na kamienku.	Le ¹³⁾ cę z vierzchu szablą secze.

1) оборванный. 2) годъ. 3) идетъ въ походъ. 4) тамъ. 5) въ оврагъ.
6) чистое зерно. 7) объѣдаютъ, или обимають. 8) вóроны. 9) кто тамъ, съ нимъ.
Wer da? 10) кричать. 11) прощается. 12) покуда станешь здороваться съ
однимъ, другой тебя хватить съ тылу. 13) только.

56.

- Powiedz że mie mója lúba, cze tě kóchosz mie?
- Vielgo mie wóchota bierze, wodpóviedzec: nie.
- Jo jem chłopczoł szekovni, peszni, mom złota e vse¹⁾.
- Kóždo godo że tak je²⁾; jo póviodaję: nie.
- Jo jem chłopczoł staly, vierni; sviat mie vzorę zvie³⁾.
- Chócož povie tak sviat cały, jo póviem: nie.

1) дорожитъ. 2) каждый говоритъ, что это чужъ. 3) известность прихвотитъ.

57.

Pręgnowo (vies niedalek Gdonska).

Przed wiele, wiele laty běł tę, dze teroz Pręgnowo je, czerni las a las, tak że le kiede niekiede sę tę pasturz z będłę¹⁾ zabłąkał. Jedną razę zgubił tu pasturk nolepszego bulę²⁾, chtereho ju trzi dnji prozno szukeł. Czviorteho przeszed wón do jedne gore, czesto drzewę zarosłe, e jeho pies zaczą barzo łajac. Jak wón som blezi do psa przestąpiel, vjidzeł wón, jak jeho bik³⁾ na przednich kolanach kleczeł e lizeł vierzch krziża. No ten cud⁴⁾ vszeszce ledze ze sąsędskjich vsi sę zesze e vķópale tę cały kósoł, chtery jesz pódzisdzen v Pręgnovie steji.

1) со скотомъ. 2) быкъ. 3) быкъ. 4) на это чудо.

(51—56 записани въ Косцеринѣ, Behrendt.)

58.

О Кроснѣтахъ.

V Mechovie sę krosniąta na jednom molu¹⁾. Tą je vielgo gora, a pod to gorą sę stęgne²⁾, to idze aż pod jeden dum, a kiej jo běła mąła, to mě tą niéraz zázdrele³⁾, te tą stupe⁴⁾ ód kamieniov běłe, a te tą běła jedna biafka ná nive idzóno⁵⁾ grąbic⁶⁾ żeto, a mią mołe dzęcko przę se, a je położyła zá rząd⁷⁾ a to dzecko baro vrzészczá', a tej oni rzekli że mią, jic to dzecko vzic a mu piersi dác. A oná rzekła, niech le lęzi jeż, a te jak ná zós przeszła, te ji dzęcko běło přecz, a lęza' małe krósnia, a to krósnia to jesz zęje dziséjszeho dnia, a je decht malinki chľuop z tákó vielgo gluovą a take greby nuogi a rance a polce też grebí.

1) мѣстѣ. 2) тропинки. 3) заглядывали. 4) столпы. 5) и тамъ одна женщина пошла въ поле (какъ въ нѣм.: wag auf das Feld gegangen). 6) сгребить граблями. 7) за суслоуъ.

Jak jô b'ła take mąłe dzęcko, te mě vic szłe zázdrzec a te krosniąta, kiej me zazirále, przeszle dô przęte co mě mogle jich decht vidzec, take czerzvione suknie 'ne mieli óblekłe.

A te jak b' oni za námi biegalí, chceli nas chvátac, a kiej sa mróczno robílo, te mě slécháli že oni spievále vszětce, decht smóže¹⁾ mogle spievac. A te jo szła jédnowo wíeczora spác, a te jak jó běla v lůzku, te jo ocucála²⁾, te stójało jedno mnie koła lůzka a jo zaczy' vrzeszczec³⁾, a jo niewiedzá' nic co to bělo, a muj wojc rzek, ja miá' doch cicho bęc. A tak jo ležá', a tak są obrocała do drugi stróne te wóno zas se wobrocéto, a szło přecz. Moj wojc je decht mug vidzec jak 'no szło.

1) очень хорошо. 2) ощущала. 3) кричать.

(Въ Лѣснови — Lesno — въ сѣверной части Хойницкаго (Коницкаго) округа.)

59.

О вѣщичкѣхъ.

To bělo v Krókovie przod laty katolěcki koscioł a tej zámiarle chłuop a białka, e zámiarle dvaj sěnovie e trze corki. A te jak vici dzěci oni nie mieli jak te pjinc, a te zámiarle przějacele decht vszětki, a te začzale oni zvónic. Naprzodku czuli te zvóne organista tej ón szed dó koscioła e zátzymał te zvóne, zaczął pácierz móvic, te vici nie zvónili; a te szed z nim ten co kule¹⁾ kopie a vici jesz lědzi, szle na smántarz²⁾, a te ódkopále tewo chłuopa a tą białką co na przodku zámiarle, te ta białka sedza' v zarku a ona miała czěsto³⁾ palce a miáso z ráku objadłe a te kolane obgrězłe; a ten chluop tež. Tak óni vzáli szpada a temu chluope a te białce głuovą zepchli; a te polozełe jich zos v zark a déli jima kóždemu sztek jádra⁴⁾ v zark. V tem jadrze są take malénke vązle, to te vieszczy kóždeho roku muszą taki vązel odrzeszec⁵⁾, a te mają s tim róbotą. A te zóś óni jich zakopáli v kulą.

1) яны. 2) кладбище. 3) чисто, т. е. совсѣмъ. 4) кусокъ сѣти. 5) такъ эти вѣщиче должны каждый годъ развязать по одному такому узлу.

(Тамъ же.)

60.

Matko moja matko — Cos mnie výchowała,
Lichej žes pociechy — Ze mnie doczekała.

Doczekała smutku — Viélkiego frasunku¹⁾:
Prowadzą na vojna — Jak psa na postromku.

A po skonczonej wojnie — Każda svego pojmie.

V polu muszę stojec — I v polu nocovac,
Choc by miał co jesc — Nimam v czym gotovac.

Dadzo mi kocołek — I przykrywa²⁾ na to,
A ja ubogi żołnierz — Stracę życe za to.

A córeczka płacze — Lamentuje
Gdzie své' męża postradała³⁾.

— Ach córeczko nie płacz — A mężá nie żałuj:
Cisni⁴⁾ stary vionek — A nowy mi podaruj.

1) печаль. 2) кришку. 3) потеряла. 4) брось.

61.

Siva gaska, siva — Po jezorku pływa,
A z viélgego kochania — Rado nic nie bywa.

Bieży voda bieży — Na dolé się vraca:
A kandy¹⁾ się kandy — Kochanék obraca?

Bieży voda bieży — Po kamieniach buczy.
Chto kochác nie umi — Miłosc go nauczy.

1) куда.

62.

Ja parobek, ty parobek¹⁾ — Pudzem oba na zarobek²⁾
Co zarobi, to przepije, — Przindze dó dom, żonka bije,
Żona płacze, lamentuje — A mąż spieva, podskakuje.

1) батракъ. 2) заработокъ.

(Въ Скаршевѣ — Schöneck, въ восточной части Косцержинскаго округа: нарѣчіе
почти Веліко-Польское.)

СОБРАНИЕ

СЛОВИНСКИХЪ И КАШУБСКИХЪ СЛОВЪ.

Собрание это заключаетъ въ себѣ употребленія Померанскіи Словинцани и Кашубани слова, которыя формою или значеніемъ разнятся отъ словъ Польскихъ, или же вовсе не существуютъ въ современномъ Польскомъ языкѣ.

Въ этомъ собраніи не воиѣщены тѣ Словинскія и Кашубскія слова, различіе которыхъ отъ Польскихъ заключается лишь въ измѣненіи нѣкоторыхъ гласныхъ, составляющемъ постоянное и общее свойство Словинской и Кашубской рѣчи и указанномъ нами выше (таковы на примѣръ: превращеніе а въ о, о въ ъ, у (ы) въ ё, пропускъ смягченія гласныхъ послѣ с, з, употребленіе жъ вмѣсто ѣ и т. п.). Но коренныя слова, сходныя по звукамъ съ Польскими и отличающіяся отъ нихъ удареніемъ, приняты въ собраніе, насколько онѣ могли быть замѣчены составителемъ.

Не включены слова иностранныя (большою частію нижне-нѣмецкія), весьма многочисленныя въ рѣчи Словинцевъ и Кашубовъ, кроми нѣсколькихъ, которыя такъ у нихъ усвоились, что получили совершенно Славянскую фізіономію (на пр. глаголъ кѣгас, чаще употребляемый въ сокращенной формѣ кѣс, получить, съ нѣм. kriegen).

Основнымъ матеріаломъ настоящаго собранія послужили слова, записанныя самимъ составителемъ съ устъ этихъ Славянъ. Тѣ выраженія, которыя онъ слышалъ у Словинцевъ, отиѣчены буквами сл.; эти же слова употребляются большою частію и у Кабатковъ, отличааясь тамъ только твердымъ произношеніемъ звука І; лишь тѣ слова, которыя, сколько составитель могъ

замѣтить, исключительно принадлежать нарѣчію Кабатковъ, отмѣчены буквами каб. Наконецъ слова, при которыхъ нѣтъ никакой отмѣтки, слышаны составителемъ у Кашубовъ въ собственномъ смыслѣ: при кратковременности его пребыванія въ тѣхъ мѣстахъ, онъ впрочемъ не можетъ сказать утвердительно, чтобы то или другое слово, имъ записанное у Словинцевъ, не было также извѣстно Кашубамъ, или на оборотъ, чтобы многія слова, значащіяся въ этомъ собраніи какъ Кашубскія, не употреблялись и Словинцами.

Сверхъ того, въ собраніе включены слова изъ небольшого рукописнаго лексикона Кашубскаго, составленнаго г. Флоріаномъ Цейновоу и обязательно имъ сообщеннаго пишущему эти строки. Слова эти отмѣчены буквою ц. Онѣ записаны г. Цейновоу у Кашубовъ въ Западной Пруссіи.

Г. Цейнова доставилъ часть собраннаго имъ лексическаго матеріала II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, которое напечатало этотъ матеріалъ въ приложеніяхъ къ своимъ „Извѣстіямъ“ (*), подъ заглавіемъ „Сборникъ основныхъ словъ Кашубскаго нарѣчія.“ Тѣ слова, которыя находятся въ этомъ сборникѣ, отмѣчены здѣсь звѣздочкою. Впрочемъ, соображаясь въ настоящемъ глоссаріи съ этимъ „Сборникомъ основныхъ словъ Кашубскаго нарѣчія“, составитель исключилъ попавшія въ него многочисленныя имена и слова иностранныя (какъ-то echo, — эхо; Kristus, Christus — Христось; preson — тюрьма и т. под.), а равно слова, тождественныя съ Польскими (на пр. baba, brat, człowiek и пр.), и старался исправить вкравшіяся въ этотъ сборникъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неточныя объясненія (такъ напр. слово jałowica, объясненное въ Сборникѣ „сила, крѣпость“, значить: нетель; gzegac (въ Сб. „ломать“) значить: рвать (т. е. имѣть рвоту); gzes (въ Сб. „любезнѣйшій“) значить: задница; sizen (въ Сб. „монастырь“) значить: сажень и др.)

(*) „Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій“, томъ V, л. 17.

Наконецъ, составитель пользовался еще небольшимъ спискомъ Кашубскихъ словъ, составленнымъ покойнымъ Прейсомъ и помѣщеннымъ при отчетѣ его Министру Народнаго Просвѣщенія, изъ Берлина, отъ 20 Юня 1840 года. Отчетъ этотъ извѣстенъ ему въ Польскомъ переводѣ, напечатанномъ въ Краковѣ въ 1850 г., въ брошюрѣ «Kile słov wó Kaszebach e jich zemi, przez Wójkasena» (псевдонимъ г. Цейновы). Слова, заключающіяся въ этомъ спискѣ, отмѣчены здѣсь буквами пр.

Для удобства тѣхъ, которые будутъ пользоваться настоящимъ собраніемъ, не лишнимъ кажется повторить здѣсь въ азбучномъ порядкѣ объясненныя выше сокращенія, прибавивъ къ нимъ и другія, встрѣчающіяся въ этомъ глоссаріи:

быт. — Бытовскій край.

каб. — Кабатки; слово употребляемое Кабатками.

каш. — Кашубы.

пр. — сборникъ Прейса.

сл. — Словинцы; слово употребляемое Словинцами.

хмѣл. — Хмѣльно и окрестныя деревни.

ц. — рукописный сборникъ г. Цейновы.

* — „Сборникъ основныхъ словъ Кашубскаго нарѣчія“, напечатанный II Отд. Академіи Наукъ.

А.

*А и (у сл. всегда; каш. употребляют также ё); а. Або или. | Ако сл. какъ.
Alasá (ц.) поди сюда!

В.

Baszec (ц.) думать: jo basze. | Вёкас сл.: bëka na drzewie drozd
Baic говорить: tak bajemë. (стучить).
Balëjo (ц.) женск. ванна. | Bëllaszec: выговаривать вместо ł;
Bania каб. куполь; (ц.) тыква; | bëllë ci жители некоторых де-
лысая голова. | рень на югъ отъ Пуцка и
Bãrczol сл. суставъ (руки). | Гельской косы, не умиющие
Bardysz бердышъ. | выговорить твердаго л.
*Barłog мякина, солома. | Bëlle (ц.): bëlle-cho кто-нибудь,
*Barna, brona борона: первое | bëlle-jak какъ-нибудь, bëlle-dnia
преимущ. у сл. | когда-нибудь.
Bartki (ц.): v bartki jic драться, | Bëlnik (ц.) негодай.
схватившись за воротъ. | *Belni сильный, бодрый, спосо-
Bar-zo (въ нѣк. мѣстахъ Помер- | бный; (пр.) belny прекрасный.
ранія баро) очень. | Bełtk родъ грибовъ.
*Batug, batog бичъ; *batożesz- | *Bes, род. besë сирень.
cze кнутовище. | Bëstri быт. пестрый.
*Bąbel пузырь, нарывъ. | Bezla возлѣ.
Bąbel сл. барабанъ, bąbeluja | *Białka жена, женщина (у слов.
барабаню; каш. (ц.) bębel. | и каш.; Кабатки употребл.
Bębrotaç, bębrotaja (ц.) пле- | niasta).
скаться въ водѣ. | Białw сл., bioj каш. ступай вонъ.
Bączk мелкая мѣдная монета | Biczk (ц.) бычокъ.
(4 пфеннига). | Biel (ц.) бѣльмо; бѣль древесная.
*Bął перекладина. | Biélawa (ц.) болото.
Będło скоть; będluk (ц.) ско- | Biełtk (ц.) бѣлокъ (яйца).
тина, ein Stück Vieh. | Biezeni сл. поносъ.

Bijàteka (ц.) драка.
 Biotki (ц.) борьба, biotkovac сѣ
 борются.
 Blach сл. запачканный (напр.
 въ навозѣ).
 Bleczes сл. блеять, мычать (не
 громко): óvса, krova blecze;
 каш. bleczes, сл. bljéczes шур-
 лыкать.
 Bleszcz (ц.) бѣльмо; bleszczaty
 съ бѣльмою на глазу.
 *Bliza маякъ.
 *Blon облако.
 *Bložno ободъ колеса (пр.); сл.
 bluozna полозья у саней.
 Bódorz, bódarz багоръ (кото-
 рыми бьютъ угрей).
 Bojac sa бояться; bojec sa (пр.).
 Boká-dosc сл. совершенно до-
 вольно.
 Bolěsti сл. толстый, жирный:
 bolěsti, to je mioszi.
 Bolóce сл. болячка, рана.
 Boŕ (пр.) лѣсъ и пустыня.
 Bórna сл. и каб. борова (пр.)
 Boróvka брусника.
 Bózenka сл.: на прощальныя
 слова «óstanice z Bógą» от-
 вѣчаютъ «z Bózenką».
 Brac są бороться: «a tej óni są

schvacáli te dvaj a brali są»
 (въ Осѣкахъ).
 Braка (ц.) передняя вага у
 дышла.
 Branca (ц.) объѣденная солома.
 Brédze сл. брежится.
 Brēm сл. какое-то растение съ
 желтыми цвѣтами.
 Brva бровь.
 Brzad сл., *brzod каш. фруктъ,
 плодъ (у Прейса: brzoad, brzod,
 obrzad, obrzut, łowrzut, wow-
 rzut, wobrzut, при чемъ онъ
 замѣчаетъ, что первыя двѣ формы
 слышалъ самъ изъ усть Ка-
 шубовъ, а прочія сообщилъ ему
 Мронговіусъ; brzadza фрукто-
 вое дерево).
 Brzěch (ц.) брюхо.
 Brzědkі сл. злой; * пр. гадкій.
 Bucac (ц.) толкать.
 Bucha сл. гордость; *buszni
 гордый.
 Budla (ц.) бутылка.
 *Bula быкъ (пр.).
 Bulbaczk какое-то водное ра-
 стение.
 Bulva сл. картофель.
 Buntéje (ц.) возмущаю, бунтую.
 Burboce (ц.) бурчить въ животѣ.
 Busa сл. куполь.

С.

Sały, сл. calf цѣлый; сл. calf
 calěchni dzien цѣлый день.
 Casnuc притиснуть; также сѣsnuc.
 Саžкі, сѣžкі тяжелый.
 Сѣсак сосать; сѣс, сѣск (ц.)
 титька.

Cedl сл. короткое верхнее жен-
 ское платье (съ нѣм. kittel).
 *Cédzedło цѣдио.
 Cenjó женск. (ц.) тѣнь.
 Cerki, cerkev, cerkvia сл. цер-
 ковь; (пр.) cerkev.

- Cérkviszcze сл. кладбище (пр.). *Cevka способный къ очинкѣ
Cérgleca мялица (чѣмъ треплютъ конецъ писчаго пера.
лень).
Cezriec сл. терпѣть; каш. Cíc, tñ сл. рѣзать.
cezriec. Cígło (пр. ц.) дышло.
Cívka (ц.) мотушка.
Ces черезъ. Ckñac досадовать.
Cesñac сл. пихать (а не грести) Còpac (ц.) толкать назадъ; со-
вслонъ. вать; (пр.) пасорел назадъ.
*Cetno czelëcho четь или нечетъ. Cviardí сл., svárdy каш. твер-
дый; (пр.) cviardy.

Ch.

- Cháduj (въ Избицахъ chodáj) Chmaga (ц.) куча.
ступай, иди сюда; (пр.) chadej. Chmuga (ц.) облако.
Chałura (въ Избицахъ chálura) *Chojka большая ель.
изба. *Chójna ель; хвойный лѣсъ.
*Charna (пр.), chorna коржъ. Chóleva (ц.) голѣнице.
*Chargatënjo женск. (ц.) запу- Chomarzec (ц.) грезить.
стълое строеніе. Chómónto (ц.) хомуть.
Chavósec сл. пицать какъ ку- Chómog (ц.) комаръ.
ница. *Chorí хворый, больной.
Chcic сл. крестить. Chórosc сл. болѣзнь; stëdzóna
*Chëcze жилой домъ. chórosc простуда.
Chëjac (ц.) убѣгать, удирать. Chóscsec (ц.) приманивать.
Chëra (ц.) моръ; chersko тоже, Chósnik сл. воръ; chostnik,
увеличит. choastnik (пр.).
*Chëtka (ц.) желаніе. Chóva (ц.) домашняя живность.
*Chichótas посмѣваться. Chóva сл. карманъ.
Chitry сл. мудрый; каш. хитрый; Chronst сл. жукъ; (пр.) chrost.
сл. быстрый: chitro biego. Chropovaty (ц.) шероховатый.
Chizi скорый, быстрый; (пр.) Chrumi сл. хромоу.
chiže скорѣе. Chrzost, *chrost кустарникъ.
*Chlastac хлестать; крѣпко тра- Chrzun (пр.) хрѣнъ.
сти; рожать (много) дѣтей. Chtery который.
Chlistva сл. глнсть. *Chto кто.
Chłor мужикъ (пр.); мужъ: moj Chuchñac сл. дунуть.
chłor мой мужъ; chłore маль- *Chutkí, сл. chútki скорый; chú-
чикъ (пр.). tinko скорехонько.
Chłost (пр.) хворость (?). Chvacic сл. хватить.
Chlunac сл. дунуть. Chvara сл. большая куча.

Cz.

- Czanzki быт. тяжелый.
 Czarac (ц.) хватать, оцупывать
 (на пр. въ потемкахъ.)
 Czâ ni сл., czasny (ц.) медлен-
 ный.
 Czâszka (ц.) черепъ.
 Czatonac (ц.) сторожить, czate
 засада.
 Czwiogo каб.; czwiogo каш.
 четверо.
 Cze каш. (въ Померани) когда.
 *Czёс чуютъ, слышать; czejâci
 (ц.) бодрствующий; (пр.) czuje
 слышу.
 Czёрgna (ц.) волоса на пе-
 редней части головы.
 Czёрny (ц.) чистый, на пр. czёрne
 zboże; czёрny а czёрny совер-
 шенный.
 Czervionу красный (пр.).
 Czёs сл. часть.
 Czёрnik куець, скупающій по
 деревнямъ куръ, яйца и т. под.
 Czкас (ц.) всклипывать.
 Czлёк каб. человекъ (каш.
 człowiek).
 Człо (ц.) пошлина.
 Czlonki сл. суставы на пальцахъ.
 Czорк (ц.) шляпа; czорка, czурка
 шапка.
 *Czórny черный (пр.).
 Czterze (пр.) четыре.
 Czуlnа челнь.
 Czviersznia сл. четверть (хлѣб-
 ная мѣра).

D.

- Dachtac или dachczec сл. ку-
 дахтать: kuokosz dachcze.
 Dálek далеко (пр.): jak dálek
 je ten glos sluzzec. Но также
 daléko.
 Dar, dor угощеніе.
 Dárgac сл. долженствовать: on
 dargo (каш. ón muszi).
 Dârna, durna, dzârna (ц.) дернъ.
 Dâszic душить.
 Dâbrova, dûbrova дубовый ку-
 старникъ.
 Dâdo (?) пока.
 *Dёс дюжина.
 Dётовато каб. туманно.
 Del, сл. dyl доска.
 Dёнko (ц.) дно; круглая до-
 щечка.
 Dёга (ц.) чахотка.
 Derda (ц.) амбаръ.
 Derdávica кадушка, въ которой
 дѣлають масло изъ кислаго
 молока; (ц.) derdovka.
 *Derni кичливый.
 *Dёsza душа (пр.); утюгъ.
 Dётк (ц.) мелкая монета въ 7
 пфенниговъ.
 Dёza сл. кадка (молочная).
 Dёzvóк (ц.) карманъ у женскаго
 платья.
 Doba, duoba сл. время.
 Dobётк скотъ.
 Dóczuc są сл. услышать (напр.
 вѣсти).
 Dójnica (ц.) дойная корова.

- Dóka сл., duoka (пр.) *dóka, gdóka туманъ.
 Doکارواس доплестись (на пр. do dom).
 Dolégo mie (ц.) мнѣ больно.
 *Dólena, dol'na долина.
 Dom: dó dom домой.
 Donąd (ц.) до того мѣста.
 Dónjica (ц.) большое блюдо;
 *donnica сосудъ въ которомъ мелютъ табакъ.
 Dómsla сл. десны; (пр.) dosle, donsva.
 Dórnica, dvórnica каб. изба.
 Dotam i dotąd туда и сюда;
 dotąd (ц.) до того мѣста.
 Dozdrzelec (ц.) созрѣть.
 Drápie сл. когти (у кошки).
 Drzec sa сл. кричать какъ сорока или ворона: вагна, sarka sa di zé.
 *Drěch товарищъ.
 *Drědzá ржа; dredzevies ржавѣть.
 Drěgí другой.
 Drěmni карликъ.
 *Drězéc дрожать; drězoch (ц.) трусь.
 *Drežen дрожди.
 Drežénj (ц.) сердцевина въ деревѣ.
 Drěžuk (ц.) пьяница, одержимый болѣзнию delirium tremens.
 Drob сл., draб (пр.), dróб, drábina (ц.) лѣстница.
 Drobiazg домашняя птица.
 Dróбка лѣстница.
 Dróбка (ц.) кусочекъ.
 Drobni (ц.) дѣти, ребята.
 Druvka (ц.) родъ яблоковъ.
 *Družba свадебный дружка;
 družic исполнять обязанность дружки.
 *Drvnioki деревянная туфли.
 Držesta (ц.) жидкій навозъ;
 držestac (ц.) имѣть поносъ;
 drziszcz (ц.) страдающій поносомъ.
 Drzevię (пр.) дерево.
 Drzon сл. тернъ.
 Duchvaja (пр.) надѣюсь.
 Dudk (ц.) удодъ (птица).
 Duva сл. голубъ (съ нѣм.).
 Dvanosce (пр.) двѣнадцать.
 Dvierze двери (пр.).
 Dviérzeje ворота; (пр.) dvierznia.
 Dvigac (ц.) двигать.
 *Dvojoki, *dvojok, (ц.) dvojuk двойной горшокъ.
 Dyc дуть.
 Dze гдѣ.
 Dzec sa сл. дѣться.
 *Dzek благодареніе; *dzekovac благодарить.
 *Džek кабанъ.
 Dzeke (ц.) деготь.
 Dzera дыра.
 Dzeržava (ц.) взятая въ аренду земля.
 *Dzesinc десять (пр.).
 *Dževi дикій; dzevi kug сл. тетеревъ; dziva svinia (пр.) кабанъ; *dževok чудакаъ.
 Dzevinc девять.
 Dzézka (ц.) миска для молока.
 Dzír-zi (дзирзи) сл. и каш., каш. также dzér-zi смѣлый; dzírže сл. смѣло; dzerži сл. смѣлѣе; dzér-zosc смѣлость.
 Dzisidzeń нынче.
 Dzód нищій.

Е.

Е и (каш.).

*Egrest крыжовикъ.

Esz сл., jesz каш. еще (сл. также hejsz).

Ež сл. (также у западныхъ каш.)
что (союзъ).

Ф.

*Fafa щелчокъ по носу.

*Férnoga бродяга.

Fórka (ц.) карманъ у женскаго
платья.Frant (ц.) мошенникъ; шут-
никъ; frantóvka шуточный раз-
сказъ; сказка.Ftach, ftoch сл. птица; ftaszk
сл. птичка; ftaszizna сл. птица
(увелич.).Fuse (ц.) гуща (кофейная и т.
под.).

Г.

Ga сл. когда (пр.); niga сл.
никогда.

Gamba (пр.) ротъ.

Gadac (пр.), godac, gódac го-
ворить.Gádzena черви (собирает.); сво-
лочь.Gajda (ц.) нога (отдѣльно взя-
тая); сукъ.

Gałdzic, gełdzic щекотать.

Gatovac кричать.

Gâuñic (ц.) гадить, портить.

Gapa ворона (пр.).

Garcel, gorcel сл. горло.

*Gardzec огораживать.

Garlo сл. горло.

Gbur мужикъ, имѣющій осѣд-
лость и поземельную собствен-
ность.

Gaganice гуси (собирает.).

*Gagnotac гнусить.

Gaš сл. гусь (каш. gaš и geš);

gusa сл. (каш. gaše) гусенокъ.

Gašor журавъ (у колодца).

Gdakac, gdokac кудахтать.

*Gėdlec щекотать.

Gełka (ц.) неразвившійся плодъ
на деревѣ.Glavk, glavka сл. родъ рыбы
(по-нѣм. Blei).

Głaba сл. глубина.

Glėchi глухой.

Glėmza (ц.) сгущенное молоко.

*Glėna (пр.) глина; glėnca гли-
няная яма.

Glėnj ломоть (хлѣба).

*Glistva глисть.

Głuszcz (ц.) глухарь.

Gniece saŕ (ц.) онъ мамлить,
gniota (ц.) мамля.

Gnoť (ц.) кость.

Gode, góde Рождество.

Góдка, góдка сл. языкъ, раз-
говоръ.

Góđło (ц.) зовъ, кликъ.

Golc (ц.) бѣднякъ.

- *Gõnitva охота.
 Gõno (ц.) мѣсто поворота плу-
 голъ на вѣшнѣ.
 Gõrdzela (ц.) горланъ.
 Gõrz гвѣвъ; gõrzec są огор-
 чаться, сердиться.
 Gõrzec сл. горѣть; svieczka за
 gõro горитъ.
 Gõrzoła, gõrzałka водка.
 Gõwniol сл. жукъ.
 Gõzdz (ц.) гвоздь.
 Gõzdz сл. ступень, перекладнива
 на лѣстницѣ.
 Grable (пр.) грабли.
 Grąjde (ц.) ноги.
 Grąnsa граница.
 *Grębí (пр.) толстый.
 *Grępa куча; v grępie сл. вѣстѣ.
 Gręzc (ц. пр.) ѣсть (о скотѣ).
 Griká, griczka (ц.) греча.
 Grobószcze сл., *grobónc могила.
 Grómada куча; сходка.
 Grómnica Срѣтение; (ц.) свѣчка,
 поставленная въ церкви (Weih-
 kerze).
 *Gronk горшокъ.
 Gróno (ц.) куча; кисть (вино-
 града и т. п.).
 Grop сосудъ; *котель.
 Grótk, gruoтk сл. дѣдъ; grotka,
 gruoтka баба, бабка (пови-
 вальная).
- Gruz, grežel (ц.) кусокъ (на пр.
 кирпич).
 Gruzmaкi: v gruzmaкi stłuc (ц.)
 истолочь въ мелкіе куски.
 Grzėbac скрести, царапать.
 *Grzebc, *zgrzebc годовалый же-
 ребенокъ; *grzebie, *zgrzebie
 жеребенокъ.
 Grzebo (ц.) скребница.
 Grzechótac (ц.) тремать; grzė-
 chotka (ц.) трещотка.
 Grzem сл. громъ.
 *Grzєpa холмъ; (пр.) grzebka.
 Grzєva (ц.) грива; grzєvol (ц.)
 ииѣющій большую гриву.
 Gula (ц.) индѣйка; guluk (ц.)
 индѣйскій пѣтухъ.
 *Gùsła колдовство; gusłõrz кол-
 дунъ.
 Gùszecer сл. осетръ (рыба).
 Guz (ц.) лишка (на тѣлѣ);
 нарость.
 Gvarzec (ц.) болтать; gvarzic
 (быт.) говорить: czy gvarzisz
 pò mòskòvsku?
 Gvązdac (ц.) пачкаться.
 Gviozda, gvioazda (пр.) звѣзда.
 Gviszcz (ц.) переодѣвшійся на
 святкахъ, чтобы игуать дѣтей.
 *Gzika оса.

H.

- Hąneja сл. особаго рода куртка. Honk затычка.
 Herszla сл. заступъ, лопата. Hot сл. вотъ.
 Het сл.: nunia to je het теперъ Hot (ц.) направо; k sòb' налѣво
 шабашъ. (крикъ воламъ когда пахуть).
 Hévo вотъ. Huczec ворковать (какъ голубь).
 Hojny сл. обильный: hojne żeto. Huja, uja сл. вотъ, сейчасъ.
 *Holniejsza strona (пр.) правая
 сторона.

I.

'Idze ступай прочь. Iszczę się (хитльн.) жалуюсь.	Iszle (въ Каргуз.) шли; обыкн. szli, szle.
--	---

J.

Jachac ѣхать; jo jada; сл. jol, jeli ѣхалъ, ѣхали. Jádloba сл. печаль, забота; jadlobic сл. гнѣваться. *Jádro большая сѣть; сл. jádra сѣти (вообще). Jáłóvica нетель; jáłovu бесплодный; jáłovo jesc ѣсть постное. Jamny милостивый, снисходительный. Jan, jen (у слов., каб. и западныхъ каш.) только. Janczec сл. пищать: kuot, szczenia janczi. Janzy сл. нѣкоторые. Jargólec się (ц.) гнѣваться (когда гнѣвъ выражается жестами.) Jářka сл. яровая рожь. *Jářzbina рябина. Jářzena сл. яровые хлѣба; (ц.) зелень. Jarzębk (ц.) тетеревь. Jaskúlica сл., *jaskúlecška ласточка. Jasní ясный; jasní prağ (пр. ц.) млечный путь. Jášoter, ješóter осетрь. *Jastre Пасха. *Jastrzib ястребъ. *Jasz даже. Jaszczérzeca сл. ящерица. Jawovac лаять (какъ гончіи зайцемъ). Jazdź сл., jóždź каш. ерши.	Jądrzni быт. крѣпкій; jędrzni (ц.) плодовиый. Jątrzec (ц.) нарывать; jątrznica (ц.) нарывъ. Jednok (ц.) единый сынъ. Jednokolą задній или передній ходъ телѣги отдѣльно. Jednosce (пр.) одиннадцать. *Jęła (пр.) игла. Jemiętucha (ц.) куликъ. Jerzmo яремъ. Jesz еще. Jeż если. Jic итти: jo jida. Jiczec стонать. Jiczme, род. jiczmenia сл. и каш., каб. также jiczm, jiczma ячмень. *Jigelnik, *jigelniczka, jelniczka (ц.) игольникъ. *Jiglina можжевеликъ; (пр.) iglina. Jimac są браться (за дѣло). *Jimię или *miono имя. Jiny иной; jinaszci иначе; jindzi сл. въ другомъ мѣстѣ. Jiscic są безпокоиться. Jistny (ten) этотъ самый; (пр.) istny; jistno prowda суцѣя правда. Jivřac сл., jivřovac (ц.) сердиться. *Jizba изба, комната; jistebka, jizdebka избушка, комнатка. Jódlena (ц.) ель.
--	---

*Jópsc барыць. віса (пр.), jätročnica (ц.)
 Jótrok, jätrok (ц.) сыгъ: (пр.) шебѣтка.
 jotrok и otrok: *jotrócznik (пр.) Ju уже.
 jutrócznik (ц.) зать: *jotrócz- Junc бычокъ (пр.).

К.

Ка сл.: ka бѣ какъ бы. каждый праздникъ (у кам. въ
 -ka приставочное: ztąd-ka от- Померании).
 гуда, zewsząd-ka отовсюду. *Kaźdel веретено.
 Kabat, kabot сл. женская верх- Каźzoga (ц.) кудравый.
 ная куртка; kabatk кам. куртка. Кара островокъ: karpе, karpki
 Kacza, также klosavica (пр.) кочки на болотѣ.
 утка. Kaźczk сл. кусокъ.
 Kączka маленькая улитка. *Kaźtor жаба: (пр.) kontor: kon-
 Kálesko лужа. torzny кнар или кноар (пр.)
 Kaldun (ц.) брюхо. мопеникъ.
 Kalitka (ц.) футляръ. Kaźovnica подушка.
 *Kam (пр.), сл. также kámě. *Kej если: *kejinga иногда.
 род. kamienia, камень. Kéł грязь.
 Kámiszk сл. камушекъ. *Kełp, также у слов. kewp (я не
 Kania (ц.) коршунъ. kelp) лебедь: (пр.) kełb, kewb.
 Karkuleca (ц.) клюка. *Kerz, *kerzk кустъ.
 Kágruza сл., kağrúza каб. боль- Kerznia, сл. также kerznicа кадка
 шая мѣховая рыбацкая шпка. для битья масла; kerznicа быть
 *Karsz бодрый (?). масло; kerznicок сл. палка для
 Kárus карасъ. битья масла.
 Karva сл. корова (преимуц. Keszk сл. тварогъ (приготовлен-
 старая). ный въ четырехъ-угольномъ
 Karvotk родъ жилета, носимаго кускѣ: tvórog тварогъ круглый
 подъ куртку. или продолговатый).
 Karznia сл. большая корзина *Kidłon плохой кафтанъ; юбка;
 (въ которой носятъ разные (пр.) kedłona зимнее исподнее
 вещи на плечахъ). платье у рыбаковъ.
 Kaszerz сл. родъ круглой сѣти. Kiszka (ц.) колбаса (кровяная).
 Kata сл. хата. Kita (ц.) пукъ (льну, пакли).
 *Kaveł кусокъ. Kivac, jo kivią, on kivię, сл. кивать.
 Kavi жеребий. Klęc, jo kléjа сл. клевать.
 Kazel быт. родъ короткой Klęki (пр.) полозья у саней.
 женской шубейки. Kleszcz лепъ (рыба).
 Kazki каждый: na kazkie sviąta *Kłera старая корова.

- Klin сл. колѣни (у сидячаго, нѣмецк. Schooss).
- Kloboson сл., kloboson каш. амсть (пр. klabosan); kloboson klerie.
- Klobuk (пр.) шляпа.
- Kloda (пр.), сл. также kluoda бочка: kluoda tobù бочка картофеля.
- Klónjica помощь телѣжная.
- *Klusa кляча; (пр.) лошадь.
- *Kпага старая корова; кривой деревянный гвоздь въ стѣнѣ.
- Kповас вырубать (дѣсь, сучья и т. п.) топоромъ.
- Kпóг-z (кпорзъ) сл. кабанъ (домашній).
- Ko, kó когда; какъ; kó-te тогда, итакъ; kó-cze когда.
- ko сл. прибавка къ словамъ, какъ Русск. -ка: patrz-ko смотри-ка; ale-ko но.
- *Kobel канать.
- *Koběla, сл. kuoběla кобыла.
- *Kóbelka кузнечикъ; (пр.) kobelka.
- Koc сл. хотя.
- Kuosi сл. туфли.
- Kochovac любить: сл. on sa kochuje, miłuje z nią.
- Kodz (ц.) кадь.
- Kókosz курица.
- Kołatae колотить.
- Kolebac (ц.) качать дитя въ люлькѣ.
- *Kólczka (?) рало.
- Kołocz (ц.) бѣлый хлѣбъ, пироги.
- Kolodzej сл., kołodzi (ц.) колесный мастеръ.
- Kołovoz колея; kołovaži колени.
- Kołowrot, (ц.) kołvrot веретено.
- Kołybka (пр.) люлька.
- Kominnik (пр.) трубочистъ.
- Komnió родъ сѣти, для ловли лещей.
- Kónkova сл. подкова.
- *Kopórl или kóporle (множ.) конопля.
- *Коре пограничный холмъ, насыпь.
- *Korbac балагурить; сл. kórbic говорить вздоръ: tē kórbisz; nie korbí; (пр.) karbic.
- Kórbacz кнутъ.
- Kórcz выкопанный съ корнемъ пень.
- Korcze (kókosz) курица кудахчетъ.
- Korki деревянные башмаки.
- *Kornotok пастушья собака.
- Kórszkev или kórszczuk (masła) большая ложка масла.
- Kuóseszczo сл. древко у косы.
- Kósz родъ сѣти для ловли угрей и миногъ.
- *Kóstnica склепъ.
- Kót копыто (въ Хмѣльнѣ).
- Kóta, kótka изба.
- Kotev (пр.) якорь.
- Kótka кошка.
- *Kózeł козелъ; перекладина въ зданіяхъ; *kózełki ruszczac играть въ кегли.
- Kraba сл. снарядъ для ловли сельдей.
- Krác см. kręgas.
- Kraczaj шагъ.
- Krâk сл., krek каш. (ц.) воронъ; (пр.) крак.
- Kрака кляча.
- Kракас (ц.) каркать.

- Krakúleca сл. клюка, изогнутая палка. [жій. *Krzeszes зажигать огонь.
 Krasny (пр.) прекрасный, свѣ- *Krzevi кривою; сл. также хро-
 Kragel (ц.) кегля. мой, безрукій.
 Kre (пр.) кровь. Krzevina (ц.) кустарникъ.
 Kręchi хрупкій. Krzidło крыло (пр.).
 *Krechta церковная паперть. Krzinczica сл. улитка (?).
 Kręgas, чаще krás, ja krą, on krá Ksądz, ksądz, ksodz, ksudz па-
 или kró, on kráf, króf или сторъ, священникъ; (пр.) ksauc.
 kręgał получить, достать. Ksązec мѣсяць; (пр.) ksązyc.
 Krępě (въ Хлѣльнѣ) крупа. *Ksob влѣво, сюда; (пр.) ksob-
 Kręplasty крупный (говоря о niejsza strona лѣвая сторона.
 дождѣ). Kubk (ц.) горшечекъ.
 Kręszec крошить. *Kuchna курва.
 *Kręszka (пр.), сл. также K. dła (ц.) косма, kudłos ко-
 kręszka, груша. снатая собака.
 Krét кроть. Kukla (ц.) сдобный хлѣбъ.
 Krévc портной; (пр.) кравс. *Kukuczka, сл. kukulka кукушка.
 Krévkі сл. муравья. Kula яма.
 *Kręgules полевая ласточка. Kule сл. нѣсколько.
 *Kro икра (у ноги); (ц.) рыба Kuling сл. куликъ.
 икра. Kulovac, *kulac катать.
 *Krosz рыба самка; сельдь Kulzac, kulzaje (ц.) прихрамы-
 (самка). вать.
 Krogule (ц.) копчикъ (птица, Kunka лавка у печи.
 нѣм. Sperber). Kurotr сл. крестный отецъ.
 *Kropielnica кропильница; *кро- *Kur пѣтухъ; *kurk, *kurok
 ropielniczka сосудъ для хранения (пр.) пѣтушекъ.
 святой воды. Kurdebie (ц.) картофельъ.
 *Krova, *korva, *kavva, kruova Kurno gwiozda сл. какое-то
 (пр.), *krásza корова. созвѣздіе.
 Krui каб. рѣзакъ. *Kurópatka куропатка.
 Kruszcz (ц.) желѣзо. Kuróloch вѣтреникъ.
 *Kruz горшокъ (?). Kurpie (ц.) истасканные башмаки.
 *Krząknas откашливаться. *Kurtac катать.
 Krzebiet сл., *krzebt хребеть, Kurtie быт. башмаки.
 спина. Kurzа, множ. kurzаta, сл. цы-
 Krzem кремень (пр.). пленокъ.
 *Krzésedło, (ц.) также krzósedło, Kurzic сл. курить; каш. kurzi
 (пр.) krzosidło огниво. sniega мететь снѣгомъ.

Kuszc, kuszę (ц.) манить; ku- szecel (ц.) искуситель.	Квакас каркать (какъ ворона), квакать какъ лягушка (уапа, żaba kvaка); квакать какъ утка (kaczka kvacze).
Kusznąc поцѣловать: kuszni mie v gżęc (брань).	*Kviatoch пѣгій быкъ.
*Kuzdrac сѣ лѣниво работатъ.	Kviczec хрюкать какъ свѣнья.
Kůznica сл. кузница.	

Ъ (у Словинцевъ произнос. какъ І (среднее, не смягченное),
у Кабатковъ и Кашубовъ какъ в).

Łagodny (ц.) кроткій.	Łокс (ц.) локоть.
Łажас сл. лаять, бляеть: pies, kuoza łaje.	Łokome (ц.) другъ подлѣ друга.
Łajno (ц.) говно.	Łomjas, łomjaje (ц.) ломать.
Łąpica сл. ловушка.	*Łóni, сл. łoni въ прошломъ году; *Łonski, сл. łonski про- шлогодній.
Łaska сл. родъ дмкихъ утокъ: całó szógna, a ma zpaczk bialí.	*Łono лоно; ноша.
Łęszivo сл., łęszewo каш. лучина (въ Изв. Акад. по недоразу- мѣнью объяснено: „подборо- докъ“).	*Łova, *Łavka лавка.
Łёкас сл. глотать.	Łovitva каб. ловля (рыбная).
Łёpic, łupic (ц.) лупить; *Łёrina шелуха.	Łożà сл. отдыхъ, привалъ: mieli tą svą lożú.
*Łёsy лысый; *Łёěna (пр. łusina) лобъ; łesol (ц.) лысый человекъ.	Łóża, łuoża сл. оправа; панель двери.
*Łeszcząci лоснящійся.	Łuczevo то же, что łęszewo.
*Łęzczec соединять.	Łур (ц.) грабежъ.
*Łęczk смычокъ.	*Łупа тетка.
Łognivo (ц.) звено цѣни.	Łyskavica, сл. liskavica молнія.
Łокас, łуокас глотать: сл. luoczisz глотаешь.	Łysko сѣ (ц.) блестятъ; *Łysk быкъ съ бѣлымъ лбомъ.
	Łyszczе сѣ сверкаетъ (молнія).
	*Łża ложъ; łżę (въ Хмѣльнѣ) лгу.

Љ (смягченное, у Словинцевъ љ).

Љjachi сл., каш. ľęchi (пр.) плохой; ľjacho сл., каш. lecho мало; плохо; нечетно (cetno czę ľęcho); ľjaszo (сл. и каш.) хуже.	Latorozga (ц.) сучекъ, ростокъ.
Landzk (пр.) солдатъ.	Љjatos сл. нынѣшнимъ лѣтомъ.
Љjaszka сл. палка.	Љąb, ľub, родит. ľambe каб. снопь.
	Le сл. только (пр.).
	Lebavi лѣнивый.
	Lebie (ц.) желаю, мнѣ хочется.

Lecka вода.	*Letevka, letovka (ц.) гречиха.
*Lědze, пол. lędzi люди.	*Lězac лизать.
Lědzena сл. живо.	*Leżeszczе лешанка, логовище.
Legły (ц.) кривой.	Lik сл. и каб. всегда, все, восточно.
Lejdok (ц.) распутный человек, извержецъ.	Lik (ц.), *lijk воронка.
Lekac, lekaје глчить (ворожкой).	Lili (ц.) ласкательное слово: ильчанка, красавчикъ.
Lekces быт. шекотать.	Lim лимь.
Leki (ц.) лѣкарства; lekarz лѣкаръ.	Lirovac (ц.) плакать, рожить.
Lemis (ц.) рѣзакъ у плуга.	Lisa (ц.) длинная веревка.
Lencich цѣпь.	*Liszta колодка.
Lěpa (пр. ц.) липа.	*Loc лить.
*Lěs (пр.) лѣсница.	*Lola дурень.
*Lěsca куча, стая.	Lolkę jic (ц.) итти вонъ.
Lěst (пр.) листь; lěsty (пр.) книга.	Loska (ц.) палка; локоть (мѣра).
*Lěszczena орѣшникъ.	Ljub сл. хлѣбная мѣра, вѣмецъ.
Letki легкій.	Scheffel (ljub žeta, rze, tofó); pol-ljebi поль-мѣры.

М.

Мас или māsег, род. māsегze сл. мать: у каш. обыкн. matka.	maskovac sę (ц.) скисаться (о молокѣ).
Māsеса мѣшокъ у невода, куда попадаетъ рыба.	Maszchópstwo сл. товарищество (?).
Macecha сл., *масоча мачиха.	Matinko (пр.) матушка.
Machac (ц.) махать.	Mądel, mędel четверть копы (т. е. 15 штукъ).
*Makłac, makłaje щупать.	*Mądroł, *mądrzela дока, военная.
*Málena малина.	*Mechniosz болотистая, шнистая поляна.
Małzonkowie (ц.) супруги.	Médek каб. родъ чепца.
Maněsta сл. цѣловальникъ (въ кабакѣ).	Médzviedz сл., каш. miedzviedz медвѣдь.
*Mania лѣвая рука.	Męga комаръ, мошка.
*Marchev марковь.	Mejnk родъ рыбы (налимъ?).
Marnotrovny (ц.) расточительный.	Měkas sę (ц.) вертѣться на языкѣ (о какомънибудь имени и т. п.).
Marzec или chómazrec (ц.) бредить, грезить.	
Maska (ц.) кислое молоко;	

Meklec, mekleje (ц.) мошенничать (въ торгѣ).
 Meѣra (ц.) обезьяна.
 *Meѣy малый.
 Měta (также маса) извѣстная мѣра (хлѣба, соли).
 *Mgłosc дурнота.
 Mialki (chleba) сл. крошки.
 Miawczec мяучить.
 Mich, вмѣсто mnich, (ц.) монахъ.
 Mies, том имѣть.
 Miédnica (ц.) тазъ.
 Miedziedz (пр.) медвѣдь.
 Miéleзна сл. водоворотъ.
 Miemc (иногда у Кашубовъ; Слов. всегда говорятъ Niemc) нѣмецъ.
 Mier терпѣние (ц.): wop niemo mierę.
 Mieszk (ц.) мѣшокъ.
 *Mieza межа.
 Miezga (ц.), *miozga весенній сокъ деревьевъ.
 Miętka (ц.) мята.
 Mikelka сл. мелкая рыбешка.
 Mikkí сл., *mitki каш. мягкій; mikké viodgo сл. оттепель.
 Miłowac (пр.) любить (при этомъ сдѣлано Прейсомъ замѣчаніе, что Кашубы не знаютъ Польскаго выраженія kochać).
 Mini сл. сладкій.
 Mintus сл. налиивъ (рыба).
 *Miod медъ; *miodni сладкій.
 *Miono имя.
 Mioszi, mijoszi сл. толстый.
 Mizé сл., каш. также midze, между.
 Mlecz (ц.) молюки.

Młodi молодой: młodosc płochosc, starosc nieradosc (посл.).
 Mnji меньшій, pomnji наименьшій.
 Moc (или szczepc) (ц.) моча.
 Modry синий; modrok (ц.), modrókviat сл. василекъ.
 *Moknac są потѣть.
 Mol мѣсто; моль.
 Moga ночное привидѣніе; (мога) сл. ночная бабочка.
 *Mórszczezna, (пр.) muorszczina сѣверъ.
 Mor-z (морзъ) морозъ; miag-znie морозить.
 Mot сл. мотокъ.
 Movic говорить; mova говоръ, языкъ.
 Mręczec сл. бляеть (какъ коза); каш. мычать (тихо, говоря о коровѣ); (ц.) ворчать.
 Mrok (ц.) сумерки.
 Mrovka муравей; mróviszcze (ц.) муравейникъ.
 Mrzeża, mrzeżka родъ небольшой сѣти.
 Mrzost рыбій поростъ; икра; rębě sa mrzostuju сл.
 Muse кочки на болотѣ.
 Mudrec, mudreje (ц.) затѣвать (на пр. шалость).
 Muga сл. комаръ, мошка.
 Mulka сл. поцѣлуй.
 *Mulorz каменьщикъ.
 Mumrzec (ц.) ворчать.
 Múnie сл. губы.
 *Murlata поперечное бревно (?).
 Myto плата, вознагражденіе.

N.

- Ná-** сл. **нани**: **námłodzi**, **návicí** (всего больше), **námili** (всего охотнѣе); у каш. обыкн. **nó-**: **nómłodzi**.
- Nadgroda** (ц.) расплата.
- Nadzievac se** (пр.) надѣяться.
- Nagi** сл. **нагой**.
- Napa** и **péna** сл. и западн. каш. **мать**; (пр.) **папа**.
- Naożenia, pawożenia** каш., **powożenia** сл. **женяхъ**.
- Navyknosc** (пр.) **научиться**.
- *Nazod** **назадъ**.
- Nącis sa** сл. **приучаться**; **napęсес** (ц.) **приучать**; **пęсес** (ц.) **навить**.
- Nąкас, пęкас** (въ **Хмѣльнѣ**) **гнать**.
- Nąza, póza** сл. **нужда**; **póznici** сл. **бѣдняки**; **pózní człowiek** сл. **безсильный**; **пązic** сл. **мучить**.
- Nechnoś** сл. **минога**.
- Nega** (ц.) **намедни**.
- *Nekac** **гнать**.
- Nerki** (ц.) **почки** (нѣм. **Nieren**).
- Nesz!** (ц.) **впередъ!**
- Nészerich człowiek** сл. **любопытный** (съ нѣм. **neugierig**).
- Nick** **ничего** (всегда у слов.; у каш. также **nic**).
- Nié-ą** сл. **нѣтъ** (въ смыслѣ глагола и нарѣчія).
- Niéborok** (ц.) **несчастный**.
- Niebozos** сл. **какое-то созвѣздіе**.
- Niéboże!** **жаль!** каб.: **niéboże że sem niéschował**.
- Niéchtery, niéchteren** **нѣкоторый**.
- Niecki** **лотокъ**; сл. **черпалка**.
- *Niéspota** **наглець**, **развратникъ**.
- *Niedołęga** **недоросль**; **негодный** **человѣкъ**.
- *Niédowiora, *niédowiárk** **невірующій**.
- *Niékara** (пр.) **волкъ**.
- Niełusy** **гадкій**, **нераха**.
- Niepleka** (въ **Хмѣльнѣ**) **странный** **человѣкъ**, **чудакъ**.
- Nierzwięta** **ребята**: **mome tyle nierzwięta**.
- *Niewczero** **завчера**.
- Nieviasta**, **чаще niásta** **женщина**; у каб. **niásta** **всегда** **употребляется** **въ** **смыслѣ** **жена** (у слов. и каш. **białka**).
- Nievidúmy** сл. **невидащій** (**ná jedno woko, ná oboje woczú nievidúmy**).
- Niéwiedro** сл. **дурная** **погода**.
- Nievod** **неводъ**.
- Niézdara** (ц.) **неуклюжій** **человѣкъ**.
- Nigdę** **никогда**: **nigdę prze nigdę** **никогда** **отъ** **роду**.
- Nindze** сл. **нигдѣ**.
- Niva** (пр.) **пашня**.
- Nizo** (пр.) **глубь**.
- No** сл. **пусть**.
- Nódrze** сл. **ноздри**; каш. (ц.) **nozdre**.
- Nógajca** (пр.), ***nogávica** **чулокъ**.
- Nógli** каб. **быстрый**; **pógle** **вдругъ**.
- Noks** **ноготъ**.
- Nór** сл. **вырокъ** (**птица**).
- Nord** (пр. **puort**) каш. **уголь**: **v tom nordze**; слов. **говорятъ** **также nord** **въ** **этомъ** **смыслѣ**,

a port (v tom porce) употребл.	*Nózimk весна.
въ смыслѣ: мѣсто.	*Nuchla картофель.
Norda сѣверный вѣтеръ.	Nupia сл. и запад. каш. теперь;
Nosol (ц.) носатый человекъ.	(пр.) pinia.
*Nozémnica молодая свинья.	

О.

Примѣч. Въ словахъ начинающихся съ гласной о, Кашубы постоянно приставляютъ w, подѣ которою и сл. эти слова; Словинцы и Кабатия допускаютъ букву о въ началѣ словъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ.

Obagnec sa сл. родить (говоря объ овцѣ).	Oparszec sa сл. опороситься.
Obłuda каб. привидѣние.	Oplatoni сл. заплатанный.
Oczati сл. съ большими клѣтками (сѣть).	Orzeł, род. orzeła (пр.) орель.
Odchłast: za odchłast dvierzi каб. захлопнутыя (?).	Oscze сл. багоръ.
Odnąd (пр.) оттуда.	Osech (пр.) островъ.
Ogard сл., wogard садъ.	Osina (пр.) горный хребетъ (?).
Ogolnac (batogę) (ц.) хватить, ударить.	Ostropierz (пр.) растение Datura stramonium.
Okbaba (ц.) растение Mentha crispa.	Otcze-nasz сл. отче нашъ (каш. pacerz).
Okonj сл., wokunj каш. окунь.	Owod сл. оводъ.
Omlie sa сл. ошибиться.	O'zgamba (chleba) сл. кусокъ.
Onęda сл. намедки.	Ożeg, wożeg сл. кочерга.
	Ożgniony опаленный, обожженный.

Р.

Rájczina, rájczena сл. весло; wiosło значить багоръ: «jo nâ-grobia wiosła, jo jeżdżą rájcziną». Кашубы въ Помераніи говорятъ ráczina.	Rândzecz гнать (скотъ).
*Rajk паукъ; (пр.) rajk, rajik.	Ramoszec (ц.) важничать.
Rájczena паутина; (пр.) rajczina, raiczina.	Raprotac, raprocze (ц.) болтать пустяки.
Paléca сл., paljása, pâlca каб. палка.	Râra сл. паръ.
Pałag дуга, на которую надѣвается сѣть.	Rârch сл. пыль.
	Rarchato žeba (ц.) жаба.
	Rarparc папоротникъ.
	Rârpora сл. золотая рыба.
	Rârpa sl. поросенокъ.
	Raserb (ц.) пасынокъ.
	*Pasiker большой молотъ.

- *Pasturz пастухъ; *pasturka жена пастуха; *pastuch, *pasturk пастушокъ.
 Pastviszcze (ц.) пастбище.
 Patelnio (ц.) сковорода.
 Pawnie (пр.) полдень.
 Razęcha: pod razęchą сл. подъ мышкою.
 Raznokc (пр.) коготь.
 Rażec (въ Хмѣльнѣ) мурава.
 Rażczk (въ Хмѣльнѣ) блинъ.
 Regyica (ц.) пуговица.
 Rak пукъ; *rek снопъ соломы; *ręczk почка; подушечка для иглокъ; пучокъ соломы.
 *Rekas, rękaje лопатся.
 Rażnac сильно ударить.
 Rażierz сл. пузырь (на водѣ).
 *Rępk пухъ.
 Reńnie полдень; обѣдъ.
 Perk (ц.) маленькій сельдь.
 Ręzna, rężinka, rężilinka крошка; *rężne, *rężinke немного; do rężinki до послѣдней крохи.
 Pęsk (ц.) рыло, морда.
 Pęskac, jo piszczać (ц.) рыть, рыться.
 Pęskovac (ц.) ругаться.
 Pesnive lesty (пр.) молитвенникъ.
 Pestka косточка (въ вишняхъ и т. под.).
 Pétel (ц.) Staubbeutel in der Mühle.
 Pételj сл. бабочка (у Прейса по ошибкѣ petleł).
 Piána сл. пѣна (употребительнѣ szuma, съ нѣм.).
 *Piástunka нянька.
 *Piec печь (для печенія хлѣба).
 *pieck печь коннатная.
 Piec, pieka, i piecze (ц.) печь, пеку.
 Pieczelny (также piekelny) адскій.
 Pielecha (ц.) пелена.
 Pienesztvo собирав. деньги.
 Pierpiérzica сл. родъ птицы, Wasserhuhn; (пр.) przepierzgica перепелка.
 Pieralka (пр.) прачка.
 Piesnia сл. пѣснь.
 Pikón родъ рыбы, Hornfisch.
 Pilj-pilj, piljka piljka тига-тига (кличка гусей); утокъ кличуть kaczki-kaczki.
 Pilno (ц.) нужно; прилежно.
 Pilovac сл. сторожить.
 *Pinc (пр. panc, pint) пать.
 *Pios пѣть; сл. kur puoje пѣтухъ поеть; pióne пѣто; (пр.) роје поеть.
 Piondze (рѣдко pieniądze) деньги.
 *Piognok писчее перо.
 Piogun молнія. Кашубы говорятъ: piogun poli (палить), ale kej pótenu zaroz grom wuderzi, ten věgasi (ц.).
 *Piosk (пр.) песокъ.
 Pira (въ Хмѣльнѣ) дудка.
 Pirs (ц.) титька; *pirse перси; грудь.
 Pirszczen (ц.) перстень.
 Pisc (ц.) кулакъ.
 Piskac сл. играть на дудкѣ.
 *Piskorz пискарь.
 Pismio сл. письмо, за pisménię по писанному.
 *Pitk, *pitok мужской членъ.
 Płac, piełę полоть.

- Płachta простыня.
 *Płara морда.
 Plat сл. платокъ; холеть: bladi jako plat.
 Płatac, płotaje (ц.) платать.
 Pławnica (на Гелѣ) родъ большой сѣти.
 Plęce сл. легкія.
 Plęce сл. плечи.
 Plech (ц.) тѣмя.
 Plęgawi (въ Хмѣльнѣ) гадкій, плюгавый.
 Plesk (въ Хмѣльнѣ) ненастье.
 *Plestac, pleszcze, (ц.) pleskotac болтать, говорить вздоръ.
 Plęska сл., pleszka каш. трясогузка (птица).
 Plęta заводъ; (въ Хмѣльнѣ) лужа.
 Pleva (ц.) плева (тонкая кожа); сл. plōva плева (отъ хлѣба).
 *Plęvac, plęvaје плавать; *plęnac, plęne литься.
 Plocinca сл. улей.
 *Płochta простыня; сл. plochta прикрѣпляемое къ головѣ покрывало, принадлежность праздничнаго женскаго наряда.
 Płom (ц.) пламя.
 Płon сл. отдѣльное поле; мѣра земли = włoka (30 морговъ).
 Płos сл. клопъ.
 Plotka сл. родъ рыбы (плотва?).
 Pludze (ц.) широкіе штаны, нѣм. Plunderhosen.
 Plüg сл. плугъ.
 Pluto сл. поплавокъ.
 *Płunt фунтъ.
 Pochva (ц.) футляръ, ножны.
 Póczvara чудовище.
 Pódeszwa, pódeszew (ц.) подошва.
- *Pódkarbiac передразнивать.
 Pódvóda каб. подвода: na pódvodze jedze.
 *Pódwógonnica подхвостный ремень; большое половое отверстие у скота.
 *Póganiac погонять, pógoniocz погонщикъ.
 Póј иди, поди.
 Pókrzewa крапива.
 Poł (ц.) полъ.
 Pol каб. подлѣ: pol móгza; (пр.) pol подлѣ, pol nie подлѣ ея.
 Połc (ц.) пóлотъ (ветчины).
 Polc палець, *palecznik наперстокъ.
 Polen, женск. polna полная, полна (на Гелѣ: въ другихъ мѣстахъ репn, репna).
 *Półkoszk койки телѣги.
 *Póloch Полякъ.
 *Półtoracznik широкій возъ.
 Póméjsk, puméjsk сл. маленькая птичка, по-нѣм. Fiftz.
 Pómogar сл. истопникъ (въ пивоварнѣ).
 Pómozka Померанія (въ противоположность Кашубской землѣ: потому что Pómozku mówić значить: говорить по-нѣмецки);
 *Pomagrenk Поморянецъ.
 Pómuchla небольшая морская рыба, по-нѣм. Dersch.
 *Pópor червякъ.
 Póplonka сл. лихорадка, горячка.
 Porrag подруга.
 Porch, множ. párgi сл. порогъ; (пр.) parg.
 Poréd сл. по-порядку.

- Póředuszk** сл. гостиница, по- дарокъ на радости.
Porénk (пр.) утро; на porénk на другое утро.
 *Poręcze верила; узда.
Pos сл. пощлунъ: doj mnie pos.
Póslod, *póslode сада.
Posog (ц.) придавое.
Pospievac se спѣвать.
 *Póstava видъ; становъ ткача.
Postavni сл. красивый.
Póstórnek сл. постройка.
Posziden (пр.) ежедневный (правильнѣе, кажется, ежедневно).
Poszivogz сл. рогожникъ.
Pót быт. горшокъ.
 *Pótcevu честный.
Potok (пр.) болото.
Pótrov (ц.) отава.
 *Pótróvница земляника.
Póvarka сл. почка (Niere).
Póvieka (ц.), póviczka сл. вѣко (глазное).
Póviviacz сл. какая-то трава, растущая въ картофелѣ.
Povog-z сл. веревка, канатъ; (пр.) povarz.
Pozdze, pozdzi поздно.
Požeces сл. взять взаймы.
Prac, pierze (ц.) бить, колотить; мыть (бѣлье).
Pravica (ц.) правая рука.
 *Pražec жарить.
Prék: usze prék trzemas держать уши на-сторожѣ (говоря о собакахъ, о лошади).
Prěs сл. жеребецъ.
 *Prěsok Прусакъ.
Priszczec сл. прыскать.
Prócha сл. нищенство: jic na
- próchą идти просить милостины.
Procom, procomko (ц.), prosim, prosimu (пр.) насупротивъ.
 *Procz, *wóprocz противъ.
 *Prog, prog порогъ.
Proleszczk незабудка.
Prom (ц.) паромъ.
 *Proszak пороховой рожокъ (?).
Prosnac попросить, пригласить.
Prosto (ц.) прямо; tē mosz prosto ты правъ; *prostok простагъ, простолодникъ.
Proznies, proznieję (ц.) лѣяться.
Prus быт. некладеный свиной салець.
Przebėvk: przebėvk sviata (ц.) древнїй старикъ.
Przechoszczas, -aję (ц.) принимать.
Przeczec (ц.) отрицать, отри- киваться.
 *Przecznik поперечникъ.
Przedsonk (ц.) сѣни.
Przegrabic сл. перегрести (напр. черезъ рѣку); mē przęgarniem мы переѣдемъ рѣку.
Przėki сл. поперекъ.
Przėlek сл. глотокъ.
Przelobic сл. разломить (на пр. дверь).
Przeludzac -aję (ц.) манить.
Przenakac сл. приблизиться.
Przesny свѣжїй.
 *Przesc прясть; мурлыкать: сл. kot przedze, каш. kót prządze.
Przętro (ц.), przętr, быт. prząter ярусъ; чердакъ.
Przątrz сл. нѣбо (во рту).
 *Przezdrzec się осматривать себя,

глядѣться въ зеркало; *przed-
rze Bog помощи Богъ. *)
Przidki (ц.) крутой.
Przikry (ц.) досадный.
Przindz (пр.) прийти.
Prziodzêvk одежда.
*Przod, *przodki, przodka впе-
реди.
Przondki, przodki сл. кузнечики,
саранча. *
Przôsonki сл. какая-то ягода,
нѣм. Keilbeere.

Psęc (ц.) портить.
Psosec (ц.) шалить.
*Pstroch пестрый быкъ.
Pszênca сл. пшеница.
*Ptoch (пр.) птица.
Pukavka (ц.) ружье.
Puster сл. черная повязка на
головѣ, принадлежность дѣ-
вичьяго убора.
Puszka (ц.) ружье.
*Puta, *pizda женская половая
часть.

*) вѣрнѣе: прости Боже!

Р.

Rad, rado сл. охотно; rêdosc
радость, redovac sâ радоваться.
Râja сл. болото, топь.
Râb (ц.) рубецъ.
*Râczka пробка (?).
Râczki сл. рукавицы.
Râkajca сл. рукавица; viâzla
râkajca сл. вязанная рукавица.
Râkov, rêkov рукавъ.
Rêba (пр.) рыба.
Rêbak сл. червякъ (пр. gobak
червякъ; ракъ-болѣзнь).
Rêbok рыбакъ (пр. rêbak).
*Recheft порогъ, перекладина
(въ клѣти).
Rêchli сл. скорый.
*Rêczec ревътъ: сл. krova gâczi.
Rêga быт. рядъ.
*Rêk (пр. неправильно gjek) ракъ.
*Rek шесть; rêki сл. загородка
изъ шестовъ, устраиваемая въ
водѣ для рыбной ловли.
Rêm сл. ремень.
Rêmio сл., *gemiâ (пр.) плечо.

Rêmiôn сл., remionk (ц.) ро-
шашка.
Rêna рана.
Rênk рынокъ.
*Rêno утрошъ; рано.
Rêpa оббитый кнутъ.
Rêsnâc сл. рости.
Rêszac, -aje, -se (ц.) трогаться,
rêch (ц.) движение.
Rêszic сл. тронуть.
Rêva сл. мель.
Rêz каб. рожъ; (пр.) rêz хлѣбъ
(зерновой).
Rêbiarz (пр.) дровосѣкъ.
Rick груздь.
Rikac (въ Лебѣ) говорить.
Ril (ц.) лопата.
Rôb сл. улей: rôb pszczol.
Rocic (пр.) проклинать.
*Roczba сваташе.
Ruok (пр.) годъ.
*Rolô пахотная земля.
*Romni ровный, *rouni равный
(я не слыжалъ, чтобы эти двѣ

- формы употреблялись съ та-
кимъ различіемъ въ значеніи;
напротивъ, и гошпу и говпу
значать одинаково равный и
ровный; первая форма употре-
бительнѣе).
- Ruosa сл. (пр.) роса.
Rosocha (ц.) разоха (въ сохѣ).
Rospacze (ц.) отчаянье.
Rôstaje сл., rôstanie каш. двѣ
расходящіяся дороги, распутье.
Rôvic sa сл. роитьса: pszczole
sa rôvio.
Rozga (ц.) пруть.
Roznia (ц.) ржавчина.
Ruozum (пр.) разумъ.
Rozvidzeje яснѣеть, разгули-
вается (погода).
*Rozvoга клинъ, орудіе для
расперки; *rozvoznik куро-
къ, гвоздь которымъ натягивается
лукъ.
Rôżk (также rôg) сл. уголь.
Ruchna сл. платье и домашніе
- пожитки; (пр.) ruchna одежда,
на пр. jo tom ruchen dosc
у меня довольно одежды.
*Runo руно, шерсть.
Ruta рута: psio ruta польнь.
Rząd рядъ; *grząd путь ступени(?).
*Rzasa водяной крестъ, ряса.
Rzес сл. задница.
Rzес сл. ржать: konj rzi (произ-
нос. также какъ rzi).
Rzeczоз цѣпь.
Rzegас тошнить (въ Изв. по не-
доразумѣнію объяснено: ломать).
Rzeknас сказать; у слов. и каб.
употребл. формы: ja rzeka, tѣ
rzeczесz, on rzecze и т. д.
*Rzēm ремень.
*Rzeszec вязать, urzeszic при-
вязать.
Rzetélny (człowiek) прямодушный.
Rzeko сл. быстро, проворно.
Rzezy (ц.) свѣжій.
*Rzma холмъ(?).
Rzoza зарница; сл. rzuogzo заря.

S.

- Sâ сюда: daj-sâ дай сюда, ро'-
le-sâ (въ быт. podz-le-sâ) поди-
ка сюда.
*Samc, samica; самецъ, самка.
Sandacz, сл. sandzac судакъ
(рыба).
*Sano сѣно.
*Sarka (пр.) сл., каш. *sroka,
*seroka сорока.
*Sarna серна (самка); сл. sorn
серна (самецъ), *soreń. Въ быт.
sarna значить олень.
Saza (ц.) сажа.
Sąk (ц.) сукъ.
- Scerzp сл. серпъ.
Scerzpli сл. чахлый, исхудалый.
Scirz падаль, стерво.
Seczera, *sékeга топоръ.
*Seczkarnio комната въ которой
крошатъ, разсѣкаютъ.
Sěchi (ц.) сухой, sěsza (ц.) суша.
*Sedła лавка, скамейка.
*Sěka сука.
Sėminie сл., somiõni, sumienie
совѣсть.
Sėnogarleca (ц.) горлица.
Sėnol (ц.) сынишка (сынъ, въ
*смыслѣ презрительномъ).

*

Sermięga (ц.) одежда изъ грубой
ткани.

*Servotka сыворотка.

Sěry (ц.) сырой.

Seszęca каб. рукоять (у плуга).

Setko (ц.) сито.

Sęti сытый, жирный.

Sęty сл. сыпанный.

Sędlo сл. клѣтка въ сѣти.

Sęncę сл. достать, досягнуть.

Sikac (ц.) свистѣть; прыскать.

*Sikovka, *strzikovka оконеч-
ность (?).

Sęncę сл. сѣсть.

Sięzeń сажень.

*Skarnio щека.

Skąza сл. бѣда; *skazęc иска-
зить, испортить, разбить.

*Skiba скибка (хлѣба).

Sklinic się (ц.) лосниться.

Skluo сл. зрачекъ.

*Sknera скряга.

*Skobronk, *skovronk, *skovork,
сл. skovornek, skovarnek жа-
воронокъ.

Skóczke кузнечики.

*Skolec рыдать; сл. skolic виз-
жать (какъ собака).

Skoga, пр. skuoga кора.

*Skorb скарбъ, кладъ.

Skórc сл. скворецъ.

Skórcera скорлупа; сл. *skoróre
черепки.

*Skorznia (пр. skorznia и skoźnia)
сапогъ.

Skotorz сл. пастухъ (коровій).

*Skra искра.

*Skęta проволока; конецъ
дышла прикрѣпленный къ те-
лѣгѣ.

Skrońno мало, скудно, напр.
mięsa skrońno.

Skronia (ц.) високъ.

*Skrov лоскутъ, тряпка.

*Skrzenia, *skrzinka сундукъ.

Skrzepec (ц.) скрипѣть.

Skrzepace (пр.) скрипка.

Skumia (ц.) амбаръ.

Skvirac, jo skvirza; skvirzec сл.
плакать, плащать.

Skvirz сл. сверчокъ.

Sla, род. sli, сл. slo, sli плетъ.

Slád сл. вслѣдъ.

Słaz родъ сѣти.

Słęch сл. високъ.

*Słęch слухъ, *słęchac слушать,
słészec слышать; słésznie (ц.)
пристойно; сл. słęchac принад-
лежать.

Sledni, slęni сл. послѣдній.

Słęga слуга.

Słęp сл. слѣпень.

Słęva (ц.) слива.

*Slod слѣдъ, вслѣдъ; задъ, зад-
ница; slodk (ц.) задняя часть;
*slotki, *połdęrki заднія щęki.

Słóvin сл. соловей.

Słúniszko, slúnieszko сл. сол-
нышко.

Smęczk (ц.) веревка у кнута.

Smek, smok (пр.) улитка.

Smęknac шмыгнуть.

*Smiotana сметана, сливки.

Smiotonka (ц.) презрительное
название Польской шляхты,
употребляемое Капубскійхъ
простонародьемъ.

Smirc смерть.

Smirdzec (ц.) вонять; smrod (ц.)
смадъ.

- *Smodles (?) столбный возъ.
 Smok змія.
 *Smork сошнъ, *smarkaty сошникъ.
 Smug (въ Хитльнѣ) небольшой лужокъ, небольшой клочекъ поля (*smug лугъ, болото):
 Smukac гладить, posmuknac провести рукою по чему шубѣ.
 Smura, smūra сл. гуша.
 Smuzk (ц.) овчиска.
 Snec, snęje мотать.
 Snod сейчасъ, тотчасъ.
 *Snore, *lębe сноны.
 *Snozi (пр. sznozi), также snuzi, сл. snóżni красивый.
 Sobaka сл. собака; (ц.) сука.
 Sod (ц.) садъ.
 Sodac, sodaję (ц.) садиться.
 Sodic сл. садокъ (для рыбы).
 *Sodk волосяное рѣшето.
 Sodel (ц.) садница (на спинѣ).
 Sonsz, zonsz (ц.) заныша.
 Sorbiec (ц.) хлебать.
 Sosącznik родъ сѣти.
 Sosnina (ц.) сосна.
 Sosznik (пр.) сошникъ.
 Spaga (ц.) щель.
 Sparcha сл. спокойствіе, отдыхъ.
 Sparzec (ц.) ошпарить.
 Spaszovac (ц.) прийти въ упадокъ, разориться.
 Sprenićic (ц.) посеребрить.
 Spic (ц.) застегнуть, spinac (ц.) застегивать; — se становится на дыбы.
 Spik (ц.) високъ.
 Spin сл. (пр.) пражка.
 Spisk (ц.) заговоръ, бунтъ.
 Splevac (ц.) плевать.
 Spojic (ц.) сваять, склентъ.
 Spory (ц.) большой, крѣпкій, здоровый.
 Sprzątka растение, полевой тавръ.
 Sprzejajec (ц.) благопріятствовать.
 Sprzeżesty (ц.) скорый, всамльчивый, sprzeżność (ц.) всамльчивость.
 Sprzescie se (ц.) составить заговоръ.
 Srogi (ц.) очень большой; сердитый; srożec se (ц.) важничать.
 Sromac sa сл. стыдиться (въ Хитльнѣ ja sromóm стыжуся); sromota сл. стыдъ; sromotlęvi сл. застычивый.
 Ssac сосать; dzeca sseje сл. сосеть.
 Stado (ц.) большое стадо.
 Starczec (ц.) доставлять, устранивать.
 Stárk сл. тещъ; *stark старичокъ, дѣдъ, *starka старуха, бабушка, *starkóvizna часть назначенная старикамъ.
 Statk (ц.) посуда.
 *Statkovac хорошо вести себя.
 Stavac, stojec (ц.) стоять, stavac se случаться; staje mi по то это мнѣ служить къ тому (ц.).
 *Stebło стебель.
 Steczka тропинка.
 *Stędnac остывать, stędzec (ц.) студить.
 *Stędnio колодезь.
 *Stęгна сл., у каш. stęгна (*stęгна пр.) тропинка.
 Stęgnac (ц.) стынуть.
 Stęкас se встрѣчаться.
 Stek стуль.

- Stękać (ц.) стонать.
 Stępa (ц.) ступа.
 *Stępiac ступать.
 *Stolem, stołum, stołm, stołmak великанъ.
 *Stonik лацканъ (вѣрхняя часть сюртука); лошадь, которую постоянно держатъ въ конюшнѣ.
 *Stonio конюшня.
 Stopa (ц.) подошва.
 Störn сл., storn родъ рыбы (по-нѣм. Flunder).
 Stórneczka сл. лента.
 Stöv сл. прудъ.
 Strapiały гнилой.
 Straszek (ц.) страшилище, привидѣніе.
 Strava (ц.) пища.
 Strěch, strěcha сл. нищій, бѣднякъ; (пр.) strěch старикъ.
 Strechlaty (ц.) малодушный, унылый.
 *Strega ручей; (ц.) дождевой потокъ; сл. strěgâ, stružk, каш. stružka ручей.
 Strełka стрекоза (Libellula grandis).
 Strēmien (ц.) рѣка, ручей.
 Strěpiec сл. гнить.
 Stresza шаланъ, будка.
 Stręzecz (ц.) предлагать, поручать.
 *Stręk стручокъ.
 Stri, сл. strik дядя; strejenka, сл. strijna тетка.
 Strogi грозный.
 Stropionu (ц.) озабоченный.
 Strovu, struovu сл. здоровый; каш. (также и сл.) zdrowu, zdruovu.
 Strzebac, strzebię хлебать, втягивать въ себя сквозь зубы.
 *Strzebro серебро.
 Strzęcina сл. тростникъ.
 Strzecha крыша, преимущ. соломенная (простую крышу называютъ dak).
 Strzem (ц.) стремя.
 Strzena, strzana сл. тростникъ.
 Strzëni, vestrzëni сл. средній.
 Strzibrznik серебряный грошъ (Silbergroschen).
 Strzikovka (ц.) насось, шприць.
 Strzimek маленькая болотная птица (Rohrsperring).
 Strziż маленькая птица (стрижъ?).
 Strzoda стадо.
 Stukac (ц.) стукать.
 Stulec (ц.) сжать, на пр. stul gąbę сожми ротъ.
 Stur (ц.) гной, нарывъ.
 Stynka какой-то родъ рыбы.
 Suszô каб. суша.
 Sum сомъ (рыба).
 Svadzba сл. свадьба.
 Svândzi чешется; svędzec (ц.) чесаться.
 Svąd чадъ.
 Sviardnac (ц.) твердѣть; svirdzac, svirdzaje (ц.) утверждать, подтверждать.
 Svices (ц.) праздновать.
 Sviegotac, sviegocę (ц.) болтать, нести вздоръ.
 Svierzbiec (ц.) свербѣть, svorb зудъ.
 Svinka: dzeci svinką bija сл. играютъ въ мячикъ.
 *Svioz (?) сосудъ для храненія масла.

Svit, svitánie разсвѣтъ.
Svojeglosny сл. собственный.

Svók сл. своякъ; *svok, *svager
шуринъ, svięga (ц.) золовка.

Sz.

Szacha, *szach жердь.
Szadomorз сл. иней.
Szady сл. сѣрый.
Szadi косматый.
Szał (ц.) бѣшенство, szalec,
-szaleję (ц.) бѣситься.
*Szałaputa вертопрахъ, száo-
pata (ц.) дикарь.
Szałbierz (ц.) обманщикъ.
Szamotac (ц.) встрахивать, бол-
теть.
Szanec, szaneję (ц.) почитать.
Szargac, szargaje (ц.) пачкать.
Szarodny (ц.) гадкій.
Szarzanca (ц.) саранча.
*Szastac быть нетерпѣливымъ,
хвататься то за то, то за
другое.
Szát сл., *szata платье.
Szátópierz сл. (пр. szatopierz),
каш. szátóporka летучая мышь.
Szátóporка шутка, шуточная
пѣсенка.
Szcholk сл., szchoc (ц.) рукоять
(на пр. ножа).
Szczebel (ц.) стебель.
Szczegułc пай, отдѣльный кусокъ
чего выбудъ.
Szczekovac лаять: pies szczekuje
(ц.).
Szczélena (ц.) щель.
Szczera (ц.) щена, szczepiac,
szczepiaję (ц.) расщепливать.
*Szczepac щипать.
Szczerbera (ц.) зазубрина.
Szczery (ц.) искренный, вѣрный.

Szczesce счастье.
Szczewac (ц.) уськать.
*Szczezla, *szczelena (?) чешуя
на рыбѣ.
Szczézeve сл. чешуя.
Szczig (ц.) чижижъ (птица).
Szczóv шавель.
Szczowci сл. бѣлокурый.
Szczuka сл. щука; szczuczęta
маленькія щуки.
Szébiennica (ц.) висѣлица.
Szedzec (ц.) трунить.
Szeja сл. шея.
Szekóvny красивый.
Szeleszt (ц.) шелестъ.
Szelağ пфеннигъ (мелкая монета).
Szemrac (ц.) бормототъ.
Szémiac шумѣть: viatr szémi.
Szeniga кляча.
*Szepelec шепелять.
Szeptac, szepcę (ц.) шептать.
Szészka шишка.
Szészok (ц.) шишакъ, каска.
Sziba (быт.) тарелка.
Szkalec, szkaleję, szkalovac (ц.)
бранить.
Szklona (на Гелѣ) стаканъ.
Szkolnią каб. школьникъ, уче-
никъ: s temi szkolniąty.
Szkrобac скрести.
Szkuна сл. амбаръ.
Szla, род. szli какой-то родъ рыбы.
Szlabrotac сл. плескаться, пач-
каться въ грязной вода.
Szlach слѣдъ; тропинка.
*Szlaga слякоть, дурная погода.

Szlapać (ц.) мочить; uszlapać сл. замарать.	Sztënia сл. часъ; sztedzinka сл. часокъ; sztenik (пр.) часы.
Szledzę (ц.) вкось.	Sztódor сл. поплавокъ, приспособленный къ снаряду, которымъ ловятъ сельдей: sztódor do krabe przegravioni.
*Szłupka женскій башмакъ.	Sztrëch или sztrëcha сл. бѣднякъ.
Szmat, szmiot (ц.) куча.	Sztrekac (ц.) ломать.
Szmażec (ц.) жарить на сковородѣ.	Sztrëkacz сл. перепелъ.
Szmer (ц.) рубашечный рукавъ.	Sztrika (za bersztinia) сл. снарядъ, которымъ достаютъ янтарь.
Sznażni (пр.) красивый, ловкій; sznaże dziewczę (пр.) пригожая дѣвушка.	Sztukacz: jewo sztuknu' сл. ему рыгнулось.
Szosovac (ц.) колоситься, о ржи.	Szturchac, sztërchac (ц.) толкать.
Szotor (ц.) тряпка, *szótora лоскутъ, заплата, *szotornik бродяга, сорванецъ.	Szuba (преимущ. у слов.) длиннополое платье.
Szperac, szperaje (ц.) рыться, копаться въ чемъ нибудь.	Szum шумъ.
Szpetny (ц.) гадкій, szpeces (ц.) дѣлать гадкимъ, szpetel (ц.) гадкій человекъ, szpetnica (ц.) гадкая женщина.	Szur крыса.
Szpinia шкапъ.	Szutka (ц.) нюхательный табакъ.
Szplinda (ц.) втулка.	Szútora тряпка.
Sztęga, sztiga сл. два десятка чего нибудь.	*Szvanias вынюхивать, пробовать.
	Szviérc сл. сверчокъ.
	Szvistac (ц.) свистать.

Т.

Taczac торчать.	Tarczki какіе-то цвѣти, растущіе во ржи (Wucherblumen).
Tańalejstvo (ц.) сволочь.	Taszemka (ц.) помочи.
Talko столько, настолько.	Tą тамъ; tą e są тамъ и самъ; *tę.
Tana (съ нѣм.) ель *).	Tapi сл., tery (ц.) тупой, teric (ц.) притупить.
Tancza сл. (пр.) дождевая туча.	Teptac (ц.) топать ногами.
Tanga сл. (пр.), *tega (*teczca) радуга.	Taṭrapṭac топать, стучать ногами.
Tar (ц.) торная дорога, tarovac (ц.) торить дорогу.	Tczec, tcze (ц.) чтить.

*) въ Изв. неправильно „кадь“.

- Tczi (ц.) нустой: tczi worzech. Topiceľ сл. топъ, болото.
 Těcz тычинка, *жердь. *Topies щелкать языкомъ.
 Tej и: *такъ, тогда. *Topog, tǝpǝgk топоръ; *topogk
 Těje (ц.) жирѣю. топорикъ.
 Těł (ц.), сл. tyl тыль, спинна. Torg сл. рынокъ.
 Tele (ц.) столько, telki (ц.) Товaresz (ц.) товарищъ.
 такой большой. Tragi каб., tręgi сл. назадъ.
 Terovac, trovic изнурять. Trapierezec, trapierezej сл. му-
 Teroz (только у каш.) теперь. чить, угнетать.
 Ter-зас сл. бѣжать; *terzas Traskovka ружье.
 быстро ѣхать. Travic (ц.) варить желудкомъ.
 Tesc тестъ. Tręc, tręje (ц.) отравлять, *trę-
 *Teskno, *teszno страшно, бояз- cezna адъ.
 ливо; (ц.) teszno желательно: Treszczec сл. трещать: treszcza
 mi je teszno мнѣ сильно хо- v rękú трещить въ рукахъ.
 четса; *tęzniec, *teszniec Truchlec, truchleje каб. гнить.
 страшиться. *Truna гробъ.
 Tęsacz, (цр.) tężuncz тысяча. Truna трутень.
 *Tinka вадка. Trvoga (ц.) бѣда, бѣдствие.
 Tірка, tіr: слова, которыми *Trzesc, *trzisc трясти.
 зовутъ цыплятъ. Trzęcina сл., trzcena (ц.) тро-
 Tkovac, tkuje (ц.) втыкать, на- стникъ.
 бивать. Trzeszcz каб. тварогъ.
 Tkvic (ц.) торчать: to ju v nim Trzeva сл. книжки.
 długo tkvi это онъ уже давно *Trzęsawiszcze трясина, боло-
 забралъ себя въ голову. тистое мѣсто.
 Tlec (ц.) глѣть. Trzmiel (ц.) шмель.
 Tlęc, tlęke (ц.) толочь; tlęc se Trzpiot вертопрахъ.
 (ц.) толкаться. Tu, сл. tu-hó, tudó, tǝdó, у за-
 Tlęsty (ц.) толстый, жирный. падн. каш. также tudé, тутъ.
 Tobała пастушеская сумка. Túfle картофель: каб. túfleviczi
 Toczac, toczaje (ц.) катить. картофельная зелень.
 Toczec, toczę (ц.) цѣдить; то- Tuk (ц.) жиръ.
 чить зубами. Tulec (ц.) слегка нажимать, гла-
 *Tol (*sztecza) кусокъ льна. дить, успокоивать.
 Tónio сл., тоń (ц.) тonya. Tvirzda (ц.) крѣпость.
 Tonec, toneje (ц.) катить. Tvorca сл. плотникъ.
 Tónji болѣе дешевый. *Tvorz хорекъ.

U.

Примѣч. Въ словахъ, начинающихся съ этой буквы, Кашубы, и обыкновенно также Кабатки и Словинцы, приставляютъ придыхательную букву w, подъ которою и сл: эти слова. Въ рѣдкихъ только случаяхъ Словинцы и Кабатки, а равно жители соседнихъ съ ними Кашубскихъ деревень въ Помераніи, допускаютъ въ началѣ словъ и безъ придыханія. Такія слова здѣсь приводатся.

Ubetk сл. житье.

U'cemięga тягость.

Ucknęc досадовать.

Ukleja, uklej, wukleja родъ рыбы.

Umanięni обманъ, очарованіе.

Umiarli сл. умершій.

Upilęc сл. подстеречь.

• Urok сл. дурной глазъ, uroczię
сглазить.

Uzdęcнęc сл. умереть, on uzdęc
онъ скончался (слово это упо-
требляется безъ всякаго пре-
зрительнаго оттѣнка).

Użasnęc sa сл. испугаться.

Użekwiat (въ Хмѣльнѣ) Апрель
мѣсяць.

V.

Vâbic сл., каш. vóbic манить.

Vada (ц.) ссора.

Vâga сл. канать.

Vale-vale кличка гусей (тига-
тига).

Vârces сл. вертѣть.

Varga (ц.) губа, vargol (ц.)
губастый человѣкъ.

*Varna (пр.) ворона (форма
употребит. преимущественно у
сл. и каб.; у каш. *vгопа).

Varsznęc сл. киснуть, прокисать.

*Varta, *vгота шлагбаумъ (ц.
varta караулъ).

Varzęchev (masła) большая
ложка масла.

*Vębórk ведро.

*Vędzedło удило (у узды).

*Vęgarda ограда.

Vęgre (ц.) угри, водящіяся подъ
кожею скота.

*Vęsęvnica (пр.) гусеница.

Vętk утѣкъ въ тканьѣ.

Vęzeszце (ц.) привязь, свора.

Vczergó сл., *vczęго каш. вчера.

Ve придаточная частица (у зап.
каш.), на пр. v lese bëli mór-
darze, ate oni-ve vzali jednókolę.

Vębav (пр.) избавленіе.

*Vęcic -высѣчь, выбить.

*Vędac выдать; выдать замужъ.

Vędra (ц.) бородавка на лицѣ;
выдра.

Vęgnanc изгнанникъ.

Veј смотри (у запад. каш.).

Vękнęc сл. учиться.

Věl, множ. vâle валъ, волна.

*Vętk (пр.), *vótk (пр.), *vilk,
сл. vovk волкъ.

Vëlна сл. волна (шерсть).

Velнęc обозначиться (на пр. въ
камя).

Vernęc sa сл. вернуться.

*Vęsoki, *vęsi высокій, высшій.

Vęzdęcнęc сл. умирать (см. uz-
dęcнęc).

- Vězerac **выглядывать.**
 Věžgadnaç **угадать.**
 Viâra **сл. обычай; сл. и каш. вѣра.**
 *Viater **вѣтеръ; *viaterk, *vi-trzek вѣтерокъ.**
 Viâcel **сѣть въ видѣ конусообразнаго мѣшка, употребляемая для ловли нѣкоторыхъ рыбъ.**
 Viâzq **каб. я вяжу: viâzq ганкайсе.**
 Vici **сл. болѣе, vikszi ббольшій.**
 Vicher **(ц.) вихоръ.**
 Vid **свѣтъ: vid haloc принести огня для освѣщенія.**
 Vidno **видно.**
 *Viecha **вѣха.**
 Viehc **пукъ соломы.**
 *Viêczerza **ужинъ.**
 Viek **вѣкъчеловѣческой, возрастъ.**
 Vielemovca **сл. какая-то птичка (зеленаго цвѣта).**
 *Vielgi **большой, *vielgosc величина, vielgoryb китъ.**
 Vier **стружка, щепка.**
 Vierczipięta **вѣтреникъ.**
 Viersza **сл. особый снарядъ для ловли рыбы: «viersze do rib lo-vienia po-slovinsku, a po-polsku žak».**
 *Vierzeja **дверь, одна изъ половинъ воротъ; сл. viérzeje ворота.**
 Vierzgliovie **сл. темя.**
 Vierzgúleca **сл. водная ласточка.**
 Vies, **сл. также vïjes, род. vsě деревня.**
 Viesēñ **(пр.) осень.**
 Vieszki, vieszcz, **женск. viészczica упырь.**
- *Vieszczerezca, **(пр.) vieszczerezica, vieszczerka ящерица.**
 Vietvia **сл., *vietev, (пр.) vietva, vietła, vietło вѣтвь.**
 Vievk, vjiva, vjiā **ива.**
 *Vjedno **всегда, постоянно.**
 Vjigo **сл. яго.**
 *Vileca **напильникъ.**
 *Vinc **вѣнокъ.**
 Viodro **погода.**
 Visęga **(ц.) дрянной человѣкъ, повѣса.**
 *Vitka **вѣтка.**
 Vitro **сл. (пр.) утро, *завтра.**
 *Vłoczęga **бродага.**
 Vnękas **втаскивать.**
 *Vobca **свадебный дружка.**
 Vole **(ц.) передняя часть плуга.**
 Vor **сл. веревка, которою прикрѣпляется сѣть къ жерднямъ.**
 Vowcha **сл. какое-то создѣздіе, иначе называемое ná niebie vóz.**
 *Vrek **(или *korus) рѣпа (?).**
 Vróbel **сл. воробей.**
 Vródac, **jo vróda примѣчаю: dzeca ju vróda дитя уже примѣчаетъ.**
 Vrzęceno **веретено.**
 Vsēnaç **сл. всунуть.**
 Vszetki **(пр.) весь, *vszetko все; сл. vszeden весь, vszęgda всегда.**
 Vtarek **(пр.) вторникъ.**
 Vūnio **сл.: dobrze vūnio хорошо пахнетъ.**
 Vyžo **(пр.) вышина.**
 Vzdłuż **вдлину.**
 *Vzic **взять.**
 Vzotk **уловъ рыбъ.**

W (произносится какъ *у* или Английское *w*).

- Węstri** каб. быстрый.
***Wobezdrzec** осматривать.
Wobuńca каб. покрывало (płoch-
ta) изъ тонкаго жолста.
***Wocł** укусъ.
***Wócząstko** волосяное рѣшето
(?).
***Wodchłanie** (или *przepasc)
мель, бродъ; *wodchłanie (или
*cziszcz) чистилице.
***Wódezva** вызовъ, кликъ.
***Wodzarty, *wobdzarty** отор-
ванный, отвлеченный; wodzarty
ободранный.
Wogard сл. садъ; wogórdnica
палисадникъ подъ избою.
***Wogniwo** колѣно (составная
часть) цѣпи (?).
***Wógniszczce** очагъ.
Wógniszczka одувачникъ; *wóg-
niszczka рѣдька.
***Woje** (пр.) отецъ.
***Woklerąc** снопъ, изъ котораго
зерна не совсѣмъ выколочены.
***Wókoń**, уменьш. *wókonk,
каб. wokuń окунь.
***Wókrasa, *wóbona** окрошка,
рубленный жиръ.
***Wokrészena** крошка, окрошка.
Wókręt сл. корабль: wókrętowe
корабли.
***Wołok** бычекъ.
***Wołow** свинець.
***Wolszena, (ц.) wolszka** ольха.
***Worak** навыворотъ, *woraczny
перевернутый.
Worasowac сл. внимательно смо-
трать, сторожить.
- Wopátrznik** сл. пасынокъ.
***Wopol** горючее вещество.
Wórac пахать.
Worczek валекъ (у конской
упряжи).
Wos, woska осина; *woska то-
поль (?).
Wóseca (ц.) осина; *оса.
Woseł осель.
Wóselnica сл. гусеница.
Wósla сл. оселокъ.
***Wososz** пшено (triticum).
Wóspac раслить дѣвушку;
wóspóna беременна.
Wóspodarz каб. вмѣсто gospodarz,
хозяинъ.
Wóst сл. репейникъ.
Wostrąg сл. колючка.
Wóstrzi сл. остріе, лезвее.
Woszalec сл. обманывать; wó-
szalnáli pies сл. бѣшеная собака.
Wot (пр.), wót, ot отъ.
Wotczim, *wotczem вотчимъ.
***Wotłok** стебли съ корцеиъ,
оставшіеся на полѣ послѣ уборки
хлѣба; wotłuk пустырь.
***Wotmęt** водоворотъ, мель.
Wótnięc сл. отнять.
Wotnoga сл. рукавъ рѣки; *wot-
noga корень (?).
Wótnu d каб. оттуда.
Wótrebe (ц.) отруби.
Wotrok, otrok (преимуц. у сл.
и каб., также у запад. каш.)
сынъ, wótroci сыновья; otro-
czica дочь.
***Wotucha** отвага, бодрость.
***Wotwożny** отважный.

Wóvca (пр. wevca) овца.	Wumiejętny (ц.) искусный.
*Wovod васькомое.	Wuntroba сл. печень.
Wóz сл. змѣя, не ядовитая.	*Wuroczec угощать, подчивать (?).
Wożeg кочерга.	*Wuroczec очаровать, *wurok чародѣйствіе, очарованіе*).
*Wuchvasesc ухватить.	*Wuroda красота.
*Wuczese чувство.	Wurodzej, niewurodzej (ц.) урожай, неурожай.
Wud сл. бедро.	Wusce (ц.) устье печное.
Wugárlec сл. задуть.	*Wustrzech мѣсто подъ крышею, у водосточной трубы.
*Wugoda выраженіе, предложеніе.	*Wuzda, *juzda узда.
Wuja (ц.), сл. wujk дядя, wujna тетка.	*Wużevienie пицца.
Wúlesa улица; *wuleczka дверцы.	Wużki быт. узкіи.
Wulómni сл. хромою; разслабленный.	

*) Собственно «дурной глаз».

Х сл. Ks.

Z.

*Zaběc забыть; jo zabąđą забуду.	Zajikac se (ц.) заикаться.
*Zabioskrzinka (пр.) раковина.	Zajimac se (ц.) заниматься.
Zabłąkóni (ц.) заблудшій.	Zakrěvac (пр.) затворять.
Zabuczic (пр.) забыть.	Zaledvie (ц.) едва.
Zaseko (ц.) протекаетъ (отъ дожда).	Zamarec, zamareje (ц.) выма- рывать, стирать.
Zacętosc (ц.) упрямство.	Zamreżec (ц.) зажмурить.
Zacic, zacenac (ц.) зарубить; — se заикаться.	Zanadrze пазуха.
*Zachorzec захворать.	Zanurzec (ц.) окунуть въ воду.
Zádac komu очаровать, сглазить.	Zapalczevy (ц.) запальчивый.
Zadarmóka даромъ.	Zápiac запѣть.
Zadzerzgnac (ц.) зашнуровать.	Zapoczic, zapoczna sl. начать.
Zadżinac (въ Хмѣльнѣ) вѣсто zaginac погибнуть.	Zaróbk, *zorobk заработокъ.
Zagodka загадка.	Zarzinac (na dudelzaku) заиграть.
*Zagumna, *gumno гумно.	Zátrępiac сгнить.
Zajasnec (ц.) разсвѣтать.	Zaviat сл. закладъ (когда бьются объ закладъ).
*Zajc (пр.) заяць.	Zavitra сл. (пр. zavitro) завтра;
	zavitezck сл. утро; востокъ

- (Словинцы говорят о вѣтрѣ: viatr z pewnia, z północe, z wieczora, se zavitrzka); zavitrzniejszo gwiozda сл. утренная звезда; (пр.) zaitrzak, zaitrze востокъ; *zavitrze востокъ, утро, *zavitrzni ранний.
- Zawłoczec (ц.) вдѣвать нитку; боронить.
- Zawoczny (ц.) заочный.
- Zażec зажечь (говоря о ранѣ).
- Ząb зубъ; zębol (ц.) насмѣшникъ; zębiszcze дурной зубъ.
- Zątpieni, zótpieni отчаянный.
- Zbon (пр.) жбанъ; *кружка, кувшинъ.
- Zdebełko, zdebenka (пр.) немножечко, крошечку.
- Zdrębiã быт., zdrębio сл., zgrębiã, zgrzębiã каш. жеребенокъ.
- Zdredzac sa сл. родиться (говоря о плодахъ).
- Zdrzec сл. глядѣть.
- *Zdrzeszec связать.
- Zębac качать (люльку).
- *Zębnąc, *zębnąc зябнуть.
- *Zęc зять.
- Zęlinta (на Гелѣ) тюлень.
- *Zemle, *zemełki лошадиный пометь.
- Zęrvina сл. ржа.
- *Zęviac зѣвать.
- Zgęłka сырой, незрѣлый фруктъ (на пр. яблоко, груша).
- Zgło сл. рубашка.
- *Zgnilegna гнилость.
- Zgniły лѣнивый.
- Zgoła цѣликомъ, совсѣмъ.
- Zgver (ц.) шумъ.
- Zięlesko дурная, сорная трава.
- Zimk (пр.) весна.
- Zława низменное мѣсто, низменность: rosnie na zlawie.
- Złunc родъ сорной травы: по слов. gdzie v zęce złunc, tą je chleba kunc (конецъ).
- Zmągachovac изнурить, замучить (говоря о ночной морѣ).
- Zmierch (ц.) сумерки.
- *Zmóklena потъ.
- Znak сл. навзничъ.
- Znicic развести огонь.
- Zniја (преимущ. у Слов.) зѣя (ядовитая)*).
- Zochomor (ц.) шумъ.
- Zocz сл.: co — zocz что — такое.
- *Zodzerzga задержка; бантъ.
- *Zogánnica пощада (?).
- *Zogarda загородка.
- *Zogávica крапива.
- *Zokónnica звѣзды (?).
- *Zomk замокъ.
- Zorza заря.
- *Zorieck запечекъ.
- *Zorno зерно.
- Zot, zoat (пр.) желудокъ**).
- Zrzodło (ц.) источникъ.
- Zub! хлебай!: zub mleko.
- Zvac звать: on zowie se онъ называется.
- Zvarsec (пр.), *zvroses своротить, сбросить.
- Zviedrzec se (do grępe) сблизиться, сдружиться.
- Zviono сл. косякъ (у колеса).

*) Въ Изв. неправильно «вдра».

**) Въ Изв. неправильно: zot, brzech «употребленіе».

Zvir сл. крупный песокъ; zvi- rova dróga шоссе.	сл. и зап. каш. zvon часъ (zvon jeden, zvon dva и т. п.); zvonica
*Zvon звонокъ, колокольчикъ;	сл., *zvonnica колокольня.

Ž.

*Žabica крюкъ у дверей.	Žeľty, žłoty желтый.
Žák особаго рода сѣть.	*Ženiały, *żonaty женатый.
Žarłoka (ц.) обжора.	*Ževica смола.
*Žagna, сл. żonki ручная мель- ница.	Ževot (ц.) обычай; *животъ, жизнь; (пр.) ževot жизнь.
Žarny, rżany сл. ржаной.	Žgłó, źdźgłó (пр.), *zgłó ру- башка.
Žarzenie, rzerzedze (ц.) горячіе уголья; żarzisty, rzerzesty (ц.) раскаленный.	Žmki сл. тяжелый, трудный; быт. žemki трудный.
Žagłó сл. жало.	Žmija змѣя.
Ždac сл. ждать, ja zda, on zdze, чаще dozđac, ja dozđą или dózdźą; dozđź-le, dózđze, rózđze-że погоди.	*Žoden никто, ни одинъ.
Žebro ребро.	Žoger (ц.) трутъ.
Žec сл. жечь, ja zga, te żzesz, она żzeta; sęzgli сожгли, vēzgli выжгли.	Žol (ц.) жалость; żolec się (ц.) жаловаться; żal się Boże Боже помилуй (ц.).
Žedła, sedła (ц.) скамья.	Žolac, rozżolac раскалять.
Žedzel сл., żagel каш. парусъ.	Žoli (wogiń) сл. пылающий.
Žek сл. учитель.	*Žor, сл. żur, множ. żogawie журавль.
*Žeła жила.	Žogenka (ц.) ступка.
	Žowd сл. брюхо.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ВАЖСКО-ДВИНСКИХЪ УДѢЛЬНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая статья г. Воронова есть интересный очеркъ судьбы Важско-Двинскихъ крестьянъ, состоявшихъ въ разрядѣ княжихъ или дворцовыхъ съ самаго поступленія ихъ во владѣніе государей Московскихъ. По этому нѣсколько словъ вообще о княжескихъ и дворцовыхъ имѣніяхъ въ древней Руси не будутъ, полагаемъ, здѣсь излишни.

Подъ именемъ княжескихъ, княжихъ, княженецкихъ, подклѣтныхъ сель разумѣлись въ нашихъ древнихъ актахъ и лѣтописяхъ тѣ имѣнія, которыя князья отдѣляли изъ общей массы свободныхъ, т. е. не принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ, земель и назначали на удовлетвореніе потребностямъ своего двора. Хозяйственное управленіе было господствующимъ способомъ извлеченія дохода изъ княжескихъ сель; рано встрѣчаемъ мы уже въ лѣтописяхъ указанія на занятія нашихъ первыхъ князей земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Княжимъ селамъ противопоставались земли черныя, которыя принадлежали также князю, но приносили ему лишь опредѣленный доходъ, ограниченный тягломъ, которое лежало на черныхъ земляхъ. Князья постоянно заботились о привлеченіи на свои земли новыхъ поселенцевъ, для чего предоставляли имъ большія льготы. При Іоаннѣ III-мъ уже встрѣчаемъ названія дворцовыхъ сель и дворцовыхъ крестьянъ, въ которые обратились княжескія села и крестьяне. При Іоаннѣ Грозномъ въ образованіи оиричины выразилась идея отдѣленія изъ общей

массы государственныхъ имуществъ опредѣленной части въ частную собственность государя. Эта частная собственность позже носила обыкновенно названіе царскихъ отчинъ, дворцовыхъ сель и волостей, государевыхъ десятинныхъ пашень. Крестьяне въ этихъ дворцовыхъ имѣніяхъ раздѣлялись на пашенныхъ и оброчныхъ и пользовались опредѣленными участками земли. Для повѣрки количества пашень, которыя предназначались въ обработку на государя, и земель, которыя отводились для самихъ крестьянъ, существовали роздаточныя и дозорныя книги. Оброчнымъ дворцовымъ крестьянамъ запрещалось пахать земли на сторонѣ, если оставались свободныя государевы пашни. Хозяйственное управленіе непосредственно въ самыхъ дворцовыхъ селахъ ввѣрялось особымъ прикащикамъ, во время же молотбы хлѣба было выбираемо и представляемы для надзора за этой работой по одному цѣловальнику. Произведенія, получавшіяся съ дворцовыхъ имѣній отъ хлѣбопашества, скотоводства, пчеловодства, рыболовства и т. д., шли не только на содержаніе двора и служилыхъ людей, но и въ продажу, когда оставался излишекъ этихъ произведеній. Такимъ образомъ, при Іоаннѣ IV, отъ продажи подобнаго излишка произведеній царскихъ отчинъ, состоявшихъ изъ 36 городовъ съ селами и деревнями, за удовлетвореніемъ потребностей двора, выручено было 60,000 руб.; а при Θεодорѣ Іоанновичѣ 230,000 рублей. Увеличеніе потребностей заставляло увеличить число дворцовыхъ волостей на счетъ черныхъ, которыя, кромѣ того, съ развитіемъ помѣстной системы, постоянно раздавались въ помѣстья. Къ концу XVII столѣтія, по показаніямъ Котошихина, въ черныхъ волостяхъ считалось до 20,000 дворовъ, въ дворцовыхъ до 3,000, въ церковныхъ 117,000, а помѣщичьямъ не было счета. Въ Уложеніи мы находимъ черныхъ крестьянъ уже совершенно слитыми съ дворцовыми. Центральное завѣдываніе дворцовыми имѣніями сосредоточивалось въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Приказѣ Большаго Дворца и Хлѣбномъ Приказѣ. Ближайшее завѣдываніе

имѣніями поручалось особымъ намѣстникамъ и волостелямъ, подъ начальствомъ которыхъ состояли въ селахъ особія поселенія. Позднѣе, мѣстное управление дворцовыми имѣніями перешло въ вѣдомство воеводъ. Управление доходами дворцовыхъ волостей уже въ 1705 г. принадлежало Канцеляріи дворцовыхъ дѣлъ; въ 1721 году всѣ дворцовыя имѣнія переданы въ завѣдываніе Каммеръ-Коллегій. Екатерина I вновь поручила ихъ Дворцовой Канцеляріи. Въ 1729 г. устранено было всякое вліяніе воеводъ на дворцовыя имѣнія. Въ 1775 г. они поступили въ завѣдываніе Казенныхъ Палатъ и директоровъ Экономіи и были слиты съ имѣніями государственными или казенными. Но императоръ Павелъ I въ 1797 г. отдѣлилъ изъ числа казенныхъ имѣній нѣкоторыя, бывшія прежде дворцами и назначивъ на содержаніе членовъ императорской фамиліи, наименовалъ удѣльными. Таково происхожденіе удѣльныхъ крестьянъ и имѣній, подвѣдомственныхъ нынѣ Департаменту Удѣловъ и къ числу коихъ относятся и Важско-Двинскіе крестьяне, исторія коихъ излагается вслѣдъ за симъ.

• Д. Ч. В. Вешняковъ.

1 ноября 1861.

Удѣльные крестьяне, живущіе по системамъ вѣдъ Важской и Сѣверо-Двинской, занимаютъ почти весь уѣздъ Шенкурскій Архангельской губерніи, половину Вельскаго и небольшія части Тотемскаго, а въ особенности Сольвычегодскаго Вологодской, въ сложности такое пространство, величина котораго, говоря приблизительно, восходитъ до 4,453,400 дес. или 42,892 кв. в., слѣдов. уступаетъ своей цифрой только двумъ уѣздамъ Архангельской губерніи Кемскому и Мезенскому и двумъ Вологодской: Устьсысольскому и Яренскому (¹), много превосходя поровнь прочіе той и другой губерніи, особенно послѣдней (²).

Крестьяне эти, съ самаго поступленія сѣвернаго края Россіи въ непосредственный составъ Московскаго государства, принадлежатъ владѣтельному дому Россіи, составляя его фамиліное имѣніе. Лѣтописи и разнаго содержанія акты нашего края, гдѣ только касаются сего предмета, вездѣ ясно и опредѣленно указываютъ на эту мысль. Эти документы, во-первыхъ, съ глубокой древности именуютъ Важско-Двиноскихъ поселенцевъ сперва *княженецкими* (³), а потомъ *дворцовыми* (⁴); во-вторыхъ, даютъ такіа свѣдѣнія, что напр. великій князь Іоаннъ

(¹) Потому что имѣютъ пространства: Кемскій 221,685 кв. вер., Мезенскій 396,718, Устьсысольскій 154,652, Яренскій 52,386 кв. вер.

(²) Такъ Архангельскій губерніи содержатъ пространства уѣзды: Холмогорскій 14,769 к. в., Шенкурскій 21,878, Онежскій 23,079, Архангельскій 86,411, Пинежскій 42,511, Вологодскій: Сольвычегодскій 38,102 к. в., Никольскій 29,296, Вельскій 24,519, Тотемскій 19,298, Устюжскій 18,560 к. в., Кадниковскій 14,997, Вологодскій 4,961, Грязовецкій 4,840 кв. вер. Опис. Арханг. губ. Пушкарева 1845 года и Волог. губ. вѣд. № 2, 1851 г.

(³) Сѣвер. арх. 1827 г., стр. 91.

(⁴) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ IX, стр. 262, изд. Эйнерлингомъ 1843 года и многія стар. грамоты и записи.

Васильевичъ III, покоритель Великаго Новгорода, спустя 4 года послѣ сего событія, жертвуетъ въ Важскій Богословскій монастырь 15 деревень⁽¹⁾ изъ своихъ, какъ фамиліную собственность великаго князя Московскаго⁽²⁾, а предъ кончиною своею, въ 1504 г., завѣщаетъ сыну своему Василью, наслѣднику великокняжескаго престола: „Заволоцкую землю всю, Онего и Каргополь и все По-Онежье и Двину и Вагу и Кокшенгу и Вельскій погостъ и Холмогоры и всю Двинскую и Заволоцкую землю“. Царь⁽³⁾ и великій князь Іоаннъ Васильевичъ IV сыну Іоанну, также предполагавшемуся быть наслѣдникомъ отцу въ царствованіи: „да сыну же моему Ивагу, говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи даю Заволоцкую землю, Каргополь, Вагу, Кокшеньгу, Вельскій погостъ, Колмогоры“⁽⁴⁾. Все это виѣстѣ съ царскимъ престоломъ, за смертію царевича Іоанна Іоанновича, наслѣдуетъ другой сынъ Іоанна IV Теодоръ Іоанновичъ; за тѣмъ держитъ въ своемъ управленіи и пользованіи царь и великій князь Борисъ Теодоровичъ Годуновъ⁽⁵⁾, царь и великій князь Василій Іоанновичъ Шуйскій⁽⁶⁾ въ своемъ распоряженіи, какъ собственность; а царь и великій князь Михаилъ Теодоровичъ, родоначальникъ династіи Романовыхъ, вскорѣ по восшествіи на Всероссійскій престолъ (1620—21 г.) включая, по примѣру самодержцевъ Рюрикова дома, въ собственное владѣніе своей династіи, и своими новыми царственными распоряженіями и узаконеніями укрѣпилъ въ оноу навсегда⁽⁷⁾. Кажется излишне доказывать, что эти факты подтверждаютъ нашу мысль, исключая всякое сомнѣніе и недоумѣніе, что эти данныя прямо даютъ видѣть, что Важско-Двинскіе крестьяне издревле составляютъ фамиліную собственность великихъ князей и

(1) Нынѣ казенныя.

(2) Великокняж. грам. Богосл. мон. игумену Кириллу 5 янв. 1482 г., хранившаяся въ прежде бывшей монастырской, а нынѣ приходской Богословской церкви.

(3) Собран. государ. грам. и дог. часть 1, стр. 393.

(4) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ IX, прим. 849.

(5) Тамъ же томъ X, стр. 13, прим. 25 и Арханг. лѣт. ст. 184.

(6) Опис. Волог. губ. Пушкина, стр. 20, 1845 г.

(7) Сѣв. арх. стр. 98 и 27, 1827 г.

царей, постоянно состоя въ непосредственной ихъ зависимости, не той, въ какой находилась въ древности вся Русская земля, въ силу которой они могли, кому хотѣли, раздавать города и волости, какъ законную собственность⁽¹⁾, а въ гораздо ближайшей, именно владѣльческой. Впрочемъ, при всемъ этомъ, надо сказать, что было время, когда тѣ крестьяне поступали во владѣніе и нѣкоторыхъ вельможъ, ибо тѣ же лѣтописи, которыя относятъ ихъ къ фамиліи владѣній великихъ князей и царей, говорятъ: ближнему великому боярину Борису Годунову, еще въ началѣ царствованія Θεодора Іоанновича, дали во владѣніе Двинскую и Важскую области, приносящія ему ежегодно дохода по 32,000 руб. сер.⁽²⁾ Царь и великій князь Василій Іоанновичъ Шуйскій 1606 г. отдалъ эти мѣста брату Дмитрію Іоанновичу, коими сей и владѣлъ по 1610 г.⁽³⁾; въ 1611 году, въ междуцарствіе, во время всеобщаго смутенія, когда крамолы и смуты волновали Русскую землю, атаманъ Днѣпровскихъ казаковъ, одинъ изъ крамольныхъ триумвировъ Русскаго междуцарствія, Заруцкій захватилъ было ихъ себѣ въ добычу; но кара, уже тяготѣвшая надъ нимъ, не дала пожать плодовъ насилія...⁽⁴⁾; въ 1614 г. дума царская, съ утвержденія юнаго Царя Михаила Θεодоровича, приговорила отдать ихъ въ вотчину за оказанныя отечеству услуги боярину и воеводѣ Дмитрію Тимофеевичу Трубецкому⁽⁵⁾. Но это время, всякой можетъ видѣть, было такое, когда, не говоря уже о томъ, что у престола царскаго крамолы, смуты, перемѣны и беспорядки разнаго рода слѣдовали одни за другими, и Россія погружалась въ бѣдствія, что вездѣ почти и во всемъ неутомимо дѣйствовали произволь и насиліе,—не говоря о семъ, самый престоль

(1) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ I, стр. 143.

(2) Тамъ же, томъ X, стр. 13 и арх. лѣт. стр. 134.

(3) Опис. Архан. губ. Пушк. 1845 г., стр. 33.

(4) Опис. Волог. губ. Пушк. 1846, стр. 20.

(5) Извѣст. о Русскихъ дворянахъ Миллера, стр. 133, Спб 1790 г.; Древн. Рос. Внеліоф. ч. VIII, стр. 388. Москва 1775 г. и опис. Арханг. и Волог. губ. Пушк. 1845 и 1846 г., стр. 20 и 33.

колебался, когда Рюриковская царская династія изнемогла и, наконецъ, совершенно прекратилась, а новая Романовская лишь только заявила жизнь въ лицѣ юнаго Михаила. При такихъ обстоятельствахъ государства и не удивительно, что такія личности были владѣтелями Ваги и Двины. Скажемъ болѣе, да имъ и естественно это обладаніе, по крайней мѣрѣ, тогда. Ибо кто были тѣ временные владѣтели Ваги и Двины? Лица, или касавшіяся престола царскаго или стоявшія у самаго подножія его. А если это такъ, то и здѣсь и въ приведенныхъ фактахъ не только не опровергается наша мысль, напротивъ подтверждается. Но оставимъ, что уже достаточно ясно безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, пойдемъ далѣе или правильнѣе спустимся въ глубь древности ко времени поступленія Важско-Двинскихъ крестьянъ въ число княженецкихъ и, не касаясь числа поступившихъ, какъ таково обстоятельство, которое къ нашему предмету не принадлежитъ, а требуетъ особаго разсмотрѣнія, посмотримъ, какииъ образомъ это дѣло произошло?

Вопросъ, очевидно, любопытный и для рѣшенія, по видимому, довольно трудный; потому что нѣтъ прямыхъ данныхъ, на которыхъ бы можно было основать рѣшеніе съ историческою достовѣрностію. Да къ тому же извѣстно, что во 1-хъ, Заволочье, въ составъ котораго входили Двина съ Вагою (1), состояло во владѣніи Великаго Новгорода до 600 лѣтъ на особыхъ правахъ или, вѣрнѣе, на правахъ вольности, слѣд. безъ строгой администраціи и полицейскаго надзора со стороны Владыки Новгорода; во 2-хъ, коренные населенцы Заволочья были народъ одноплеменный, извѣстный подъ общимъ названіемъ Заволочской Чуди безъ всякихъ дѣленій, и ни мало не отличавшіяся между собою ни языкомъ, ни вѣрою, ни образомъ жизни (2). Отъ всего этого затрудненія рѣшеніе вопроса еще болѣе увеличивается. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ случилось, что изъ одного и того же народа только нѣкоторые поступили въ соб-

(1) Ист. гос. Рос. Каравина томъ I, стр. 25, прим. 64.

(2) Тамъ же, томъ I, стр. 22 прим. 73.

ственность великаго князя. Нельзя же въ этомъ разѣ предпологать дѣятелемъ одинъ произволъ великаго князя, особенно Іоанна III, который, по сказанію бессмертнаго нашего историка Карамзина, во всѣхъ своихъ дѣлахъ являлъ рѣдкое величіе ума съ прорзорливымъ благоразуміемъ и осторожностію (1).

Не отвергая высказанныхъ нами обстоятельствъ, затрудняющихъ рѣшеніе вопроса и не прибѣгая къ какому либо объясненію, лишь бы для дѣла благопріятному, мы не впадемъ въ противорѣчіе и не уклонимся, не говорю, отъ истины, а, по крайней мѣрѣ, правдоподобія, если скажемъ, что Важско-Двинскіе крестьяне поступили въ число владѣльческихъ великокняжескаго дома, во время присоединенія Двины и Ваги отъ Новгорода къ Москвѣ, прямо безъ всякихъ особенностей. Какимъ образомъ? По нашему мнѣнію очень просто.

Извѣстно, что Новгородцы, владѣя въ продолженіе 600 годовъ Заволочскими землями, очень хорошо могли ознакомиться и дѣйствительно ознакомились съ ними, съ ихъ привольемъ и богатствомъ, а дома между тѣмъ начали чувствовать и терпѣть стѣсненія, совершенно вопреки свободному ихъ характеру. Находясь подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, они, богатые и бѣдные, во множествѣ устремились въ пресловутое Заволочье, и (2), гдѣ находили для себя удобнымъ и выгоднымъ, стали селиться, а богатые устраивать помѣстья, пріобрѣтая ихъ у туземцевъ всѣми возможными средствами, и покупкою и силою и обмѣномъ, и такимъ образомъ оставаясь подъ покровительствомъ Новгорода, такъ сказать, убѣгали ближайшей зависимости отъ грознаго его вѣча. Изъ такихъ Важско-Двинскихъ помѣщиковъ, намъ извѣстныхъ, были: Своеземцевы, изъ рода которыхъ Василій Матвѣевичъ Своеземцовъ, посадникъ, въ 1315 г. пріобрѣлъ покупкою у начальниковъ Чудскихъ, Азики, Харагинца, Ровды и Игнатца земли и разнаго рода угодыя въ нынѣшнемъ

(1) Ист. гос. Рос. Карамзинъ томъ VI, стр. 208—219.

(2) Напр. въ нашихъ мѣстахъ, по р. Двина, Вага, Кокшеми, Веди и Пемжѣ.

Шенкурскомъ уѣздѣ (1); Варооломеевы, имѣвше владѣнія на Двинѣ и Вагѣ (2), Борецкіе въ большомъ количествѣ, тамъ и на Кокшенигѣ (3), и Осколковы; нѣкоторые сюда же относятъ и Строгановыхъ (4).

Само собою разумѣется, что всѣ эти лица приобрѣтали для себя земли лучшія, а во время владѣнія своего еще болѣе улучшили ихъ. Того требовали благоразуміе и выгоды.

Царь и великій князь Іоаннъ III въ 1462—78 г., уничтоживъ самобытность Новгорода, присоединилъ его на ряду съ другими городами Россіи къ Москвѣ, въ то же время присоединилъ къ ней и владѣнія Новгородскія, въ томъ числѣ Вагу и Двину (5), одно тутъ взявъ въ казну или роадавъ Московскимъ боярамъ (6), а другое описавъ на государя, именно владѣльческія помѣстья. Слѣдов. Іоаннъ III сдѣлалъ только лишь, что владѣнія Новгородцевъ перечислилъ или, иначе сказать, сдѣлалъ мѣну въ владѣльцахъ: на мѣсто владѣльцевъ Новгородскихъ вельможъ поставилъ владѣльцевъ Московскаго самодержца. Дѣло дѣйствительно совершилось очень просто,

(1) Вотъ договорная ихъ грамота: «Се би челомъ Азика и Харагинецъ и Ровда и Игнатецъ, прїѣхавъ отъ своей братьи, Князю Оеонасю, на Василья на Матвѣева и наставилъ подвойскіе и не идучъ къ суду и урядилися рядомъ; а боги: Шенкурскій погостъ и земли Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ, до Ваймуги въ верхъ до Яноозера, а отъ Яноозера прямо въ Пѣзу, а тыи земли Василью и въ вѣки. А взяли Азика съ своею братьею у Василья двадцать тысячъ бѣлки на тыхъ земляхъ, гдѣ ни есть Шенкурскаго погоста. А заводъ тѣмъ землямъ по Семенгу рѣку, а по другую сторону Вагѣ выше Паденгѣ, по вытекаюй рудей; и Паденга рѣка съ устья по обѣ стороны въ верхъ до Сулонской межи, по Великой камень; а Шонга рѣка съ устья по обѣ стороны въ верхъ до Розеловой: а Понца рѣка по обѣ стороны. А кто будетъ вкупилса въ ту землю въ томъ заводѣ, а тѣ знають своихъ продавчовъ въ тыхъ куняхъ. А что Шенкурскаго погоста и земли и воды и лѣсы лѣтніи и рѣки и лѣтніи рѣки и мхи и озера и соколя гайзда, гдѣ ни есть Шенкурскаго погоста, то все Василью себѣ и своимъ дѣтямъ въ вѣки. А пополонка дать Василей десять рублей».

Запис. Геогр. Общ. книжка VIII. стр. 104. 1858 г. и Сѣв. Арх. стр. 15. 1827 г.

(2) Опис. Новг. губ. Пушк. стр. 11, 1844 г.

(3) Тамъ же и опис. Арх. губ. Молчан. 1813 г.

(4) Опис. Новг. губ. Пушк. стр. 9, 1844 г.

(5) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ VI. стр. 79.

(6) Опис. Новг. губ. Пушк. стр. 16, 1844 г.

если оно было такъ; а отвергать безъ достаточной причины, кажется, нельзя, потому что:

а) На него намекаетъ донинѣ усвоенное смежнымъ съ удѣльными государственными крестьянами названіе *черносошныхъ* въ смыслѣ, по нашему понятію, черныхъ сохъ, сохъ черни или народа, бѣдняковъ⁽¹⁾, предполагающее существованіе крестьянъ съ противоположнымъ названіемъ бѣлосошныхъ, въ смыслѣ, по нашему понятію, бѣлыхъ сохъ, сохъ бѣлыхъ, высокихъ, знатныхъ и богатыхъ или, что тоже вельможъ, бояръ, или какое либо другое подобное⁽²⁾, которое дѣйствительно нѣкогда существовало между нашими удѣльными крестьянами, но съ теченіемъ времени вышло изъ употребленія.

б) Его подтверждаютъ, хотя и не прямо, тѣ свѣдѣнія, что Іоаннъ III, изъ владѣній Новгородскихъ Важско-Двинскихъ взяли во первыхъ, на государя лучшія, слѣдовательно нынѣшнія удѣльныя; потому что эти владѣнія, по преимуществу, такъ назывались даже 114 годовъ спустя послѣ взятія⁽³⁾; во вторыхъ, великій князь пожертвовалъ Богословскому монастырю 15 деревень, какъ фамилію собственность, прежде принадлежавшія Своеземцовымъ⁽⁴⁾. И наконецъ:

в) Его неоспоримо доказываютъ сохранившіяся въ разныхъ старинныхъ бумагахъ и народномъ употребленіи названія многихъ удѣльныхъ волостей, общее «боярщины» или барщины и частное, наприм. по р. Вагъ: «Васильевска волость, Ивановская, Федоровская, Афанасьевская, Владиміровская, Исаковская, Борецкая, Труфановская, Есиповская, Груздовская и Едемская⁽⁵⁾ и по рѣкѣ Двинѣ Кирегбская и Афанасьев-

(1) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ IV, прил. 832 и томъ VI, стр. 82.

(2) Тамъ же, томъ I, прил. 302.

(3) Тамъ же, томъ X, стр. 13.

(4) См. договорную грамоту.

(5) Эта фамилія и доселѣ существуетъ у удѣльныхъ крестьянъ Шенкурскаго уѣзда, ннѣшняя родоначальникомъ своимъ Ивана Васильевича Своеземцева Едемскаго, бывшаго въ царствованіе Іоанна IV въ Шенкурскѣ городовымъ прикащикомъ или, что тоже, комендантомъ. См. Геогр. слов. Максимовича часть I, стр. 201 1804 г. и родосл. Своеземцовыхъ въ Синодикѣ.

ская ⁽¹⁾; названія, видимо указывающія на прежнихъ владѣльцевъ ихъ и между прочими, намъ неизвѣстными, на Своеземцовыхъ и Борецкихъ.

Число всѣхъ Важско-Двинскихъ крестьянъ въ началѣ ихъ поступленія въ число княженецкихъ неизвѣстно; впрочемъ, едва ли простиралось свыше цифры 5,000 домовъ. Спустя 200 лѣтъ, именно:

Въ 1678 г., по переписямъ думнаго дворянина Богдана Васильевича Яковлева, было 12,433 дом.
 > 1720 > до 28,029 ⁽²⁾ д. м.
 > 1762 > > 32,427 ⁽³⁾ >

Населенность въ отношеніи къ пространству, ими занимаемому, очень малая: только лишь 1,3 муж. приводится на квадратную версту.

Занятія этихъ жителей были, главнымъ образомъ, земледѣліе, повсемѣстно существовавшее и постепенно, хотя сначала и медленно, увеличивавшееся съ увеличеніемъ народонаселенія и упадкомъ другихъ его промысловъ. Вотъ его развитіе, по достовѣрнымъ источникамъ и нашимъ соображеніямъ: съ самаго начала своего сунествованія, по всей вѣроятности, послѣдовавшаго во времена Новгородскія, Важское земледѣліе до 1700 г., въ теченіе 400 лѣтъ, заключало въ себѣ всей пахатной земли 32½ сохи или, что то же, 16,250 десят.; до 1800 г. въ теченіе 100 лѣтъ возрасло это число до 38,250 ⁽⁴⁾ десятинъ.

Нельзя не замѣтить, какое удивительно быстрое развитіе земледѣлія въ послѣднемъ періодѣ сравнительно съ предшествовавшимъ! И это произошло сколько отъ указанныхъ нами

⁽¹⁾ Опис. Арх. губ. Молч. 1813 г. и вып. изъ писд. книгъ разныхъ годовъ.

⁽²⁾ Сѣвер. архив. стр. 18 и 19 1827 г. и Начерт. ист. Холмогор. Крестьянина стр. 37 1790 г.

⁽³⁾ Сѣв. арх. стр. 19 и 20 1827 г.

⁽⁴⁾ Царс. разн. грамоты напр. 1683 г.; и Истор. гос. Рос. Каравина томъ IX прил. 816.

причинъ, столько же, если не болѣе отъ преобразованій Петра I, всюду распространившихъ свое вліаніе.

За земледѣіемъ лѣсные пригорѣлые продукты: дегтекуреніе и смологоненіе съ пековареніемъ (1). И эти промыслы занимали много рукъ на Двинѣ, Вагѣ, Кулуѣ и Тавренгѣ и сбывались сперва на Мурманскій берегъ (2), а послѣ, съ открытіемъ Архангельска, въ сей городъ.

Промышляли также ловлею звѣрей (3), птицъ и рыбы, но много въ меньшемъ количествѣ и не вездѣ, особенно послѣдними, безъ всякаго сомнѣнія, отъ скудныхъ улововъ, съ году на годъ увеличивавшихся отъ уменьшенія лѣсовъ и обмеленія рѣкъ, въ слѣдствіе умноженія народонаселенія.

По особой привиллегіи, вели торговлю солью, за которою по рр. Вагѣ и Двинѣ, нарочно отправлялись на соляные Бѣломорскіе заводы (4).

Для производства внутренней и мѣстной торговли издавна существовали рынки или ярмарки, изъ коихъ болѣе извѣстны и значительныя были: Благовѣщенская въ Благовѣщенскомъ посадѣ, нынѣ погостъ, близъ впаденія р. Устья въ Вагу (5), и Тарновская (6) въ Тарновскомъ городкѣ при р. Тарновкѣ, нынѣ Шведвицицкій Богоявленскій погостъ. Благовѣщенская, она же Евдокіевская, открывалась ежегодно 1 марта, Тарновская 6 января, и обѣ продолжались съ недѣлю времени. На Благовѣщенской былъ гостинный дворецъ съ 55 избами, 53 торговыми лавками и 46 складочными анбарами, построенный въ 1670 г., но памятамъ Московскаго Приказа Большаго Дворца.

По управленію, Важско-Двинскіе дворцовые крестьяне, нераздѣльно виѣстѣ съ прочими сословіями, подлежали, съ по-

(1) Истор. гос. Рос. Карамзина томъ X, стр. 144 и Сѣв. арх. стр. 207, 1827 г.

(2) См. торг. книгу, издан. Археол. Общ. 1851 г.

(3) Сѣв. арх. стр. 204 и 205 1827 г. и догов. Своев. съ Азійкой 1315 г.

(4) Рус. Достопамят. 1805 г. часть I, стр. 132 и Начерт. ист. Хол. Крест. часть I, стр. 13, 1790 г.

(5) Геогр. слов. Рос. гос. Максимовича часть I, стр. 432, 1804 г.

(6) Волог. губ. вѣд. № 20, 1857 г.

ступленія въ великое княжество Московское, съ 1478—1613 г., вѣдѣнію великокняжескихъ намѣстниковъ; съ 1613 г. по 1723 г., когда дворцовыя волости начали состоять въ вѣдомствѣ Московскаго Приказа Большаго Дворца (1), что продолжалось 110 лѣтъ, — воеводъ; а съ 1723 г., когда на мѣсто Приказа Большаго Дворца учреждено высшее административное мѣсто по дворцовымъ крестьянамъ, — главной Дворцовой Канцеляріи; а въ 1797 г., съ закрытіемъ Канцеляріи Департамента Удѣловъ, подлежали особымъ чиновникамъ, подъ названіемъ дворцовыхъ управителей, правителей и управляющихъ, которыхъ до 1757 г., было въ продолженіе 34 годовъ одинъ, а съ этого же года два: управитель Шенкурской половины, заключающей въ себѣ дворцовыя волости четвертей Шенкурской и Подвинской, и управитель Верховажской половины, состоявшей изъ волостей Верховажской и Кокшенской. Всѣ эти администраторы имѣли мѣсто, пребываніе въ г. Вагѣ или, что тоже, Шенкурскѣ; съ 1797 г. въ Архангельскѣ и немного снуста въ Вологдѣ (2). Вотъ они, намъ извѣстные:

Намѣстники:

Князь Михайло Васильевичъ Хворостинъ упр. съ 1507—14 г.

Воеводы:

Семень Федоровичъ Глѣбовъ.	{ 1613—1617(3) 1624—1625
Борисъ Ивановичъ Похтевъ.	1626—27
Иванъ Филип. Стрешневъ, да Димит. Смертковъ .	1628—30
Столян. Степ. Фед. Стрешневъ, да Еф. Филиповъ.	1631—33
Аеонасій Осиповичъ Прончищевъ	1634—37

(1) Впрочемъ съ 1705 г. были нѣсколько времени подъ управленіемъ Ижорской канцеляріи.

(2) Мы сюда не включаемъ правителей Двинской области, жившихъ въ г. Холмогорахъ, потому что земли Двинскія, которыя лежали выше р. Ваги, и которыя населяли дворцовые крестьяне, по нежевымъ царскимъ грамотамъ, входили въ Важскую область.

(3) 1617 г. былъ прикащикъ свитнаго дворца путный ключникъ Малой, съ 1618—24 г. прикащикъ Дружина Пустобояровъ.

Стольн. Петръ Григорьевичъ Очинъ-Плещеевъ	1638—40
Степанъ Андреевичъ Татьянинъ	1641
Василій Ивановичъ Толстой	1642—43
Андрей Ивановичъ Борецкій	1644—45
Стольн. Данило Семеновичъ Яковлевъ	1646 (¹)
Стольн. Князь Иванъ Михайловичъ Коркодиловъ	1660—64
Степанъ Ѳедоровичъ Ждановъ	1665
Стольн. Пареевій Павловичъ Соновъ	1666—68
Князь Савелій Ивановичъ Козловскій	1669—71
Стольн. Петръ Севастьяновичъ Хитрово	1672—73
Стольн. Григорій Филимоновичъ Нарышкинъ	1674—75
Дум. дворянинъ Богданъ Васильевичъ Яковлевъ	1676—79
Стольн. Калина Григорьевичъ Благово	1680—81
Дум. дворянинъ Григорій Степановичъ Карауловъ	1682
Стольн. Василій Петровичъ Изманловъ	1683—84
Стольн. Павелъ Ѳедоровичъ Леонтьевъ	1685—86
Стольн. Степанъ Аеонасьевичъ Сабакинъ	1687—89
Стольн. Александръ Петровичъ Скуратовъ	1690—91
Стольн. Петръ Ивановичъ Взимковъ	1692—93
Стольн. князь Яковъ Ефимовичъ Мышецкій (²)	1694—95
Стольн. князья Як. Ив. и Ѳед. Яковд. Вяземскіе	1696—97
Стольн. Петръ Яковлевичъ Кикинъ	1698—99
Стольн. Алексѣй Сидоровичъ Синявинъ	1700 (³)
Стольн. Гаврило Ивановичъ Старово-Малюкинъ	1704
Коменданъ Дмитрій Алек. Соловьевъ	1705
Коменд. Ст. Иванъ Григорьевичъ Ляпуновъ	1710—13
Коменд. Матеей Ивановичъ Леонтьевъ	1714
Ландратъ князь Никита Александр. Дабринскій	1715—20

(¹) Съ 1647—59 г. не было воеводъ, а по четвертямъ управляли земскіе судейки, изъ народа избираемые.

(²) 1693 г. Взимковъ, а 1694 г. Мышецкій встрѣчали, вмѣстѣ съ прочими властями г. Шенкурска, Петра I, проѣзжавшаго обратно изъ Архангельска въ Москву.

(³) Съ 1701—1703 г. по четвертямъ управляли бургомистры, изъ народа избираемые.

Коммиссары:

Ив. Галакт. Труновъ, Мак. Аник. Бартеневъ . . .	1720—21
Иванъ Аѳонасьевичъ Болтруковъ	1722
Иванъ Галактіоновичъ Труновъ	1723—25

Управители:

Коллежскій совѣт. Матѳей Ивановичъ Рудаковъ .	1774
Надворный совѣт. Авраамъ Ивановичъ Ушаковъ .	1775—80

МѣСТА УПРАВЛЕНІЯ НАЗЫВАЛИСЯ РАЗЛИЧНО:

въ Шенкурскѣ: съ 1603—1661 приказная изба ⁽¹⁾ .	
1661—1705 съѣзжая изба.	
1705—1710 приказная палата и изба.	
1710—1723 воеводскаго правленія канцелярія.	
1723—1730 дворцовыхъ волостей канцелярія и приказная изба.	
1730—1757 управительскія дѣла и приказная изба.	
1757—1774 управительскія дѣла волостей: Шенкурской половины и Верховажской.	
1674—1797 Архангелогородская дворцовая контора.	
въ Архангельскѣ съ 1797—1858	} Удѣльные экспедиціи и конторы.
и въ Вологдѣ съ 1807—1858	

СЕЛЬСКОЕ ЧИНОНАЧАЛѢ ВЪ САМЫХЪ ВОЛОСТЯХЪ СОСТАВЛЯЛИ:

съ 1505	старосты и сотскіе.
1534 ⁽²⁾	старосты, сотскіе, цѣловальники (присяжные), пятидесятскіе, даньщикъ или, что то же,

(1) Едва ли это не первое въ Шенкурскѣ присутственное мѣсто.

(2) Съ 1852 г. Вага именовалась Важскимъ уѣздомъ, а около 1534 года раздѣлена была на 7 становъ: Шенкурскій, Подвинскій, Летпой, Ровдинскій, Вельскій, Слободскій и Кокшемскій.

	смотрители хлѣбныхъ магази- новъ, по тогдашнему жит- ницъ.
съ 1552	излюбленные головы ⁽¹⁾ .
1613 ⁽²⁾	Земскіе, четвертные, старосты, сотскіе и денежные сборщики.
1620	ямные (станціонные) цѣло- вальники.
1674—1659	четвертные земскіе судейки.
1700—1704	земскіе бургомистры ⁽³⁾ .
1723 ⁽⁴⁾	старосты, сотскіе и десятскіе.
1793 ⁽⁵⁾	приказные, выборные, ста- росты и казенные, а вскорѣ голови.

Нынѣ всѣ дворцовые Важско-Двинскіе крестьяне, именуясь удѣльными, въ соотвѣтствіе названію Департамента Удѣловъ, высшаго ихъ административнаго мѣста, размѣщаются въ 1,872 селеніяхъ, въ числѣ 125,049 душъ об. п. (59,113 мужес. и 65,936 жен.).

Управляются удѣльною конторою, которая, образовавшись изъ конторъ Архангельской и Вологодской, съ 1859 года находится въ г. Вельскѣ, по волостямъ же вѣдаются приказами, которыхъ

⁽¹⁾ Жили въ г. Шенкурскѣ для присутствованія въ мѣстахъ управленія по порученнымъ имъ дѣламъ.

⁽²⁾ Въ этотъ годъ уѣздъ раздѣленъ былъ на 4 четверти: Шенкурскую, Верховаскую, Подвинскую и Кокшенскую.

⁽³⁾ При нихъ въ четвертяхъ учреждены были земскія избы, мѣста сельской администраціи.

⁽⁴⁾ Съ 1710—20 уѣздъ назывался Важскою долею, съ 1720 провинціей, а съ 1780 раздѣленъ на Шенкурскій и Вельскій, съ отдѣленіемъ нѣкоторыхъ частей въ уѣзды Красноборскій и Тотемскій.

⁽⁵⁾ Въ уѣздахъ приказы: Шенкурскомъ: Великоникольскій, Благовѣщенскій, Устьпаденскій, Предтеченскій, Устьважскій, Кургоминскій и Борецкій; Сольвычегодскомъ: Верхотомскій и Аванасьевскій; Тотемскомъ: Шевденицкій и Спасскій, и, наконецъ, въ Вельскомъ: Верховскій, Тавренскій и Устьвельскій.

Вологодской губерніи:

- въ Вельскомъ уѣздѣ: Устьвельскій.
Тавренскій.
Верховскій.
въ Тотемскомъ уѣздѣ: Шевдиницкій.
Спасскій.
въ Сольвычегод. уѣздѣ: Верхотоемскій.
Аюнасьевскій.

Архангельской:

- въ Шенкурскомъ уѣздѣ: Благовѣщенскій.
Великоникольскій.
Предтеченскій.
Устьпаденскій.
Устьважскій.
Кургоминскій.

Всего 13.

Чл.-С. П. Вороновъ.

ТОПОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ГОРОДА КОТЕЛЬНИЧА.

Городъ Котельничъ ⁽¹⁾ (Вятской губерніи) лежитъ подъ 58°,10' с. ш. и 66°,25' в. д. ⁽²⁾ отъ перваго меридіана, проходящаго чрезъ островъ Ферро. Онъ находится на правомъ берегу рѣки Вятки и лежитъ на ю.-з. отъ губернскаго города, по почтовому тракту, на разстояніи 97 верстъ; отъ Орлова въ 45¹/₂, Яранска 125¹/₂, Царевосанчурска 182, Нолинска 231³/₄, Уржума 287³/₄, Малмыжа 378³/₄, Елабуги 518¹/₄, Сарапула 670¹/₄,

⁽¹⁾ Въ старину онъ назывался Кокшаровымъ и былъ населенъ народомъ финскаго происхожденія, Черемисами. Въ 1181 году онъ взятъ былъ приступомъ Новгородскими выходцами и такимъ образомъ вмѣстѣ съ Хлыновымъ сдѣлался, по времени, первымъ городомъ въ Вятской странѣ.

⁽²⁾ Смотри. Вятскія Вѣд. за 1855 годъ № 4 „Взглядъ на Вятскую флору или флору области Вятско-Камскихъ береговъ“. Географическое положеніе города Котельнича было опредѣлено вторично въ 1858 году, астрономомъ Гаммовымъ.

Глазова 307, Кая 362, Слободскаго 128; отъ столицъ С.-Петербурга 1,480 и Москвы 876¹/₄ вер.

Городъ, обращенный лицевою стороною на югъ къ рѣкѣ Вяткѣ, расположенъ въ довольно значительномъ углубленіи, прорѣзанномъ оврагами. Главный изъ нихъ, по которому течетъ рѣчка *Балъкиревица* (3), идетъ поперекъ города съ сѣвера на югъ и дѣлитъ городъ на двѣ половины: на восточную или нагорную, называемую иначе „монастырщиной“, и западную, болѣе ровную, которая составляетъ главную часть города. Другой оврагъ, менѣе глубокій и почти сухой, идетъ съ запада на востокъ и соединяется съ главнымъ оврагомъ, окаймляя такимъ образомъ сѣверную линію половины города. Южная линія этой половины города также окаймляется оврагомъ, лежащимъ между этою половиною города и довольно высокимъ, но узкимъ хребтомъ, противоположная сторона котораго составляетъ крутой берегъ рѣки Вятки. Одинъ конецъ этого оврага, именно восточный, соединяется съ рѣкой Вяткой въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ соединенія съ ней главнаго оврага, а другой — западный примыкаетъ также къ рѣкѣ Вяткѣ, но отдѣляется отъ нея незначительнымъ возвышеніемъ, такъ что если бы прокопать это возвышеніе, то оврагъ въ весеннее половодье дѣлался бы проливомъ, а хребетъ островомъ. За возвышеніемъ, препятствующимъ этому оврагу соединиться съ рѣкой Вяткой, лежитъ устье другаго оврага, идущаго также съ запада на востокъ и, у этого самаго возвышенія, повернувшись на югъ въ рѣку Вятку. Съ одной стороны этимъ оврагомъ, составляющимъ русло рѣчки Котлянки, а съ другой — рѣкою Вяткой, въ видѣ мыса образуется опять высокій, довольно длинный и узкій хребетъ противъ того самаго хребта, который лежитъ за оврагомъ передъ южной линіею западной половины города. По преданію старожиловъ, оба эти хребта составляли одинъ непрерывный хребетъ, точно

(3) Такъ какъ рѣчки, о которыхъ будетъ рѣчь, очень малы, то названіе рѣчки всегда надобно полагать въ смыслѣ ручьевъ.

также какъ оба оврага составляли одинъ оврагъ, по которому рѣчка Котлянка впадала въ рѣку Вятку не далеко отъ впаденія въ нее рѣчки Балакиревицы. Но назадъ тому лѣтъ 90, одинъ изъ жителей города Котельнича—Куршаковъ, неизвѣстно по какому расчету, направилъ впаденіе ее въ рѣку Вятку именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь впадаетъ. Такимъ образомъ, оврагъ, окаймляющій южную сторону западной половины города, есть не что иное, какъ старое устье рѣчки Котлянки. Въ это устье не далеко отъ возвышенія, за которымъ лежитъ нынѣшнее устье рѣчки Котлянки, впадаетъ рѣчка Родіоновка. Она течетъ оврагомъ, параллельно съ Котлянкой, съ запада на востокъ и, вдавшись немного въ югозападный уголъ города, прямо поворачиваетъ на югъ въ прежнее устье Котлянки. Часть города, неправильно расположенная на неровномъ мысѣ между устьемъ Родіоновки и нынѣшнимъ устьемъ Котлянки, называется „Остроковьемъ“ (отъ острый конецъ).

Устье рѣчки Балакиревицы и прежнее устье рѣчки Котлянки, во время весенняго разлива рѣки Вятки, дѣлаются довольно широкими и глубокими заливами, особенно первое. Оно, простираясь въ то время до 400 саж. въ длину и до 60 саж. въ ширину, представляетъ собою, ниже моста, очень удобную пристань для нагрузки судовъ, отправляемыхъ здѣшними купцами въ нѣкоторые приволжскіе города, преимущественно въ Нижній. Рыбинскъ, Саратовъ и Астрахань. Кромѣ этой пристани, суда нагружаются за восточнымъ концомъ хребта, находящагося предъ юго-западною частию города, и у западнаго или около нынѣшняго устья рѣчки Котлянки. Грузка судовъ продолжается не далѣе 15 или 20 мая, потому что съ этого времени вода уже съ значительною скоростію упадаетъ; впрочемъ, суда, съ товаромъ, идущимъ отсюда на Нижегородскую ярмарку, грузятся еще и въ іюнь мѣсяцъ. На судахъ изъ здѣшняго города отправляются слѣдующіе товары ⁽⁴⁾: овесъ, мука, мѣшки, холстъ,

(4) Смотри подробную отправку сихъ товаровъ.

юфть, кожи, шерсть, понокъ, салныя свѣчи, сургучъ, соловина, крупа, толокно. Всѣхъ же судовъ разнаго разиѣра отходить отсюда отъ 10. до 13. Цѣнность отправляемыхъ на нихъ товаровъ приблизительно можно выразить цифрами отъ 70,000 руб. до 130,000 руб. Последнее бываетъ въ томъ случаѣ, когда отправляется отсюда значительное количество овса въ Рыбинскъ или другіе приволжскіе города.

При вѣздѣ въ г. Котельничъ съ восточной стороны или съ Орловскаго тракта, спускается, вдоль всѣхъ улицъ, до самаго оврага, пересѣкающаго городъ, довольно высокая гора, такъ что городъ съ этой стороны показывается, какъ бы въ огромной ямѣ, или котлѣ ⁽⁵⁾ и не бываетъ видѣнъ до тѣхъ поръ, пока не подъѣдешь къ самой границѣ его. Съ границы же онъ весь видѣнъ въ своей впадинѣ, какъ на ладони. Особенно хорошій видъ представляетъ собою въ западной половинѣ города, налѣво отъ первой улицы, гостинный дворъ съ соборомъ, Николаевскою церковію и окрестными каменными домами. Но почти ни при одномъ домѣ вы не замѣтите не только сада, но даже ни одного деревца. Только при уѣздномъ училищѣ, стоящемъ въ западной же половинѣ города, на правой рукѣ 3-й улицы, почти на самомъ берегу поперечнаго оврага, садъ изъ старинныхъ высокихъ березъ господствуетъ надъ всѣмъ городомъ. Недостатокъ садовъ въ нашемъ городѣ объясняется его тѣсною, которая происходитъ частію отъ того, что никому не хочется строиться внѣ уютной котловины. Впрочемъ строиться внѣ городской черты можно только къ востоку на высокой и ровной пустоши, которая принадлежитъ городу. Съ прочихъ сторонъ городъ не можетъ разширяться, потому что на южной, на правой — течетъ Вятка, а съ запад. и сѣверной крестьянскія земли прилегаютъ къ самому городу. Съ западной стороны, или съ Яранскаго тракта, лицевая сторона города съ ея церквями видна за шесть верстъ.

(5) Не отъ этого ли мѣстоположенія онъ получилъ названіе Котельнича.

Черезъ поперечный оврагъ, въ улицѣ, которая называется „первою“ отъ набережной или Московскою, построены большой деревянный проѣзжій мостъ. Онъ давно уже пришелъ въ ветхость и нынѣ съ каждымъ днемъ можно ожидать, что онъ обрушится. Такъ какъ этотъ мостъ лежитъ на пути почтоваго сообщенія, то онъ и долженъ выстроиться не на городскія деньги, а на казенныя. Переписка о постройкѣ его начата по крайней мѣрѣ, дѣтъ восемь тому назадъ, если еще не болѣе, а все еще не кончена къ несчастію нашего бѣднаго города. Въ послѣдніе годы мостъ почти постоянно запертъ для проѣзжающихъ и доступенъ только для однихъ проходящихъ. Обѣздъ его возможенъ только въ одномъ мѣстѣ, именно: ниже моста черезъ самое устье рѣчки Балакиревицы, гдѣ берега оврага сближаются и почти сравниваются съ дномъ его. Здѣсь наведенъ небольшой мостикъ, который каждую весну, предъ вскрытіемъ рѣки Вятки, разбирается и тогда опять предоставляется полная свобода ѣздить по большому мосту, не смотря на его ветхость ⁽⁶⁾. Во время разлива рѣки Вятки три арки этого моста затопляются почти до самыхъ сводовъ, особенно двѣ крайнія. Кромѣ весны, въ другое время года мостъ отпираютъ {только для проѣзда какой нибудь важной особы, такъ какъ обѣздъ большаго моста очень неудобенъ. Съ наступающей весны черезъ этотъ же оврагъ, на Богомоловской улицѣ, будетъ строиться на городскія деньги проѣзжій мостъ. Стоимость его въ смѣтѣ, которая въ 1859 году утверждена Строительною Коммиссіей, опредѣлена въ 3,500 р. Есть еще небольшой мостъ черезъ устье рѣчки Родіоновки, соединяющій городъ съ тою частию его, которая называется Остроконьемъ.

Возвышенность, находящаяся къ югу отъ западной стороны города за оврагомъ, стоитъ того, чтобы еще упомянуть объ ней, такъ какъ здѣсь встарину находился городъ Кокшаровъ.

(6) Впрочемъ, весной 1860 года черезъ Балакиревичный заливъ утвержденъ правительствомъ и временной перевозъ.

Нынѣ на отлогихъ концахъ этой возвышенности построены купеческіе амбары, а на самой возвышенности и на скатѣ къ оврагу раскинута не болѣе десятка самыхъ скромныхъ домовъ. Почти на серединѣ этой возвышенности стоитъ каменный четырехугольный столбъ, какъ памятникъ давно бывшей на томъ мѣстѣ церкви. Недалеко отъ этого каменнаго столба еще въ недавнее время находился другой такой же столбъ. Въ настоящее время возвышенность, бывшая нѣкогда мѣстомъ города Кокшарова, очень необширна ⁽⁷⁾: длина ея простирается до 200 саж., а ширина менѣе 50 саж. Говорятъ, что еще не такъ давно этотъ хребетъ имѣлъ значительную широту, но отъ изгиба на него рѣки Вятки, онъ много осыпался. Можно думать, что черезъ два-три десятка лѣтъ его вовсе не будетъ и р. Вятка потечетъ по тому оврагу, которымъ онъ отдѣленъ теперь отъ города.

На восточной сторонѣ Балакиревичнаго оврага, мѣсто, отстоящее отъ него на два квартала отъ набережной улицы, называлось въ старину верхнимъ посадомъ; а на запад.—нижнимъ. На первомъ изъ нихъ прежде построены былъ мужскій монастырь во имя Св. Іоанна Предтечи. О существованіи здѣсь этого монастыря свидѣтельствуетъ теперь каменный четверугольный столбъ. На нижнемъ посадѣ, на томъ прямомъ треугольникѣ, который образуется съ одной стороны Балакиревичнымъ оврагомъ, а съ другой прежнимъ устьемъ рѣчки Котлянки, въ старину находился дѣвичій монастырь „Введенскій“. Онъ упраздненъ неизвѣстно въ которомъ году, но, вѣроятно, не ранѣе построенія церкви Св. Николая Чудотворца, т. е. не ранѣе 1745 года. Мѣстное преданіе говоритъ, что вся утварь и иконы сего монастыря перенесены были въ новопостроенную церковь. Дѣйствительно, въ настоящее время въ этой церкви находится довольно много древнихъ иконъ. Изъ нихъ болѣе извѣстны: икона

(7) На этой возвышенности и по сію пору еще жители находятъ различныя древности, какъ-то: монету, бердышъ, кольчуги.

введенія во храмъ Божіей Матери и икона Божіей Матери — радости скорбящихъ.

Смотря на городъ съ противоположной стороны рѣки Вятки (8), видишь, что онъ какъ бы находится въ огромной впадинѣ, а направо и налево идутъ высокіе и крутые берега, въ которые мѣстами вдаются овраги: такъ съ полверсты отъ города вверхъ по рѣкѣ Вяткѣ находится довольно большой оврагъ, называемый по старинѣ „Семиглазовымъ“. Такое названіе сему логу дано, какъ объясняютъ старожилы, по тому, что въ древности изъ этого оврага выходило будто бы страшное чудовище о семи глазахъ и похищало тѣхъ смѣльчаковъ, которые рѣшались пускаться туда для отысканія кладовъ. И нынѣ этимъ чудовищемъ многіе изъ родителей пугаютъ своихъ дѣтей — конечно съ намѣреніемъ, чтобы они не бѣгали такъ далеко отъ города. Вѣрующіе же въ бытность кладовъ и по сію пору утверждаютъ, будто внутри этого семиглазоваго лога хранится кладъ, состоящій изъ огромнаго богатства. Что бы достать этотъ кладъ требуются слѣдующія условія: сойти въ оврагъ по крутому спуску задомъ напередъ и потомъ представить, живущему тамъ чудовищу, какъ хранителю клада, человѣческихъ семь головъ (вѣроятно, по числу глазъ, имѣющихся у змія), доставать же этотъ кладъ непременно должно на Ивановъ день въ полночь. Пониже кладбища находится такой же оврагъ подъ именемъ „Свинцовскаго“. Старики говорятъ, это названіе оврага произошло будто бы отъ находенія въ немъ прежде какой-то руды, хотя въ настоящее время никто и не подозрѣваетъ тамъ ея существованія. На другой сторонѣ рѣки Вятки, т. е. насупротивъ самаго города, находится еще третій оврагъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ „Кобыльго ложка“. Названіе такое онъ получилъ вслѣдствіе того, что въ немъ, во время бывающей Алексѣевской ярмарки, Татары имѣютъ обычай рѣзать своихъ лошадей.

(8) У города она течетъ съ в. на з. и чрезъ полверсты или болѣе ниже города поворачиваетъ на югъ.

Пространство земли, занимаемое городомъ, заключается въ 133 десят. и 1,416 саж., да кромѣ того земли принадлежащей ему внѣ городской линіи 2,783 десят. 142 саж. Всего земли подъ городомъ состоитъ 2,916 десят. 1,558 саж. ⁽⁹⁾. Изъ этого количества принадлежить:

А. Городскому вѣдомству.

	Десятинн.	Сажени.
<i>Внутри городской черты:</i>		
Подъ строеніями и дворами	1	141
„ огородами	—	1,279
 <i>Подъ пустопорожными мѣстами:</i>		
„ пашнею	6	975
„ выгономъ	23	1,269
„ лѣсомъ	3	1,761
„ оврагами	2	1,890
 <i>Неудобныхъ земель:</i>		
„ песками	13	1,379
„ обрывистыми мѣстами	13	1,786
„ улицами и площадями	14	755
„ дорогами большими и малыми	2	2,049
„ озерами, рѣками, рѣчками	1	1,354
Итого внутри городской черты	84	238
 <i>Внѣ городской черты:</i>		
„ общественнымъ пастбищемъ	3	2,055
„ „ садомъ	2	2,275

⁽⁹⁾ Свѣдѣнія эти взяты мною изъ градской думы „изъ вѣдомости о земляхъ, принадлежащихъ г. Котельничу“, составленная изъ таблицъ вычисленія гражданскихъ топографовъ Мин. Внутр. Дѣлъ.

	Десятным.	Сажени.
Подъ пустопорожными мѣстами	1	1,803
„ сѣнокосомъ	1,168	670
„ пашнею	14	1,655
„ лѣсомъ	916	746
„ болотами	19	2,330
Неудобныхъ земель:		
„ песками	140	223
„ обрывами	2	1,713
„ площадями и улицами	1	706
„ дорогами большими и малыми	8	2,175
„ озерами, прудами, заливами, рѣками и рѣчками.	492	1,574
Итого вѣхъ городской черты	2,773	1,125

Б. Разныхъ казенныхъ вѣдомствъ.*Внутри городской черты:*

„ строеніями и дворами	—	512
„ огородами	—	959

Въхъ городской черты:

„ строеніями и огородами	4	780
Итого	4	2,251

В. Церковнаго вѣдомства.*Внутри городской черты:*

„ строеніями и дворами	—	1,683
„ огородами	—	731

Въхъ городской черты:

„ строеніями	—	59
„ огородами	—	17
„ кладбищемъ	1	1,906
Итого	2	1,996

Г. Въ пользованіи частныхъ лицъ:

<i>Внутри городской черты:</i>		Десятинам.	Сажени.
Подъ строениями и дворами		22	889
„ огородами		25	1,060
„ неудобной		—	144
<i>Внѣ городской черты:</i>			
„ строениями и дворами		1	1,484
„ огородами		1	1,971
Итого . . .		51	748
Всего земель въ дачѣ г. Котельнича .		2,916	1,558

Большая часть городской земли находится за рѣкой Вяткою подъ лѣсомъ, кустарниками и сѣнокосными участками. Хорошей земли и пригодной для земледѣльца, какъ сказано выше, не болѣе 21 десятины. Пахотною землею почти постоянно владѣютъ частные люди города и изъ очень небольшого оброка. Посѣвъ же на ней производится исключительно близъ живущими крестьянами, которые снимаютъ отъ горожанъ эту землю и оставляютъ ее за собою. Рожь, овесъ, ячмень и небольшая часть льна, на этой городской землѣ составляютъ главные посѣвы.

Почва города почти исключительно глинистая, кромѣ малой части черноземной. Последняя начинается съ середины города и идетъ на ю.-з. на небольшое разстояніе. Черноземъ есть также и по оврагамъ, находящимся внутри города. Нѣкоторые изъ небогатыхъ жителей садятъ въ этихъ оврагахъ разные огородные овощи. Садятъ же обыкновенно: огурцы, картофель, рѣдку, свеклу, морковь, лукъ и въ особенности капусту. Обработка огородовъ бываетъ всегда не ранѣе сбытія въ оврагахъ весенней воды. Весь уходъ за огородными овощами, а равно и поливка ихъ, вообще лежитъ на однѣхъ женщинахъ, за то и выручку отъ продажи этихъ расте-

ній, онѣ получаютъ себѣ, а эта выручка иногда бывають достаточна для годоваго содержанія бѣднаго человѣка.

Выгоновъ для домашняго скота при городѣ совершенно не имѣется, отъ чего жители принуждены бывають въ лѣтнее время кормить скоть дома и рѣдко выгонять его на пустоши, находящіяся на восточной сторонѣ города. По снятіи уже травъ съ луговъ, они отправляютъ скоть за рѣку Вятку, гдѣ отдаютъ его подъ присмотръ пастуху, впрочемъ, за очень умѣренную плату. Пастухъ обязывается, съ своей стороны, дѣлать каждагодно изгородь для загона, на ночное время, скота; этотъ уходъ за скотомъ начинается всегда не ранѣе праздника Петра и Павла, а оканчивается уже позднею осенью.

За рѣками Вяткою и Моломою находятся стѣнокосные участки, числомъ до 279; они занимають пространства 1,168 десят. и 670 саж. Всѣ они въ городской доходъ приносятъ не менѣе 2,400 руб. и отдаются на оброкъ съ торговъ, производимыхъ въ городской думѣ, только однимъ городскимъ жителямъ. На томъ же пространствѣ находится нѣсколько мелкихъ озеръ, считающихся тоже оброчными. Изъ нихъ: Халтуринское, Булдаковское и Дубовье — въ длину не болѣе одной версты, а въ ширину отъ 60 до 85 саж., прочія очень не велики. Изъ малыхъ рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Вятку болѣе извѣстны: Бѣлая, Черемуховка, Закалье и Межжериха. Около устья рѣки Моломы лежитъ, посреди самой рѣки Вятки, островъ, имѣющій въ длину не болѣе $\frac{1}{2}$ версты, но будучи песчанымъ, онъ не можетъ приносить дохода городу. Лѣса состоятъ большею частію изъ дровянаго и кустарниковъ (ивы), впрочемъ, въ малоиъ количествѣ есть дубъ, осина, ель, пихта. Хвойный лѣсъ недавно погорѣлъ и его осталось на городской землѣ очень мало.

Климатъ въ Котельничѣ, можно сказать, довольно непостояненъ и суровъ. Онъ препятствуетъ иногда правильному созрѣванію хлѣбныхъ растений. Такъ въ 1860 году овесъ и ячмень сняты не вполнѣ зрѣлые, особенно первый. Утренние холода

весной и въ концѣ лѣта еще чаще бываютъ вредны для огородныхъ овощей, особенно: для огурцовъ и картофеля (10). Съ весны нерѣдко случается такъ, что когда на грядкахъ бываютъ уже ранніе огурцы и домохозяйинъ рассчитываетъ на большое ихъ изобиліе и выгодную продажу, вдругъ, въ маѣ, а иногда и іюнь наступаютъ довольно сильные утренники и такимъ образомъ всё его надежды и планы разрушаются: огородная зелень желтѣетъ и вскорѣ засыхаетъ. Не останавливаясь этимъ, онъ прибѣгаетъ ко вторичному разсаженію огурцовъ, но и на этотъ разъ бываетъ иногда не болѣе счастливъ, ибо съ того самаго времени, когда можно бываетъ надѣяться на частое снятіе огурцовъ, начинаются инеи. Такимъ образомъ, не очень надѣясь на постоянное и теплое лѣто, многіа изъ огородницъ садятъ ихъ съ начала обыкновенно въ парники, гдѣ и сохраняютъ отъ такихъ неблагоприятныхъ случаевъ для нихъ. Впрочемъ, когда бываютъ жаркіа лѣта, то ихъ вырастаетъ въ достаточномъ количествѣ.

Въ нынѣшнее время климатъ здѣсь какъ будто измѣнился,—ибо вмѣсто прежнихъ правильныхъ зимъ, какъ рассказываютъ старики, теперь заступили, довольно значительныя оттепели, приносящія съ собою для жителей не малый вредъ, лѣтомъ же, напротивъ—продолжительные дожди. Однако, не смотря на суровость климата и его непостоянство, все таки нельзя сказать, чтобы онъ былъ вреденъ, хотя и встрѣчаются по временамъ, какъ въ городѣ, такъ и его уѣздѣ разныя эпидемическіа болѣзни, какъ-то: холера, горячка, лихорадка (лихманка, подруга, комуха) и кровавый поносъ, но всё эти болѣзни бываютъ преимущественно между бѣднымъ классомъ, и то большею частію отъ его же невѣдѣнія и нерадѣнія, а еще болѣе отъ неуиѣреннаго въ лѣтнее время употребленія разныхъ растений (грибовъ, ягодъ и пр.). На рогатый скотъ нападаетъ

(10) Лѣтніе утренники съ инеями начинаются иногда вскорѣ послѣ Ильяна дня.

иногда сибирская язва, зависящая, конечно, большею частью от недостатка и худого качества корма, онъ также подверженъ чумѣ и воспаленію въ легкихъ.

Климатическихъ особенностей по городу означить съ большею достовѣрностію нельзя, ибо здѣсь метеорологическія наблюденія не велись постоянно. Съ 1830 по 1835 годъ, хотя и производились они при уѣздномъ училищѣ учителемъ Аѳанасіемъ Суворовымъ, но по малому числу лѣтъ, въ которыя они велись, о температурѣ здѣшняго мѣста заключить правильно нельзя; потому что для сего, кажется, необходимо нужно имѣть наблюденій за цѣлыя десятки лѣтъ. Съ 1857 года хотя они и велись мною у себя на дому, но только за одинъ этотъ годъ. Впрочемъ и изъ тѣхъ наблюденій, какія сдѣланы и записаны, можно имѣть нѣкоторое понятіе о температурѣ края. Такъ, за пять лѣтъ, начиная съ 1830 по 1835 годъ, а также и за 1857 годъ средняя годовая температура была +1,19 Р. Въ нижеслѣдующей таблицѣ выставлена средняя температура каждаго мѣсяца за всѣ 6 лѣтъ.

МѢСЯЦЫ.	Г О Д Ы.						Среднее число.
	1830.	1831.	1832.	1833.	1834.	1857.	
Январь . . .	— 9,8	—11,1	—11,4	—11,7	—20,5	—11,5	—12,7
Февраль . . .	— 8,9	— 7,8	— 8,9	— 7,1	— 6,0	— 8,7	— 7,9
Мартъ . . .	— 2,7	— 5,3	— 5,5	— 5,9	— 3,1	— 3,3	— 4,3
Апрѣль . . .	+ 2,9	+ 4,9	+ 4,5	+ 1,3	+ 1,6	+ 1,8	+ 2,83
Май	+ 8,6	+ 9,6	+13,2	+ 9,1	+ 9,5	+ 7,8	+ 9,63
Іюнь	+18,4	+11,4	+12,2	+18,8	+14,1	+12,6	+14,6
Іюль	+19,9	+13,0	+13,0	+15,7	+13,0	+15,3	+14,98
Августъ . . .	+15,7	+ 8,0	+ 9,3	+12,0	+12,6	+ 8,2	+10,9
Сентябрь . .	+ 6,0	+ 3,7	+ 4,7	+ 4,3	+ 3,4	+ 3,4	+ 4,25
Октябрь . . .	+ 1,1	+ 4,1	+ 0,5	+ 0,7	+ 3,3	+ 2,5	+ 1,87
Ноябрь . . .	— 4,3	— 7,3	—12,5	— 7,4	— 6,4	— 8,5	+ 7,7
Декабрь . . .	— 7,5	—12,9	—12,1	—11,4	—14,0	—14,15	—12,07
Среднее	+3,29	+ 0,86	+ 0,5	+ 1,53	+ 0,63	+ 0,43	+ 1,19
Зима	— 8,73	—10,6	—10,8	—10,07	— 18,5	—11,15	—10,88
Весна	+ 2,93	+ 3,07	+ 4,07	+ 1,5	+ 2,7	+ 2,1	+ 2,71
Лѣто	+18,0	+10,8	+11,5	+15,5	+13,23	+12,03	+13,51
Осень	+ 0,93	+ 0,17	— 2,77	+ 0,8	— 0,1	— 0,87	— 0,58

Такимъ образомъ, въ означенные годы, средняя температура была: зимы —10,88, весны +2,71, лѣта +13,51, осени —0,58. Во время зимъ обыкновенно бываютъ морозы отъ —25° до —30°, а лѣтомъ жары отъ 24° до 28° и 30, впрочемъ, какъ тѣ, такъ и другіе въ одинаковой степени долго не остаются.

По симъ наблюденіямъ за каждый годъ приходитъ среднимъ числомъ до 203 дней выше 0° и 162° ниже его. О замерзаніи же и вскрытіи здѣшнихъ рѣкъ нигдѣ не упоминается. Впрочемъ, по замѣчанію стариковъ, Вятка становится въ промежуткъ времени отъ 15 октября до 15 ноября, а вскрывается не позже 17 или 18 апрѣля; Молома вскрывается и замерзаетъ всегда нѣсколькими днями ранѣе Вятки. Въ 1857 году замерзаніе рѣки Вятки произошло 25 октября, а вскрытіе 1858 года 20 апрѣля; замерзаніе въ 1858 году было 3 ноября, а вскрытіе въ 1859 году 7 апрѣля: такого ранняго вскрытія жители ни когда не помнятъ. Изъ этого выходитъ, что рѣки здѣсь бываютъ покрыты льдомъ не болѣе 6 мѣсяцевъ.

Для большей точности сообщается также низшая и высшая температуры каждаго изъ шести лѣтъ:

Мѣсяцы и годы.	Низшая темпера- тура.	Числа.	Мѣсяцы и годы.	Высшая темпера- тура.	Числа.
1830.			1830.		
Январь . . .	—19,6	19	Май	21,2	19
Февраль . . .	—16,8	21	Юнь	23,0	13
Ноябрь . . .	—12,0	23	Юль	24,0	30, 31
Декабрь . . .	—26,5	31	Августъ . . .	7,0	7, 9
1831.			1831.		
Январь . . .	—22,5	6	Май	18,3	28, 29, 30, 31
Февраль . . .	—12,8	3	Юнь	16,8	1, 2, 3, 4, 5, 6
Ноябрь . . .	—22,8	25	Юль	19,8	10, 11, 12, 13
Декабрь . . .	—26,5	27	Августъ . . .	11,6	9
1832.			1832.		
Январь . . .	—21,0	12	Май	18,9	29, 30, 31
Февраль . . .	—14,0	21	Юнь	21,0	29
Ноябрь . . .	—23,0	4	Юль	17,6	1, 14
Декабрь . . .	—19,0	10	Августъ . . .	13,4	3, 6, 9, 17

Мѣсяцы и годы.	Низшая темпера- тура.	Числа	Мѣсяцы и годы.	Высшая темпера- тура.	Числа.
1833.			1833.		
Январь . . .	—24,2	6	Май	18,9	24
Февраль . . .	—20,6	18	Июнь	24,0	6, 21
Ноябрь . . .	—14,2	19, 22	Июль	19,8	2, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 19, 20, 21, 23
Декабрь . . .	—27,5	31	Августъ . . .	17,4	5, 7, 8
1834.			1834.		
Январь . . .	—28,0	7	Май	21,0	30
Февраль . . .	—29,8	2	Июнь	25,0	9, 24, 22
Ноябрь . . .	—19,0	15	Июль	22,5	29
Декабрь . . .	—24,0	19, 20, 22	Августъ . . .	23,3	5
.		
.		
1857.			1857.		
Январь . . .	—23,2	25	Май	18,3	21, 28
Февраль . . .	—23,2	11	Июнь	24,3	7, 8
Ноябрь . . .	—22,3	12	Июль	25,7	3, 5
Декабрь . . .	—24,4	17	Августъ . . .	20,7	7, 8

Изъ этой таблицы видно, что низшая температура приходится на декабрь и январь, а высшая на июнь и июль. Изъ наблюдений, производившихся за эти годы видно также число дней ясныхъ, пасмурныхъ и другихъ, а именно:

Г о д ы.	Д н е й.							Грозо- выхъ.
	Яс- ныхъ.	Облач- ныхъ.	Па- смур- ныхъ.	Дожде- выхъ.	Снѣж- ныхъ.	Туман- ныхъ.	Метель- ныхъ.	
1830	96	85	90	21	41	10	9	13
1831	82	101	79	35	36	4	23	5
1832	79	58	103	42	39	10	24	11
1833	78	120	44	36	58	11	10	8
1834	89	112	61	36	40	8	16	5
.
.
.
1857	73	108	79	46	33	12	9	6
Среднее число .	83	99	76	34	41	9	15	8

Слѣдовательно, ясныхъ дней въ году среднимъ числомъ бываетъ почти $\frac{1}{5}$ часть года, облачныхъ $\frac{1}{3}$, пасмурныхъ $\frac{1}{4}$, дождевыхъ $\frac{1}{10}$, снѣговыхъ $\frac{1}{9}$, туманныхъ $\frac{1}{40}$, съ метелями $\frac{1}{24}$, и съ грозой $\frac{1}{40}$. Грозы случаются не часто и при томъ не сильны и проходятъ въ скоромъ времени; онѣ начинаются съ послѣднихъ чиселъ апрѣля, а иногда и съ первыхъ мая, а оканчиваются августомъ въ первыхъ его числахъ. Такъ, первый громъ былъ въ 1858 году 20 и 21 апрѣля; въ 1859 году 18 апрѣля, послѣдній громъ былъ въ этомъ году 12 августа. Сильныя грозы бывають очень рѣдко и почти всегда безъ послѣдствій.

Изъ вѣтровъ чаще другихъ: сѣверовосточный и югозападный: первый изъ нихъ приноситъ лѣтомъ хорошую и теплую погоду, а зимою морозы; второй — лѣтомъ дожди и вообще ненастье, а въ зимнее время снѣгъ и даже оттепель, доходящую до $+2^{\circ}$ Р. Вообще же количество и качество вѣтровъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Годы.	Вѣт р ы.								
	Сѣверный.	Тихо.	Западный.	Южный.	Сѣверовосточный.	Восточный.	Юго-восточный.	Сѣверо-западный.	Юго-западный.
1830 . . .	12	63	37	21	60	24	18	23	107
1831 . . .	10	51	41	38	68	25	27	22	83
1832 . . .	6	47	38	19	80	40	38	26	72
1833 . . .	13	29	29	22	98	32	17	20	105
1834 . . .	19	20	65	21	48	46	30	22	94
.....
.....
1857 . . .	8	54	14	5	108	19	26	59	72
	11	44	39	21	77	31	26	27	89

Отсюда видно, что тихихъ дней въ году бываетъ не болѣе 44, что составляютъ $\frac{1}{8}$ часть года, — остальные же вѣтре-

ные. Большіе вѣтры съ вьюгами бываютъ преимущественно въ ноябрѣ и февралѣ; въ апрѣлѣ наступаетъ ясная, теплая и тихая погода; въ маѣ же, съ первыхъ чиселъ и до 20, дожди съ холодными вѣтрами, продолжающіеся иногда недѣли по полторы и болѣе. Уже съ 20 мая устанавливается совершенное лѣто со своими жарами, но и оно продолжается не долго: случается иногда, что весь августъ бываетъ съ проливными дождями. Объ осени можно сказать, что она по большей части есть непрерывное ненастье, оканчивающееся только съ наступленіемъ зимы. Въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ падаетъ хлопьями снѣгъ, иногда съ перваго раза остающійся совсѣмъ зимовать ⁽¹¹⁾.

Улицъ въ городѣ 10, изъ нихъ 5 дольныхъ, переходящихъ чрезъ Балакиревичный оврагъ и 5 поперечныхъ, идущихъ отъ рѣки Вятки подъ прямыми углами.

I. *Дольныя улицы:* 1) Набережная, находящаяся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега рѣки. Между этой улицей и той чертой, отъ которой начинается спускъ къ рѣкѣ Вяткѣ, тянется неправильный рядъ ветхихъ домовъ. И на самомъ спускѣ къ рѣкѣ Вяткѣ тѣсятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ точно такіе же бѣдные домики. 2) Московская или Вятская, называется обыкновенно первою (т. е. отъ набережной). Въ этой улицѣ чрезъ поперечный оврагъ проходитъ большой мостъ. 3) Воробьевская. 4) Богомоловская. 5) Солдатская. II. *Поперечныя улицы:* 1) Котельническая, 2) Шильниковская и 3) Предтеченская въ восточной половинѣ города, 4) Князевская и 5) Игопинская въ западной половинѣ города. Улицы вообще имѣютъ довольно правильное расположеніе и достаточную ширину, но по невѣжеству ли, небрежности ли жителей онѣ даже между богатыми домами не очищаются и не укрѣпляются галькою и отъ того, во время весны и осени, онѣ дѣлаются въ полномъ смыслѣ непроходимыми. Тротуары (сходни) наведены только

(11) Первый снѣгъ въ 1859 году шелъ 3, 4 и 5 чиселъ сентября.

въ среднихъ трехъ дольныхъ улицахъ и въ поперечныхъ, пересѣкающихъ эти три улицы. Назадъ тому годъ не было почти ни одного квартала, въ которомъ бы тротуары не были ветхи ⁽¹²⁾.

Въ постройкѣ домовъ здѣшніе жители не отличаются большимъ вкусомъ и соблюденіемъ симметріи; они, при постройкѣ домовъ, имѣютъ въ виду не собственное удобство, а удобство для постояльцевъ во время ярмарки. Отъ того въ большей части домовъ комнаты устроены такъ, что почти каждая изъ нихъ имѣетъ особый ходъ изъ сѣней. Во время ярмарки многіе дома, смотря по ихъ величинѣ, количеству при нихъ амбаровъ и близости къ рынку, приносятъ отъ постоя и складки товаровъ дохода отъ 10 до 50 р. и отъ 50 руб. до 250 р. Отдѣльные дома есть очень порядочные, но общій видъ на городъ весьма непривлекателенъ. Къ лучшимъ домамъ здѣсь можно отнести дома купцовъ: Зыриныхъ и Кардаковыхъ. Обширный деревянный домъ купца М. И. Кардакова, построенный въ прошломъ году, какъ по плану, такъ и исполненію его, могъ бы занять видное мѣсто въ какомъ угодно большомъ городѣ. Всѣхъ домовъ, принадлежащихъ городскимъ обывателямъ, считается 340, въ томъ числѣ каменныхъ 12, полукаменныхъ 26 и деревянныхъ 302; кромѣ этого числа принадлежатъ казнѣ 6, обществу 9 и церкви 1.

Въ западной половинѣ города, черезъ домъ отъ моста, въ лѣвой сторонѣ отъ продольной улицы была еще недавно площадь величиною въ кварталъ. На ней въ линію по улицѣ стоитъ соборъ. На югъ отъ собора находятся два старыхъ гостиныхъ двора, состоящіе изъ 165 лавокъ. На западъ отъ собора и этихъ гостиныхъ дворовъ въ 1852 г. построенъ, въ видѣ квадрата, каменный гостиный дворъ съ подъѣздами на каждой сторонѣ. Въ этомъ дворѣ считается 120 лавокъ, по 15 со всѣхъ 4-хъ сторонъ, какъ внѣшнихъ, такъ и

(12) Благодаря распоряженію дѣятельнаго начальника города Якова Александровича Рейнеке, городъ въ отношеніи чистоты и порядка приходитъ къ лучшему состоянію.

внутреннихъ. Во внутренности сего квадрата построены еще четыре деревянныхъ корпуса съ 60-ю лавками. Сверхъ того, частнымъ лицамъ принадлежить до 15 лавокъ, находящихся около означенной площади при домахъ. Такимъ образомъ, всѣхъ лавокъ, принадлежащихъ городу и частнымъ лицамъ, считается: 120 каменныхъ и 170 деревянныхъ. Однакожь, не смотря на это количество, во время Алексѣевской ярмарки, все таки устраиваются по улицамъ, окружающимъ бывшую площадь, балаганы числомъ отъ 100 до 150.

Приходскихъ церквей въ городѣ три: 1) соборъ во имя Св. Троицы, Алексѣя челоуѣка Божіа и Покрова Пресвятыя Богородицы; 2) Николаевская церковь во имя Св. Архангела Михаила, Казанской Божіей Матери и Святителя Николая. Она стоитъ на той же площади, на которой и соборъ. Только послѣдній находится на востокъ отъ сѣверо-восточнаго угла каменнаго гостиного двора, а первая на югъ отъ юго-западнаго угла того же двора, на берегу оврага, составляющаго прежнее устье рѣчки Котлянки. 3) Церковь Предтеченская во имя Св. Іоанна Предтечи, исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авивы; лѣвый придѣлъ теплаго храма не освященъ. Она находится въ восточной половинѣ города немного повыше моста въ линію продольней улицы и на той же сторонѣ ея, на которой въ западной половинѣ города стоитъ соборъ. Всѣ эти церкви каменные. 4) Церковь Кладбищенская, во имя всѣхъ Святыхъ, деревянная на каменномъ фундаментѣ. Она находится на западъ отъ города въ полуверстѣ отъ него, почти на самомъ берегу рѣчки Вятки.

1.

Первоначальное построеніе церкви во имя Пресвятыя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ великомученицы Парасковей, нарѣченныя Пятницы, относится къ царствованію Михаила Теодоровича, т. е. къ тому времени, когда всѣ церкви еще на-

ходились въ старомъ городѣ Кремль, обнесенномъ деревянною стѣною ⁽¹³⁾. Въ то время считалось тамъ три церкви: Алексѣевская (холодная), Троицкая и Архангельская (Николаевского прихода). Всѣ эти церкви были деревянные и очень ветхія, въ особенности Троицкая, въ которой и служить было нельзя совершенно. А потому староста этой церкви, Павликъ Рябовъ, отправился въ 1624 году въ Москву къ святѣйшему патріарху Филарету Московскому и всея Руси съ просьбою отъ своихъ прихожапъ, чтобы имъ дозволено было построить новую соборную церковь во имя Пресв. Живонач. Троицы съ придѣломъ великомученицы Параскевы, нарѣченныя Пятницы, на новомъ мѣстѣ, находящемся за рѣчкую Котлянку. Вскорѣ этотъ патріархъ благословилъ его и далъ грамоту на постройку той церкви за городомъ, на новомъ мѣстѣ, въ остротѣ у креста на площади, какъ сказано въ грамотѣ ⁽¹⁴⁾. Въ то же время патріархъ разрѣшилъ ронить и рубить лѣсъ и такимъ образомъ очищать мѣсто для постройки, какъ новыхъ церквей, такъ вѣроятно и самаго города. А оставшуюся же старую церковь онъ приказалъ разобрать и на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ престолъ, поставить небольшой столбъ, который и теперъ тамъ находится,

⁽¹³⁾ Въ старину въ Кокшаровѣ надъ этою стѣною были съ трехъ сторонъ башни съ воротами подъ каждой. Главныя изъ нихъ находились съ вост. стороны; подъ этими же воротами висѣли двѣ иконы: одна Спасителя Нерукотвореннаго образа въ большомъ видѣ и другая Казанской Божіей Матери. Впослѣдствіи 1-я перенесена была отсюда въ таможду, бывшую тогда въ старомъ городѣ, а по уничтоженіи ея, пожертвована градскимъ обществомъ въ Николаевскую церковь (1810 году), въ которой и по сію пору находится подъ именемъ таможеннаго; 2-я перенесена была въ нижнюю расправу, а изъ нея во вновь учрежденный уѣздный судъ, въ которомъ существуетъ и теперъ.

⁽¹⁴⁾ Смотр. хранящуюся въ мѣстномъ соборѣ грамоту Филарета Никитича, патріарха всея Руси, данную на построеніе новаго собора отъ 6 іюля 1624 году. Копія съ этой грамоты приложена въ концѣ этого описанія.

какъ остатокъ старины, хотя онъ можетъ быть перестроенъ съ того времени уже нѣсколько разъ.

Построенная на новомъ мѣстѣ церковь въ скоромъ времени подверглась опустошительному пожару, случившемуся въ ночь на 2-е число октября 1687 года и истребившему не только церкви, но и самый городъ. На другой же годъ послѣ этого сильнаго пожара Троицкая церковь вновь была построена ⁽¹⁵⁾ и на томъ же мѣстѣ, съ разрѣшенія уже Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, вѣроятно тоже деревянная и малая, потому что изъ записи 1703 года видно, что съ этого времени и съ разрѣшенія Діонисія, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, приступлено уже къ отводу вторичнаго новаго мѣста подъ соборную новозаводную церковь, на его архіерейской пашенной землѣ въ небольшомъ разстояніи отъ Николаевской церкви ⁽¹⁶⁾. Черезъ два года послѣ отвода этого мѣста (именно 15 апрѣля 1705 года) была закладка каменнаго собора. На это число, въ четвертокъ, (какъ сказано въ записи), пріѣзжали изъ главнаго

⁽¹⁵⁾ Смотр. благослов. грамоту Іоны, архіеп. Вят. и Великоперм. на постройку новой церкви на томъ же мѣстѣ, вмѣсто сгорѣвшей Троиц. церкви (1688 года октября). Сія грамота хранится въ томъ же соборѣ. Копія этой грамоты приложена тоже на концѣ нашего описанія.

⁽¹⁶⁾ Въ записи 1703 года говорится, между прочимъ, „о мѣстѣ подъ соборную же Троицкую новозаводную каменную церковь, на его архіерейской, домовой, пашенной землѣ, противъ Николаевской церкви, въ полѣ мѣрою отъ часовни пятьдесятъ сажень печатныхъ поперечника, а длинника отъ половничныхъ дворовъ отъ того двора прямо къ рѣчкѣ Балакиревицѣ семдесятъ три саж., а въ той земли отвели посадскіе жители пустошь съ его архіерейскою домовою пашнею смежно длинника сто двадцать саж. печатныхъ, а поперечника восемьдесятъ пять саж. печатныхъ, а у мѣры и на отводѣ той земли были Котельнича города Предтеченскаго монастыря строитель монахъ Антоній, протопопъ собора Іоаннъ съ братією, да градскіе люди: городничій Дмитрій Кусковъ, посадскіе люди: тутъ слѣдуетъ подпись 26 человекъ, а на закладкѣ собора были: Троицкаго собора Іоаннъ Аммосовъ почти съ тѣми же посадскими людьми. Запись эта приложена въ концѣ описанія.

Хлыновскаго собора протопопъ Павелъ Лазаревъ съ братією и чудотворнымъ образомъ Николая Великорѣцкаго, для всенароднаго молебствія. Въ 1721 году, во время сильнаго пожара, случившагося въ городѣ, новозаводная церковь много пострадала, но какъ была, на этотъ разъ, каменная, то не была истреблена совсѣмъ. Все таки до 1747 года она не могла быть вся поправлена, въ особенности не былъ поправленъ придѣлъ теплой церкви во имя Св. Алексѣя челоуѣка Божія. Послѣдній пожаръ, бывшій въ 1805 году, опять много повредилъ эту церковь, какъ внутри, такъ и извнѣ. Такіе сильныя и частыя пожары, случавшіеся въ городѣ и подвергавшіе соборъ крайнему бѣдствію, могли конечно истребить не мало драгоценностей, хранившихся до того времени какъ въ церкви, такъ и ея архивѣ. Въ 1830 году соборъ былъ устроенъ окончательно: въ это время въ немъ, на сѣверной сторонѣ, устроенъ еще придѣлъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Не смотря на бѣдствія, которымъ соборъ подвергался во время пожаровъ, въ немъ и по сіе время хранится еще не мало дорогихъ предметовъ старинны, изъ коихъ особенно замѣчательна икона Св. Алексѣя челоуѣка Божія ⁽¹⁷⁾. Она хранится, какъ надобно полагать, болѣе двухъ вѣковъ, ибо общее преданіе говоритъ, что эта икона была пожертвована собору царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, хотя грамоты о пожертвованіи оной, въ настоящее время, не находится въ соборномъ архивѣ. По какому именно случаю она была пожертвована царемъ здѣшнему собору, достовѣрно неизвѣстно, но мѣстное преданіе говоритъ, будто бы Алексѣй Михайловичъ имѣлъ обычай въ день своего ангела, разсылать по разнымъ мѣстамъ и городамъ иконы своего ангела. Не этому ли благочестивому обычаю царя обязанъ и нашъ соборъ иконою Алексѣя челоуѣка Божія, какъ пожертвованіемъ царскимъ? И не находится ли въ

(17) Эта икона имѣетъ длины и ширины по 15 верш. и обложена серебряною ризою.

какой нибудь связи съ этомъ обстоятельствомъ учрежденіе Алексѣевской ярмарки, существующей здѣсь съ давнихъ поръ, какъ говорить мѣстное преданіе? Можетъ быть, въ свое время имѣлась и грамота отъ царя Алексѣя Михайловича о пожертвованіи иконы или объ учрежденіи ярмарки, но во время пожаровъ, неоднократно постигавшихъ городъ и соборъ, она утратилась вмѣстѣ съ другими драгоценностями ⁽¹⁸⁾.

По недостаточности помѣщенія въ теплой церкви, въ настоящее время предположено колокольню сломать и перенести ее на нѣсколько сажень ближе къ гостиному двору, а теплую церковь расширить, объ чемъ мѣстное духовенство, выправивъ новый планъ, представляло его на утвержденіе Святѣйшаго Синода, которымъ и разрѣшено произвести означенную перестройку.

2.

Николаевская церковь до конца XVI вѣка находилась, какъ и прочія, въ старомъ городѣ въ Кремлѣ, подъ именемъ Архангельской Николаевского прихода. Во время пожара, бывшаго 1687 года ⁽¹⁹⁾, она, вмѣстѣ съ прочими церквами, сгорѣла; на другой годъ послѣ этого пожара она изъ стараго города Кремля (съ разрѣшенія Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго) перенесена была за рѣчку Котлянку на мѣсто, называемое посадомъ, что на Мельчаковскомъ огородѣ, находившемся въ то время около ограды дѣвичьяго монастыря. Построенная на семь мѣстѣ церковь была деревянная и существовала не болѣе

⁽¹⁸⁾ По богатству церковныхъ одеждъ и священной утвари, Троицкій соборъ должно считать первымъ въ городѣ.

Въ Троицкомъ соборѣ хранятся 5 иконъ, оставшихся отъ ополченія, бывшаго въ 1855 году.

⁽¹⁹⁾ Смотри грамоту Іоны, арх. Вят. и Великоперм. на построеніе новой церкви, отъ 1688 года октября 9 дня. Копію съ сей грамоты см. въ концѣ описанія.

50 лѣтъ. Въ 1741 году было приступлено къ сооруженію новой церкви, уже каменной и нѣсколько дальше къ зап. отъ старой. Черезъ четыре года, именно въ 1745 году, была кончена холодная церковь и освящена во имя архангела Михаила. Въ 1753 году въ теплой церкви освященъ лѣвый придѣлъ во имя Николая Чудотворца, а чрезъ сто лѣтъ, наконецъ, въ этой же церкви еще былъ пристроенъ придѣлъ въ правой сторонѣ, во имя Казанскія Божіей Матери. Этотъ придѣлъ со всѣмъ былъ изготовленъ въ 1841 году и освященъ Неофитомъ, епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ.

Въ настоящее время Николаевская церковь много облагодѣтельствована своими прихожанами — богатыми купцами, изъ которыхъ особенной благодарности въ этомъ отношеніи заслуживаютъ: Михаилъ Ивановичъ Кардаковъ, братья Кардаковы, Семень Сергѣичъ Зыринъ. Отецъ братьевъ Кардаковыхъ, Прокопій Максимовичъ много помогъ устройству иконостаса въ холодномъ храмѣ и взялъ на свой счетъ всю позолоту этого иконостаса, которая при его жизни была только начата, а окончена уже сыновьями его. Позолота иконостаса и сѣни надъ престоломъ, поддерживаемой четырьмя столбами, — какъ иконостасъ, такъ и сѣни вызолочены безъ всякой прикрасы, — стоитъ братьямъ Кардаковымъ 4,000 руб. сер. Иконы для иконостаса, въ числѣ 40, заказаны Михаиломъ Ивановичемъ Кардаковымъ за 4,000 руб. сер. въ Дивѣвской обители, въ которой, какъ извѣстно, искусство иконописанія стоитъ на довольно высокой степени. Купцы Зырины, особенно Семень Сергѣевичъ, приобрѣли для сей церкви не мало утвари довольно цѣнной; такъ въ послѣднее время онъ пожертвовалъ еще богатое паникадило, стоящее до 600 руб. сер. Теплая церковь въ обоихъ придѣлахъ богата иконами, которыя украшены серебряными ризами, жертвованными въ разное время этими же купцами, т. е. Кардаковыми и Зыриными. Всѣхъ иконъ въ серебряныхъ ризахъ считается до 12; серебра въ ризахъ болѣе 2-хъ пудовъ и въ другихъ церковныхъ утварахъ болѣе пуда. Въ библио-

текъ книгъ считается за 200 томовъ. Изъ книгъ древнѣе прочихъ Евангеліе 1677 года. Колоколовъ 9, изъ нихъ главный 74 пуда 30 ф. Къ этой церкви причислена часовня, подъ названіемъ Ширяевской, отстоящая въ 4-хъ верстахъ отъ города. Она почитается мѣстомъ явленія образа Спасителя и Владимірской Божіей Матери, находящихся съ давнихъ поръ въ Николаевской церкви, а потому къ этой часовнѣ бывають отсюда издавна, по установившемуся обычаю, два крестныхъ хода въ году. Одинъ бываетъ во второе воскресенье послѣ Троицына дня, а другой 26 августа, въ день Владимірской Божіей Матери. Первый бываетъ мимоходомъ, когда священникъ отправляется въ деревни для отправленія напольныхъ молебновъ. Второй, болѣе торжественный, привлекаетъ къ часовнѣ для богомолья очень много народу. Въ это время многіе изъ крестьянъ имѣють обыкновение приносить подъ свято молодого пѣтуха, другіе же, кромѣ сего, приносятъ еще середку или переднее плечо баранины, тоже молодой. Пѣтуховъ приносится 300—400 штукъ, баранины отъ 20 до 30 пудъ. Послѣ все это приношеніе отъ крестьянъ дѣлится между церковнымъ причтомъ.

3.

Предтеченская церковь построена въ 1807, а освящена — теплая въ 1808 году, а холодная въ 1815 году. До сего же времени служба совершалась въ ветхой деревянной церкви, называвшейся монастырскою, по причинѣ бывшаго до Екатерины Великой на томъ же мѣстѣ мужскаго монастыря во имя Іоанна Крестителя Господня и въ ея же царствованіе упраздненнаго въ числѣ многихъ другихъ монастырей.

Къ этой церкви отнесена часовня, находящаяся въ 6 верстахъ отъ города, при деревнѣ Сѣнниковской. Прежде эта часовня, при которой она находится, принадлежала къ Предтеческому монастырю, а по уничтоженіи его причислена къ настоящей церкви. Во внутренности часовни находится очень много древнихъ иконъ, перенесенныхъ, какъ надобно полагать,

изъ уничтоженнаго монастыря. Здѣшніе крестьяне, не смотря на то, что давно принадлежать къ государственнымъ, и теперь называются монастырскими. Къ этой часовнѣ также, какъ и Ширяевской, два раза въ году носятъ отъ Предтеченской церкви св. иконы. Кромѣ Сѣнниковской часовни при этой церкви, еще недавно считалась другая — Репейнитская, но, по чрезвычайной ветхости и близости ея къ берегу рѣки Вятки, она была запущена. Съ 1858 года духовенство здѣшняго Троицкаго собора входило съ представленіемъ къ своему начальству, чтобы эту часовню, какъ уже за ветхостію и неудобнымъ мѣстоположеніемъ ея, оставленную лѣтъ 20 тому назадъ, разобрать и перенести ее съ того мѣста на городское кладбище, на ю.-з. отъ церкви. На такое представленіе духовное начальство согласилось вполнѣ. По постройкѣ этой часовни на новомъ мѣстѣ, установился изъ собора ежегодно, во время праздника Петра и Павла, и ходъ св. иконъ. А извѣстный здѣшній благотворитель Семень Сергѣичъ Зыринъ уже и предложилъ свои услуги выстроить еѣ въ хорошемъ видѣ на свой счетъ.

4.

Кладбищенская церковь до 1857 года была деревянная, холодная, и очень ветхая, почему съ разрѣшенія епархіальнаго начальства въ томъ же году она перестроена Михайломъ Ивановичемъ Кардаковымъ на полукаменную теплую⁽²⁰⁾. При этомъ онъ взялъ на свой счетъ и постройку новаго иконостаса, его позолоту, живопись и вообще все, что необходимо для св. храма. Имъ же въ 1859 году приложенъ къ этой церкви колоколь въ 127 пудъ. Кромѣ того, на деньги, собранныя еще прежде, слито до 10 колоколовъ разнаго вѣсу, начиная отъ 1 пуда до 65 пудъ.

⁽²⁰⁾ Въ 1857 году іюля 1 предъ сломкой старой церкви, послѣ литургіи разобранъ былъ св. престолъ и потомъ всѣмъ соборомъ здѣшняго духовенства, при большомъ стеченіи народа, перенесенъ на рѣку Вятку, гдѣ былъ соженъ на плотѣ, нарочно приготовленномъ для этой цѣли.

Въ 1857 году приложенъ еще колоколъ вѣсомъ 15 пуд. Сем. Сер. Зыринимъ. За исключеніемъ этихъ 11 колоколовъ, вся церковь и ея утварь устроены иждивеніемъ купца Михаила Ивановича Кардакова. Изъ замѣчательныхъ предметовъ старины въ этой церкви заслуживаетъ особеннаго вниманія икона „Всѣхъ Святыхъ“, писанная на холстѣ въ 1737 году. Она находится въ рамкѣ, имѣетъ длины 3 арш. и ширины 2 $\frac{1}{2}$ арш.

На седьмой недѣлѣ послѣ Св. Пасхи, въ четвертокъ, на кладбищѣ совершается поминовеніе усопшихъ. Этотъ поминальный день обыкновенно называется „Семикомъ“, вѣроятно отъ того, что онъ бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи. Въ день Семика съ ранняго утра съѣзжается на кладбище для поминовенія усопшихъ родныхъ очень много народу какъ изъ деревень, такъ и изъ города. Сперва въ обычное время совершается заупокойная обѣдня, потомъ панихиды для однихъ въ церкви, для другихъ, по ихъ желанію, на могилахъ усопшихъ родныхъ. Для исправленія этихъ панихидъ, по окончаніи обѣдни въ городѣ, приходятъ всѣ священники отъ всѣхъ церквей. Когда панихиды будутъ отправлены для всѣхъ желающихъ, тогда всѣ священники со св. иконами отправляются изъ церкви на ту могилу, въ которой будто бы похоронены воины, падшіе въ сѣчѣ съ Новгородскими выходцами. Здѣсь служится такъ называемая всемірная панихида за всѣхъ воиновъ, которые пали въ этой битвѣ. Этой-то общей или всемірной панихидой и оканчиваются всѣ поминовенія, и народъ возвращается по домамъ. Замѣчательно, что во время совершенія всемірной панихиды многіе изъ крестьянъ имѣютъ обычай бросать въ яму, надъ которой служится эта панихида, деньги и яйца, изъ которыхъ первая послѣ прибираются и уносятся въ церковь въ видѣ приклада. По окончаніи панихиды, тѣ же крестьяне, какъ бы въ знакъ той битвы, которая происходила около этого мѣста, бросаютъ одинъ въ другаго печеными яйцами, отъ чего и происходитъ въ это время между ними сильный крикъ и шумъ. Также еще по окончаніи панихиды, нѣкоторыя изъ крестьянскихъ бабъ,

растущую въ этой ямѣ траву вырываютъ и потомъ несутъ домой, гдѣ и хранятъ ее, какъ лекарство во время болѣзни своего домашняго скота. Никакого знака, который бы опредѣленно могъ указать на могилу убіенныхъ воиновъ, въ настоящее время не имѣется совершенно, кромѣ довольно широкой, но неглубокой и поросшей дерномъ и травой ямы, которая издревле всѣми признается мѣстомъ убіенныхъ. Это мѣсто находится въ нѣсколькихъ саженьяхъ къ югу отъ церкви, и также въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ грани, съ которой начинается крутой спускъ къ рѣкѣ Вяткѣ.

Приходя на кладбище съ единственною цѣлю помянуть своихъ загробныхъ родныхъ, многіе изъ крестьянъ и даже горожанъ, имѣютъ еще обычай послѣ панихидъ обѣдать на могилахъ своихъ родныхъ, для чего и приносятъ сюда разныхъ кушаньевъ, какъ то: яицъ, блиновъ, пироговъ, жаренаго и проч., а крестьяне, мало того, привозятъ съ собою еще пиво и вино, впрочемъ, не обходятся безъ этого и нѣкоторые изъ горожанъ, хотя онѣ пьютъ и ѣдятъ безъ соблюденія тѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ, какіе замѣчаются у крестьянъ. Последніе же на разостланную на могилѣ скатерть ставятъ всѣ яства и, угощая ими своихъ родныхъ и знакомыхъ, не забываютъ также угощать и своихъ загробныхъ родныхъ и друзей; для этого кладутъ имъ особо на могилу ватрушку и часть пирога, также пива и вина, то и другое потомъ льютъ въ нарочно проткнутую пальцемъ ямку, съ плачемъ приговаривая, что и онъ голубчикъ или голубушка дорогая (смотря по тому мужчина или женщина похоронены) любилъ прежде то или другое попить и поѣсть. Продолжая такимъ образомъ поминать, бесѣдующіе приходятъ то въ грустное, то въ веселое состояніе, иногда принимаются за плачь и вой, то вдругъ опять за пляску и пѣсни, а подъ часъ совсѣмъ не кстати оканчиваютъ поминки дракой. Впрочемъ, такіа исторіи случаются не часто, и то развѣ между такими мужиками, которые любятъ въ нетрезвомъ видѣ начинать ссоры и драки.

Въ Семикъ, на кладбищѣ, продаются разныя дѣтскія игрушки,

какъ то: сосновыя пищали, берестяныя дудки и рожки, деревянныя волынки (этотъ инструментъ, вѣроятно, Черемисскаго происхожденія), жимолостныя палки; также глиняныя: дудки, шары, куклы и проч. дѣтскія забавы. Торговля подобными предметами начинается весьма рано и продолжается до вечерни и далѣе. Накупивши подобныхъ игрушекъ, сотни мальчишекъ начинаютъ ими потѣшаться. Обыкновенныя ихъ потѣхи состоятъ въ пальбѣ изъ пищалей, свистаніи въ дудки и бросаніи или катаніи глиняныхъ шаровъ (шарышей, по мѣстному). Такимъ образомъ, Семикъ, не смотря на то, что назначенъ для поминовенія усопшихъ, принимаетъ видъ веселаго праздника. И послѣ Семика городъ оглашается громкимъ свистомъ различныхъ дудочекъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней сряду.

Мѣстное преданіе сообщаетъ мало подробностей о бывшемъ близъ Котельнича побоищѣ. Въ исторіи о Вятчанахъ упоминается, что оно происходило въ началѣ 15 вѣка, а именно въ 1418 году ⁽²¹⁾, слѣдственно относится къ тому времени, когда Вятскую страну наводняли многіе праздные люди, бѣжавшіе въ особенности изъ Великаго Новгорода. Измѣнившіе своему отечеству, такіе люди, не могли конечно жить мирно и въ другомъ мѣстѣ: такъ и дѣйствительно, по прибытіи своемъ въ здѣшніе лѣса и вообще страну, наполненную народомъ характера безпокойнаго и буйнаго, они стали производить и здѣсь разныя возмущенія и безпорядки. Къ такимъ знатымъ бѣглецамъ изъ Великаго Новгорода, въ то время, въ особенности должно причислить Анфала Никитина и Разсохина. Оба они въ Вятскую страну пришли собственно, чтобы властвовать надъ туземцами, но какъ это властвованіе надъ симъ вольнымъ народомъ каждый изъ нихъ не хотѣлъ уступать безъ бою, то и рѣшено было битвою, которая, какъ сказано выше, произошла подъ городомъ Котельничемъ и кончилась смертію Анфала Никитина и побѣдою Разсохина.

(21) См. Памятную Книжку Вятской губерніи „Достоверныя сказанія о древней Вяткѣ“, стр. 119. (Алек. Тянгинскаго).

Изъ падшихъ воиновъ въ этомъ побоищѣ было больше Устюжанъ, союзниковъ убитаго здѣсь Анфала Никитина. По дошедшему же преданію, мы знаемъ имена только трехъ предводителей Устюжанъ: Василья, Феодора и Патрикія. Этихъ воиновъ и по сіе время записываютъ въ памятки и служатъ по нимъ заупокойныя обѣдни. Старожилы же рассказываютъ еще, кромѣ того, что будто бы и черепа этихъ трехъ воиновъ хранились долгое время въ бывшемъ Предтеченскомъ монастырѣ, гдѣ они и показывались, какъ головы святыхъ воиновъ. Это даже заставляло страждущихъ въ то время головою болью прибѣгать сюда съ молитвою. Для этого, вѣрующіе въ ихъ святость, обвертывали ихъ полотенцами или чѣмъ нибудь другимъ, а потомъ снявши съ головъ, накладывали эти полотенцы уже на свои болящія головы, отъ чего и получали, будто бы, въ скоромъ же времени исцѣленіе: но по дошедшимъ слухамъ до одного изъ Вятскихъ архіереевъ, эти черепа, какъ служившіе въ народѣ къ распространенію суевѣрія, были, по приказанію его, похоронены.

На западъ отъ города, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ него, по лѣвую сторону отъ Яранскаго тракта, находится общественный садъ ⁽²²⁾, состоящій изъ ельника средней высоты. Садъ обнесенъ простою изгородью; ворота сада устроены съ сѣверной стороны или со стороны тракта. По южной сторонѣ сада проходитъ оврагъ, оба спуска котораго покрыты ельникомъ, а внизу неширокая долина, орошаемая ключемъ, sprungеннымъ у восточной стороны сада. Отъ воротъ сада прямо на югъ идетъ широкая и единственная аллея, которая опускается, наконецъ въ долину оврага. По обѣ стороны этой аллеи насажены березки, рябинки и кусты смородины, которые почти всѣ принялись. Кромѣ того, на правой сторонѣ аллеи изъ тесу устроено мѣсто для кегельной игры, а на лѣвой — ка-

(22) Садъ устроенъ еще недавно, не ранѣе какъ 1852 года; въ устройствѣ оного принимали довольно большое участіе: бывший уѣздный судья Дмитрій Ивановичъ Лихачевъ и управляющій питейной конторой Петръ Андреевичъ Калугинъ.

чели, изъ которыхъ одна круглая. По ту и другую сторону аллеи въ томъ мѣстѣ, гдѣ она спускается въ долину оврага, въ тѣни деревь устроены на столбахъ крытыя бесѣдки. Въ садѣ ходять только для прогулки и при томъ такъ, что рѣдко могутъ встрѣтяться здѣсь три или четыре семейства за разъ. Общихъ же собраний и увеселеній не бываетъ никогда.

Между городомъ и садомъ находятся два винныхъ подвала: изъ которыхъ одинъ каменный, а другой деревянный, весь обложенный дерномъ. Къ югу чрезъ оврагъ отъ нихъ находятся также два амбара: соляной и хлѣбный.

Жителей въ городѣ за 1858 годъ считалось муж. 1,397; жен. 1,363; всего же 2,760 человекъ ⁽²³⁾. Въ томъ числѣ:

<i>Дворянъ:</i>		Муж.	Жен.
1. Потомственныхъ	12	22	
2. Личныхъ	49	50	
3. Бѣлаго духовенства	32	43	
<i>Городскаго сословія:</i>			
1. Купцовъ	134	132	
2. Мѣщанъ	722	799	
<i>Сельскаго сословія:</i>			
1. Государственныхъ крестьянъ	—	—	
2. Удѣльныхъ	3	1	
3. Помѣщичьихъ крестьянъ	8	2	
4. Дворовыхъ людей	1	4	
<i>Военныхъ:</i>			
1. Регулярныхъ войскъ, находящихся въ городѣ	110	52	
2. Безсрочно-отпускныхъ	16	—	
3. Отставныхъ нижнихъ чиновъ	59	178	
4. Солдатскихъ дѣтей	84	—	
5. Лицъ, не принадлежащихъ къ означеннымъ разрядамъ	47	22	

(23) Смотри отчетъ городническаго правленія за 1858 годъ.

Изъ этого числа православнаго исповѣданія: муж. 1374; жен. 1,358; римско-католическаго: муж. 3; Евреевъ муж. 11, жен. 1; Татаръ: муж. 9 и жен. 4. Родившихся въ 1858 году было: мальчик. 63, дѣвоч. 57, умершихъ: муж. 46, жен. 51. Отсюда видно, что въ этомъ году, родившихся мужескаго пола предъ женскимъ было болѣе 16-ю человѣками, а умершихъ менѣе 15-ю. Родившихся же обоего пола предъ умершими было тоже болѣе 13-ю человѣками. Изъ числа родившихся въ этомъ году было: 2-е незаконнорожденныхъ и 1 мертворожденный. Браковъ въ продолженіи года было 34. Изъ сравненія девятой ревизіи съ десятою, оконченной въ 1858 году, оказывается, что въ 8 лѣтъ отъ девятой ревизіи число жителей въ городѣ увеличилось на $\frac{1}{7}$ часть.

Нравственность здѣшнихъ жителей находится въ довольно хорошемъ состояніи; это видно изъ того, что совершающихся между ними преступленій случается очень мало. Такъ по дѣламъ, производившимся въ здѣшнемъ городскомъ магистратѣ и уѣздномъ судѣ за послѣдніе два года, видно, что изъ лицъ городскаго состоянія содержалось подъ арестомъ: въ 1857 году — муж. 2; въ 1858 году — муж. 1, жен. 1, было прикосновенныхъ къ дѣлу: въ 1857 г. — муж. 70, жен. 2; въ 1858 г. — муж. 45.

Изъ преступленій чаще всего случаются воровство и мошенничество. Кромѣ означенныхъ лицъ городскаго состоянія, въ здѣшнемъ острогѣ за эти же два года содержалось крестьянъ Котельническаго уѣзда по смертоубійству: муж. 3, жен. 5, изъ коихъ оправдано: муж. 1, а осуждено: жен. 3; за грабежъ: муж. 2; за воровство и мошенничество: муж. 28, жен. 5, изъ коихъ оправдано: муж. 2, жен. 1; осуждено: муж. 15, жен. 3; за скотоложство: муж. 5, изъ нихъ осуждено 2-е, за святотатство: муж. 4, изъ коихъ осуждено 1; наконецъ, за буйственныя поступки 1. Такимъ образомъ, лицъ сельскаго состоянія содержалось въ тюремномъ замкѣ болѣе за воровство и мошенничество.

Купцовъ къ 1860 году состояло: по первой гильдіи — 2, по второй — 2, и третьей — 44; по всемъ тремъ гильдіямъ — 48.

Да, кромя того, иногородныхъ купцовъ, записавшихся гостями по 3-й гильдіи, 12; по довѣренностямъ отъ купцовъ 24 торгующихъ лица. Всѣ они ведутъ торговлю съ многими городами прихѣрно на 1,500,000 руб. сер. ⁽²⁴⁾.

Въ росписи на 1858 годъ означено въ расходѣ 6,302 руб., въ приходѣ 8,938 руб. 63¹/₄ коп.; остаточныхъ отъ 1857 года наличными 668 руб. 21¹/₄ коп., билетами Приказа Общ. Призр. 6,515 руб. 89 коп., остатокъ отъ 1858 года наличными 390 р. 58¹/₂ коп., билетами приказа 9,918 руб. 52¹/₂ коп.

По торговлѣ, городъ Котельничъ въ послѣднее время значительно возвысился и сдѣлался вообще гораздо оживленнѣе. Судя по большимъ капиталамъ, имѣющимся у нѣкоторыхъ купцовъ, его можно считать 5-мъ городомъ въ губерніи. Вообще его торговлю можно раздѣлить на внѣшнюю и внутреннюю. Первая—хлѣбомъ ведется преимущественно съ Архангельскимъ портомъ и частію съ Рыбинскомъ (съ послѣднимъ особенно, когда бываетъ малое требованіе хлѣба въ Архангельскій портъ). Нашимъ купцамъ, торгующимъ хлѣбомъ, благопріятствуетъ то обстоятельство, что они имѣютъ въ этомъ случаѣ мало соперниковъ, а потому, во время закупа хлѣба, они иногда могутъ сдерживать цѣны и назначать такія, которыя, болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ ихъ торговымъ соблаженіямъ. Нынѣ впрочемъ соперничество начинаетъ значительно усиливаться, потому что и здѣсь появились торговыя конторы отъ нѣкоторыхъ купцовъ г. Архангельска, чего еще не было года съ два тому назадъ. Нѣкоторые изъ богатыхъ купцовъ, закупающихъ рожь, овесъ и ленъ еще съ осени, даютъ извѣстнымъ зажиточнымъ крестьянамъ (кулакамъ) большіе задатки. Эти крестьяне, объѣзжая многіе сельскіе торжки и ярмарки, а иногда и деревни, дѣлаютъ разныя закупки у поселянъ въ то время, когда они всего болѣе нуждаются въ деньгахъ на подать. Такимъ образомъ купцы,

⁽²⁴⁾ На ¹/₂ часть этой суммы, если еще не болѣе того, производятъ торговлю купцы 2-е Кардаковыхъ и 2-е Зырпыхъ.

черезъ своихъ задаточныхъ закупщиковъ, получаютъ²⁵ потребныя для нихъ товары гораздо выгоднѣе, чѣмъ черезъ непосредственную покупку тѣхъ же товаровъ въ зимнее время въ городѣ. Задаточные закупщики стараются заподрижаться у купцовъ, какъ можно на большее количество товаровъ съ обязательствомъ, по цѣнѣ, объявленной заранѣе, доставить товары по зимѣ въ городъ или прямо на пристань и при томъ къ извѣстному сроку.

Въ послѣдніе два или три года, къ Архангельскому порту (25) отправляемо было здѣшними купцами разнаго товара не менѣе, какъ по 30 барокъ въ каждый годъ; полагая въ каждой среднимъ числомъ по 25,000 пудъ, выходитъ, что въ Архангельскъ отправлялось товара не менѣе 750,000 пудъ. Въ Рыбинскъ въ послѣдніе годы также отправляется овса по крайней мѣрѣ барки по двѣ.

Менѣе богатые купцы ведутъ торговлю не хлѣбомъ, а другими произведеніями, и не съ Архангельскомъ, а съ другими городами, какъ-то: Нижнимъ-Новгородомъ, Казанью, Самарою, Саратовомъ и Астраханью. Въ эти города обыкновенно идутъ отсюда слѣдующіе товары: холстъ, овесъ, шерсть, поярокъ, кожа, юфта, желѣзо, мясо, свинина, масло и другіе съѣстные припасы.

Товары изъ Котельнича отправляются не во всѣ мѣста въ одно и то же время. Такъ напр. къ Архангельску всѣ товары идутъ сперва зимнимъ путемъ на Подосиновскую пристань, (Вологодской губерніи Никольскаго уѣзда), отстоящую отъ города

(25) Въ нынѣшнее время торговля съ сими портомъ очень стала усиливаться, въ особенности льнянымъ сѣменемъ, куделью и льномъ, отъ чего и цѣна на этотъ товаръ много возвысилась противъ прежнихъ лѣтъ. Первая торговля Котельничанъ съ Архангельскомъ началась еще недавно, не болѣе, какъ лѣтъ 30 тому назадъ. До этого же времени товары отправлялись только до Великаго Устюга зимнимъ путемъ: первые купцы, начавшіе вести торговлю съ сими портомъ, были: купцы Сергій Дмитріевъ Зырянъ, потомъ братья Иванъ и Прокопій Максимовы Кардаковы.

Котельнича на 278 верстѣ, а оттуда весною на баркахъ, заготовляемыхъ тамъ заранѣе, отправляются по рѣкамъ Югу и Сѣверной Двинѣ ⁽²⁶⁾. Къ Рыбинску и Астрахани товары грузятся всегда тотчасъ по вскрытіи рѣки Вятки (въ Рыбинскъ преимущественно идетъ овесъ, а въ Астрахань желѣзо и лѣсныя издѣлія): на Нижегородскую ярмарку слѣдуютъ: холсты, мѣшки, поярокъ, клей, шерсть, юфть и свѣчи; отправка сихъ товаровъ начинается, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ, всегда не ранѣе іюня мѣсяца.

По зимѣ же передъ Рождествомъ или послѣ Рождества идутъ отсюда разные съѣстные припасы, какъ-то: говядина, дичь, свинина, сало и масло. Эти припасы отправляются болѣе въ С.-Петербургъ, Москву, Урень, Макарьевъ на Унжѣ, а также и въ города своей губерніи. Всѣ отправляемыя произведенія здѣшняго края, во время лѣтней и зимней коммуникацій, закупаются либо въ самомъ городѣ, либо его уѣздѣ на сельскихъ торжкахъ и ярмаркахъ ⁽²⁷⁾, на окружкѣ, какъ здѣсь называютъ.

Чтобы яснѣе видѣть количество товаровъ, идущихъ изъ Котельнича въ разные пункты и города, необходимо взглянуть на отправку ихъ хотя за одинъ годъ. Такъ въ періодъ торговли 1857—58 года отправлено было изъ Котельнича въ Архангельскъ и прочіе города.

Въ Архангельскѣ: муки ржаной 180,000 пуд., по 30 и 35 к. за пудъ, на сумму 58,500 руб.; крупчатки 3,000 мѣшковъ 1-го сорта, по 9 руб. за мѣшокъ, на 28,000 руб., и 2,300 мѣшковъ 2-го сорта, по 6 руб., на 13,800 руб.; овса 30,000 четв., по 2 руб. 80 коп. и 3 руб., на 87,000 руб.; ржи 30,000 четв., по 28 и 30 коп. за пудъ, на 78,600 руб.; необдѣланнаго льна 28,000 пуд., по 2 р. 30 коп. и 2 руб.

⁽²⁶⁾ Михаилъ Ивановичъ Кардаковъ и Семень Сергѣевичъ Зыринъ съ 1858 года участвуютъ въ компаніи пароходства по этой рѣкѣ.

⁽²⁷⁾ Этихъ торжковъ и ярмарокъ особенно много бываетъ въ уѣздѣ въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ.

50 коп., на 67,200 руб.; обдѣланнаго льну 23,000 пуд. по 3 руб.; на 69,000 руб., льнянаго сѣмени 30,000 четв. (по 8 руб. за четв.), по 7 р. и 7 р. 25 коп. за четв., на 213,000 руб.; кудели 25,000 пуд., по 2 руб. и 2 руб. 15 коп., на 52,000 руб.; чесаной шакли 8,000 пуд., по 1 р. 30 коп. и 1 р. 90 коп., на 12,800 руб. Кромѣ этого отправлено было въ то время Казанскихъ товаровъ, какъ-то, гороха, крупъ, толонна, гречихи, всего на 15,000 руб. Такимъ образомъ, къ Архангельскому порту отправлено было всѣхъ товаровъ слишкомъ на 700,000 руб. За провозъ означенныхъ товаровъ отсюда обыкновенно платится: до Подосиновской пристани, по зимнему пути, отъ 13 коп. до 25 коп. съ пуда, а потомъ отъ нея до Архангельска, водянымъ путемъ на баржахъ, сходить отъ 6 до 9 коп.; весь же провозъ обходится нашимъ купцамъ отъ 19 до 34 коп.

Въ Великій Устюгъ: льна необдѣланнаго 10,000 пуд., по 2 р. 30 коп. и 2 р. 50 коп. за пудъ, на 24,000 руб.; кудели 10,000 пуд., по 2 руб. и 2 руб. 15 коп., на 20,800 руб. Зимній провозъ до сего мѣста обходится отъ 20 до 25 коп.

Въ Нижегородскую ярмарку: холста: рубашки 150,000 арш., отъ 4 до 7 коп., на 8,250 руб.; подкладки 700,000 арш., по 2¹/₂ и 3¹/₂ коп., на 21,000 руб.; храща 300,000 арш., по 2 и 2¹/₂ коп., на 6,750 руб.; макриды 100,000 арш., по 1¹/₂ до 2 коп., на 1,750 руб.; поярку 1,500 пуд., по 5 и 6 руб., на 8,500 руб.; юфти 1,500 пуд., отъ 18 до 20 руб. за пудъ, на 28,500 руб.; сальныхъ свѣчей 7,000 пуд., по 4 р. 50 коп., на 3,150 руб.; всего же, на 77,900 руб. Доставка товаровъ сюда стѣитъ по водѣ отъ 13 и 14 коп., а гужемъ отъ 32 до 35 коп.

Въ Рыбинскъ: овса 20,000 четв. (по 5 пуд. 30 ф. съ кулемъ), по 21 и 26 коп. за пудъ, на 45,720 руб.

Въ Казань: мѣшковъ для крупчатки 100,000 штукъ, отъ 13 до 15 руб. за 1,000 шт., на 1,400 руб.; коровьяго масла 300 пудъ, по 4 р., на 1,300 руб.; солонины 1,000 пуд.,

по 60 и 70 коп., на 650 руб. Доставка сюда бываетъ по зимѣ отъ 14 до 15 коп., а весною отъ 10 до 14 коп.

Въ Ланцевъ: толокна 1,500 пуд., по 50 коп., на 750 руб.; овсяной крупы 500 пуд.; по 55 коп., на 275 руб.; солода 450 пуд., по 50 коп., на 225 руб. Провозъ по веснѣ отъ 5 до 7 и 8 коп. съ пуда; солонины до 1,200 пуд., по 90 и 1 р. 20 коп., на 1,200 руб.

Въ Саратовъ: мѣшковъ крупчаточныхъ 170,000 шт., на 2,380 руб.; простаго сургуча 2,000 пуд., по 40 и 60 коп., на 1,000 руб., желѣза: полосоваго 1,500 пуд., по 1 р. 30 коп. и 1 р. 50 к., на 2,150 р.; шиноваго 1,000 пуд., по 1 р. 80 к., на 1,800 р.; кулей до 3,000 штукъ, отъ 13 до 15 коп. за куль, на 420 руб. Доставка туда не превышаетъ 16 коп. съ пуда.

Въ С.-Петербурѣ и Москву: мяса 1,000 пуд., по 1 р. и 1 р. 20 коп., на 1,050 руб.; коровьяго масла 3,200 пуд., по 4—5 р., на 14,400 руб.; свинины до 700 пуд., по 1 р. 20 коп., на 875 руб.; разной дичи на 500 руб. Обыкновенно всѣ эти припасы отправляются въ означенные города предъ Рождествомъ или послѣ него; провозъ ихъ доходитъ: въ Петерб. до 1 руб. и 1 руб. 20 коп., а Москву отъ 40 до 65 коп.

Къ Макарью на Унжѣ: мяса 700 пуд., по 1 р., на 700 руб.; свинины 500 пуд., по 1 р. 20 коп. и 1 р. 30 коп., на 660 руб.; кожъ сырыхъ 900 шт., по 2 р. 50 коп., на 2,250 р.; сала 800 пуд., по 3 руб. 80 коп., на 3,140 руб.; сухой рыбы, судака и леща, по 1 р. 40 и 1 руб. 60 коп., до 1,200 пуд., на 1,800 р.; коровьяго масла 700 пуд., по 4 р. 50 к., на 3,150 руб., сальныхъ свѣчей 200 пуд., по 4 р. 50 коп., на 900 руб. Извозъ по зимѣ доходитъ отъ 15 до 17 коп.

Въ Вятку, Слободской и Орловъ: сырыхъ кожъ 1,600 шт. на 4,000 руб.; листоваго табаку 800 пуд., по 1 руб. 30 коп. и 1 р. 60 коп., на 1,160 руб.; сырыхъ овчинъ 3,000 шт., по 40 и 60 коп., на 1,500 руб.; сухой рыбы 1,800 пуд. на 2,340 руб. Провозъ въ эти города: въ Орловъ 2 коп., Вятку 4, а Слободской 5 коп. съ пуда.

Въ *Котельничь*, на находящіеся при немъ заводы, куплено до 27,000 кожъ, по 2 руб. 40 коп. и 2 руб. 90 коп., на 71,550 рублей ⁽²⁸⁾.

Внутренняя торговля и сама по себѣ, тѣмъ болѣе въ сравненіи съ внѣшней, очень скудна. Предметы внутренней торговли привозятся изъ Казани, Нижняго-Новгорода, Астрахани, Саратова, Архангельска, Велико-Устюга и Ватки. Эта торговля, конечно, могла бы больше оживиться, если бы ей не вредила такъ сильно городская Алексѣевская ярмарка, на которой товары бывають такъ разнообразны, что они могутъ удовлетворять потребностямъ всѣхъ классовъ провинціального общества. Такъ какъ всякій товаръ можно покупать на этой ярмаркѣ гораздо выгоднѣе, нежели въ обыкновенное время у мѣстныхъ торговцевъ, берущихъ со своего покупателя двойныя цѣны, то здѣшніе жители, и городскіе и сельскіе, стараются во время оной закупать для себя годовую пропорцію всего, что нужно для домашняго хозяйства. Впрочемъ въ настоящее время появляются въ нашемъ городѣ купцы, которые начинаютъ приѣзжаться къ мѣстнымъ потребностямъ и, что еще важнѣе, начинаютъ подумывать о снисканіи довѣренности покупателей.

Постоянная торговля въ городѣ производится въ лавкахъ гостинаго двора со стороны Московской улицы; въ воскресенье и праздничные дни, сидятъ (преимущественно съ красными и желѣзными товарами) и въ лавкахъ по другимъ сторонамъ его; каждодневно открыты также нѣкоторыя лавки при частныхъ домахъ, занимаемая впрочемъ не самими домохозяевами. Изъ всѣхъ этихъ лавокъ занято товарами: панскими 9, желѣзными 2, бакалейными 5, москательными 9, фруктовыми 6, шорными 5, солью 5, всего 41.

Котельническое купечество имѣетъ постоянныя закупы во многихъ городахъ, а именно: *изъ Казани* оно привозитъ сюда:

⁽²⁹⁾ Все это количество, цѣнность означенныхъ товаровъ, а равно и стоимость отправки ихъ въ разныя мѣста взяты мною отъ тѣхъ купцовъ, которые сами занимаются торговлею и сбытомъ оныхъ.

крупчатки до 7,000 пѣшковъ 1-го и 2-го сортовъ, на сумму 55,000 руб., изъ этого впрочемъ количества не менѣе, какъ на 30,000 руб., отправляется къ Архангельску; сухой рыбы до 20,000, отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 60 к., на 30,000 руб.; свѣжей разной рыбы на 10,000 руб., прочихъ товаровъ, какъ-то гороху, разныхъ крупъ, орѣховъ, табаку листового, пеньковыхъ снастей на сумму 4,000 руб., фруктовъ на 6,000 руб., всего же на 105,000 р.

Съ Нижегородской ярмарки привозится ниш: сахару и чаю на 12,000 руб.; табаку и сигаръ на 2,000 руб.; кубовой краски до 100 нуд. на 11,000 руб.; голландской бумаги на 200 руб.: простой писчей бумаги на 400 руб., Русскаго сукна на 1,000 руб.; разной фарфоровой посуды на 1,500 руб.; простаго табаку на 4,000 руб.; виноградныхъ винъ на 2,000 руб.; шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ матерій на 20,000 руб.; скобянаго на 3,000 руб.; галантерейнаго на 1,500 руб.; всего на 8,600 р.

Изъ Астрахани доставляется здѣшними торговцами къ зимѣ: сухой рыбы не менѣе, какъ на 12,000 руб.; изюму разныхъ сортовъ, грецкихъ орѣховъ, сарачинскаго пшена, горчицы и масла горчичнаго (изъ Сарептской колоніи послѣдніе два предмета) на 2,000 р. Нынѣ, оттуда сухую рыбу наши торговцы начали вывозить въ такомъ количествѣ, что Вятскіе и Слободскіе купцы часто пріѣзжаютъ для покупки этой рыбы въ Котельничъ.

Изъ Архангельска тѣми же купцами, которые ведутъ хлѣбную торговлю съ этимъ городомъ, каждагодно, привозится, для домашняго употребленія, не менѣе какъ на 2,000 руб. виноградныхъ винъ. Изъ Архангельска же идетъ: треска, свѣжія и соленая сельди, семга, ворвань и сахаръ, всего не менѣе, какъ на 15,000 руб. Въ послѣдніе два года, нѣкоторые изъ купцовъ стали привозить сюда треску въ очень большомъ количествѣ. Прежде эта рыба въ здѣшнемъ мѣстѣ была въ меньшемъ употребленіи, нежели нынѣ; нынѣ же, по случаю дороговизны на сухую и свѣжую рыбы, она стала разбираться очень быстро, въ особенноти крестьянами своего уѣзда.

Изъ Соликамска доставляется сюда соли до 115,000 пуд. на сумму 69,000 руб., изъ этого количества до 80,000 пуд. частными лицами, а остальное количество казною.

Накоонецъ на *Александровской ярмаркѣ*, для мѣстной торговли закупается здѣшними купцами разнаго рода товаровъ, а именно краснаго товара на 16,000 руб., крупчатки на 2,000 руб., сахара на 2,000 руб., чаю на 1,800 руб., кофе на 200 р., писчей бумаги на 600 руб., фруктовъ, на 1,800 руб., деревяннаго масла на 1,500 руб., всего же болѣе, чѣмъ на 35,000 руб. Вообще можно сказать, что и внутренняя торговля Котельнича увеличивается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

Въ воскресные дни, какъ установленные правительствомъ для торговъ, постоянно производится торговля различными сельскими произведеніями и издѣліями, также всѣми мелочными предметами, составляющими главную и существенную торговлю мѣстнаго и небогатаго мѣщанина.

Кромѣ же воскресныхъ дней, въ другіе дни въ городѣ крестьямъ съ сѣбными припасами почти вовсе не бѣваетъ, почему всякій изъ городскихъ жителей и долженъ непремѣнно позаботиться о заготовленіи для себя припасовъ именно только въ этотъ праздничный день и при томъ на всю недѣлю. Въ простое время даже и мясныхъ лавокъ не имѣется, отъ чего пріѣзжему сюда нѣтъ почти никакой возможности достать чего нибудь по своему вкусу ⁽²⁹⁾. Впрочемъ, не смотря на такое неудобство, жизненное продовольствіе не считается жителями городскими слишкомъ обременительнымъ. Только въ нынѣшніе послѣдніе годы здѣсь цѣнность на многіе предметы продовольствія сдѣлалась довольно высока.

Чтобы вообще видѣть, какія цѣны существуютъ здѣсь на разныя сѣбные припасы, выставяемъ слѣдующую имъ таблицу:

(29) Въ пятницу и среду, какъ дни постные, бываетъ достаточное количество рыбы.

Жизненные припасы.	Ц ъ н а.		
	Пудъ.	Фунтъ.	Штука.
Говядина:			
Свѣжая } Лучшая Средняя Низшая	1 р. 60 к. — 2 р. —	4 к. — 5 к.	—
	1 р. 20 к. — 1 р. 80 к.	3 к. — 4 ¹ / ₂ к.	—
	80 к. — 1 р.	2 к. — 2 ¹ / ₂ к.	—
Голова	—	—	20 к. — 40 к.
Ноги	—	—	18 к. — 25 к.
Почки	—	—	8 к. — 10 к.
Языкъ	—	—	10 к. — 30 к.
Солонина } 1-й сортъ 2-й сортъ	1 р. 20 к. — 1 р. 50 к.	3 к. — 3 ³ / ₄ к.	—
	80 к. — 1 р. 20 к.	2 к. — 3 к.	—
Телятина:			
1-й сортъ	80 к. — 1 р. 60 к.	2 к. — 4 к.	—
2-й сортъ	60 к. — 1 р. 20 к.	1 ¹ / ₂ к. — 3 к.	—
Голова	—	—	10 к. — 12 к.
Ноги	—	—	6 к. — 7 к.
Свинина:			
1-й сортъ	1 р. 60 к. — 1 р. 80 к.	4 к. — 4 ¹ / ₂ к.	—
2-й сортъ	1 р. 20 к. — 1 р. 40 к.	3 к. — 3 ¹ / ₂ к.	—
Баранина:			
1-й сортъ	1 р. 40 к. — 1 р. 70 к.	3 ¹ / ₂ к. — 4 ³ / ₄ к.	—
2-й сортъ	80 к. — 1 р. 20 к.	2 к. — 3 к.	—
Масла:			
Коровье	6 р. — 6 р. 80 к.	15 к. — 17 к.	—
Льняное	4 р. — 4 р. 80 к.	10 к. — 12 к.	—
Подсолнечное	6 р. — 6 р. 80 к.	15 к. — 17 к.	—
Горчичное	9 р. 60 к. — 10 р.	24 к. — 25 к.	—
Печеный хлѣбъ:			
1-го сорта (пшеничный)	—	6 к.	—
Калачи	—	—	1 ¹ / ₂ к.

Жизненные припасы.	Ц б н а.					
	Пудь.	Фунтъ.	Штука.			
Заварные крендели	—	6 к.	1½ к.			
2-го сорта калачи	—	—	3 к. за 6 шт.			
Ржаной хлѣбъ	50 к. — 60 к.	1¼ к. — 1½ к.	—			
Мука:						
Крупчатая } 1-й сортъ	1 р 70 к. — 1 р. 80 к.	4 к. — 4½ к.	—			
				2-й сортъ	3½ к. — 3¾ к.	—
				3-й сортъ	2½ к. — 3 к.	—
Пшеничная здѣшняя	60 к. — 70 к.	1½ к. — 1¾ к.	—			
Ржаная обмкновенная . . .	40 к. — 50 к.	1 к. — 1¼ к.	—			
Гречневая	1 р.	2½ к.	—			
Гороховая	80 к. — 1 р	2 к. — 2½ к.	—			
Овсяная	60 к. — 70 к	1½ к. — 1¾ к.	—			
Толокно	60 к. — 80 к.	1½ к. — 2 к.	—			
Ржаной солодъ	80 к. — 1 р.	2 к. — 2½ к.	—			
Ячной	1 р. — 1 р. 10 к.	2½ к. — 2¾ к.	—			
Крупа:						
Овсяная	60 к. — 70 к.	1½ к. — 1¾ к.	—			
Ячная	75 к. — 80 к.	2 к. — 2 к.	—			
Горохъ 1-го сорта	80 к. — 1 р. 20 к	2 к. — 3 к.	—			
„ 2-го сорта	70 к. — 1 р	1¾ к. — 2½ к.	—			
Овесъ	22 к. — 30 к.	—	—			
Рожь	40 к. — 45 к.	—	—			
Сѣно	12 к. — 30 к.	—	—			
Свѣжая рыба:						
Окунь	80 к. — 2 р. 80 к.	2 к. — 7 к.	—			
Карась	1 р. 20 к. — 2 р.	3 к. — 5 к.	—			
Лещъ	2 р. — 4 р.	5 к. — 10 к.	—			
Щука	1 р. 20 к. — 2 р.	3 к. — 5 к.	—			
Судакъ	2 р. 80 к. — 4 р.	7 к. — 10 к.	—			
Язь	1 р. 20 к. — 2 р.	3 к. — 5 к.	—			
Сомъ	2 р. — 2 р. 80 к.	5 к. — 7 к.	—			

Жизненные припасы.	Ц ѣ н а.		
	Пудъ.	Фунтъ.	Штука.
Наливъ	2 р. — 2 р. 40 к.	5 к. — 6 к.	—
Мелкая разная	80 к. — 1 р.	2 к. — 2 1/2 к.	—
Северюга (привозная)	7 р.	17 1/2 к. — 20 к.	—
Осетрина	6 р.	15 к. — 20 к.	—
Соленая рыба:			
Судакъ	2 р. — 2 р. 40 к.	5 к. — 6 к.	—
Сазанъ	2 р. — 2 р. 40 к.	5 к. — 6 к.	—
Щука	1 р. 80 к. — 2 р.	4 1/2 к. — 5 к.	—
Осетрина	6 р. 50 к.	16 1/2 к.	—
Северюга	6 р. 50 к.	16 1/2 к.	— ⁽⁸⁰⁾

Мы уже сказали, что въ г. Котельничѣ учреждена ярмарка, известная подъ именемъ Алексѣевской. Ярмарка эта—самая значительная во всей губерніи и продолжается нынѣ болѣе трехъ недѣль (съ 1-го марта по 23 число). Впрочемъ, до 1851 года она продолжалась только до 18 числа⁽⁸¹⁾; такъ какъ продажа многихъ товаровъ начинала увеличиваться только къ послѣднимъ днямъ ярмарки, то многіе изъ пріѣзжихъ купцовъ и городскихъ жителей просили правительство о продленіи ея еще на пять дней. Коренное же установленіе ея считается со времени царствованія Алексѣя Михайловича, который на этотъ разъ

⁽⁸⁰⁾ Цѣны жизненнымъ припасамъ мною выставлены со словъ людей опытныхъ.

⁽⁸¹⁾ Существующая въ Котельничѣ Алексѣевская ярмарка со срокомъ отъ 1-го по 18 марта форменно узаконена Высочайше утвержденнымъ опредѣленіемъ Правительствующаго Сената, изъясненнымъ въ указѣ отъ 9 сентября 1843 года, а продолженіе срока отъ 18 по 23 число того же мѣсяца разрѣшено правительствомъ въ 1851 году.

и пожертвовалъ будто бы икону Св. Алексѣя челоуѣка Божія ⁽³²⁾.

Въ старину Алексѣевская ярмарка была очень не обширна въ сравненіи съ настоящимъ ея положеніемъ: старожилы рассказываютъ, что она была въ то время сильнѣе только въ продажѣ лошадей, а не лавочными товарами, привозъ которыхъ усилился только впоследствии.

Въ тридцатыхъ годахъ, гражданскій губернаторъ Кириллъ Яковлевичъ Тюфяевъ, по просьбѣ Вятскаго купечества, ходатайствовалъ у правительства о разрѣшеніи означенную ярмарку, вмѣстѣ съ иконой Св. Алексѣя челоуѣка Божія, перенести въ городъ Вятку, съ тѣмъ, чтобы въ г. Котельничѣ ежегодно совершать только крестный ходъ съ этою иконою. Но на представленіе его о семъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отказалъ тѣмъ, что объ усовершенствованіи ярмарокъ и торжковъ заботиться должно болѣе на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ первоначально они были утверждены царями. Вслѣдствіе этого Алексѣевская ярмарка осталась можетъ быть навсегда въ г. Котельничѣ.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ Алексѣевская ярмарка стала очень увеличиваться, въ особенности съ установленія въ 1844 году постояннаго мѣстнаго ярмарочнаго комитета. Впрочемъ развитію сей ярмарки вредитъ нѣсколько послѣднее зимнее время, когда дороги начинаютъ портиться, отъ чего нѣкоторые изъ дальнихъ купцовъ, избѣгая затрудненій въ дорогѣ, увозятъ отсюда свои товары преждевременно, въ особенности, когда вторая половина марта бываетъ слишкомъ тепла. На ярмарку съѣзжаются купцы не только изъ городовъ Вятской губерніи, но также изъ другихъ губерній, какъ напр. изъ Московской и Владимірской, фабриканты съ краснымъ товаромъ и чайною по-

(32) Находящаяся въ здѣшнемъ соборѣ икона сего угодника Божія своею старинною, древнею живописью и особенно преданіемъ, сохранившимся объ ней между жителями города, даетъ основаніе полагать, что она дѣйствительно время царя Алексѣя Михайловича.

судю; изъ Костромской — для закупа пушпаго товара и продажи чаю и сахару; изъ Ярославской съ полотнями; Нижегородской съ шапочнымъ товаромъ; Тульской съ желѣзными и стальными издѣліями; во болѣе купцовъ нѣзжаетъ все таки изъ своей губерніи: изъ Нодивска — съ пряниками и фруктами; изъ Слободскаго — съ мѣдною посудю и мѣхами; изъ Яранска и Слободскаго — съ краснымъ товаромъ, привозимымъ на ярмарку прямо изъ Москвы; наконецъ, изъ г. Витки и Слободы Кукарни — съ чаемъ, сахаромъ, кубовою краскою и галантерейными вещами. Чай вятскіе купцы привозятъ на Котельническую ярмарку иногда прямо съ Ирбитской ярмарки, впрочемъ не въ большомъ количествѣ. Такимъ образомъ, съ первыхъ дней открытія ярмарки городъ становится вдругъ многолюднымъ и оживленнымъ и какъ бы средоточіемъ закупа и складки различнаго товара для многихъ городовъ своей губерніи. Въ это время здѣсь бываетъ одного пріѣзжаго народа по крайней мѣрѣ до 12,000 человекъ, а съ жителями городскими не менѣе 15,000 человекъ. Отъ такого многолюдства рѣдкій изъ домовъ въ городѣ не бываетъ наполненъ большимъ числомъ, разнаго рода и званія, постояльцевъ. Пуская пріѣзжихъ торговыхъ людей къ себѣ на квартиру, жители городскіе получаютъ немалыя выгоды, въ особенности тѣ, у коихъ дома на самомъ рынкѣ или вблизи его. Въ такихъ домахъ постоялецъ платитъ за одну комнату, въ какія нибудь двѣ или три недѣли, 10 и 15 руб. Слѣдственно хозяинъ, имѣющій 5 или 6 свободныхъ комнатъ, можетъ выбрать съ такихъ временныхъ постояльцевъ во время ярмарки отъ 50 до 100 руб.; такихъ хозяевъ въ городѣ не мало. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ своихъ домахъ по 10 и 20 комнатъ, почему и могутъ получать дохода отъ 100 до 250 руб. Хозяева небольшихъ и скромныхъ домовъ получаютъ тоже довольно значительный доходъ за постоя такъ называемыхъ суточниковъ (т. е. живущихъ посуточно). Вообще всѣми жителями города, имѣющими свои дома и принимающими постояльцевъ, выбирается съ пріѣзжихъ торговыхъ людей не менѣе 4,000

руб. Уже изъ этого одного видно, что Котельническая ярмарка хотя и не можетъ стать на ряду съ прочими обширными ярмарками Россіи, все же можетъ быть очень полезною для своего края, а тѣмъ болѣе для своего города и его небогатыхъ жителей, которые, во время ея, могутъ нажить чѣмъ нибудь деньгу.

На самыхъ первыхъ дняхъ ярмарки и даже прежде всего производится довольно значительная торговля лошадыми. Торговля лошадыми продолжается не болѣе недѣли, послѣ чего хорошихъ и дорогихъ не бываетъ въ продажѣ, потому что лучшія лошади раскупаются съ квартиръ еще прежде открытія ярмарки. Обыкновенный приводъ лошадей бываетъ отъ 2,000 до 3,500 головъ. Главная закупка ихъ производится въ Кострому, Казань, Нижній-Новгородъ и Москву для заводовъ или коноводныхъ машинъ. Чтобы видѣть приводъ и продажу лошадей, мы выставяемъ таблицу за послѣдніа 10 лѣтъ ⁽³³⁾.

	Приведено. Рубл.	Продано. Рубл.
Въ 1848 году	50,000	28,000
„ 1849 „	38,000	18,000
„ 1850 „	32,780	9,785
„ 1851 „	31,780	18,250
„ 1852 „	33,800	18,400
„ 1853 „	30,000	16,000
„ 1854 „	40,000	21,000
„ 1855 „	31,000	15,000
„ 1857 „	37,000	16,000
„ 1858 „	17,850	17,850

⁽³³⁾ За послѣдніа девять лѣтъ свѣдѣнія взяты мною изъ мѣстнаго ярмарочнаго комитета, а за 1858 годъ изъ „статист. свѣдѣній о движеніи Котельнич. ярмарки“, составленныхъ бывшимъ учит. Вят. гимназій г. Савиновымъ и напечатанныхъ въ Вят. Губ. Вѣд. 1858 №№ 17 и 18.

Одновременно съ открытою продажею лошадей, въ гостиномъ дворѣ всѣ лавки и балаганы въ разныхъ мѣстахъ площади наполняются грудами разныхъ товаровъ. Для видности общихъ оборотовъ торговли, означаемъ цѣнность привозимыхъ и сбытыхъ товаровъ за послѣднія 10 лѣтъ.

	Привезено. Рубли.	Продано. Рубли.
Въ 1849 году	936,090	625,872
„ 1850 „	814,345	418,896
„ 1851 „	778,779	417,259
„ 1852 „	804,925	476,690
„ 1853 „	657,015	346,390
„ 1854 „	635,060	316,985
„ 1855 „	468,820	244,120
„ 1856 „	379,603	267,379
„ 1857 „	428,483	298,582
„ 1858 „	1,069,496	706,099 (34).

Отсюда видно, что въ 1858 году обороты ярмарки противъ прежнихъ годовъ были гораздо значительнѣе, въ особенности противъ 1854, 1855, 1856 и 1857 годовъ, такъ неблагопріятныхъ для торговли по причинѣ войны. 1858 годъ показалъ, что неблагопріятныя обстоятельства, вызванныя войной, стали устраняться. Причиною особеннаго успѣха торговли на ярмаркѣ 1858 года была, между прочимъ, какъ говоритъ г. Савиновъ въ своей статьѣ (35), отсутствіе притѣсеній и разнородныхъ поборовъ съ торговцевъ, которые говорили, что „никогда

(34) Въ 1860 году привозъ товаровъ былъ на 1,817,700 руб., а въ продажѣ состояло на 917,676 руб. (смотри. Вятскія Вѣдомости за этотъ годъ №№ 16, 17, 18. Движеніе Котельнической ярмарки, составленное мною).

(35) Смотри. Вят. Губ. Вѣд. 1858 года № 14. „Кое что о Котельнической ярмаркѣ г. Савинова“.

еще не было для насъ такой спокойной и благополучной ярмарки; мы торговали, какъ бы отдыхая, — не было ни кляузъ, ни притѣсненій. Искренно благодаримъ такого справедливаго и внимательнаго начальника губерніи къ торговому сословію. Его превосходительства Николай Михайловичъ Муравьевъ своимъ личнымъ присутствіемъ осчастливилъ нашу торговлю“.

Во всѣ эти годы важнѣйшими, по цѣнности и количеству привоза, были товары издѣлій Русскихъ фабрикъ и заводовъ. Чтобы видѣть, какіе сюда привозятся главные товары и въ какомъ количествѣ, для этого возьмемъ хоть ярмарку за одинъ 1858 годъ. Въ этомъ году привезено было на ярмарку: шерстяныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ матерій на 350,000 руб., красной бумаги (дѣстали) 700 пуд., на 18,000 руб., сахару до 30,00 пуд. на 30,000 руб., чаю разныхъ сортовъ до 100 ящичковъ на 13,000 руб., бакалейнаго и фруктоваго на 15,000 руб., который проданъ весь (вообще этимъ товаромъ здѣсь торгуютъ всегда очень хорошо), пушнаго товара на 53,673 руб., шорнаго на 14,000 руб., шапочнаго на 9,000 руб., крупчатки 1-го и 2-го сортовъ до 2,000 мѣшковъ, на 16,000 руб., кубовой краски разнаго достоинства до 148 ящичковъ на 120,625 руб., изъ этого количества продано на 90,000 руб., фарфору, хрусталу и галантерейныхъ вещей на 5,000 руб., желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій на 17,000 руб., москательнаго товара на 7,000 руб., овчинныхъ тулуповъ на 17,500 руб., кожевеннаго товара на 24,000 руб., листоваго табаку до 25,000 пуд. на 6,500 руб., игольнаго на 30,000 руб., мыла до 2,500 пуд. на 8,000 руб., разной рыбы до 16,000 пуд. на 24,000 руб., и тому подобныхъ товаровъ находилось въ продажѣ по крайней мѣрѣ на 80,000 руб. Кромя того, крестьянами было привезено разныхъ сельскихъ издѣлій и произведеній, какъ-то: муки ржаной до 50,000 пуд. на 15,200 руб., ржи до 2,000 пуд. на 575 руб., овса до 15,000 пуд. на 2,660 руб., киповаго хмѣлю болѣе 500 пуд. на 2,250 руб., льна до 7,000 пуд. на 19,250 руб., львяной кудели до 30,000 пудъ на 54,000

руб., холста разныхъ сортовъ на 18,000 руб., льнянаго сѣмени до 1,200 пудъ на 1,290 руб., и проч. Изъ всѣхъ привозныхъ мануфактурныхъ и заводскихъ товаровъ на здѣшней ярмаркѣ раскупается почти всегда не менѣе, какъ цѣлая треть. Въ городской доходъ, среднимъ числомъ, поступаетъ съ ярмарки отъ 3,000 до 4,500 руб. Для прїѣзжихъ торговыхъ людей открывается однимъ изъ жителей города гостинница, которой во всякое другое время вовсе не существуетъ ⁽³⁶⁾.

Кромѣ Алексѣевской ярмарки, въ Котельничѣ бываетъ еще два небольшихъ сѣзда: изъ нихъ первый бываетъ всегда въ 1-е воскресенье послѣ праздника Петра и Павла и называется торжкомъ „Всѣхъ Святыхъ“. Торжокъ этотъ установленъ по случаю прихода св. иконъ въ городъ, прежде изъ многихъ, а нынѣ только изъ четырехъ самыхъ близкихъ къ городу селъ; онъ продолжается не болѣе трехъ дней. Время и случай первоначальнаго установленія этого крестнаго хода изъ околныхъ селъ, неизвѣстны вполне. Преданіе говоритъ, что онъ установленъ по случаю бывшаго сильнаго скотскаго падежа въ городѣ и его окрестностяхъ, а потому жители какъ городскіе, такъ и уѣздные, вѣроятно, не находя другаго средства къ избавленію отъ такого наказанія, какъ прибѣгнуть къ помощи Божіей и Его святыхъ угодниковъ, общались ежегодно молиться и принимать св. иконъ въ городъ, надѣясь только этимъ заслужить предъ Всевышнимъ, посылающимъ на людей всѣ блага и кары, всѣ милости и благодѣянія. Такимъ образомъ, и нынѣ жители долгомъ считаютъ сходить въ соборъ помолиться „прихожимъ“ иконамъ, многіе служатъ имъ молебны о здравіи своего семейства, а многіе принимаютъ ихъ къ себѣ на домъ. Обыкновенно иконы сюда *приходятъ* въ субботу, а *уходятъ* во вторникъ ⁽³⁷⁾. Въ воскресенье послѣ обѣдни съ эти-

⁽³⁶⁾ Выдаютъ за вѣрное, что содержатель гостинницы въ 1860 году вынулъ чистаго барыша до 1,000 руб., тогда какъ на затрату употребленъ былъ капиталъ не болѣе 300 руб.

⁽³⁷⁾ До 1857 года обыкновенно иконы уходили отсюда въ поне-

ми иконами бываетъ ходъ вокругъ города при сопровожденіи не малаго числа народа, а въ понедѣльникъ и вторникъ иконы принимаются желающими на дома.

Главная торговля на этомъ трехъ-дневномъ торжкѣ производится: косами, серпами, точильными брусьями, бураками, холстомъ и вообще всѣми предметами, необходимыми для поселянина, готовящагося къ полевымъ работамъ. Косъ бываетъ въ продажѣ отъ 2,000 до 3,000 по 18 и 25 коп. за штуку, на сумму отъ 440 до 660 руб., серповъ отъ 1,500 до 2,200 по 15 и 20 коп., на 270 и 374 руб.; бураковъ разныхъ величинъ до 500 шт. на 50 руб., холста разныхъ сортовъ по меньшей мѣрѣ отъ 20,000 до 40,000 арш. отъ 2 до 6 коп., на 400—2,400 руб.; весь же оборотъ этого торжка простирается не болѣе, какъ на сумму 6,500 руб.

Въ это же время, или какъ говорится здѣсь, „о всѣхъ святыхъ“ многіе изъ крестьянъ пріѣзжаютъ въ городъ за тѣмъ, чтобы нанять себѣ страдовку⁽³⁸⁾, т. е. работницу, на время полевыхъ работъ. Само собою разумѣется, что въ это время не мало приходитъ въ городъ такихъ крестьянскихъ женщинъ и дѣвицъ, которыя ходятъ по страдовкамъ. Многія изъ тѣхъ женщинъ, которыя живутъ въ услуженіи въ городѣ, дождавшись этого праздника, оставляютъ свои городскія мѣста и уходятъ въ страдовки. Къ этому побуждаетъ ихъ, разумѣется, болѣе выгодная заработная плата у крестьянъ, чѣмъ у городскихъ жителей. Надобно правду сказать, что такъ называемыястряпки, или кухарки, отправляющія черную работу по хозяйству, въ

дѣльникъ, но въ 1857 году епархіальное начальство, по просьбѣ городскихъ жителей, разрѣшило оставлять ихъ въ городѣ до вторника.

(38) Страдовка происходитъ отъ слова страда, страдовать. Страдою называется время жатвы. Крестьянинъ говоритъ: „это было въ страду, въ страдную пору“. Это значитъ — во время жатвы. Страдовать значитъ жать. Крестьянинъ говоритъ: „мы обстрадались“ это значитъ выжали хлѣбъ какъ во ржаномъ, такъ и въ овсяномъ полѣ.

городѣ получаютъ незавидную плату. — отъ 75 до 1 руб., рѣдко 1 руб. 15 коп., а 1 руб. 50 коп., 2 руб. и болѣе, — очень рѣдко. Надобно замѣтить при томъ, что плата этой городской прислуги почти вся въ деньгахъ только и заключается. Но обратимся къ страдовкамъ. Сборнымъ пунктомъ для нанимающихся въ страдовки служитъ мѣсто около собора на самомъ рынкѣ. Это особенность, довольно замѣтная для тѣхъ, кто не жилъ въ Котельничѣ. Страдовки, смотря по способности къ работѣ и по времени, на которое рядятся, выговариваютъ себѣ плату отъ 5 до 10 рублей. Сверхъ того, поставляютъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы имъ дано было извѣстное количество муки или зерноваго хлѣба, льна, холста и проч. Это называется „припросомъ“ и онъ получается страдовкой по окончаніи срока, при отходѣ отъ хозяевъ. Окончаніемъ срока для страдовки полагается Покровъ или еще обыкновеннѣе „Недостовъ день“. Этимъ послѣднимъ именемъ крестьяне называютъ празднованіе св. Модесту, которое въ разныхъ селахъ совершается ими въ разное время. Память св. Модеста совершается церковію 18 декабря. Но крестьяне едва ли знаютъ, что церковное празднество этому святому положено именно въ это число. Они празднуютъ св. Модесту въ одномъ селѣ, напр. на Круглышахъ или на Матюгахъ (это одно и то же село), въ первое воскресенье послѣ Покрова; въ другомъ, напр. у Екатерины, въ одно изъ слѣдующихъ за тѣмъ воскресныхъ дней; въ Спасскомъ, или обыкновеннѣе, у Спаса — за три недѣли до заговѣнья. Этотъ Спасскій Недостовъ день считается самымъ послѣднимъ срокомъ для страдовокъ. За тѣмъ праздники св. Модесту бывають въ селахъ Даровскомъ, у Срѣтенія и въ Лапушиной. Въ этомъ послѣднемъ селѣ празднуютъ св. Модесту 8 ноября, т. е. въ Михайловъ день. Позже этого ни въ одномъ селѣ Котельническаго уѣзда не празднуется такъ называемаго „Недостова дня“. Въ нѣкоторыхъ селахъ вовсе не бываетъ этого праздника у крестьянъ, особенно, болѣе или менѣе, новыхъ селахъ. Почему именно

крестьяне празднують св. Модесту, неизвѣстно. Только замѣчательно, что празднованіе этому святому они связываютъ, болѣе или менѣе, съ окончаніемъ жатвы, или вообще всѣхъ напольныхъ работъ. Въ приходъ св. иконъ изъ околѣныхъ селъ⁽³⁹⁾ прїѣзжими крестьянами нанимается въ городѣ страдиковъ, а также пѣстуній и домовницъ отъ 100 до 200 человѣкъ. Въ работники молодые люди нанимаются преимущественно около Алексѣева дня (празднуемаго 17 марта), срокомъ до зимняго Николина дня или до Рождества. Плата работнику, смотря по его возрасту и силѣ, полагается отъ 8 до 17 руб. сверхъ непремѣннаго припроста, который состоитъ, главнымъ образомъ, изъ верхняго и исподняго платья и зерноваго хлѣба. Ни работники, ни страдиковы не нанимаются по мѣсяцамъ, какъ городская прислуга, но, или на извѣстный періодъ времени, какъ объяснено выше, или же въ годъ.

Въ первыхъ числахъ сентября (7-го), по случаю прихода св. иконъ изъ г. Вятки, въ Котельничѣ бываетъ вторичный торжокъ, продолжающійся не долѣе 4 дней. Въ это время прїѣзжаетъ сюда гораздо болѣе народа, нежели на первый, — прїѣзжаютъ даже нѣкоторые купцы сосѣднихъ уѣздовъ, какъ-то: Слободскаго, особенно Орловскаго и Яранскаго, торгующіе красными товарами. Изъ Слободскаго и Уржумскаго уѣздовъ прїѣзжаетъ не мало Татаръ для закупа молодыхъ жеребятъ, которыхъ они увозятъ партіями отъ 50 до 150 головъ. Весь закупъ жеребятъ простирается, примѣрно, до 1,500 головъ. На этомъ торжкѣ, какъ и на другихъ, больше расходуются тѣ товары, которые отвѣчаютъ потребностямъ крестьянъ. Оборотъ этого торжка простирается не болѣе, какъ на 6,000 или на 10,000 руб. Вятскія иконы остаются въ нашемъ городѣ около двухъ сутокъ; отсюда онѣ отправляются въ Яранскъ. Во время хода этихъ иконъ, торгъ производится и въ селахъ, лежащихъ

(39) Молотниковскаго, Юрьевскаго, Вятеринскаго и Гостевскаго.

какъ на пути изъ Орлова въ Котельничъ, такъ и на пути изъ Котельнича въ Яранскъ.

Учебныхъ заведеній въ городъ считается въ настоящее время 5.

- 1) Уѣздное училище.
- 2) Приходское.
- 3) Приготовительное женское (съ августа мѣсяца нынѣшняго года откроется еще и женская школа 2-го разряда).
- 4) Училище для поселянскихъ мальчиковъ.
- 5) " " " дѣвицъ.

Изъ учебныхъ заведеній первоначально открыто было малое народное училище ⁽⁴⁰⁾. Оно открыто въ царствованіе Екатерины II, въ 1790 году сентября, при бывшемъ Вятскомъ директорѣ Стефановичѣ. Первымъ смотрителемъ въ этомъ училищѣ былъ протопопъ іерей Троицкаго собора Іоаннъ Загарскій, а учителемъ Зыковъ. Въ 1817 году, по просьбѣ гражданъ и съ согласія Вятскаго преосвященнаго Павла, утвержденъ былъ Казанскимъ университетомъ въ смотрители священникъ Николай Хлопинъ. Этотъ неутомимо дѣятельный новый начальникъ, побуждаемый недостаточностію тогдашнихъ средствъ къ содержанію училища, склонялъ къ пожертвованіямъ въ пользу училища чиновниковъ и гражданъ. Его стараніемъ собрано было въ разное время болѣе 3,000 руб. ассиг., на которые впоследствии и былъ купленъ домъ для училища. По его же старанію, это малое народное училище въ 1825 году было преобразовано въ уѣздное. Въ новомъ уѣздномъ училищѣ ему разрѣшено было занимать двѣ должности: смотрителя и законоучителя.

Открытіе уѣзднаго училища происходило 12 марта того же года при непосредственномъ распоряженіи бывшаго тогда Директора Вятскихъ училищъ коллежскаго ассессора Федора Яковлевича Попова, отъ котораго училище по этому случаю получило икону св. Алексѣя челоуѣка Божія, посланную съ нимъ преосвящен-

⁽⁴⁰⁾ Смотр. исторію малаго народнаго училища со дня его открытія, хранящуюся въ здѣшнемъ училищѣ.

нымъ Павломъ въ благословеніе. Послѣ литургіи эта икона была принесена въ училище при колокольномъ звонѣ въ сопровожденіи духовенства, учащихся, наставниковъ, родителей и множества постороннихъ лицъ. Актъ открытія училища, начатый молебствіемъ, заключенъ былъ молебствіемъ возлюбленному монарху Александру Благословенному и всѣмъ благодетелямъ народнаго образованія. При открытіи училища находились, кромѣ чиновниковъ и гражданъ своего города, многіе изъ пріѣхавшихъ на ярмарку купцовъ. По предложенной въ это время подпискѣ собрано до 120 руб. ассиг. и нѣсколько книгъ. Вечеромъ купленный для училища домъ былъ иллюминированъ.

Въ 1836 году для училища купленъ былъ за 350 руб. ассиг. еще домъ съ мѣстомъ, — рядомъ съ прежде купленнымъ, но такъ какъ оба эти дома были довольно ветхи, то по прошествіи съ того времени не болѣе 10 лѣтъ они были проданы и на мѣстѣ ихъ, въ бытность тогдашняго Смотрителя М. В. Иванова, построенъ новый деревянный домъ на низкомъ каменномъ фундаментѣ съ флигелемъ и небольшими службами. Такимъ образомъ, въ настоящее время уѣздное училище занимаетъ по Богомоловской улицѣ пространство въ 40 саж. длины и 30 саж. ширины. Почти половина этого мѣста занята садомъ и огородомъ.

Уѣздное училище получаетъ на содержаніе изъ Уѣзднаго Казначейства по новымъ штатамъ (17 апрѣля 1859 года) 2,300 руб. Оно преобразовано въ 1835 году по уставу 1828 года и теперь состоитъ изъ 3-хъ классовъ. Въ немъ чиновниковъ и учителей 6, а учащихся въ 1857—58 году было 61 человекъ. При училищѣ находится фундаментальная бібліотека, имѣющая начало съ 1807 года, а нынѣ состоящая изъ 298 названій, въ 534 томахъ; прочихъ пособій болѣе 60 томовъ. На содержаніе училищной бібліотеки отпускается 85 руб.

Кромѣ того, по старанію бывшаго штатнаго смотрителя Ив. Фед. Коробицына открыта была по городу въ концѣ 1857 года, на выписку журналовъ, общая подписка. По этой подпискѣ собрано имъ 92 руб. сер. и на эти деньги въ 1858 году

выписано до 7-ми лучшихъ періодическихъ изданій. Игъ же и на тотъ же предметъ къ 1859 собрано 64 руб., да еще на дѣтскую училищную бібліотеку 34 руб. На 1860 годъ такая же точно подписка сдѣлана была нынѣшнимъ штатнымъ смотрителемъ Михайломъ Андреевичемъ Поярковымъ и по ней собрано также болѣе 100 руб., да на дѣтскую бібліотеку 16 руб. 50 коп., М. Ив. Кардаковъ, братья Кардаковы и С. С. Зыринъ ежегодно жертвуютъ на выписку журналовъ по 10 руб. Прочее же купечество, учителя, чиновничество и духовенство подписываютъ отъ 2 до 5 руб. Всѣ выписываемые журналы читаются въ продолженіе года жертвователями, а по окончаніи онаго поступаютъ въ училищную фундаментальную бібліотеку. Но независимо отъ этой общей подписки, многіе изъ купечества и чиновничества выписываютъ также множество разныхъ журналовъ собственно для себя. Такъ въ 1859 году выписываемо было періодическихъ изданій училищемъ по подпискѣ и разными частными лицами города и его уѣзда, а именно.

Уѣзднымъ училищемъ:

Московскія Вѣдомости.
Отечественныя Записки.
Библіотека для Чтенія.
Журналъ для Воспитанія.
Русскій Вѣстникъ.
Дѣтскій журналъ, *Зальзскаю*.
Журналъ для дѣтей, *Чистовича*.
Подснѣжникъ, *Майкова*.
Журналъ М. Нар. Просвѣщенія⁽⁴¹⁾.
Ученыя Записки.

Всего на 111 руб.

Чиновниками:

Московскія Вѣдомости. 2 экз.
Петербургскія Вѣдомости 1 " "
Сынъ Отечества 3 " "
Искра 2 " "
Русское Слово 1 " "
Отечественныя Записки . 1 " "
Современникъ 1 " "
Правосл. Собесѣдникъ. 1 " "
Шехеразада 3 " "
Иллюстрированный Семейный Листокъ 2 " "

Всего на 165 руб.

(41) Впрочемъ изъ этого числа жур. М. Нар. Пр., Ученыя Записки и жур. для воспитанія выписываются въ училище изъ штатныхъ суммъ онаго.

Духовными:

Московскія Вѣдомости	1 экз.
Искра	1 "
Русскій Вѣстникъ	2 "
Народное Чтеніе	7 "
<hr/>	
Всего на	68 руб. 50 коп.

Купцами:

Ваза	1 экз.
Сѣверная Пчела	1 "
Петербургскія Вѣдомости	1 "
Русскій Вѣстникъ	1 "
Русскій Дневникъ	2 "
Сынъ Отечества	2 "
Журналъ Мин. Юстиціи	5 "
Русское Слово	1 "
Собраніе ром. и пов.	1 "
Ласточка	1 "
Искра	1 "
Иллюстрація	1 "
Шехеразада	3 "
Экономическія Записки	3 "
<hr/>	
Всего на	248 руб.

Мѣщанами:

Правосл. Собесѣдникъ	1 экз.
<hr/>	
на	8 руб.

Крестьянами (въ уѣздѣ):

Сынъ Отечества	2 экз.
Сборникъ военный	1 "
<hr/>	
Всего на	19 руб. 50 коп.

Присутственными мѣстами:

Сенатскія Вѣдомости	4 экз.
Журналъ М. В. Д.	3 "
Журналъ М. Г. И.	1 "
Московская Медицинская Газета	1 "
Газета Другъ Здравія	1 "
<hr/>	
Всего на	76 руб. 75 коп.

Всѣми же выписано въ этомъ году на 696 р. 75 коп. (43).

Впрочемъ, нужно замѣтить, что здѣсь не означены журналы, выписываемые церквами, потому что какъ въ городскія, такъ и сельскія церкви получаютъ журналы по большей части чрезъ свое начальство, слѣдовательно и въ особыхъ пакетахъ безъ означенія какой именно журналъ.

Приходское училище учреждено въ 1825 году, со дня

(43) Свѣдѣнія эти взяты мною изъ мѣстной почтовой конторы за 1859 годъ.

открытія уѣзднаго училища. Въ немъ преподавателей двое, а учащихся въ 1857—58 году было 65 человекъ; на содержаніе его отпускается изъ городской суммы 201 руб. 90 коп. Библиотека при этомъ училищѣ началась только съ 1830 года и въ настоящее время состоитъ изъ 53 назв. въ 91 томѣ. На нее отпускается 14 р. 30 коп. въ годъ.

Въ здѣшнемъ уѣздномъ училищѣ, какъ и другихъ, получаютъ образованіе обыкновенно дѣти чиновниковъ, гражданъ и крестьянъ: число послѣднихъ, вѣроятно, увеличивалось бы, если бы родители ихъ не считали для своихъ дѣтей достаточнымъ обученіе въ мѣстномъ поселянскомъ училищѣ. Сверхъ того, образованію дѣтей много препятствуетъ еще и невѣжество самихъ родителей, особенно мѣщанъ, которые вполне довольствуются самымъ начальнымъ обученіемъ. Они разсуждаютъ обыкновенно такимъ образомъ: „сынъ нашъ научился бы только кое-какъ (или мало-малѣ) читать да писать, а намъ на что больше? ему не въ попы или чиновники идти“. Во время самаго ученія, такіе родители часто, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, отвлекаютъ своихъ дѣтей отъ классовъ. Мальчикъ, пропустивши нѣсколько уроковъ по волѣ родителей, въ другое время и самъ начинаетъ уклоняться отъ своихъ занятій. Много отставши въ ученіи отъ своихъ товарищей, онъ ждетъ не дождется, когда родители обратятъ его изъ училища. И точно, родители, видя безуспѣшность своего сына, ими самими же расположеннаго къ лѣности и безпечности, берутъ его изъ училища, оставаясь потомъ въ претензіи на заведеніе. Взятаго, такимъ образомъ, мальчика изъ училища, родители большею частію отдають въ питейный домъ какому нибудь родственнику-сидѣльцу въ подносчики, и здѣсь мальчикъ начинаетъ учиться всѣмъ тайнамъ кабацкихъ плутней. Впрочемъ, нужно замѣтить, что главная причина такого воспитанія дѣтей происходитъ отъ грубости нравовъ и бѣдности самихъ родителей.

Не лишнимъ считаемъ лѣтъ за 10 показать число учениковъ:

1) окончившихъ курсъ и 2) вышедшихъ до окончанія курса.

Въ уѣздномъ училищѣ:	Со- стояло.	Посту- пило.	Итого.	Вышло.	
				Не окон- чивъ курса.	По оконча- ніи курса.
Въ 1847—1848 году	42	23	65	20	6
„ 1848—1849 „	48	22	70	22	10
„ 1849—1850 „	46	19	65	19	9
„ 1850—1851 „	47	14	61	21	14
„ 1851—1852 „	38	18	56	15	7
„ 1852—1853 „	33	17	50	23	12
„ 1853—1854 „	27	24	51	17	5
„ 1854—1855 „	34	24	58	17	7
„ 1855—1856 „	41	17	58	15	6
„ 1856—1857 „	43	18	61	17	7

Такимъ образомъ, изъ 10-лѣтней сложности видно, что, среднимъ числомъ, въ каждый годъ, въ уѣздномъ училищѣ состояло до 40, поступало до 20, а всѣхъ было до 60 человѣкъ, изъ этого числа выходило, не окончивъ курса, до 18, а по окончаніи до 8 человѣкъ. Слѣдовательно, въ теченіи всего года выходила третья часть учениковъ, а оканчивала восьмая часть.

Въ приходскомъ училищѣ:	Со- стояло.	Посту- пило.	Итого.	Вышло.	
				Не окон- чивъ курса.	По оконча- ніи курса.
Въ 1847—1848 году	48	23	71	31	20
„ 1848—1849 „	48	30	78	32	13
„ 1849—1850 „	38	28	66	23	13
„ 1850—1851 „	43	33	76	27	12
„ 1851—1852 „	49	33	82	22	12
„ 1852—1853 „	57	43	100	12	14
„ 1853—1854 „	74	13	87	38	21
„ 1854—1855 „	49	29	78	28	13
„ 1855—1856 „	50	26	76	36	17
„ 1856—1857 „	40	5	65	26	10

Слѣдовательно, среднимъ числомъ, въ каждыя изъ этихъ годовъ, въ приходскомъ училищѣ: состояло 48, поступало 28, а всего находилось 77; выходило изъ училища не окончившихъ ученія 29, а окончившихъ ученіе 13 человекъ.

Въ городѣ также существуетъ училище поселянскихъ мальчиковъ. Оно открыто съ 1843 года, между тѣмъ съ каждымъ годомъ въ немъ число учениковъ увеличивается довольно быстро. Въ 1858 году въ немъ считалось учащихся 61, а въ 1860 году на лицо до 90 челов. Въ 1859 году еще утверждено училище для дѣвицъ, которыхъ въ настоящее время считается не менѣе 22. Въ первомъ изъ этихъ училищъ положенъ законоучитель и помощникъ его, а въ женскомъ только одна наставница.

Въ концѣ 1858 года Котельническое градское общество въ одномъ изъ своихъ собраній, изъявило желаніе, по своимъ средствамъ, учредить въ городѣ школу для образованія дѣвицъ средняго сословія. Для помѣщенія этой школы общество назначило свободный общественный домъ, а на содержаніе ея обязалось вносить ежегодно при объявленіи гильдейскихъ капиталовъ: купцы 1-й гильдіи по 20 руб., 2-й — по 10 руб. и 3-й — по 1 руб.; сверхъ того, при совершеніи браковъ съ жениха и невѣсты съ купцовъ 1-й гильдіи 36 руб., 2-й — 19 руб., 3-й — 5 руб., а съ мѣщанъ 80 коп.; при крещеніи новорожденныхъ сына или дочери съ купцовъ 1-й гильдіи 5 руб., 2-й — 3 руб. и 3-й — 1 руб. Сверхъ того, общество наняло возможнымъ, съ разрѣшенія высшаго начальства, употребить на содержаніе школы часть городскихъ доходовъ, такъ какъ доходы гор. Котельнича въ довольно хорошемъ положеніи. Здѣшній купецъ 1-й гильдіи М. И. Кардаковъ объявилъ въ томъ же собраніи, что до формальнаго учрежденія женскаго училища, онъ обязывается открыть его на свой счетъ, для этой цѣли безвозвратно жертвуетъ отъ себя домъ и всѣ расходы по училищу, на первый годъ, принимаетъ на себя; сверхъ того, если онъ будетъ удостоенъ званія попечителя училища, то обязывается вносить ежегодно,

доколѣ сохранить это званіе, по 100 руб., равныгъ образомъ и супруга его, Надежда Дмитріевна, изъявила готовность принять на себя званіе попечительницы заведенія и вносить въ пользу училища, если она будетъ удостоена этого званія, ту же сумму, какъ и ея супругъ.

Впрочемъ, не смотря на стараніе гражданъ о скорѣйшемъ учрежденіи женскаго училища, открытіе его вѣсколько призамедлилось, причиною замедленія были матерьяльныя средства бѣдныхъ родителей, для которыхъ плата за право ученія по 10 руб. въ годъ съ каждой дѣвицы показалаcя обременительною. Посему, чтобы помочь этому горю, М. И. Кардаковъ обратился съ ходатайствомъ объ освобожденіи родителей отъ платы за образованіе дочерей ихъ въ училищѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по недостаточному подготовленію ученицъ, признавая неудобнымъ открыть до будущаго учебнаго года второразрядное училище, какъ ранѣе разрѣшено было начальствомъ, счелъ необходимымъ открыть сначала приходское женское училище, на что и получилъ дозволеніе.

Въ настоящее же время это приговорительное училище уже открыто. Открытіе онаго происходило 26 декабря прошлаго года въ слѣдующемъ порядкѣ: наканунѣ, т. е. 25 декабря, дѣвицы и ихъ родители слушали всенощную въ квартирѣ новооткрываемаго заведенія, а на другой день послѣ обѣдни подняты были св. иконы въ училищѣ, гдѣ, въ присутствіи родителей ученицъ, чиновниковъ и почетныхъ жителей города, приглашенныхъ попечителями училища, совершено молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. Потомъ, послѣ рѣчей, сказанныхъ наставниками на этотъ случай, общій городской праздникъ былъ заключенъ у г. Кардакова въ собственномъ домѣ завтракомъ, на который приглашено было все лучшее городское общество. На этомъ завтракѣ за частую слышались единодушныя тосты какъ за здравіе благодѣтеля и просвѣтителя Россіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, такъ и за здоровье хозяевъ-

основателей и будущих попечителей училища гг. Кардаковых, за начальствующих, наставниковъ и учащихся.

При открытіи сего училища поступившихъ ученицъ на первый разъ было до 37, а въ мартѣ мѣсяцѣ ихъ находилось уже до 45. При этомъ училищѣ по штату полагается: наставница, учитель и законоучитель.

По мѣрѣ умноженія и увеличенія денежныхъ капиталовъ, въ Котельничѣ стала появляться фабричная и заводская промышленность. Такъ до 50-хъ годовъ здѣсь не существовало ни одного завода, но съ этого времени ихъ появилось нѣсколько, вскорѣ одинъ за другимъ. Теперь, по большому обороту денегъ и количеству выдѣлываемыхъ кожъ, изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ кожевенный заводъ купца 1-й гильдіи М. И. Кардакова, находящійся на западной сторонѣ отъ города, на рѣчкѣ Котлянкѣ, саженьхъ въ 100 отъ впаденія ея въ рѣку Вятку. Заводъ этотъ построенъ только въ 1854 году, а уже имѣетъ довольно значительный сбытъ своего издѣлія; такъ во время послѣдней войны съ него много отправлялось юфти для арміи. Первоначально на немъ выдѣлывалась только некрашенная юфть, да вырѣзанныя формы для сапоговъ, но производство послѣднихъ вскорѣ было прекращено. Нынѣ въ самомъ большомъ количествѣ выдѣлывается крашенная юфть; изготовляется также: юфть бѣлая, черная и мостовье. На семь заводѣ считается до 5 огромныхъ корпусовъ; въ нихъ и около ихъ до 100 чановъ; рабочихъ отъ 70 до 100 человекъ и одинъ мастеръ. Ежегодно вырабатывается кожъ приблизительно отъ 15 до 27 тысячъ штукъ. Въ 1858 году было выработано разной юфти до 16,000 штукъ, что составитъ до 3,525 пуд. Изъ этого числа выдѣлано: красной юфти до 9,000 штукъ, 1,500 пуд., по 18 и 19 руб. за пудъ, на суммѣ 27,750 руб., бѣлой 100 кожъ, 25 пуд., по 12 руб. за пудъ, на 300 руб., черной 4,000 штукъ, 1,800 пуд., по 10 руб. 50 коп., на суммѣ 11,400 рублей. Главная отправка юфти съ сего завода производится въ С.-Петербургъ, Москву и на Нижегородскую

ярмарку. На послѣднюю, сверхъ юфти, отправлено было въ 1858 году: шерсти бѣлой до 220 пуд., по 2 р. 20 коп., на 490 руб., красной 250 пуд., по 1 р. 20 коп., на 300 руб., и черной 400 пуд., по 50 коп., на 200 руб.; стружки до 700 пуд., по 1 р. 70 коп., на 1,190 руб. Всѣ выставленныя цѣны означеннымъ предметамъ представляютъ цѣны на мѣстѣ. Обыкновенный провозъ бываетъ: въ С.-Петербургъ отъ 1 р. 25 коп. до 1 р. 30 коп., въ Москву отъ 50 до 85 коп., до Нижняго Новгорода отъ 13 до 35 коп. Общій оборотъ сего завода простирается въ годъ отъ 60 до 80-ти тысячъ рублей ⁽⁴³⁾.

Къ кожевному производству Кардаковъ присоединилъ съ нѣкотораго времени еще три другія: салотопенное, свѣчное и клейное. Эти побочныя производства, какъ новыя, еще весьма незначительны; на каждомъ изъ нихъ состоитъ по 1-му мастеру и отъ 10 до 15 челов. рабочихъ; капиталъ на эти производства затрачивается не болѣе, какъ въ 10,000 рублей.

Въ 1858 году продано въ разныя мѣста: сала 1,000 пуд., по 4 р. 20 коп., на 4,200 руб., свѣчь 600 пуд. на 3,600 руб. и клею до 70 пуд., отъ 4 до 5 руб. за пудъ, на 315 руб.

На той же рѣчкѣ Котлянкѣ, немного ниже завода купца Кардакова, т. е. ближе къ устью этой рѣчки, находится кожевенный же заводъ мѣщанки Настасьи Халтуринной.

Этотъ заводъ состоитъ изъ одного небольшого корпуса; при немъ считается 1 мастеръ и до 10 челов. рабочихъ. Здѣсь выдѣлывается юфти не болѣе 2,000 штукъ.

По ниже сего завода въ 1859 году построенъ еще третій кожевенный заводъ купца Николая Ив. Гусева. На этомъ заводѣ выдѣлывается юфть и изготовляется разная конская упряжь,

(43) Всѣ эти свѣдѣнія по заводу взяты отъ самаго купца Кардакова.

какъ городская, такъ и деревенская, также мужская и женская обувь, какъ для горожанъ, такъ и для поселянъ ⁽⁴⁴⁾.

Недалеко отъ этихъ кожевенныхъ заводовъ находится также сургучный заводъ мѣщанина Александра Вершинина. На немъ выдѣлывается до 2,000 простаго сургуча, по 50 коп. за пудъ, на сумму 1,000 руб.; отправка его производится болѣе въ низовые города: Нижній-Новгородъ, Симбирскъ, Пензу и Саратовъ.

Въ городѣ Котельничѣ съ 1859 года открыта еще фабрика табачная, сигарная и папиросная — купца 3-й гильдіи Климента Князева. Но, по недавности открытія этой фабрики, о производствѣ ея нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Въ настоящее время на ней считается 1 мастеръ и до 20 чел. рабочихъ.

Небольшихъ заведеній для литья свѣчъ, устроенныхъ при домахъ нѣкоторыхъ купцовъ и мѣщанъ, считается до 5-ти. На всѣхъ ихъ въ теченіи года выливается свѣчъ до 1,500 пуд., по 4 р. 50 коп., на сумму, 6,750 руб. Сало какъ для Кардаковского завода, такъ и для домашнихъ свѣчныхъ заведеній покупается, по большей части, либо въ самомъ городѣ, либо на ярмаркахъ, бывающихъ въ уѣздѣ.

Нѣсколько къ сѣверо-востоку, въ полуверстѣ отъ города, на-

(44) Независимо отъ городской кожевенной промышленности слѣдуетъ упомянуть еще о такой же промышленности крестьянъ Шильниковцовъ, живущихъ на сѣверо-западъ отъ города, въ деревнѣ Шильниковской. Эта кожевенная промышленность, хотя здѣсь существуетъ и очень давно, но развилась въ большемъ видѣ еще недавно. Въ настоящее время почти каждый житель этой деревни занимается шитьемъ либо сапоговъ, башмаковъ, рукавицъ холодныхъ и теплыхъ. При этомъ ремеслѣ, нѣкоторые мастера въ маломъ видѣ занимаются и выдѣлкою кожъ. Товаръ или издѣлія свои Шильниковцы сбываютъ обыкновенно по своему уѣзду на ярмаркахъ, а также въ городѣ по воскресеньямъ и на Алексѣевской ярмаркѣ. Такъ въ нынѣшнюю Алексѣевскую ярмарку продано ими: рукавицъ, сапоговъ и башмаковъ на 2,000 р. Теперь мастеровъ въ этой деревнѣ считается до 20 человекъ. Сбытъ годовой доходитъ, по меньшей мѣрѣ, до 50,000 паръ рукавицъ, какъ холодныхъ, такъ и теплыхъ; сапоговъ до 10,000 паръ и 20,000 паръ башмаковъ.

ходятся 6 кирпичныхъ сараевъ, принадлежащихъ купцамъ Кардаковымъ, Зыринымъ и нѣкоторымъ другимъ. На этихъ сараяхъ, при 100 и 120 человекъ рабочихъ, ежегодно выдѣлывается кирпича отъ 400,000 до 800,000 шт. (по 5 и 6½ руб. за 1,000 шт., на сумму отъ 2,200 до 4,600 руб. ⁽⁴⁵⁾).

Здѣшніе жители очень мало занимаются ремеслами и промыслами. Изъ ремеслъ почти единственное—кузнечное ремесло. Работа здѣшнихъ кузнецовъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ оковкѣ телѣгъ, саней и кибитокъ, въ шинованіи колесъ, въ подковкѣ лошадей, а также въ изготовленіи на продажу ножей, топоровъ, косъ, серповъ, подковъ, гвоздей и проч. Всѣхъ кузнечныхъ работъ въ годъ бываетъ не менѣе, какъ на 7,000 руб. Издѣліями своими кузнецы торгуютъ не только въ городѣ, но и по сельскимъ ярмаркамъ. Всѣхъ кузницъ въ городѣ считается 15, а при нихъ до 25 мастеровъ и работниковъ.

Болѣе обыкновенный промыселъ между иѣщанами есть рыбная ловля. Здѣшніе рыбаки ловятъ преимущественно стерлядь, какъ болѣе цѣнную рыбу, ловятъ либо въ вольныхъ водахъ, принадлежащихъ собственно городу, либо казенныхъ съ платою оброка. На заоброченныхъ водахъ, отстоящихъ отъ города верстъ за 50 и болѣе, рыбаки живутъ иногда по нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Для пойманной стерляди они имѣютъ особаго рода суда, такъ называемыя „прорѣзныя и шитики“ (въ меньшемъ видѣ прорѣзныя). Эти суда, во время перехода съ одной ватаги на другую, служатъ какъ бы подвижными садками. Стерлядь, которая светъ, во время лѣтнихъ жаровъ, они тотчасъ солятъ въ кадки. Наловивши на ватагѣ стерлядей до тысячи и болѣе штукъ, они въ тѣхъ же прорѣзныхъ привозятъ эту рыбу—разсортированную: въ Котельничъ, Орловъ, а чаще въ Ватку, гдѣ и продаютъ сотнями. Въ Котельничѣ обыкновенно продаютъ стерлядь только тогда, когда на нее цѣны

⁽⁴⁵⁾ Свѣдѣнія по всѣмъ другимъ заводамъ собраны тоже отъ самихъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ сія заводы.

не низки. Чуть цѣны на нее понизились здѣсь, всю ее мимо Котельнича проводятъ въ Орловъ и Вятку. По рѣкѣ Вяткѣ стерлядь ловится все болѣе около селъ Сарвижскаго и Васильковскаго, отстоящихъ отъ города внизъ по рѣкѣ на 60 и 80 верстъ. По этому-то стерлядь доставляется въ Котельничъ, Орловъ и Вятку не одними котельническими мѣщанами, а также и крестьянами означенныхъ селъ. Послѣдними ловля и продажа стерлядей производится чуть ли не въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ первыми. Въ лѣтнее время цѣны на стерлядь въ Котельничѣ бывають не одинаковы; онѣ большею частію зависятъ отъ большаго или меньшаго ея улова. Въ дешевое лѣто стерлядь стоитъ: средній сортъ отъ 10 до 15 коп. за фунтъ; крупной отъ 25 до 30 коп.; мелкая стерлядь отъ 8 до 10 к. Къ осени же цѣна на стерлядь бываетъ почти та же, что и лѣтомъ, но въ зимнее ея нельзя достать почти ни по какимъ цѣнамъ; въ это время она имѣется только у богатыхъ купцовъ, которые съ осени запасаютъ ее въ устроенныхъ на ключахъ садкахъ сотъ по пяти и болѣе штукъ. Въ заоброченныхъ водахъ попадають иногда, кромѣ стерлядей, и осетры, но меньшіе, примѣрно отъ 35 ф. до 1 пуда. Стерлядь въ аршинъ длины здѣсь цѣнится очень дорого и притомъ не на вѣсъ, а на взглядъ. Кромѣ стерлядей, въ рѣкѣ Вяткѣ ловится также много другихъ видовъ рыбы, а именно: окунь, язь, щука, сомага, шакля, сабля, налимъ, лещъ, сомъ (отъ 1-го пуда до 5-ти пудовъ), судакъ, ершъ, жерехъ, подуздь, пискаръ, бершъ (маленькій судакъ) и нѣсколько другихъ.

Орудія, употребляемая здѣшними рыбаками при рыбной ловлѣ, суть слѣдующія: для стерлядей—самоловы или просто, какъ здѣсь называютъ, снасти. Каждый изъ рыбаковъ, занимающійся ловлею стерлядей, непременно имѣетъ отъ 4 до 5-ти концевъ, составляющихъ одну снасть. Для бѣли же употребляются: честуха (весною), саки, невода, сѣти (съ ботомъ), фетили, морды, запоры, остроги, подольники; послѣдніе идутъ также и для лова стерлядей.

Рыбный промыселъ здѣсь начинается всегда съ открытія рѣки Вятки и продолжается почти до самаго ея замерзанія. Число людей, занимающихся этимъ промысломъ въ городѣ, не велико. Это отъ того, что рыбный промыселъ все таки требуетъ порядочной затраты денегъ, а къ этому не всякій изъ мѣщанъ, склонныхъ къ рыбной ловлѣ, способенъ по своему состоянію. Съ другой стороны, не могутъ заниматься рыбнымъ промысломъ многіе изъ городскихъ жителей и по тому, что далеко отстоятъ отъ города тѣ воды, которыя, болѣе или менѣе, обильны рыбою и удобны для рыбачества. Городскіе рыбаки, въ теченіи лѣтнаго и осенняго времени, налавливають стерляди отъ 100 до 200 пудовъ, по 4 р. 50 коп. и 8 руб. за пудъ, на сумму отъ 620 до 1,200 руб.; разной бѣли отъ 250—350 пуд., по 2 р. и 3 руб., на сумму отъ 625 до 875 руб. Впрочемъ, большая часть свѣжей и соленой рыбы по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ распродается здѣсь крестьянами рыбаками, пріѣзжающими изъ уѣзда.

Въ городѣ, даже во всемъ уѣздѣ его, нѣтъ порядочныхъ мебельныхъ мастеровъ. Стулья, столы, шкафы и диваны, все достается изъ Вятки. Въ послѣдніе два или три года мебель средняго достоинства стала вывозиться изъ Вятскаго уѣзда на Алексѣевскую ярмарку. Даже простые крашенные стулья, столы, шкафы, коммоды, сундуки—и это все покупается во время ярмарки отъ мастеровъ Вятскаго уѣзда. У насъ въ городѣ, ни больше, ни меньше, три столяра, которые дѣлають, главнымъ образомъ, оконничныя рамы и въ рѣдкихъ случаяхъ, по заказу, какой нибудь шкафъ, гардеробъ, конторку и т. п. Ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ его нѣтъ порядочныхъ плотниковъ. И плотничная работа, требующая сколько нибудь чистой отдѣлки, производится орловскими мастерами.

Въ нашемъ городѣ нѣтъ каменщиковъ, которые бы хорошо клали печи. И для этой работы часто достаются люди изъ Орлова. Нѣтъ, за исключеніемъ, кажется, одного мѣщанина, порядочныхъ штукатурщиковъ и красильщиковъ. Нѣтъ ни часов-

щиковъ, ни серебряниковъ. Даже для луженія мѣдной посуды разъ или два въ годъ пріѣзжаетъ орловскій мѣщанинъ. Лучшимъ чеботнымъ въ нашемъ городѣ считается тоже пріѣзжій орловскій мѣщанинъ. Число портныхъ ограничивается тремя или четырьмя. Три булочника, у которыхъ, будь они въ другомъ городѣ, не стали бы покупать булокъ.

Многіе изъ мѣщанскихъ женщинъ и дѣвицъ занимаются у себя на домахъ: тканіемъ холстовъ и ихъ бѣленіемъ, тканіемъ изъ простыхъ крашенихъ нитокъ половиковъ, тканіемъ поясокъ и поясовъ, пражкою нитокъ, а также печеніемъ на продажу калачей, ржаныхъ и пшеничныхъ хлѣбовъ. Свои издѣлія онѣ сбываютъ преимущественно во время Алексѣевской ярмарки и тогда на вырученныя деньги накупаютъ матеріаловъ для своихъ работъ, а также и для своей одежды, заведеніе которой въ бѣдномъ мѣщанствѣ, по большей части, зависитъ отъ средствъ, слѣдовательно и трудовъ самихъ женщинъ. Въ лѣтнее время тѣ же бѣдныя женщины достаютъ средства къ поддержанію своихъ семействъ обработкою своихъ огородцевъ.

Не лишнимъ считаемъ замѣтить объ одномъ, самомъ неблагодарномъ трудѣ здѣшнихъ бѣдныхъ женщинъ. Нѣкоторые изъ нашихъ купцевъ заготавливаютъ по нѣскольку десятковъ тысячъ крупчаточныхъ мѣшковъ на продажу. Кроеные мѣшки сотнями раздаются для шитья бѣднымъ женщинамъ. На шитье онѣ употребляютъ свои нитки, за сотней мѣшковъ убиваютъ 7 или 8 дней усидчивой работы, и за каждую сотню получаютъ платы 60, много 65 коп. сер.! Что заставляетъ ихъ братья за такую неблагодарную работу, какъ не крайняя нужда, — чтобы только время не пропадало даромъ?

Въ лѣтнее время, когда поспѣваютъ ягоды, многіе изъ мѣщанъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, большими партіями отправляются за паленикой, малиной, смородиной, черемухой и брусникой; такими же точно артелями ходятъ за грибами. Они, за ягодами и груздями, уѣзжаютъ внизъ верстъ за 20 и за 40

по рѣкѣ Вяткѣ, на боры „Разбойный и Суводской“; сюда уходятъ на недѣлю и болѣе и возвращеніе свое въ городъ принаравливаютъ къ воскресенью или другому какому нибудь празднику, чтобы набранное продать и потомъ опять пуститься туда же. Такимъ образомъ въ воскресенье, а также и простые дни лѣтомъ, очень много продается разныхъ ягодъ и грибовъ здѣшними мѣщанами, не говоря о крестьянахъ. Изъ ягодъ здѣсь болѣе всего ягодниками приносится на рынокъ: паленика, малина, смородина черная (красной менѣе), черемуха и брусника. Земляника появляется въ продажѣ не ранѣе Петрова дня, и потомъ скоро не продается; паленика и морошка бывають и довольно долгое время въ продажѣ, но все по немногу. Обыкновенная цѣна на паленику за ведро водоносное 50 коп., или 25 коп. $\frac{1}{2}$ ведра; почти та же цѣна бываетъ и на малину и смородину, если еще не дешевле того. Бруснику продають на пуды — который стоитъ отъ 50 до 65 коп. Ягоды и грибы здѣсь, по большей части, продаются въ лукошкахъ.

Теперь скажемъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ жителей города Котельнича.

Обычаевъ и суевѣрій у здѣшняго простолюдина замѣчается довольно много, но всѣ они, болѣе или менѣе, общи другимъ мѣстностямъ Россіи, а потому мы упомянемъ только о тѣхъ, которые считаемъ болѣе отличительными.

Скажемъ прежде всего о мольбѣ, извѣстной подъ именемъ „Троицыплатницы“. Эта мольба совершается вслѣдствіе обѣщанія, даннаго по извѣстному случаю. Напр. въ домѣ мѣщанина или крестьянина кто либо изъ семейства нездоровъ. Родственники больнаго или самъ онъ обѣщаются исправить мольбу. По выздоровленіи больнаго обѣщанная мольба, рано, поздно ли справляется. Если больной пообѣщался исправить мольбу да померъ, не успѣвъ исправить своего обѣщанія, даннаго Богу, то родственники умершаго принимаютъ его обѣщаніе на себя и, рано ли, поздно ли, непременно исправляютъ обѣщанную имъ мольбу—уже за упокой его души.

При совершеніи мольбы — Троецыплатницы соблюдаютя слѣдующіе обряды: 1) до начала мольбы отыскиваютъ нѣсколько куръ троецыплатницъ ⁽⁴⁶⁾ (т. е. такихъ, которыя вывели цыплятъ три раза); 2) во время обѣда не употребляютъ ни вилокъ, ни ножей; 3) куръ троецыплатницъ ѣдятъ однѣ только старушки-вдовы и при томъ безъ разговора, молча и 4) во время всего обѣда не бываетъ ни одного мужчины, ни даже дѣтей мужескаго пола.

Опишемъ поподробнѣе это празднованіе. Хозяйка дома, въ которомъ задумали праздновать „Троецыплатницу“, сначала дѣлаетъ сборъ въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ; — послѣдніе даютъ сборщицѣ: солода, муки, хмѣля и крупъ. По окончаніи сбора, хозяйка заблаговременно готовитъ пиво къ предстоящему празднику и варитъ его какъ можно больше, чтобы не было въ немъ недостатка. У достаточныхъ людей его бываетъ въ это время отъ 70 до 100 ведеръ и до 20 ведеръ *кануну*, т. е. сусла безъ хмѣля. Въ тотъ день, когда думаютъ поднять иконы въ домъ, хозяйка, зазвавъ къ себѣ нѣсколько женщинъ, начинаетъ съ ними общими силами готовить кушанья. Приготовленіемъ куръ троецыплатницъ должны заниматься и занимаются только однѣ „вдовушки“. Кромѣ вдовъ, никто другой, ни изъ мужчинъ, ни изъ женщинъ, не долженъ касаться этихъ куръ. Только колоть ихъ можно давать и даютъ мальчику, имѣющему не болѣе 8 или 9-ти лѣтъ.

Перья этихъ куръ и внутренности отнюдь не бросаются, а, собравъ, складываютъ ихъ въ котомку или корчагу ⁽⁴⁷⁾. Печенки, сердечки и пушки (мясистые желудки) кладутъ въ селянку, дѣлаемую изъ яицъ, сбереженныхъ отъ троецыплатницъ. Ощипанныхъ троецыплатницъ складываютъ въ горшокъ и варятъ въ немъ; эти куры назначаются въ кушанье однѣмъ вдовамъ. Варятъ или жарятъ особо и не троецыплатницъ для

⁽⁴⁶⁾ Ихъ бываетъ отъ 1 до 3-хъ.

⁽⁴⁷⁾ Большой глиняный горшокъ.

угощенія мужчинъ и женщинъ не-вдовъ. Кромѣ куръ, варятъ еще кашу или кисель, послѣдній только тогда, когда мольба исправляется за умершаго. Прочія приготовленія для угощенія гостей обыкновенны. Между тѣмъ какъ женщины хлопочутъ о приготовленіи яствъ, хозяинъ дома отправляется просить священника со св. иконами (при этомъ должно быть непременно до 12 иконъ). Для несенія св. иконъ вмѣстѣ съ хозяиномъ приходятъ въ церковь его родные, знакомые и вообще тѣ, которые имѣютъ быть на его домашнемъ праздникѣ. Принесенныя иконы ставятся за столомъ въ переднемъ углу комнаты (въ суткахъ) на лавкахъ, покрытыхъ холстомъ или полотенцами. На столѣ, накрытомъ скатертью, ставятся куры, канунъ и кутья, если мольба приносится за кого нибудь изъ умершихъ. Послѣ молебна, на которомъ произносится эктенія о здравіи семейства, совершается и панихида за умершихъ родныхъ. За тѣмъ отчитывается надъ кануномъ и курами свято, т. е. молитва о приносящихъ, что нибудь подъ благословеніе церковное; при чемъ канунъ и куры окропляются святою водою. Этимъ оканчивается весь церковный обрядъ, послѣ котораго принесенное подъ свято убирается со стола и самыя иконы уносятся въ церковь. За тѣмъ тотчасъ же приступаютъ къ обѣду, въ которомъ участвуютъ изъ находящихся на лицо гостей только мужчины. По окончаніи обѣда всѣ мужчины удаляются изъ комнаты и въ той же комнатѣ, или въ другой, если есть другая, подается обѣдъ для женщинъ. Въ этотъ разъ накрываются два стола, стоящіе отдѣльно одинъ отъ другаго—одинъ для „вдовушекъ“, какъ онѣ сами себя называютъ, другой для остальныхъ женщинъ. Двери комнаты запираются, чтобы кто нибудь изъ мужчинъ нечаянно или съ намѣреніемъ не вошелъ сюда во время обѣда. Даже завѣшиваются тѣ окна, чрезъ которыя любопытствующій можетъ подмѣтить происходящее въ комнатѣ и тѣмъ нарушить святость устроенной трапезы. Принявши эти предосторожности и приготовивши все къ обѣду, женщины благоговѣнно кладутъ по нѣ-

сколько земныхъ поклоновъ и потомъ садятся за столъ—вдовушки— за однихъ, а прочія за другой. Садятся, разуются, по старшинству дѣтъ или по степени уваженія, какинъ кто изъ нихъ возлзуется въ своемъ кружкѣ. Первое, что подается на тотъ и другой столъ,—это пироги съ говадиной. А какъ во время этого обѣда не должно быть употребляемо ни вилкъ, ни ножей, то пироги раздробляются слѣдующимъ образомъ: одна женщина беретъ пирогъ за одинъ конецъ, а другая за другой и такимъ образомъ разламываютъ пирогъ на двѣ половины. Эти половины, какъ и всѣ пироги, сколько ихъ требуется для обѣдающихъ, въ свою очередь, точно также разламываются между другими женщинами. Вслѣдъ за пирогами, тоже на оба стола, подается отваръ изъ троецыплатницъ. Но самыхъ троецыплатницъ подаютъ только на главный столъ, гдѣ обѣдаютъ вдовушки, а на другой столъ подаютъ другихъ куръ—не троецыплатницъ. За тѣмъ подаютъ на тотъ и другой столъ селянку съ внутренностями троецыплатницъ, а потомъ кашу или кисель, чѣмъ и оканчивается этотъ священный (по ихъ выраженію) обѣдъ. За обѣдомъ не подаютъ ни пива, ни вина, а только канунъ, часть котораго была освящена священникомъ чрезъ чтеніе молитвы и кропленіе святой водой. Вставши изъ за стола, опять всѣ благоговѣнно молятся въ землю. Надобно замѣтить, что и во время обѣда, послѣ каждой перемены яствъ, кладутся обѣдающими земные поклоны. Во все продолженіе стола обѣдающіе сохраняютъ глубокое молчаніе, не произнося въ слухъ ни одного слова, и только про себя творятъ молитву въ подражаніе будто бы той св. трапезѣ, на которой Царица Небесная угощала женъ мурносицъ и не занималась никакимъ разговоромъ, а только слезно вздыхала и молилась въ душѣ за родъ человеческій. Кости и другіе остатки отъ троецыплатницъ, поданныхъ на столъ, бережно собираются и складываются въ ту же котомку или горшочкъ, куда прежде были положены отъ этихъ куръ перья и не употребляемая въ пищу внутренности. Если есть по близости рѣка или прудъ, то эта котомка или корча-

га (большой горшок), наполненные остатками отъ троецыплатницъ, съ камнемъ бросаются въ воду. Если же нѣтъ по близости ни рѣки, ни пруда, то остатки отъ троецыплатницъ скрываются гдѣ нибудь въ полѣ или въ лѣсу, и притомъ въ такое время, когда не можетъ быть свидѣтелей этого дѣла. Такая заботливость о схороненіи остатковъ объясняется тѣмъ, что эти куры, равно и остатки отъ нихъ, въ понятіи женщинъ-простолюдинокъ признаются чѣмъ-то священнымъ, чего не должно бросать гдѣ попало. Вообще надобно замѣтить, что у здѣшнихъ мѣщанокъ и крестьянокъ курица, выведшая три раза цыплятъ, обрекается на закланіе. Если, по случаю ея, не исправляется мольба, или она не отдается въ другой домъ, гдѣ готовятся къ мольбѣ, то она непременно приносится подъ свято въ церковь, но не оставляется здѣсь, какъ другія приношенія, вѣроятно, изъ опасенія, чтобъ не досталась въ пищу какому нибудь мужчинѣ, а уносится обратно домой. Почему же курамъ не даютъ выводить цыплятъ болѣе трехъ разъ? Потому что и людямъ не позволяется жениться болѣе трехъ разъ. Почему троецыплатницъ должны ѣсть только вдовушки-старушки? Потому что онѣ болѣе достойны этого, какъ не могущія и не помышляющія вступить въ бракъ. Такъ объясняютъ нѣкоторые изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ женщинъ-вдовъ. Но возвратимся къ тому дню, въ который исправляется мольба. Тѣ изъ гостей мужчинъ и женщинъ, которые были на обѣдѣ, бываютъ и вечеромъ. Но вечеръ, какъ и день, проводится скромно; не пьютъ ни пива, ни вина, а только канунъ. На другой день мольбы гости снова собираются и притомъ со своими пирогами, пѣтухами и деньгами — по гривнѣ или болѣе, — на вино. Въ этотъ день дозволяется употреблять пиво и вино; мужчины и женщины угощаются вмѣстѣ. Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній. Мольба съ описанными здѣсь обрядами исправляется въ городѣ мѣщанами. У крестьянъ подобныя мольбы совершаются съ нѣкоторыми измѣненіями. Напр. вмѣсто пироговъ у нихъ приготовля-

ются просто хлѣбы средней величины; вдовы и другія женщины обѣдаютъ за однимъ столомъ, хотя первыя считаются главными и необходимыми гостями на этомъ обѣдѣ; всѣ кушанья, не исключая и троецыплатницъ, равно предлагаются какъ вдовамъ, такъ и не вдовамъ; обѣдъ для мужчинъ бываетъ послѣ того, какъ кончится обѣдъ женщинъ; день мольбы какъ мужнины, такъ особенно женщины проводятъ весьма набожно и не смотря на это на другой день во многихъ мѣстахъ все не бываетъ пируванья. Подобныя мольбы, какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ, исправляются обыкновенно осенью. Въ сосѣднихъ уѣздахъ, Орловскомъ и Яранскомъ, эти мольбы неизвѣстны.

Кромѣ исправленія такой мольбы, нѣкоторыя изъ старыхъ женщинъ въ городѣ имѣютъ еще обыкновеніе собирать иногда солоду и муки, на одинъ только канунъ. Изъ собранныхъ припасовъ дѣйствительно навариваютъ кануну, часть его несутъ въ церковь для освященія, а потомъ оттуда съ нимъ, какъ уже освященнымъ напиткомъ, идутъ по домамъ угощать тѣхъ добрыхъ людей, которые давали припасовъ на него. Собираютъ въ этомъ случаѣ на канунъ или вслѣдствіе обѣщанія, даннаго по какому нибудь случаю, или вслѣдствіе какого нибудь особеннаго сновидѣнія, изъ котораго заключивъ, по своему суетвѣрію, что необходимо нужно потрудиться, пособить на такой священный напитокъ. Сборъ на канунъ считается какимъ-то трудничествомъ, подвигомъ, который нужно принять на себя чтобы послужить Богу: по этому-то въ такомъ сборѣ нерѣдко участвуютъ и женщины довольно порядочныя, собственно изъ одного только труда, по вѣрованію ихъ, святаго и добраго. И канунъ, приготовленный изъ сборныхъ матеріаловъ, приносится въ церковь подъ свято, очевидно, въ намѣреніи угодить Богу. Но почему на этотъ разъ канунъ готовится изъ чужихъ припасовъ, а не изъ своихъ собственныхъ? Отнюдь не изъ желанія воспользоваться чужимъ добромъ. Нѣтъ, принести подъ свято канунъ,

приготовленный изъ пожертвованныхъ припасовъ — значить и другимъ доставить случай послужить такимъ образомъ Богу, значить способствовать къ общему и большому прославленію Бога.

Ильинъ день крестьяне считаютъ особенно великимъ праздникомъ. Приѣзжая въ этотъ день къ обѣднѣ, они привозятъ съ собою по бураку кануну (т. е. молодого сусла безъ хмѣля), въ который спускаютъ по нѣскольку свѣжихъ колосьевъ. Во время обѣдни каждый крестьянинъ надъ своимъ буракомъ теплитъ свѣчу, а по окончаніи обѣдни надъ всѣмъ принесеннымъ кануномъ священникъ „отговариваетъ свято“⁽⁴⁸⁾. Послѣ чего всякій изъ крестьянъ несетъ свой буракъ на паперть, и тамъ половину кануна отливаетъ въ нарочно поставленные для этого кадки, а оставшимся въ буракѣ кануномъ тутъ же угощаетъ своихъ знакомыхъ и одѣляетъ нищихъ, которыхъ въ то время бываетъ очень много. Кромѣ кануну крестьяне въ этотъ день привозятъ съ собою еще подъ свято небольшія части баранины, какъ то: грудинки, середки и плечики, а пчеловоды—отъ своихъ первыхъ подлазовъ небольшую часть сотовъ. Надъ тѣмъ и другимъ приношеніемъ, которое все оставляютъ въ пользу священно-церковно-служителей, „отговаривается свято“ также послѣ обѣдни. По рассказамъ самихъ духовныхъ, въ Ильинъ день на церковно-служителей каждой изъ городскихъ церквей достается: баранины, по крайней мѣрѣ, отъ 10 до 20 пудъ, кануну отъ 30 до 50 ведеръ. Въ селахъ, гдѣ приходы состоятъ изъ однихъ крестьянъ, эти приношенія въ Ильинъ день бываютъ значительнѣе гораздо. Какъ много почитаютъ крестьяне Ильинъ день, это видно еще изъ слѣдующаго: недѣлю предъ Ильинымъ днемъ многіе изъ нихъ постятся. Особенно

(48) Крестьяне называютъ такимъ образомъ слѣдующее священное дѣйствіе: читается Отче нашъ, поется трижды величаніе празднуемому святому, читается священникомъ молитва надъ приношеніемъ и самое приношеніе кропляется святою водою.

строгий постъ всѣ соблюдаютъ въ Ильинскую пятницу, которую считаютъ важнѣе самаго Ильина дня; во весь этотъ день крестьяне не работаютъ. Напротивъ, въ самый праздникъ послѣ обѣдни очень многіе изъ нихъ принимаются за работу.

Въ 1-ю пасхальную заутреню, во время встрѣчи Христа, рыбаки, отщипываютъ отъ своей свѣчи небольшой кусочикъ воску и кладутъ его въ пазуху, а самую свѣчу прилѣпляютъ у входа къ дверямъ или косякамъ, съ приговоромъ про себя: „какъ сюда валить теперь народъ, такъ бы шла лѣтомъ и рыба въ сѣти“. Послѣ заутрени, каждый изъ такихъ суевѣровъ, привезя домой отщипленный кусочикъ воску, хранитъ его до времени рыбной ловли, а въ это время прилѣпляетъ по немногу къ каждой сѣти и тоже съ подобнымъ приговоромъ: „какъ пасхой въ церковь шелъ народъ, такъ теперь рыба иди въ сѣть“. Точно такимъ же образомъ поступаютъ въ эту заутреню многіе изъ кузнецовъ, пчеловодовъ и звѣролововъ и произносятъ про себя подобные приговоры, относящіеся до ихъ занятій.

Почти всѣ, не только крестьяне, но и горожане, замѣчаютъ тотъ день, въ который былъ праздникъ Благовѣщенія. Въ этотъ день въ продолженіи года боятся начинать дѣла, скольконибудь важныя. Въ праздникъ Благовѣщенія, говорятъ, что никакая птица на землѣ не вьетъ себѣ гнѣзда. По этому-то въ Благовѣщенскій день, т. е. въ тотъ, въ который праздновалось Благовѣщеніе, и не слѣдуетъ начинать никакого скольконибудь важнаго дѣла.

Нѣкоторые вѣрятъ, что въ Великій четвертокъ утромъ рано надобно считать деньги, чтобы ихъ водилось больше. Для охраненія своихъ домовъ отъ огня, воровъ и всякихъ другихъ несчастій, могущихъ случиться въ году, въ этотъ день тоже до свѣта обходить вокругъ дома съ иконою, или мало того объѣзжаютъ вокругъ него верхомъ на палкѣ съ разными приговорами. Вѣрятъ еще въ четверговую соль и придаютъ ей какое-то особенное свойство излѣчивать многія болѣзни: по

этому многіе берегутъ ее для разныхъ случаевъ, но въ особен-ности даютъ ее домашнему скоту во время болѣзни.

Вѣрятъ въ Ивановскую росу, которую, по этому случаю, нѣкоторыя изъ женщинъ собираютъ на этотъ день (24 іюня) посредствомъ разостланныхъ на травѣ платковъ, выжимаютъ изъ нихъ въ стеклянки и хранятъ какъ цѣлительное лекарство отъ глазъ.

Вообще можно сказать, что въ домашней жизни здѣшняго простолюдина встрѣчается еще много подобныхъ суевѣрій и предрасудковъ.

Мы не станемъ говорить о частной жизни богатыхъ купцовъ. Они живутъ, какъ говорится, болѣе или менѣе на дворянскую ногу. Скажемъ о домашней жизни, общественныхъ отношеніяхъ и разныхъ обычаяхъ въ мѣщанствѣ. Общественная жизнь нашего мѣщанина или купца средней руки довольно проста и сохранила кое что изъ старины минувшей. Такъ напр. и по нынѣ единственнымъ развлеченіемъ дѣвицы служить посѣщеніе церкви, да и то, по милости своихъ строгихъ родителей, довольно рѣдкое. Въ этомъ случаѣ ихъ матушки обыкновенно держатся старой пословицы: „что видѣно, то по мѣдяно, а что не видѣно, то золото“. Матери водятъ своихъ дочерей въ церковь не иначе, какъ только съ собою и то въ извѣстные главные и многолюдные праздники въ году, каковы: Николинъ день, Рождество, Пасха, Троицынъ день, Всѣ Святые (въ заговѣнье предъ Петровымъ постомъ) и пріѣздъ (въ первыхъ числахъ сентября по случаю прихода св. иконъ изъ г. Вятки). По причинѣ такого рѣдкаго быванія въ храмѣ Божиѣмъ, затворницы дѣвицы ждуть этихъ праздниковъ съ особеннымъ какимъ-то желаніемъ и нетерпѣніемъ, а въ особенности Троицына дня и Всѣхъ Святыхъ, которые приносятъ имъ столько радости и веселья. А какъ Всѣ-Святые есть престольный праздникъ кладбищенской церкви въ Котельничѣ, то многіе изъ городскихъ жителей наканунѣ этого прадника приходятъ туда какъ ко всенощной, а въ самый праздникъ къ

обѣднѣ, и если въ то время бываетъ хорошая и ясная погода, то заботливья матушки берутъ съ собою еще и своихъ дочекъ, которыхъ наряжаютъ какъ можно лучше съ намѣреніемъ показать ихъ женихамъ, которыхъ бываетъ тамъ за тѣмъ, что бы тоже высматривать себѣ невѣсть, очень много. Вообще этотъ праздникъ для здѣшнихъ мѣщанскихъ жениховъ и невѣсть доставляетъ не малыя удовольствія и выгоды, потому что не рѣдко случается, что кто либо изъ жениховъ, побывавъ въ этотъ день на кладбищѣ, тутъ же выбираетъ себѣ въ подруги жизни первую приглашувшуюся дѣвицу, въ слѣдствіе чего между тѣмъ и другимъ семействомъ затѣвается сватовство, а за тѣмъ и свадьба. Отъ этого-то между жителями нашего города составила поговорка: „приведи-ка Богъ для старушекъ праздничка Всѣхъ-Святыхъ тепленькаго и хорошенькаго, а для дѣвухъ женишковъ миленькихъ и пригоженькихъ“.

Вечеромъ того дня, въ который празднуется Всѣмъ Святымъ, между дѣвушками составляются хороводы и разныя игры, и притомъ гораздо въ большемъ видѣ, чѣмъ въ Троицынъ День. Главнымъ мѣстомъ для игръ и хороводовъ въ это время бываетъ деревня Шильниковская, находящаяся на сѣверо-восточномъ концѣ города, куда городскія дѣвицы сходятся, впрочемъ, не иначе, какъ по приглашенію какого либо семейнаго дома изъ той деревни. Въ здѣшнихъ хороводахъ и разныхъ играхъ дѣвичьихъ молодые парни нисколько не участвуютъ: въ этомъ случаѣ они или сами составляютъ отдѣльныя какія нибудь игры или просто смотрятъ на игры дѣвиць.

О Рождествѣ, съ дозволенія городничаго, составляются открытыя игрища, на которыя, какъ и вездѣ, собирается обыкновенно большое число мѣщанскихъ дѣвиць для пѣсенъ и пляски.

И на рождественскихъ сходбищахъ, какъ и на лѣтнихъ хороводахъ, молодые парни не принимаютъ почти никакого участія въ играхъ дѣвиць. Если въ комнатѣ остается свободное мѣсто и самъ хозяинъ пригласитъ, извѣстныхъ ему молодыхъ людей, то въ этомъ случаѣ они могутъ войти и играть

въ карты или какъ нибудь иначе, но только между собою. Обыкновенная игра между ними бываетъ въ три листа (на ладжки или на деньги) или какъ они выражаются „въ три листика съ доходцомъ“. На игрища собирается много и неизвѣстнаго народа, особенно простыхъ бабъ и парней, но они приходятъ по большей части только за тѣмъ, чтобы посмотреть на игры дѣвушекъ и потомъ отправляются съ тою же цѣлю на какое нибудь другое игрище. Мѣсто, откуда смотреть на игры эти прихожіе люди, бываетъ постоянно около самыхъ дверей (въ кутѣ).

Кромѣ открытыхъ игрищъ, дѣвушки о Рождествѣ запросто собираются къ своимъ роднымъ поиграть въ жмачки (жмурки), въ жгутики и другія рождественскія игры. На этихъ собраніяхъ, имѣющихъ семейный характеръ, дѣвицамъ дозволяется играть и вмѣстѣ съ молодыми людьми, но разумѣется подъ надзоромъ своихъ строгихъ матушекъ, стерегущихъ за молодежью, чтобы не было съ ея стороны какихъ нибудь дерзкихъ выходокъ. На этихъ семейныхъ собраніяхъ между играющими допускается нѣкоторая вольность, какъ напр. въ пѣсняхъ своихъ, дѣвицы могутъ припѣвать имена тѣхъ молодыхъ людей, которые находятся въ игрѣ съ ними. Какъ открытыя игрища, такъ и семейныя святочныя собранія, дѣлаемая въ мѣщанскомъ кругу, продолжаются не далѣе Крещенія.

Между бѣдными горожанами водятся о Рождествѣ такъ называемыя „ссыпцины“ или вечеринки, составляемая на общій счетъ между нѣсколькими знакомыми семействами. Чтобы справить такую вечеринку, для этого доставляютъ въ извѣстный домъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, какъ-то: муки, солода, хлѣба, пѣтуховъ и проч. Къ назначенному дню хозяйка дома приготовляетъ изъ этихъ припасовъ угощеніе для тѣхъ семействъ, которыя приняли участіе въ ссыпцинѣ. Ссыпцины проводятся также весело и шумно, какъ и всѣ святочныя собранія.

Въ самое Рождество между мальчиками еще и по сію пору соблюдается обычай ходить послѣ заутрени славить Христа, а на новый годъ вечеромъ кликать коляду (колядовать). Послѣдній обычай соблюдается не одними мальчиками, но и взрослыми мужчинами. Коляду кличутъ всегда по нѣскольку человекъ вдругъ, не входя въ домъ, а около окошекъ.

Обыкновенный ихъ припѣвъ въ этотъ вечеръ такой:

Виноградѣ красно-зеленое!
 Ходятъ ребята коледовщики,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 Ищутъ ребята Государева двора,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 Государевой дворъ среди Москвы, среди ярмарки,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 Вокругъ государева двора,
 Бѣлокаменна стѣна,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 Вокругъ-то бѣлокаменной стѣны все тынники стоятъ,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 На каждой-то тынникѣ по маковкѣ
 Виноградѣ красно-зеленое!
 На каждой-то маковкѣ по крестичку,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 На каждомъ-то крестичкѣ по свѣчущкѣ горитъ.
 Виноградѣ красно-зеленое!
 Еще самъ-то государь какъ свѣтель мѣсяцъ свѣтитъ,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 А сама-то государыня, какъ утрення заря,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 Милыя-то дѣточки, какъ часты звѣздочки.
 Виноградѣ красно-зеленое!
 Самъ-то государь намъ по рублику даритъ,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 А сама-то государыня по полтинущкѣ даетъ;
 Виноградѣ красно-зеленое!
 Малыя-то дѣтоньки намъ по гривенкѣ дарятъ,
 Виноградѣ красно-зеленое!

Покатилась колесница вдоль по улицѣ
 По пирошки, да по шанешки,
 Виноградѣ красно-зеленое!
 Кто не дастъ пирога, разобьемъ ворота,
 Кто не дастъ кишки, разобьемъ горшки ⁽⁴⁹⁾.

Въ вечеръ же на новый годъ между дѣвицами въ простонародѣ бывають различныя гаданья и ворожбы на счетъ своихъ будущихъ суженыхъ.

Считаемъ излишнимъ говорить о масляницѣ, которая въ нашемъ городѣ сопровождается тѣми же увеселеніями и обычаями, какія извѣстны повсюду. Умолчимъ также и о пасхальномъ препровожденіи времени, такъ какъ и оно здѣсь не отличается никакими особенностями противъ другихъ мѣстностей Россіи—ни въ увеселеніяхъ, ни въ обычаяхъ.

У нашихъ мѣщанъ есть обыкновеніе заводить „супрядки“. Супрядки эти заводятся обыкновенно по осенямъ. Хозяйка извѣстнаго дома приглашаетъ къ себѣ на супрядку дѣвицъ изъ многихъ домовъ. Дѣвушки собираются въ назначенный день какъ можно ранѣе и при томъ каждая съ своей прялкой (прясицей). Хозяйка предлагаетъ имъ волокно или пачеси, смотря по тому, какая ей нужна пряжа. Работа весело продолжается цѣлый день до тѣхъ поръ, пока сама хозяйка не обойдетъ всѣхъ своихъ добрыхъ гостей и не поблагодаритъ лично каждую изъ нихъ. По окончаніи трудовъ составляются между дѣвицами разныя игры и пляски, за которыми слѣдуетъ личное угощеніе. У иныхъ супрядки дѣлаются такъ: за нѣсколько времени до супрядки раздають волокно и пачеси по домамъ. Въ назначенный день женщины и дѣвцы уже съ готовою пряжею собираются къ хозяйкѣ, на которую работали, только за тѣмъ, чтобы попраздновать и попѣть пѣсни.

⁽⁴⁹⁾ Припѣвъ этотъ списанъ со словъ самихъ „коледовщиковъ“, какъ называютъ ихъ здѣсь.

Пословицы.

Изъ пословицъ и поговорокъ чаще другихъ можно слышать между жителями нашего города, слѣдующія:

Прежде нужно въ дѣлѣ знаться, да потомъ за дѣло браться.

Обручи подъ лавку, а доски въ печь, то не будетъ и ведръ течь.

Напьется, такъ съ королемъ дерется, а проспится, такъ и свиньи боится.

Отъ мѣста, такъ въ три дня невѣста, а не отъ мѣста, такъ и въ годъ не невѣста.

Завелъ бы корольки, да ноги коротки.

Сколько пива и вина, столько пѣсенъ и веселья.

Дѣло дѣломъ, пиво пивомъ, а судъ по формѣ.

И хорошо поживаетъ, да окна выбиваетъ.

Курица не пой пѣтухомъ, а баба не споръ съ мужикомъ.

Мужикъ не ворона, у него есть и оборона.

И дикарь не галка, у него есть и палка.

Скрипка да гудокъ раззорили весь домокъ.

На худой землѣ не выростетъ пшеница.

Домокъ не коза, за нимъ нужны и глаза.

Саша да Пахомъ, да третій Агафонъ.

Пословица бываетъ не ради Петровича.

Въ гости зовутъ мужиковъ безъ бабъ, а бабъ безъ работъ.

Дружбу-то дружить, да за ноги имаеть.

Не за то звѣря бьютъ, что дюжь, а за то что онъ людянь чуждъ.

Загадки.

Станеть, — выше коня, а ляжеть — ниже

воробья. Дуга.

Сорока въ кустъ, а Алексѣй за хвостъ . Сковорода и сковородникъ.

Шуба нова, да на подолѣ дыра. . . .	Прорубь.
Полонь сусѣчекъ красныхъ яичекъ . .	Уголья въ печи.
Безъ рукъ, безъ ногъ, на липу лезеть.	Въ квашнѣ тѣсто.
Въ избѣ комоло, на улицѣ рогато. . .	Уголь дома.
Самъ не великъ зашелъ въ городокъ, всѣхъ людей прибилъ и самъ въ уго- локъ.	Вѣникъ.
Стоитъ волчекъ, вырытый бочекъ. . .	Въ избѣ залавокъ.
Въ лѣсу, лѣсу жеребенки ревутъ и до- мой нейдуть.	Зайцы.
Щука въ морѣ, концы на берегахъ. . .	Матица въ избѣ.
Пять овечекъ сѣно теребять, да пять овечекъ труху подбирають.	Баба прядеть куделю.
Вверхъ бурды, внизъ бурды, тѣ же бур- ды о середь избы	Мотовило.
Два веприка дерутся, возлѣ нихъ пѣн- ка бѣжить	Жернова на мельницѣ.
Подъ дубкомъ, дубкомъ, свилася клуб- комъ, и съ хвостикомъ.	Рѣпа.
Лошадь желѣзная, хвостъ портяной. . .	Иголка съ ниткой.
Однолѣтняя трава съ лѣсомъ равна. . .	Хиѣль.
Сорочка въ осочкѣ посвистываетъ. . .	Коса.
Сидитъ кикимора на болотѣ, не жнетъ, не молотить, денежки колотить. . . .	Водяная мельница.
Лѣтомъ дѣвица, а зимою молодица. . .	Пень.
Семь листовъ бумажныхъ, да одинъ золо- той	Великій постъ и Пасха.
Черенъ, какъ воронъ, рогать да не быкъ, шесть ногъ безъ копытъ	Тараканъ (прусакъ).
Черенъ да не воронъ, рогать, да не быкъ, шесть ногъ безъ копытъ, кверху идеть — ревомъ реветъ, книзу идеть землю дереть	Жукъ.
Бочка стонеть, бояра пьютъ	Свинья и поросята.

- По землѣ не хожу, и на небо не гляжу. Рыба.
- Виловато мотовило, за то по пански
говорило и подѣ небеса уходило. Летящее стадо гусей.
- Слѣзу на анбарушку, обдеру телушку,
кожу и мясо брошу, а сало съѣмъ. Сокъ съ дерева.
- Сталъ пень на пень, сталъ пень плакать,
волосы вѣютъ, дубрава шумитъ Сѣнокосъ.
- Поликъ не высокъ, не низокъ, а на немъ
сорокъ ризокъ. Капуста.
- Въ землю блошкой, а изъ земли коро-
вашкомъ Рѣпа.
- На столъ не носятъ, ножемъ не рѣ-
жутъ, весь міръ кушаетъ Грудное молоко.
- Два кума-Абакума, двѣ сестры Авдотьи,
пять Патракеевъ, двѣнадцать лакеевъ. Сапи.
- Лежитъ доска на болотѣ, не гниетъ и
не сохнетъ Языкъ во рту.
- Молодъ былъ 100 головъ кормилъ, старъ
сталъ, пеленаться началъ Горшокъ, когда его
разобьютъ, то обви-
ваютъ берестой.
- Баба яга распорота нога, весь міръ
кормитъ сама голодна. Соха.
- Стоять вилы, на вилахъ бочка, на боч-
кѣ ѣдало, на ѣдалѣ мигало, на ми-
галѣ рожь, во ржѣ свинки гуляютъ. Человѣкъ.

Пѣсни нашихъ горожанъ, употребляемыхъ на вечеринкахъ, въ пляскахъ и лѣтнихъ хоровахъ, почти не имѣютъ само-бытнаго мѣстнаго характера, потому что всѣ онѣ болѣе или менѣе точно изложены въ старинныхъ употребительнѣйшихъ повсемѣстно пѣсенникахъ. Изъ хоровадныхъ пѣсенъ можно слышать здѣсь чаще другихъ слѣдующія:

Первый-ѣтъ день не ѣлъ,
 На сударушку глядѣлъ,
 Другой-ѣтъ день не ѣлъ
 Да на нарядъ ея глядѣлъ,
 А третій-ѣтъ день не ѣлъ,
 Взвился бы да улетѣлъ.
 Взвился бы высоко
 Да улетѣлъ далеко;
 Увидалъ бы я сударушку
 На снемъ на морѣ,
 На легонькомъ караблѣ.
 Добрый молодецъ похаживаетъ,
 Да на карабликъ посматриваетъ,
 Во звончатая гусельчики возыгрываетъ,
 Сударушкѣ въ теремочикъ
 Голосочикъ подаетъ,
 Что бы моя милая
 Не дремала, не спала,
 Дорога гостя ждала,
 Дорога гостя-гостечка,
 Дружка миленькаго.

Безъ спросу мой милой
 На широкій дворъ зашелъ,
 Безъ доклада, моя радость,
 Съѣли, двери растворилъ,
 Да по горѣнки походилъ.
 Еще милости прошу
 На квартиру на мою,
 На моей же на квартирѣ
 Право нѣту не ково,
 Не бывалъ право никто:
 Первой ты, другой я,
 Да третій вѣрная слуга.
 Ужъ я вѣрную слугу
 Во царевъ кабакъ пошлю,
 За пивомъ, за медомъ,
 Да за сладкимъ за виномъ.

Я хорошаго любила,
 Много славы приняла,
 Полюбить бы мнѣ такова
 Шадровитаго, рибова
 Васильюшку холостова.
 Полно Васенька
 За рѣчушку ходитъ,
 У Катюши дочь Авдюшу
 Любить такъ и любить.
 У Катюши дочь Авдюша
 Уродилась хороша,
 Тонка и высока,
 И на личикѣ бѣла,
 И щечками ала:
 Лице бѣлое какъ снѣгъ.
 Щеки алы какъ и цвѣтъ
 Я состроила покой
 На прикрасѣ на тахой:
 На зеленомъ на дугу
 Стоять дѣвки на дугу.

Сяду я на добра коня поѣду
 Во Китай городъ гуляти;
 Я куплю же своей женѣ подарочекъ
 Самое преотличное платьице:
 Принимай-ко, жена, да не гордися,
 Душа-сердце мое, да не спѣсився;
 Посмотри-те же, добрые люди,
 Что жена то меня молодца не любить
 Душа-сердце мое да ненавидитъ,
 Я еще свою жену поправлю
 Сяду, сяду на добра коня поѣду
 Во Китай городъ гулять
 Куплю же я своей женѣ
 Самую прежестокую плетку:
 Ты примайко-ко, жена, да не гордися,
 Душа сердце мое, да не спѣсився.
 Посмотрите же, добрые люди,
 Что жена-то меня-молодца любитъ,
 Душа сердце мое да поцѣлуетъ,

Изъ свадебныхъ пѣсенъ замѣчательны болѣе тѣ, которыя поются на дѣвишникѣ, какъ на послѣднемъ прощальномъ вечерѣ подругъ дѣвицъ съ невѣстою:

При послѣднемъ было вечерѣ,
 При Лизинѣмъ дѣвишничкѣ,
 Прилеталъ же ясной соколъ къ ней,
 Садился на окошечко,
 На окошечко косящетое,
 На стекольшко пѣмецкаго стекла.
 Говорилъ же ей титинька,
 Говорила же ей маменька:
 Ужъ ты, дитятко родимое мое,
 Приголубь-ко ясна сокола къ себѣ.
 Ахъ ты, мамонька родимая моя!
 Мое сердце не воротится,
 Сердце кровью обливается,
 Лиза слезьми умывается.

Кабы на цвѣты не морозы,
 И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
 Кабы на меня не кручина
 Не объ чемъ бы я не тужила,—
 Не сидѣла бы я у окошечка,
 Не глядѣла бы во чистое поле.
 Ужъ я батюшкѣ говорила,
 Свѣту своему доносила:
 Не отдавай меня, батюшка, замужъ,
 Въ ту сторону, куда я не хочу,
 Та сторона съ измаленька не мила.
 Тамъ горы-то крутыя, рѣки глубокия,
 Тамъ люди-то живутъ лихорадливыя,
 Изъ ума выводятъ, къ побоямъ ведутъ.
 У меня, младешеньки, умъ молодой
 Разумъ худой.
 Выду-ль я на путь: горячи слезы текутъ,
 Поману своихъ, миѣ-ка тошно о нихъ;
 Нѣтъ ли де здѣсь таковыхъ-то людей,
 Кто бы распоролъ мою бѣлую грудь,
 И кто бы посмотрѣлъ ретивое сердце.

Выискался есть такой человекъ:
 На што пороть твою бѣлую грудь,
 На што смотрѣть ретивое сердце,
 Видно печаль и по яснымъ очамъ,
 Видно кручинушку и по бѣлому лицу.

Раннѣе рано на зарѣ
 Стояли коня на дворѣ;
 Никто за ними не ходилъ,
 Никто ихъ не любилъ.
 Выходила Лизавета на крыльцо,
 Говорила такую рѣчь:
 Пейте вы, кони, кушайте,
 Слуги вѣрные слушайте,
 Будьте готовы завтра мнѣ
 Къ заутринѣ ѣхати.
 Далѣе по далѣе отъ батюшка,
 Далѣе по далѣе отъ родимова;
 Ближе по ближе къ свекру въ домъ,
 Ближе по ближе къ ласковому.
 Пейте вы, кони, кушайте
 Слуги вѣрные слушайте,
 Будьте готовы завтра
 Къ вечерни мнѣ ѣхати
 Съ удалымъ добрымъ молодцомъ
 Съ Петромъ Михайловичемъ
 Подъ златомъ вѣнцомъ стояти.

На горѣ-то стоитъ ёлочка,
 Подъ горой стоитъ свѣтелочка
 Во свѣтелочкѣ дѣвушка,
 Она бѣлится румянится,
 Въ цвѣтно платьѣ наряжается
 Подъ златой вѣнецъ собирается,
 Посылаетъ ея мамонька:
 Ты поди мое дитятко, да ты поди родное!
 Я нейду, нейду, да и не думаю,
 Скажу: ночь темна, не мѣсячна,
 Карауловъ нѣтъ, рѣки быстрые
 Да на нихъ и перевозовъ нѣтъ.

Языкъ, которымъ говорятъ въ городѣ и его уѣздѣ, есть чисто русскій. Произношеніе словъ вообще просто и твердо: почти каждая буква въ словѣ выговаривается съ такимъ звукомъ, какой ей присвоенъ. Напр. слово хорошо, такъ и произносится хорошо, а не харашо. Вообще въ выговорѣ Котельничанъ не замѣчается особой мягкости. Рѣчь простолюдина, здѣсь, какъ вездѣ, довольно груба. Во многихъ словахъ онъ одиѣ буквы замѣняетъ другими. Такъ въ глаголахъ изъявительнаго наклоненія букву *с* часто замѣняютъ буквой *ш*, напр. что ты ругаешша, бранишша, вмѣсто бранишься, ругаешься? Также въ глаголахъ неопредѣленнаго наклоненія въ окончаніи употребляютъ *ти* вмѣсто *тъ*, напр. мѣнять, велѣти, говорити, вмѣсто мѣнять, велѣть, говорить; въ началѣ глаголовъ, начинающихся съ гласной буквы *ь*, употребляютъ *и*, ѣсть—говорятъ исти, *ѣ* вмѣсто *ѣ*, напр. черква, чѣпъ, птича, вмѣсто церковь, цѣпъ, птица; также букву *л* вмѣсто *з*, колда, толды, да инолды—когда, тогда да иногда, букву *ь* совсѣмъ выпускаютъ, напр. большой, меньшой—говорятъ болшой, меньшой; *в* вмѣсто *з*, господь—говорятъ восподь; *м* вмѣсто *н* и наоборотъ, напр. Миколой, Микита, Нихаилъ, вмѣсто Николай, Никита, Михайлъ. Приведемъ нѣсколько словъ и выраженій, употребляемыхъ только въ простонародѣ. Напр. вмѣсто умереть говорятъ помшиться; манаксить—что либо разумѣть; шехордиться—гордиться; огоивать—очищать или вообще приводить въ порядокъ; стюватъ, счуватъ—запрещать; едренѣтъ—толстѣтъ; едреный—крѣпкій, толстый; хирзатъ—болѣтъ; напр. онъ бажовой захирзалъ что то больно, —вмѣсто сильно заболѣлъ; бажѣтъ—желать; бажоный—желанный, дорогой; зобатъ—брать въ ротъ прямо губами, въ особенности это слово относится къ крупѣ, толокну, напр. возьми позобди заспы-то, т. е. возьми и попробуй или поѣшь крупы; язаться, сулиться—обѣщаться; треснуть, мякнуть, бузгнуть, лопнуть, брызнуть — вмѣсто кого либо ударить; шильничать—хитрить; шепериться—занимать много мѣста, или въ смыслѣ деликатиться; мамонъ—животъ: лико (глади-ко)

какъ онъ мадонъ-то натолкалъ, вѣсто какъ онъ наѣлся; бры-
 лы — губы; лихо — топию; зенки, шары, толы — глаза; выпр.
 экъ онъ зенки-то какъ налилъ—вѣсто какъ наполнился; ннды, ннда —
 иногда, а то опять; лючки—хорошо, какъ слѣдуетъ, благопо-
 лучно: дѣлай, говори лючки, дай Богъ вамъ лючки доѣхать.
 Лючки — это, должно быть искаженное слово людски, по человеѣ-
 чески; емко—удобно, ловко; мелюзга—какія нибудь малыя вещи;
 мелочь, говорятъ напр. о мелкой рыбѣ—мелюзга; вѣстимо—из-
 вѣстно; сиволапый—слово, употребляемое въ ругательствѣ; моль—
 частица, часто употребляемая въ разговорахъ; больно-сильно —
 очень; баскій—вѣсто очень хорошій, красивый; коли—если, раз-
 вѣ; въ сутычъ—чуть доставеть, силенькомъ—вѣсто ѣхать малою
 рысью; чутать—слышать; зычать — громко кричать; толкунцы —
 комары, мошкара; сулея, сулейка — бутылка, маленькая стеклянка;
 грудка — творогъ изъ свернушагося молока; лопоть, лопотина—
 одежда, платье; шелыгало, шелыга, понугало—арапникъ, бичъ;
 махалко—длинный бичъ, употребляемый во время ѣзды гусемъ;
 вещь, сподоба, снадобье — лекарство; таратайка — маленькая двух-
 колесная тѣлжка; ерандакъ—тѣлега на дрогахъ, но безъ ки-
 битки; склоты—хлопоты; напр. онъ баженой какъ много на-
 дѣлалъ склоты-то, вѣсто надѣлалъ хлопотъ; баять, бачить, ще-
 лычить, тренькать, бахорить, балясить, баленьтресить, вѣсто
 говорить, разговаривать, напр. ходи кума щелычить — то; дос-
 пѣть — что нибудь сдѣлать, напр. экъ онъ какую штуку-то до-
 спѣлъ, вѣсто сдѣлалъ какой нибудь предметъ. Вотъ еще нѣ-
 сколько выраженій, въ которыхъ простолюдинъ любить выражать
 свою досаду и гнѣвъ: некошной тебя побери; лѣшакъ тебя унеси;
 провались ты, окаанный, сквозь землю; сквозземельникъ ты эда-
 кой; чтобы-те провалиться сквозь землю и ни дна не покрышки
 не хватить; ёлдыга; штѣ бы те околѣть; саванъ вѣшний, гробъ
 вѣшний; калига и проч.

Наружность здѣшнихъ жителей не отличается ничѣмъ осо-
 беннымъ. Росту они большею частію средняго, тѣлосложенія и
 мужчины и женщины крѣпкаго; волосы, какъ у мужчинъ, такъ и

у жепщинъ, по большей части темнорусые. Черты лица у тѣхъ и у другихъ довольно правильныя и при всемъ томъ рѣдко можно встрѣтить въ нашемъ городѣ женщину, которая бы отличалась особенною привлекательностію.

Въ одеждѣ замѣтна нѣкоторая чистота и щеголеватость. Пожилые люди, по старому обычаю, носятъ еще длинныя суконныя сюртуки и чепаны; жилеты глухіе съ прямыми воротникомъ и брюки, опущенныя въ голенища сапоговъ, почему голенища дѣлаются высокія и при томъ съ лоскомъ, какъ старыя батфорты. Но нынѣшнее молодое поколѣніе одѣвается далеко не такъ, особенно это можно отнести къ классу болѣе или менѣе богатому—къ купцамъ, какъ людямъ, бывающимъ въ другихъ лучшихъ городахъ, гдѣ они могутъ видѣть и перенимать все лучшее, принятое между высшимъ сословіемъ тѣхъ городовъ. Теперь богатые купцы для себя и своихъ женъ стали выписывать изъ столицъ различныя дорогіе предметы роскоши, о которыхъ лѣтъ 10 тому назадъ старики, конечно, не могли и подумать иначе, какъ о вещахъ раззорительныхъ и ненужныхъ. Молодая купчиха одѣвается въ самыя модныя костюмы, необходимою принадлежностію ихъ туалета считаются уже брилліантовыя кольца, брошки, серьги и фермуары; въ зимнее время нерѣдко можно видѣть на нихъ бархатныя платья, и бархатныя салопы на лучшихъ лисьихъ мѣхахъ. Древняго наряда въ настоящее время вы не замѣтите здѣсь почти ни на комъ, исключая развѣ еще старушекъ, да и на нихъ видны уже не кокошники и ширинки, а простыя повязки—шелковыя косынки. Дѣвицы мѣщанскія въ лѣтнее время ходятъ просто въ волосахъ или же надѣваютъ чепчики, простенькіе уборы, сдѣланныя изъ лентъ или бархатокъ; платья же носятъ обыкновенно ситцевыя, шерстяныя или кисейныя. Зимой мѣщанки одѣваются въ шубы на бараньемъ или мерлуцатомъ мѣху съ большимъ воротникомъ, носятъ также и мантильи на бѣличьемъ или лисьемъ мѣху. Нѣкоторыя изъ мѣщанокъ носятъ еще коротенькія парчевыя шубки, опушенныя

кувынги, либо лысьнги иѣхомъ. На головахъ, многія изъ пожилыхъ иѣщанокъ носятъ подчепешники и чехлики.

Браки въ нашемъ городѣ совершаются въ ранній возрастъ жениха и невѣсты, потому что родители опасаются, чтобы ихъ дѣти не могли безъ женатой жизни нравственно испортиться. По этому у насъ рѣдко можно встрѣтить неженатаго мужчину лѣтъ въ 30; на такого мужчину неблагоклонно смотрятъ всѣ, даже и тѣ семейства, въ которыхъ вовсе нѣтъ дочерей. Слѣдуя такому настроенію общесгва, родители-старики, какъ скоро сынъ ихъ достигъ совершеннолѣтія, начинаютъ хлопотать объ отысканіи ему невѣсты. Выборъ падаетъ болѣе на ту изъ дѣвицъ, которая можетъ быть не только доброю женою для своего мужа, но и женщиною, какъ говорится, работницею, потому что не только въ иѣщанскомъ быту, но даже и въ купеческомъ средней руки, зачастую не держатъ прислуги. Заботясь же о такомъ раннемъ пристройствѣ своихъ дочерей, родители заблаговременно также приготавливаютъ для нихъ приданое, которое ко времени совершеннолѣтія дочери бываетъ почти все готово, исключая развѣ свадебныхъ нарядовъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ во время самой свадьбы.

Сватовство въ нашемъ городѣ, какъ и вездѣ въ нашемъ отечествѣ, непремѣнно производится чрезъ свахъ, какъ посредствующихъ съ той и другой стороны лицъ, но въ сущности хлопочущихъ единственно объ интересахъ своихъ, а не жениха и невѣсты. Задумавъ женить своего сына, родители, посоветовавшись въ своемъ домашнемъ кругу, съ благословенія Божія посылаютъ, уже выбранную заранѣе, бойкую сватунью въ тотъ домъ, гдѣ сыну ихъ болѣе нравится невѣста. Свахѣ поручаютъ узнать отъ родителей невѣсты, намѣрены ли они выдать свою дочь за ихъ сына, и если намѣрены, то что дается за ихъ дочерью въ приданое, какъ изъ денегъ, такъ и изъ платья. Если родители по чему либо не соглашаются выдать свою дочь за жениха, отъ котораго получили предложеніе, то сваха считаетъ своею обязанностію выхвалять достоинства же-

ниха, положеніе и характеръ семейства, къ которому онъ принадлежитъ и проч. Надобно замѣтить, что сватовство ведется сперва секретно, изъ опасенія, чтобы кто нибудь разными слухами и сплетнями не разстроилъ предположеннаго брака.

Родители невѣсты, узнавши отъ свахи о цѣли ея прихода, если согласны имѣть дѣло съ людьми, пославшими ее къ нимъ, то ласково и убѣдительно просятъ дорогую гостью остаться у нихъ и побесѣдовать съ ними о дѣлѣ. Переговоривъ съ нею о чемъ должно и угостивъ ее на порядкахъ, при разставаніи съ нею, родители невѣсты просятъ ее пожаловать въ извѣстный день вмѣстѣ съ женихомъ и его родными, при чемъ заказываютъ послѣднимъ: „чтобы будущіе сваты не беспокоились очень о приданомъ; на счетъ приданаго какъ нибудь сойдемся; если мы немного поприбавимъ, да они поубавятъ, вотъ у насъ и дѣло сойдется“. Если же за жениха, отъ котораго пришла сваха, родители невѣсты, по какимъ либо причинамъ, не намѣрены выдать свою дочь, то отказываютъ тѣмъ, что въ нынѣшній мясоѣдъ они не приготовились отдавать ее, или о выдачѣ ее немного подумаютъ, или же другимъ какимъ нибудь болѣе или менѣе ласковымъ словомъ.

Если посольство свахи увѣнчалось успѣхомъ, то родители жениха, женихъ и сваха отправляются въ назначенный день къ невѣстѣ. Невѣста, вмѣстѣ съ своими родными, встрѣчаетъ пришедшихъ гостей и садится гдѣ нибудь въ той же комнатѣ, въ которую приняты гости, но вскорѣ удаляется. Въ другой разъ невѣста выходитъ съ чаемъ, которымъ обноситъ всѣхъ пришедшихъ гостей, въ томъ числѣ и своего жениха. Въ третій разъ выходитъ угощать десертомъ, послѣ чего уходитъ въ свои домашнія комнаты и уже болѣе не показывается. Этимъ вечеръ, однако, не оканчивается. Вслѣдъ за невѣстой удаляются и ея родители, чтобы узнать отъ нея, нравится ли ей женихъ, и рѣшить между собою окончательно, что за нея дать въ приданое. Между тѣмъ и родители жениха спрашиваютъ его, согласенъ ли онъ взять за себя видѣнную невѣсту, совѣтуются

также съ нимъ и между собою относительно того, на чемъ имъ остановиться въ условіяхъ о приданомъ. Посовѣтовавшись такимъ образомъ и не находя препятствій къ соглашенію, родители жениха и невѣсты сходятся вѣстѣ, сговариваются между собою, въ знакъ согласія ударяютъ по рукамъ и молятся Богу. Этотъ вечеръ обыкновенно называется „смотрами“ или „казаніемъ невѣсты“. Если въ этотъ вечеръ послѣдовало рукобитье, то оно празднуется особо въ другой вечеръ, который такъ и называется „рукобитье, сговоръ“. Чтобы просватать дочь, говорятъ здѣсь, для этого нужно сдѣлать форменный праздникъ, по которому бы всѣ знали въ городѣ, что такая-то невѣста дѣйствительно просватана за такого-то жениха. На этотъ форменный праздникъ, называемый сговоромъ, приглашаются родные и даже знакомые, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты и, кромѣ того, священникъ. По приходѣ священника—мать выводитъ изъ домашнихъ комнатъ невѣсту, которая рядомъ съ женихомъ становится передъ иконами. Священникъ впереди жениха и невѣсты, обращенный также къ иконамъ, съ животворящимъ крестомъ въ рукахъ, читаетъ извѣстную молитву. По прочтеніи молитвы, женихъ и невѣста прикладываются ко кресту, потомъ здороваются (цѣлуются) между собою, съ родителями и со всѣми присутствующими. Послѣ этого обряда женихъ и невѣста уже имѣютъ право сидѣть и ходить вѣстѣ. Въ сговоръ невѣста даритъ чѣмъ нибудь своего жениха, его отца и мать, а также и священника; женихъ въ свое время непременно отдариваетъ невѣсту, а также отца и мать невѣсты. Надо замѣтить, что смотри и сговоръ бывають нерѣдко и за одинъ разъ.

На другой день послѣ сговора женихъ приходитъ къ невѣстѣ съ гостинцами. Гостинцы онъ приноситъ невѣстѣ раза три и болѣе. Всякій разъ, когда онъ бываетъ у невѣсты съ гостинцами, собираются къ ней дѣвицы—ея родственницы или знакомыя. Онъ пьетъ что нибудь на невѣсту и поютъ пѣсни, чтобы развлечь ее отъ грусти, которая овладѣваетъ ею въ

это время. Дня за два или за три до свадьбы бываетъ дѣвишникъ, на который собираются почти однѣ дѣвицы. Въ вечеръ дѣвишника дѣвицы поютъ пѣсни, грустное содержаніе которыхъ отвѣчаетъ настоящему событію и возбуждаетъ въ невѣстѣ иногда слезы. Впрочемъ, дѣвишникъ празднуется болѣе открыто, когда не празднуютъ сговора.

Наканунѣ свадьбы съ иконою отправляютъ въ домъ жениха и все имѣніе, идущее въ приданое его невѣсты, отправляютъ въ сопровожденіи постельницы, женщины опытной, которая передаетъ приданое жениху на руки и приготовляетъ спальную („подклѣтъ“) комнату для будущихъ молодыхъ. Въ день брака, не задолго передъ тѣмъ временемъ, какъ ѣхать къ вѣнцу, поѣзджане со стороны жениха собираются къ нему въ домъ. Тогда женихъ, а передъ нимъ отецъ и мать его кладутъ предъ иконами нѣсколько земныхъ поклоновъ. Потомъ отецъ и мать обращаются къ сыну, вѣстѣ держа благословенную икону; сынъ предъ этою иконою кладетъ три земныхъ поклона и приклоняетъ голову; родители трижды крестообразно осѣняютъ иконою приклоненную голову сына и черезъ голову его передаютъ икону шаферу, иначе дружкѣ. Непосредственно за этимъ точно также благословляютъ его нарочно приготовленнымъ для этого случая хлѣбомъ, и также черезъ голову передаютъ этотъ хлѣбъ дружкѣ. Принявши такимъ образомъ благословеніе отъ родителей, женихъ падаетъ имъ въ ноги, цѣлуетъ ихъ руки и въ уста; за тѣмъ цѣлуетъ въ уста другихъ своихъ родственниковъ, и всѣхъ находящихся въ комнатѣ ⁽⁵⁰⁾. Между тѣмъ въ домѣ невѣсты совершается точно такой же обрядъ благословенія, по окончаніи котораго шаферъ со стороны невѣсты извѣщаетъ жениха, что невѣста готова къ вѣнцу. Тогда жениховъ поѣздъ, въ которомъ участвуетъ и священникъ, отправляется

(50) При этомъ прощаніи жениха съ родными водится здѣсь обычай давать ему на дорогу денегъ, сколько кто можетъ дать, а особенно даются тутъ старинныя деньги—рубли и полтинники.

въ церковь, гдѣ дожидается прибытія невѣсты. По прибытіи невѣстина поѣзда, женихъ выходитъ изъ церкви на паперть, гдѣ встрѣчаетъ невѣсту и потомъ оба они входятъ въ церковь. Но чаще бываетъ такъ, что жениховъ поѣздъ, въ которомъ непременно находится священникъ, отправляется не въ церковь, а въ домъ невѣсты. Здѣсь въ такомъ случаѣ посреди комнаты бываетъ накрытый и уставленный приборами столъ, на которомъ находится хлѣбъ съ солью или какое нибудь пирожное. Женихъ съ невѣстой, священникъ и поѣзжане обѣихъ сторонъ садятся за столъ, гдѣ, за исключеніемъ жениха и невѣсты, которые, по обыкновенію, въ день брака постятся, всѣхъ обносятъ рюмкою вина. Послѣ чего всѣ встаютъ изъ за стола, священникъ съ крестомъ въ рукахъ читаетъ молитву, прикладываетъ жениха и невѣсту ко кресту и потомъ всѣ, за исключеніемъ родителей невѣсты, отправляются въ церковь. Изъ церкви возвращаются непременно другою дорогою, а не тою, какою ѣхали въ церковь. Въ домѣ жениха отецъ и мать его съ хлѣбомъ и стаканомъ меда на подносѣ встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ. Здѣсь молодые пьютъ медъ да здороваются съ родителями и сопровождаемые всѣми поѣзжанами и шаферами съ благословенными иконами входятъ въ комнаты. По приѣздѣ въ домъ молодыхъ, тотчасъ же у нихъ бываетъ „подавай“ или бросаніе на драку ребятишкамъ и вообще всѣмъ тѣмъ любителямъ, которые имѣютъ сильное желаніе погулять и полакомиться на счетъ и на здоровье новобрачныхъ князя и княгини. Въ это время калачи, булки, пиво и вино расходятся для такихъ нецеремонныхъ посѣтителей въ большомъ количествѣ.

На другой день свадьбы молодые отправляются дѣлать визиты ко всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ привозятъ въ подарокъ конфекты, пряники (гостинцы). Тѣхъ, которымъ дѣлаютъ визиты, молодые просятъ въ тотъ же день пожаловать къ нимъ на вечеръ. А къ тѣмъ, у которыхъ не успѣютъ быть съ визитомъ, посылаютъ

приглашеніе. Этотъ вечеръ называется „веселымъ пиромъ“, которымъ и оканчивается свадебное торжество.

На третій день свадьбы здѣсь въ мѣщанствѣ непременно топятъ баню для молодыхъ. Это дѣло исправляютъ услужливые шафера или дружки. Пока дружки исполняютъ возложенное на нихъ дѣло, въ домѣ молодыхъ между тѣмъ своимъ чередомъ идетъ сильное веселіе и пляска. Въ этомъ веселомъ состояніи гости провожаютъ своихъ молодыхъ въ истопленную баню. Изступленные крики, игра на скрипкахъ, бой въ сковороды и заслоны знаменуютъ это шествіе. А нѣкоторыя изъ пьяныхъ женщинъ даже взлѣзаютъ на крышу бани, въ которой находятся молодые, и хлещутъ изъ всей силы себя вѣникомъ съ разными притомъ приговорами и причудами. По выходѣ молодыхъ изъ бани дурачества гостей продолжаютъ пуще прежняго. Теперь многіе изъ гостей дѣлаются какъ будто чисто сумасшедшими, ибо, не ограничиваясь своимъ шумомъ, пляской и музыкой, они бросаютъ на полъ все, что ни попадетъ имъ подъ руку, какъ напр. горшки, корчаги, ведра и т. п. и все это разбиваютъ и разрушаютъ какъ бы въ честь молодыхъ. Изъ этого можно до извѣстной степени судить и о нравственности здѣшняго простолюдина, впрочемъ, такое дикое веселіе бываетъ нынѣ только въ болѣе или менѣе грубомъ мѣщанствѣ.

Учит. Котельническаго уѣзд. училища *Илья Глушковъ*.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Грамота патриарха Филарета на построеніе новаго собора въ г. Котельничѣ (¹).

Божіею извѣстію се азъ смиренный великій господинъ и государь святѣйшій Филареть, патриархъ Московскій и всеа Русіи. Били намъ челомъ съ Вятки Котельнича города церковной староста Павликъ Рябовъ и во всѣхъ прихожанъ мѣсто, а сказали: храмъ де у нихъ въ кремль городѣ ветхъ и служить въ немъ не мочно, и они де общались воздвигнуть новой храмъ во имя Святые Живоначальные Троицы, да въ предѣлѣ святые великомученицы Парасковгеи, нареченные Пятницы, за городомъ въ острогѣ на новомъ мѣстѣ на площади у креста, и намъ бы ихъ благословити, велѣти бѣ имъ на тотъ храмъ и на предѣлѣ лѣсъ ронити и дати антимисы: и азъ смиренный великій господинъ и государь святѣйшій Филареть, патриархъ Московскій и всеа Русіи, Котельнича города церковного старосту Павлика Рябова и всѣхъ прихожанъ благослови, велѣлъ имъ лѣсъ ронити и въ томъ лѣсу на Вяткѣ Котельнича города въ острогѣ на площади у креста воздвигнуть новой храмъ во имя Живоначальные Троицы, да въ предѣлѣ святые великомученицы Парасковѣи, нареченные Пятницы, на новомъ мѣстѣ, а старой храмъ, которой нынѣ тутъ есть, велѣтъ розобрать, да что изъ того старого храма къ новому храму лѣсу на подѣлку пригодится, и тотъ лѣсъ къ новому храму на подѣлку имати, а что того лѣсу у нового храма за подѣлкою останется, и тотъ достальной лѣсъ вывезть на

(¹) Всѣ эти грамоты хранятся въ архивѣ здѣшняго Троицкаго Собора.

поле и склать въ чистѣ мѣстѣ, или его складчи въ одно мѣсто, огнемъ спалить; а предѣль прирубить съ стороны, чтобъ двои царскіе двери на одномъ брусу не были, а былъ бы предѣль, церковь и олтари особно; а гдѣ былъ старой престолъ, и то мѣсто велѣть огородить и обрубить и землю насыпавъ покрыть и крестъ поставить, чтобъ тутъ никто не ходилъ и нечистоты бѣ никакіе не прикасало; а онтимисъ старого престола въ новомъ престолѣ подъ доскою задѣлать въ десной столбецъ отъ восточные стороны, вытесавъ ящикомъ и задѣлавъ велѣть доскою накрыть по прежнему; а какъ тотъ новой храмъ и предѣль совершатся, и на тотъ храмъ и на предѣль велѣть имъ дать антимицы и освятити тотъ новой храмъ и предѣль попу со дьякономъ по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7132, іюля въ 6 день.

Подлинная грамота за печатью патриарха Филарета. На оборотъ скръпа: діакъ Микифоръ Шипулинъ.

1824-го года іюля 6 дня
По описи № 1.

Грамота Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, на построение новой соборной церкви на томъ же мѣстѣ, вмѣсто сгорѣвшей Троицкой церкви.

Божіею милостію се азъ смиренный преосвященный Іона, архіеписковъ Вятскій и Великопермскій, по благодати Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, даннѣй намъ отъ пресвятаго и животворящаго Духа. Били челомъ намъ преосвященному архіепископу Котелнича города соборной Троицкой церкви протопопъ Іоаннъ съ братіею да староста церковной Якушко

Корякии съ приходскими людьми, а въ челобитной ихъ написано: въ нынѣшнемъ де во 195 году октября противъ 2-го числа ночью порою въ пожарное время сгорѣла у нихъ соборная Троицкая церковь, и чтобъ намъ преосвященному архіепископу пожаловать ихъ, благословить имъ лѣсъ ронить, и въ томъ лѣсу воздвигнути вмѣсто погорѣлой церкви новую церковь во имя живоначалной Троицы теплую на прежнемъ церковномъ мѣстѣ, и о томъ дать нашу благословенную грамоту. И азъ смиренный преосвященный Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермскій, слушавъ ихъ протопопа Іоанна съ братією и старосты церковного съ приходскими людьми челобитья, пожаловать ихъ, благословилъ имъ на тою церковь лѣсъ готовить и въ томъ лѣсу воздвигнути вмѣсто сгорѣлой церкви новую теплую церковь во имя живоначалной Троицы на прежнемъ церковномъ мѣстѣ, и о томъ велѣлъ имъ дать сію нашу благословенную грамоту; а верхъ бы на той церкви былъ не шатровой и олтарь круглой, и изъ церкви во олтарь построить трой двери: царскіе, сѣверные, южные; а святые иконы поставить по чину; а какъ та построится и ко освященію изготовится церковь, и тогда намъ возвѣстить, и мы укажемъ на освященіе дать отъ соборныя церкви святой антиминосъ и тою церковь по правиломъ святымъ освятить. Писанъ на Вяткѣ во градѣ Хлыновѣ, лѣта 7195-го октября въ 9 день. Къ сей благословенной грамотѣ преосвященного Іоны, архіепископа Вятского и Великопермского, печать приложена.

Подлинную подписалъ Дьякъ Федоръ Пачезерецъ.

1686 года октября 9 дня.
По описи № 4.

Грамота тогожъ архієпископа на перенесеніе Алексѣевской холодной церкви на то мѣсто, гдѣ была церковь Архангельская Николаевского приходу.

Божією милостію смиренный преосвященный Іона, архієпископъ Вятскій и Великопермскій, по благодати Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, даннѣй намъ отъ пресвятаго и животворящаго Духа. Въ нынѣшней во 195 году іюля въ 21 день били челомъ намъ преосвященному архієпископу нашея епархіи Котельнича города соборной Троицкой церкви протопопъ Іоаннъ съ братією да тоежъ церкви староста церковной Якушко Корякинъ съ приходскими людьми, а въ челобитной ихъ написано, чтобъ намъ преосвященному архієпископу пожаловать ихъ протопопа съ братією и старосту съ приходскими людьми, благословить, велѣть имъ церковь холодную Алексѣя Человѣка Божія перенести на мѣсто, гдѣ была церковь Архангельская Николаевского приходу, что сгорѣла, и къ той церкви трапеза прирубить и сомщить, потому что та ихъ церковь на Вятку пошатилась и служить опасно, а на томъ церковномъ мѣстѣ построи́ти бѣ имъ часовну. И мы преосвященный Іона, архієпископъ Вятскій и Великопермскій, слушавъ ихъ протопопова Іоаннова съ братією и старосты церковного съ приходскими людьми челобитья, пожаловалъ, благословилъ имъ тое церковь Алексѣя Человѣка Божія съ того мѣста перенести, а на томъ церковномъ мѣстѣ построи́ти часовню и о томъ (велѣлъ) дать имъ нашу благословенную грамоту противъ ихъ челобитья, а какъ та церковь построи́тся и ко освященію изготавится, и тогда намъ возвѣститъ, и мы тое церковь укажемъ по правиломъ святымъ освятить. Писана въ богоспасаемомъ градѣ Хлыновѣ, лѣта 7195 іюля въ 22 день. Къ сей благословенной грамотѣ преосвящен-

ный Юанъ, архіепископъ Вятскій и Великоперскій, велѣлъ исчать
свою приложити.

Подлинную подвясалъ Дьякъ Федоръ Пачезерскъ.

1687 года июля 22.
По описи № 2-й.

**Сказка протопопа Іоанна съ священниками и приходскими
людьми о пожарѣ, бывшемъ въ г. Котельничѣ на 2-е
октября 1686 года.**

Лѣта 7195-го ноября въ 7 день въ Котельничѣ въ Предотече-
скомъ монастырѣ предъ казначеемъ старцомъ Нафонамомъ да
предъ сыномъ боярскимъ Петромъ Ложеницынымъ города Котельнича
соборной Троицкой протопопъ Іоаннъ, да попъ Петръ, да попъ
Фаддей, староста Іжковъ Корякинъ соборного Троицкого приходу
съ мирскими людьми сказали: въ нынѣшнемъ во 195 году
октября противъ второго числа волею Божіею погорѣлъ градъ
Котельничъ и церкви Божіи и колоколницы и колокола: со-
борныхъ Троицкихъ было семь колоколовъ, въ большемъ было
вѣсу семдесятъ пудъ, другой девятнадцать пудъ, третьей пятнад-
цать пудъ, да въ двухъ колоколахъ восемь пудъ, да въ двухъ
же малыхъ колоколахъ пятнадцать пудъ напримѣръ; а во всѣхъ
семи колоколахъ 117 пудъ; а въ церковной троицкой казнѣ тѣмъ
колоколамъ книгъ и описи не объявилось сколько въ нихъ вѣсомъ
пудовъ: то наши и рѣчи.

На оборотѣ подписи:

Протопопъ Іоаннъ руку приложилъ.

Попъ Петръ руку приложилъ.

Попъ Фаддей руку приложилъ.

1686 года ноября 7.
По описи № 3-й.

Грамота Ионы, архієпископа Вятскаго и Великопермскаго, на построєніе Николаевской церкви на Мильчаковскомъ старомъ мѣстѣ, близъ ограды Дѣвичьяго Монастыря.

Божією милостію смиренный преосвященный Иона, архієпископъ Вятскій и Великопермскій. Города Котельнича Николаевской церкви священникъ Игнатій билъ челомъ намъ преосвященному архієпископу о мѣстѣ о поставленіи церкви и много о томъ розглаголанія было: овѣи глаголаху въ городѣ поставить, а инѣи православніи христіане что и въ посадѣ поставить; а въ тѣхъ мѣстѣхъ наша домовая купленная земля: и мы смиренніи тою своею домовою землею на смѣнъ и поступалися сколько доведется по мѣрѣ подъ церковь и посадскихъ людей подъ дворы, которые въ пожарное время погорѣли, а имъ бы православнымъ христіанамъ поступиться пустошью, о которой отъ насъ напредъ сего писано; и у нихъ учинилось непостоянство; и когда имъ то не годно буди такъ, и мы преосвященный Иона, архієпископъ Вятскій и Великопермскій, благословили Николаевскую церковь строить на посадѣ на огородцѣ на Мильчаковскомъ старомъ мѣстѣ близъ ограды дѣвича монастыря. Къ сей благословенной грамотѣ преосвященный Иона, архієпископъ Вятскій и Великопермскій, велѣлъ печать свою приложить.

По описи № 6.

Безъ году и мѣсяца.

Указъ Діонисія, архієпископа Вятскаго и Великопермскаго, жителямъ города Котельнича и его уѣзда, о пощеніи и принесеніи покаянія въ великій постъ.

Божією милостію смиренный преосвященный Діонисій, архієпископъ Вятскій и Великопермскій. По благодати всесвятаго

и животворящаго Духа, даннѣи нашему смиренію есархіи нашей всеа Вятскія и Перискія странъ люди Божія управлять и на всякій путь правости наставляти и во еже согрѣшающихъ и кающихся приняти по реченному словеси; якоже отъ самого Господа Бога ко святымъ Его ученикомъ и Апостоломъ провѣщая: примите Духа Святаго, иже же отпустите грѣхи, отпустятся, и иже же удержите—удержатся, и о семъ вамъ освященному всему духовному чину и всему православному христіанству вѣдомость предлагаю. Въ нынѣшнее настоящее время въ лѣто 1704 году мѣсяца февруаря въ день, по заповѣдемъ Божиимъ и по предавію святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, указали мы преосвященный архіепископъ вамъ освященному духовному чину и церковному причту и всѣмъ православнымъ христіаномъ мужеска полу и женска и съ дѣтми ихъ въ сей святой великій постъ чтобъ постились и грѣховъ своихъ покаались и души свои святымъ покаяніемъ обновили. И какъ сей нашъ преосвященного архіепископа указъ богоспасаемаго града Котельнича духовныхъ дѣлъ закащику соборному Троицкому священнику Григорію придетъ, и тебѣ бѣ сей нашъ указъ того града Котельнича градской и всѣхъ приходскихъ церквей протопопу и священникомъ и церковному причту и приходскимъ людемъ во святыхъ церквахъ велѣтъ вычитать по часту, а въ Котельницкой уѣздъ по всѣмъ церквамъ безобходно послать съ сего нашего указа тебѣ духовныхъ дѣлъ закащику списки за своею рукою тотчасъ, не мотчавъ, съ нарочными посылщики съ трапезники (1) и велѣтъ всѣхъ церквей священникомъ по сему нашему указу коеуждо въ своемъ приходѣ чинить по сему нашему указу неотложно; а которые люди въ сей святой великій постъ будутъ въ отгѣздѣхъ, и тѣмъ людямъ сказать, чтобы они въ нынѣшнемъ же году въ иные посты на покаяніе приходили, и которые люди на покаяніи у кого будутъ и которые, забывъ страхъ Божій и заповѣди святыхъ Апостолъ и

(1) Трапезникъ—сторожъ при церкви.

бегоносныхъ Отецъ, и сему нашему преосвященному архіепископу указу, учинятея послушны, постытися не будутъ и на покаяніе не пойдутъ, и за чѣмъ не пойдутъ, и тѣмъ людямъ имянные росписи изъ всѣхъ приходоѡ за священническими руками велѣтъ присылать въ Хлыновъ въ приказъ преосвященнаго архіепископа и подавать казначею іеромонаху Никонору, да приказному человѣку Максиму Сисоеву, да дьякомъ Якову Давыдову, Ивану Полеву. Къ сему указу преосвященный Діонисій, архіепископъ Вятскій и Великопермскій, указалъ печать свою приложить.

1704 марта въ 5 день подалъ преосвященнаго архіепископа грамоту Котельницкаго уѣзда Юрьевской волости Павелъ Оленивъ.

Запись о zaloженіи соборной Троицкой церкви въ г. Котельничѣ.

1703 года апрѣля въ 15 день, по благословенію преосвященнаго Діонисія, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, и по его изустному приказу, а по челобитью Котельнича города соборнаго церковнаго протопоса Іоанна съ братією и приходскими людьми о мѣстѣ подъ соборную Троицкую новозаводную каменную церковь на его архіерейской домовой пашенной землѣ противъ Николаевской церкви, въ полѣ мѣрою отъ часовни пятьдесятъ сажень печатныхъ поперечника, а длинника отъ половничныхъ дворовъ... двора прямо къ рѣчкѣ Башкиревицѣ семьдесятъ три сажени, а въ тое земли мѣсто отвели посадскіе жители пустошь, съ его архіерейскою домовою пашнею смежно, длиннику сто двадцать сажень печатныхъ, а поперечника восемьдесятъ пять сажень печатныхъ; а у мѣры и на отводѣ той земли были Котельнича города Предтеченскаго монастыря строитель монахъ Антоній, протопосъ Іоаннъ съ братією, да градскіе и уѣздные люди: городничій Дмитрій Кусковъ, посадскіе люди:

Афанасій Халтуринъ, Иванъ Шабалинъ, Ѳедоръ Матѣевъ, Павелъ Новоселовъ, Тимофей Пинаевъ, Ѳедоръ Пиковъ, Ювъ Мильчаковъ, Василій Пинаевъ; Тяглого стана: Ермолай Шабалинъ, Семенъ Шильниковъ, Павелъ Патрушинъ; Оброчнаго стана: Антонъ Петровъ, Улянъ Гребенинъ, Алексій Селезневъ, Иванъ Девятой, Иванъ Мелчаковъ, Сергій Пушкаревъ, Кирило Сухихъ, Павелъ Сисоевъ, Василій Шошинъ, Якимъ Новоселовъ. Вмѣсто Тимофея Пинаева, Ѳедора Пикова съ товарищи, oprичь ученыхъ, Михайло Шильниковъ руку приложилъ.

1705 года сентабря въ 15 день было основаніе соборной Троицкой и Алексѣя Человѣка Божія каменной церкви въ четвертокъ, а на то число изъ Хлынова большаго собору пріѣзжали протопопъ Павелъ Лазаревъ съ братією съ чудотворнымъ образомъ съ Николаемъ Великорѣцкимъ для всенароднаго моленія, а на основаніи были тоя соборной Троицкой и Алексѣевской церкви протопопъ Іоаннъ Аммосовъ съ братією—подписали своею рукою.

Городничій Дмитрій Кусковъ руку приложилъ.

Осипъ Микишевъ и вмѣсто Алексѣя Селезнева по его велѣнію руку приложилъ.

Афанасій Халтуринъ руку приложилъ.

Котельничанинъ Наумъ Рогачевъ руку приложилъ.

Антонъ Степановъ руку приложилъ.

Осипъ Щепинъ руку приложилъ.

Василій Глушковъ руку приложилъ.

Котельничанинъ Степанъ руку приложилъ.

1703-го апрѣля 15 дня.

По описи № 7.

Сообщ. Учит. Илья Глушковъ.

БЫТЬ КРЕСТЬЯНЪ

КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ, ОБОЯНСКАГО УЪЗДА.

ВВЕДЕНІЕ.

Крестьяне, населяющіе Обоянскій уѣздъ, по происхожденію своему, раздѣляются на Русскихъ и Малороссіянъ. Первые считаются старожилами этой мѣстности и составляютъ главную массу населенія, а послѣдніе—переселенцы изъ Малороссійскихъ губерній, сохранившіе свои отличительныя черты въ языкѣ, въ образѣ жизни, въ обычаяхъ, въ одеждѣ, и составляютъ только около одной десятой доли населенія цѣлаго уѣзда. Малороссіяне, до изданія Манифеста 19 февраля 1861 года, принадлежали, большею частію, къ крѣпостному состоянію. Между крестьянами, составлявшими крѣпостное состояніе, встрѣчаются также переселенцы изъ Великороссійскихъ губерній, отличающіеся отъ прочихъ жителей уѣзда своимъ нарѣчіемъ и одеждою, но число ихъ въ общей массѣ Обоянскаго населенія незначительно. Здѣсь я намѣренъ представить бытъ Русскихъ крестьянъ, какъ господствующей части здѣшняго населенія.

Жилища.

Русскія селенія въ здѣшнемъ уѣздѣ имѣютъ между собою родственное сходство по своему скучному виду и беззаботному характеру населенія. Они расположены болѣе въ одинъ или два ряда, смотря по ихъ величинѣ, вообще неправильно, въ безпорядкѣ. Строенія сжаты и представляютъ сплошныя массы дворовъ, вытянутыхъ болѣе или менѣе въ кривыя, изломанныя линіи. Улицы и переулки тѣсны, такъ что въ иныхъ невозможно разъѣхаться двумъ телѣгамъ; отъ такой тѣсноты весною и осенью бываетъ на улицахъ невылазная грязь. Позади дворовъ расположены огороды и гумны, а тамъ, гдѣ селенія тянутся въ одинъ рядъ, огороды расположены впереди дворовъ, противу каждаго домовладѣльца.

Дворы вездѣ огораживаются плетнемъ изъ хвороста, но огороды и гумны не вездѣ имѣютъ плетневую огороду, а во многихъ селеніяхъ обносятся валомъ изъ соломы, земли и хвороста. Среди двора, обыкновенно, крестьянинъ строитъ свою избу, а около ней располагаетъ остальную постройку. Изъ этого порядка слѣдуетъ исключить немногія постройки въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селеніяхъ и селеніяхъ, стоящихъ при большихъ дорогахъ, гдѣ жители имѣютъ постоянные дворы; тамъ дома строятся окнами на улицу.

Избы свои крестьяне строятъ деревянныя, которыя покрываются соломою, пригнетаемою притугами (жердями, полагаемыми на крышѣ); основанія ихъ обносятся завалиною; но рѣдко онѣ обмазываются глиною даже снаружи, а внутри никогда.

Тамъ, гдѣ жители побогаче, избы строятся на два отдѣленія, раздѣленныя сѣнями, изъ которыхъ налѣво и направо двери: одиѣ ведутъ въ освѣщенную двумя красными и однимъ или двумя волоковыми окнами свѣтлицу—комнату болѣе чистую, иногда раздѣленную тонкою досчатою стѣною, образующую другой небольшой покой, называемый комнаткою; другая дверь изъ сѣней ведетъ собственно въ избу, гдѣ приго-

товляется кушанье и живетъ семья крестьянина. Избы быва-
 ютъ безъ дымовыхъ трубъ и съ дымовыми трубами; въ пер-
 вомъ случаѣ онѣ называются черными, а въ послѣднемъ —
 бѣлыми. Встрѣчаются и такія связи, въ которыхъ изъ сѣней
 другая дверь ведетъ въ клѣтъ; но клѣти, большею частію,
 строятся особо отъ жилыхъ строеній. У бѣдныхъ же крестъ-
 янъ избы состоятъ изъ одного покоя съ сѣнями, нерѣдко
 плетневыми. Предъ входомъ въ сѣни у немногихъ бываетъ
 крыльцо, а скорѣе у порога съ наружной стороны лежитъ
 толстый отрубокъ дерева или большой камень. Нечистота и
 вонь первая встрѣчаютъ входящаго въ жилище крестьянина:
 въ сѣняхъ у нихъ часто кормятся свиньи и куры; тутъ можно
 встрѣтить валяющееся на полу корыто, въ которомъ еще не-
 давно кормились свиньи, или опрокинутую лоханку съ помо-
 ями, или что-либо подобное, а порою — и самихъ животныхъ,
 докучливымъ визгомъ напоминающихъ хозяину о своемъ су-
 ществованіи; на лавкѣ стоитъ ведро или изваръ (ушатъ) съ
 водою и корецъ для черпанія воды. Сѣни вездѣ безъ потоло-
 ковъ и съ немощеными полами, а обыкновенно съ земляны-
 ми; у стѣны, отдѣляющей сѣни отъ бѣлой избы или отъ свѣт-
 лицы, гдѣ она есть, на подставкахъ возвышается до самой
 крыши плетневая труба, обмазанная глиною; по угламъ ва-
 ляется разный домашній хламъ, а иногда тутъ же помѣщаются
 ступа, жлукта (букъ) или что-либо другое изъ домашнихъ
 принадлежностей.

Внутренность свѣтлицы представляетъ видъ гораздо отряднѣе:
 вокругъ стѣнъ устроены лавки для сидѣнья; въ главномъ углу
 на полкѣ, прикрѣпленной къ стѣнамъ, помѣщаются святые (обра-
 за), прикрытые нѣсколько сверху рупникѣмъ (полотенцемъ);
 уголь, гдѣ помѣщаются образа, называется святымъ угломъ,
 а подка, на которой они поставлены — боженкою; подъ обра-
 зами на лавкѣ у крестьянъ болѣе религіозныхъ стоитъ руч-
 ная глиняная кадильница, а на боженкѣ — коновка (небольшой
 деревянный сосудъ съ ладономъ); около святаго угла стоитъ

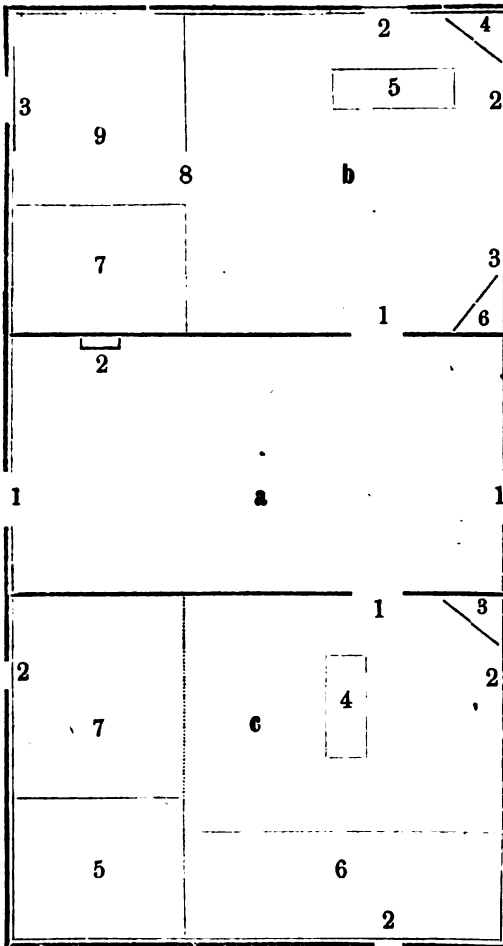
столь, въ праздничные дни покрытый бѣлымъ настольникомъ (скатертью), на немъ всегда можно видѣть большую деревянную соловку, имѣющую форму стула со спинкою; въ другомъ углу вдѣланъ въ стѣны поставецъ (небольшой шкафчикъ), куда крестьяне ставятъ стеклянную посуду: бутылки, штофы, полуштофы и т. п.; на стѣнахъ висятъ два или три рушника, вышитыхъ по концамъ красною бумагою, свидѣтельствующихъ объ искусствѣ молодой невѣстки или невѣсты — дочери крестьянина. Далѣе дверь въ комнату, если такая есть, освѣщенную однимъ и большею частию волоковымъ окномъ; около половины этой комнаты занимаетъ четырехъ-угольная груба (печь). выпущенная одною стороною въ свѣтлицу. Комнатка служитъ спальнею старшимъ въ семействѣ; здѣсь для сна устроены примость, въ родѣ кровати, или лавка, къ которой приставлена скамья; въ углу отъ одной стѣны къ другой положены шесть, на которыхъ вѣшается платье. Мощные полы въ своихъ жилищахъ имѣютъ только зажиточные крестьяне, и тѣ моются не болѣе двухъ разъ въ году.

Но самую грязную картину домашней жизни крестьянина представляетъ курная изба. Трудно найти что-нибудь грязнѣе, вонючѣе, нечистоплотнѣе жилья крестьянина въ зимнее время въ курной избѣ. Едва вы вступаете въ нее — и ваша голова готова удариться объ палаты: это доски, которыя помещены на аршинъ ниже потолка и поддерживаются перекладиною, раздѣляющею избу на двѣ неравныя части: переднюю и заднюю. На этихъ палатахъ крестьяне спать и грѣются. Подлѣ палатей печь; отсюда лезать прямо на палаты. Печь дѣлается не изъ кирпича, а изъ глины, которую сбиваютъ въ плотную массу чекмарями. Между палатами и поломъ устроены еще для сна большыя примости или нары. Трубы въ печкѣ нѣтъ, и когда печь топится, вся изба наполняется дымомъ, который всѣмъ рѣжетъ глаза, колетъ въ носъ, возбуждаетъ кашель; въ это время семья ходитъ согнувшись, а дѣти

лежать на печкѣ, свѣсивъ внизъ головы. Этотъ дымъ, выходя въ растворенныя двери и дымовое окно, оставляетъ на стѣнахъ вѣчную копоть. Передняя часть избы на цѣлый аршинъ выше задней, потому что здѣсь нѣтъ палатей; тутъ у стѣнъ придѣланы коникъ и лавка, въ переднемъ углу на божничкѣ поставлены закопченные образа, подъ образами стоитъ столъ, въ которомъ кладутся хлѣбъ, солонка, ножъ и ложки; около печи, въ той сторонѣ, куда обращено устье, къ стѣнѣ прикрѣплена полица (полка); на ней помѣщается кухонная посуда; на лавкѣ и на примостѣ валяется запачканная одежда и прочій домашній скарбъ; подъ примостомъ или подъ лавкою отгороженъ катухъ (мѣсто для курь). Немощный полъ почти также грязенъ, какъ хлѣвъ. И въ этой низкой, тѣсной, душной избѣ, освѣщенной двумя или тремя большею частью волоковыми окнами, помѣщается семейство крестьянина и непремѣнно кто-нибудь изъ скота, въ предохраненіе отъ холода, и вся нечистота отъ этихъ животныхъ. Ко всему этому прибавить должно, что всегдашними обитателями крестьянскихъ избъ бывають еще прусаки и тараканы. Они до такой степени размножаются, что покрываютъ потолокъ и стѣны, особенно ночью. Крестьяне такъ съ ними свыкаются, что не обращаютъ на нихъ никакого вниманія, не смотря на то, что они часто попадаютъ въ горшки съ кушаньемъ, залѣзаютъ соннымъ въ уши и причиняють чувствительную боль.

Съ учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ курныя избы стали здѣсь переводиться, и теперь болѣе строятся бѣлыя, гдѣ жизнь крестьянъ хотя та же самая, по крайней мѣрѣ свободная отъ дыма. Въ бѣлыхъ избахъ иногда отдѣляется часть противъ печи, гдѣ происходитъ стряпня, досчатую перегородкою; этотъ небольшой отдѣлъ называется топлюшкою.

Описавъ жилое строеніе крестьянина, прилагаю здѣсь для образца отъ руки сдѣланный планъ его.

а. Сѣни.

- 1) Входъ въ сѣни.
- 2) Дымовая труба.

б. Свѣтлица.

- 1) Двери въ свѣтлицу.
- 2) Красныя окна.
- 3) Волоковыя окна.
- 4) Святой уголь.
- 5) Столъ.
- 6) Поставецъ.
- 7) Печь.
- 8) Дверь въ комнату.
- 9) Комнатка.

**в. Изба, гдѣ пригото-
вляется кушанье.**

- 1) Дверь въ избу.
- 2) Окна.
- 3) Образа.
- 4) Столъ.
- 5) Печь.
- 6) Примость.
- 7) Топлюшка.

Домашняя утварь у крестьянъ слѣдующая: скамейки и треножки (табуреты о трехъ ножкахъ) самой грубой работы, а иногда вмѣсто табурета употребляется просто толстый отрубокъ дерева; столовая посуда большею частію деревянная: стѣвецъ (блюдо безъ закраины), миска (блюдо съ плоскими краями), плоская тарелка, на которой рѣжется мясное, нѣсколько ложекъ, половникъ и солонка; одинъ или два ножа съ деревянными рукоятками, кухонная посуда: нѣсколько горшковъ различной величины, одинъ или два чугуна, калгущка

(выдолбленное изъ чурбана блюдо, въ которомъ растапливается сало для щей), одна или двѣ сковороды; около печи въ углу стоятъ рогачи (ухваты), чѣпля (сковородникъ), лопата, на которой сажаютъ въ печь хлѣбы, и помело. Остальную принадлежность избы составляютъ: косарь для щеплянiя лучины, дежѣ (кадка, въ которой заквашивается тѣсто — квашня) съ веселкою, сито, рѣшето, квасничка (кадка съ квасомъ), свѣтецъ или, вмѣсто его, каганецъ (плошка изъ дна разбитаго горшка для освѣщенiя избы), нѣсколько комѣлокъ (плетушекъ) для сажанiя птицъ, пряха (прялка), гребни и донца съ прочими прядильными приборами, мотовило, рубель и каталка (скалка).

При каждомъ домѣ есть подворное строенiе, соответствующее состоянiю крестьянина. Около избы полного хозяина устроены слѣдующiя надворныя принадлежности: 1) Анбаръ для ссыпки хлѣба, рубленый. 2) Рубленая клѣтъ, если нѣтъ такой при избѣ; тутъ, обыкновенно, хранится добро, или худоба (имущество) хозяевъ, какъ то: праздничное платье, мужское и женское, скрины (сундуки) и лазбени (лубочные сундуки или деревянные кадки съ крышками) съ холстами и проч. домашнею рухлядью. 3) Пунька (въ родѣ кладовой изъ плетня), обмазанная глиною или коровьимъ пометомъ, для разныхъ поклажъ. Пунька и клѣтъ служатъ также и для спанья нѣкоторымъ членамъ семейства лѣтомъ и зимою: тамъ спятъ мужья съ женами, особенно молодые, а потому въ больше-семейныхъ крестьянскихъ дворахъ бываетъ двѣ, три и болѣе пунекъ; у бѣдныхъ же поселянъ, за неимѣнiемъ клѣти и анбара, въ пунькахъ хранится имущество и ссыпается хлѣбъ. 4) Сарай или навѣсъ, въ которомъ собираются отъ непогоды телѣги, сани, сохи, бороны и многiя другiя хозяйственныя принадлежности. 5) Погребница — навѣсъ надъ погребомъ. 6) Конюшня для лошадей съ яслими и коягою (большимъ корытомъ, въ которомъ даютъ лошадямъ овесъ). Кояги иногда утверждаются на небольшихъ столбахъ среди двора. 7) Овчарухъ — хлѣвъ для овецъ.

8) Свинухъ — хлѣвъ для свиней. 9) Курникъ — небольшой сарайчикъ, гдѣ ночуютъ куры; но у многихъ хозяевъ куры и другія птицы большею частію размѣщаются по сараямъ, гдѣ попало. 10) Одинъ или два вѣрка (мѣста, отгороженные на дворѣ для загона скота на день). Кромѣ того, во многихъ дворахъ есть колодцы съ цыборами (съ особеннымъ устройствомъ для черпанія воды); но они содержатся въ большой неопрятности.

Въ размѣщеніи надворныхъ построекъ у крестьянъ нѣтъ общаго плана, каждый строитъ ихъ по своему усмотрѣнію; но, во всякомъ случаѣ, хорошій хозяинъ старается обнести ими дворъ свой кругомъ.

На огуменникѣ стоитъ овинъ для сушки хлѣба и полонень — сарай подлѣ молотильнаго тока, въ который сгребается съ тока мякина, и гдѣ хранятся цѣпы, грабли, вилы и лопаты.

Вся постройка покрыта соломою, и при томъ такъ сжата, что, въ случаѣ пожара, не представляетъ никакой возможности къ спасенію. Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селеніяхъ, въ предосторожность отъ пожаровъ, устроены противъ крестьянскихъ дворовъ землянки, въ которыхъ въ лѣтнее время крестьяне варятъ кушанья. Зимомъ, у нѣкоторыхъ, землянки служатъ для загона овецъ, когда онѣ ягнятся.

Одежда.

Мужчины въ обыкновенное время носятъ толстое погонное бѣлье домашняго приготовления: рубаху, съ косымъ воротомъ и подоплекою, длиною до колѣнъ и порты на учкурѣ (гачникѣ), сверхъ которыхъ выпускается рубаха. Подпоясываются тканымъ или сученымъ изъ шерсти пояскомъ, на которомъ многіе имѣютъ обыкновеніе носить складной ножъ и гребешокъ. На шеѣ носятъ мѣдный крестъ или образокъ и ладонку на гитанчикахъ (на бумажныхъ снуркахъ)

или на тесьмахъ. По праздникамъ же, пожилые и не такъ достаточные изъ молодежи надѣваютъ льняныя и пестрадинныя рубахи съ цвѣтными ластовицами, съ тою разницею, что льняная рубаха у молодежи бываетъ разшита красною бумагою въ подолѣ; а парни изъ богатыхъ домовъ наряжаются въ красныя ситцевыя и такъ называемыя александрицкія (изъ александрійки) рубахи; порты надѣваютъ: пожилые—обыкновенные бѣлые посконные, менѣе достаточные изъ молодежи—набойчатые и тяглинные, а тѣ, которые побогаче—китайчатые, и нѣкоторые даже плисовые. Верхняя одежда лѣтомъ: по буднямъ—сѣрые и черныя зипуны или свиты самодѣльнаго сукна, всегда старыя; но въ жаркое время мужчины большею частію ходятъ въ одномъ бѣлѣ. По праздникамъ носятъ новыя свиты и черныя волосенныя (шерстяныя) балахоны (въ родѣ халатовъ), тоже домашняго приготовления; богатые же въ праздникі надѣваютъ кафтаны тонкаго сукна синяго, чернаго и сѣраго цвѣтовъ. Зимкою, по буднямъ, носятъ старыя овчинныя тулупы и полущубки, а въ праздникі надѣваютъ новыя или крѣпкія тулупы и полущубки, или зимнее будничное платье поддѣваютъ подъ лѣтніе праздничные костюмы. Сверхъ верхняго платья, въ праздникі, подпоясываются шерстяными кушаками, а въ непраздничные дни—чѣмъ попало: веревкою, ремнемъ, лишъ бы чѣмъ подпоясаться. На головахъ въ лѣтнее время побуднямъ донашиваютъ старыя шапки, а многіе носятъ бѣлые войлочные гильки—шапки въ родѣ колпаковъ; въ праздничные же дни надѣваютъ новыя шапки съ суконными или плисовыми верхами и бырчатыми (изъ овчинъ молодыхъ барашковъ) или другими какими либо околышами. Молодые парни по праздникамъ носятъ поярчатыя шляпы, которыя перевязываютъ лентами и бархатками, съ стальными или иждными пряжками, и увиваютъ мишурою и павлиными перьями. Зимкою носятъ тѣ же самыя шапки, которыя надѣваютъ и лѣтомъ. На рукахъ носятъ кожанныя рукавицы съ шерстяными

везёнками (варьгами, связанными въ одну иглу), а нѣкоторые изъ молодежи въ праздничные дни надѣваютъ шерстяныя и замшевыя перчатки. Молодые неженатые крестьяне носятъ, для щегольства, перстни или кольца, жѣдные и оловянные, а богатые—серебряные. Обувь, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, одинакова: въ праздники—сапоги, а въ будни—лапти изъ липовыхъ лыкъ, съ суконными онучами; лапти, для прочности, проплетаются въ подошвахъ веревкою. Но лѣтомъ многіе въ будни часто ходятъ босые. Волосы на головѣ мужчины подрѣзываютъ въ скобку (кругомъ) и напереди принимаютъ прямой рядъ (проборъ); молодые подрѣзываются выше, нежели пожилые, и подбриваютъ или гладко выстригаютъ затылокъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ всѣхъ возрастовъ стригутъ макушку. Бороды брѣютъ одни дворовые крестьяне.

Женщины въ обыкновенное время носятъ рубахи также, какъ и мужчины, изъ толстаго посконнаго полотна, а по праздникамъ—съ льняными, коленкоровыми и миткальными станками, но съ толстою посконною подставкою (нижнюю частію отъ пояса до подола); у богатыхъ же онѣ нерѣдко бываютъ и додольныя (цѣльныя, безъ подставки); молодыя женщины и дѣвицы праздничныя рубахи носятъ съ цвѣтными ластовицами, а льняныя, кромѣ того, бываютъ у нихъ съ строчеными, или шитыми красною бумагою, или же красными кумачными поликами (оплечьями); но иногда женщины и дѣвицы носятъ праздничныя рубахи съ бѣлыми кисейными рукавами. Верхняя одежда у женщинъ и дѣвицъ не во всѣхъ селахъ бываетъ одинакова: въ иныхъ носятъ саяны, сукни и сарафаны, а въ другихъ—юбки и панёвы. Саяны носятъ пожилыми женщинами болѣе китайчатце, а молодыми и дѣвицами—ситцевые и красные штофенные. Сарафаны и сукни носятъ какъ женщины, такъ и дѣвицы; первые пьются изъ волосени чернаго и темно-синяго цвѣта, а послѣднія — изъ толстаго самодѣльнаго сукна, окрашеннаго мареною или червленцемъ.

Саяны и сукни, подобно сарафанамъ, дѣлаются на мышкахъ (помочахъ), безъ рукавовъ. Панёвы дѣлаются изъ волосени, клѣтчатыя; у молодыхъ женщинъ и дѣвицъ нарядныя паневы разшиваются гарусомъ, шелкомъ и бумагою, и обшиваются позументомъ, лентами, тесьмою или полосками ситца въ длину и поперегъ. Юбки шьются изъ волосени и сукна, окрашенныхъ мареною или червлевцемъ; но нѣкоторыя изъ женщинъ и дѣвицъ стали носить ихъ ситцевыя и китайчатыя. Праздничная одежда у молодыхъ женщинъ и дѣвицъ оторачивается въ подолѣ лентами или ситцемъ, а штофенныя саяны иногда—золотою или серебряною бахромою; кромѣ того, нарядныя сарафаны и сукни у нихъ обшиваются на груди позументомъ или парчею или бумажною наклеивною тесьмою, и украшаются металлическими пуговицами въ одинъ рядъ отъ груди до подола. Во многихъ селеніяхъ нѣкоторыя пожилыя женщины носятъ еще шубки, въ родѣ сарафановъ, изъ волосени и суконныя чернаго и темно-синяго цвѣта, украшенныя также, какъ сарафаны и сукни, металлическими пуговицами; шубки считаются здѣсь самою старинною одеждою. Всѣ эти одежды носятъ зимою и лѣтомъ: въ праздники—новыя или нарядныя, а по буднямъ—старыя или расхожія; тѣ и другія носятъ иногда съ ситцевыми и бѣлыми полотняными фартуками. Лѣтомъ, нѣкоторыя изъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ надѣваютъ сверхъ сарафановъ, саяновъ и юбокъ парчевыя и красныя кумачныя или штофенныя душегрѣйки. Весною и осенью, женщины и дѣвицы изъ богатыхъ домовъ въ праздники носятъ синіе суконныя кафтаны со сборками назади или нанковые и китайчатые халаты, а тѣ, которые побѣднѣе, носятъ одинаковыя съ мужчинами свиты и балахоны; по буднямъ же всѣ надѣваютъ старыя зипуны. Зимою, какъ женщины, такъ и дѣвицы, въ праздники носятъ новыя овчинныя тулупы и полушубки, а богатые изъ нихъ—такъ-называемыя Польскія шубы, на овчинномъ мѣху, съ лисьими воротниками, лифомъ и глухими карма-

нами на бокахъ, опущенными лисицею; по буднямъ же онѣ донашиваютъ старыя тулупы и полушубки. Головной уборъ у женщинъ зимою и лѣтомъ одинъ и тотъ же. Въ обыкновенное время онѣ повязываютъ головы льняными косынками, большею частію запачканными, или старыми бумажными платками, а иногда просто какою либо тряпкою; нѣкоторыя же донашиваютъ старыя кички или однѣ сороки (въ родѣ шапочекъ, надѣваемые, обыкновенно, сверхъ кичекъ). Въ праздники большая часть здѣшнихъ женщинъ повязываютъ головы бумажными пестрыми платками, преимущественно красно-желтаго цвѣта, а многія изъ молодыхъ женщинъ—пестрыми или красными шерстяными и шелковыми платками. Но главный женскій головной уборъ составляетъ кокошникъ: у богатыхъ молодыхъ женщинъ онъ отдѣляется золотымъ или серебрянымъ гасомъ и называется золотоглавымъ, или золотоглавою, а у тѣхъ, которыя побѣднѣе и вообще у пожилыхъ, кокошники отдѣляются мишурнымъ позументомъ или парчею. Въ нѣкоторыхъ же селахъ носятъ кички различныхъ формъ, на которыя надѣваются сороки, шитыя спереди: у богатыхъ молодыхъ женщинъ—серебромъ и золотомъ; а у бѣдныхъ и пожилыхъ—шелкомъ или гарусомъ, съ блестками и мишурою. При кичкахъ и кокошникахъ носятъ подзатыльники съ шитьемъ, сообразнымъ отдѣлкѣ того головнаго убора, при которомъ они надѣваются. Въ иныхъ селахъ женщины носятъ повойники малиновые бархатные и парчевые: у молодыхъ женщинъ они отдѣляются гасомъ или мишурною тесьмою, сообразно состоянію. Поверхъ кичекъ, кокошниковъ и повойниковъ молодыя женщины покрываются кисейными покрывалами, серпанками или большими пестрыми платками, которые подвязываются подъ подбородокъ и распускаются во всю длину назадъ; немолодыя же женщины обвязываютъ головной уборъ вокругъ бумажнымъ платкомъ или бѣлымъ полотенцемъ, и, сверхъ того, нѣкоторыя изъ нихъ покрываются платками и серпанками. Дѣвицы, во многихъ селахъ, въ праздничное время, повязы-

вають головы лучшими платками также, какъ и женщины, съ тою только разницею, что у нихъ изъ подъ платка выпускается коса, въ концѣ которой вплетается лента; въ другихъ же селахъ онѣ повязываются платками кондырёмъ (въ видѣ повязки съ открытою маковкою), съ выпускомъ на спину косы, или просто покрываются платками. Въ обыкновенное время, онѣ ходятъ съ открытою головою, но болѣе повязываются или покрываются старыми платками. Прическа волосъ: сперва дѣлается прямой проборъ отъ лба до маковки, и волосы зачесываются назадъ, за уши, а потомъ заплетаются такимъ образомъ: у дѣвицъ—въ одну косу, а у женщинъ—на двѣ. Заплетать косы употребительно здѣсь три манеры: 1) простой—въ три прядя (пряди); 2) въ дробнушку—нечетнымъ числомъ прядей (отъ 5 до 15); 3) лопатно—четнымъ числомъ прядей (отъ 4 до 18). Женщины заплетаютъ косы первымъ способомъ, а дѣвицы всѣми тремя. Въ нѣкоторыхъ селахъ молодые женщины и дѣвицы выпускають песики. На шеѣ носятъ крестъ или образокъ и ладонку, на гитанчикахъ или тесемкахъ, а молодые бабы и дѣвицы, кромѣ того, надѣваютъ жерѣлки (ожерелье) изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ шариковъ; богатые же носятъ нерѣдко ожерелья и янтарныя. Въ ушахъ молодые женщины и дѣвицы носятъ серьги, а на пальцахъ кольца и перстни. Обувь у женщинъ и дѣвицъ зимою и лѣтомъ одинакова: въ будни лапти, а по праздникамъ—башмаки или сапоги. Лапти и сапоги носятъ съ онучами толстаго сукна, а башмаки съ суконными (шерстяными) чулками. Но, лѣтомъ, въ будни, крестьянки большею частію ходятъ босикомъ. Въ праздничномъ нарядѣ молодые женщины и дѣвицы, когда идутъ въ церковь, въ гости или на игрище, берутъ въ руки платокъ.

Пища.

Постоянную и главную пищу крестьянъ составляютъ: ржаной хлѣбъ, щи и каша гречневая или просяная; прочая же пища у нихъ бываетъ болѣе или менѣе различна, смотря по

времени года. Въ зимніе посты они ѣдятъ: кислую капусту съ квасомъ, лукомъ и солеными огурцами; рѣдку тертую съ квасомъ или наръзанную кусками—съ солью; картофель и варѣнки (вареные свѣжіе бураки) съ огурцами и съ квасомъ, а иногда одинъ картофель съ коноплянымъ масломъ или сокомъ. Щи готовятъ, съ ноябра мѣсяца до половины апрѣля, изъ кислой капусты или квашеныхъ бураковъ, а въ остальное время года изъ разной зелени: молодой крапивы, снытки, лебеды, чернобыльника, сурѣпки, щавеля, молодой гречихи и свѣжей капусты, и затираютъ ихъ ржаной мукою или просянымъ пшеномъ. Въ постные дни щи приправляютъ коноплянымъ масломъ или сокомъ, или готовятъ ихъ вовсе безъ всякой приправы. Кашу ѣдятъ со щами или съ квасомъ, а болѣе достаточные — съ масломъ; нѣкоторые готовятъ кашу съ тыквою, изрѣзавъ ее въ мелкіе кусочки, варятъ въ водѣ и потомъ кладутъ туда пшено. Иногда разнообразятъ свой постный столъ и другими кушаньями: ѣдятъ взваръ (сушенныя груши и яблоки, сваренныя въ водѣ); кулѣгу (соломенное тѣсто), которую парятъ съ сушеными плодами: грушами, терношъ и калиною; сухари съ разсоленною водою; толокно изъ овсяной муки, затертой на водѣ; тюрю (крошенный хлѣбъ съ разсоленнымъ квасомъ или водою); горохъ разварной или обваренный и толченый, съ квасомъ или масломъ; юшку (похлебку) изъ картофеля. На завтракъ варятъ: галушки изъ гречневаго тѣста; кулѣшъ (жидкую кашицу) съ масломъ; солomatу изъ гречневой и ржаной муки (ржаная мука предварительно обжигается, а потомъ засыпается въ кипятокъ), которую ѣдятъ съ коноплянымъ масломъ или сокомъ, а иногда съ толченымъ коноплянымъ сѣменемъ; вареники изъ гречневой муки съ начинкою изъ каши, капусты или юрды, приготовляемой изъ жмыховъ, остающихся въ маслобойнѣ отъ коноплянаго масла, которые мочатъ сутки въ водѣ, потомъ выжимаютъ, и выжатый сокъ варятъ до густоты; а когда поспѣваютъ земляника (по-здѣшнему—пѣзубникъ), клубника и вишни, то варятъ вареники съ

начинкою изъ этихъ ягодъ; нѣкоторые же на завтракъ пекутъ блины изъ гречневой муки и ѣдятъ съ коноплянымъ сокомъ или масломъ. Но самый голодный постъ для крестьянъ—Петровка; къ этому времени, обыкновенно, истощаются заготовленные въ прокъ запасы, и многіе бѣдняки, кромѣ пустыхъ щей и хлѣба, ничего не ѣдятъ; зеленый лукъ и ботвинье изъ него составляютъ тогда лакомство для нихъ. Успенскій постъ представляетъ болѣе разнообразія въ пищѣ: въ то время, кромѣ всегдѣшнихъ своихъ щей и каши, они ѣдятъ свѣжіе и малосольные огурцы съ квасомъ, молодой картофель, пачатки или кюшки (кукурузу), иногда—дыни и арбузы съ хлѣбомъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ собираютъ разные грибы: сморчки, печерицы, грузди, полугрузди, красные грибы, бѣлянки, волвенки, сырожки, свинухи, говорушки, опенки и нѣкоторые другіе, которые продаютъ въ городѣ и сами употребляютъ въ пищу солеными и варятъ въ щакъ, въ похлебкѣ, или же, обваренные въ водѣ, ѣдятъ въ холодномъ. Опенки въ урожайные годы многіе дѣшатъ для зимняго употребленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣки, постная пища иногда разнообразится также рыбою и раками; впрочемъ, роскошь эту въ будни позволяютъ себѣ весьма немногіе; крестьянинъ скорѣе продастъ пойманную рыбу или раки въ городѣ, чѣмъ станетъ употреблять ихъ въ пищу.

Въ постные праздничные дни пекутъ изъ ржаной муки пироги и лепешки, а иногда кныши (лепешки съ загнутыми краями) и ситники, иначе называемые буханцы или бабышки. Пироги начинаются обварнымъ и толченымъ горохомъ, кислою капустою, кашею, сушеными и мелко истолченными грушами, свѣжими бураками, натертыми на терку и поджаренными съ масломъ, морковью и толченымъ коноплянымъ сѣменемъ; а у болѣе достаточныхъ пироги иногда начинаются макомъ съ медомъ; нѣкоторые же пекутъ также пироги съ нѣтомъ или нѣтники, т. е. безъ начинки. Лепешки и кныши мажутъ сверху толченымъ коноплянымъ сѣменемъ, разведеннымъ густо на во-

дѣ или пережаренный съ лукомъ и масломъ. Многіе ограничиваютъ свой праздничный столъ обыкновенными ежедневными блюдами, а нѣкоторые дополняютъ его однимъ или двумя лакомыми кушаньями: они ѣдятъ отливники, приготовляемые изъ гречневой муки, которую сначала засыпаютъ жидко въ кипятокъ и, разсывавъ, варятъ на огнѣ, потомъ жидкость эту отливаютъ въ особую посуду, и когда она застынетъ, рѣжутъ ее на куски и поливаютъ масломъ; кисель гороховый — съ масломъ и овсяный — съ сытою; червячки, приготовляемые изъ сваренной гречневой саломаты, протертой сквозь рѣшето, политые масломъ; ланшу изъ пшеничнаго или ржаного тѣста, приправленную масломъ; короли изъ прѣснаго тѣста, которые пекутъ въ палецъ толщины, потомъ ломаютъ на мелкіе куски и поливаютъ: богатые — медомъ съ мятымъ макомъ, а бѣдные — разведеннымъ въ водѣ толченымъ коноплянымъ сѣменемъ; жареные въ маслѣ кислые и свѣжіе бураки. Рыбу ѣдятъ въ праздники немногіе, исключая послѣднихъ дней масляницы и праздниковъ: Благовѣщенія, Вербнаго Воскресенія и храмовыхъ; къ этимъ праздникамъ всякій крестьянинъ необходимою считаетъ поймать или купить рыбы для своей семьи и на угощеніе гостей. Изъ свѣжей рыбы они приготовляютъ холодецъ (студень), щи, юшку (уху) и жаркое, а соленую рыбу ѣдятъ съ квасомъ. Раки ѣдятъ съ хлѣбомъ, или изъ шеекъ ихъ приготовляютъ холодное съ квасомъ, огурцами и лукомъ, а изъ отвара варятъ жидкую кашу. Нѣкоторые изъ крестьянъ не употребляютъ раковъ въ пищу, по отвращенію къ нимъ, потому что раки иногда питаются падалью, бросаемою въ рѣки; другіе же считаютъ употребленіе ихъ въ пищу грѣхомъ.

Въ скоромные дни, по буднямъ, крестьяне ѣдятъ щи съ саломъ или съ одною приправою изъ яицъ и молока, творогъ съ молокомъ, кашу со щами, саломъ и молокомъ, а за неизмѣнимъ каши — крошенный хлѣбъ съ молокомъ. Осенью и зимою ѣдятъ картофельную похлебку съ саломъ, просяную молочную кашу съ тыквою; покупаютъ въ городѣ во время

бѣйки скота говяжьи и бараньи потроха и приготавливаютъ изъ требухи—холодецъ, а изъ печенки и легкаго—похлебку съ картофелемъ, или варятъ ихъ въ одной водѣ и ѣдятъ сухія съ хлѣбомъ. На завтракъ готовятъ: кулешъ съ саломъ, саломату, которую ѣдятъ съ саломъ или молокомъ, а иногда съ масломъ и со сметаномъ; вареники съ творогомъ и ѣдятъ ихъ съ топяшкою (съ топленнымъ и заквашеннымъ молокомъ) или съ разведеннымъ на молоко творогомъ; пекутъ изъ ржаного тѣста на сковородѣ пышки (тонкія лепешки) съ саломъ. Но самый лакомый завтракъ крестьянъ составляютъ блины съ масломъ и со сметаномъ. Есть, впрочемъ, много и такихъ бѣдненькихъ, которые большую часть въ году ѣдятъ одни щи и сухой хлѣбъ.

Въ скоромные праздничные дни пекутъ ржаные пироги съ печенкою или какимъ либо мясомъ, а также—съ кашею и яйцами или морковью и яйцами; но чаще пекутъ лепешки, которыя, обыкновенно, сверху мажутся творогомъ съ яйцами или однимъ саломъ. Лѣтомъ и осенью нѣкоторые рѣжутъ баранчиковъ, куръ и поросятъ. Къ годовымъ праздникамъ, особенно къ Рождеству Христову, Свѣтлому Христову Воскресенію, къ храмовому празднику, а также поминкамъ по умершимъ и свадьбамъ рѣжутъ свиней, бычковъ, барановъ и разную птицу; тогда щи, похлебку и лапшу варятъ съ мясомъ, и приготавливаютъ изъ него жаркое и студень. Большая же часть покупаетъ въ городѣ солонину и говядину для одного разговѣнья, а прочіе праздничные дни остаются при обыкновенной своей пищѣ. Но болѣе достаточные крестьяне иногда въ праздники ѣдятъ окрошку изъ мяса и яицъ съ квасомъ, творогъ со сметаномъ, молочную кашу и лапшу, просяные или пшеничные блинцы и коржики изъ сдобнаго тѣста съ масломъ и со сметаномъ. Въ храмовые праздники и на особенные житейскіе случаи, какъ напр. на крестины, свадьбы, поминки и т. п., для угощенія гостей пекутъ ряженый пирогъ (обыкновенный большой пирогъ съ начинкою), который разрѣзы-

вается за столомъ и поливается масломъ. Предметъ угощенія также составляютъ: яичница, сырники, сальникъ, ячникъ (запеченная на сковородѣ яичница въ видѣ большого блина), коровай, драчена, приготовляемая изъ пшеничной муки, яицъ и масла, которыя разбалтываются въ водѣ, и жидкость эта наливается на сковороду, потомъ печется въ вольномъ духу. На званныхъ обѣдахъ кушанье, подаваемое въ заключеніе стола, называется разгонщикомъ, потому что гости, поѣвши его, должны вставать изъ за стола.

Лѣтомъ, нѣкоторые ловятъ перепеловъ, стрѣляютъ дичь, а зимою ловятъ куропатокъ и зайцевъ, но все это болѣе для продажи, чѣмъ для собственного употребленія. Зайцевъ считаютъ они нечистыми животными и не употребляютъ ихъ въ пищу. Многіе считаютъ также грѣхомъ употреблять въ пищу голубей, особенно бѣлыхъ, какъ символъ Божества.

Нѣкоторыя кушанья считаются непремѣнною принадлежностію извѣстныхъ народныхъ праздниковъ и обрядовъ, а именно: на Маргбсье (въ недѣлю Муроносицъ) — жареная курица и яичница; въ день Св. Великомученика Никиты (15 сентября) — жареный гусь; въ день Св. Космы и Даміана (1 ноября) — жареная или вареная курица; на Свѣчки (наканунѣ Рождества Христова) и въ Крещенскую Коляду (наканунѣ Крещенія Господня) — пшеничная кутья съ сытою и взваръ; въ Богатый вечеръ (вечеръ наканунѣ Новаго Года) — жареный поросенокъ и колбасы, начиненныя гречневою кашею; на Масляницѣ — блины; въ день Сорока Мучениковъ (9 марта), преимущественно для дѣтей, пекутъ изъ прѣснаго тѣста жаворонки, или кулики въ видѣ птицъ; на Сердокрестъе (въ среду на четвертой недѣли Великаго Поста) пекутъ изъ ржаного тѣста кресты, которые берегутъ въ зерновомъ хлѣбѣ или мукѣ до весны, и съ нимъ въ первый разъ выѣзжаютъ въ поле засѣвать хлѣбъ, и тамъ съѣдаютъ ихъ; на крестины необходимую принадлежность составляетъ каша; въ день свадьбы — коровай (круглый хлѣбъ съ разными украшеніями); при похоронахъ — канунъ (медъ);

въ поминальные дни—пироги или блины, и также канунъ; а на сорочины, кромя пироговъ или блиновъ, пекутъ изъ ржаного тѣста лѣсенку въ видѣ лѣстницы.

Изъ овощей обычный запасъ на зиму составляютъ: кислая капуста, квашенные бураки, картофель, огурцы, рѣдька, хрѣнь, морковь, лукъ и тыква. Въ селеніяхъ, расположенныхъ при лѣсахъ, мочать груши, запасаютъ калину и тернъ. Но немногіе поселяне дѣлаютъ подобные запасы; большая часть довольствуется самыми ограниченными заготовленіями. Грушевый квасъ составляетъ вкусное питье. Для питья они также дѣлаютъ къ храмовому празднику и къ особеннымъ житейскимъ случаямъ брагу, въ обыкновенное же время пьютъ и употребляютъ для кушанья неуваренный квасъ, называемый сыровецъ или суровецъ.

Въ большихъ семействахъ въ стряпаніи кушаньевъ и исправленіи другихъ домашнихъ работъ бабы наблюдаютъ между собою очередь. Очередная баба, или, какъ здѣсь называютъ ее, деньщица никогда не обѣдаетъ вмѣстѣ съ другими, а въ продолженіе стола подаетъ и принимаетъ только кушанья, и обѣдаетъ послѣ одна.

Обычаи и обряды.

1. При рожденіи и крещеніи дѣтей.

Время родовъ крестьянки тщательно скрываютъ отъ всѣхъ, изъ глупаго предрассудка: чѣмъ больше людей будутъ знать о томъ, тѣмъ труднѣе будутъ роды; и потому при счастливыхъ родахъ женщины часто рожаютъ однѣ въ клѣткахъ или хлѣвахъ, а иногда въ полѣ за работою, и приглашаютъ бабку послѣ. Но когда родильница мучится родами, то, дабы помочь ей, обращаются къ священнику и просятъ растворить царскія врата, хотя бы это требовалось ночью; многіе же въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ къ извѣстнымъ своимъ суевѣрнымъ сред-

стваѣ: страждущую переводать троекратно чрезъ порогъ, или чрезъ помело или чрезъ мужа, котораго кладутъ на порогъ ницъ. Повивъ младенца, бабка начинаетъ его омывать; тогда отецъ бросаетъ въ купель (сосудъ, въ которомъ купаютъ дѣтей) какую либо монету, чтобы озолотить свое дѣтище. Въ воспріемники новорожденному родители приглашаютъ преимущественно изъ постороннихъ лицъ, и при томъ такихъ, съ которыми бы не предвидѣлось имѣть въ жизни непріязненныхъ отношеній: всякую ссору съ кумовьями или неуваженіе къ нимъ крестьяне считаютъ особеннымъ грѣхомъ (*). Тѣ, у которыхъ не живутъ дѣти, въ день крещенія ребенка рано утромъ выходятъ на улицу и перваго встрѣчнаго приглашаютъ быть воспріемникомъ, въ томъ убѣжденіи, что онъ посланъ отъ Бога и что, быть можетъ, его счастьемъ новорожденный будетъ живъ.

Воспріемники приносятъ въ домъ родителей новорожденнаго ржаный хлѣбъ, обернутый въ бѣлый платокъ, и кладутъ его на столъ. Повивальная бабка увертываетъ младенца въ рубаху (мальчика—въ отцову, а дѣвочку—въ матернину) и передаетъ его куму, а кумъ—кумѣ. Взявши дитя, воспріемники отправляются для крещенія его въ церковь или въ домъ священника, и при этомъ несутъ съ собою въ гостиницъ священнику ржаный хлѣбъ и бутылку или полуштофъ водки. При погруженіи въ купель крещаемаго, зашъчаютъ: если онъ распространется въ водѣ, то скоро умретъ, а если сожмется, то будетъ долго жить.

По окончаніи таинства Св. Крещенія, кумъ и кума приносятъ обратно ребенка въ домъ его родителей и отдаютъ на руки повивальной бабкѣ, которая кладетъ его подъ святые на тулупъ или шубу, чтобы новорожденный былъ богатъ, а потомъ передаетъ его матери. Въ это время кумовьямъ

(*) Ни одна женщина не оиростоволосится въ присутствіи кума, а во время полевыхъ работъ, когда всѣ женщины при мужчинахъ работаютъ въ однихъ сорочкахъ, всякая изъ нихъ, завидѣвъ кума еще издали, спѣшитъ надѣть свой сарафанъ; многія женщины даже босыми боятся показаться предъ кума.

дѣлается короткое угощеніе, а между тѣмъ собираются гости. Когда же гости соберутся, подается обѣдъ. Въ началѣ обѣда повивальная бабка подаетъ родному отцу новорожденнаго ложку каши, смѣшанной по поламъ съ солью, которую онъ, морщась, съѣдаетъ и ложку бросаетъ къ порогу; послѣ того запиваетъ водкою и угощаетъ ею породильню (родильницу) и гостей. Водка составляетъ главное угощеніе крестьянъ; хозяинъ въ продолженіе стола неоднократно обноситъ ею гостей, при чемъ не забываетъ и большую свою жену. Въ заключеніе обѣда подается каша, непремѣнная принадлежность этого случая; въ это время каждый изъ гостей кладетъ мѣдные деньги повивальной бабкѣ и родильницѣ, каждой на особыя тарелки. По окончаніи стола, кумá даритъ кума платкомъ. Кумъ, взявши платокъ, отдариваетъ куму деньгами, смотря по цѣнности подарка и по своему состоянію, а потомъ утираетъ имъ уста у себя и кумы, и цѣлуетъ ее троекратно. Вслѣдъ за тѣмъ гости расходятся, а воспріемники, при прощаньѣ, кладутъ роженецъ, подъ головы на купанье новорожденнаго: кума—кусокъ мыла, а кумъ—виѣсто мыла, что либо изъ денегъ. Само собою разумѣется, что крестины, или, какъ крестьяне называютъ, кстины празднуютъ одни только достаточные мужики, и то въ свободное время отъ работъ; бѣдняки же ограничиваются приѣмомъ однихъ воспріемниковъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ крестинъ, какъ только родильница оправится сколько нибудь отъ болѣзни, бывшія на крестинахъ бабы, сговорившись вмѣстѣ, въ назначенный день приходятъ къ ней съ блюдами пироговъ, блиновъ, хѣрчи (мяса) или рыбы и всякой всячины, что только у кого могло на этотъ разъ случиться, при томъ достаточныя изъ нихъ приносятъ и водку. Родильница, бывши предварительно извѣщена о назначенномъ днѣ, также приготовляетъ къ этому случаю нѣкоторыя кушанья. Тутъ идетъ у нихъ столъ и пьянство цѣлый день. Удивительно, что употребленіе водки не приноситъ родильницѣ видимаго вреда. Крестьянки считаютъ

водку, а особенно настоенную на калганѣ и девесилѣ, цѣлительнымъ средствомъ для утоленія болей послѣ родовъ. „Выпьешь“, говорятъ онѣ, „и косточки замигунуть“.

По истеченіи трехъ дней послѣ родовъ, а иногда и болѣе, повивальная бабка размываетъ руки. Этотъ обрядъ происходитъ такимъ образомъ: бабка беретъ махотку или корецъ, насыпаетъ въ него горсть овса и, наполнивъ его водою, бросаетъ въ него три горячихъ угля (нѣкоторыя при этомъ нашептываютъ воду); потомъ кладетъ на полу, среди избы, вѣникъ и топоръ крестообразно. Родильница становится на нихъ правою ногою; въ это время повивальная бабка льетъ ей на обѣ руки воду, такъ чтобы вода текла до локтей, а родильница подхватываетъ воду съ праваго локтя лѣвою рукою и пьетъ ее; далѣе родильница льетъ воду на руки бабкѣ, и та дѣлаетъ тоже. Такимъ образомъ, каждая изъ нихъ льетъ воду на руки одна другой три раза, и всякій разъ сопровождается одними и тѣми же дѣйствіями. По окончаніи возливанія, они молятся Богу, за тѣмъ родильница благодаритъ повивальную бабку за труды и проситъ у ней прощенія, что надѣлала ей хлопотъ своими родами, кланяясь при томъ ей троекратно въ ноги. При этомъ родильница даритъ бабкѣ кусокъ полотна или миткаля мѣрою въ длину въ свой ростъ, ковригу хлѣба, солонку соли и копѣйки три серебромъ денегъ. Въ случаѣ же при родахъ ухаживала за больною другая какая либо женщина, то родильница такимъ же образомъ льетъ и ей на руки воду, благодаритъ за хлопоты, проситъ прощенья съ поклонами и даритъ что-либо. Здѣшніе простолюдины считаютъ этотъ обрядъ священнымъ для себя: по суетѣрю своему, они убѣждены, что сама Божія Матерь, по рожденіи Спасителя, размывала также руки съ бабушкою Соломонѣею, или Соломонидою.

Послѣ шести недѣль, кума (воспріемница) обязана придти къ родителямъ новорожденнаго и принести крестнику рубашку, поясъ и крестъ, или, по крайней мѣрѣ, одинъ поясъ, которымъ

она должна въ первый разъ подпоясать ребенка, а до того водпоясываніе дѣтей у простолюдиновъ считается грѣхомъ. При этомъ нельзя не замѣтить еще и слѣдующихъ обычаевъ, соблюдаемыхъ достаточными крестьянами:

Когда дитя достигнетъ годоваго возраста, тогда отецъ и мать его приглашаютъ къ себѣ воспріемниковъ и другихъ гостей и дѣлаютъ имъ обѣдъ. Въ это время крестный отецъ въ первый разъ стрижетъ волосы у крестника и кладетъ ему въ даръ на голову какую либо серебряную монету, а крестная мать— рубашку; также и другіе гости дарятъ ребенка: мужчины— деньгами, а женщины по куску полотна, ситца или миткала на рубашку.

На другой день Рождества Христова, празднуютъ такъ называемыя бабьи каши: многіе крестьяне, имѣющіе дѣтей, съ женами вечеромъ ходятъ къ повивальной бабкѣ и приносятъ ей водку, харчъ, блюда пироговъ или блиновъ и всякой всячины, и здѣсь они ѣдятъ и пьянствуютъ часто до бѣла свѣта.

Въ Сырное Воскресенье, когда всѣ крестьяне, по принятому обыкновению, ходятъ другъ къ другу прощаться на Великій Постъ, женщины, имѣющія у себя крестниковъ, дарятъ отцовъ ихъ платками, а тѣ отдариваютъ ихъ деньгами и дѣлаютъ имъ угощенье. Это обыкновение соблюдается въ первый годъ возраста дитяти.

2. НА СВАДЬБАХЪ.

Крестьянскія свадьбы бывають большею частію осенью и зимою—въ свободное время отъ работъ. Всѣ онѣ, обыкновенно, начинаются сватовствомъ. Выборъ невесты зависитъ собственно отъ родителей жениха, и рѣдко бываетъ, чтобы женихъ противорѣчилъ волѣ родителей; при томъ же всѣ вообще крестьяне мало обращаютъ вниманія на взаимную склонность ~~сватовствующихъ~~ въ бракъ. „Свыкнуцца, слюбютца“, гово-

рять они. Случается и такъ, если женихъ и невѣста не изъ одной деревни, то они не видать другъ друга до самаго сговора, а если у кого не бываетъ сговора, то и до самой свадьбы. Избраніе невѣсты основывается на ея хорошей нравственности, досужествѣ и доброй славѣ семьи, съ которою не стыдно было бы породниться; богатство и наружная красота въ этомъ случаѣ—достоинства второстепенныя.

Избравъ, такимъ образомъ, достойную дѣвицу, отецъ и мать жениха посылаютъ въ домъ невѣсты свата или сваху, людей болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, для предварительнаго объясненія съ родителями невѣсты. Свата принимаютъ ласково: „Милости просимъ“, говорятъ они, „свать -- ни свать, а добрый чилэкъ“. Но прежде нежели изъявлять согласіе на замужство дочери, отецъ и мать совѣщаются съ родными. А между тѣмъ свать или сваха не разъ и не два навѣдывается въ домъ невѣсты узнать о согласіи или несогласіи на предлагаемый бракъ. И если родители невѣсты наобрены выдать свою дочь за предлагаемаго жениха, въ такомъ случаѣ они передаютъ о томъ чрезъ свата жениховымъ родителямъ. Тогда родные жениха идутъ въ домъ отца невѣсты и, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій и остротъ, просятъ показать имъ невѣсту, хотя бы она была имъ хорошо извѣстна. Гостей угощаютъ водкою, а за тѣмъ входитъ невѣста, одѣтая въ праздничное платье, и низко кланяется гостямъ; но представленіе ея продолжается не долго: постоявъ предъ ними немного молча, она вскорѣ выходитъ вонъ и скрывается гдѣ либо до ухода сватовъ: это называется гляданками. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на гляданкахъ, вмѣстѣ съ родными, смотритъ невѣсту и самъ женихъ. Послѣ того, чрезъ день или чрезъ два, родные невѣсты, по приглашенію новыхъ сватовъ, отправляются въ домъ жениха смотрѣть его подворье. Тутъ родители жениха обязаны показать сватамъ все свое хозяйство. И если у нихъ дѣло пойдетъ на ладъ, то на другой день послѣ того, отецъ жениха съ кѣмъ либо изъ своихъ близ-

кихъ родныхъ идетъ самъ въ домъ невѣсты и несетъ съ собою хлѣбъ-соль и водку. Поздоровавшись съ хозяевами, онъ говоритъ: „Вотъ вамъ хлѣбъ-соль и Божья любовь! Што задумали, загадали, дай намъ Господи саваришить у корысти, у радости“. На это отецъ невѣсты отвѣчаетъ: „Благодарить пакорна на добрыхъ ричахъ. Дай-та Господи намъ усѣ добраа!“ Принявъ хлѣбъ-соль, родители невѣсты собираютъ въ избу всю семью, зажигаютъ предъ иконами свѣчи и всѣ молятся Богу. Потомъ нареченные сваты садятся за столъ, угощаютъ другъ друга водкою и хлѣбомъ-солью, и здѣсь же условливаются о количествѣ такъ называемаго пѣклажа. Надобно сказать, что между здѣшними крестьянами издавна существуетъ обыкновеніе давать отъ жениха невѣстѣ деньги, отъ 1 до 7 и болѣе рублей серебромъ, смотря по достатку женихова отца; но въ настоящее время это обыкновеніе въ нѣкоторыхъ селахъ стало выходить изъ употребленія. Деньги эти отецъ невѣсты получаетъ до свадьбы и употребляетъ ихъ на свадебные дары или на нарядъ невѣсты (*). При уходѣ свата домой, родители невѣсты даютъ ему также и свою хлѣбъ-соль. Этимъ обихомъ хлѣба-соли утверждается между ними обоюдное согласіе на бракъ; послѣ чего, та и другая сторона считаетъ себя не вправѣ отступить отъ своего нажренія.

Спустя вѣсколько дней, послѣ обиха хлѣба-соли, въ домъ родителей невѣсты бываетъ пропой или пропиванки. Въ назначенный день вечеромъ отецъ и мать жениха съ нѣкоторыми родными отправляются въ домъ невѣсты съ своимъ виномъ и спѣжею (кушаньями, приготовленными на этотъ случай). Здѣсь ожидаетъ ихъ общество, приглашенное со стороны родителей невѣсты. Вскорѣ по прїездѣ жениховыхъ родныхъ,

(*) Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селеніяхъ не такъ давно существовалъ извѣстный старинный обычай вносить господину за невѣсту кущныя деньги, но съ нѣкотораго времени онъ совершенно исчезъ.

хозяева и ихъ гости садятся за столъ, а пріѣзжіе сваты угощаютъ ихъ привезенными съ собою кушаньями и водкою, и какъ только кто либо изъ родныхъ невѣсты возьметъ чарку въ руки, тогда молодыя бабы и бывшія здѣсь подруги невѣсты поютъ слѣдующую пѣсню, приравнивая ее къ тому лицу, которому поютъ:

Пойду я на вулицы,
Два двора минуючи,

Въ третьимъ паслухаю,
Што люди гаворють.

А люди-та гаворють—
Всё батюшку бранють:

„Пьяница, прапойница
Ахимьинъ батюшка,

Прапилъ сваю чаду
Да за виннаю чару,

За виннаю чару,
За мядовай стаканчикъ“.

Въ продолженіе стола пѣвицы также поютъ и другія свадебныя пѣсни. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

Прамишь горъ, прамишь крутинькихъ,
Тамъ дарошка лижала,
Ой лѣли, али лѣй лѣли!
Тамъ дарошка лижала;

Па тѣй стѣшкн, на дарошки
Нихто тамъ ня ѣзда,
Ой лѣли, али лѣй лѣли!
Нихто тамъ ня ѣзда.

Въхали, праѣхали
 Купцы Абаянцы,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Купцы Абаянцы,

Купцы, купцы Абаянцы—
 Да Ахимьины братцы,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Да Ахимьины братцы, —

Хвалилися, выхвалялися .
 Сваею сястрою,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Сваею сястрою:

„Наша систра Ахимьюшка
 Што багатымъ—багата,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Што багатымъ—багата;

Въ нашей сястры Ахимьюшки
 Што багатиства многа,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Што багатиства многа:

Шупки (*), юпки, абрядачки (**)
 Паламили грядачки,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Паламили грядачки,

Шалкавыи паксочки
 Паламили крючочки,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Паламили крючочки.

Атъ книзей-та, акъ баяръ-та
 Паламилися сѣни,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Поламилися сѣни“.

(*) Шубка—старинная женская одежда въ родѣ сарафана.

(**) Абряды — варицы.

2.

Ой у поли при дарожушки
 Ичень урадилси,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли (*!)
 Ичень уродилси,

Да Ахимьюшки Уласьявнай
 Енъ жать пригадилси,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Енъ жать пригадилси.

Ана жала, выбирала
 Па дномъ каласочку,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Па дномъ каласочку.

Ва ту пору Ахимьюшки
 Пить—ѣсть захатѣлась,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Пить—ѣсть захатѣлась.

Дѣ ни взялси Питреюшка
 Да на вѣранамъ кѣни,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Да на вѣранамъ кѣни.

Енъ шапку снялъ, кѣни унялъ,
 Ниска пакланилси,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Ниска пакланилси:

„Бохъ у помочь табѣ, Ахимьюшка,
 Иравой ичень жати,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Иравой ичень жати!

(*) Къ этой пѣсни есть другой прупѣвъ: «Ой Донъ, Донъ, Донъ, ой виль, виль
 виль!»

Бохъ у помочь, Уласьявна,
Иравой избирати,
Ой лёли, али лёй лёли!
Иравой избирати!

— Ня сможышь ли, Пятреюшка.
У горать схадити,
Ой лёли, али лёй лёли!
У горать схадити?

Ня сможышь ли, Микитьявичь,
Миѣ калачикъ купити,
Ой лёли, али лёй лёли!
Миѣ калачикъ купити?

„Магу, магу, Ахмьюшка,
Я у горать схадити,
Ой лёли, али лёй лёли!
Я у горать схадити,

Магу, магу, Уласьявна,
Я калачикъ купити,
Ой лёли, али лёй лёли!
Я калачикъ купити.“

— Пятреюшка Микитьявичь,
А семъ (*) я съ тобою,
Ой лёли, али лёй лёли!
А семъ я съ тобою. —

„Ахмьюшка Уласьявна,
Каляска тисненья,
Ой лёли, али лёй лёли!
Каляска тисненья.“

— Пятреюшка Микитьявичь,
А я—на замяткахъ,

(*) Семъ—союзъ предположительный или желательный.

Ой лёли, али лёй лёли!
А я — на запяткахъ, —

„Ахимьюшка Уласъевна,
Тамъ горы крутыи,
Ой лёли, али лёй лёли!
Тамъ горы крутыи.“

— Пятреюшка Микитъевичъ,
А я — съ пасашочкамъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
А я — съ пасашочкамъ. —

„Ахимьюшка Уласъевна,
Тамъ лиса тямныи,
Ой лёли, али лёй лёли!
Тамъ лиса тямныи.“

— Пятреюшка Микитъевичъ,
А я — съ хванаречкамъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
А я — съ хванаречкамъ. —

„Садись, садись, Ахимьюшка,
У каляску са мною,
Ой лёли, али лёй лёли!
У каляску са мною.“

Окончивъ ужинъ, хозяева и ихъ гости встають изъ за стола, а за тѣмъ жениховы родные садятся за столъ и угощаются также отъ невѣстиныхъ родителей. Между тѣмъ пѣвицы усаживаются въ большую телѣгу или сани, ѣздить по деревнѣ съ пѣснями и бьютъ въ косы. Въ этомъ случаѣ преимущественно поется слѣдующая пѣсня:

Ой заюшка, ой заюшка,
Ой заюшка — гарностаюшка! 2

Куѣ (*) тебе, куѣ тебе,
Куѣшь тебе долга вечера нѣтъ? 2

Ай (**) у тебе, ай у тебе
Ай у тебе дѣ привадушка есть? 2

„Привадушка, привадушка,
Привадушка — камышь-травушка, 2

Камышь-трава, камышь-трава,
Камышь-трава и ключовая вада, 2

Прилука мая, прилука мая,
Прилука моя—бѣла ластушка. 2

Ана мине, ана мине,
Ана мине да привадила къ себѣ, 2

Заставила, заставила,
Заставила позна вечера ходить, 2

Заставила, заставила
Зилян у траву насыть, 2

Заставила, заставила,
Заставила ключаву воду насыть.“ 2

Ой бѣлинькій да малодинькій,
Малодинькій, свѣтъ Патреюшка! 2

Куѣ тебе, куѣ тебе,
Куѣшь тебе долга вечера нѣтъ? 2

Ай у тебе, ай у тебе,
Ай у тебе дѣ привадушка есть? 2

(*) Куѣ—почему, зачѣмъ; почто.

(**) Ай—или.

„Привадушка, привадушка,
Привадушка—ой Ахимьюшка, 2

Прилука мая, прилука мая,
Прилука мая—Уласьявна свѣтъ. 2

Ана мне, ана мне,
Ана мне да привадила къ себѣ, 2

Заставила, заставила,
Заставила позна вечера хадить, 2

Заставила, заставила,
Заставила изюмъ-ягаду насить, 2

Заставила, заставила,
Заставила зяляно вино купить.“ 2

При уходѣ домой, отецъ жениха просить отъ невѣсты даровъ, говоря, что имъ нужны на дорогу пачпорты, съ чѣмъ бы можно показаться къ молодому князю. Понимая смыслъ сказанныхъ словъ, невѣста или мать ея выносить подарки и дарить женихову родню, а даръ жениху отдается, для передачи ему, отцу или матери его; но если при этомъ находяся женихъ, то даръ вручается ему тутъ же отъ самой невѣсты. Обыкновенные свадебные подарки у крестьянъ состоятъ изъ кусковъ холста для бѣлья, бумажныхъ платковъ и ширинокъ (небольшихъ полотенецъ). Крестьяне, получая даръ, утираютъ имъ уста у себя и у невѣсты и цѣлуютъ ее.

Послѣ пропоя, съ общаго согласія, назначаютъ время для сговора. Къ этому дню отецъ невѣсты созываетъ всю свою родню, друзей и знакомыхъ, а невѣста приглашаетъ дѣвицъ — подругъ своихъ. Вечеромъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты женихъ и его родные съ своею снѣжею и виномъ. Всѣ останавливаются у воротъ и говорятъ, что они люди чужестранные, ѣздить по полямъ ловить лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ, сбились съ дороги и

просятся переночевать. Сначала ихъ не пускаютъ, а потомъ отворяютъ ворота и гости взъѣзжаютъ на дворъ и входятъ въ избу, гдѣ ожидаетъ ихъ общество, приглашенное со стороны родителей невѣсты. Вскорѣ затѣмъ дѣлаются своды. Обрядъ этотъ происходитъ такимъ образомъ: на полу разстилается шуба вверхъ шерстью, на которую становать жениха и невѣсту; тогда отецъ и мать невѣсты благословляютъ ихъ иконою и хлѣбомъ - солью, потомъ передаютъ икону и хлѣбъ - соль родителямъ жениха, которые также благословляютъ ихъ. По окончаніи этого религіознаго обряда, женихъ и невѣста цѣлуются и цѣлуютъ всѣхъ безъ исключенія родныхъ и гостей. Невѣста дѣлаетъ подарки жениху и близкимъ его роднымъ, а за тѣмъ родители жениха сажаютъ невѣстинныхъ родныхъ и гостей за столъ и угощаютъ ихъ своею спѣжею и виномъ. При чемъ дѣвицы и молодыя бабы поютъ свадебныя пѣсни:

1.

Згуркнула да галубушка
 Ва сваёмъ галубничку,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Ва сваёмъ галубничку:

«Свѣтъ ты мой, да сизой голушь!
 Идѣ тибѣ посадити?
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Идѣ тибѣ пасадити?»

Идѣ тибѣ пасадити,
 Чѣмъ тибѣ накармити?
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Чѣмъ тибѣ накармити?»

Чѣмъ тибѣ накармити,
 Чѣмъ тибѣ напанити?
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Чѣмъ тибѣ напанити?»

Пасажу сиза голуба
 Ва свой галубничикъ,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Ва свой галубничикъ,

Накормлю сиза голуба
 Яраю (*) пшаницай,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли! -
 Яраю пшаницай,

Напаю сиза голуба
 Ключавою вадицай,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Ключавою вадицай.»

Сплакнула Ахимьюшка,
 У теримя сидя,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 У теримя сидя:

«Свѣтъ ты мой, Пятреюшка!
 Идѣ тебе посадити?
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Идѣ тебе посадити?

Идѣ тебе посадити,
 Чѣмъ тебе накармити?
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Чѣмъ тебе накармити?

Чѣмъ тебе накармити,
 Чѣмъ тебе напаяти?
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Чѣмъ тебе напаяти?

Пасажу Пятреюшку
 Ва свой высокъ теримъ,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Ва свой высокъ теримъ,

(*) Яровоѡ.

Накармлю Пятреюшку
Слаткими пряничками,
Ой лёли, али лёй лёли!
Слаткими пряничками,

Напаю Пятреюшку
Слаткими мидами,
Ой лёли, али лёй лёли.
Слаткими мидами.»

2.

Ой стужитца, згарюнтца
Чижотка,
Ой лёли, лёй лёли!
Чижотка:

«А хто шь ета въ масмъ садку
Пабываль,
Ой лёли, лёй лёли!
Пабываль?»

А хто шь ета маё гнёдушка
Взварушылъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Взварушылъ?»

А хто шь ета маихъ чижотушакъ
Разагналь,
Ой лёли, лёй лёли!
Разагналь?»

Азывайтца саловьюшка
На ляту,
Ой лёли, лёй лёли!
На ляту:

«Я у тваемъ да ва садку
Пабываль,

БЫТЬ КУРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Ой лѣли, лѣй лѣли!

Пабывалъ,

Я тваё да гвѣздушка

Взварушилъ,

Ой лѣли, лѣй лѣли!

Взварушилъ,

Я тванхъ чижотушакъ

Разагналъ,

Ой лѣли, лѣй лѣли!

Разогналъ,

А сваю чижотушку

Къ себѣ взялъ.

Ой лѣли, лѣй лѣли!

Къ сабѣ взялъ.*

Ой стужытца, да згарюится

Алгинья (*) (мать),

Ой лѣли, лѣй лѣли!

Алгинья:

«А хто шъ ета въ маёмъ терима

Пабывалъ,

Ой лѣли, лѣй лѣли!

Пабывалъ?

А хто шъ ета ман отолики

Паламалъ,

Ой лѣли, лѣй лѣли!

Паламалъ?

А хто шъ ета ман скатирти

Памаралъ,

Ой лѣли, лѣй лѣли!

Памаралъ?

А хто шъ ета дошки, тарелки

Пакалолъ,

(*) Еггеніа.

Ой лѣли, лѣй лѣли!
Пакалолъ?

А хто шъ ета зилано вино
Разливалъ,
Ой лѣли, лѣй лѣли!
Разливалъ?

А хто шъ маю Ахмиьюшку
Цалавалъ,
Ой лѣли, лѣй лѣли!
Цалавалъ?

А хто шъ ета Уласьвину
Милавалъ,
Ой лѣли, лѣй лѣли!
Милавалъ?>

Азывантца Патреюшка
На каю,
Ой лѣли, лѣй лѣли!
На каю:

<Я у тваѣмъ да ва терниа
Пабывалъ,
Ой лѣли, лѣй лѣли!
Пабывалъ,

Я тваи да и столики
Паламалъ,
Ой лѣли, лѣй, лѣли!
Паламалъ,

Я тваи и скатерти
Памаралъ,
Ой лѣли, лѣй лѣли!
Памаралъ,

Я тваи лошки, тарелки
Пакалолъ,
Ой лѣли, лѣй лѣли!
Пакалолъ,

Ты ни бей мене, Микитивичь!
Нѣвкая время гажусь я табѣ;

Будишь жанитца, на свадьбу приду;
Па дворъ узайду, весь дворъ асвячу,

У терниъ приду, всѣхъ гостей взвисяю,
А больши всиго—Ахимью тваю,

Што бы ана да ни плакала,
Што бы ана ни лила да гарючихъ слѣсъ“.

Послѣ ужина пѣсни и пляски продолжаютъ довольно долго, и, наконецъ, всѣ разѣзжаются или расходятся по домамъ. При отъѣздѣ жениха подруги поютъ.

Былъ у насъ, пабываль у насъ
Да низванай гость на дварѣ,

Цалаваль, милаваль
Ахимьюшку въ тирамѣ.

Хочь цалаваль, хочь милаваль,
Да ни щѣ чемъ двару (*) наѣхаль:

Да ни взялъ, да ни взялъ
Ахимьюшки съ сабою;

Толька взялъ, толька взялъ
Шыриначку съ махрами.

На другой день послѣ сговора бываетъ у нѣкоторыхъ охмѣлянье. Всѣ бывшіе на сговорахъ гости собираются также вечеромъ въ домѣ родителей невесты, пьютъ, ѣдятъ и веселятся до глубокой ночи.

Но когда день, назначенный для бракосочетанія, приближается, со стороны жениха и невесты избираются чиновные

(*) Домой.

лица на этотъ случай, для увеличенія пышности свадебнаго церемоніала. Со стороны жениха избираются: а) Дружко—распорядитель свадебнаго церемоніала, который долженъ быть непременно женатый, расторопный, говорунъ и опытный въ своемъ дѣлѣ; онъ долженъ угощать всѣхъ гостей, поддерживать веселость ликующихъ и оберегать молодыхъ отъ порчи. б) Поддружье—помощникъ дружка (бываетъ не вездѣ). в) Посаженыи отецъ (*) и посаженная мать: это крестные отецъ и мать жениха; они въ продолженіе свадьбы пользуются особеннымъ почетомъ и благословляютъ жениха образомъ и хлѣбомъ-солью вмѣстѣ съ его родителями при отъѣздѣ къ вѣнцу. г) Ранняя сваха—женщина, близкая по родству жениху, которая печетъ свадебный каравай, а при отъѣздѣ въ церковь будущей четы расплетаетъ косу невѣсты и осѣваетъ поѣздъ. д) Дядька—шаферъ: эту должность занимаетъ большею частію братъ невѣсты; онъ неотлучно находится при женихѣ и сопровождаетъ его къ вѣнцу и отъ вѣнца (**). Со стороны невѣсты избираются: а) Посаженыи отецъ и посаженная мать—крестные отецъ и мать невѣсты; они также, какъ и жениховы посаженные отецъ и мать, пользуются въ продолженіе свадьбы особеннымъ почетомъ и благословляютъ невѣсту при отъѣздѣ къ вѣнцу вмѣстѣ съ ея родителями. б) Поздняя или повивальная сваха: она убираетъ голову молодой въ женскій уборъ и сопровождаетъ ее къ вѣнцу и отъ вѣнца. в) Постельницы—двѣ женщины, которыя приготавливаютъ брачное ложе для молодыхъ.

Вечеромъ наканунѣ свадьбы во многихъ селеніяхъ дѣлаютъ въ домѣ невѣсты дѣвичникъ. На этотъ вечеръ невѣста созываетъ всѣхъ своихъ подругъ раздѣлить съ нею послѣдній вечеръ, а родители ея приглашаютъ также своихъ родныхъ и знакомыхъ. Поздно вечеромъ пріѣзжаетъ сюда женихъ, съ отцомъ и

(*) Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ вмѣсто посаженаго отца бываетъ большой свать.

(**) Въ иныхъ мѣстахъ дядька означаетъ тоже, что дружка.

прочю роднею. Дѣвицы приносятъ съ собою блины и другіе съѣстные припасы и угощаютъ ими невѣсту и всѣхъ гостей. Здѣсь обыкновенно гости проводятъ время въ ѣдѣ и попойкѣ; дѣвицы въ продолженіе вечера поютъ и пляшутъ. Изъ пѣсенъ особенно поются въ этомъ случаѣ слѣдующія:

1.

Какъ при вечеру, вечеру,
У Ахимьюшки на дявишничку

Ахимья сонъ видила,
Сонъ ня весель и ни радастинь.

Никаму ана сна ни сказавала;
Толька сказала рѣднай матушки:

«Гасударыня матушка!
Какъ я нынча сонъ видила;

Сонъ ня весель и ни радастинь:
Бутта надъ нашимъ натъ широкимъ надъ дваромъ

Узвивалси млатъ исмѣнъ саколь.
Енъ съль—упалъ, на широкай дворъ,

На широкай дворъ на батюшкинъ,
На высокъ терпмъ на матушкинъ,

На растворчита акошачка,
На сребрину причалинку (*).»

—Ты дитѣ маё, дититка,
Ты дите маё милая!

Ты сайди съ високаго тиримà,
Привяти ты яснаго сакала,

(*) Причалинка—досчатая приборна у окна.

Яснага сокала залётнага,
Добрага молатца забъжгага.

«Гасударыня матушка!
Ужъ я рада пѣ сашла съ терима,

Толькя больна испужалася,
Рѣзвы ношки паткасилися,

Рѣзвы ношки паткасилися,
Бѣлы ручки апустилися,

Изъ ачей да слѣзы котютца,
Мгѣ на свѣтъ глядѣтъ ня хочитца.»

2.

Да ни по саду гагушка
Литала,
Да ляли, лѣли лѣлюшки! 2
Литала,

Абъ вышанья крылушки
Бивала,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Бивала,

А всё шъ ана сокала
Будила,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Будила:

«Устань, праснишь, сокалицъ
Исмяноѳ!
Да ляли, лѣли, лѣлюшки, 2
Исмяноѳ!

Да ни надалга шъ я табѣ
Дасталась,

Да лѣли, лѣли, лѣлюшки!
Дасталась, 2

Да ни на́долга, ни на долгая
Времичка:
Да ляли, лѣли, лѣлюшки!
Времичка: 2

У снго толькя ночушку
Начивать,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки!
Начивать; 2

Утра-рана соколы
Прилитять,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки!
Прилитять, 2

Вазьмутъ мине галушку
Съ сабою,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки!
Съ сабою, 2

Аддадутъ мине сокалу
Пать крылья,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки!
Пать крылья; 2

Да и тамъ буду зимушку
Зимавать,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки!
Зимавать, 2

Пасля таго — готь цѣлай
Гадавать,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки!
Гадавать.» 2

Па териму Ахимьюшка
Хадила,

БЫТЬ КУРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Хадила,

Горька ана плакала,
Рыдала,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Рыдала,

Залатою чшпочкаю
Звянѣла,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Звянѣла,

А всё шъ ана батюшку
Будила,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Будила:

«Устань, праснись, батюшка
Радимай!
Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Радимай!

Да ни надалга я шъ табѣ
Дасталась,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Дасталась,

Да ни надалга, ни на долгая
Времичка,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Времичка:

Усиго только ночушку
Начивать,
Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
Начивать;

Утра-рана баяря
Пріѣдутъ,

Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
 Прїѣдутъ,

Вазьмутъ мнѣ Ахимьюшку
 Съ сабою,
 Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
 Съ сабою,

Аддадутъ мнѣ Пятреюшки
 На руки,
 Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
 На руки;

Да и тамъ буду готь цѣлай
 Гадавать,
 Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
 Гадавать;

Пасля того вѣкъ цѣлай
 Викавать,
 Да ляли, лѣли, лѣлюшки! 2
 Впкавать.»

3.

На мари утѣнушка
 Да купалася,
 На синѣмъ сѣрая
 Паласкалася;

Спаласнувши, утушка
 Вышла на бирихъ,
 Вышатчи, сѣрая
 Стрипянулася;

Стрипянувши, сѣрая
 Да васкрякнула:
 «Свѣтъ маё, свѣтъ маё
 Да синёя моря!

БЫТЬ КУРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Свѣтъ мая, свѣтъ мая
 Да жалтыи пяски!
 Свѣтъ мая, свѣтъ мая
 Да крутыи бирига!

Какъ-та мнѣ съ синимъ моримъ
 Растваватися
 Какъ-та мнѣ жъ жалтыхъ пясковъ
 Паднинатися?

Ни хатя я съ синимъ моримъ
 Да растануся,
 Ни хатя я жъ жалтымъ пискомъ
 Распрашшаюся:

Выпадутъ снига - та тутъ
 Да глубокая,
 Наступоть-та марозы тутъ
 Да хришшенская.»

У терии Ахмиюшка
 Умувалася,
 Бѣлами бялилами
 Да бялилася,

Алыми румѣнами
 Да румянилася,
 Чорнами сурмилами
 Брови сурмила;

Насурмиѣвши, Ахмиюшка
 Да васплакнула:
 «Свѣтъ ты мой, свѣтъ ты мой
 Да высокой тирѣмъ!

Свѣтъ ты мой, свѣтъ мой
 Роднай батюшка!
 Свѣтъ мая, свѣтъ мая
 Родна матушка!

Какъ-та мнѣ зъ батюшкой
 Раставатися?
 Какъ-та мнѣ съ матушкой
 Распрашшатся?

Ни хата я зъ батюшкой
 Да растануся,
 Ни хата я съ матушкой
 Распрашшаюся:

Какъ прїѣдутъ къ намъ
 Князи-баяря,
 Вазьмутъ мнѣ Ахмьюшку
 Съ сабою,

Аддадутъ мнѣ къ Патреюшки
 На руки,
 На руки, да на вѣшная
 На вики.»

По отъѣздѣ гостей домой, невѣста выносить подарки и дарить жениха и его родню.

Наконецъ, настаетъ день брака. Утро представляетъ множество хлопотъ въ домѣ жениха и невѣсты. Всѣ члены того и другаго семейства принимаютъ дѣятельное участіе въ различныхъ приготовленіяхъ къ свадебному пиру; но болѣе всѣхъ озабочены тогда отецъ и мать жениха. У нихъ долженъ быть главный свадебный столъ и угощеніе для всѣхъ гостей, при томъ же, какъ начинается утро, къ нимъ собираются гости, какъ-то: посаженные отецъ и мать жениха, дружка, ранняя сваха и другіе, въ присутствіи которыхъ долженъ свадебный коровай сажаться въ печь (*). По сборѣ ихъ, сперва ранняя сваха съ другими женщинами валяютъ на столѣ тѣсто для коровай; свалявши его, ставятъ на полу среди избы ступу или

(*) У некоторыхъ коровай печется наканунѣ брака.

дежу, въ которой заквашивалось тѣсто (*), а подлѣ печи, тоже на полу, кладутъ зажженный вѣнникъ; тогда дружка бьетъ плетью или кнутомъ (**) раннюю сваху, и она прыгаетъ чрезъ горящій вѣнникъ и оббѣгаетъ около ступы или дежи. Это дѣйствіе повторяется до трехъ разъ. Послѣ чего они троекратно цѣлуются; потомъ дружка обращается къ присутствующимъ при этомъ съ слѣдующую рѣчью: «Атець паражонай и мать паражоная, атець пасажонай и мать пасажоная, бааря-гости званаи, старани старички барадатаи, добрани молатцы нижанатаи, краснаи дѣвушки замушъ нїадаватани, игрицы-пявицы, пирожвани мастарицы, гаршешнаи пагубницы! баславита карвай у печь пасадить?» На это всѣ отвѣчаютъ: «Бохъ баславить!» — «У другой расъ и усѣ три разы?» — «Бохъ баславить! Бохъ баславить!» Тогда дружка беретъ лопату и съ помощью ранней свахи сажаетъ коровой въ печь. Въ соединеніи съ этимъ обрядомъ поются особыя пѣсни, въ различныхъ вариантахъ, но всѣ онѣ, сколько мнѣ приходилось слышать, такъ искажены, что утратили всякій смыслъ.

Между тѣмъ съѣзжаются поѣзжане и начинается приготовленіе къ браку. Жениха одѣваютъ въ самое лучшее платье, обвязываютъ ему шею большимъ платкомъ или кладутъ его на плеча и пришиваютъ къ верхней одеждѣ у самыхъ плечъ, такъ что концы его висятъ по плечамъ, а середина нѣсколько опускается на спину. Подобнымъ образомъ уряжаютъ и дядьку, а дружка и поддружье перевязываютъ чрезъ плечо рушниками. Послѣ того растилается на полу шуба вверхъ шерстью и наступаетъ минута глубокаго молчанія. Родной отецъ беретъ ковригу хлѣба съ солью и икону, становится предъ разостланной шубою; сынъ становится противъ отца, на шубу, кладетъ три земныхъ поклона предъ иконою и говоритъ: «Прасти и

(*) Нужно замѣтить, что дружка во все время свадьбъ бываетъ вооруженъ кнутомъ или плетью.

(**) Въ иныхъ селеніяхъ коровой печется изъ прѣснаго тѣста, иногда сдобный.

баслави, батюшка, на Божій сугъ пайтить?» Отець отвѣчаетъ: «Бохъ тебе баславить и я баславляю!» Женихъ съ благоговѣніемъ прикладываетъ къ иконѣ, цѣлуетъ хлѣбъ и отца. Такииъ точно образомъ благословляетъ жениха родная мать, а потомъ посаженные отецъ и мать и, наконецъ, всѣ домашніе, не исключая дѣтей. Во время благословленія женихъ плачетъ, мать рыдаетъ и у всѣхъ присутствующихъ навертываются на глазахъ слезы.

По окончаніи благословенія, жениха сажаютъ подъ святыя за столъ, на свернутую вверхъ шерстью шубу; садятся также и всѣ гости, кромѣ дружка. Отець жениха обноситъ всѣхъ водкою, а между тѣмъ зажигаются у иконъ свѣчи. Когда гости выпьютъ и закусятъ, дружка кричитъ: «Просимъ братца (братья) за отчу!» Всѣ приподнимаются съ мѣстъ и молятся Богу, а посаженный отецъ читаетъ молитву: «Отче нашъ». Помолясь Богу, по приглашенію дружка, гости опять садятся. Дружка, возвысивъ голосъ, говоритъ: «Атець паражонай и мать паражоная, атець пасажонай и мать пасажоная, бааря-гости званаи, старай старички барадатаи, добраи молатцы нижанатаи, краснай дѣвушки замушь ніадаватаи, игрицы-пявицы, пирожнаи мастярицы, гаршешнай пагубници! баславитя шаладому князю у добрай путь паѣхать?»—«Бохъ баславить!»—«У другой расъ и усѣ три разы?»—«Бохъ баславить! Бохъ баславить!» Послѣ того всѣ поднимаются съ мѣстъ, молятся Богу и тотчасъ опять садятся. Но вскорѣ дружка восклицаетъ: «Время у добрай пути!» Всѣ встаютъ и вслѣдъ за женихомъ выходятъ на дворъ. Женихъ садится вмѣстѣ съ дядькою на приготовленную для нихъ подводу; ставъ на телѣгу или сани, онъ крестится на всѣ четыре стороны и кланяется всему стоявшему на дворѣ народу. Прежде чѣмъ поѣзжане займутъ свои мѣста, выносятъ изъ избы дежу, ставятъ ее вверхъ дномъ впереди поѣзда, накрываютъ скатертью и кладутъ на нее сковорду и ковригу хлѣба съ солью; вмѣстѣ съ тѣмъ, подаютъ ранней свахѣ осыпало—блюдо, насыпанное хлѣлемъ или разнымъ зерновымъ хлѣбомъ,

Падли коня, падли коня —
 Млатъ друшко,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Млатъ друшко,

Гладя коня, гладя коня
 Па бидрамъ,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Па бидрамъ:

«Охъ, коня мой, охъ, коня мой
 Вараной!
 Ой лѣли, али лѣй лѣли,
 Вараной!

Таваришъ мой, таваришъ мой
 Дарагой!
 Ой лѣли, али лѣй лѣли,
 Дарагой!

Паѣдимъ конь, паѣдимъ конь,
 Да са мной,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Да са мной

Да ва дальнiю, да ва дальнiю
 Дарогу,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Дарогу,

Па ранию, хорошаю
 Сватьюшку,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Сватьюшку.—

Ужо ли ты, раниа сваха,
 Убралась,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Убралась?

Ана по нансъ у золата
 Увилась,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Увилась,—

Залатыя варворушки (*)—
 Па плічамъ,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Па плічамъ.

Чижала (тяжела) ты, раннія сваха
 На пирявосъ,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 На пирявосъ;

Семира коней стаялаи
 Ни вязуть,
 Ой дѣли, али лѣй лѣли!
 Ни вязуть;

Ани буйнаи да галовушки
 Ни нясутъ,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Ни нясутъ».

Здѣсь повторяются первые 9 куплетовъ, съ тою разницею, что въ 4-й куплетѣ, вмѣсто: «млатъ друшко», говорится имя жениха, а потомъ:

«Да па краснаю, хорошаю
 Нявѣсту,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Нявѣсту,

Па краснаю, пахвальнаю
 Ахимью,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Ахимью.—

(*) Подвѣски у серегъ.

«Баслави, батюшка, баслави!
Баслави, родиннѣй, баслави!»

Шелкавая нитачка къ стѣнки льне,
Ахимья къ матушки чиломъ бье:
«Баслави, матушка, баслави!
Баслави, родная, баслави!»

Но если невѣста сирота, то предъ благословеніемъ ея кѣмъ
либо изъ родныхъ поють:

Многа, многа у сыромъ дубу,
Многа вѣтьивъ и павитьивъ (*), -

Многа вѣтьивъ и павитьивъ,
Многа листу широкага,

Многа листу широкага,
Многа моху зелѣнага;

Толька вѣтъ у сыромъ дубу
Залатой вярхушачки,

Залатой вярхушачки,
Пазалочнай макушачки. —

Многа, многа у А—юшки,
Многа роду и племини,

Многа роду и племини,
Многа дядюшакъ, тѣтушакъ,

Многа дядюшакъ тетушакъ,
Многа братцавъ, нявѣстушакъ,

Многа братцавъ, нявѣстушакъ,
Многа ближнихъ сусѣдушакъ;

(*) Межикъ боковыхъ вѣточекъ на главныхъ отрасляхъ древеснаго ствола.

Толька нѣтъ у А—юшки
Да роднай матушки (или батюшки).

«Ужъ ты, братицъ Лагутушка,
Ты пади ва канюшанку,

Ты пади ва канюшанку,
Асидлай варанà каня,

Асидлай варанà каня,
Ты паяжжай къ Божій церкавки,

Ты паяжжай къ Божій церкавки,
Ты удыр у большой колкаль,

Ты удыр у большой колкаль,
Разбуди маю матушку (или батюшку):

Што типерь не надамна
Да кы етаму времячку,

Да кы етаму времячку—
Къ маяму баславеньичку;

Кы Божью суду ѣхати,
Залатой винець приняти

Баславить мене не каму.
Баславить мене Бохъ—Судья,

Баславить мене Бохъ—Судья
Да рѳдной батюшка (или матушка)».

По окончаніи благословенія, невѣсту сажаютъ за набранный столъ, вокругъ ея садятся дѣвушки-подруги и до приѣзда жениха поють жалобныя свадебныя пѣсни. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

А зборы, зборы Ахимьюшкины,
А зборы, зборы Уласъивнай!

Сабрала падрухъ къ батьки въ домъ,
Пасадила всѣхъ за столъ.

Сама сѣла выша всѣхъ,
Накланила галовушку нижа всѣхъ,

Здумала думушку боля всѣхъ:
«Даражысь, даражысь, батюшка,

Даражысь, даражысь, радимай!
Бяри за мене сто'рублѣвъ,

За косу маю — тысячу,
За крѣсу маю смѣты нѣтъ».

2.

Сѣла кукушка, сѣла рябая
Въ саду на рябиня,

Хатѣла ана, хатѣла ана
Рябину паламити;

Ана ни паламила, ана ни паламила,
Толька нахидила (*).

Сѣла Ахимья, сѣла Уласъивна
У батюшка пать святыми,

Хатѣла ана, хатѣла ана
Батюшку взвисялати;

Ана ни взвисялила, ана ни взвисялила,
Толька рассязлила.

(*) Наклонна.

3.

По марю утѣнушка плавала,
Плавала, плавала.

У терия Ахимьюшка плакала,
Плакала, плакала,

Сидючи за убраннымъ за столомъ,
За столомъ, за столомъ,

Глядючи на зилѣнай сать въ акошка,
Въ акошка, въ акошка,

На алаи и лазоривы твиточки,
Твиточки, твиточки:

«Бохъ судья маму батюшки рѣднану,
Рѣднану, рѣднану,

Што моладу въ чужы люди аддаеть,
Аддаеть, аддаеть,

Што моладу на чужую сторану,
Сторану, сторану!

Астаетца зилѣнай сать бизъ мине,
Бизъ мине, бизъ мине,

И алаи и лазоривы твиточки,
Твиточки, твиточки.

Вставай, вставай, мой батюшка раненька,
Раненька, раненька,

Паливай мая твѣтики чистѣнька
Чистѣнька, чистѣнька,

И ранними, вичерними зарями,
Зарями, зарями,

Пасля таго гарючими слизами,
Слизамп, слизамп,

Прикрывай май твѣтики тавтою,
Тавтою, тавтою.

Пасля таго сирдешнаю таскою,
Таскою, таскою!»

—Буду, буду, маё дититка, уставать,
Уставать, уставать;

Буду, буду твай твѣтики паливать,
Паливать, паливать,

И ранными, вичерними зарями,
Зарями, зарями,

Пасля таго гарючими слизами,
Слизамп, слизамп;

Буду, буду, маё дититка, прикрывать,
Прикрывать, прикрывать

Шолкаваю, палушолкаваю тавтою,
Тавтою, тавтою,

Пасля таго сирдешнаю таскою,
Таскою, таскою.

Въ продолженіе пѣнія всѣ плачуть, а особенно невѣста и ея мать.

Заслышавъ жениховъ поѣздъ еще издали, хозяйева затворяютъ ворота, и сначала какъ будто не пускаютъ его во дворъ, прося платы за пропускъ; но дружко подноситъ привратнику стаканъ водки, а иногда даетъ ему что либо изъ денегъ, и поѣздъ съ шумомъ въѣзжаетъ на дворъ. А между тѣмъ по-други въ избѣ поють:

«Матушка! што у поля пыль?
Родная! што у поля пыль?»

— Дититка! кони играютъ,
Милая! кони играютъ.—

«Матушка! бояря ѣдутъ,
Родная! бояря ѣдутъ.»

— Дититка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! на дворъ узъижаютъ,
Родная! на дворъ узъижаютъ.»

— Дититка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! у теримъ идуть,
Родная! у теримъ идуть.»

— Дититка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! за столъ сядятца,
Родная! за столъ сядятца.»

— Дититка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! зъ за стала устають,
Родная! зъ за стала устають.»

— Дититка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! за ручку вядуть,
Родная! за ручку вядуть.»

— Дититка! Гаспотъ съ табою,
Милая! Гаспотъ съ табою.—

Войдя въ сѣни, женихъ и поѣзжане останавливаются на время; дружка кричитъ: «Атець параженной и мать пораженной и проч. баславитя маладога князя у домъ увестъ, съ маладою княгиницю свестъ, къ Божьиму суду паѣхать, залатой винецъ принять.» Получивъ благословеніе, всѣ входятъ въ избу. Невѣста, окруженная подругами, сидитъ за столомъ, склонивъ голову на лежащій противъ нея хлѣбъ, а на мѣстѣ, которое долженъ занять женихъ, сидитъ родной братъ невесты, съ дубиною въ рукахъ. Дружка, во-первыхъ, обращаетъ вниманіе на вооруженнаго брата невесты, и спрашиваетъ: «Ета што у васъ за чилѣкъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «Хозяинъ. А вамъ што нужна?» И между ними завязывается разговоръ и наконецъ — торгъ за косу невесты. Торгъ на словахъ идетъ у нихъ на тысячи, а на дѣлѣ дружка даетъ продавцу за косу сестры гривны двѣ или три мѣдью и подноситъ четыре стакана или чарки водки, по числу угловъ въ избѣ. Тогда братъ снимаетъ у сестры съ головы повязку изъ платка, надѣваетъ ее на свою голову и выходитъ изъ за стола. За тѣмъ дружка подноситъ подругамъ по чаркѣ водки, и онѣ также выходятъ изъ за стола и прощаются съ невестою. Послѣ того одна изъ подругъ снимаетъ съ брата невестину повязку и надѣваетъ ее опять на голову невесты. Вслѣдъ затѣмъ женихъ и поѣзжане садятся за столъ. Женихъ, занявъ свое мѣсто подлѣ невесты, поднимаетъ склоненную ея голову и цѣлуетъ ее.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ косу невесты продаютъ ея подруги, а у брата окупается только мѣсто для жениха подлѣ невесты.

За столомъ ранняя сваха, по примѣру дружка, испрашиваетъ благословенія «молодой княгинѣ русою косу расплестъ и молодому князу кудри расчесать». Получивъ благословеніе, она приступаетъ къ дѣйствию; при чемъ надѣваетъ на свою кичку невестину повязку, а сверхъ повязки—женихову шапку, Въ это время поютъ:

Растварилися варотички
Да бязъ вѣтру, бязъ вихарю,

Да бязъ вѣтру, бязъ вихарю,
Бязъ сильнаго дробнаго дожжычку.

Ни слыхала Ахимьюшка,
Какъ баяря на дворъ узѣхали.

Ана миталася, брасалася,
За дѣвушакъ харанилася:

«Схаранита мине, дѣвушки,
Схаранита мине, красна!»

Какъ пріѣхалъ разаритель мой,
Какъ пріѣхалъ пагубитель мой,

Какъ пріѣхалъ распляти-косу,
Распляти-косу надвая.»

Какъ даслышался Пятреюшка,
На тестивамъ крыльцу сидючи:

«Ни плачь Ахимьюшка,
Ни тужи, свѣтъ Уласивна!

Да ни я разаритиль твой,
Да ни я пагубитиль твой,

Да ни я распляти—косу,
Распляти косу на двая;

Разаритиль твой—батюшка,
Пагубитиль твой—матушка,

Пагубитиль твой—матушка,
Распляти-косу—святюшка.»

Расчесавъ волосы у невѣсты и жениха, ранняя сваха снимаетъ съ себя невѣстину повязку и женихову шапку, обво-

дить ими троекратно вокругъ ихъ головъ и накрываетъ невѣсту полотенцемъ или платкомъ, подъ которымъ она стоитъ и въ церкви, во время брачнаго таинства. Послѣ того поѣзжанамъ подается короткій обѣдъ: всего три потравы (кушанья). Обѣдъ начинается обыкновенною рѣчью друга, въ которой онъ испрашиваетъ благословіенія «хлѣба - соли порушить». Женихъ и невѣста сидятъ молча и ничего не ѣдятъ. У нѣкоторыхъ въ это время подставляется имъ подъ ноги плетушка съ мякиною, въ которую они вставляютъ по одной ногѣ: женихъ—лѣвую, а невѣста—правую. Въ продолженіи обѣда дѣвки обыгрываютъ мужчинъ: подносятъ каждому по стакаму или по кружкѣ кваса и при томъ поютъ:

Выкушай, Васильюшка,
Выкушай, Алдакимавичъ,

Падари, Васильюшка,
Падари, Алдакимовичъ

Ни рублѣмъ, палтвяноу,
Залатою гривняноу.

Кали будишь насъ дарить,
Мы будимъ тебе хвалить,

Кали ня будишь насъ дарить,
Мы будимъ тебе карить.

Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селеніяхъ, кромѣ того, еще поютъ:

Ой Василій Алдакимавичъ!
Енъ пачтѣнъ, пажалаванъ,

Енъ пачтѣнъ, пажалаванъ,
У Гаврилы Микалаевича (иця господина):

Бизъ яго мѣду ня пьютъ,
Сахару ня кушаютъ,

Поть-пади, Васильюшка,
Поть-пади, Алдакимовичь!

Вотъ табѣ мѣста бальной,
Вотъ табѣ чара первая,

За твою услугу,
За твою валикаю.

Всякій обмыриваемый мужчина обязанъ положить пѣвицамъ что либо изъ денегъ. Но если кто въ этомъ случаѣ не дастъ имъ денегъ, то онѣ продолжаютъ пѣть:

Василій Алдакимовичь!
Ай у тебе денехъ нѣтъ?

Ты займи у товаришша
Сванго друга милага,

Сванго друга милага,
У вАрины Максимавнай.

А у Василья жана маладая—
На свадьбу яго сабирала,

У платокъ денехъ завизала,
Ана шь яму приказала:

«Адари, мой друхъ, ни скуписи,
Маладыхъ игриць ни стыдиси,

Штобы мнѣ, мой друхъ—ни пазорна,
А табѣ мой друхъ—ни бящесна.»

Или:

Василій Алдакимовичь!
Ай у тебе денехъ нѣтъ?

Ты займи у насъ,
Падари ты насъ.

Насъ игриць нямножка:
Бизъ аднэй дивяноста.

По окончаніи обѣда, отецъ и мать невѣсты благословляютъ будущую чету образомъ и хлѣбомъ-солью, также на разостланной шубкѣ. Благословивъ дочь, они передаютъ ей въ руки и образъ, съ которымъ она должна ѣхать въ церковь. За тѣмъ всѣ садятся по мѣстамъ, и дружка испрашиваетъ благословенія «молодому князу и молодой княгинѣ къ Божьему, суду поѣхать, золотой вѣнецъ принять и законъ получить». Послѣ того всѣ встаютъ съ мѣстъ, молятся Богу, но тотчасъ опять садятся, и на нѣсколько минутъ воцаряется тишина. Дружка опять кричитъ: «пора!» Тутъ снова всѣ встаютъ и, знаменуясь крестнымъ знаменіемъ, выходятъ изъ избы на дворъ. Женихъ и невѣста садятся на особыя телѣги, крестятся на всѣ четыре стороны и кланяются собравшемуся на дворѣ народу. Потомъ ранняя сваха осыпаетъ извѣстнымъ образомъ поѣздъ. Послѣ осыпанья, дружка забрасываетъ сковороду, и поѣздъ съѣзжаетъ со двора; при этомъ поютъ:

Прилила вода полая,
Прилила—прилиѣила (*),

Унисла—улиѣила (**)
У вУласа дочь милаю.

У вУласа дочь милаю,
Ахимью Уласивну,

Какъ василакнулъ Уласушка
На свѣмъ миламъ дитятку:

«Ты вариись, маѣ дититка,
Ты вариись, маѣ милая,

(*) Лилить—о водѣ: видѣться, блесѣть. Слово же «прилиѣила» употреблено здѣсь въ смыслѣ: прилила.

(**) Улиѣила—употреблено здѣсь въ смыслѣ: унисла.

Ты вярнись, маё милая!
Пазабыла три ключика,

Пазабыла три ключика
Да на шолкавагъ поися.»

— Ты радимай батюшка!
Я ня ключики забыла,

•Пазабыла волю батюшкину,
Пазабыла нѣгу матушкину;

А типеря я у няволюшки—
На чужой я старонушки,

На чужой я старонушки,
У люта свѣкра, свикровьюшки.

Или:

Съѣхала Ахимья са двара,
Сламила бирѣзу сы верха.

«Стой, мая бирѣза бизъ вирха,
Аставайси, мой батюшка, бизъ мине,

Аставайси, мой батюшка, бизъ мине,
Бись краснай дѣвки Ахимьи.»

Въ продолженіе пути отъ дому до церкви поють разныя пѣсни, напримѣръ:

У варотъ, у варотъ да зилѣнай сатъ
Раствیتالъ,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Раствیتالъ;

Да на томъ саду пирпѣлушка
Литала,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Литала,

Да на томъ саду рябая
 Пархала,
 Да ляли, ляли, ой ляли!
 Пархала.

Хто изуитца (*) пирпѣлушку
 Паймати,
 Да ляли, ляли, ой ляли!
 Паймати?

Хто изуитца рябаю
 Ухватити,
 Да ляли, ляли, ой ляли!
 Ухватити?

Изувайтца да схадатай свать (**)
 На кани,
 Да ляли, ляли, ой ляли!
 На кани.

Схадатай свать варанá кая
 Утамилъ,
 Да ляли, ляли, ой ляли!
 Утамилъ,

Пирпѣлушку рябаю
 Ни вхватилъ,
 Да ляли, ляли, ой ляли!
 Ни вхватилъ.

Да яму шъ чилá (***) пирпѣлушка
 Рябая,
 Да ляли, ляли, ой ляли!
 Рябая,

Ажно шъ (****) ета сватьюшка
 Раннія,

(*) Вызовится, изъявить желаніе.

(**) Свать, который сватаеть.

(***) Казалось, думалось.

(****) Между тѣмъ.

Да ляли, ляли, ой ляли!
Раннiя.

Здѣсь повторяются первые 5 куплетовъ, а потомъ про-
должается такъ:

Изуванца Пятреюшка
На кани,
Да ляли, ляли, ой ляли!
На* кани.

Пятреюшка варанá каня
Ни втавилъ,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Ни втавилъ,

Пирпѣлушку рябаю
Ухватилъ,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Ухватилъ.

Да яму шъ чилá пирпѣлушка
Рябая,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Рябая,

Ажно шъ ета Ахимьюшка
Хвальная,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Хвальная.

А чѣмъ хвальна Ахимьюшка?
— Касою,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Касою:

Да у ней каса да да шолкава
Панса,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Панса,

А у косачки лендачка
 Алая,
 Да ляли, ляли, ой ляли!
 Алая,

А сама Ахмиья дѣвушка
 Бравая (*)
 Да ляли, ляли, ой ляли!
 Бравая.

Предъ совершеиіемъ брака, посреди церкви разстиляется подножье (подножки), состоящее изъ куска полотна или миткаля, на которое женихъ и невѣста стараются стать въ одно и то же время, потому что между простымъ народомъ существуетъ предразсудокъ: если кто изъ вступающихъ въ бракъ первый станетъ на подножье, тотъ въ жизни будетъ управлять, или, какъ они говорятъ, орудовать другимъ.

Послѣ таинства брака, на церковной паперти, поздняя сваха довиваетъ (убираетъ въ женской головной уборъ) молодую и оваты покрываетъ ее тѣмъ же покрываломъ, подъ которымъ она стояла въ церкви. Въ нѣкоторыхъ же селахъ молодую повиваютъ, по приѣздѣ отъ вѣнца, въ домъ жениха.

Бдучи отъ вѣнца, поѣзжане поютъ, или, лучше сказать, кричатъ пѣсни, какія кому въ голову придутъ.

Отецъ и мать жениха, ожидая молодыхъ, раскладываютъ у воротъ небольшое пламя огня, чтобы разрушить всякую порчу, и, надѣвъ на себя на выворотъ тулупы, встрѣчаютъ ихъ у входа въ сѣни съ иконою и хлѣбомъ-солью. Молодые, приложась къ иконѣ, цѣлуютъ хлѣбъ, а потомъ отца и мать, и идутъ въ избу; въ это время кто либо изъ родныхъ подбрасываетъ подъ порогъ прѣтереть (иглу съ протертымъ ушкомъ), въ предохраненіе молодыхъ отъ всякаго колдовства, а иные нечаянно осыпаютъ ихъ хлѣбомъ или хлѣбными зернами: это, говорятъ, для того, чтобы они во всю жизнь были веселы. По приходѣ

(*) Хорошая, красивая.

Въ избу, новобрачныхъ сажаютъ въ передній уголь за набранный столъ на свернутой вверхъ шерстью шубѣ; садятся и всѣ поѣзжане. Тутъ свекровь открываетъ закрытое лицо молодой пирогомъ. Дружко потомъ начинаетъ подносить гостямъ вино, и каждый, взявъ чарку, поздравляетъ молодыхъ съ законнымъ бракомъ: молодые встаютъ, благодарять и стоятъ, пока гость выпьетъ всю чарку; отпивая по немногу, гость кричитъ: «горько!», и молодые должны при этомъ цѣловаться. Обнесши всѣхъ гостей водкою, молодыхъ выводятъ изъ за стола тѣмъ же порядкомъ, какъ они вошли за столъ, то есть чтобы столъ не обходить кругомъ: иначе, по суевѣрью, черни, у молодыхъ не будетъ дѣтей. Дружко и обѣ свахи, райная и поздняя, ведутъ ихъ въ клѣтъ на приготовленное для нихъ ложе; впереди идетъ одна изъ свахъ и прометаетъ дорогу новобрачнымъ, въ предостереженіе отъ порчи. До прихода молодыхъ въ клѣтъ, двѣ постельницы ложатся на брачное ложе, дабы, какъ говорятъ, обогрѣть постель. Въ иныхъ селеніяхъ обогрѣвать постель кладутъ чету супруговъ, живущихъ согласно и въ любви другъ съ другомъ. Дружко, пришедши съ молодыми въ клѣтъ, подноситъ обогрѣвающимъ постель по стакану водки, и они уступаютъ мѣсто новобрачнымъ. Здѣсь молодыхъ кормятъ курицею и подчуютъ водкою. Затѣмъ молодая, въ знакъ своей покорности къ мужу, снимаетъ съ него сапоги и при этомъ вынимаетъ изъ праваго сапога какую либо серебряную монету, которая, обыкновенно, кладется туда на этотъ случай. Свахи, раздѣвъ молодую, переменяютъ ей рубашку, часто въ присутствіи дружка; потомъ всѣ, оставя молодыхъ однихъ, выходятъ вонъ. Дверь снаружи замыкается замкомъ, отъ котораго ключъ беретъ дружко. Послѣ того, по предварительномъ испрошеніи дружкомъ благословенія «хлѣба соли порушить», начинается ужинъ. Въ продолженіе ужина игрицы обыгрываютъ мужчинъ точно также, какъ за обѣдомъ у невѣсты предъ отъѣздомъ къ вѣнцу, а дружко угощаетъ поѣзжанъ водкою и постоянно тѣшитъ ихъ своими остротами. По окончаніи

ужина, многіе уѣзжаютъ домой, а нѣкоторые остаются здѣ. Между тѣмъ дружка, время отъ времени, подбѣгаетъ къ запертой двери спальни молодыхъ и спрашиваетъ ихъ: не пора ли имъ вставать? и когда получить ожидаемый отвѣтъ, идетъ, вѣстѣ съ свахами, въ клѣтъ «поднимать молодыхъ». Во многихъ же селахъ молодыхъ поднимаютъ утромъ на другой день. Поднявши, ведутъ ихъ въ избу; впереди всѣхъ идетъ поздняя сваха съ рубашкою молодой, если только бракъ былъ счастливъ; при входѣ въ избу, она разбиваетъ горшокъ, въ знакъ цѣломудреннаго поведенія молодой. При чемъ поютъ.

Свагавѣ, братавѣ! за чѣмъ вы пришли? 2.

Ай вы—пить, ай вы—ѣсть, ай вы—съ нами пагулять? 2.

—Мы—ня пить, мы—ня ѣсть, мы—съ вами пагулять!—2.

Вышинка—ягатка ать сонца красна. 2

Наша свѣтъ Ахимьюшка ать батюшки чясна. 2

Наша свѣтъ Уласивна—ать радимага. 2.

То же поется и въ похвалу матери.

Сваха, положи рубаху молодой на плечо, пляшетъ по лавкамъ и бьетъ все, что только подъ руку попадется. Молодые подносятъ бывшимъ тутъ гостямъ вино, при чемъ каждый изъ нихъ, выпивъ вино, кладетъ что-либо изъ денегъ «на мыло, бѣлила и алыя румяна молодой.» Между тѣмъ бабы поютъ:

Ахъ беда, ахъ беда, ахъ беда,
Ахъ беда мая ни малинкія!
Ахъ ли, ахъ ли, ахъ ляли,
Ахъ ляли, ляли, ляли, ляли, ляли!

Што завуть мине ня дѣвушкою,
Вильчаютъ ни малодушкаю.
Ахъ ли, и проч.

Какъ сы вечера была я дѣвушка,
Сы палуначи—малодушка,
Ахъ ли, и проч.

Кы бялу свѣту—хазяюшка,
Къ сарака надѣлять—матушка.
Ахъ ли, и проч.

Выходила хазяюшка
На шырокаю дваринушку,
Ахъ ли, и проч.

На шыроқаю дваринушку,
Закликала живатинушку.
Ахъ ли, и проч.

«Вы п-р-п-р-ужи, п-р-п-р-ужи (*), каровушки!
А вы вычь (**), вычь, авечушки!
Ахъ ли, и проч.

Вацу (***) , вацу, маи свинушкѣ!
Паганю васъ ва чисто паля гулять,
Ахъ ли, и проч.

Паганю васъ ва чисто поля гулять,
Паганю васъ ва синѣ моря паить.
Ахъ ли, и проч.“

Въ это время гости предаются неистовому веселью: пляшуть, кричатъ и бьютъ посуду, если хозяева не успѣли прибрать ее подальше.

Утромъ, на другой день брака, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, свекоръ и свекровь заставляють молодую невѣстку выметать избу; гости въ это время бросаютъ тайкомъ на полъ деньги, которыя новобрачная подбираетъ себѣ. Послѣ того посылають ее за водою, куда сопровождаютъ ее мужъ и гости. Здѣсь всѣ обливаются водою и обливаютъ молодыхъ. Потомъ новобрач-

(*) Междом., употребляемое при сманѣ коровъ.

(**) Междом., употребляемое при сманѣ овецъ.

(***) Междом., употребляемое при сманѣ свиней.

ные, въ сопровожденіи дружка, свахъ и другихъ бабъ, иду къ родителямъ молодой съ блюдомъ харчи; при чемъ дружка несутъ съ собою и полуштофъ водки. По приходѣ, молодые ланяются отцу и матери въ ноги; молодой благодаритъ тещу и тещу за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, а его жену, и тутъ же ласково проситъ «къ батюшкѣ и матушкѣ на хлѣбъ на соль».

Въ этотъ день вечеромъ у родителей новобрачнаго бываетъ княжой пиръ или княжникъ. По сборѣ гостей веселый хозяинъ усаживаетъ всѣхъ за столъ и проситъ хлѣба-соли откушать. Когда гости усядутся, дружка обыкновеннымъ образомъ испрашиваетъ благословія «хлѣба соли порушить». За тѣмъ начинается ужинъ и попойка. Въ продолженіе стола бабы поютъ пѣсни. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

Изъ за лѣсу, лѣсу тѣмнаго
 Изъ за садикъ зелѣнаго 2
 Вылитала тамъ стада гусиная, 2
 А другая либядиная; 2
 Атставала либѣдушка, 2
 Атставала лебить—бѣлая 2
 Прочь ать стадачка либядинаго; 2
 Приставала либѣдушка, 2
 Приставала лебить—бѣлая 2
 Къ таму стаду—къ сяримъ гусямъ; 2
 Ни взумѣла либѣдушка 2
 Па гусинаму васкрякнути, 2
 Начинали не гуси шшыпать, 2
 А либѣдушка стала кричать: 2
 «Чи шшыпитя гуси сѣрап! 2
 Ни сама я къ вамъ зялятѣла! 2
 Ни сваю ахотаю; 2

Занясло мне пагодаю (*):
 Тучій тѣмняю, буйнымъ вѣтрамъ, 2
 Буйнымъ вѣтрамъ, частымъ «дожжичкамъ». 2
 Аставала Ахимьюшка 2
 Прочь ать карагода (**) красныхъ дѣвушакъ; 2
 Приставала Ахимьюшка 2
 Къ карагону маладыхъ маладушакъ, 2
 Начинали не малодушки, 2
 Начинали журить, бранить, 2
 «Ни бранитя люди добран! 2
 Ни сама я къ вамъ прѣхала, 2
 Ни сваею ахотаю; 2
 Заявали мне дабры кони, 2
 Што дабры кони Пятреивы».

2.

Ласкавая тешша па навымъ сѣнимъ
 Хадила,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Хадила,

Маладога зятюшку за ручушку
 Вадила,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Вадила.

«Тешшунья, мая матушка,
 Тошна мнѣ,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Тошна мнѣ.»

Шъ чаго шъ табе, маё дититка,
 Сташнилась,
 Ой лѣли, али лѣй лѣли!
 Сташнилась? —

(*) Непогодю.

(**) Отъ хоровада.

БЫТЬ КУРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

«Да гразда ли твая Ахимьюшка
Тонка прасть,
Ой лѣли, али лѣй лѣли!
Тонка прасть?»

— Гразда, гразда, маё дититка,
Навчина,
Ой лѣли, али лѣй лѣли!
Навчина,

Научонная въ чужы люди
Аддана,
Ой лѣли, али лѣй лѣли!
Аддана. —

«Да умѣя ли твая Ахимьюшка
Часта ткать,
Ой лѣли, али лѣй лѣли!
Часта ткать?»

И умѣя ли твая Уласивна
Домамъ жыть,
Ой лѣли, али лѣй лѣли!
Домамъ жыть?»

— Гразда, гразда, маё дитка,
Навчина,
Ой лѣли, али лѣй лѣли!
Навчина,

Научонная въ чужы люди
Аддана,
Ой лѣли, али лѣй лѣли!
Аддана. —

Предъ окончаніемъ ужина, когда молодая приготовляетъ дары для всѣхъ родныхъ гостей, бабы продолжаютъ пѣть:

3.

По мрю, мрю,
 Да на синиму мрю,
 Лёли, лёли, лёли,
 Али лёй лёли, лёли!

Тамъ плыли, праплыли
 Чатыри утены,
 Лёли и проч.

Чатыри утёны,
 Чатыри маладыи,
 Лёли и проч.

Пятая касатая —
 Назать завярнула,
 Лёли и проч.

Назать завярнула,
 У тирёмъ заглянула,
 Лёли и проч.

Што у териня радють,
 У високамъ гутарють?
 Лёли и проч.

Красная Ахимья
 Сталы расставляла,
 Лёли и проч.

Палотны катала,
 Сундукъ накладала, —
 Лёли и проч.

Сундукъ новой яловой,
 Скабы лавяныи,
 Лёли и проч.

Скабы лавяныи
 Замки залатыи,
 Лёли и проч.

Замки золотыи,
Халсты альяныи (*)
Лѣли и проч.

«Вы халсты май, халсточки,
Халсты альяныи!
Лѣли и проч.

Да ня готь я васъ клала
Нѣ два накладала;
Лѣли и проч.

Пришла на васъ гадина —
Висѣлая вичарина.
Лѣли и проч.

Висѣлая вичарина
Весь даръ раздарила:
Лѣли и проч.

А я свекру — рубашку,
Свировьи — другую,
Лѣли и проч.

Свировьи — другую,
Танку альяную,
Лѣли и проч.

Дивирѣчкамъ сакалочкамъ
Усѣмъ на парточкамъ,
Лѣли и проч.

А нявѣстушкамъ галубанкамъ
Усѣмъ на платочку,
Лѣли и проч.

Своей милай заловушки
Сы русой касы ленду.
Лѣли и проч.

(*) Льяныи.

Наси шъ, мая заловушка,
Наси шъ ты, красуйси!
Лѣли и проч.

Какъ я красавалась,^о
Замушь сабиралась.
Лѣли и проч».

Послѣ же ужина происходить раздача даровъ такимъ образомъ: сначала дружка и ранняя сваха приносятъ коровай и кладутъ его на столъ, подставлявъ подъ него платокъ или ширинку; затѣмъ дружку подается ножъ съ обернутою въ платокъ рукояткою, и онъ, испросивъ благословенія, рѣжетъ коровай на куски, а подстилку изъ подъ коровай и платокъ, которымъ обернуть былъ ножъ, беретъ себѣ. Потомъ кладутся на столъ дары, и на полу передъ столомъ разстиляется шуба вверхъ шерстью. Новобрачные становятся на шубу, а дружка наливаетъ чарку водки и подаетъ ее молодой, которая беретъ и держитъ ее рукою, покрытою полотенцемъ такъ, что концы его спускаются внизъ до самаго пола; тогда дружка провозглашаетъ, обращая рѣчь свою, во первыхъ, къ отцу новобрачнаго: «Микита Кузьмичъ! Просють васъ свать большой, свать схадатай, друшко съ падружимъ, маладой княсь съ княгинію на сырчитай карвай! Падайди паближа, наши маладыи паклонюцца табѣ панижа». Вызванный, такимъ образомъ, отецъ беретъ отъ молодой чарку водки. Дружка продолжаетъ: «Чарачку выпивай, сырчитай карвай принимай, камарицкою пѣсинку запивай, нашихъ маладыхъ падарай: ни рублѣмъ — палтинаю, ни полтинаю — залатою гривнаю, а зѣ гривинки што пажалуишь, — за сваю честь — рубликавъ шесть, штобы нашимъ маладымъ было што шчестъ. Наши маладыи панавя, имъ многа надамна: на кумачки, на тарачки (*), на завязачки, на паслѣднія дѣла иголачки, на разныи протари. Наши маладыи хочуть казла ку-

(*) На оторочки.

пить, воду вазить, шtbody наша маладая ни марилася (не утомлялася)». Новобрачные въ это время падають отцу въ ноги и лежать, пока получаютъ позволеніе встать. Выпивъ водку, онъ принимаетъ кусокъ короваѣ и даръ изъ рукъ дружка или самой молодой; затѣмъ цѣлуетъ молодыхъ и отдариваетъ ихъ деньгами или какииъ либо домашнииъ животныиъ, а дружокъ приговариваетъ: «Цалуй у вуста, што бы рошъ была густа, умалотиста и ужициста, што бы ись калосика — каврега, ись палузирна — йирохъ». Такииъ точно порядкомъ раздаются дары и всеиъ прочииъ гостяиъ. При чемъ многіе, отвѣдывая понемногу вина, кричатъ: «Горько!» и молодые всякииъ разъ должны цѣловаться. Послѣ раздачи даровъ, вскорѣ все расходятся по домаиъ.

Спустя недѣлю или двѣ послѣ свадьбы, новый зять съ женою и своими родныи, запасиись гостинцаи, виномъ и снѣжкою, отправляется къ тестю; тамъ бываетъ у нихъ умѣстное угощеніе и молодой одѣляетъ новую родню привезенныи гостинцаи: это первое посѣщеніе молодыхъ послѣ свадьбы называется отвѣдаи.

3. При смерти, похороиахъ и поминкахъ.

Умирающаго стараются еще за живое обмытъ теплою водою, одѣтъ въ чистое платье и положить подъ святые, въ такомъ положеніи, какъ обыкновенно кладутъ покойниковъ; при чемъ даютъ ему въ руки, или, лучше сказать, держать въ его рукахъ зажженую восковую свѣчу и курятъ надъ нимъ ладономъ. Обмытъ тѣло и одѣтъ человекъ послѣ смерти считается большимъ грѣхомъ: крестьяне вѣрятъ, что въ какомъ видѣ человекъ умеръ, въ томъ и долженъ явиться на Страшномъ Судѣ; потому многіе пожилые мужчины и женщины, бывши еще въ здоровомъ состоянii, приготавлиютъ себѣ одежду къ смерти, называемою здѣсь смѣртнымъ платьемъ. Какъ только человекъ испускаетъ послѣднее дыханіе, ставятъ близъ него на окнѣ стаканъ или чашку съ чистою водою, дабы, какъ говорятъ,

душа, разставаясь съ тѣломъ могла омыться въ ней отъ грѣховъ. Умирающихъ одѣваютъ: мужчинъ — въ одно бѣлье и подпоясываютъ поясомъ, а на ноги надѣваютъ сапоги или лапти, или просто оборачиваютъ ноги въ однѣ бѣлыя полотняныя обертки; на женщинъ и дѣвицъ надѣваютъ сверхъ рубахи сарафанъ или саянъ или подобную мѣстную одежду, по которой подпоясываютъ поясомъ; обуваютъ ихъ въ башмаки или лапти, а иногда надѣваютъ одни только чулки или оборачиваютъ ноги въ полотняныя обертки. На голову женщинамъ надѣваютъ обыкновенный женскій головной уборъ, а дѣвицъ кладутъ съ расплетенною косою, перевязанною лентою. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на покойниковъ надѣваютъ, сверхъ одежды, саванъ. Пока покойникъ лежитъ въ домѣ, толпа знакомыхъ и незнакомыхъ стекается въ домъ умершаго смотрѣть его; при чемъ всякій проходящій жертвуетъ отъ себя на погребеніе покойника небольшое количество денегъ или восковую свѣчку. Близкія, по родству покойнику, женщины считаютъ непремѣннымъ долгомъ по немъ голосить (выть съ разными причетами). Въ этомъ плачѣ обыкновенно выражается сожалѣніе объ умершемъ и горькая участь осиротѣвшихъ, исчисляются всѣ добрыя качества и хозяйственныя занятія покойнаго. По выносѣ тѣла со двора, тотъ же часъ затворяютъ ворота: простолюдины вѣрятъ, если оставить въ это время ворота растворенными, то кто либо изъ домашнихъ долженъ скорѣ умерѣть. Когда мать лишается въ первый разъ кого либо изъ дѣтей, то она не провожаетъ его на кладбище, дабы не умирали у нея другія дѣти. Въ день похоронъ дѣлается поминальный обѣдъ, который называется здѣсь горячимъ обѣдомъ. На похоронахъ и поминкахъ необходимую принадлежность составляетъ канунъ (медъ), а у нѣкоторыхъ, кромѣ того, и кутья. Канунъ, послѣ погребенія, ставится также на все время сорокоуста въ церкви. Если къ похоронамъ брана была посуда или другія вещи изъ посторонняго дома, то ихъ стараются возвратитъ непремѣнно того же дня, изъ опасенія, чтобы въ томъ или другомъ домѣ не было

скоро другаго покойника; но ежели, по какимъ либо причинамъ, вещи, взятая изъ посторонняго двора, не были возвращены въ день похоронъ, въ такомъ случаѣ возвращаютъ ихъ по истеченіи сорока дней. По возвращеніи съ похорожъ, есть обыкновеніе, при входѣ въ избу, взяться за печь, въ тогъ убѣжденіи, что въ домѣ будутъ умирать прусаки и тараканы. Въ сороковой день послѣ смерти, пока душа умершаго, по мнѣнію крестьянъ, пребываетъ на землѣ между людей, пекутъ изъ тѣста лѣсенку — символъ восхожденія души умершаго на небо, и служатъ панихиду у растворенныхъ воротъ дома покойнаго. Лѣсенка съѣдается съ медомъ въ тотъ же день за поминальнымъ обѣдомъ. Послѣ обѣда женщины, ходя по двору, плачутъ на распѣвъ, приговаривая: «Усѣ стѣшки — дарошки прошла, а радимага батюшку (или кого-другаго) ни нашла. Ты радимай батюшка! на каго ты насъ пакинулъ... съ кѣмъ намъ быть, съ кѣмъ намъ жить, съ кѣмъ намъ горя гаривать?» и т. п. Поминальные обѣды у богатыхъ дѣлаются также чрезъ полгода, годъ, два и три года послѣ смерти; въ прочіе же поминальные дни служатся однѣ лишь панихиды въ церквахъ или на кладбищахъ, куда приносятся блюда съ пирогами или блинами и канунъ. Въ дни поминаленія усопшихъ крестьянки ничего не шьютъ: по народному вѣрованію, кто шьетъ въ эти дни, тотъ колетъ родителямъ (покойникамъ) иглою глаза. Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе крестьяне ходятъ на кладбище и катаютъ на могилахъ умершихъ родственниковъ красныя яйца съ радостнымъ восклицаніемъ: Христочъ воскресел! Есть еще обычай, соблюдаемый, впрочемъ, немногими: въ продолженіе шести недѣль по смерти кормить «птицу небесную». Для этого каждое утро осыпаютъ могилу родственника хлѣбными зернами.

4. При начатіи и оканчиваніи полевыхъ работъ.

Начало и конецъ полевыхъ работъ также сопровождается нѣкоторыми обрядами. При отъѣздѣ, весною, въ первый разъ въ

поле, для посѣва хлѣба, хозяйка застилаетъ столъ скатертью и кладетъ на него хлѣбъ - соль; тогда отъѣзжающіе и всѣ домашніе садятся по мѣстамъ; посидѣвши немного молча, всѣ встаютъ и молятся Богу, а потомъ, взявъ съ собою испеченные въ среду на четвертой недѣлѣ Великаго поста изъ тѣста кресты и благовѣщенскую просфору, отправляются въ путь. На пути всякая недобрая встрѣча, какъ напр. встрѣча съ священникомъ и т. п., по мнѣнію крестьянъ, общааетъ дурной урожае хлѣба. По пріѣздѣ на ниву, сначала молятся Богу на востокъ, потомъ разсѣваютъ хлѣбъ, а за тѣмъ садятся завтракать; за завтракомъ прежде всего съ благоговѣніемъ сѣдаютъ благовѣщенскую просфору и сдѣланные изъ тѣста кресты, и уже послѣ принимаются за работу; въ началѣ прорѣзываютъ сохою на пашнѣ крестъ: двѣ борозды въ длину и одну поперегъ, а потомъ пахутъ обыкновеннымъ образомъ. Въ этотъ день не даютъ ничего въ займы, не взявъ чего либо въ замѣнъ. Весною, въ праздничные дни, служатъ молебны по полямъ объ изобиліи жатвы.

По сжатіи хлѣба, въ полѣ оставляютъ на нивѣ нѣсколько колосевъ ржи на корню, какъ здѣсь говорятъ, *Ильи на боро-ду*, которые связываютъ узломъ; при чемъ кладутъ тамъ ломоть ржаного хлѣба съ солью. Идя домой, бабы становятся въ концѣ своей пашни и перебрасываютъ чрезъ голову назадъ на пашню серпы. Все это дѣлается для того, чтобы и на слѣдующій годъ былъ хорошій урожай хлѣба. Нѣкоторые изъ бабъ въ это время катаются по нивѣ и приговариваютъ: «живка, живка, аддай маю силку: на песть, на калатила, на малатила, на кривоя виртяно». Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, по окончаніи жатвы, жнецы съ пѣснями приносятъ послѣдній снопокъ въ домъ помѣщика, который угощаетъ ихъ въ этомъ случаѣ водкою. Осенью, окончивъ паханіе, крестьянинъ дѣлаетъ на пашнѣ крестъ подобнымъ образомъ, какъ и весною въ началѣ паханія.

5. При новосельяхъ.

Хозяинъ, входя въ новоотстроенный домъ, приглашаетъ церковный причетъ освятить его и созываетъ родныхъ и знакомыхъ. Гости приходятъ съ хлѣбомъ-солью, и при этомъ нѣкоторые изъ нихъ приносятъ въ даръ хозяину что либо изъ своихъ домашнихъ мелкихъ животныхъ, какъ напр. поросенка, гуся, курицу и т. п. Крестьяне вѣрятъ, что всякій домъ долженъ быть выстроенъ на чью-либо голову изъ живущихъ въ немъ, и потому, дабы предотвратить несчастіе, при переходѣ въ него, отрубаютъ на порогѣ избы голову у курицы, которую послѣ въ пищу не употребляютъ. Иные же, для предотвращения мнимаго несчастія, при закладкѣ домовъ, закапываютъ куриную голову подъ главнымъ угломъ; при чемъ также существуетъ обычай класть подъ прочими тремя углами деньги, чтобы въ домѣ было богатство. При закладкѣ матицы, хозяинъ всегда даритъ чѣмъ либо мастеровъ или угощаетъ ихъ водкою, дабы они не сдѣлали при томъ какого либо колдовства.

6. При пожарахъ.

Во время пожаровъ, крестьяне съ особенною дѣятельностію помогаютъ другъ другу, но оказываемая ими помощь мало приноситъ пользы: пожарные снаряды вездѣ худы и сохраняются небрежно; навѣсы, подъ которыми стоятъ они, совсѣмъ не охраняютъ ихъ ни отъ дожда, ни отъ снѣга; дроги, на которыхъ ставится бочка, или съ полуразрушившимися колесами, или вовсе безъ колесъ; самыя же бочки всегда стоятъ безъ воды, отъ чего въ лѣтнее время разсыхаются: при томъ же самая постройка въ деревняхъ, вообще покрытая соломой, такъ сжата, что во время пожара не представляетъ никакой возможности къ спасенію.

При сильныхъ пожарахъ обходятъ вокругъ пылающаго зданія съ какою либо иконою, но преимущественно съ образомъ Неопалимой купины, для того, чтобы пожаръ скорѣе

прекратился. Если же пожаръ грозитъ ближайшему строенію, то въ защиту отъ него выносятъ изъ дому икону и держатъ ее на рукахъ, обратившись лицомъ къ пожару. Пожары, произшедшіе отъ грозы, гасить считается грѣхомъ.

7. При неурожаяхъ.

При неурожаяхъ крестьяне служатъ молебны по полямъ съ освященіемъ воды; при чемъ священникъ или діаконъ обходитъ поле и окропляетъ его святою водою. Но если неурожай бываетъ отъ бездождія, въ такомъ случаѣ, кромѣ молитвы, они прибѣгаютъ къ суевѣрному своему средству: на улицахъ подлѣ колодцевъ обливаютъ другъ друга водою. Въ это время ни одинъ проходящій мимо суевѣрной толпы не исключается быть облитымъ съ головы до ногъ. Это дѣлается для того, чтобы пошелъ дождь.

8. При продажѣ и покупкѣ.

При продажѣ лошадей даютъ въ придачу узду или обротъ, а при продажѣ коровы или овцы—веревку, привязанную за рога животнаго. Покупатель беретъ отъ продавца поводъ узды или веревку непремѣнно изъ полы въ полу, чтобы купленный скоть благополучно жилъ у новаго своего хозяина. Купленную корову хозяйка въ первый разъ кормитъ на печной заслонкѣ хлѣбомъ съ солью, дабы она знала новый свой дворъ и служила на хлѣбъ и на соль. Никакая покупка и продажа не обходится безъ магарыча, т. е. безъ угощенія продавцемъ покупщика или покупщикомъ продавца водкою; крестьяне иногда, сойдясь въ цѣнѣ, долго еще толкуются о томъ: чей будетъ магарычъ?

9. При болѣзняхъ.

Во время эпидемическихъ болѣзней курятъ въ избахъ нефорошею, ѣдятъ и носятъ при себѣ чеснокъ и дѣлаютъ дег-

темъ на всѣхъ окнахъ, дверяхъ и воротахъ кресты (*). Многіе обращаются въ это время къ утѣшенію религіи: исповѣдываются и приобщаются Св. Таинъ, дѣлаютъ крестные ходы вокругъ селъ и освѣщаютъ колодцы. Въ нѣкоторыхъ селахъ невѣжественная чернь прибѣгаетъ въ такомъ случаѣ къ суевѣрному обычаю опаживать смерть. Съ вечера собираются въ какой либо домъ дѣвки и бабы въ однѣхъ рубахахъ, съ распущенными волосами, держа въ рукахъ что-либо могущее издавать звукъ, какъ напр. косы, сковороды, печныя заслонки и т. под.; когда же настагаетъ полночь, берутъ соху, впрягаютъ въ нее бабу — неродицу, а сохою даютъ управлять дѣвкѣ, рѣшившейся нейти замужъ; прочія дѣвки помогаютъ тащить соху, вдовы набираютъ песка и разсѣваютъ его по проведенной бороздѣ. Такимъ образомъ, эта бессмысленная толпа ночью обходитъ вокругъ села съ шумомъ, крикомъ и со звономъ въ косы и другія звучныя вещи. Въ это время она доходитъ до остервененія и бросается на все, что встрѣчается ей на пути, стараясь уничтожить; горе тому человѣку, который, по невѣдѣнію, попадется ей на встрѣчу: его избьютъ до полусмерти, а животныхъ совсѣмъ убиваютъ или разрываютъ на части. Послѣ чего утвердительно рассказываютъ, что онѣ своими глазами видѣли, какъ запуганная ими вѣдьма, умерщвляющая людей смертоносною язвою, въ видѣ необыкновенной собаки или страшной женщины, выскочила изъ за огородовъ и убѣжала отъ села прочь (**).

Обыкновенныя болѣзни поселянъ происходятъ, большею частію, отъ простуды и отъ нечистоты воздуха въ избахъ, потому между ними встрѣчается зимою гораздо болѣе больныхъ, нежели лѣтомъ; но, по суевѣрію своему, они многія болѣзни приписываютъ порчѣ злыхъ людей и дѣйствию нехорошаго гла-

(*) Заболѣвавшимъ холерою давали пить дегтарную воду и мазали животъ и поясницу дегтемъ.

(**) Этотъ обычай также соблюдается и при скотскихъ падежахъ.

за или злаго духа. Вообще при болѣзняхъ крестьяне, до ослѣпленія, склонны искать помощи у своихъ знахарей, или бабокъ (*), которые бы могли чрезъ наговоры и другія средства принести облегченія. Главные приемы знахарскаго шарлатанства состоятъ въ томъ: бабка беретъ корецъ непитой воды, кладетъ туда три горячихъ угля и щепоть соли, начинаетъ шепотомъ наговаривать воду, по временамъ дуя на нее, потомъ беретъ въ ротъ наговорной воды, спрыскиваетъ больному лицо, грудь, руки и ноги, даетъ ему пить эту воду, и иногда еще долго шепчетъ надъ его головою; при чемъ надавливаетъ пальцами въ разныхъ мѣстахъ головы больного. Знахари тщательно скрываютъ свои заговоры отъ другихъ, оправдываясь тѣмъ, что заговоръ тогда только имѣетъ свою силу, когда онъ принадлежитъ одному лицу и сохраняется въ тайнѣ; но при открытїи его другому, онъ теряетъ свою силу. По этому, знахари передаютъ свое знаніе только въ глубокой старости или при смерти близкимъ своимъ родственникамъ, какъ наслѣдство. Вотъ нѣкоторые заговоры, которые пришлось мнѣ узнать.

Отъ укушенія змыи.

На мари—на акіяни, на остравя, на кургани, тамъ стоять дупъ Таратынской, пать тѣмъ дубамъ ляжыть бѣль каминь, пать тѣмъ каминь ляжыть чорная руно, пать тѣмъ чорнымъ руномъ ляжыть змя скарапѣя. «Змя скарапѣя! выкинь свой ять лютай ись хрипшонога, паражонага, малитвиннага раба Божья (такого-то); а кали ты ня выкинишь, то я тебе частыи дажжамы замарю и камини закладу, и усѣхъ лютыхъ змѣй качкавыхъ, палявыхъ, стипавыхъ, камышовыхъ пабью. И ты, старая змя, скличь сваяхъ змѣй лютыхъ и вали выкинуть ять ись хрипшонога, паражонага, малитвиннага раба Божья

(*) Бабка общ. род. знахарь и знахарка.

(такого-то); а кали ты ни вядишь выкинуть ять, то я тебе пабядю. Аминь (*).

Отъ зубной боли.

Мѣсиць нá нибя, сырой дупъ у лѣся, бѣлый камень у моря (въ морѣ); кали ети три брата сайдутца, тады (тогда) у хришшопага, паражопага, молитвинпага раба Божья (такого-то) забала зубы.

Отъ кровотечения.

На мари—на акіяня, на остравя Діяня стаить дупъ, пать тѣмъ дубамъ стаить конь карь, а ты, кровь, ни кань.

Всѣ эти заговоры, обыкновенно, бабки читають троекратно.

Бывають и другіе способы знахарскаго лѣченія. Въ случаѣ сильной боли въ поясницѣ, извѣстной въ простонародѣ подь названіемъ утина, больнаго кладуть на порогъ, головою въ сѣни, а ногами въ избу; бабка, положивъ на обнаженную спину больнаго прядильное донце, а на него пукъ нефороши или просто вѣникъ, начинаетъ слегка рубить его топоромъ, тогда больной спрашиваетъ у ней: «Бабушка, што ты рубишь?» — «Утинъ, дититка, утинъ.» — «Руби, руби, штопъ атрыгу не была.» Это повторяется троекратно. Нѣкоторымъ же изъ подобныхъ больныхъ бабки на порогъ придавливають поясницу колѣномъ съ подобнымъ разговоромъ. При колотьяхъ въ бокахъ, бабка беретъ три веретена и троекратно прикалываетъ больному бока и при томъ читаетъ шепотомъ заговоръ. Когда дѣти часто кричать (плачуть) и по ночамъ не спятъ, то бабка, а иногда и сама мать, вечеромъ несетъ ребенка въ сарай, гдѣ ночують куры, и заговариваетъ ему, какъ онѣ на-

(*) Этотъ заговоръ читается также и при укушеніи животныхъ. Тогда слова: «сизъ хришшопага, порожопага, молитвинпага раба Божья такого-то», замѣняются «сизъ бѣлай каровушки» или «спѣгай хашадушки» и т. п.

зываютъ, криксы такъ: «Куры рабаи, куры сѣраи, куры чорнаи! вазмита сваи криксы ать хришпоннаго, паражонага, малитвиннаго раба Божія маладенца (такого-то), аддайтя нашъ сонъ.» Нѣкоторые же въ подобныхъ болѣзняхъ въ курникѣ купаютъ дѣтей на деревянномъ обручѣ и снятую съ дитяти рубашку бросаютъ тамъ. Отъ испуга, знахарка кладетъ на порогъ вѣникъ, ножъ, кусокъ перегорѣлой глины изъ печи и холодный уголь, на нихъ сажаетъ испуганнаго, ставитъ ему на голову блюдо съ водою и льетъ въ нее растопленный воскъ, олово или смолу до трехъ разъ, при чемъ читаетъ шепотомъ заговоръ; тогда, по мнѣнiю простолюдиновъ, долженъ изобразиться въ слиткѣ тотъ предметъ, который былъ причиною испуга. Другія знахарки, и безъ предварительныхъ условiй, ставятъ больному на голову блюдо съ водою и выливаютъ испугъ. Нѣкоторыя же ставятъ испуганнаго противъ печи и выливаютъ олово на печной шестокъ. При костоѣдицѣ въ пальцѣ, происходящей, по мнѣнiю черни, отъ червя волосатика, называемой по здѣшнему—волосомъ, знахарка беретъ блюдо теплой воды и тридевять ржаныхъ колосьевъ или такое же число стеблей бѣлой нефороши; связавъ ихъ въ пукъ, держитъ его надъ сосудомъ и плескаетъ изъ него воду на связанный пукъ, такъ что вода съ пука падаетъ на больной палецъ; при чемъ читается и заговоръ. Крестьяне вообще имѣютъ большую вѣру въ дѣйствительность знахарскаго лѣченiя, отъ чего нерѣдко отъ самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ средствъ многiе получаютъ облегченiе.

Прочiе способы домашняго лѣченiя употребительны здѣсь слѣдующiе. Отъ надрыва живота, отвариваютъ любистокъ и пьютъ отваръ, а также накладываютъ на брюхо глиняный горшокъ съ зажженнымъ внутри льномъ; послѣднее средство употребляютъ и при боляхъ въ поясницѣ. Отъ ломоты, сѣкутъ больныя части крапивою, вытираются въ печахъ нефтью, скапидаромъ и намыленными хрѣновыми листьями. Отъ кашля, отвариваютъ ржаную солому, выдернутую непремѣнно изъ за-

стрѣхи, и пьютъ отварь; также выпиваютъ тридевятъ ложекъ кипятку изъ цолнаго сосуда кипящей воды; многіе нють на-шатырь, растворенный въ теплой водѣ, и курятъ толстую са-харную бумагу. Отъ удущья глотають цѣликомъ зернистый перецъ и пьютъ легкій настой струковатаго перца. При боли въ груди, принимаютъ по нѣсколку капель острой водки на квасу или на полугарной водкѣ и пьютъ рѣдичный сокъ. Въ головной боли прикладывають ко лбу листья кислой капусты, соленые огурцы и сѣрую глину; но при продолжительныхъ и упорныхъ головныхъ боляхъ подходятъ, во время литургіи, подъ перенось. Въ запорахъ, слабительныйиъ средствомъ слу-жить огуречный разсолъ съ медомъ, иѣлъ, растворенный въ водѣ и водка, настоянная на сабурѣ. Отъ поноса ѣдятъ су-шенныя груши, сухари, и пьютъ сахарную воду или раство-ренную въ водѣ золу. Въ лихорадкахъ служатъ молебны преподобному Марону, котораго считаютъ избавителемъ отъ этой болѣзни; подходятъ 12 обѣденъ подъ перенось; окури-ваются оленьимъ рогомъ, ремезинымъ гнѣздомъ, подсушенными щучьими жабрами, мелкою рыбою и украденнымъ самимъ боль-нымъ ракомъ; а также даютъ больному въ водкѣ проглотить нечетное число вишей о которыхъ онъ, выпивая водку, не долженъ знать; поятъ дегтеиъ съ молокомъ, полыннымъ сокомъ, виномъ съ солью, дѣтскою мочею; обливають лихорадочнаго внезапно холодною водою; нѣкоторые вѣшаютъ на шею заши-тую въ тряпку живую лягушку или живаго паука, посаженнаго въ орѣховую скорлупу, и носятъ по нѣсколку дней; другіе, взявъ горсть хлѣбныхъ зеренъ, ходятъ съ ними къ рѣкѣ и, ставъ къ ней задомъ, бросаютъ ихъ черезъ себя въ воду, го-воря: «Вась (лихорадокъ) тутъ семдсигъ семь, — вотъ вамъ плата усѣмъ». Отъ зубной боли кладутъ росной ладонъ, пе-рецъ, хрѣнь, рѣдку, соль, калонику (осѣдающую въ колесахъ и на оси смолу отъ сгустившагося дегтя); варятъ въ водѣ ко-ноплянное сѣмя и, вынувъ горшокъ изъ печи, бросаютъ въ него кусокъ кирпича, ражженнаго до красноты; тогда больной,

укрывшись надъ горшкомъ, держать надъ парами открытый ротъ, отъ чего, по мнѣнію крестьянъ, вылазятъ изъ большихъ зубовъ червячки, причиняющіе боль. Отъ жабы прикладываютъ свѣжій тертый буракъ, поджаренный въ коровьешъ наслѣ; нѣкоторые же перевязываютъ шею веревочкою, на которой копился свиной окорокъ; но болѣе употребительный здѣсь способъ лѣченія жабы—придавливаніе горла двумя пальцами: большимъ и безымяннымъ; такимъ способомъ лѣчатъ только тѣ, которые задавили этими пальцами слѣпущенка (крота). При легкой боли въ горлѣ, обкладываютъ шею шерстянымъ чулкомъ съ правой ноги или трѹтся горломъ о край печи. Рожу присыпаютъ мѣломъ, а многіе прижигаютъ льномъ такимъ образомъ: на больное мѣсто кладутъ красное сукно, а на него пучокъ льна, и зажигаютъ; когда же лень охватитъ огонь, то вдругъ прихватываютъ его другимъ концемъ того же сукна; это повторяется до тѣхъ поръ, пока больное мѣсто довольно напарится. Въ глазныхъ боляхъ, прикладываютъ къ глазамъ мазь, составленную изъ яичнаго бѣлка и небольшой части квасцевъ; дѣлаютъ примочку изъ свинцоваго сахара; иногда примачиваютъ водкою или водою изъ растаявшаго града, а нѣкоторые умываются двѣнадцать зорь рососою. При лѣченіи бѣльми вдуваютъ въ глаза, посредствомъ дудочки, инбирь, свинцовый или обыкновенный сахаръ, натертый о свинецъ, нашатырь и поваренную соль. Въ курьей слѣпотѣ смотрятъ въ старую, безъ спиць, ступицу. Если у кого бываетъ на глазу ячмень, то показываютъ кукишъ съ слѣдующимъ троекратнымъ приговоромъ: «Ичмень, ичмень, на тебѣ кукишъ, што хочешъ сабѣ купишъ; купи сабѣ тапарокъ, сяки сибѣ поперекъ». При лѣченіи ранъ, дѣлаютъ пластырь или спускъ: берутъ немного свѣжаго воска и смѣшиваютъ съ небольшимъ количествомъ деревяннаго масла, кладутъ въ черепокъ и ставятъ въ печь на огонь; скипятивши этотъ составъ, даютъ ему застынуть и потомъ намазываютъ на полотно и прикладываютъ къ ранѣ. Въ нарывахъ, приворачиваютъ хлѣбъ съ солью, печеный лукъ,

свѣжее свиное сало, листья подорожника съ мыломъ; но чтобы въ началѣ заморить нарывъ, то прикладываютъ свѣжій орѣхъ, свѣжія гречневья крупы и отворогъ. Нарывъ на оконечности пальца замариваютъ еще и такъ: отвариваютъ донникъ и перевязавъ палецъ ниже нарыва туго ниткою, опускаютъ его въ горячій отваръ. Обожженную часть тѣла намазываютъ коноплянымъ масломъ или укладываютъ тертымъ сырымъ картофелемъ, морковью и буракомъ. При порѣзѣ, скребутъ чертовъ палецъ и присыпаютъ имъ рану или закладываютъ ее паутиною; а иногда засыпаютъ рану табакомъ или примачиваютъ водкою, настоенною на березовыхъ почкахъ. Въ чесоткѣ, смазываютъ больныя мѣста мазью, составленною изъ небольшого количества горючей сѣры, купорося и коровьяго масла; нѣкоторые же омываютъ больныя части целокомъ изъ гречневой золы или девесильнымъ и табачнымъ отваромъ. Въ случаѣ сыпи у дѣтей, отвариваютъ чистотѣль (*chelidonium majus*) и въ отварѣ купаютъ ихъ. Въ золотухѣ, купаютъ и поютъ дѣтей чередою, а нѣкоторые кормятъ сусальнымъ золотомъ. Въ летучеи огнѣ или огникѣ, надъ болячками высѣкаютъ изъ кремня огонь; многіе припариваютъ эти сыпи помеломъ или посыпаютъ пепломъ изъ сожженной подошвы брошенной обуви. Лишай мажутъ сокомъ изъ горящихъ дровъ и курительной трубки, чернилами и потомъ съ оконныхъ стеколъ; нѣкоторые же обводятъ вокругъ лишая три раза острымъ концемъ иглы и при каждомъ разѣ плюютъ. Въ насморкѣ, нюхаютъ прижженный конецъ хвоста у кошки: крестьяне убѣждены, что насморкъ происходитъ отъ питья воды, нанюханной кошкою. Отъ угара нюхаютъ тертый хрѣнъ, а въ зимнее время кладутъ въ уши мороженную калину. Въ грудницахъ женщины дѣлаютъ припарку: берутъ кусокъ заячьей кожи, обмакиваютъ его въ теплую квасную гущу и прикладываютъ къ больнымъ грудямъ. Если у какой женщины постоянно умираютъ дѣти, то, дабы родить дѣтей болѣе здоровыхъ, она купается на дровосѣкѣ, подложивъ подъ себя деревянный обручъ; искупавшись, она рубитъ топоромъ въ мелкіе куски снятую съ

себя въ это время рубаху и тутъ же сожигаетъ ее. Въ любо-
страстныхъ, или, какъ здѣсь говорятъ, въ дурныхъ болѣзняхъ,
крестьяне обращаются къ своимъ знахарямъ, которые пользуютъ
ихъ разными травами и снадобьями. Въ мочетеченіи, прота-
скиваютъ больного сквозь букъ. Отъ глистовъ мажутъ около
губъ и пупокъ дегтемъ. Молочницу у дѣтей, по здѣшнему—
плеснявку, мать стираетъ своею косою. Въ случаѣ пупочной
грыжи у дѣтей ставятъ ребенка подлѣ дверной притолоки и
противъ пупка его просверливаютъ буравцемъ въ притолокѣ
дыру, или, поймавъ мышь, даютъ ей укусить у дитяти пупокъ.
Если случится ребенку сильно испугаться чего нибудь, то въ
то время выворачиваютъ на немъ на изнанку рубашку, сосутъ
у него противъ сердца, потомъ три раза плюютъ. Для лѣченія
дѣтей, одержимыхъ младенческою болѣзнію, собираютъ по до-
рогѣ тридевятъ паръ соломонокъ, лежащихъ крестъ-на-крестъ
и, отваривъ ихъ въ водѣ, перепускаютъ отваръ чрезъ коромысло,
которое ставятъ для того однимъ концемъ въ какой либо со-
судъ, и льютъ на верхній конецъ его отваръ, потомъ въ немъ
купаютъ дитя; въ самыхъ же przypadкахъ этой болѣзни на-
крываютъ ребенка матернимъ вѣнчальнымъ платкомъ или дру-
гимъ чѣмъ изъ вѣнчальнаго платья матери, а также зажигаютъ
вѣнчальныя свѣчи, подкуриваютъ тихомирнымъ или херувим-
скимъ ладономъ (ладономъ изъ церковнаго кадила, употреб-
лявшимся на литургіи во время Херувимской пѣсни), или да-
ютъ растворъ его, въ небольшомъ количествѣ, проглотить ре-
бенку. Если случится что кто либо полюбуется ребенкомъ или
похвалитъ его, то мать, дабы дитяти не попритчилось (не при-
ключилось болѣзни съ глазъ), умываетъ его водою съ солью,
или слизываетъ ему языкомъ три раза лице. Впрочемъ, здѣш-
ніе крестьяне въ дѣтскихъ болѣзняхъ имѣютъ и похвальное
обыкновеніе: какъ скоро ребенокъ заболитъ, то въ первый же
воскресный или праздничный день приносятъ его въ церковь
и приобщаютъ Св. Таинъ.

Прививаніе оспы крестьяне считаютъ грѣхомъ, и если при-

вивается оспа ихъ дѣтямъ, то болѣе насильственными мѣрами со стороны начальства. Часто случается, что бабы откупаютъ у оспопрививателей дѣтей своихъ отъ прививанія оспы холстами или другимъ чѣмъ изъ домашнихъ издѣлій.

Хозяйство и промыслы.

Земледѣліе составляетъ главное хозяйственное занятіе здѣшнихъ поселянъ. Почва земли въ Обоянскомъ уѣздѣ, болѣею частью, черноземная и весьма удобная для хлѣбопашества. Крестьяне сѣютъ на своихъ поляхъ озимую рожь, пшеницу яровую и озимую, овесъ, гречиху, просо, ячмень, горохъ, чечевицу и ленъ; кромѣ того, сѣютъ коноплю на особыхъ конопляникахъ, располагаемыхъ обыкновенно около жилья. Рожь — наиболѣе распространенный хлѣбъ въ здѣшней мѣстности, составляетъ основу богатства здѣшняго земледѣльца; она главнѣйше поступаетъ въ продажу и частью на домашнее продовольствіе. Пшеницы крестьяне сѣютъ мало, и то болѣе на продажу. Овесъ, гречиха и просо сѣются въ большомъ количествѣ, на продажу и для собственного употребленія, а солома ихъ служитъ кормомъ для скота. Гороха, чечевицы и льва воздѣлывается немного. Здѣшний ленъ бываетъ малъ ростомъ и не волокнистъ, а потому жители покупаютъ ленъ болѣе привозный изъ другихъ губерній. Конопля засѣвается въ значительномъ количествѣ и годами родится хорошо; конопляное сѣмя и пенька, по здѣшнему — замѣшки, за удовлетвореніемъ домашнимъ потребностямъ, идутъ въ продажу.

Система хлѣбопашества трехпольная. Земля обрабатывается подъ посѣвъ обыкновенными Русскими орудіями: сохою съ двумя желѣзными сошниками и бороною, всегда деревянною. Подъ озимый хлѣбъ въ первый разъ начинаютъ пахать, или, какъ здѣсь говорятъ, парину метать, въ Петровъ постъ — въ концѣ мая или въ началѣ іюня; вторично пашутъ и боронуютъ при посѣвѣ, который обыкновенно начинается въ Успенскій постъ: но, при продолжительномъ бездождіи, посѣвъ озимаго хлѣба

бываетъ иногда даже въ сентябрѣ, какъ напр. въ прошломъ 1860 году. Большею же частію земледѣльцы держатся въ этомъ случаѣ своей пословицы: «хоть въ золу, да въ пору». Хорошіе хозяева подь пшеницу троютъ землю, т. е. между первую и послѣднюю вспашкою пашутъ ее еще, спустя недѣлю или двѣ послѣ Петрова дня. Подь яровой хлѣбъ земля панется и боронется большею частію одинъ разъ при посѣвѣ, но болѣе старательные крестьяне иногда двоятъ яровую пашню: въ первый разъ пашутъ ее съ осени или же вскорѣ по вскрытіи весны, а вторично при посѣвѣ. Яровой посѣвъ или ранняя пашня здѣсь начинается съ Агава и Руфа (съ 8 апрѣля), когда, по мнѣнію крестьянъ, земля должна рухнуть, т. е. отойти отъ мороза. Въ яровомъ посѣвѣ хозяинъ наблюдаетъ слѣдующій порядокъ: сперва сѣетъ пшеницу, потомъ—овесъ, ячмень, горохъ (*), далѣе—просо, ленъ и, наконецъ, гречиху. Лучшимъ временемъ для посѣва гречихи считается Клечанская суббота (**), и Троицкая недѣля; послѣдній же сѣвъ ея бываетъ въ день Св. Акилины (13 іюня). Пашня съ посѣяннымъ хлѣбомъ обыкновенно заборанивается, а съ просомъ, спустя недѣлю послѣ посѣва, еще перепаживается или ломается. На удобреніе полей посредствомъ унавоживанія немногіе крестьяне обращаютъ вниманіе, но конопляники вездѣ унавоживаются и любятъ болѣе жирную землю, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ самая отдаленность полей лишаетъ возможности крестьянъ удобрять земли навозомъ и хорошо воздѣлывать свою ниву. Уходъ за хлѣбами во время произрастенія состоитъ въ опалываніи нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ охраненіи отъ погравы разнымъ домашнимъ скотомъ. Рожь и пшеница жнутъ серпами и всегда почти одними женщинами, а прочіе хлѣба всѣ косятъ. Жатва въ здѣшнихъ мѣстахъ начинается около 8 іюля, а покосъ яро-

(*) Нѣкоторые горохъ сѣютъ моченымъ.

(**) Суббота передъ Троицынымъ днемъ. Клечанскою она называется потому, что въ этотъ день вечеромъ, по обыкновенію, готовятъ къ Троицыну дню, для украшенія въ церквахъ и домахъ, клечанье (молодые зеленныя деревца).

выхъ хлѣбовъ—не позже 15 іюля. Хлѣбъ косится обыкновенными косами съ длинными рукоятками, къ которымъ прикрѣпляются деревянные грабли съ длинными зубьями, посредствомъ которыхъ срѣзанный хлѣбъ, оставаясь на грабляхъ, удобно сбрасывается въ ряды колосьями въ одну сторону. Нѣкоторые изъ крестьянъ большеземельныхъ селъ, спѣша уборкою хлѣба, нанимаютъ жнецовъ и косарей. Сжатый хлѣбъ въ то же время связывается въ снопы и складывается въ крестцы, а скошенный, по просушкѣ въ рядахъ, связывается въ снопы и также складывается въ крестцы. Въ крестцѣ бываетъ тринадцать сноповъ; такихъ четыре крестца составляютъ копну. Уборка хлѣба съ полей въ урожайные годы оканчивается не ранѣе 15 сентября. Съ полей свозится хлѣбъ на огуменники и складывается въ одонки. Въ одонкѣ бываетъ отъ двадцати до тридцати копенъ. Хлѣбъ сушатъ въ овинахъ, но у кого нѣтъ овиновъ, молотятъ и несушенный. Уборка льна начинается въ началѣ августа, а пеньки — въ началѣ сентября. Сначала ихъ вырываютъ, связываютъ въ снопы и стоймя ставятъ въ крестцы, сушатъ и вымолачиваютъ сѣмена. А дабы волокнистыя части могли удобно отдѣляться отъ стебля, ленъ отмачиваютъ недѣлю и болѣе въ водѣ или сушатъ на солнцѣ, разстилая его по землѣ; пеньку же только мочатъ въ водѣ отъ 4 до 6 недѣль. Безсѣмянную пеньку, называемую здѣсь дерганцами и которая собирается въ половинѣ іюля, готовятъ къ тому однимъ способомъ сушенія на солнцѣ.

Вообще относительно здѣшнихъ урожаевъ можно замѣтить слѣдующее: въ хорошіе урожайные годы на лучшихъ крестьянскихъ земляхъ рожь родится самъ-пятнадцать, пшеница самъ-двадцать, овесъ самъ-тринадцать, гречиха самъ-двѣнадцать, просо самъ-шестьдесятъ, горохъ самъ-двадцать пять, ячмень и конопля самъ-десять. Десятина конопли въ такой годъ даетъ до тридцати пяти пудовъ пеньки. Эти цифры однакожь не слѣдуетъ принимать за среднія числа урожая въ мѣстности: на другихъ худшихъ или дурно-обработанныхъ

земляжъ въ тотъ же самый годъ урожайъ бываетъ гораздо меньшій. Въ такіе годы цѣны на всѣ хлѣба бываютъ такъ низки, что не вознаграждаютъ трудовъ земледѣльца. Это одна изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ развитію здѣшняго земледѣлія.

Сѣнокосъ въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно начинается около 29 іюня и продолжается до косыбы овса. Скошенную и просушенную траву сгребаютъ въ копны деревянными граблями. Копны бываютъ отъ трехъ до пяти пудовъ. Копны потомъ свозятся съ луга и складываются въ стоги. Сѣно крестьяне болѣе продаютъ, нежели употребляютъ на кормъ своего скота.

Огородничество у здѣшнихъ крестьянъ находится на весьма низкой степени развитія. Оно ограничивается разведеніемъ капусты, бураковъ, картофеля; прочіе же овощи сѣются въ весьма маломъ количествѣ.—Нѣкоторые изъ крестьянъ сѣютъ бакши, которыя, кромѣ собственнаго продовольствія, приносятъ имъ выгоды.

Садоводство собственно у крестьянъ ничтожно, но у помѣщиковъ есть хорошіе сады, отъ которыхъ они имѣютъ выгоды.

Лѣсныхъ угодій въ Обоянскомъ уѣздѣ достаточно, такъ что жители, за удовлетвореніемъ своихъ нуждъ, доставляютъ въ городъ, для продажи, дрова и даже строевой лѣсъ. Природа въ этомъ отношеніи была здѣсь нѣкогда богата; къ сожалѣнію, здѣшніе лѣса, по небрежности, доведены до истребленія. Но съ нѣкотораго времени безразсудное истребленіе лѣсовъ прекращено попечительными мѣрами правительства, и приняты болѣе благоразумныя мѣры къ сбереженію ихъ: такъ что крестьяне рубятъ въ лѣсу только одни отведенные имъ участки, а прочій лѣсъ остается неприкосновеннымъ. Можно надѣяться, что при подобной бережливости, хотя чрезъ долгіе годы, здѣшніе лѣса достигнутъ совершенной полноты. Къ источнику крестьянскихъ доходовъ отъ лѣсовъ относится также сборъ съ дикихъ деревьевъ фруктовъ.

Скотоводство въ здѣшнихъ мѣстахъ въ плохомъ состояніи, какъ отъ недостатка хорошихъ пастбищъ, такъ и отъ собственнаго нерадѣнія поселянъ. Всѣ хозяева держатъ лошадей, коровъ,

свиной, овецъ и козъ обыкновенныхъ породъ, свойственныхъ этому краю; рогатый скотъ вообще мелокъ, лошади въ немногихъ только селахъ хороши, въ другихъ же малорослы и слабосильны; коровы особенно тощи и немолочны. Объ улучшеніи породъ скота крестьяне не прилагаютъ никакого старанія. Лѣтомъ и зимою старый и молодой скотъ держится вмѣстѣ; при этомъ естественно неизбѣжно рановременное по возрасту совокупленіе и размноженіе. Весною, лѣтомъ и осенью, въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ, скотъ питается на подножномъ корму, а остальное время года онъ питается скуднымъ кормомъ дома. Сѣно даютъ иногда только овцамъ и лошадямъ, нерѣдко съ яровою соломою. Овесъ дается лошадямъ только въ дорогахъ и не всегда на работахъ. Коровы довольствуются яровою и частію ржаною соломою; мякиною кормятъ ихъ не всѣ и не всегда. Свинымъ завариваютъ мякину со скудною подсыпкою муки. Помѣщенія для скота нещитны, нечисты и неудобны.

Птицеводство почитается здѣсь необходимою принадлежностью всякаго хозяйства. Крестьяне держатъ гусей, индѣекъ, утокъ и куръ обыкновенныхъ породъ, какъ для собственнаго употребленія, такъ и для извлеченія дохода чрезъ продажу перьевъ, пуха, яицъ и самой живности.

Пчеловодство, по свойству цвѣтовъ здѣшнихъ растений и по обилію ихъ въ дождливые годы, доставляетъ многимъ значительную выгоду въ хозяйствѣ. У нѣкоторыхъ есть довольно большія заведенія: есть мужички, у которыхъ послѣ роенія пчелъ бываетъ на пасикѣ (*) до пяти сотъ и болѣе колодокъ (**); а такихъ, у которыхъ бываетъ по двѣсти и по сту колодокъ найдется много. Болѣе употребительные здѣсь ульи — такъ называемые стояны, съ двумя плоскими днами, въ которыхъ, на случай осмотра внутри улья работы пчелъ и подрѣзки меда,

(*) Пасика—пчельникъ, мѣсто, гдѣ стоятъ ульи.

(**) Колодка—улей.

дѣлается съ боку особое отверстіе, называемое колѣзною, которое закладывается дощечкою, замазываемою всякій разъ, послѣ открытія, глиною. Есть и другой родъ ульевъ: дуплятки, съ однимъ дномъ, но они введены у немногихъ.

Нѣкоторые изъ крестьянъ, живущихъ близъ рѣкъ, занимаются рыболовствомъ болѣе для продажи, нежели для собственнаго продовольствія. Употребительные здѣсь рыболовные снаряды: неводъ, сакъ, сѣтъ, бредень, вѣнтеръ (сѣтъ на обручахъ), кубари (особенные кошели, сплетенные изъ тонкихъ прутьевъ) и хабѣта или хабѣша (большой кошель, сплетенный изъ прутьевъ). Для ловли рыбы кубарями, устраиваютъ, въ узкихъ мѣстахъ рѣки, протока или залива, язы (перегородку изъ колеьевъ), между которыми вставляютъ кубари устьемъ вверхъ рѣки. Хабоша ставится на прорывахъ плотинъ и при яловыхъ (холостыхъ) скрыняхъ, во время спуска воды. Рыбу загоняютъ въ сѣти болтомъ или хлупомъ (ботомъ). Здѣсь ловятся: сомы, щуки, караси, лини, окуни, карпы, мени, ерпи, язи, вьюны, плотва, пискари, раки и иногда — лещи, судакъ и гальцы.

Охотою занимаются весьма немногіе крестьяне и посвящаютъ ей только время, свободное отъ занятій по хозяйству. Предметъ охоты составляютъ: звѣри — волкъ, заяцъ (русакъ), лисица, и птицы — дикая утка, куропатка, тетеревъ, дрофа, перепелка и чибисъ. Бекасовъ и куликовъ крестьяне не стрѣляютъ. Охота производится въ самыхъ малыхъ размѣрахъ и преимущественно осенью и зимою. Звѣрей ловятъ тенетами и стрѣляютъ изъ обыкновенныхъ ружей. Дичь стрѣляютъ тоже изъ ружей, а нѣкоторую, какъ напр. куропатокъ и перепелокъ ловятъ сѣтью. За перепелками также охотятся съ ястребомъ. Для приманки перепеловъ употребляется бѣйка (дудочка съ небольшимъ кожанымъ мѣхомъ).

Бѣдные крестьяне нанимаются въ срокъ въ батраки (въ работники) на разные періоды времени: въ лѣто — съ Пасхи до Покрова дни или осеняго заговѣнья, въ зиму — съ Покрова или осеняго заговѣнья до Пасхи, или на цѣлый годъ. Въ

батрачки (въ работницы) нанимаются болѣе бездѣтныя солдаты и вдовы. Въ осеннее и зимнее время нѣкоторые занимаютъ поденною работою внутри своего уѣзда. Но весною, послѣ раннихъ яровыхъ посѣвовъ хлѣбовъ, весьма многіе крестьяне уходятъ партіями въ степныя губерніи для заработковъ; нѣкоторые изъ нихъ изъ ближайшихъ мѣстъ, на время уборки хлѣба, возвращаются домой, а послѣ уборки уходятъ опять туда же; другіе же, уходя съ весны въ отдаленныя мѣста, остаются тамъ до глубокой осени. Предметъ ихъ промысла составляютъ: покось, молотьба, нагрузка и выгрузка тяжестей при морскихъ и рѣчныхъ пристаняхъ, граборство (земляная работа, какъ напр. копаніе канавъ, устройство плотинъ, водоемовъ и т. п.), плотничество, пиленіе лѣса и другія подручныя имъ работы. Этотъ промыселъ доставляетъ имъ весьма хорошія выгоды. Хорошій работникъ иногда вырабатываетъ съ весны до осени до ста рублей серебромъ.

Кромѣ плотниковъ и пильщиковъ, между крестьянами есть также и другіе ремесленники: каменщики и штукатуры, кирпичники, кровельщики, колесники, бондари, маслобойщики, пиповалы или валнотепы (шерстобиты), швецы (шьющіе нагольные тулупы и зипуны), овчинники; въ помѣщичьихъ селеніяхъ есть столяры, сапожники, портные, кузнецы и ткачи.

Въ нѣкоторыхъ селахъ къ числу промысловъ принадлежитъ жженіе угля на продажу и плетеніе соломенныхъ кошелей, употребляемыхъ для ссыпки хлѣба. Въ пригородныхъ селахъ нѣкоторые занимаются извозничествомъ. Немногіе изъ крестьянъ по уѣзду имѣютъ мукомольныя водяныя и вѣтряныя мельницы. При проѣзжихъ дорогахъ нѣкоторые содержатъ постоянные дворы. Въ недавнее время изъ здѣшнихъ крестьянъ стали проявляться разношники съ коробками, торгующіе по своему и ближайшимъ уѣздамъ мелочнымъ товаромъ.

Здѣшнія женщины, кромѣ присмотра за домашнимъ хозяйствомъ, лѣтомъ опалываютъ огороды и поля, жнутъ, вяжутъ въ снопы хлѣбъ, убираютъ ленъ и коноплю. Осенью и зимою

занимаются онѣ пряденіемъ льна, поскони, овечьей шерсти, приготовленіемъ изъ этой пряжи разныхъ тканей, необходимыхъ въ домохозяйствѣ и, кромѣ того, часто виѣстѣ съ мужчинами молотятъ хлѣбъ. Иногда крестьянки изъ зажиточныхъ домовъ собираютъ такъ-называемыя попридухи: дѣвки и бабы съ вечера сходятся къ нимъ, съ донцами и гребнями, и прядутъ большею частію шерсть. Помочи эти созываются преимущественно подъ пятницу, когда крестьянки дома не дѣлаютъ никакой тяжелой работы и не прядутъ поскони и льна, считая это грѣхъ. Въ вознагражденіе за то хозяева угощаютъ ихъ сытнымъ столомъ. Полотна бѣлятъ весною и лѣтомъ, а сукна валяютъ осенью и зимою дома или на водяныхъ мельницахъ, гдѣ есть сукновальни. Немногія изъ женщинъ умѣютъ красить шерстяныя издѣлія собственнаго приготовленія, употребляемыя въ домашнемъ быту, и ткать пояса.

Народное веселье и праздники.

Народное веселье и забавы лѣтомъ и зимою состоятъ преимущественно изъ игрлицъ на улицахъ. Въ праздничные дни молодежь, одѣвшись въ нарядное платье, собирается на улицу; по сборѣ составляется хороводъ, по здѣшнему карагѣтъ. Дѣвки и молодыя бабы становятся въ кружокъ, взявшись за руки, ходятъ кругомъ, поютъ хороводныя пѣсни, пристукивая ногами въ тактъ пѣсни, а молодые парни въ срединѣ круга, закинувъ шапку на бекрень, пляшутъ, выказывая другъ передъ другомъ свое искусство. Сюда собираются также сельскіе музыканты, и послѣ пѣнія въ хороводахъ, начинается пляска подъ музыку. Употребительныя здѣсь музыкальныя орудія: дудка, рожокъ, балалайка, скрипка, гармонія, гудокъ (*) и кувички (**).

(*) Четырех-струнный смычковый инструментъ, на подобіе скрипки, съ выпуклымъ исподомъ; на немъ играютъ дугообразнымъ смычкомъ, и при томъ ставятъ его на козѣно или просто держатъ перпендикулярно. Въ настоящее время гудки стали встрѣчаться здѣсь рѣдко.

(**) Пять тростяковыхъ дудочекъ, одна другой короче и выше тономъ, каждая

Въ лѣтнее время уличныя сборища часто продолжаются всю ночь, такъ что, послѣ уличнаго веселья, молодежь отправляется прямо въ поле на работу.

Нѣкоторые народныя праздники сопровождаются особымъ родомъ увеселеній и обычаевъ.

На Святой недѣлѣ молодыя женщины и дѣвицы, собравшись на улицахъ, водятъ такъ называемыя танки. Они водятся двойнымъ образомъ: въ одинъ рядъ и въ два ряда. Въ первомъ случаѣ, всѣ становятся въ одну линію, взявшись за руки, поютъ пѣсни и идутъ, приплясывая, за переднею дѣвкой или бабою, которая даетъ всему хороводу всевозможныя кривыя направленія. Въ послѣднемъ случаѣ, онѣ раздѣляются на двѣ равныя стороны, составляютъ двѣ параллельныя линіи, въ нѣкоторомъ отдаленіи одна отъ другой; взявшись за руки, поютъ пѣсни и подбѣгаютъ одна сторона къ другой, размахивая руками и пристукивая ногами, а потомъ возвращаются назадъ и повторяютъ дѣйствіе такимъ же образомъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на Св. недѣлю устраиваются качели, и молодежь качается и проводитъ время подъ качелями (*). Со дня Пасхи крестьяне перестаютъ засвѣчать огонь вечеромъ во избѣжаніе пожаровъ, въ томъ убѣжденіи, что огонь съ весны щенится. Въ религіозномъ отношеніи, въ дни Свѣтлой Седьмицы, существуетъ слѣдующій обычай: берутъ изъ церкви иконы, служатъ молебны по домамъ и дѣлаютъ для причта обѣды; при чемъ есть обыкновеніе, послѣ стола, бросать скатерть на кровлю избы, для того, чтобы родился ленъ высокъ. Эту обязанность, обыкновенно, исполняетъ жена причетника.

Въ недѣлю Муроносицъ, называемою здѣсь Маргосье и Маргòски, молодыя бабы собираются въ одно мѣсто и при-

съ однимъ отверстіемъ въ верхнемъ концѣ, въ которое вдувается воздухъ. Чтобы играть на нихъ, верхніе концы всѣхъ дудочекъ приставляютъ ко рту, дуютъ въ отверстия и, выстѣ, съ тѣмъ съ искусствомъ вторать голосомъ звуки, происходящія отъ кувичекъ; тѣ и другіе звуки, сливаясь вмѣстѣ выражаютъ, «куви—куви».

(*) Въ другихъ селеніяхъ качаются на Троицкой недѣлѣ и на Петровъ день.

носятъ съ собою куръ, яйца и другіе съѣстные припасы, готовятъ изъ нихъ разныя кушанья, покупаютъ водку,— пьютъ, ѣдятъ, веселятся и съ пѣснями ходятъ по улицамъ и пляшутъ.

На Вознесеніе, предъ обѣднею, дѣвицы собираются въ какой либо домъ и, сломивъ зеленую вѣтку рябины или другаго дерева (*), убираютъ ее цвѣтами и лентами, ставятъ въ избѣ въ святой уголь, а сами отправляются къ обѣднѣ. Между тѣмъ здѣсь готовится для нихъ закуска изъ принесенныхъ ими наканунѣ съѣстныхъ припасовъ. Послѣ обѣдни всѣ дѣвицы возвращаются сюда обратно, берутъ уряженную вѣтку, называемую кукушкою, и съ пѣснями несутъ ее въ садъ или лѣсъ крестить; куда нерѣдко сопровождаютъ ихъ молодые парни съ дудками, кувичками или другими музыкальными орудіями. Пришедъ въ назначенное мѣсто, кладутъ мнимую кукушку на деревѣ, вѣшаютъ на ней снятый съ шеи крестъ; потомъ всѣ раздѣляются по-парно и начинаютъ кумиться такимъ образомъ: каждая двѣ дѣвицы поочередно подходятъ къ кукушкѣ, и одна изъ нихъ говоритъ: «куку», а другая отвѣчаетъ ей: «кума», по три раза; послѣ чего цѣлуютъ крестъ, а затѣмъ цѣлуются сами и обмѣниваются кольцами, въ знакъ условнаго родства по кумовству, въ которомъ онѣ пребываютъ до шести недѣль, а въ нѣкоторыхъ селахъ — въ продолженіе года. Въ соединеніи съ этимъ обрядомъ поютъ:

Ой релимъ (**), кукушка рибал
 Ой релимъ! чья ты кума?
 — Ой релимъ, я — кумушкнна,
 Ой релимъ, галубушкнна.

Но многія при этомъ поютъ обыкновенныя пѣсни. Покумившись такимъ образомъ, онѣ закусываютъ и еще долго веселятся, а наконецъ расходятся по домамъ.

(*) Въ ннхъ селахъ отыскиваютъ растеніе кукушникъ, и вмѣсто зеленой вѣтки нарываютъ пучекъ этой травы.

(**) По другимъ селамъ поютъ: лелимъ ви. релимъ.

Въ день Сошествія Св. Духа, во всѣхъ деревняхъ дѣвушки также собираются вмѣстѣ и ходятъ въ лѣса или сады завивать вѣнки. Свивши вѣнки, надѣвають ихъ на головы. Въ иныхъ мѣстахъ дѣвицы, повѣсивъ вѣнокъ на дерево, цѣлуютъ сквозь него одна другую. Здѣсь онѣ поютъ пѣсни, закусываютъ и, нагулявшись вдоволь, возвращаются въ вѣнкахъ домой. Въ нѣкоторыхъ же селахъ въ этомъ убранствѣ идутъ онѣ къ рѣкѣ или широкому озеру и бросаютъ вѣнки въ воду, и изъ того, куда поплыветъ вѣнокъ или потонетъ, стараются узнать свою судьбу. Въ этотъ день въ избахъ и на дворѣ ставятъ клечанье и постилаютъ зеленую траву.

Въ дни: Ильи Пророка (20 іюля), мучениковъ Кирика и Улиты (15 іюля) и великомученика Пантелеймона (27 іюля), крестьяне не производятъ въ полѣ никакихъ работъ, считая ихъ строгими праздниками. Илья Пророкъ почитается блюстителемъ за уборкою хлѣба; онъ, по мнѣнію черни, 20 іюля считаетъ копны по полямъ. Крестьяне также вѣрятъ, что Илья Пророкъ разѣзжаетъ на колесницѣ по небу, отъ чего происходитъ громъ.

Въ день Св. Мучениковъ Флора и Лавра (18 августа) крестьяне ничего не работаютъ на лошадяхъ. Въ этотъ день предъ обѣдней пригоняютъ лошадей къ церквамъ, служатъ молебны и окропляютъ ихъ св. водою.

Равнымъ образомъ Св. Священномученика Власія (11 февраля) считаютъ покровителемъ коровъ, и также пригоняютъ ихъ въ этотъ день къ церкви, служатъ молебны и окропляютъ св. водою.

24 іюня, въ праздникъ Рождества Іоанна Крестителя, ходятъ въ лѣсъ и въ поле собирать травы, которымъ приписываютъ цѣлебную силу; а 29 августа, въ день Усѣкновенія главы Крестителя, ничего съѣстнаго не рѣжутъ ножами, не варятъ щей изъ капусты и не ѣдятъ ничего круглаго, чтобы могло напоминать голову.

Въ святочные вечера, а особенно въ вечеръ подъ новый

годъ, дѣвушки гадаютъ о своей участи на слѣдующій годъ. Гаданія эти состоятъ въ слѣдующемъ:

Ходятъ на перекрестки, падаютъ на землю, слушаютъ, въ какой сторонѣ лай собакъ или другой звукъ, и по этому заключаютъ, въ какую сторону выйдутъ за мужъ. Ходятъ также къ церквямъ и слушаютъ: если послышится что-либо подобное пѣнью, то полагаютъ, что на будущій годъ выйдутъ замужъ, а если послышится плачь, то ожидаютъ смерти.

Загадавъ о чемъ либо, приносятъ въ избу по оберемку дровъ и оставляютъ ихъ на ночь въ избѣ; утромъ каждая изъ гадавшихъ дѣвицъ считаетъ, сколько въ принесенныхъ ею дровахъ находится полѣнъ: когда выходитъ четное число, то загаданное сбудется; а когда нечетное, то не сбудется.

Ложась спать, говорятъ: «лажусь я спать на Сиенскихъ гарахъ, три вангуля у галвахъ: одинъ видя, другой слыша, третій усю правду мнѣ скажа; кали я што найду, али што куплю, али падаракъ приму, то збудитца, а кали што продамъ, али патирую, али аддамъ, то ня збудитца».

Другія снимаютъ съ насѣста куръ, приносятъ ихъ вечеромъ въ избу и, посыпавъ имъ корму и поставивъ воды, наблюдаютъ за ихъ движеніями и дѣйствіями, и изъ того заключаютъ о свойствахъ будущихъ своихъ супруговъ.

Дѣвицы, желающія узнать своего суженаго, отходя ко сну, ставятъ у своего изголовья блюдо съ водою, на которомъ мостятъ мость, т. е. настилаютъ прутьями на подобіе моста; при чемъ говорятъ: «сужанай-ряжанай, пирвади мине чирязъ мость!» Нѣкоторыя для того кладутъ въ головы гребешокъ или вѣникъ, говоря—въ первомъ случаѣ: «хто мой сужанай-ряжанай, тотъ мнѣ голову рашчеша»; во второмъ: «хто мой сужанай-ряжанай, тотъ приди са мною избу мечь». Иныя, ложась спать, не разуваютъ лѣвую ногу, и при томъ говорятъ: «хто мой сужанай-ряжанай, тотъ мине разуа». Многія увѣряютъ, что дѣйствительно видятъ во снѣ своихъ суженыхъ.

На Новый Годъ, между утренею и обѣднею, дѣвицы, поло-

живъ лешку за пазуху, выходятъ на улицу и спрашиваютъ перваго встрѣтившагося мужчину—какъ его зовутъ, и по от-
вѣту заключаютъ объ имени своего жениха.

Въ вечеръ подъ Крещенье, поѣвши кутьи, дѣвушки съ
ложками выходятъ на дворъ, стучать ими въ ворота и слу-
шаютъ, въ какой сторонѣ залаютъ собаки, и изъ того заклю-
чаютъ, въ какую сторону имъ придется выдти замужъ. И тѣмъ
оканчиваются святочные гаданія (*).

На Крещенье, послѣ обѣдни, всякій хозяинъ раскладываетъ
на дворѣ снопы всякаго хлѣба и кормитъ имъ свой скотъ, ко-
торый при томъ окропляетъ св. водою, въ предохраненіе отъ
всякаго рода болѣзней. Нѣкоторые, окропляя скотъ св. водою,
надѣваютъ шубу вверхъ шерстью.

На Масляницѣ, съ четверга, прекращаются всѣ работы; мо-
лодежь и дѣти катаются съ горъ на салазкахъ. Молодые пар-
ни имѣютъ обыкновеніе катать въ это время дѣвицъ, сажая
ихъ у себя на колѣняхъ. Вообще послѣдніе дни Масляницы
проводятъ весело: послѣ катанья, играютъ, поютъ и пляшутъ
до глубокой ночи. Многіе крестьяне ходятъ и ѣздятъ къ близ-
кимъ своимъ роднымъ и знакомымъ, угощаютъ одинъ другаго
водкою и блинами, а въ Сырное Воскресенье вечеръ посвя-
щаютъ, по принятому обычаю, на прощанье другъ съ другомъ
предъ Великимъ Постомъ.

Въ день Благовѣщенія всякій хозяинъ старается быть въ
обѣднѣ и получить отъ священника просфору, съ которою онъ
въ первый разъ весною выѣзжаетъ въ полѣ застѣвать хлѣбъ, и
которою пчеловоды въ первый разъ закармливаютъ пчелъ. На
этотъ день, домохозяева пекутъ изъ тѣста катышки (неболь-
шіе хлѣбцы въ видѣ шариковъ) и даютъ ихъ овцамъ, въ пре-
дохраненіе ихъ отъ болѣзней. Праздникъ Благовѣщенія просто-

(*) Есть и другіе дни, въ которые дѣвицы гадаютъ о будущей своей судьбѣ,
а именно: подъ Андрея Первозваннаго (подъ 30 ноября), подъ дни Св. Великому-
ченицы: Екатерины (подъ 24 ноября) и Варвары (подъ 4 декабря).

людины почитаютъ такъ, что не принимаются ни за какія работы. Они вѣрятъ, что и птица на этотъ день не вьетъ гнѣзда.

Храмовые праздники бываютъ, большею частію, осенью и зимою, въ свободное время отъ работъ. Главную принадлежность этихъ праздниковъ составляетъ водка; всякій, сколько нѣбудь зажиточный крестьянинъ, зазываетъ на праздникъ къ себѣ гостей, дѣлаетъ для нихъ обѣдъ и напивается съ ними до пьяна. Погулявши, такимъ образомъ, въ одномъ домѣ, толпа пьяныхъ бродитъ изъ двора во дворъ, и гулянье продолжается дня три, четыре и нерѣдко недѣлю. Молодые люди, между тѣмъ, веселятся на улицахъ: поютъ и пляшутъ въ хоровахъ, играютъ на балалайкахъ, дудкахъ и другихъ инструментахъ.

О прочихъ же народныхъ праздникахъ, какъ напр. о Свѣчкахъ, Крещенской Колядѣ, днѣ Св. Великомученика Никиты и другихъ, отличительную принадлежность которыхъ составляютъ нѣкоторыя народныя кушанья, было сказано при описаніи пици крестьянъ.

Игры взрослыхъ весною и лѣтомъ на улицахъ бываютъ слѣдующія:

Молодые бабы и дѣвки «сѣютъ просо». Въ этой игрѣ всѣ становятся въ одну линію, одинъ подлѣ другаго, а одна пара становится противъ нихъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; потомъ тѣ и другія, взявшись за руки, поютъ:

Первая сторона (составляющая вольшой рядъ).

А мы пашню пахали, пахали,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Вторая сторона (состоящая изъ одной пары).

А мы проса сѣили, сѣили,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Первая.

А мы проса выталкинь, выталкинь,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ВТОРАЯ.

А чѣмъ же вы выталкитя, выталкитя?
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ПЕРВАЯ.

А мы каней выпустимъ, выпустимъ,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ВТОРАЯ.

А мы каней паймаимъ, паймаимъ,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ПЕРВАЯ.

А мы каней выкупимъ, выкупимъ,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ВТОРАЯ.

А чѣмъ же вы выкупитя да выкупитя?
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ПЕРВАЯ.

А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ВТОРАЯ.

А мы ста рублей ни ваземъ, ни ваземъ,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ПЕРВАЯ.

А мы дадимъ тысячу, тысячу,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ВТОРАЯ.

А мы тысячи ни ваземъ, ни ваземъ,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ПЕРВАЯ.

А мы дадимъ дѣвушку, дѣвушку,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

ВТОРАЯ.

Вотъ то-та намъ надамна, надамна,
Зилѣная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

За тѣмъ пара, составляющая вторую сторону, не разнимая рукъ, поднимаетъ ихъ вверху и образуетъ между собою проходъ, въ который бѣжитъ вереницею первая сторона, и коль скоро добѣгаетъ до прохода, послѣдняя въ ряду дѣвица или женщина, стоявшая пара опускаетъ руки внизъ и отрываетъ ее отъ другихъ; послѣ чего она остается при нихъ. Потомъ та и другая сторона, ставши опять одна противу другой поютъ:

Первая.

Изъ нашага палку убыла, убыла,
Зилѣная мая ротавка, жолтай тѣтъ!

Вторая.

А у нашама палку прибыла, прибыла,
Зилѣная мая ротавка, жолтай тѣтъ!

За тѣмъ первая сторона снова поетъ: «А мы пашни пахали, пахали», и игра, такимъ образомъ, продолжается до тѣхъ поръ, пока на первой сторонѣ останется одна пара: Послѣ того игру начинаютъ вновь, при чемъ вторая сторона заступаетъ мѣсто первой, а первая мѣсто второй.

Между дѣвицами и молодыми женщинами употребительна также игра «плетень». Въ этомъ случаѣ онѣ берутъ другъ друга за руки и заплетаются такъ, что лѣвая рука каждой лежитъ на правомъ плечѣ той, которая стоитъ впереди ея, при чемъ поютъ:

Заплетися, плетень, заплетися!
Ты завейси, камка дарагая!
Завярнися, труба залатая!

Послѣ того расплетаются и поютъ:

Расплетися, плетень, расплетися!
Ты развейси, камка дарагая!
Развярнися, труба залатая!

Молодежь обоого пола вѣстѣ играютъ: въ рѣбки (горѣлки) мячъ, селезня и утку. Описаніе первыхъ двухъ игръ, какъ болѣе извѣстныхъ, будетъ излишнимъ. Въ селезня же и утку играютъ такъ: Всѣ становятся въ кружокъ, взявшись рука за руку, ходять вокругъ и поютъ:

Слизѣнь за вуткаю гоня,
 Маладой за сѣраю гоня:
 «Пади, вутца, дамой,
 Пади, сѣрая, дамой!
 Въ тебе семира дитей,
 Васьмой слизѣнь,
 Дивятая вутка,
 Десятая шутка.»

При этомъ парень и дѣвица разыгрываютъ роли селезни и утки: селезень ловить утку, а утка прячется отъ него то въ кружокъ, то изъ кружка; при чемъ утку весь хороводъ свободно пропускаетъ туда и обратно, а селезню всѣми мѣрами препятствуютъ уловить утку. Когда же селезню, послѣ долгихъ усилій, придется поймать утку, тогда виновные тому заступаютъ ихъ мѣсто, а прежніе селезень съ уткою становятся вѣстѣ съ прочими въ кружокъ, и игра продолжается точно также.

Подобнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ селахъ играютъ въ кошку и мышку, но игра эта происходитъ безъ пѣнія.

Зимою въ домахъ въ праздничные вечера молодежь, собравшись вѣстѣ, играетъ въ жуть (жгутъ), короли и чѣтки. Въ первой игрѣ всѣ садятся на полу въ кружокъ, спрятавъ руки подъ колѣна, такъ что, кто изъ нихъ держитъ въ рукахъ жгутъ— не видно, а одинъ парень или дѣвка усаживается въ срединѣ круга.

Тотъ, у котораго находится въ рукахъ жгутъ, ударяетъ имъ въ спину сидящаго въ срединѣ круга и въ тоже время прячетъ или передаетъ его своему сосѣду, такъ чтобы тотъ, котораго ударили, не могъ замѣтить того. Это продолжается

до тѣхъ поръ, пока ударяемый не обнаружитъ, въ чьихъ рукахъ находится жгутъ; послѣ того обнаруженный съ жгутомъ уступаетъ свое мѣсто сидящему въ срединѣ круга; а самъ заступаетъ его мѣсто; далѣе игра продолжается такимъ же образомъ.—Въ короли играютъ такъ: сначала всѣ кладутъ на столъ правыя руки одна на другую; потомъ первый снизу вынимаетъ свою руку, кладетъ ее сверху всѣхъ рукъ и говоритъ: «Расъ» за нимъ второй дѣлаетъ также и говоритъ: «Два», третій: «Три», четвертый: «Четыре», и такъ далѣе до десяти; но когда за тѣмъ кладутъ руки послѣдующіе, то говорятъ: первый—«Нижникъ», второй—«Вышникъ», третій «Краля», четвертый «Кароль», тотъ и дѣлается королемъ. Послѣ того всякій изъ играющихъ по очереди говорить королю: «Кароль, кароль, я твоя слуга.»—«Што ты мнѣ за слуга?» спрашиваетъ король. «Што заставишь, то буду дѣлать», отвѣчаетъ слуга. И король означаетъ каждому изъ играющихъ какое-либо дѣло: одному—плясать, другому—смиѣяться, третьему—плакать, четвертому—пѣсни пѣть, пятому—лицо саухдю (сажею) вымазать, шестому—три или четыре воза дровъ на лбу привезти (т. е. три или четыре раза лбомъ по столу провести) и т. п. Эти приказанія исполняются безъ всякаго прекословія; но когда всякій изъ играющихъ выполнить назначенное ему дѣло, тогда приступаютъ къ избранію новаго короля.—Игра въ чотки состоитъ въ томъ, что чотки (коротенькія камышевыя пластинки) рассыпаютъ по столу поочередно и берутъ со стола по одной такъ, чтобы взятою чоткою не тронуть другихъ; въ противномъ случаѣ, тронувшій чотки лишается права на игру до слѣдующей очереди, а за тѣмъ рассыпаетъ и беретъ ихъ другой и такъ далѣе.

Въ зимніе праздничные дни часто народъ собирается на кулачные бои. Эти битвы иногда происходятъ между крестьянами двухъ сосѣдственныхъ деревень, составляющихъ двѣ враждебныя партіи.

Иногда молодые крестьяне, какъ зимою, такъ и лѣтомъ собираются въ какое-либо глухое мѣстечко, укрывающее ихъ отъ взоровъ старшихъ; и играютъ въ карты и орлянку.

Дѣтскія игры:

Мальчики весною и лѣтомъ на улицахъ играютъ: въ городки,

- » мячъ,
- » кляпъ, или клѣпъ,
- » шигарду (чихарду),
- » сучки (свинки) и шаровню, или гылю.

Игры болѣе или менѣе извѣстныя.

Последняя игра состоитъ въ томъ, что одинъ подбрасываетъ деревянный шаръ вверхъ, а другой на лету бьетъ его швыркомъ деревяннымъ отрубкомъ, съ отесанною рукояткою, называемымъ гылею или шаровнею. Въ эти игры играютъ нѣсколько человекъ и бьютъ шаръ поочередно.

Весеннія и лѣтнія игры дѣвочекъ, въ которыхъ нерѣдко принимаютъ участіе и мальчики, бывають также на улицахъ. Эти игры слѣдующія:

1) Коршунъ. Въ этой игрѣ одна изъ дѣвочекъ старшихъ возрастомъ, беретъ на себя роль коршуна, а всѣ прочія представляютъ стадо другихъ птицъ. Последнія становятся вереницею и берутъ одна другую за задъ платья. Передняя изъ нихъ называется маткою, а остальные — ея дѣтьми. Коршунъ же становится впереди, противъ всѣхъ и начинаетъ рыть землю; тогда матка спрашиваетъ у него: «Коршунъ, коршунъ! што ты дѣлаешь?» — «Ямачку рою», отвѣчаетъ коршунъ. «На што ямачку?» — «Капеичку ишшу.» — «На што капеичку?» — «Иголачку купить.» — «На што иголачку?» — «Мишочикъ ишшеть.» — «На што мишочикъ?» — «Салицы купить.» — «На што салицы?» — «Кулешъ пасалить.» — «На што пасалить?» — «Тванимъ дитямъ глаза залить.» И вѣсть съ тѣмъ коршунъ бросается на дѣтей, съ тѣмъ, чтобы оторвать кого-либо изъ вереницы; но матка всячески ста-

рается заграждать ему путь и не допускать его до дѣтей. Оторванная отъ веревницы дѣвочка становится позади коршуна, держась за задъ его платья. Такимъ образомъ игра продолжается до тѣхъ поръ, пока коршунъ заберетъ по одной всѣхъ дѣвочекъ на свою сторону; потомъ бывшая матка становится коршуномъ, а коршунъ — маткою, и игра начинается снова.

2) Хрѣнь. Игра эта состоитъ въ томъ: всѣ садятся въ одну линію, одинъ къ другому въ колѣни, и крѣпко обхватываютъ одинъ другаго руками, а двѣ старшія дѣвочки становятся подлѣ нихъ: одна по одну сторону, а другая по другую, и взявши въ руки платокъ (иногда налочку), носятъ его надъ головою сидящихъ (*), и при томъ поютъ:

Хрѣнь, ты мой хрѣнь,
 Иравой ты мой хрѣнь,
 Кто тебе садилъ,
 Кто паливалъ?
 —Садилъ мнѣ Иванъ,
 Поливалъ Силиванъ;
 Силиванова жана
 При дарошки жыла,
 Ана хажывала.
 Ана ѣжжавала,
 Пригаваривала:
 Урадися мой хрѣнь
 И долахъ и толсть,
 И карешыкамъ простъ.—
 На вулицы двѣчки,
 Всѣ—залатаи виночки,
 И синѣвки и панѣвки,
 И чарвоинны пакровка,
 И сахвѣнъ сапожокъ.
 Стукъ, стукъ у варотъ. (**)

(*) Въ нѣкоторыхъ селахъ старшія дѣвочки въ этомъ случаѣ не берутъ въ руки ничего, а только ходятъ вокругъ сидящихъ и прикасаются руками къ головамъ каждой изъ нихъ.

(**) Въ нихъ нѣстахъ послѣднія 6 строкъ замѣняются слѣдующими:

«Хто тамъ?» спрашиваютъ сидящія дѣвочки. «Ивашка паповъ», отвѣчаютъ старшія дѣвочки. «За чѣмъ!» — «Дайти хрянку на гавядинку.» — «Хрѣнь ни паспѣлъ; за кольми паѣхали; аплитать будимъ.» Послѣ того старшія дѣвочки снова поютъ: «Хрѣнь, ты мой хрѣнь» и ходятъ около сидящихъ. Дѣйствіе это потомъ повторяется до четырехъ разъ, съ тою разницею, когда старшія скажутъ: «Дайти хрянку на гавядинку», тогда сидящія отвѣчаютъ: въ первый разъ — «Хрѣнь ни паспѣлъ, только колья бьемъ», во второй — «Хрѣнь ни паспѣлъ, только плитень городимъ», въ третій — «Хрѣнь ни паспѣлъ, только листья пуская; даждатца будемъ», въ четвертый — «Сарвита, струхнита, ды варта заприта». Тогда старшія дѣвочки тянутъ за руки первую изъ сидящихъ и отрываютъ ее отъ прочихъ, за тѣмъ и съ другими поступаютъ также. Позади всѣхъ сидящая дѣвочка называется бабкою; она обыкновенно выбирается изъ старшихъ возрастомъ.

3) Кушинчики. Въ эту игру играютъ такъ: дѣтей меньшаго возраста сажаютъ рядомъ; они то и называются кушинчиками (кувшинчиками). Двѣ дѣвочки, которыя болѣе другихъ возрастомъ, играютъ роли: одна — хозяйки, а другая — ея дочери, у которыхъ есть котъ. Роль кота, обыкновенно, даютъ мальчику. Котъ, пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, валаеть, по нѣскольку кувшинчиковъ, будто бы съ молочнымъ, и наконецъ ловится въ мотъ. Тогда его бьютъ, и игра оканчивается смѣхомъ и нерѣдко слезами.

4) Свинья. Всѣ дѣти, кромѣ одного, ложатся ницъ въ рядъ одинъ отъ другаго въ нѣкоторомъ разстояніи. Тотъ, который не ложился, перепрыгиваетъ чрезъ каждого изъ нихъ,

Ты расти мая каса
 Да шолкава панса:
 Всѣмъ дѣвкамъ красата,
 А молатцамъ сухата.
 Стукъ, стукъ у варотъ!

и въ концѣ ложится самъ; за тѣмъ встаетъ крайній съ противуположнаго конца и дѣлаетъ тоже. Такимъ образомъ, всѣ, одинъ за другимъ, встаютъ, прыгаютъ и опять ложатся.

5) Дѣточки. Игра въ дѣточки происходитъ такимъ образомъ: дѣвочки большія возрастомъ становятся въ кружокъ и сажаютъ предъ собою маленькихъ дѣтей, а одна изъ нихъ, оставшаяся безъ дитяти, подходитъ къ каждой изъ стоящихъ въ кружкѣ и говоритъ: «Кума, кума, продай дитя!» Однѣ отвѣчаютъ: «Не продажно», и она отходитъ прочь. А когда какая скажетъ: «Купи», тогда та и другая бѣгутъ около стоящихъ въ кружкѣ: одна въ одну сторону, а другая въ другую, и какая изъ нихъ, объжавъ кругъ, первая достигнетъ до оставленнаго дитяти, и дотронется рукой до его головы, та и остается при немъ; другая же опять идетъ покупать дитя. Подобнымъ образомъ игра продолжается далѣе.

6) Жилдочка (*). Въ этой игрѣ всѣ дѣти бѣгаютъ, а жилдочка ловить ихъ, и кого поймаетъ, тотъ становится жилдочкою и также ловить другихъ, а бывшая жилдочка перестаетъ быть ею и присоединяется къ прочимъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ игра эта называется сыркою, а въ другихъ вѣдьмочкою. При началѣ этой игры, чтобы знать, кому оставаться жилдочкою, сыркою или вѣдьмочкою, дѣти вѣдаются (копаются) слѣдующимъ образомъ: всѣ становятся въ рядъ, а одна изъ дѣвочекъ старшихъ по возрасту, указывая на каждого по порядку, не исключая и себя, приговариваетъ: «Занць — мѣсиць! — Идѣ (гдѣ) былъ? — У лѣся. — Што дѣлалъ? — Лыки дралъ. — Кто пабралъ? — Ваявода. — Вонъ пень — съ карагода. — Чечить — нечить — шышалъ — вышалъ — дикинъ — выкинъ.»

Или:

«Ходя свинья па бару, — рве траву лобаду; — рве и бире, — на биремачикъ кладе. — Тусъ — лусъ — пунья — звизда — княсь».

(*) Слово это, вѣроятно, происходитъ отъ слова жеддакъ—солдатъ, ратникъ. Жеддачка, извѣстное жиддачка—солдатка, ратничка.

Или:

«Пѣри — ёри — чуха — луха — пята — соѣта — сеѣма — духа — макъ — хрёсть — радивонъ — выди вонъ.»

И на кого придется указать, при послѣднихъ словахъ: «выкинь, князь, выди вонъ», тотъ отходитъ прочь. Такимъ образомъ дѣйствіе это повторяется до тѣхъ поръ, пока останется въ ряду одинъ, который безпрекословно принимаетъ на себя эту роль.

Иногда дѣвочки, сидя на улицахъ, играютъ въ крамушки (небольшіе кругленькіе камешки или черепочки, гладко обтертые объ кирпичъ). Ихъ обыкновенно бываетъ пять. Сначала крамушки разсыпаютъ по землѣ, а потомъ одинъ изъ нихъ подбрасываютъ вверхъ, и, виѣстѣ съ тѣмъ, искусно схватываютъ одною рукою съ земли другой, и съ нимъ уже ловятъ летящій крамушекъ. Дѣвочка, не выполнившая извѣстныхъ условій игры, лишается права на дальнѣйшую игру до слѣдующей очереди и передаетъ ее другой, и такъ далѣе. Искусныя въ этомъ успѣваютъ схватывать съ земли по нѣскольку крамушковъ и съ ними уловить тою же рукою подброшенный крамушекъ; или, взявши всѣ въ руку, подбрасываютъ одинъ вверхъ, и съ тѣмъ виѣстѣ кладутъ по одному и по два на землю, а потомъ тою же рукою ловятъ летящій крамушекъ.

Въ домахъ, во всякое время года, мальчики и дѣвочки играютъ въ жмурки и кудючки. Жмурки — игра извѣстная. Игра же въ кудючки состоитъ въ томъ, что всѣ дѣти прячутся по разнымъ мѣстамъ, а одинъ, пока другіе спрячутся, закрывъ глаза, кудюкаетъ такъ: «Кудю, кудю баба, ня выкали глаза; гласъ пасиѣлъ, каврешку съѣлъ.» Потомъ отыскиваетъ спрятавшихся. За тѣмъ кудюкаетъ слѣдующій по очереди, а всѣ прочія прячутся.

Жизненные средства.

Источники, изъ которыхъ крестьяне извлекаютъ средства для своего пропитанія, указаны выше; но трудно съ точностію опредѣлить, сколько ихъ можетъ приходиться на мѣстное

крестьянское семейство въ годъ; это зависитъ во первыхъ отъ количества поземельнаго надѣла крестьянъ на души, который въ здѣшнемъ уѣздѣ не равенъ, такъ что въ иныхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ на ревизскую душу приходится пахатной земли менѣе полуторы десятины, а въ другихъ крестьяне имѣютъ даже до восьми десятинъ, смотря по величинѣ сельскаго участка; во вторыхъ отъ промысла самихъ крестьянъ болѣе и менѣе прибыточнаго; въ третьихъ отъ прилежанія или нерадѣнія, ловкости или нерасторопности и многихъ другихъ причинъ. Еще труднѣе опредѣлить количество расхода крестьянина: кто болѣе зарабатываетъ, тотъ болѣе и издерживаетъ, и на оборотъ. Потому я наирѣнѣе показать лишь необходимый денежный расходъ здѣшняго государственнаго крестьянина.

Вотъ годовоіи расходъ десятидушнаго семейства, состоящаго изъ трехъ работниковъ, ихъ женъ, дѣвки — невѣсты и трехъ малолѣтнихъ дѣтей:

На уплату податей въ годъ съ каждой ревизской души по 95 коп. серебромъ, а съ трехъ душъ 2 руб. 85 коп. Общественнаго сбора съ души по $56\frac{1}{2}$ коп. въ годъ, а съ трехъ душъ 1 руб. $69\frac{1}{2}$ коп. Земскихъ сборовъ въ годъ съ души 1 руб. $77\frac{1}{4}$ коп., съ трехъ душъ 5 руб. $31\frac{3}{4}$ коп. Поземельнаго оброка выходитъ съ души отъ 1 руб. $15\frac{1}{4}$ коп. до 7 руб. въ годъ, съ трехъ же душъ, считая среднимъ числомъ по 4 руб. $7\frac{3}{8}$ коп. съ души, 12 руб. $22\frac{7}{8}$ коп. На капиталъ для обезпеченія продовольствія крестьянъ въ неурожайныя годы по 6 коп. съ души въ годъ, а съ трехъ душъ 18 коп. (*). Соли 6 пудъ въ годъ—4 руб. 80 коп. Дегтю на подмазку четырехъ телѣгъ, изъ которыхъ обыкновенно одна подмазывается чаще, а прочія рѣже, въ годъ 2 пуда (одинъ половику, а другой чистаго) — 2 руб. 80 коп. Топоръ, бу-

(*). Кроімъ того во время рекрутскихъ наборовъ крестьяне взносятъ рекрутскихъ денегъ отъ 20 до 30 коп. серебромъ съ души.

равецъ, долото и пила стоятъ 1 руб. 50 коп., становятся на пять лѣтъ, а въ годъ стоятъ 30 коп. Четыре серпа и три косы съ молоткомъ и брусомъ стоятъ 4 руб. 80 коп. и становятся на четыре года, а въ годъ — 1 руб. 20 коп. Четыре стана колесъ для четырехъ телѣгъ и четверо саней стоятъ 10 руб. и становятся на пять лѣтъ, а въ годъ — 2 руб. Конская збруя на четыре лошади стоитъ 8 руб. и съ починкою становится на пять лѣтъ, а въ годъ — 1 руб. 60 коп. Поддосокъ восемь паръ стоятъ 2 руб. 40 коп. и становятся на три года, а въ годъ — 80 коп. Подковка лошадей стоитъ въ годъ 65 коп. Расходу при перевозкѣ на рынки въ зимнее время хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ въ годъ 30 коп. Двѣ сохи съ приборомъ и двѣ бороны стоятъ 3 руб. 40 коп. и становятся на пять лѣтъ, а въ годъ — 68 коп. Три пары сапогъ для мужчинъ становятся на два года и стоятъ съ починкою 7 руб. 20 коп., а въ годъ 3 руб. 60 коп. Имъ же: три пары рукавицъ въ годъ — 75 коп., три шапки и три пояса стоятъ 2 руб. 85 коп. и становятся на три года, а въ годъ — 95 коп. На покупку лыкъ для лаптей цѣлой семьи въ годъ — 4 руб. 50 коп. Одежда у крестьянъ большею частію домашняго приготовленія, а потому она не входитъ въ расчетъ; крестьяне платятъ только за шитье и починку верхняго платья: этотъ расходъ, среднимъ числомъ, въ годъ не превышаетъ 1 руб. 50 коп. Кухонная посуда и другія принадлежности стоятъ въ годъ 1 руб. Два желѣзныхъ пута для лошадей стоятъ 96 коп. и становятся на шесть лѣтъ, а въ годъ — 16 коп. Три замка, нужныхъ въ домѣ, стоятъ 75 коп. и становятся на три года, а въ годъ — 25 коп. Кадки, ведра, ступа, корыто, рѣшето, сито, почвы и другія домашнія принадлежности обходятся хозяину съ починкою въ годъ не менѣе 1 руб. Пастушьихъ денегъ въ годъ — 50 коп. На церковныя требы въ годъ — 1 руб. 50 коп. На разные мелочные расходы, какъ то: починку оконъ, поправку печей и проч. въ годъ — 40 коп. Итого всѣ необходимые денежные расходы полнаго хозяина простираются въ годъ на 53 руб. 51 коп. сереб-

ромъ. Насущное пропитаніе почти у каждаго крестьянина свое, а потому оно какъ-бы не считается.

Къ необходимымъ расходамъ крестьянина временно присоединяются расходы на свадьбу, похороны и крестины. Похороны и крестины еще не составляютъ значительнаго расхода для крестьянина, если исключить хлѣбъ, мясо и проч., что есть дома. Эти расходы даже въ богатыхъ домахъ не превышаютъ, первыя — 10 руб., а послѣднія — 3 руб. серебромъ; но свадебный расходъ, при домашнихъ харчахъ, простирается отъ 15 до 40 руб. серебромъ и болѣе.

Деньги на женскіе расходы здѣсь обыкновенно добываютъ сами женщины и выручаютъ нужное продажею холста и другихъ издѣлій собственнаго приготовления. Дѣвѣны одѣваются также сами — своимъ веретенемъ, при пособіи матерей. Весьма рѣдко можно встрѣтить, чтобы мужъ женѣ или отецъ дочери покупалъ что либо необходимое въ ихъ быту: большая часть здѣшнихъ супруговъ и отцовъ въ жизнь свою не покупали для своихъ женъ и дочерей даже иглы.

Членъ-сотрудникъ *Машкинъ*.

ВЕЛЬСКІЕ СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРИЧЕТЫ.

Свадебные обряды дѣлятся на 4 части: *сватовство*, *смотрины*, *свадебный день* и *хлебны*; а причеты начинаются съ рукобитья, производимаго подъ конецъ сватовства и оканчиваются брачнымъ днемъ.

Сватовство.

Вельскій селянинъ, намѣреваясь женить сына, предварительно держитъ домашній совѣтъ, на которомъ, послѣ разныхъ разсужденій, назначаются невѣста и, для начатія дѣла, свать или *сватальщикъ*, но большей части, изъ близкихъ родственниковъ невѣсты. Послѣ совѣта, дѣло вскорѣ приходитъ въ движеніе: назначенный свать, человекъ на подобныя вещи опытный, съ отцемъ и сестрой или братомъ и невѣсткой женою отправляется къ невѣстѣ, смотря по разстоянію и времени года, пѣшкомъ или на лошадяхъ. По прибытіи, тотъ же свать открываетъ шествіе въ избу, за нимъ слѣдуютъ спутники. Въ избѣ, по срединѣ ея, всѣ прибывшіе становятся рядомъ и помолившись Богу, вслѣдъ за низкими поклонами и хозяйскимъ привѣтствіемъ: *«добро пожаловать, милости просимъ»*, садятся на лавку близъ стола, всегда вдоль по половицамъ. Послѣ этого, тотчасъ начинается дѣло. Хозяинъ дома, не смотря на постороннихъ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ много, собравшись съ духомъ и принявъ видъ заботливости, обращается къ гостямъ съ вопросомъ: *«далекъ ли вашъ путь?»* Свать, какъ главное лицо между прибывшими, встаетъ на ноги и, низко поклонившись, ведетъ

съ нимъ такую рѣчь: *«мы пришли къ тебѣ не въ гости ѣздить, а за добрымъ дѣломъ, — за сватаньемъ: у тебя есть дочь невѣста NN, а у насъ женихъ NN, такъ не разсудительно ли твоей цести отдать дочь за нашего жениха. А женихотъ нашъ и умомъ просужъ и личемъ дороденъ и богатствомъ выше»*. Хозяинъ на это предложеніе, какъ бы оно ни было лестно, никогда съ разу не дастъ рѣшительнаго отвѣта, а уходитъ для того съ женой въ другую избу или горницу, и тамъ, въ кругу родныхъ, дѣлаетъ совѣщаніе. Это, намъ кажется, одна только формальность: поелику нельзя повѣрить, чтобы невѣстинъ домъ заранѣе не зналъ этого дѣла, и въ умѣ своемъ не имѣлъ основныхъ мыслей къ его рѣшенію. Стокрыльная молва вездѣ съ одними свойствами. Она и здѣсь въ своихъ извѣстіяхъ быстрѣе многихъ сообщеній, летитъ повсюду, не удерживаемая ни временемъ, ни пространствомъ. Да и то надо сказать, что въ нынѣшнія времена всѣ женихи и невѣсты, въ каждомъ окологдѣ всегда на перечеѣ, еще много ранѣе свадебныхъ дѣлъ. Но какъ бы то ни было, хозяинъ не оставляетъ сдѣланнаго ему предложенія безъ общаго родственнаго разсужденія. Впрочемъ, и послѣ него отвѣтъ бываетъ уклончивый, который нельзя принять ни за согласіе, ни за отказъ. То невѣста молода, слышится въ отвѣтъ, то время несвободное или мало приготовились, да мало и подумали, не спросили того-другаго, третьяго, такихъ родныхъ, безъ совѣта которыхъ начинать дѣло не приводится. Тогда смѣтливый свать, зная эти вещи до тонкости, предлагаетъ хозяину водку, которая въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ у него въ запасѣ. Въ этомъ разѣ дѣло принимаетъ характеръ болѣе опредѣленный. Хозяинъ, отвергая водку, тѣмъ самымъ выражаетъ отказъ на предложеніе, а принимая оную, даетъ, съ своей стороны, можно сказать, полусогласіе, такъ что мать невѣсты тогда же узнаетъ у ней, по сему предмету, мысли, и всѣ вообще назначаютъ чрезъ два-три дня, а иногда и чрезъ недѣлю, въ день воскресный или какой либо праздничный, рѣшительные сговоры.

Въ этотъ промежутокъ времени держать ли еще невѣстнѣ дожь или не держать о возникающемъ у него дѣлѣ родственнѣй совѣтъ, неизвѣстно. Кажется, онъ болѣе хлопочеть о разныхъ къ тому приготовленіяхъ, чѣмъ о совѣтѣ, вѣроятно, потому, что дѣло заранѣе рѣшено въ его умѣ. Но домъ жениховъ, въ это время, между многими дѣлами, тоже относящимися къ затѣвующейся свадьбѣ, успѣваетъ побывать у своего священника и испросить на оную его благословеніе.

Наконецъ, наступаетъ урочное время, стговорочный день. Тогда опять открывается или, правильнѣе, повторяется прежній процессъ перваго сватанья, состоящій изъ прежнихъ лицъ, рѣдко съ прибавленіемъ жениха и его матери, но какъ будто спѣшиѣе, потому что тотчасъ же, послѣ непродолжительныхъ взаимныхъ совѣщаній, окончательно устрояется дѣло. Накрывается столъ и въ большомъ обилии убирается разными яствами. Приѣзжіе гости по чину занимають мѣста: отецъ или братъ жениховъ въ *суткалѣ* (*) первое мѣсто, слѣва женихъ или другой гость, если жениха не бываетъ, справа мать, сестра или невѣстка, свать по край стола. Немного посидѣвши, всѣ встають, молятся Богу, и отецъ жениховъ съ невѣстинимъ, въ знакъ общаго согласія на брачное дѣло, *бьютъ по рукамъ*, и тутъ же назначаютъ вѣнчальный день. За тѣмъ свать идетъ со стаканомъ водки изъ своего запаса къ невѣстѣ, которая, принявъ оный, выливаетъ водку въ свой стаканъ, для составленія на ней румянъ, и донныѣ употребляемыхъ въ селахъ и, по большей части, дѣлаемыхъ на водкѣ и водѣ, изъ краснаго сандала, а свату и чрезъ него всѣмъ семейникамъ жениха дарить плѣты, въ родѣ полотенецъ съ браными концами, заготавливаемые ею съ 16-лѣтняго возраста, и этимъ самымъ выражаетъ полное свое согласіе на волю родителей. Послѣ всѣхъ этихъ церимоній, между гостями открывается пированіе и вполнѣ восходитъ до своего значенія; а невѣста, до 3 разъ

(*) Передній уголъ въ избѣ или передняя часть ея.

накрываемая отъ матери или болятки, если мать вдова, платокъ и до 2 разъ скидывавшая оный, въ 3-й оставляетъ на себѣ и начинаетъ обычные причеты, продолжающіеся до самаго отъѣзда къ вѣнцу.

Такимъ порядкомъ производится Вельское свадебное сватовство. Надо впрочемъ сказать, что оно, во 1-хъ, не всегда бываетъ удачно, какъ мы представили: нерѣдко оканчивается отказомъ, всегда почти выражаемымъ остроюкою дѣла на годъ или полугода; во 2-хъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ нѣсколько отъ представленной нами нормы уклоняется, *наприм.*:

1) Въ *Вельскихъ* волостяхъ сватовство совершается за одинъ разъ и, со стороны невѣсты, заключается дарами; пріѣзжаютъ на него изъ дому женихова вмѣстѣ съ другими, нами поясненными, самъ женихъ и мать. Въ промежутокъ времени между сватовствомъ и смотринами, женихъ со сватомъ ѣздитъ или ходитъ къ невѣстѣ съ гостинцами, состоящими изъ пряниковъ, на такъ называемыя *побывки*, на которыхъ получаетъ отъ невѣсты подарки то платокъ, то шелковую или коленкорovou манишку, и окончательно объявляетъ о священническомъ благословеніи начатаго дѣла, съ назначеніемъ вѣнчальнаго дня.

2. Въ *Кулуйскихъ*, все свадебное сватовство улаживаетъ одинъ сватъ своею личностію, точно также, какъ мы показали, разумѣется, предварительно на то получившій отъ дому жениха довѣріе, скрѣпленное извѣстнымъ рукобיתемъ съ самимъ женихомъ, отцемъ и матерью, и въ конецъ дѣла отъ невѣстина дома угощается, какъ почетный гость *соломатомъ* (*).

3. Въ *Устьянскихъ*, въ сватовство даютъ только руку отъ невѣстинаго дома въ знакъ согласія на сдѣланное предложеніе, а рукобיתе, какъ увидимъ ниже, и дары бываютъ на дѣвичникѣ, по нашему, смотринахъ.

(*) Овсяная крупа, замѣшанная или поджаренная на маслѣ.

Смотръ или смотрины.

Смотрины бываютъ всегда вечеромъ, наканунѣ вѣчанья, въ присутствіи всѣхъ поѣзжанъ или приборянь, простирающихся отъ 15 до 20 человѣкъ, именно: 10,—собственно приборянь — священника съ причтомъ, жениха, отца, тысяцкаго, свата, дружки и 2 свахъ, и отъ 5 до 10 гостей. Распорядителемъ и управителемъ дѣла здѣсь бываетъ и свать и дружка, называемый индѣ *сторожъ* или *борозда*, а индѣ *проводимый* или *передовой*, и при томъ въ 2 экземплярахъ, дружка со стороны жениха и дружка со стороны невѣсты.

Обряды, относящіеся къ смотринамъ, суть слѣдующіе:

Всѣ поѣзжане первоначально собираются въ домъ жениха и вступивъ, въ свадебный чинъ и порядокъ, т. е. занявъ за столомъ, убраннымъ хлѣбомъ и солью, мѣста:—женихъ противъ середины стола, за нимъ по правую руку свахи и прочія женщины изъ поѣзду, по лѣвую: отецъ, тысяцкій, свать и священникъ съ женой, дружка съ клирошанами или, что тоже, съ церковниками, скамью, а прочіе гости—остальныя праздня мѣста;—всѣ тутъ распиваютъ братыну пива, запасаются двумя-тремя короваями хлѣба и дружкиными *проводами*, и, послѣ сего, немного спустя, съ молитвою къ Богу, отправляются въ предлежащій путь, по большей части со двора и безъ колокольцевъ.

Только лишь въ невѣстиномъ домѣ завидѣлось или слышалось приближеніе поѣзда, все въ одно мгновеніе приходитъ тамъ въ волненіе: начинается бѣготня, является безпокойство съ какою-то необъяснимо-робкою заботливостію и, что всего страннѣе и непонятнѣе, всѣ входныя двери и ворота запираются, какъ будто наѣзжаютъ люди не нужные, не въ пору, не во время, мало того, люди опасные, отъ которыхъ надъ обороняться не словами сильными, а запорами крѣпкими. По прибытіи поѣзда къ мѣсту, дружка,

зная свое дѣло, проворно соскакиваетъ съ экипажа и, подошедши къ окну избы или крыльцу, колотится и вмѣстѣ спрашиваетъ: «эй, хозеева, нѣту ли товару?» Отецъ невесты тоже, какъ знакомый съ свадебными обычаями, какъ разъ даетъ ему свой вопросъ: «каково товару?» и, получивши на него всегда употребляемый въ этомъ разѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «куничъ да лисичъ», растворяетъ двери и встрѣчаетъ гостей съ эндовой пива и привѣтствіемъ: «*милости просимъ, добро пожаловать, мы давно ждемъ васъ*»; мать же съ хлѣбомъ и солью. Послѣ такой встрѣчи, священникъ со своимъ причетомъ, какъ не участвующій во внѣшней свадебной обрядности, благословивъ хозяевъ дома, первый приходитъ въ избу, ни мало не дожидая поѣзжанъ, которые, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, со всею точностію выполняютъ установленный обычай и заведенный порядокъ. Именно: дружка, принявъ пиво, идетъ съ нимъ впередъ, за дружкой слѣдуетъ свать, также съ пивомъ, но только съ жениховымъ, а за нимъ вереницей тянутся прочіе поѣзжане, непременно всѣ по чиноположенію; по входѣ въ избу, дружка ставитъ пиво на столъ, закрывъ его подносомъ, а свать свое на *подволоку* (*) или подъ столъ; за тѣмъ всѣ садятся за столъ, всегда набранный, но закрытый, въ томъ же порядкѣ, какой мы выше показали. Тутъ слѣдуетъ взаимное угощеніе, какъ выраженіе съ обѣихъ сторонъ радушнаго привѣтствія. Вотъ является на сцену невестины братъ съ пивомъ, и обноситъ имъ, начавъ со священника, всѣхъ сряду, кромѣ жениха, которому подноситъ напоследокъ, потому что онъ, по принятому обычаю, тотчасъ за невестинымъ угощеніемъ открываетъ свое: беретъ у невестины брата подносъ со стаканами или эндову и, наполнивъ ихъ своимъ пивомъ изъ привезенной бочки, угощаетъ всю невестины родню. Между тѣмъ дружка, какъ

(*) Полки или волокошники въ избѣ.

бы для большаго сближенія между собою обѣихъ сторонъ, жениховой и невѣстиной, обносить въ то же время пивомъ тоже изъ женихова запасу, всѣхъ своихъ поѣзжанъ.

Уже за этими обрядами, которые можно назвать вступительными къ смотринамъ, собственно начинается дѣло смотринное. Сватъ, по окончаніи угощеній, требуетъ невѣсту за столъ. Отецъ ея, въ слѣдствіе ли этого требованія, или самъ по себѣ, также даетъ знать матери, чтобы невѣсту сряжали на смотръ. Дружка, предваряя наряды, какъ бы для привѣтствія и одушевленія на подлежащее дѣло, подноситъ ей опрокинутый на поднось стаканъ пива съ деньгами. Невѣста, знающая дѣло, опрокинувъ поднось, пиво отдаетъ старшей причитальщицѣ, а деньги беретъ себѣ; не смѣтливая же получаетъ однѣ деньги, а пиво проливаетъ, потому что беретъ его, не оборотивъ подноса. Послѣ уже сего, по распоряженію отца, крестная мать, или иначе бо- жатка съ замужнею сестрой, или же двѣ сватъ, гдѣ не бываетъ первыхъ, а индѣ, по принятому обычаю, дружка приступаетъ къ наряженію невѣсты. Женщины, будутъ ли то крестная мать или свахи, производятъ его съ тою особенностію предъ обыкновеннымъ, что невѣсту умываютъ изъ оловяннаго или бѣлаго каменнаго блюда надъ серебрянымъ кольцомъ или цѣпочкой, и яцами бѣлятъ и румянятъ въ двойной мѣрѣ противъ обыкновеннаго, одѣваютъ и убираютъ во все лучшее съ большимъ стараніемъ и вниманіемъ. И дружка справляетъ также, только съ непрерывными, ему одному вѣдомыми шепотами и оканчиваетъ наведеніемъ на невѣсту красоты, видимо выражающимися въ троекратномъ ея обходѣ, тоже съ какими то таинственными шепотами. Это наряженіе, какъ оно ни просто, всегда бываетъ довольно продолжительно, такъ что изъ за стола поѣзжанъ нерѣдко повторяются требованія невѣсты. Наконецъ, по окончаніи всѣхъ срядовъ и высказаніи всѣхъ шепотовъ, по приглашенію отца, приходитъ за невѣстой священникъ и, послѣ благословенія

своего и родительскаго, уводитъ ее, въ сопровожденіи одѣвальныхъ щипцовъ, къ столу, предъ которымъ она, вмѣстѣ съ своими провожатыми, остановившись, молятся Богу и раскланывается на всѣ стороны. Тысяцкій и отецъ жениховъ, тотчасъ даютъ ей съ свитой обычное за столомъ мѣсто, именно подлѣ жениха по правую сторону. Тутъ опять происходитъ съ обѣихъ сторонъ угощеніе, подобное тому, какое мы видѣли въ первоначальномъ принятіи поѣзжанъ, прибывшихъ на смотръ. Братъ невѣстинъ беретъ подносы или ендову пива и наливаетъ стаканы, а невѣста подноситъ всѣмъ гостямъ съ поряду, начиная со священника, жениху же послѣ, потому что онъ, выпивъ подносимое, тотчасъ наливаетъ своего и проситъ невѣсту, которая, надпробовавъ пиво, передаетъ брату. Здѣсь нельзя не сказать, что свать, какъ главный виновникъ дѣла, въ этой церимоніи завершаетъ свою роль: онъ во все продолженіе оной стоитъ на ногахъ, и вмѣстѣ съ невѣстой кланяется каждому угощаемому гостю, выражая тѣмъ, съ своей стороны, представленіе невѣсты и вмѣстѣ рекомендацію. Послѣ сего онъ уже со своими дѣйствіями не является на сценѣ свадебной, а вступаетъ въ ряды обыкновенныхъ гостей.

Такъ кончается смотръ, который, какъ видимъ, даетъ понятіе о невѣстѣ болѣе съ внѣшней стороны, чѣмъ съ внутренней и вообще выражаетъ болѣе формальность, чѣмъ существенное дѣйствіе. Мать или отецъ невѣсты тотчасъ же послѣ женихова угощенія приходитъ къ столу, и какъ водится, съ низкими поклонами и предложениемъ пива, означающаго выкупъ, говоритъ: *«вы посмотрѣли нашу невѣсту, а мы жениха, такъ пора ей и вонъ изъ за стола»*. Невѣста, услышавъ волю родителей, для нея всегда священную, отдавъ поцѣлуй жениху, а прочимъ гостямъ поклонъ, не медля ни минуты, уходитъ изъ за стола въ *передпечь* (*) или *шовную* (**), гдѣ, накрытая отъ божатки плат-

(*) Часть избы передъ печью.

(**) Подъ передпечью комната.

комъ, до самаго вечера, можно сказать, изливается въ причетахъ и столь безщадно бьется, что, въ предотвращеніе непріятныхъ послѣдствій, на мѣсто причитанія всегда приносится довольно сѣна и, кромѣ того, подруги, при каждомъ пошибѣ, поддерживаютъ ее подъ руки. Выраженіе ли это горестнаго чувства, сильно растроганнаго приближающеюся переменною жизни, или просто обыкновеніе, столь глубоко укоренившееся, что непремѣнно, хотя бы и противъ воли, выполняетъ его всякая сговоренная, разгадать трудно. Можно, впрочемъ, думать, уже по самой продолжительности дѣйствій, что хотя онѣ поддерживаются обычаемъ, однакожъ болѣе или менѣе происходятъ отъ взволнованной чувствительности. Вечеромъ, прекративъ плачь дома, невѣста ходитъ съ причетами, уже менѣе слезливыми по улицамъ, а въ лѣтнее время за деревню, какъ бы для прощанія. Послѣ сего, уже въ ночь, происходитъ жженіе соломы, баня и передача дѣвичьей красоты. Жженіе соломы, справедливо называемое *дѣвичникомъ*, совершается нынѣ при одиѣхъ пѣсняхъ и причетахъ безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ, вѣроятно отъ времени утраченныхъ, выражаетъ, по нашему мнѣнію, прекращеніе дѣвичьяго быта. Баня сговоренной или невѣстива не подходитъ подъ категорію обыкновенныхъ бань, во 1-хъ, тѣмъ, что ее натапливаетъ сестра или сноха; во 2-хъ, что въ ней неразлучный спутникъ невѣсты бываетъ дружка: онъ, при входѣ въ баню и выходѣ изъ ней, держитъ передъ, дѣлая на всѣ стороны непрерывныя плеванія и шептанія, похожія на заклинанія, и въ самой банѣ, кромѣ разныхъ странныхъ дѣйствій и наговоровъ, неоднократно окачиваетъ невѣсту водой, тоже нашептанною. Передача или, по мѣстному, *сдача* дѣвичьей красоты всегда бываетъ сестрѣ или ближайшей родственницѣ и ограничивается только причетомъ, съ выраженіемъ разныхъ желаній сдаваемому лицу, а индѣ раздачею лентъ и праниковъ всѣмъ дѣвицамъ. Между тѣмъ поѣзжане, съ самаго ухода невѣсты изъ за стола, производятъ подъ распоряженіемъ дружки, при угощеніи отца и матери не-

вѣсты, широкій пирь, такъ что только лишь въ полночь, и то съ полусознаніемъ, оставляютъ его, ближніе, уѣзжая или уходя домой, а дальніе, ночуя тутъ же или у сосѣдей.

Въ такомъ видѣ совершаются смотрины во всѣхъ волостяхъ уѣзда, кромѣ Устьянскихъ, гдѣ онѣ, называясь *дльвичникомъ*, сверхъ общаго, имѣютъ слѣдующія отличія:

1) Здѣсь свать видѣнъ чаще на сценѣ дѣйствія, чѣмъ тамъ: онъ именно, а не братъ невѣстинъ и женихъ, какъ въ самый пріѣздъ поѣзжанъ, такъ и во всѣ послѣдующіе разы, гдѣ мы видѣли оныхъ лицъ въ роли угостителей, онъ одинъ съ обѣихъ сторонъ обноситъ водкой или пивомъ всѣхъ гостей по ряду, отцу же невѣстину и чрезъ него невѣстѣ подаетъ послѣднимъ.

2) Столъ накрываютъ при гостяхъ, по большей части, въ такомъ видѣ, что на задній конецъ стола полагаютъ одинъ по верхъ другаго 4 коровая, три ржаные и одинъ пшеничный, на средину пирогъ съ рыбой, а по краямъ разныя Устьянскаго очага кушанья, простирающіяся индѣ до 15 перешнѣ. Въ столованіи, какъ и вездѣ, въ употребленіи имѣютъ болѣе водку, чѣмъ пиво, не по недостатку своего состоянія, а по обыкновенію, основанному на вѣрніи, что водка, какова бы она ни была, составляетъ почтеннѣйшее угощеніе, чѣмъ пиво, хотя бы оно было съ самсй лучшей пивоварни.

3) Невѣсту выводятъ на смотръ постороннія женщины, болѣе всего старшія причитальщицы, извѣстныя подъ названіемъ *вывозсатыхъ*.

4) По выводѣ идутъ обряды: невѣста, ставъ близъ стола, посреди своихъ спутницъ, обноситъ пивомъ и вмѣстѣ даритъ всѣхъ поѣзжанъ, начиная съ отца женихова; за тѣмъ отклоняется въ шовнышу или передпечь, на время рукобитья, которое обыкновенно происходитъ между жениховыми и невѣстинными родителями, какъ бы для большей обязательности, въ присутствіи всѣхъ собравшихся гостей и посѣтителей. Послѣ рукобитья опять подходятъ къ столу и въ этомъ случаѣ сперва

и́няется съ женихомъ дарами: женихъ подноситъ ей какую либо вещь, болѣе всего пряникъ и деньги, и проситъ принять; невѣста, принявъ подносимое и передавъ матери, тогда же отдариваетъ его, по состоянію, или платкомъ или ширинкою; потомъ оба становятся въ рядъ, и подносятъ всѣмъ невѣстными родственницамъ и знакомымъ по рюмкѣ водки или стакану пива, а въ заключеніе и самимъ себѣ; послѣ того, поцѣловавъ другъ друга, расходятся. Невѣста идетъ къ своимъ дѣвицамъ и разводитъ обычные причеты, а женихъ присоединяется къ поѣзжанемъ и вмѣстѣ съ ними вскорѣ отправляется домой.

Изъ всего этого видно, что Устьянскія смотрины въ обрядности сложнѣе, потому что содержать въ себѣ нѣкоторыя учрежденія, какъ то: рукобитье и дары, совершаемыя въ другихъ мѣстахъ, какъ мы уже видѣли, во время сватовства; а въ совершеніи, не можемъ не сказать, вялы, маложизненны и вообще грубы, какъ быть подъ стать состоянію народа, и потому болѣе скучны, чѣмъ занимательны.

Свадебный день.

Въ свадебный день, рѣшительный день, обрядность усложняется и при томъ со многими предосторожностями, ясно показывающими, что и нашъ селянинъ даетъ ему особенную важность и значеніе. Этотъ день, самымъ вѣнчаніемъ, видимо дѣлится по обрядамъ на двѣ части: *довѣнчальную* и *послѣвѣнчальную*.

Вотъ обряды первой части дня—довѣнчальной:

Въ томъ случаѣ, когда женихъ проводитъ предвѣнчальную ночь дома, онъ въ утро, въ присутствіи всѣхъ собравшихся поѣзжанъ, первѣе всего, ставъ предъ столомъ на полсть и, павши отцу и матери, тутъ же въ это время находящимся, въ ноги, испрашиваетъ на свое дѣло великое родительское благословеніе. Отецъ и мать, а индѣ божать и вмѣстѣ божатка, со слезами на глазахъ, и видимымъ трепетаніемъ въ рукахъ, отъ растро-

ганныхъ сердець, попережбно берутъ икону и производятъ обычное благословеніе, съ желаніемъ благословляемому всѣхъ благъ, какихъ можетъ пожелать горячо любящее сердце. Сцена трогательная, умилительная и назидательная для всякаго, не потерявшаго чувства! Послѣ благословенія, въ слѣдъ за обнесеніемъ всѣхъ пивомъ, женихъ съ гостями садится въ смотринномъ порядкѣ за столъ и держитъ себя тутъ во всемъ строго, гости же не упускаютъ удобнаго случая удобрить себя. Въ конецъ столованья дружка, вмѣстѣ съ другими пировавшій, встаетъ на ноги и, раскланявшись на всѣ стороны съ возваніемъ: *«Господи Іисусе Христе Сыне Божій»*, приглашаетъ къ столу сперва отца и мать жениховыхъ, а потомъ и всѣхъ постороннихъ, приговаривая каждому: *«добро пожеловать къ намъ, за кнезой столъ, хлѣба-соли кушать.»* За этимъ распоряженіемъ, видимо клонящимся къ угожденію всѣхъ, особенно нынѣ нужному, для предотвращенія свадебныхъ непріятностей, и послѣ столованія званныхъ, поѣзжане выходятъ изъ за стола и, помолвившись Богу, идутъ въ свадебномъ порядкѣ на дворъ, и оттуда, обнесенные иконою и обойденные съ шепотами дружкой, отправляются къ невѣстѣ, зимой на лошадахъ: женихъ, на парѣ съ двумя колокольцами, а поѣзжане болѣе на одиночкахъ, лошадахъ на 10, также съ колокольцами; а лѣтомъ и вблизи всѣ пѣшкомъ: дружка держитъ передъ съ колокольцемъ, на палку привязаннымъ, прочіе, по чину, слѣдуютъ за нимъ; въ обоихъ случаяхъ, впрочемъ, всегда бойко, съ нѣкоторою отвагою, безъ сворачиванья съ дороги, кажется, желая этимъ дать своему прибору значеніе княжяго. По прибытіи, входъ въ невѣстинъ домъ происходитъ такой же, какъ мы описали въ смотру, а въ Устьянскихъ волостяхъ онъ имѣетъ замѣчательную особенность, состоящую въ томъ, что дружка, называемый передовымъ, постучавшись у избяннаго окошка съ своимъ обычнымъ возваніемъ *«Господи Іисусе Христе Сыне Божій»*, съ хозяиномъ дома, сквозь стѣну, ведетъ слѣдующій разговоръ: *«слуцисе ли хозяинъ дома?»* спрашиваетъ дружка.

Хозяинъ въ отвѣтъ даетъ свой вопросъ: *«что вы за люди»*. Другка: *«Бюювы да Господаревы»*. Хозяинъ: *«Цево вы спрашиваите, дорои, цево ли; вотъ туда-то, туда дорога»*. Друг. *«Мы не дорои спрашиваемъ; по рукобитью, по первому слову нашъ новобрацной князь велю поклонъ целобитье справить, кнениш донести, чтобы стритила на зеленой на уличь, на зеленой лисничь, на тринадцатой ступеницкъ; чтобы стритила на красномъ крылецкъ, непременно стритила на каменномъ мосту»*. Хоз. *«Наша кнениш за море ушла куннымъ слѣдомъ, море заперто, клюци въ море отущены, неидь взеть кнениш.»* Друг. *«Нашъ новобрацной кнезь говоритъ: «я въ лисъ лисничь, на морь ходокъ, рыбы ловечь, есь у меня большой неводъ, и клюци найду. И вотъ неводъ закинули, рыбу шуку изловили и распорили, въ рыбь клюци наши, море отперли, кненишю вывели.»* (*) Тотчасъ, послѣ этихъ словъ, является на мосту невѣста, встрѣчаетъ и провожаетъ жениха въ избу, который, вмѣстѣ съ поѣзжанами, идетъ и садится за столъ, подъ распоряженіемъ дружки, съ установленною и прежде описанною церимоніею.

Въ такомъ видѣ совершаетъ свое прибытіе женихъ въ невѣстинъ домъ съ поѣзжанами въ брачный день, если онъ на этотъ день проводить ночь дома. Но когда, за дальностію, послѣ смотринъ, почуветь здѣсь въ невѣстиномъ домѣ или у сосѣдей, тогда все дѣло начинается съ того, на чемъ мы остановились въ предыдущей статьѣ, т. е. со стола, и въ обонхъ случаяхъ идетъ одинаково. Именно:

Близъ полдня, по приведеніи всѣхъ утреннихъ дѣлъ и свадебныхъ потребностей въ порядокъ, женихъ съ своими поѣзжанами сходятся въ обыкновенное мѣсто собранія, въ избу либо въ горницу, и садятся за столъ, уже вполне накрытый. Гости-поѣзжане вмѣстѣ съ жеманствомъ, неразлучнымъ ихъ спутникомъ во всякомъ

(*) Мы вездѣ въ призрахъ сохраняемъ правописаніе подлинника, должны однако замѣтить, что оно не всегда строго выдержано. Кажется здѣсь ѣ всегда, а не въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, произносится, какъ и. Ред.

состояніи, предлагаемое не оставляютъ безъ вниманія; женихъ же во все время столованія строго соблюдаетъ свое положеніе: онъ ничего ни пьетъ, ни ѣстъ, а только, между прочимъ, мѣняетъ короваи хлѣба, верхній хозяйскій, на столѣ находящійся, вмѣстѣ съ солью убираетъ въ свою коробью для отвоза домой и на мѣсто его полагаетъ свой, привезенный, такъ что предварительно срѣзываетъ горбушки у того и другого и, сложивъ вмѣстѣ, полагаетъ въ пазуху для увоза съ собой къ вѣнцу съ тою мыслию, что эти горбушки, пробывшія въ пазухѣ во время вѣнчанія и согрѣтыя его тѣломъ, получаютъ особенную силу, именно скрѣпляютъ союзъ его съ новобрачною, если вмѣстѣ съ нею послѣ вѣнца будутъ съѣдены. Между тѣмъ невѣста въ это время, подѣ руководствомъ и распоряженіемъ дружки или близкихъ замужнихъ женщинъ, срягается къ вѣнцу, съ тѣмъ только отличіемъ отъ смотринныхъ срядовъ, что, во первыхъ, голову убираетъ наскоро, въ полуголовку, съ распушеніемъ косы и закрывается алымъ платкомъ; во вторыхъ, беретъ предосторожности отъ лихихъ людей, напр. по голому тѣлу споясываетъ себя мерешечнымъ поясомъ или просто мерешкой, на крестъ навязываетъ съ купоросомъ воскъ или съ елеешъ пуговицу въ становую полу верхняго платка; втыкаетъ протошъ вверхъ носкомъ, въ башмакъ или котъ правой ноги; подѣ пяту полагаетъ то самую крайнюю оконечность своей косы, то огниво или можжевельныя ягоды; а вмѣстѣ съ этимъ не забываетъ будущаго своего благосостоянія и союза, *напр.* для перваго сыплеть въ обувь жита, а для послѣдняго скрываетъ въ пазуху пирогъ съ рыбой, точно съ тою же цѣлію и вѣрованіемъ, съ какимъ женихъ полагаетъ себѣ въ пазуху верхніе срѣзы короваевъ. Такимъ образомъ, урядивъ себя, садится на лавку, какъ для отдохновенія, потому что въ сряды была все на ногахъ, такъ и для успокоенія волнующагося сердца, хотя минутнаго; потому что, немного посидѣвши, встаетъ и, видя приближеніе живой разлуки, съ

горькими слезами падаетъ въ ноги, сперва къ родителямъ, для полученія отъ нихъ благословенія, а потомъ и ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ прощаніемъ. Родителя, кто бы они ни были, родные или посаженные, благословляютъ ее иконою и хлѣбомъ съ солью, ограждаютъ ручнымъ крестомъ, цѣлуютъ въ темя, и между тѣмъ обливаются слезами, особенно мать; родственники и знакомые напутствуютъ своими благожеланіями и плачутъ *на-взрыдъ*; кратко сказать: всё собраніе обращается въ плачь. Сцена, раздирающая душу и невольно вырывающая слезу какого то горькаго безотчетнаго чувства. Но наконецъ, когда всѣ наплачутся вдоволь, отецъ и мать крестная выводятъ невѣсту къ столу. Невѣста, еще не успокоившаяся отъ плача, не съ разу уходитъ туда: она, какъ бы утрапившись застольныхъ гостей, подошедши до середины избы, вырывается у вывожатыхъ и отходитъ въ уголь передпечья; тамъ, сдѣлавъ причетъ о своей дивней красотѣ и этимъ какъ бы успокоивъ себя въ горѣ, опять идетъ къ столу и садится подлѣ жениха. Въ это же время входятъ въ число княжьяго прибора свадебные невѣстины чины: свахи и дружка и гости, и занимаютъ мѣста, обычаемъ имъ предоставленныя: свахи, напр. подлѣ свахъ и также дружка подлѣ своего сотоварища, а гости мѣста, какія бываютъ праздными, безъ особеннаго порядку.

Теперь, когда приборъ пришелъ въ полный свой составъ и во всемъ изготовился къ окончанію дѣла, ставъ изъ за стола и помолившись Богу, отправляется въ церковь, тоже черезъ дворъ, какъ и прежде, и не безъ особенностей, именно:

а) При выходѣ изъ за стола невѣста тайно дергаетъ скатерть, въ знакъ того, что она желаетъ, такъ сказать, сдѣрнуть въ подобную себѣ участь всѣхъ подругъ своихъ; между тѣмъ подруги въ это время, уходя изъ избы, три раза хлопаютъ дверями, съ приговоркою жениху: *«мы тебя отдали олово, осталось у насъ золото»*.

б) По выходѣ изъ за стола, предъ самую отправкою, дружка троекратно обходитъ весь приборъ съ шепотами или, какъ

мѣстно выражаются, *отпускають* поѣздъ, обезопасивъ его своимъ знахарствомъ отъ лихаго человѣка и недоброй встрѣчи.

в) При отправкѣ, холостые парни, сельская молодежь, стрѣляютъ изъ холостыхъ ружей поверхъ головъ сговоренныхъ, а дѣвки дергаютъ невѣсту за головной платокъ.

г) Поѣздъ свой приборъ совершаетъ въ порядкѣ: сперва слѣдуетъ священникъ, за нимъ женихъ съ тысяцкимъ и свахой; далѣе невѣста съ божаткой и вмѣстѣ съ свахой, а потомъ и прочіе чины и гости и, что замѣчательно въ этомъ порядкѣ, весь путь справляетъ бойко, отважно, съ поклонами всякому человѣку, на дорогѣ попавшемуся, по преимуществу невѣста, которая, кажется, желаетъ вездѣ оставить о себѣ доброе мнѣніе и вмѣстѣ побужденіе къ благожеланію.

д) По отбытіи всѣхъ приборанъ съ гостями и постороннихъ посѣтителей, мать невѣстина, между прочими дѣлами, распорядится приданымъ, тотчасъ же отправляетъ постель къ жениху, если только свахи не увезли съ собой; а прочее и даже икону оставляетъ у себя до хлибнаго дня.

Нѣтъ ни одной волости и деревни, нѣтъ ни одного дома и семейства, гдѣ бы не выполнялись упомянутые обряды съ буквальною точностію. Они заканчиваютъ первую часть вѣнчальнаго дня. Далѣе слѣдуетъ совершеніе вѣнчанія, таинства брака, куда уже не входитъ никакая житейская обрядность, только кромѣ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ дѣйствій, *импр.* тѣхъ, что брачующіеся во все время вѣнчанія стараются молитвенные поклоны творить вдругъ, будто бы для согласнаго житья; на подножники расчитываютъ стать оба полно обѣими ногами для полновластія въ жизни; при обходѣ кругомъ налож невѣста мѣтитъ приступить ногу жениха противъ царскихъ дверей, для большинства; и, сверхъ того, замѣчаютъ горѣніе своихъ свѣчекъ, будто бы предвѣщающее имъ свѣтлое или темное, счастливое или несчастливое житье-бытье. Эти дѣйствія и замѣчанія, безъ всякаго сомнѣ-

нія, родились еще въ старину отъ превратнаго пониманія вещей и нынѣ, не смотря на святость мѣста и священнодѣйствіе, гдѣ должна быть одна молитва, усердная молитва, твердо держатся недостаточныя просвѣщеніемъ. Это плеве-лы нашего селянина на нивѣ благочестія! Но оставимъ ихъ и обратимся къ предмету.

За вѣнчаніемъ начинается вторая часть брачнаго дня, — послѣвѣнчанная. Здѣсь уже на сценѣ брачнаго пира идетъ новое дѣйствіе, своя обрядность, свойственная ходу дѣла и притомъ совершаемая болѣе дружно и съ болѣе оживительныя духомъ, чѣмъ прежде, какъ мы видѣли. Вотъ она:

Послѣ совершенія таинства, тотчасъ весь свадебный при-боръ уходитъ въ трапезу, гдѣ новобрачная, наскоро *окру-ченная* свахами, ѣстъ, вѣстѣ съ новымъ своимъ другомъ, запазушный пирогъ съ рыбой, освященный таинствомъ и еще во время печенія сдобленный дружинными шепотами, а тысяцкій съ одною свахою раздаетъ народу *крояное*, — пря-ники или калачи изъ пшеничной муки. Изъ трапезы отправ-ляется въ домъ жениховъ съ прежними поклонами и, въ иныхъ мѣстахъ, съ бросаніемъ уличнымъ ребятамъ кроянаго. По при-бытіи, путь держитъ въ избу или горницу черезъ дворъ съ такою обстановкою, что свекоръ и свекровь встрѣчаютъ но-вобрачныхъ съ хлѣбомъ и солью, индѣ порознь: свекоръ въ большихъ воротахъ, а свекровь на мосту, и то въ шубѣ на выворотъ, индѣ вѣстѣ на лѣстницѣ или при входѣ въ из-бу, и въ обоихъ случаяхъ первѣе всего обсыпаютъ ихъ житою, въ знакъ богатаго житья, а потомъ уже даютъ бла-гословеніе, состоящее въ крестообразномъ обнесеніи надъ ихъ головами хлѣба съ солью. Вступивши въ избу или гор-ницу и помолившись Богу, садятся за столъ всегда съ пра-вой стороны и по чиноположенію, впрочемъ не для столованья, а только для соблюденія порядка дѣла, потому что, вскорѣ послѣ постилки новобрачнаго своей скатерти на мѣсто хозяйской, всѣ уходятъ изъ за стола. Поѣзжане расходятся по разнымъ мѣстамъ,

давая этимъ себѣ какъ бы роздыхъ отъ свадебныхъ церимоній, болѣе или менѣе всегда утомительныхъ. Новобрачные удаляются въ другую комнату или избу и выполняютъ обряды, такъ сказать, семейные, обычаетъ принятыя. Тамъ они, до общаго столованія, прежде всего закусывають, во избѣжаніе употребленія общей столовой пищи, имѣя тутъ и прежде сказанныя коровайныя горбушки; потомъ, послѣ перерядовъ новобрачной, замѣчательныхъ двумя особенностями, во 1-хъ, тою, что головной платокъ, доселѣ покрывавшій новобрачную, свекоръ снимаетъ и, обнесши кругомъ головъ молодыхъ три раза, одинъ противъ солнца и два по солнцу, отдаетъ новобрачному сыну, который кладетъ себѣ въ пазуху; послѣ чего новобрачная, по мнѣнію нашихъ селянъ, дѣлается *молодой молодой*; во 2-хъ, тою, что вода для умыванья выпрашивается ею съ поклонами у свекрови; послѣ такихъ перерядовъ оба получаютъ, уже какъ молодые, отъ отца—свекра, благословеніе, подобное встрѣчному; а въ заключеніе молодой наливаетъ, а молодая виѣстѣ съ дарами подноситъ отъ своего состоянія свекру и свекрови пиво и водку; послѣ сего возвращаются къ столу. Тутъ, по занятіи съ вѣнцомъ прежнихъ мѣстъ, происходитъ широкій, веселый и дружный пиръ, справедливо называемый *радошнымъ* или *почеснымъ* столомъ. Водка тутъ и пиво, особенно послѣднее, какъ говорятъ, рѣкой льется, кушанья слѣдуютъ за кушаньями и восходятъ въ числѣ до 15 и болѣе переѣтъ, именно: холодное: студень ножная и брюшная, щи, жаркое изъ баранины, пироги съ рыбой: щукой, палтусомъ и треской, пироги съ говядиной, оладьи съ горохомъ и картофелемъ, ячлица, каша *малая* (*), солomatъ, яйца и молоко съ толочномъ; и великій говоръ, иногда съ приправою сельскихъ острогъ, слышится вездѣ; кратко сказать: тутъ все бываетъ, чѣмъ богатъ и радъ нашъ селянинъ, даже яйца, которыя для крошенья, бьются всѣми объ яйца молодыхъ, и молоко съ толочномъ или *болтуша*,

(*) Изъ ячной крупы.

которая, послѣ отвѣдыванья гостями, выпивается дружкой, кажется, въ ознаменованіе начальной брачной жизни. Главнымъ распорядителемъ пира дружка: онъ, такъ сказать, контроль, чрезъ котораго проходитъ все столовое приготовленіе. Онъ, наговаривая питья, нашептывая и кушанья съ воззваніемъ: «*Господи Иисусе Христе Сыне Божій*», то и знаетъ, что угощаетъ мирующихъ. Послѣ сего не удивительно, что гости нерѣдко переходятъ предѣлы умѣренности. Впрочемъ, молодые, не смотря на это, строго соблюдаютъ воздержаніе, не столько по нехотѣнію ѣсть, сколько по опасенію имѣть своробливыхъ дѣтей.

Наконецъ, столъ кончается. Молодые, разцѣловавшись съ гостями, отводятся священникомъ или дружкой со свахами, когда священника не бываетъ, на подклѣтъ, гдѣ молодая, во время раздѣванья, снимаетъ со своего молодаго сапоги, а индѣ еще шапку и перчатки, при каждой послугѣ, съ тремя поклонами и поцѣлуемъ, получая за то изъ сапоговъ, при снятіи ихъ, серебряную или мѣдную гривну, и брачное ложе занимаетъ послѣдняя и то не иначе, какъ послѣ усиленной просьбы. Обычай, по нашему мнѣнію, древнѣе, выражающіе рабство женщины и господство мужчины. Гости же дальнѣе почуютъ въ жениховомъ домѣ, а ближнѣе, вскорѣ послѣ молодыхъ, отправляются по домамъ.

На другой день молодые встаютъ послѣ всѣхъ, по буженію, которое дѣлаетъ индѣ дружка, а индѣ свекровь или одна изъ свахъ. Послѣ вставанья, по большей части, первымъ дѣломъ ишбуютъ баню, которую натапливаютъ свахи изъ дровъ, приготовленныхъ гостями — родственниками невесты, называемыми *проводниками*, со всевозможнымъ стараніемъ, безъ головней и колоченья ихъ, для свѣтлаго и покойнаго житья; потомъ туалетъ, а затѣмъ здорованье, которое имѣетъ свою наглядность. Оно происходитъ въ такомъ видѣ, что молодые, вставъ посреди избы или горницы на полсти, нарочно для того посланной, всѣхъ подходящихъ къ нимъ цѣлуютъ съ обыкновеннымъ сельскимъ привѣтствіемъ: «*ноцевау или ноцевала ты здорово*»; молодая же, сверхъ того, кланяется каждому въ ноги, а

семейникамъ и бужельнику дарить по рубахѣ, съ полученіемъ отъ нихъ денегъ въ видѣ отдарковъ. За эту цермонію слѣдуетъ или вторичное столованіе у жениха, совершенно схожее съ перводневнымъ, и хлибены уже послѣ, какъ напр. въ Устьянскихъ волостяхъ, гдѣ и дары дѣлаетъ молодая послѣ этого столованья, или же самая поѣздка на хлибены.

Хлибены.

Хлибены, будутъ ли они на другой день послѣ свадебнаго, или черезъ два и три дня, или даже черезъ недѣлю, всегда имѣютъ одно свойство: отсутствіе церимоніальной обрядности, радушное и богатое хлѣбосольство. Дѣйствительно, смотря на хлибенное столованье, невольно скажешь, что это два новые родственные дома соперничаютъ въ угощеніи. Домъ молодого построилъ, какъ мы видѣли, широкій и веселый столъ, домъ молодой старается какъ бы превзойти его. Онъ выставляетъ на столъ все лучшее, что есть у него въ достояніи и при томъ съ приготовленіемъ, какое только доступно его поваренному искусству; угощаетъ отъ всей души, съ открытымъ сердцемъ, безъ всякаго жеманства, короче сказать: онъ весь преданъ гостямъ. Да и они, надо признаться, отвѣчаютъ тѣмъ же: пируютъ *по свойски*, такъ сказать, *на распаху*, безъ малѣйшаго чванства и чопорности. Эти вещи у обѣихъ сторонъ кончаются съ окончаніемъ свадебнаго дня. А изъ обрядовъ, почему либо достопримѣчательныхъ, видимъ только одинъ въ началѣ стола: это тещино угощеніе зятя *жытными* (*) блинами и дары ей за то

(*) *Прим.* Есть еще къ свадебному же дѣлу относящееся пировство, такъ называемое, *процесье*, совершаемое скорѣ послѣ хлибенъ, и обычай—посылка теще по три года молодымъ смру, 29 іюня—въ Петровъ день. Но мы оставимъ ихъ, потому что процесье, это обыкновенная переგостка тещи съ тестемъ у жениха, и обычай—посылка смру не имѣетъ никакой замѣчательной обстановки.

отъ зятя, — *четвертка* (*) на сборникъ и деньги, полагаемая на блинную сковороду. Поэтому предки наши этой гостьбѣ молодыхъ очень справедливо дали названіе *хлибень*.

Пиршество продолжается до полуночи. Всѣ разъѣзжаются въ веселомъ расположеніи духа. Молодые въ это время увозятъ приданное съ иконою (**).

ВЕЛЬСКІЕ СВАДЕБНЫЕ ПРИЧЕТЫ.

Причеты, какъ мы сказали, начинаются съ окончательной оговорки или, точнѣе, съ рукобитья и продолжаются до отъѣзда сговоренныхъ къ вѣнцу; слѣд. обнимаютъ собою все время, извѣстное подъ названіемъ *запорученья невесты*. Всѣ они, извѣстные намъ, за исключеніемъ тождественныхъ, суть слѣдующіе:

1. Въ рукобитье невеста причитаетъ:

а) въ *Важскихъ волостяхъ*.

съ паденіемъ въ ноги:

Отцу.

1) Заходю мой батюшко	Своево лича бумажново:
На великихъ на радостехъ;	Не сына женить,
Не ходи ко, батюшко,	Не невесту въ домъ берётъ!
На великихъ на радостехъ,	Избывать, отдаватъ
Не крести тво, батюшко,	• Свою доць голубушку.

(*) Ячмыи.

(**) Четверть аршина какой либо матеріи.

Матери.

2) Ты не стау ко, матушка, Стола дубовово, Не стели тко, матушка, Скатерти <i>берцатые</i> (*), Не носи тко, матушка,	На столъ хлиба билова, Не засвицейко, матушка, Сваду воску яраво; Не крести тко, матушка, Свово лича бумажнова и пр...
---	--

Брату съ паденіемъ въ ноги.

3) Передъ тобой я, братеуко, Камкой раскинусе, Жемцугомъ рассыплюсе. Ты сыми тко, братеуко, Вольку вольную Со своихъ корминичей,	Съ батюшкѣ и матушки. Откажи тко, братеуко, Цюжу сыну мусскому, Щобы онъ не наднеусе На мнѣя, младехоньку.
---	--

Брату солдату, если есть, сиди на лавкѣ:

4) Отворю, младехонька, Окошецка малехонько, Роспусцу <i>зыцѣнъ</i> голосъ По поднебью билому, По подсончю красному, По подлису темному, Съ волости да на волосъ, Съ городу на городъ, Во житоѣ святой городъ,	Голубоцку сезому, Родному братеуку. Какъ пришоубы братеуко На родиму стѣрону Ко своимъ кормиличамъ, Къ цеснымъ родителямъ. Снеубы братеуко Вольку вольную Со своихъ корминичей и пр.
--	--

Дѣвицамъ подругамъ:

5) Вы, мои голубушки, Милые-подруженьки. Вамъ <i>дивья, да болозь</i> :	До васъ жалосливы Цесные родители.
---	---------------------------------------

6) *Вельскихъ*.

Съ паденіемъ въ ноги:

Отцу.

6) Ты, моѣ красное соунышко, Мой корминечъ, батюшко,	Ты скажи тко, батюшко, Що гнивно воспрогиваусе
---	---

(*) Клѣтчатая, къ бедро вытканная.

На мою буйну голову, —
 Вадумау избыть,
 Отдать севогоды,
 Що я тибѣ севогодной годъ,
 Що много наскуцила;
 Много напрокуцила.
 Я тибѣ говорила, батюшко:
 Що не ставай ко, батюшко,
 Не ставай ко, батюшко,
 Съ моиѣ живиѣмъ разлудникамъ,
 Съ нимъ на одну половоцку;
 Ты не говори тко, батюшко,

Съ нимъ въ одно словедушко,
 Ты не послушау, батюшко,
 Мниѣ, горюхи горкіѣ:
 Вить ты моувну, батюшко,
 Съ нимъ въ одно словедушко.
 Вить приходиш лукавой свать,
 Вить приходиш, лукавиусѣ,
 Вить васъ омманывау,
 Тибя, моево корминича,
 Тибя, родново батюшка,
 Мою родную матушку.

Матери.

7) Ты, моя корминича,
 Моя родная (или богоданная) матушка,
 Ты скажи тко, матушка:
 Що задумау батюшко
 Избыть, отдать севогоды.
 Я тибѣ вить, матушка,
 Объ цѣмъ поканаюсѣ:
 Ты порозмовь, порозговори
 Ты моево корминича,
 Моево корминича,
 Родново батюшка;

Щобы не отдавау вить батюшко,
 На цюжу дальну сторону;
 На цюжой дальней сторонѣ,
 Хоть и та вода тецетъ;
 Всѣ не та вола будѣтъ.
 Я жила вить, бидная,
 У родново батюшка,
 Будто въ саду погуляла,
 А у родныя матушки,
 Будто чвить расчвѣтала.

Примѣч. Подобные причеты братьямъ и сестрамъ.

Божаткѣ или матери крестной.

8) Ты, моя корминича,
 Моя восприѣмная матушка,
 Крестовая божатушка.
 Я тибя, божатушка,
 Ждала, дождаласѣ
 Въ ту пору, да во время,
 Какъ приходиш лукавой свать.
 Ты, моя корминича,
 Восприѣмная матушка,
 Крестовая божатушка.
 Я тибѣ, божатушка,

Объ цѣмъ поканаюсѣ:
 Ты порозмовь, порозговори
 Всѣхъ моихъ цесныхъ родителей:
 Моево корминича,
 Родново батюшка
 И мою родну матушку,
 Всѣхъ голубоцковъ братичей,
 Що не отдавау бы батюшка
 На цюжу дальну сторону.
 Мни можно знать да видати,
 Въ горѣ догадатисѣ:

Вить пришла.
 Неразмоусича,
 Туды же потакоусича.
 На своѣй на сторояѣ,

Въ дому у родивою батюшка
 Всѣ поля вѣтъ ровныѣ,
 Земли всѣ хорошиѣ,
 Ростутъ хлибы бильѣ.

Отцу, сидя на лавкѣ въ переднемъ углу:

9) Ты, корминечъ, батюшко,
 Ты скажи тко, батюшко,
 Прибрау, выбрау, батюшко,
 Мни волосъ заглушливу,
 Деревню некрасивую.
 Эта деревушеца
 Стоитъ по край свиту билова;
 Въ ету деревушецку
 Нить не пути, не дороженьки.
 Только есь дороженька:
 Сѣрымъ волкамъ прибѣжисцѣ,
 Воронамъ пралитисцѣ.

Кругомъ этой деревушецки
 Всѣ болота зыбуциѣ;
 Всѣ лиса дремуциѣ.
 Въ ету деревушецку
 Не сходить красно соунышко.
 Только сходить красно соунышко,
 Какъ станеть закататисѣ.
 У цюжа сына мусскаго
 Всѣ поля гористыѣ,
 Поля каменистыѣ,
 Земля все песочныѣ;
 Не растутъ хлибы бильѣ.

Дѣвицамъ, приходящимъ на *заплацку*— печальные причеты, сидя
 на лавкѣ:

10) Ко мни идуть да жалуютъ
 Цесныѣ, любыѣ гостейки,
 Мои милыѣ подруженьки.
 Какъ я вить вамъ, голубушки,
 Объ цѣмъ поконаюсѣ:
 Вы попойтѣ, любушки,
 Любыхъ веселыхъ писанокъ.
 Вы повеселитѣ, любушки,
 Всѣхъ цесныхъ моихъ родителей;
 Вить я вамъ, голубушки,
 Объ цѣмъ поконаюсѣ:
 Вить я вамъ, голубушки,
 Много позавидую:
 Какъ у васъ, голубушки,
 Ваши цесные родители
 До васъ добры, жалдсливы,
 И вашъ корминечъ батюшко

И ваша родная матушка,
 Они добры, жалдсливы.
 Вы пойдитѣ, голубушки,
 Вы по веснѣ красною,
 Вы на игрисца—гульбисца;
 Тутъ поменитѣ, любушки,
 Мниа, горюху горькую,
 На игрисцахъ—гульбисцахъ.
 Мни вить можно знать да видати,
 Въ горѣ догадатисѣ,
 Съ вамъ не бывать, голубушки,
 Мни на игрисцахъ—гульбисцахъ.
 Вить мника, бидною,
 Недолго сидѣти,
 Недолго красоватисѣ,
 Двѣ нидѣленьки времецко
 Мни не знать ходомъ прохѣдати,

Не звать сидья просидѣти, Мии часы часуютсѣ,
 Не звать Богу молитисѣ, Времена минуютцѣ,
 Не звать причитать да плакати: Въ одинъ часъ собираютцѣ.

в) *Кулуйской.*

С ъ п а д е н і е м ъ в ъ н о г и .

Отцу:

11) Не бей ко, батюшко,	Не давай ко, батюшко,
Крѣпка рукобитьяча;	Правья руценьки,
Ты не пей ко, батюшко,	Не поруць, мой батюшко,
Зелья, зелена вина;	Мою буйную голову.

Матери:

12) Ты, моя корминича,	Свиди воску ярово;
Да родная матушка,	Ты не стай ко, матушка,
Не приступай еѣ, матушка,	Свиди воску ярово;
Ко печи кирпичною,	Не давай ко, матушка,
Ко чылу (*) бумажному;	Руцки правой сватушку.
Не бери ко, матушка,	Вы не поруцѣтѣ
Огнивча булатново,	Мяна, красну дѣвичу,
И кремешка алмазново,	За поруки крѣпкіѣ.
Не добывай ко, матушка,	Що мною наскудила,
Огни искры яровой;	Мною напрокудица!
Не затепливай	

Семейству:

13) Голубочки сизенькіѣ,	Цюжому цюженну,
Родимы братчи,	Дайтѣ пожить,
И вся люба семьюшка,	Покрасоватисѣ,
Вы разбейтѣ	Да пожить дѣвичей
Недоброй совить,	И послыть невѣстою.
Думку крѣпкую,	Я молода,
Мысль злодѣйскую;	Что травонька;
Вы сымитѣ	Я зелена,
Большую большину	Что ягодка;
И волю великую:	Не росчвѣу
Откажитѣ	Лазуривъ чвить.

(*) Цѣло надъ устьемъ печи.

г) *Устѣянскитѣ.*

Отцу.

14) Моё господарево,
Моё схоже соунышко,
Родимой батюшко.
Ты пощо, да для цево
Казнишь ми буйну голову,
Безъ сабли вострыѣ,
Безъ ножа будатново.

Ты возми, мой батюшко,
Возми саблю вострую,
Оски мою буйну голову;
И пусь моя глава
По землѣ катаитцѣ,
По гризѣ валетцѣ,
Люди насмихаютцѣ.

Ему же съ матерью и братьями:

15) Моё господарево,
Моё схоже соунышко,
Мой-родимой батюшко,
Ужь я шо тибѣ наскуцила,
Да шо напрокуцила,
Опила да объѣла;

Блгую либедушку,
Родимую матушку
Платичѣмъ обносила;
Голубоцковъ сизенькихъ,
Родимыхъ братьичѣвъ
Цеботамъ (*) обносила.

Дѣвцамъ.

16) Сизыѣ голубушки,
Милые подругоньки,
Васъ не всѣхъ, голубушокъ,
На имя извелицаю:
Спасибо, голубушки,
Що мнѣ послушали
Не въ *первыреть* отъ роду,
Дѣвичей въ послѣднѣ.
Ужь вамъ дивья да боловъ:
Що у васъ, голубушокъ,
Батюшки просужіѣ,
Матушки досужіѣ.
А у мнѣ, горя биднаво,
Скородумицѣвъ батюшко,
Скородумка матушка:
Скору думу судумали,
Мнѣ запоручили

На цюжую сторону,
За цюжова цюженна.
Ужь я, молодешенька,
Молода въ тоску пошла,
Зелена во круцину;
У мнѣ, у дѣвичи,
Руцька, ношка тоненька,
Ужь только знаю, дѣвича,
Било умыватисѣ,
Хорошо средитисѣ.
Не узнала, дѣвича,
Въ которой стѣронѣ
Сходитъ схоже соунышко.
Ужь мнѣ быть съ людьми,
Со людьми не съ большими,
Съ мелкими, середними.

(*) Обувь.

Иногда такой:

17) Вы, мои голубушки,	Ротъ у нево,
Да вы, мои баженые,	Какъ у звира лютово.
Не гоститѣ, не жалуйтѣ,	Ужъ вы, мои баженые,
Не къ батюшку, не къ матушкѣ,	Мни куды дѣваттсѣ,
Не къ братьичамъ, не къ сестричамъ.	Куды прислонитисѣ:
Садитесь, голубушки,	Вить, мои родители,
На брусяну лаводку	Охти! отказалисѣ,
Отъ кути да до кути (*).	Мни въ воду броситцѣ;
Мои родители	Наша Уся славная
Прибрали да выбрали	Не примать дѣвчи.
Фофанисца, цюдисца.	Мни въ гору броситцѣ,
Вить какъ ношки у нево,	Гора не отворитцѣ.
Какъ песты на мельничѣ.	Мни на цюжую сторону
А <i>тулово</i> у нево,	Къ цюжу цюженину,
Какъ лоханка сильная.	Надо <i>лапотимы</i> (**) красные.
Какъ рущки то у нево,	У мниа, у бидныѣ,
Какъ ушаты сильныѣ.	Только <i>красицьки лощеныѣ</i> ;
Голова у нево,	У мниа, у бидныѣ,
Какъ котѣлъ пивной.	Ищо нѣтъ <i>поцелка</i> (***) свитлова,
Какъ уши у нево,	Да нѣтъ тюфлей гвоздисцатыхъ.
Какъ заслонки сильныѣ.	Не слыла вить я, дѣвча,
Глаза у нево,	Невѣстою. . . .
Какъ у добра быка.	

2. Между сговоркой или рукобитьемъ и смотринами.

а) въ *Устьянскихъ волостяхъ*.

На другой день рукобитья:

18) Мое господареву,	Вить по Усьѣ плавлена,
Наша свитлая свитлича,	На красу поставлена,
Наша высокая горнича,	При большой дорогѣ,
Въ свитломъ лисѣ ронена,	Да при господаревой.
Не на коняхъ вожена,	Мимо нашей свитличы

(*) Отъ печки до порогу.

(**) Одежда.

(***) Сборникъ.

Ходять люди добрыѣ,
Конныѣ и пѣшіѣ,
Колики и висціѣ.
Що во этой свитлицѣ

Есь дѣвичка храсная,—
Слово зауцено,
Во причеть положено.

При заваркѣ пива:

9) Мое господарево,
Родимой батюшко,
Ты на шо, да для цево,
Къ какому празнику
Варишь пиво хорошеѣ.
Токо ты варишь
Къ Божью празнику;
Токо наварись, пиво хорошеѣ,
Съ судна стека скорая,
Стека хорошая,
Токо ты мни на свадьбу,
Да на провожаньѣ.
Мое господарево,
Родимой батюшко,
Ты пощо да для цево
Мни не послушашь,
Ты всё свою думу думаешь,

Да на разлуку съ тобой -вѣднюю
Що бы тибѣ, родимой батюшко,
Наварить бы тибѣ
Не пива хорошова,
То тибѣ наварить бы
Квасу кислово,
Да не стеку скорово.
Уж у тибѣ, родимой батюшко,
Пиво твоѣ—
Не стеки и не збѣжи;
Наварись, пивушко,
Хуже квасу кислово.
Все пиво заваривашь,
Уж видно, батюшко,
Задумау мниа, дѣвичу,
Спроводить на цюжу сторону,
Къ цюжу цюженину.

По произволу невѣсты, когда ей вздумается, напр. по утрамъ:

20) Не могла дождатисѣ
Да побуду ранново,
Не могла дождатисѣ
Отъ родимой матушки
Да побуду ранново.
Видно матушка
Отказывать
Отъ житья-бытья.
Мни не миновать
Да цюжіѣ стороны.
Ты сходи ко, батюшко,
На цюжу на сторону;
Провидай, батюшко,
Каково житье-бытье

У цюжа цюженина.
Не пойдѣшь вить, батюшко,
Ты житья провидывать
У цюжа цюженина;
Не поить тибѣ, батюшко,
На цюжой на сторойѣ.
Мни вить пашничѣ,
Мни житья не миновать
На цюжой на сторойѣ.
Мни сказали пашничѣ.
У цюжа цюженина
Посуда мидная,—
Крестъ да пугвичка.

У сосѣдки въ дому, съ паденіемъ *платью* на полъ:

21) Я по цасту хѳдила,	Дивей вѳкъ исходитъ.
Да по долгу сидѣла	Топере, топеречи
Со шитьемъ, собраньичѣмъ,	Отходила
Промежу окошецкомъ.	Душей красной дѣвичей.
Топере отходила	Спасибо-те, тѣтушка,
Душа красна дѣвича:	За хлибъ, соль великую,
Мни, красной дѣвичѣ,	За госьбу любимую.

По задеревнѣ въ присутствіи подругъ своихъ:

22) Пойдитѣ вѳть, подругоньки,	Сѣно косити.
Пѳ соки едрѣныѣ,	Поменитѣ, любушки,
Пойдитѣ, добры люди,	Миня, красну дѣвичу,
На дилу, работоньку, —	На дилѣ, работонькѣ,
Пойдитѣ вѳть	Да придайтѣ жалобы
Съ сохами, съ боровами;	Родиму батюшку.
Пойдятѣ вѳть	Топере, топеречи
По ягодки, по рыжицки,	Заростай, дороженька,
По борамъ, по росцичамъ,	Ельницкомъ, березницкомъ.
Цастымъ ольшеницкомъ.	Топере отходила
Пойдитѣ вы, добрыѣ люди,	Душа красна дѣвича.
По риккѣ Шаткурѣ	

При входѣ домой:

23) Не несутъ вѳть миня	На родима батюшка,
Миня ножки резвыѣ.	Въ цеботахъ ли истоптала,
Подножились мои,	Въ лопотьѣ ли обидѣла.
Мои ножки резвыѣ.	Забиднось вѳть, забиднось,
Опустились рущки,	Забиднось великая
Мои рущки бялыѣ.	На родиму матушку,
Забиднось вѳть, забиднось,	Въ цеботахъ ли истоптала
Забиднось великая	Въ лопотьѣ ли обидѣла.

Вечеромъ при дѣвицахъ:

24) Вы ходитѣ, любушки,	При послѣднемъ времицкѣ,
Къ душѣ красной дѣвичѣ.	Придайтѣ жалости,
Не покиньте, любушки,	При послѣднемъ времицкѣ,

Къ душѣ красной дѣвцѣ,
Пособитѣ, любушки,
Горѣ мыкати,
Вы спойтѣ, любушки,

Дивью красну нисеньку,
Коя всѣхъ красивѣе;
Пособитѣ, любушки,
Пошить, поруководьницеть.

По утру, передъ приѣздомъ жениха на смотрины:

25) Мое господареву,
Какъ вышла красна дѣвица
На широку уличу;
Зашли подь всѣ цетыре стороны
Цетыре туди грозныѣ.
Три туди подкатилисѣ
Надъ дуга зеленые,
На травы шелковыѣ.
Що тое грозныѣ туди
Чвиты убоелисѣ,
Чвить за чвить
Схватилисѣ,
Къ землѣ приклонилисѣ.
Що тое грозна тудца
Не остановиласѣ,
Пошла, покотиласѣ,
Откатилася туденька
На нашу на сторону,
Що на поля цыстыѣ,

На бруни едреныѣ.
Що ты грозны туди
Бруни убоелисѣ,
Къ землѣ приклонилисѣ.
Що тутъ грозна туденька
Не остановиласѣ:
Пошла, покотиласѣ,
Надкатилася къ намъ,
На нашу сторону,
Столько стрѣлонка
Къ намъ во дворъ *колесцатой*.
Що тутъ грозна туденька
Не остановиласѣ.
Со всего скота и живота
Пошла, подкатиласѣ.
Столько стрѣлка стрѣлонка
Ко мни въ били груди,
Порѣжа ёо вората
Всѣ монеты и золото.

6) *Важскиѣ*

По утру, передъ смотринами, подь окошкомъ, съ убиваньемъ
руками:

26) Я спала, высыпаласѣ
На мягкой постеленькѣ
У родимыѣ матушки.
Я ждала, дожидадасѣ
Раннаво буженьича,
Какъ пришла то матушка

Рукой побудила,
Друвой прикутала,—
Ты высыпайсѣ, дитятко,
У родимыи матушки,
Въ дивьемъ вику въ послѣднѣе.

в) *Вельскитъ:*

По утру, сидя подь окошкомъ, съ убиваньемъ руками:

27) Я спала, высыпаласѣ,
 Я ждала, дожидаласѣ,
 Я съ зори свиту билова,
 Схожа красна соунышка,
 Тоски родныѣ матушки,
 Не що будеть матушка,
 Миня разбудить матушка.
 Какъ приходила матушка
 Къ мягкой постеленькѣ.
 Она рукой побудала,
 Другой прикутала.
 Спи, высыпайсѣ, дятятно,
 Сказала вить матушка,
 Она ни знать жалюци,
 Не знать изываюци.
 Миня разбудилу младешеньку
 Большой зазвонной колокоу.
 Звонять къ ранной заутрини
 Къ обиднѣ присвященноу.
 Какъ я кинусь да брошусь
 Ко тазу луженому,
 Во тазѣ луженомъ
 Воды не случилосѣ.
 Я кинусь да брошусь
 Въ сутки, во большой уголь.
 Я слезами умоюсѣ,
 Я тоскою утираюсѣ.

Моя родная матушка
 Ходить, обряжатцѣ,
 Ково дожидатцѣ,
 Разѣ живыхъ разлуцниковъ.
 Я сидя, призаидѣласѣ,
 Глядя, приглядѣласѣ,
 Я на своихъ голубушекъ,
 На милыхъ подруженѣкъ.
 Онѣ сидять, бесѣдуютъ,
 Говорять, совитуютъ,
 Поютъ веселы писеньки.
 Я подсушила, бидная,
 Свои оци ясамѣ;
 Я опустила рудии
 Отъ ретива сердца.
 Ко мни идеть да жалуютъ
 Милая подруженька,
 Ближняя сосѣдущка,
 Вдова благоцестивая.
 Мы съ тобой, голубушка,
 Ходили, красовалисѣ
 Ко ранной заутринѣ,
 Къ обиднѣ присвященоу,
 На гульбища игрища,
 Во лѣса веселыѣ,
 Во луги зеленыѣ
 По грибки, по ягодки.

При приближеніи поѣзда:

28) Що больно взвоуновалисѣ,
 Въ окошка спомиталисѣ.
 Не що къ намъ нахали
 Съ тово свиту билово
 Мои цесныѣ родители.
 Не що моя коринича,

Моя родная матушка
 И мой голубоцикъ братеуко.
 Не можно знать да видати,
 Въ горѣ догадатисѣ.
 Вить отъ лежаца деревча
 Не живеть отростеньича;

Отъ тѣла мертво
 Не живетъ вставаньича.
 Мни можно знать да видати,
 Въ горѣ догадатисѣ.
 Видно къ намъ нанхали
 Мои живые разлуцники,
 Живыѣ супротивники.
 Мниа хотять разлуцти,
 Мниа съ родомъ, со племенемъ,
 Со мниѣ корминичѣмъ,
 Съ роднымъ со батюшкомъ
 И со родимой матушкой.
 Ты, моѣ красное соунышко,
 Корминечъ батюшко.
 Я тябѣ вить, батюшко,
 Объ цѣмъ поканаюсѣ:
 Ты сходи тко, батюшко,
 Къ хитрымъ, мудрымъ
 Мастерамъ.
 Ужь ты скуй ко, батюшко,
 Три заставы крѣпкіѣ,
 И три щита зелѣзыѣ,
 И три замка нѣмечкіѣ.
 И ты постау ко, батюшко,
 Перву заставу крѣпкую,
 Поминовау поля цистово;

Другую заставу крѣпкую
 Середь поля цистово;
 Третью заставу крѣпкую
 Кругомъ своево двора колесцата.
 Ты запри тко, батюшко,
 Въ три замка нѣмечкіѣ
 И въ три щита зелѣзыѣ.
 Ты не пуцай ко, батюшко,
 Мниѣ живыхъ разлуцниковъ,
 Живыхъ супротивниковъ.
 Мниа хотять разлуцти
 Со родомъ, со племенемъ,
 Со мниѣ корминичѣмъ,
 Со роднымъ, со батюшкомъ
 И родимой матушкой,
 (Со злой лихой мацихой).
 Мни ка, бидной,
 Пашною горюхѣ
 (Горькой сиротѣ безцесною
 Сиротѣ безталанною);
 Мни ка какъ не плакати,
 Какъ горя не мыкати.
 Мни надо плакати,
 Убиватисѣ,
 Слезами умыватисѣ.

По приѣздѣ поѣзда дѣвицы поють пѣсню:

29) Наихау воръ злодій женихъ	Извосцицки вожжей трихнутъ,
На копехъ вѣровыхъ.	Отъ ихъ кони дрогнутъ.
У ево кони вѣровыѣ;	Кони копытомъ земли бьютъ,
На нихъ сбруя горить,	Отъ ихъ земля дрожитъ.
Извосцицки молоденьки,	Садиссѣ во саночки,
На ихъ платьѣ шумить.	Столько дымъ пошоу.

г) *Терминскицъ.*

При вѣздѣ поѣзда на дворъ:

30) Утрось, по утру ранешенько,	Со всѣ четыре стороны;
Пашались витры буйныѣ	Потялуу бугѣтъ витеръ

Съ поудневую сторону,
Витерь студѣть и холодѣть.
По тому вѣтру буйвому
Два обладка занималисѣ,
Въ одно мѣсто сдвигалисѣ,
Тудей становилисѣ.
Катилась грозна тудя
Лисы темныѣ мимо,
Грѣзи черныѣ мимо,
Луга зеленѣе
И поля широкіѣ.
Какъ храниу Богъ, миловау
Лисы темныѣ и грѣзи черныѣ,
Въ лугахъ травы шелковыѣ,
Въ поляхъ хлибы билыѣ.
Не дошла грозна тудя
На нашъ дворъ колесцатой,
Сильны громы гренули
И молніей опалило.
Это не громы гренули
И не молніей опалило.
Огромну мнѣ
Моѣ красное соунышко,
Мой кориничъ батюшко.
Опалила вѣть мнѣ,
Моя коринича,

Моя родная матушка,
Мнѣ словомъ неласковымъ,
Другимъ непривитливымъ;
Мнѣ приказала матушка
Мнѣ, охти, сряжатисѣ
На цюжу дальну сторону
За цюжа цюженяга.
Ты постау ко, батюшко,
Къ воротамъ привратнидка,
Къ дверямъ придвернидка.
Не пускай ко, батюшко,
Цюжихъ живыхъ разлудниковъ
Къ намъ во свѣтую свѣтличу,
Къ намъ во стѣлову горничу,
Въ сутки, за золоты столы.
Не вѣшняя вода
Къ намъ во дворъ заливаласѣ,
Въ нашу свѣтлую свѣтличу,
Во столовую горничу,
Въ сутки, за золоты столы.
Прикажи тко ты, батюшко,
Мнѣ слѣзно плакати
И жалобно прицѣтати
Цюжому роду племени,
Цюжимъ живымъ разлудникамъ.

Примѣч. Между сговоркой или рукобитьемъ и смотринами, во всѣхъ волостяхъ бываѣтъ каждый день у невѣсты много причетовъ, кромѣ перечисленныхъ нами; но всѣ эти причеты ничто иное, какъ произвольный невѣсты наборъ словъ, не интереснаго сложенія.

3) Въ смотрины или вообще въ смотринный день.

а) Въ *Вельскихъ волостяхъ*:

Самой себѣ, — послѣ смотрины при закрытіи:

31) Я не долго ходила
Да много проходила.
Я проходила, бидная,

Свою буйну голову
Да дивью красоту.
Я срежалась, бидная,

Поскорне прежнево.
 Я думала: къ намъ
 Нашли, наихали
 Родной мой братеуко
 Со своимъ прибраяничемъ,
 Со службы царскіе,
 Со службы осударевы.
 (Приихали родная матушка
 Съ тово свиту бялова).
 Я обернусь, младешенька,
 Сирюю кокушицей,
 Я, по лицу злоцасная,
 Съ водости на водось,
 Съ городу на городъ,
 Во житоу святой городъ,
 Къ голубоцку сизому,
 Родному братеуку.
 На кладбищцѣ *дресвице*.
 Стану Богу молитисѣ,
 Щобы создау же Господи
 Тонку витру буйново
 Со всѣхъ цетыре стороны.
 Ты раздууй, буявъ витерь,
 Желтыѣ песоцики
 Со крутыѣ могилюньки.
 Выньсѣ, гвозѣ булатноѣ,
 Гвозѣ позолоценоѣ,
 Изъ крышки бялодубовыѣ.
 Раскройсѣ, дубова доска,
 Раскройсѣ, бялая парца.
 Ты, моя корминича
 Да родная матушка,
 Ты взведи оци ясыѣ
 Да зини брови цорныѣ,
 Зини рудку правую
 Перекрести бяло личо,
 Сотвори молитву святую,
 Щобы дау тибѣ Господи
 Въ рудки владнннцо,
 Въ ножки хоженнцо.
 Ты пойдн тко, матушка,

Въ домъ родительской;
 Станемъ жить по старому,
 По старому, по прежнему.
 Не можно звать да видати,
 Въ горѣ сдогадатисѣ.
 Отъ сухова деревча
 Ниту отростельчича,
 Отъ мертвыѣ матушки
 Ниту блаславельчича.
 Вить не кукушка кукуать,
 Твоя горюха горюить,
 Твоя горюха горькая,
 Твоя доць безматерня.
 Ты благлови ко, матушка,
 Ты благлови ко, братеуко,
 На цюжу дальну сторону.
 На цюжой на сторонѣ
 Надо жить умѣючи,
 Говорить надѣючи;
 Надо сорокъ разумовъ,
 Петьдесять обыцаѣвъ,
 Надо омманка зайця,
 Ласкота лисичая.
 На цюжой сторонуцкѣ
 Назовутъ воронуцкой.
 Видно, пролитеу
 Мой дивий вить
 Еснимъ младымъ сдоломъ,
 Мимо моеи буйной головы,
 Крылышкоомъ не задѣжиу онъ.
 Я молода, що ягодка,
 Що травонька зелена.
 Мни прибради да выбради
 Не цюдисца, а уродисца,
 Людсково потыцисца,
 Слугу Осударева;
 Ево дило поднацельное
 Ево хороми новыѣ
 Во сыромъ бору шатаютцѣ,
 Съ вершинами смятаютцѣ,
 Къ землѣ приклоняютцѣ.

Отцу предварительно съ обращеніемъ къ Богу.

<p>32) Благослови тко, Ослоди, Мать Божья, Богородица, Живонацельная Троица, Кресты животворящїе, Поприцитать, поплакати, Перевести все свитьячѣ Про своѣ живиньичѣ, Какъ я во дивушкахъ Жила, красоваласѣ Въ дому, у родново батюшка.</p>	<p>Ты мое, красное соунышко, Ты, мой корминечъ батюшко, Ко ми пожалуй, батюшко, Съ сцеснымъ благословеньичѣмъ. Ты бласлови тко, батюшко, Поприцитать, поплакати; Ты не убойся, батюшко, Моево убожесва. Какъ моѣ убожесво Къ тибѣ не навикъ привезалосѣ.</p>
--	--

Матери.

<p>33) Гдѣ куды дѣваласѣ Моя корминича, Родная (богоданная) матушка. Ко ми пожалуй, матушка, Съ цеснымъ бласловеньичѣмъ.</p>	<p>Ты бласлови тко, матушка, (На мѣсто родныѣ матушки) Ты не убойсѣ, матушка, и пр.</p>
--	---

Послѣ того, какъ отецъ и мать окрестятъ ручнымъ крестомъ и позволять причитать.

Священнику:

<p>34) Поглежу да по̀смотрю По застолу дубовому, У насъ, за дубовымъ столомъ, Сидять гости не званые, А жданыѣ, У насъ за дубовымъ столемъ, Сидить духовный батюшка, Наша красота прикрасная, Стопа запристольная.</p>	<p>Ко ми пожалуй, батюшко, Съ цеснымъ бласловеньичемъ, Ты огради тко, батюшко, Своей правой руденькой, Осїей святымъ крестомъ. Твое бласловеньичѣ Станеть хранить да миловать Всеуды во всяко времецко.</p>
--	---

Тысяцкому.

<p>35) Я поглежу да по̀смотрю, По застолу дубовому, На дубовой лавоцкѣ Сидять младой тысецкой.</p>	<p>Онъ цюжу сыну мусскому Родной прицитатгдѣ, Зятѣмъ называтгдѣ. Ужъ младой тысецкой</p>
--	--

Молодь излукавиусѣ,
Святъ NN.
Ты пожалуй, тысечкой,
Я зову, ожидаюсѣ,
Зову не для здарьяча,
Для оцново свиданьяча.
Дай ко въ оци виднѣти,

Вставь целомъ ударити,
Низенько поклонитисѣ.
Покорно благодарствую
На скоромъ прихоженьчѣ,
На многомъ приношеньчѣ,
Тибѣ на гривнѣ золота,
На другой серебра.

Свату:

36) Поглежу да посмотрю,
По застолу дубовому,
У насъ, за дубовымъ столомъ,
Сидитъ молодой, лукавой свать.
Онъ, молодой, излукавиусе.
Отъ тибя, лукавой свать,
Всѣ огни загорилисѣ,
Ключи закипѣлисѣ.
Ты, молодой, лукавой свать,
Ты ходиу къ мониъ цеснымъ родит.,
Ты къ нимъ ходиу, лукавиусѣ,
Ты ходиу, оманывау,
Ты имъ ходиу, нахвастывау,
Що у цюжа сына муссково

Много хлиба билово,
Много скота рогатово,
Много деньги лежаціѣ.
Вить у нево ниту хлиба билово,
Нить скота рогатово
Нить деньги лежаціѣ.
Ты изволь стать да выступить
Изъ своево мѣста любимово.
Твое платьѣ не износитцѣ
Цѣботы не истощютцѣ.
Гледь наша свѣтла свѣтлича
Не черезъ поле цѣстое,
Гледь, докинешъ зыценъ голосоъ.
Покорно благодарствую и пр.

Сватьямъ:

37) Поглежу да посмотрю,
По застолу дубовому,
Сидятъ цесныѣ гостейки,
Цюжу сыну мусскому
Роднѣй прицитаютцѣ,
Сестричами называютцѣ.
Ко мни пожалуйте, сватьяшки,
Къ дѣвичъ запорученой,
Хоша на малъ единой цасъ,
Ко мни, горюхѣ горькою.
Ко мни идуть да жалуютъ
Цесныѣ, любыѣ гостейки.
Какъ я вить вамъ, сватьяшки,
Объ цѣмъ поконаюсѣ:

Какъ я вить буду
У васъ, на вашей стѣорнѣ,
У цюжа сына муссково,
Вы поучите, сватьяшки,
Къ уму да разуму.
Какъ у васъ жить, на вашей стѣорнѣ,
Надо жить умюци,
Говорить надюци,
Надо держать голова поклоннаа
Да серчѣ покорциво.
Я головой поклонилася,
Серчемъ покоринася
Цюжу сыну мусскому,
Покорно благодарствую и пр.

Жениху:

38) Призадумаусѣ
 Цюжь мусской сынъ,
 Призадумаусѣ
 Цюжь мусской сынъ
 На наши хлибы билыѣ,
 На скатерти шелковыѣ,
 На наши витья пьеныѣ.
 Ко мни пожалуй
 Цюжь мусской сынъ.
 Я тя зову, дозываюсѣ,
 Зову не для здарыча,
 Для оцново свиданыча,
 Щобы мни въ оци видати,
 Стать целою ударити,

Низенько поклонитисѣ
 Личёмъ до сырой земли,
 Главой до резвыѣ ноженки.
 Ты сходи тко, цюжь мусской сынъ,
 Сысци моево коринныча,
 Родново батюшка,
 Щобы пришоу вить, батюшко,
 Со цеснымъ благословеньчёмъ.
 Ко мни пожалуй, батюшко,
 Дай благословеньчѣ
 Принять здарѣ много
 Отъ цюжа сына муссково.
 Покорно благодарствую и пр.

Дружкѣ:

39) Ужь ты, дружка вѣрная,
 Ты сходи тко, дружка,
 Къ моему кориннычу,
 Родному батюшку,
 Щобы ояъ сватну добра коня,
 Вить у васъ оторваусѣ доброй конь
 Отъ столба дубовово,
 Отъ кольча злацѣново.
 Убизаю вить доброй конь
 Во цисто полѣ;
 Вить изломау вить добрый конь
 Сани, скоцки дубовыѣ,
 Щобы сватну вить батюшка,
 Сватну бы батюшка

У цюжа сына муссково
 Добра коня.
 Ты пойзжай ко,
 Цюжь мусской сынъ,
 Дошой, на свою сторону,
 Къ своему кориннычу,
 Родному батюшку;
 Ты исцѣ поѣзжай ко
 Цюжь мусской сынъ,
 На гору Шабанову.
 Тамъ двуки дешевыѣ,
 Набилены, намазаны
 И ко колу привязаны.

Крылошанамъ или иначе причетникамъ:

40) Я поглежу да по́смотрю,
 По застолу дубовому,
 Сидять за дубовымъ столомъ
 N N
 Ко мни пожалуй
 N N

Хоша на малой единой цась,
 Ко мни, за бердату занавису,
 Къ дивичѣ запорученой.
 Хоша на малъ единой цась
 Я тбѣ зову, дозываюсѣ,
 Зову не для здарыча,

Для оцново свиданьича,
 Щобы мни въ оци видити,
 Стать целою ударити,
 Низенько поклонитисѣ
 Личёмъ до сырой земли,
 Главой до резвыхъ ноженокъ.
 Тибѣ покорно благодарствую

На которомъ прихоженьчѣ,
 На многомъ приношеньчѣ,
 Тибѣ на гривнѣ золота,
 На другой серебряной.
 Твоя кудри въ сто рублей,
 На каждой кудерецкѣ
 По большой жемцюжинкѣ.

Примѣч. 1. И прочимъ поѣзжанамъ или гостямъ причитають подобное.

Примѣч. 2. Всѣ дарятъ деньгами, а женихъ приходитъ съ дружкою; женихъ съ дарами, а дружка съ пивомъ. Невѣста принимаетъ дары съ поцѣлуемъ и передаетъ на время сестрамъ, а пиво и съ деньгами въ оною причитальщицѣ.

Во время даровъ, за послѣднимъ кушаньемъ.

41) Що за цюдо цюдное,
 Що за диво дивное:
 Да моя корминича
 Да родная матушка
 Дарить платы бильнѣ,
 Да полотна бильнѣ.

Не осудитѣ, гостейки:
 Не тонко предено,
 Не било пробдено.
 Я прjala за рябчеево,
 Я билала гулеюци.

Причетъ при злачѣ красоты.

42) Ужъ я стану, молодешенька,
 Съ раёмъ процетисе.
 Ты прощей ко, прощей ко,
 Моя дивья красота,
 Моя бусовая лавоцка,
 Мое окно косещато.
 Ты расчвитай, мой зеленой садъ,
 Зеленой садъ, получче прежнево.
 Вить пролитѣу мой дивей вить,
 Красота минаваласѣ;
 Пролитѣу мой дивей вить
 Младымъ еснимъ соколомъ
 И крылышкомъ во задѣжну онъ.
 Мни вить цасы цасуютце,
 Въ единъ цась собираютце,
 И тотъ единъ цась хочеть минаватисѣ.

Я вижу муку вицную,
 Муку бесконечную.
 Я у батюшки жила
 Красоваласѣ,
 У матушки жила,
 Будто алой макъ чвила,
 У братичевъ жила,
 Будто въ гостѣхъ потостила.
 Я пойду, молодешенька,
 Во свой зеленой садъ,
 Я розсію, бидная,
 Свою дивью красоту.
 Ужъ какъ тутъ не мистаццо
 Моей дивьей красотѣ.
 Я пойду, молодешенька,
 Во цастѣ полѣ

Ужь я розсію, бидлая,
Свою дивью красоту.
Ужь какъ тутъ не мистацко
Моей дивьей красотѣ,
Я пойду, молодѣшенька,
Къ сибѣ, во высокъ терезь,
Я одамъ свою красоту

Своей меньшей сестричѣ.
Ты носи тво, сестрича,
Мою дивью красоту,
Ты живи тво, сестрича,
Ниже травы зеленые,
Тише воды ключевые.

Во время жженія соломы, при женихѣ и безъ него дѣвицы
поютъ пѣсню:

43) Ужь ты, соловей, соловей,
Соловей, ты птича пнуца,
Деревъ ли тибѣ не было,
Оприць егово дерева,
Оприць осинушки горькіе,
Ужь ты, молодечъ, молодечъ,
Удалой доброй молодечъ,
N N
Невись ли тибѣ не было,
Выбирать ли тибѣ не изъ ково,
Оприць этой дѣвичи
N N
Ужь ты, дивича, дивича,
Душа красная дивича,
Жениховъ ли тибѣ не было,
Выбирать ли тибѣ не изъ ково,
Оприць егово молодча.
N N

Ужь какъ ты божишасѣ,
Право, право въ замужъ нейду,
Ей Богу! не подумаю
За егово молодча,
На то, Богъ, не подумаю
И на то Спасъ не помилуетъ.
Какъ ужъ вонѣци
N N
За однимъ столомъ сидятъ,
Одну думку думаютъ,
Одну думу за единую,
Одно кушанье кушаютъ,
Съ одново блюда церпаютъ.
И одной лошецкой хлѣбаютъ.
За тѣмъ бьеть целомъ писенькой,
Удалой доброй молодечъ,
Съ душой красной дивичей.

б) *Важскигъ.*

Во время сидѣнія невѣсты за столомъ дѣвицы поютъ припѣвки:

1.

44) Изъ за лису
Тѣмново,
Изъ за тѣмново,
Дремучѣво,
Вылетало

Стадо лебедей,
Другое стадо,
Сирыхъ гусей.
Отставала
Лебедь билая

Прощь отъ стада
 Лебединово,
 Приставала
 Лебедь билая
 Ко стаду,
 Ко сирымъ гусямъ.
 Сирь то гуси
 Крыкали,
 Билу то лебедь
 Сципали.
 Не сциплитесь,
 Гуси сирьѣ:
 Не сама я
 Къ вамъ залитѣла.
 Занисло мнѣ погодою,

Що погодою осѣбною,
 Осевнымъ цастымъ дожиномъ,
 Цастымъ дожемъ,
 Буйнымъ витромъ.
 На тихихъ на заводехъ
 Не лебедушка плавала
 Красная дивича плакала
 N N
 Не бранись, дуюхой батюшко,
 Не сама я къ вамъ
 Во дворъ зашла,
 Завезли мнѣ
 Добры кони
 N N

2.

45) Во свитлой свитличѣ,
 Во свитлой было свитличѣ,
 Во столовой новой горничѣ
 Столовали князья боера,
 Всѣ боере то Московскіѣ,
 Всѣ купчи то Ерославскіѣ,
 Разшутились, распотѣшились
 Они вздумали обжонити
 Удаलोво добра молодца
 N N

Какъ N N отъ ево
 Во быстру рѣку рыбичей;
 N N за ёй пошеу
 Съ неводами шелковыми,
 Съ молодчами удалыми.
 Идуди, похвалетцѣ:
 Ужъ я изловлю, изловлю
 Изъ быстрой рѣки рыбичу:
 Ужъ я достоплю, достоплю
 Душу красну дивичу.

в) Терминскихъ.

Тысяцкому:

46) Какъ у насъ есь во свитличѣ, На скоромъ прихоженьчѣ,
 Въ суткахъ, за золотымъ столомъ, На многомъ пришошеньчѣ.
 Сидитъ молодой тысячкой,
 Будто младъ свитѣу мисечъ.
 Изволь стать да выступить
 Изъ мѣста любимово;
 У те платьѣ не износитецѣ,
 Цеботы не истопютцѣ.
 Ты целомъ здрастуй, гось,
 Гось возлюбленной,
 Ты, сильная богатина,
 Въ животахъ не знаиссѣ,
 Въ хоромахъ заблужаиссѣ,
 Много скота рогатого
 И деньги лежалыѣ.

Священнику:

47) Я по́смотрю да поглежу,	Мни благословленьчѣ
Въ суткахъ, за золотымъ столомъ,	Итти на цюжу на сторону
Сидитъ нашъ духовный батюшка,	За цюжа цюженна.
Наша красота черковная,	Вашѣ благословеньчѣ
Стопа запристольная,	Велико есь на семь свитѣ.
Рука благословѣнная.	Оно на огнѣ не горяло
Ты замишаусѣ, батюшко,	И на водѣ не тонуло
Ты цюжихъ, живыхъ разлуцниковъ,	И въ лисѣ не заблужаитцѣ.
Ты подойди да подступи	Целомъ здравствуй, батюшко,
Ко мни, ко младѣшняньчѣ,	На скоромъ прихоженьчѣ,
За берцату занавису,	На многомъ приношеньчѣ,
Ко закрытой дивничѣ.	На гривнѣ золота, на другой серебра.
Дай ко, батюшко,	

Сватальщику:

48) Какъ у насъ есь во свитличѣ,	А деньги лежалыѣ
Въ суткахъ, за золотымъ столомъ,	Одна полушка мидная.
Сидитъ лукавой свать.	Оно на подилѣхъ хожено,
Ты приходиу, омманывау,	Христа ради прошено
Всѣ неправду казывау;	У куца богато.
Говорю лесливой свать	А изъ посуды мидныѣ
Про цюжа цюженна.	Кресъ да пугвича.
Сильная богатына,	Тибѣ подай Богъ истинный
Въ животахъ не знатцѣ,	За неправду великую,
Въ хоромахъ заблужатцѣ,	Тибѣ три циря въ бороду,
Положь дворъ скота рогатого,	Цетвертый въ голову.
Много деньги лежалыѣ.	Тибѣ коробка своробу
Ужь какъ не сама я видѣла,	Домой на свою сторону,
Отъ людей я слышала,	Своей жинѣ боерниѣ
Ево дворъ, хоромы новыѣ	И сердешнымъ дитонькамъ.
Стоять въ верхъ вершиною,	Ищѣ подай Богъ истинный
Лисъ въ небеса виватцѣ,	За неправду великую,
Вершинками сплитатцѣ;	Тибѣ домой не доихати,
И скота рогатого	Тибѣ въ <i>дроводлу</i> (*) захвати,
Пѣтухъ да курица,	Добра коня поколотя,

(*) Дрокосѣка, гдѣ дрона рубятъ;

Тибѣ домой выбрести
 Съ етово морозу *аресцо*во, (*)
 Въ печь заблудитисѣ,
 Штями изваритисѣ.
 Ты прїхалъ
 На банномъ *ожого* (**),
 Платье кортомлѣноѣ,
 У те лапти липовы.
 Прошу не прогниватцѣ,
 Злой, лукавой свать.
 Я не сама собой иду,
 Не перо въ рукахъ держу.
 Вздумали, надумали

Мои биншѣ лебедоцки,
 Милые подругоньки
 Ето всё надумали
 Про цюжа цюженна.
 Целомъ здравствуй,
 Цесонъ гось возлюбленный,
 На скоромъ прихоженьчѣ,
 На многомъ приношеньчѣ,
 Тибѣ спѣсибо, спѣсибо,
 На гривнѣ золота,
 На другой серебряной.
 Твоя голова во сто рублей.
 Кудри въ петдесать.

Сватьѣ:

49) У насъ есь во свитличѣ,
 Во столовой горничѣ,
 Въ суткахъ, за золотымъ столомъ,
 Цюжа князя сватьюшка.
 Изволь стать да выступить
 Изъ миста любимово,
 Изъ за золота стола.
 Що за списъ спѣсивая,
 За гордосъ великая.
 Ужъ той порой да временемъ,
 Платье не износитсѣ,
 Цеботы не истопцютцѣ.

Ей донеситѣ висточку
 Черезъ многихъ добрыхъ людей.
 Ты целомъ здравствуй, сватьюшка,
 Ты со посиду, со городу,
 Госья переѣжая,
 Дочь купча богатово,
 Ты умила, сватьюшка,
 Ко мни зайти, въ зеленой садъ,
 Низенько поклонитисѣ
 Всѣмъ билымъ лебедушкамъ
 И милымъ подругонькамъ.

Жениху:

50) У насъ есь во свитличѣ,
 Во столовой горничѣ,
 Въ суткахъ, за золотымъ столомъ,
 Цесонъ гось возлюбленный,
 Гроза великая.
 Мни не можно, младешевкѣ,

Мни назвать да взвелицеть,
 Що на цюжой сторонѣ
 Мни гроза великая.
 Изволь стать да выступить
 Изъ миста любимово
 За бирцату занавїсу,

(*) Сильный такъ, что хруститъ подъ ногами.

(**) Кочерга—багогъ, котормъ иѣшають или колотать въ печь.

Ко круциной лавичѣ,
 Ко закрытой дивичѣ.
 Призистаньте, дивичи,
 Милыѣ подругоньки,
 Стинной билокаменной,
 Оградой монастырскою.
 Мни нездравьичѣ пришло,
 Гроза великая.
 Ужъ мни дайтѣ на оци
 Мни моево керминича
 Да родиново батюшка
 И тоску сердечную,
 Родную матушку.
 Я до тово, до селева,
 Была не завидлива

На ето здарье малое.
 Ово по посаду хожею,
 Христа ради прожево.
 Оно въ казаки наннималасѣ
 На челоѣ круглой годѣ.
 Тако велить мни батюшка
 Примать здарье малое.
 Возму въ билы руки,
 Здыму выше буйны головы,
 Брошу на полы дубовыѣ.
 Вы, мои голубушки,
 Билыѣ лебедоци,
 И милыѣ подругоньки
 Топцитѣ ето здарье малое.

г) *Устьянскихъ:*

При поднесеніи вина.

Отцу:

51) Моѣ господареву,
 Моѣ схоже соунышко,
 Родимой батюшко,
 Ты пощо приходишь,
 Ты цево приносишь

Горько зелено вино.
 Не зелено вино,
 Только зельѣ лютоѣ,
 Съ тобой разлука вицная,
 Родимой батюшко.

Матери:

52) Мое господареву,
 Билая лебедушка,
 Родимая матушка.
 Ты пощо приходишь,
 Ты цево приносишь

Горько зелено вино,
 Не зелено вино.
 Только зельѣ лютоѣ,
 Разлука вицная
 Съ тобой, родимая матушка.

Брату:

53) Мой господарь,
 Есовъ соколъ,
 Родимой брателко,

Ты пощо да для цево
 Приходишь ты,
 Цево приносишь

Горько зелено вино.
 Не зелено вино,
 Только зелье лютое

То родимой братенко,
 Съ тобой разлука вицная.

Во время сряженія невѣсты къ столу, дѣвицы поють пѣсню:

54) Ужъ ты, камоцка,
 Камоцка,
 Камка бронная,
 Камка хрусцетая,
 Не давайсѣ раззвертыватцѣ
 Ни князю, ни боерину,
 Не тому мужу,
 Що, среди стола,
 На золотѣ,
 Охъ, ты дивича душа,
 Не давайсѣ высматриватцѣ
 Ни князю, ни боерину,

Не тому сыну хресъенскому,
 N N
 Ужъ я брала въ руку
 Золоты ключи,
 Отпирала окованные дверцы,
 Брала мелко-хрусцету камку;
 Кроила по подолу
 Синь, кафтанъ,
 Синь раструбистой,
 По сердцеку пережимистой,
 По поламъ цасто-трубистой.

Во время столованья:

55) Похожу по терему,
 Поглежу по тѣсану,
 Глядо, гдѣ есь во теремѣ
 Дорогой любимой гось,
 Книжное учение,
 Грамотѣи мудрая.
 У ево, у молодца,
 Глава во сто рублей,
 Кудри въ петдесать,
 На каждой кудрѣ
 По жещужной кистоцкѣ.

Не убойсѣ, молодець,
 Ты ко мни прити.
 Тибѣ ко мни ити
 Не поля цистые,
 Не дуга зеленые
 Перетти, переступить.
 Добро пожаловать,
 Прими стакавъ пива,
 Пивовары пьеные,
 Ужъ ты пей на здоровьичѣ.

Прим. На этотъ манеръ причитается всѣмъ столующимъ поименно, которые подходятъ и дарятъ деньги.

4) Въ свадебный день.

а) въ Терминскихъ волостяхъ.

По утру:

56) Що мни, младѣ,
 Малѣшенько спалось,

Много во снѣ видѣлось.
 Заблудилась бидная

Далѣце. во тинномъ лису,	Свекрисцо ворцежливое,
Середь болота ржавцины.	На середѣ кирпичною
Стоитъ <i>бура черная</i> (*),	Свекровка ворцежанвая.
Къ ей <i>островъ</i> (**) приставлена.	Въ суткахъ, подъ окошецкомъ,
Въ эту бугру черную	Ужъ это не борзыѣ кобели,
Я по островъ слазила.	Богоданныѣ братьича,
Въ этой бугрѣ черною,	И не сороки вѣсцины,
На печь кирпичною,	Это богоданныѣ сестричи,
Сидятъ звирисцо лютоѣ,	Вистямъ переносцины,
На середѣ кирпичною	И не мѣшокъ съ мекнинами
Змія извиваетцѣ,	Моя лада милая.
Въ суткахъ, подъ окошецкомъ,	А звирь-отъ россердіусѣ,
Сидятъ борзыѣ кобели;	Змія запзвиваласѣ;
Въ кути, подъ окошецкомъ,	Я млада испугаласѣ,
Сидятъ сороки вѣсцины;	Я со сна бросиласѣ.
У дверей, на лавоцкѣ,	Все не во снахъ видилось,
Стоитъ мѣшокъ съ мекнинами.	Мни ка въ евь гризилось.
Это на печь кирпичною	

б) *Вельскихъ.*

По утру.

Отцу:

57) Ты мой кормивецъ, батюшко,	И святой иконою.
Ко мни пожалуй, батюшко,	Твоѣ благословеньчѣ
Ко мни, горюхъ горькою,	Станеть хранить да шловать
Съ деснымъ благословеньчѣмъ.	На цюжой на сторонѣ.
Ты бласлови тко мниа, батюшко,	Вить мни ка надо, батюшко,
На цюжу дальну сторону,	Мни надо путѣмъ пецаловать
Своимъ деснымъ благословеньчѣмъ	На цюжу дальну сторону.

Прим. Матери также.

Брату:

58) Господарь мой, братеуко,	Ко мни пожалуй, братеуко,
Само большой братеуко!	Съ спеснымъ благословеньчѣмъ.

(*) Изба черная.

(**) Ель суковатая.

Ты благослови тко, братеуко,
 На цюжу дальну сторону.
 Исце объ цѣмъ поканаясѣ:
 Позову въ товарищи.

На цюжу на сторону.
 Ты на цюжой на сторонѣ
 Опомниши мистицко,
 Отопци подворьичѣ.

Крестной матери:

59) Гдѣ куды диваласѣ
 Моя воспрѣмная матушка,
 Крестовая божатушка.
 Ко мни пожалуй, божатушка,
 Съ песнымъ благословеньчѣмъ.
 Миня благослови тко, божатушка,
 На цюжу дальну сторону.
 Исцѣ тибѣ, божатушка,
 Объ цѣмъ поканаясѣ:

Со мной пожалуй, божатушка,
 Во кнежіѣ сватьюшки.
 Ты, моя божатушка,
 На цюжой дальней сторонѣ
 Отопци подворьичѣ,
 Опомниши мистецко,
 Осмотри живиньчѣ,
 Какъ мни жить, привыкати
 На цюжой дальней сторонѣ.

Сестрѣ:

60) Ты, моя голубушка,
 Родная сестрича,
 Я въ забытахъ позабыла,
 Во слезахъ не увидѣла,
 Ты пожалуй, сестрича

Съ песнымъ благословеньчѣмъ.
 Ты пожалуй, сестрича,
 Во кнежіѣ сватьюшки,
 На цюжу дальну сторону;
 Отопци подворьичѣ.

Прим. Всѣ благословляютъ.

Во время сидѣнія невѣсты за столомъ, дѣвцы поютъ припѣвки: 1) Изъ-за-лѣсу лѣсу... 2) Во свитлой свитличѣ... (см. въ Важскихъ — смотрины).

в) Устьянскихъ

По утру при постели, дѣвцы:

61) Мое господарево,
 Моя сизая голубушка,
 Ужъ ты спишь ли, не спишь,
 Алл думку думаешь.
 Токо спишь, голубушка,
 Спи на здоровьичѣ;
 Токо думку думаешь
 Не продумайсѣ,

Не продумай, любушка,
 Своей буйны головушки.
 Севодни сево цасу,
 Пиля пѣтухи въ саду,
 Пиуци на тронхъ на сидяхъ,
 Трон ранны пѣтухи,
 Первые пѣтухи поютъ,
 Вилять спать дожитисѣ,

Да просыпатисѣ;
Трон пѣгухи поють,
Вилять пробужатисѣ.

Ужъ стань, сонливоѣ,
Пробудись, дремливоѣ.

При вставаніи съ постели:

62) Мое господарево,
Ужъ я спала да лежала
На мѣткой постеленкѣ,
Темну ночь корѣтала.
Мегку постеленку
Камешкомъ пролѣжала,
Крутыѣ сголовьяча
Всѣ слезами потопила,
Однело тѣплое
На ногахъ продѣржала.
Доуго дожидаласѣ
Отъ схожа соунышка,
Отъ родима батюшка

Побуду раннево,
Отъ родимы матушки
Нареду скорово,
Отъ родима братеука
Слова торопливово,
Отъ милыѣ невѣстушки
Слова ворцежливова.
Не могла дождатисѣ:
Миня стали, дивичу,
Жаловать да миловать
Жалобой недоброю,
Цюжой дальшой стороной.

Отцу:

63) Мое господарево,
Моѣ схоже соунышко,
Родимой батюшко,
Ты про свой сонъ оказывай,
Либо у миня спрашивай.
Сево дни, сево цасу,
Мни много во снѣ видѣлось,
Видіусѣ, привидіусѣ
Божей сонъ нерадосной:
Будто я хожу, блужу
На цюжой на стороиѣ,
Въ лисѣ заблудиласѣ,
Въ травѣ забродиласѣ,
Въ росѣ замоцаласѣ.
Я дошла да добрѣла
До рики уроцисца;
Снеда съ правой руми
Дорогъ зламаниѣ перстень.
Я пошла, дивича,

По подлису темному,
Куда перстень катитцѣ,
Трава розниматце,
Роса обиватцѣ.
Моя, красная дивича,
Я дошла да добрѣла
До рики уроцисца,
Дошла до деревни,
До дворисца старово,
До избисца утлово.
Я зашла да забрѣла
Во дворисцѣ староеѣ,
Во избисцѣ утлоѣ.
По край стола сидитъ
То старицисцѣ староеѣ;
Передъ пецкой ходитъ
То орлиха старая;
По лавоцнамъ сидитъ,
То орли малыѣ;

По полу похныкивають
 Какъ сороки висцици.
 Какъ не быть, не миновать
 На дюжой на сторонѣ,
 Въ домѣ у хресенина,
 Въ грозѣ у дюженна.
 По край стола сидитъ,
 Не старисцѣ старое,
 Мни ка красной дивичѣ
 Богоданной батюшка;

Передъ пецкой ходить
 Не орлиха старая,
 Мни ка богоданная матушка.
 Тутъ по лавоцкамъ сидятъ
 То не орлята малые,
 То мни богоданнныя братьича;
 По полу похныкивають
 Не сороки висцици,
 Мни ка, красной дивичѣ,
 Богоданнныя сестричи.

Ему же передъ срядами къ вѣнцу:

64) Ужъ я стану, благословась,
 Пойду, перекрестясь.

Прошу у батюшка
 Божья благословеньича.

Матери:

65) Милая лебедушка,
 Родинная матушка,
 Дай благословеньичѣ
 Во страшной путь ити;
 Во страшной путь ити

Страшно напускатисѣ,
 Съ великииъ благословеньичѣмъ
 На водѣ не танывать,
 На огнѣ не гарывать.

Во время срядовъ поють дѣвицы пѣсно:

66) Какъ у зетя молодого
 Какъ у NN
 Были кудри накладныѣ,
 Накладныѣ, завитыѣ,
 Накладныѣ, завитыѣ,
 Завитыѣ, золотыѣ.
 Що съ по тѣмъ же его кудрямъ
 Тестъ отъ дарить
 Во сто рублевъ коня.
 Выводить тестъ-отъ коня
 Зять-отъ съ лавки не ставать,
 Онъ шапки не сымать,
 Целомъ не побивать.
 У насъ етово здаря
 Дома довольноно.
 Какъ у зетя было, зетя
 У N N N

Были кудри накладныѣ,
 Накладныѣ, завитыѣ,
 Завитыѣ, золотыѣ,
 Що съ по тѣмъ же ево кудрямъ,
 Теща дарить
 Во сто локоть трубу,
 Выносить теща трубу,
 Зетъ же на ноги не встать,
 Шапки не сымать,
 Зетъ целомъ не побивать.
 У насъ етово здаря
 Дома довольноно.
 Какъ у зетя было, у зетя,
 Зетя молодого,
 Были кудри накладныѣ,
 Накладныѣ, завитыѣ,

Завітыѣ, зохотыѣ,	Зять-отъ шапку сымать,
Шо съ по тѣмъ ево кудряиъ	Зять-отъ целомъ побивать.
Шурья дарять красною дивичей,	У насъ етого здарья.
Выводять шурья красную дивичу,	Дома не слудцилось.
Зять-отъ съ лауки то вставать,	

Во время сидѣнія, за столомъ, покютъ на мосту:

67) То що по терему ходитъ,	Дари тво по рублинь,
Сыръ на блюдѣ носить:	Немного рублѣвъ надо.
Сыръ-отъ снигу биялѣ;	Насъ немного дивичъ во соборѣ,
Поцему сыръ снигу биялѣ,	Столько сорокъ дивичъ,
Потому зеть тестя любяѣ,	Безъ одной дивичи.
Отдана доци за нево любая.	Дари ко сѣ намъ по полтинѣ,
Приборяне, нанзжане,	Насъ немного дивичъ:
Кушайтѣ, воскушантѣ,	Намъ немного полтинѣ надо.
На наше здарье не надійтѣсь,	Дари ко сѣ по гривнѣ:
У насъ земля неродима.	Насъ немного дивичъ во сборѣ,
Худыѣ льны те родетцѣ,	Только сорокъ безъ одной дивичи.
Не тонко предено,	Не сойдетцѣ по гривнѣ,
Несицно полотно наткано.	Дари ко сѣ по поклону.
Коли надо полотно по полтинѣ,	

г) *Важскихъ.*

Отъ стола воротившись:

68) Дайте конечи	Искать ленты алыѣ
Назадъ воротитисѣ,	По черной тропиноцкѣ.
Со раѣмъ проститисѣ,	Я нашла, молодѣхонька:
Съ песной дивьей красотой,	Стоитъ свѣтла свѣтлича,
Съ милыми подруженькамъ.	Столовая горнича.
Я ходила, бидная,	Я зашла, молодѣхонька,
Въ лись, по красны ягодки,	Во свѣтлую свѣтличу,
По цѣрну смородину;	Во столову горничу.
Потеряла, бидная,	Сидитъ въ суткахъ,
Изъ косы ленту алую,	Въ большомъ углу,
Другу гальянскую.	Сидитъ звирищѣ лотоѣ;
Я пошла, молодехонька,	На <i>середѣ</i> (*) кпрпицною

(*) На полу.

Ходитъ змія лукавая,
 Ходитъ, извиваетцѣ,
 Къ ногамъ бросаетцѣ;
 На брусовыхъ лавоцкахъ
 Сидятъ сороки висцици.
 Могу знать да видатл,
 Въ горе догодатисѣ:
 Въ суткахъ, во большомъ углу

Сидитъ не звырисицѣ лютоѣ,
 Богоданной батюшка;
 На середѣ кирпичною
 Не змія лукавая,
 Богоданная матушка;
 На брусовыхъ лавоцкахъ
 Не сороки висцици,
 Жениховы сестрицы.

При отъѣздѣ къ вѣнцу дѣвицы поютъ:

69) Прощай вить, любезная;
 Рады бы проститисѣ,
 Проститцѣ воли нить.
 Закрыты ясны оци
 Подъ аленкимъ платкомъ
 Красавича, забавнича,
 Хошь плотоцникъ оброни.
 Рада бы я платокъ сронить:
 Платоцка въ руцкахъ нить.
 Красавича, забавнича,

Хошь руценокѣ махни.
 Рада бы руценькой махнути,
 Руценка занята.
 Красавича, забавнича,
 Хошь писемчѣ напиши.
 Рада бы письмо писать,
 Писариковъ здисъ нить.
 Писарники, сударки
 По далеку живутъ,
 По дорогу берутъ.

Чл.-С. П. Вороновъ.

ЭТНОГРАФІЯ.

1. ЭТНОГРАФІЯ НАРОДОВЪ, НАСЕЛЯЮЩИХЪ РОССІЮ.

а) Принадлежащихъ къ Славянскому племени.

1. **Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа, въ XVI и XVII ст. Н. И. Костомаровъ. Современникъ, 3, 4, 9 и 10; стр: 1—62, 293—350, 67—102, 503—564.**

Очерки эти составлены съ тою цѣлью, чтобъ наглядно, рельефно такъ сказать, уразумѣть домашнюю жизнь нашихъ предковъ. Для этого авторъ объясняетъ въ своей статьѣ: 1) Жилыя мѣста. 2) Городъ. 3) Москва. 4) Посады. 5) Слободы. 6) Села и деревни. 7) Дворы и дома. 8) Домашняя мебель и утварь. 9) Одежда. 10) Пища и питье. 11) Образъ домашней жизни. 12) Здоровье и болѣзни. 13) Семейные нравы. 14) Порядокъ домоуправленія. 15) Выѣздъ изъ дома и путешествіе. 16) Приѣмъ гостей. 17) Пиршества, пьянство. 18) Увеселенія, игры и забавы. 19) Праздники. 20) Домашніе обряды и 21) Вѣрованія.

Разборъ этой статьи *Н. Некрасовымъ*, см. въ 40-мъ № „Русской Рѣчи“, 1861 г.

2. **Очерки древне-русскаго быта. И. Прыжовъ. Наше Время. 45; 4 стр.**

Въ этой статьѣ авторъ говоритъ о нищихъ.

3. **Акты**, относящіеся до обычаевъ, правовъ, обрядовъ и повѣрствъ Шуягъ въ XVII вѣкѣ. Сообщилъ *В. Борисовъ*. *Чтенія въ Имъ. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ*. 3; стр. 11—29.
4. **Различныя направленія** въ изученіи русской народности. *Отечеств. Записки*. 3; стр. 24—50.
Статья написана по поводу слѣдующихъ сочиненій: 1) Пермскій Сборникъ, кн. II. 2) Лѣтописи русской литературы, кн. I и III. 3) Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія *Д. Щепкина*. Вып. 1.
5. **Очерки народнаго быта**. *Успенскій. Современникъ*. 3; стр. 241—250.
6. **Черты** для характеристики русскаго простонародья. *Н. — бовъ. Современникъ*. 9; стр. 27—88.
Разборъ сочиненія: „Разказы изъ народнаго русскаго быта“. *М. Вовчка*.
7. **Нѣсколько словъ** о домашнемъ бытѣ русскіхъ крестьянъ. *А. А. Пеккеръ. Олонецкія Губ. Вѣд.* 15, 16, 40 и 41; 8 стр.
8. **Наши сельскіе обыватели**. *Ф. Амлеталь. Сынъ Отечества*. 20; 4 стр.
9. **Очерки жизни** въ Восточной Сибири. Статья *А. С. Московскій Вѣстникъ*. 28; 4 стр.
Въ этой статьѣ описана вечерка — любимый обычай крестьянскихъ парней и дѣвушекъ въ зимніе праздники и извѣстный во всей Восточной Сибири, особенно же въ Иркутской губ. Вечерка — это тоже что деревенская пирушка или крестьянскій балъ. Въ этой же статьѣ помѣщены 2 плясовыя пѣсни.
10. **Сибирскіе очерки**. (Изъ сельскаго быта). *Ө. Губановъ. Русскій Миръ*. 79; стр. 245—257.
11. **Замѣтки о Сибири**. Статья *Ю. В. С.-Петербургскія Вѣд.* 23; 4½ ст.
Письмо 2-е; 1-е было помѣщено въ № 215, 1859 г.
12. **Письмо изъ деревни**. *К. Кавелинъ. Московскія Вѣдомости*. 192 и 194; 4 стр.
О юридическомъ бытѣ нашихъ крестьянъ.
13. **Очеркъ** изъ современной религіозной жизни Русскаго народа. *Г. М—скій. Православное Обозрѣніе*. 12; стр. 592—604.

14. Этнографическій очеркъ Мещовскаго уѣзда. П. Ламстри.
Калужскія Губ. Вѣд. 26, 27 и 28; 20 стр.

Повѣрья и приѣзты. Лечение болѣзней травами. Препровождение праздниковъ и увеселенія, хороводныя, хоровыя и плясовыя пѣсни. Обычай крестить кукушку. Устяжныя пѣсни. Пѣсни при прощаніи съ масляницей и при встрѣчѣ весны. Загадки. Пѣсни подблюдныя.

Вотъ нѣкоторыя изъ болѣе замѣчательныхъ пѣсень:

1.

Я по берегу похаживала,
Чернобыль-траву зашивала,
Гусей-лебедей заганивала;
Тега-тега, гуси-лебеди домой!
На встрѣчу мнѣ лакей молодой,
Ты, лакей-лакейчикъ молодой,
Не шути ты шутки надо мной,
Не бей меня по бѣлому лицу:
Мое личико дымчатое,
Ретиво сердце разсыпчатое.
Приду домой — догадаются,
Съ чего лицо разгорѣлося?
Али много пито, али много бито.

2.

Дунай мой, Дунай,
Веселый Дунай!
Молодецъ дѣвкѣ челомъ,
Съ молодца шляпа долой.
Дѣвушка, подай,
Раскрасавица, подай!
Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя.
Не радостень, не весель,
Самъ заплакалъ и пошелъ.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Съ молодца шляпа долой.
Ты, вдовушка, подай,

Раскрасавица подай!
Я слуга, сударь, твоя
Я послушаю тебя,
Черны кудри расчешу,
Пуховую шляпу наложу,
Онъ радостенъ и веселъ;
Самъ запрыгалъ и пошелъ.
Дунай мой, Дунай,
Веселый Дунай!

Помѣщаемъ также нѣкоторыя загадки, изъ той же статьи:

1.

Подъ дубкомъ,
Подъ карандашкомъ,
Ни клубкомъ,
Ни камушкомъ.

—
Отгадка:

Огурецъ.

2.

Стоить стаюта,
Висить висюта,
Пришла Аксюта,
Покачнула стаюту,
Упала висюта,
Съѣла Аксюта.

—
Отгадка:

Стаюта—дубъ, висюта—жолудь, Аксюта—свинья.

3.

Летить воронъ,
Носъ окованъ,
И гдѣ панеть,
Руда канеть.

—
Отгадка:

Пуля, пуценная изъ огнестрѣльнаго оружія.

4.

Стоить попъ низокъ,
На немъ сто ризокъ.

Ризки снимешь,
Самъ заплачешь.

—
Отгадка:

Луковица.

5.

Сквозь стѣну быка испеку.

—
Отгадка: €

Яйцо.

6.

Красный пѣтушокъ по жердочкѣ бѣгаетъ.

—
Отгадка:

Огонь.

15. **Хозяйственный и этнографическій очеркъ Каширскаго уѣзда.** П. Сумароковъ. *Сельское Хозяйство*. 7 и 8; стр. 1—23 и 63—77.

Содержаніе: Мѣстность. Почва. Истребленіе лѣсовъ и его послѣдствія. Топливо и сѣнокосы. Пренебреженіе къ торфу и камню. Состояніе хлѣбопашества и скотоводства. Крестьяне: ихъ хозяйственный бытъ, примѣты, повѣрья, пѣсни, игрища, промыслы, нравы и обычаи.

16. **Село Нижне-Покровское,** Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи. *Воронежскія Губ. Вѣд.* 12—14.

Въ этнографическомъ отношеніи.

- *17. **Бытъ Подолянъ,** издав. К. Шейковскимъ. Т. 1-й, вып. 1-й и 2-й. Кіевъ. Въ Губ. тип. 1860. Въ 12-ю д. л. VI, 71, III, 74 стр. Ц. 80 к.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) въ Отечественныхъ Запискахъ. 1860 г. № 10; 2) въ Современникѣ 1860 г. № 9, и 3) въ „Извѣстіяхъ И. Ак. Наукъ“ Т. IX, вып. 3.

18. **Въ дорогѣ.** (Изъ путевыхъ записокъ). С. В. Максимовъ. *Отечественныя Записки*. 8; стр. 219—271.

Это путешествіе совершено съ этнографическою цѣлью; въ описаніи его есть много любопытныхъ фактовъ изъ жизни крестьянъ и торгующаго класса губерній черноземной полосы Россіи.

19. **Взглядъ на народный бытъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Орловскаго уѣзда (Вятской губ.).** *Вятскія Губ. Вѣд.* 28.

Въ этой статьѣ говорится объ обычаяхъ и народныхъ увеселеніяхъ. Особенно замѣчательно празднованіе Нового года. Въ этотъ день поселяне Орловскаго уѣзда имѣютъ обыкновеніе пѣть коляду. Вотъ пѣсня, которая поется при этомъ :

„Виноградѣ красно, зеленое,
„Еще ходятъ же ребята колядовщики,
„Виноградѣ красно, зеленое (*).
„Еще ищутъ же ребята Государева двора,
„Государевъ-то дворець среди Москвы стоитъ,
„Среди Москвы стоитъ, середъ ярмонки;
„А вокругъ его двора стоитъ желѣзный тытъ,
„А на каждой тынникѣ по маковкѣ,
„Что по маковкѣ и по золотому кресту,
„А самъ-то Государь, какъ свѣтъ мѣсяцъ взошелъ,
„А сама-то Государыня, какъ утрення зоря,
„Малы дѣтоньки, часты звѣздочки:
„Самъ-то Государь на крылечко выходилъ,
„На крылечко выходилъ и по рублику дарилъ;
„А сама-то Государыня по полтинѣ дарила;
„Малы дѣтоньки по копѣчкѣ.

„Покатится колесница вдоль по улицѣ,
„По пироги, по шанги, въ печь по кишки;
„Ножъ то на полицѣ, солоница на божицѣ , .
„Рѣжьте и ѣшьте и намъ подавайте;
„Не дашъ кишки, разобьемъ горшки,
„Не дашъ пирога, разобьемъ ворота,
„Виноградѣ красно, зеленое.

20. **Сельскій бытъ и промышленность Пустозерцевъ.** *Г. Терентьевъ. Архангельскія Губ. Вѣд.* 49, 50 и 51; 9 стр.

21. **Поселяне Воронежской губерніи.** Статья *Р. Русскій Художественный Листокъ.* 34.

Содержаніе: 1) Историческій очеркъ постепеннаго за-

(*) Сей стихъ повторяется послѣ каждаго новаго стиха.

селенія Воронежскаго края. 2) Статистико-этнографическія замѣтки о настоящемъ населеніи Воронежской губ.

22. **Нѣсколько словъ** о народномъ бытѣ на низовьяхъ Волги. А. Самойловъ. *Русскій Вѣстникъ*. 1—2; стр. 66—70.
- *23. **Матеріалы** для описанія быта Пермяковъ. *Роговъ. Пермскій Сборникъ*. 2; стр. 1—127. Эта же статья издана отдѣльнымъ оттискомъ. Москва. Въ 8-ю д. л. 127 стр.

Продолженіе статьи, напечат. въ „Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ“, 1858 г., за апрѣль мѣс.; въ ней помѣщены: 1) Одежда и обувь. 2) Пища и питье. 3) Праздники и замѣчательные простые дни. 4) Пѣсни, пляски и игры. 5) Свадебные обряды. 6) Родины. Крестины. Воспитаніе дѣтей. Имянины. Похороны. Поминки.

24. **Замѣчанія о мѣстности и жителяхъ** 3-го стана Красноуфимскаго уѣзда. *Гр. Городской. Пермскій Сборникъ*. 2; 3 стр.
25. **Краткое описаніе занятій**, нѣкоторыхъ обычаевъ, образа жизни, одежды, поговорокъ и пословицъ села Тушины, Симбирскаго уѣзда. *Симбирскія Губ. Вѣд.* 46 и 47; 4 стр.

Содержаніе: Образъ жизни. Одежда. Поговорки и пословицы. Примѣты. Обычаи святочные. Обычаи при крестинахъ. Обычаи при похоронахъ. Обычаи при свадьбахъ. Предразсудки. (Извлечено изъ матеріаловъ для статистическаго описанія Симбирской губерніи).

У Тушинскихъ крестьянъ особенно замѣчательны нѣкоторые примѣты, напр. не должно ложиться въ передній уголъ ногами, также садиться на избной порогъ, изъ опасенія навлиять на свою голову несчастію.

Если воробей прилетитъ въ комнату, то это знакъ, что въ домѣ будетъ покойникъ, или какое нибудь несчастіе. Кошку не берутъ изъ дома въ домъ даромъ, въ предотвращеніе ссоры между людьми этихъ домовъ. Кто часто надѣваетъ чужды или рубашку на изнанку, того не любятъ люди. Не надобно есть съ ножа, говорить Тушинцы, чтобы не сдѣлаться злымъ. Если во время дождя выйдетъ изъ облаковъ солнце, знакъ, что въ это время непременно кто нибудь потонуть; если кто нибудь во время стола просыплетъ соль, то это предвѣщаетъ ссору. Не должно въ домѣ держать ежа, чтобы не случилось несчастія; если воронъ сидитъ на церкви и каркаетъ, то предвѣщаетъ покойника; если воронъ,

пролетая надъ дворомъ, каркаетъ, то предвѣщаетъ несчастье въ томъ домѣ; если голубъ прилетитъ въ комнату, то предвѣщаетъ радость; если же синичка — то несчастье.

Въ болѣзняхъ крестьяне, за отдаленностью аптекъ, а частью по привычкѣ, употребляютъ слѣдующія домашнія лекарства для леченія: къ ранѣ отъ укушенія бѣшеной собакой, прикладываютъ золы, полученной отъ сожженія собачьей шерсти, а лучше всего, говорятъ, если шерсть можно получить отъ самой бѣшеной собаки, укусившей человѣка, когда убьютъ ее.

Ужаленный змѣею спѣшитъ окунуться въ рѣкѣ прежде змѣи, ужалившей его, которая будто бы ползетъ въ воду всегда прежде ужаленнаго ею; если ужаленный окунется прежде змѣи, змѣя околѣетъ.

Кому начинаютъ ночью видѣться дурные сны, тому должно, пробудясь, укусить подушку и переверотить ее, для того, чтобы дурные сны обратились въ хорошіе.

Когда услышатъ первый громъ весной, то кувыркаются чрезъ голову, или моются чрезъ серебро, для того, чтобы предохранить себя отъ болѣзней на цѣлый годъ.

Между предрасудками первое мѣсто у жителей села Тушины занимаетъ вѣра въ лѣшихъ, оборотней, домовыхъ и пр.

Инымъ даже случается будто видѣть домового собственными глазами въ сѣнномъ амбарѣ, въ видѣ хозяина дома, накладывающаго сѣна скоту, а иногда въ такомъ же видѣ подлѣ скота. Изъ этой суевѣрной мечты извлекаются невѣжествомъ разныя примѣты. Если домовому не нравится мѣсто, на которомъ поставленъ домъ, то хозяинъ, при всѣхъ усиленныхъ трудахъ, всегда остается бѣденъ. Предъ несчастьемъ въ домѣ, домовою обыкновенно плачетъ и стонетъ на дворѣ. Многимъ являлся онъ будто бы и въ избѣ по ночамъ и стогналъ ихъ неоднократно съ постели. Какъ домового считаютъ хозяиномъ дома, такъ лѣшаго хозяиномъ лѣса. Говорили прежде, что нѣкоторые будто видѣли лѣшаго въ лѣсѣ, ростомъ выше лѣса, который въ ночное время кричитъ и поетъ, какъ человѣкъ, плачетъ какъ ребенокъ, свищетъ, гаркаетъ, хлопаетъ въ ладоши, и тѣмъ заводитъ людей въ совершенно незнакомыя мѣста.

Разныя явленія природы объясняютъ такъ: солнечное и лунное затмѣнія происходятъ отъ скрадыванія свѣта злыми

духами, чтобы въ темнотѣ удобнѣе имъ было удовлетвлять въ свои сѣти христіанъ; громъ и молнію они производятъ отъ быстраго движенія колесъ огненной колесницы пророка Іліи; падающія звѣзды почитаютъ за огненныхъ змѣй или демоновъ, которыя будто бы летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отъ чего такъ много бѣснующихся.

Пятница и среда считаются тяжелыми днями, по этому въ эти дни никогда не начинаютъ никакого дѣла, а иначе успѣха не будетъ въ дѣлахъ.

26. **Краткое описаніе занятій, одежды и различныхъ обычаевъ села Кременокъ, Симбирскаго уѣзда.** *Симбирскія Губ. Вѣд.* 45; 2 стр.

Извлечено изъ матеріаловъ для статистическаго описанія Симбирской губерніи.

27. **Нѣсколько словъ о казакахъ и ихъ образованіи.** Статья *К. Русскій Инвалидъ.* 77.
28. **Черноморскіе пластуны.** *Чтеніе для Солдатъ.* 6; стр. 33—42.
29. **О русскихъ поклонницахъ на востокѣ.** Статья *Б. В. С.-Петербургскія Вѣд.* 110; 2—¹/₂ ст.
30. **Русская крестьянская дѣвушка.** *П. Полевой. Разсвѣтъ.* 10, 11 и 12; стр. 107—127, 229—247 и 359—382.

Въ своей статьѣ, авторъ намѣренъ былъ прослѣдить весь ходъ жизни крестьянской дѣвушки, отъ колыбели до свадьбы, съ тѣми любопытными подробностями, которыя весьма мало вообще извѣстны; также обратить вниманіе и на бытъ и нравственное вліяніе, среди которыхъ живетъ и развивается крестьянская дѣвушка, съ самаго ранняго дѣтства своего. Статья составлена на основаніи сочиненій: Сахарова, Терещенко, Калачева, Буслаева, Аванасьева и др.

31. **Два слова о раскольникахъ.** *Ф. Воропоновъ. Одесскій Вѣстникъ.* 78; 4—¹/₂ ст.

Въ статьѣ говорится о раскольникахъ въ этнографическомъ отношеніи.

32. **Солоноски, совошники и рогожницы.** *Е. Мухачевъ. Пермскій Сборникъ.* 2; 3 стр.

Особаго рода промыслы въ Пермской губерніи. 1-й относится къ соли, 2-й и 3-й къ чаю.

33. **Кулаки.** *А. Хвостовъ. Иллюстрированный Семейный Листокъ.* 143—144; 2 стр.
34. **Вожи** За-камской стороны. Статья *И. Л. Самарскія Губ. Вѣд.* 53; 2 стр.
Вожи, въ былое время, были люди, хорошо знающіе топографію мѣстности, они служили въ качествѣ проводниковъ и рассыльныхъ.
35. **Бѣломорскія женщины.** Этнографическій очеркъ. *Каледоскопъ.* 37; 2 стр.
36. **Лашманы.** *Русскій Вѣстникъ.* 9; стр. 74—79.
Лашманы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, существуютъ со времени Петра I-го; это особый разрядъ низовыхъ жителей, предназначался великимъ преобразователемъ Россіи для рубки, тески и вывозки корабельныхъ лѣсовъ.
37. **Русскій годъ.** *В. Плаксивъ. Семейный Кругъ.* 6, 9, 22, 44, 45 и 47; 40 стр.
Въ этой статьѣ говорится о праздникахъ, увеселеніяхъ, обычаяхъ и вообще о домашнемъ жить-бытьѣ русскаго народа, въ продолженіи всего года. 1-я статья была помѣщена въ Семейномъ Кругѣ. 1859 г. № 12 (см. прошлогодній Библ. Указатель, № 298).
38. **Неопрятность крестьянъ** въ домашней жизни. *Е. Пуховъ. Вятскія Губ. Вѣд.* 33; 4 стр.
39. **Москва** и ея особенности. *П. Лебедевъ. Наше Время.* 30; 3 стр.
Хроника Московской жизни.
40. **Тафа.** *Ф. Д—скій. Листокъ Русск. Общ. Пароходства и Торговли.* 9; 2 ст.
Слово *тафа* — чисто мѣстное, крымское, происходитъ отъ турецкаго слова „Танфа“, что значить артель.
41. **О сбытѣ петербургскими ворами** краденыхъ вещей. *И. Соколовъ. Сынъ Отечества.* 1, 3, 4 и 11; 15 стр.
Чрезвычайно любопытные факты изъ жизни петербургскихъ воровъ, такъ называемыхъ мазуриковъ. Первые 3 статьи помѣщены въ „Сынѣ Отечества“ 1859 г. 50—52. (См. прошлогодній Библ. Указатель, № 320).
42. **Кое-что служащее** продолженіемъ разсказовъ: „о сбытѣ

- петербургскими ворами краденыхъ вещей“ . *И. Соколовъ. Сынъ Отечества.* 13, 15, 17 и 19; 12 стр.
43. **Замѣтка** объ обличительной статьѣ г. Соколова (О сбытѣ краденыхъ вещей ворами). *Петербургскій Старожилъ. Сынъ Отечества.* 13; 2 стр.
44. **Исторія моды** отъ XVI ст. до настоящаго времени. *Иллюстрація.* 118; 1 стр.
45. **Одежда женщинъ** въ Россіи. *Русскій Художественный Листокъ.* 13; 2 стр.
Одежда женщинъ: губерній Орловской, Иркутской и Бессарабской области.
46. **Наряды женщинъ** въ Торжкѣ. Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 17.
47. **Наряды крестьянъ** Воронежской губерніи. *Иллюстрація.* 137 и 138; 4 ст.
48. **Архангелогородскіе женскіе костюмы.** (Этнографическій типъ). *Калейдоскопъ.* 41; 1 стр.
49. **Чадры.** (Этнографическій очеркъ). *Калейдоскопъ.* 32; 2 стр.
Чадры — восточное покрывало женщинъ.
50. **По поводу русской упряжи.** *Оберточный Листокъ.* 37; 2 стр.
По поводу статьи „Сѣверной Пчелы“ о желѣзно-конной дорогѣ, въ С.-Петербургѣ.
51. **Народные музыкальные инструменты** въ Россіи. *Русскій Художественный Листокъ.* 14, 20 и 21.
Очеркъ исторіи музыкальныхъ инструментовъ въ Россіи до конца XVIII ст. Музыкальные инструменты Великороссіянъ, Малороссовъ, Грузинъ, Кавказскихъ горцевъ, Финновъ, Татаръ, Киргизовъ, Калмыковъ и Сибирскихъ инородцевъ. Эти инструменты слѣдующіе: Варганъ, Бубны, Погремушки, Цимбалы, Лира, Бандура или Кобза, Торбанъ, Сопилка, Буре, Бюшкюръ, Гангдангъ, и Кенгерга-Цилангъ (Послѣдніе 5 инструментовъ принадлежать сибирскимъ инородцамъ).

**6) Этнографія инородцевъ, обитающихъ въ
Россіи.**

52. **Русскіе инородцы.** Н. Костомаровъ. *Русское Слово.* 5; стр. 1—100.

І. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи, (Изъ лекцій русской исторіи, читанныхъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, въ 1860 г. Статья этнографическаго содержанія.

53. **Очерки языческой Литвы.** С. Рутковскаго. *Подписьжикъ.* 9; стр. 21—39.

54. **Объ Эстахъ** или полувѣрцахъ Псковской губ. М. Миротворцевъ. *Памятная книжка Псковской Губ.* на 1860 г.; стр. 45—61.

Содержаніе: Языкъ. Физическія и нравственныя свойства. Жилища. Одежда. Пища. Обряды и повѣрья.

55. **Путешественникъ по неволѣ.** Чухонцы на пароходѣ. *Наше Время.* 24; 3 стр.

Нѣсколько этнографическихкихъ данныхъ объ этомъ народѣ, сообщенныхъ однимъ путешественникомъ, ѣхавшимъ на Волжскомъ пароходѣ, вмѣстѣ съ Чухонцами, отправлявшимся на переселеніе въ Самарскую и Саратовскую губерніи.

56. **Изъ Самары.** А. Самойловъ. *Русскій Вѣстникъ.* 14; 3 стр.

Разсказъ о Чухонцахъ переселенцахъ, встрѣченныхъ авторомъ на пароходѣ, на Волгѣ.

57. **Мезенскіе Самоѣды.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 30; 5 стр.

58. **Цыгане.** (Этнографико-характер. очеркъ). *Калейдоскопъ.* 5; 3 стр.

59. **Армянскій Епископъ Николай и Армяне въ Польшѣ.** Переводъ съ армянскаго. *Радуга.* 5 и 6; 9 стр.

60. **Тайна раздра.** Ѡ. Березкинъ. *Одесскій Вѣстникъ.* 38; 1 стр.
Статья касающаяся вопросовъ о Евреяхъ.

61. **О родахъ занятій** виленскихъ Евреевъ. *Виленскій Вѣстникъ.* 59; 2 стр.

62. **Нѣсколько словъ** о Евреяхъ Западнаго края Россіи. Статья *Л. Л. Разсвѣтъ, оріанъ русскіихъ Евреевъ.* 1; 3 стр.
63. **Благотворительность** у Евреевъ. *И. Соловейчикъ. Разсвѣтъ, оріанъ русскіихъ Евреевъ.* 19; 4 стр.
64. **Физиологическій взглядъ** на жизнь русскіихъ Евреевъ. *Л. Гельбакъ. Разсвѣтъ, оріанъ Русскіихъ Евреевъ.* 19; 2 стр.
65. **Еврей земледѣлецъ.** *О. Валь. Гакармель.* 12, 13 и 14; 9 стр.
66. **Нѣсколько словъ** по поводу статей г. Мандельштама, въ за-
щиту Евреевъ. *А. Корева. Виленскій Вѣстникъ.* 20; 8— $\frac{1}{2}$ ст.
67. **Евреи Виленской губерніи.** *А. К. Корева. Памятная кн. Виленской губ. на 1860 г. Ч. 2;* стр. 37—88.

Отрывокъ изъ составленнаго подъ руковод. Департамента
Генер. Штаба статистическаго описанія Виленской губ.

68. **Еврей;** разборъ ст. А. Корева, помѣщенной въ Памятной кн.
Виленской губ. Е. Соловейчикъ. Разсвѣтъ, оріанъ русскіихъ Евреевъ. 7, 8.
69. **Нѣсколько словъ** по поводу статьи г. Корева о Евреяхъ.
І. Варманъ. Виленскій Вѣстникъ. 42; 4— $\frac{1}{2}$ ст.
70. **Кое-что о Евреяхъ.** *О. Воль. Виленскій Вѣстникъ.* 26 и 27;
14— $\frac{1}{2}$ ст.

По поводу статьи г. А. Корева п. з. Еврей, помѣщенной
въ Памятн. книжкѣ Виленской губ. на 1860-й годъ.

71. **О догматизмѣ** въ спорахъ за и противъ Евреевъ. *А. Пассо-
веръ. Разсвѣтъ, оріанъ русскіихъ Евреевъ.* 25 и 26; 8 стр.
72. **Еврей въ Харьковѣ.** *М. Крѣпостинскій. Прибавленіе къ
Харьковскимъ Губ. Вѣд.* 10.
73. **Объясненіе по поводу** статьи г. *М. Д.* „Гоненія Евреевъ“
въ Одессѣ. *Палеоловъ. Русскій Міръ.* 11.
74. **Крымчаки.** *П. Лякубъ. Разсвѣтъ, оріанъ русскіихъ Евреевъ.*
13; 2 стр.

Въ этой статьѣ сообщаются свѣдѣнія о первыхъ еврей-
скихъ поселенцахъ въ Крыму, извѣстныхъ подъ названіемъ
Крымчаковъ.

75. **О политическомъ устройствѣ** черкесскихъ племенъ, насе-
ляющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. *Н. Карлюкъ.
Русскій Вѣстникъ.* 16; стр. 518—550.

Кромѣ этнографическихъ и топографическихъ свѣдѣній,

авторъ, слегка, касается общественнаго устройства и другихъ, сосѣдственныхъ Черкесамъ, народовъ, и излагааетъ проходившія, въ послѣднія 15 лѣтъ, въ черкесскомъ обществѣ неудачныя попытки къ переворотамъ.

76. **Свѣдѣнія о природѣ и хозяйствѣ Кабарды.** *Кн. Т. Г. Баратовъ. Экономическія Записки.* 28; и *Ставропольскія Губ. Вѣд.* 34.

Настоящая статья есть отрывокъ изъ сочиненія о Кабардѣ; въ ней сообщаются топографическія, этнографическія и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія.

77. **Кабарда.** *Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ.* 11; стр. 1—6.

78. **Нѣсколько свѣдѣній** о религіозныхъ обычаяхъ мусульманъ шитовъ и о причинахъ различія ихъ съ суннитами. *М. Майсуровъ. Кавказъ.* 23; 4 ст.

79. **Характеристика племенъ,** обитающихъ въ Эриванской губерніи. *М. Майсуровъ. Кавказъ.* 69; 2 стр.

Авторъ описываетъ Армянь, Татаръ и кочующихъ народовъ на Кавказѣ.

80. **Очерки дагестанскихъ нравовъ.** Статья *Ев. Чим.* *Кавказъ.* 84 и 85.

81. **Нравы и обычаи** въ Дагестанѣ. *Г. Пржевальскій. Военный Сборникъ.* 4; стр. 269—318.

82. **Канлы въ немирномъ краѣ.** *А. Руновскій. Военный Сборникъ.* 7; стр. 199—216.

Канлы это то же что корсиканская вендета.

83. **Тушинъ.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 27; 2 стр. съ рисункомъ.

Тушины—жители Тифлисской губерніи, обитающіе по хребту Кавказскихъ горъ.

84. **Осетины.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 32; 2 стр. съ картинкою.

85. **Кавказскіе огнепоклонники.** *Калейдоскопъ.* 39; 4 стр.

86. **Черкешенка.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 36; 2 стр.

87. **Муша.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 31; 1 стр.

Подъ этимъ названіемъ понимаютъ на Кавказѣ собственно носильщика разныхъ тяжестей.

88. **Заміски Черкеса.** Два мѣсяца въ аудѣ. *Каламбі. Библіотека для Читенія.* 6; стр. 1—90.

Въ этой статьѣ представлена, въ повѣствовательной формѣ, жизнь черкеса у домашнего очага.

89. **Замѣтка о Кавказѣ.** *Кавказецъ. С.-Петербургскія Вѣд.* 167; 2—¹/₂ ст.

Авторъ этой статьи нападаетъ на г. Рыжова за его статью „Магометъ-Аминъ“, по поводу многихъ невѣрностей и ошибокъ въ ней.

90. **Чобанъ.** Разказъ изъ быта горскихъ татаръ въ Крыму. *Рада.* 5 и 6; 13 стр.

Чобанъ — пастухъ овецъ. Разказъ настоящій основанъ на поэтической канвѣ — обычая у Крымскихъ татаръ похищать невѣсть.

91. **Очеркъ горскихъ народовъ** праваго крыла кавказской линіи. Статья *А.—Д. Г. Военный Сборникъ.* 1; стр. 273—324.

Топографическій очеркъ закубанскаго края и очеркъ быта и прошлой исторіи закубанскихъ народовъ: 1) Ногайскія племена. 2) Черкесы, Абадзехи, Шапсуги, Натухайцы и пр.

92. **Абхазія,** ея горы и горцы. Сцены изъ кавказской жизни *В. Савиновъ. Сынъ Отечества.* 2 и 3; 6 стр.

93. **Волжскіе Татары.** *П. А. Шино. Современникъ.* 6 и 7; стр. 255—290 и 121—142.

Содержаніе: 1) Джинъ (народный праздникъ). 2) Деревенскій мулла. 3) Деревня Акбудаево и Ризванъ-бай. (Изъ путевыхъ замѣтокъ по волжскимъ губерніямъ).

94. **Замѣтки о Татаряхъ-поселянахъ.** *А. Сахаровъ. Нижнегородскія Губ. Вѣд.* 46 и 47.

95. **О Татаряхъ** Рязанской губ. *Н. Гальбовъ. Рязанскія Губ. Вѣд.* 40 и 41; 6 стр.

96. **Эмиграція Татаръ** Таврической губ. *В. Фильковичъ. С.-Петербургскія Вѣд.* 199; 10—¹/₂ ст.

97. **Переселеніе Крымскихъ Татаръ.** *Н. Шербанъ. Русскій Вѣстникъ.* 23—24; стр. 211—229.

98. **О Татаряхъ** Пензенской губ. *Н. Гальбовъ. Пензенскія Губ. Вѣд.* 17, 18 и 19.

99. **Казанскіе Татары.** *А Мартымов.* *Сверная Пчела.* 21; 10— $\frac{1}{2}$ ст.
100. **Этнографическій очеркъ Казанскихъ инородцевъ.** *В. Лядов.* *Разсвѣтъ.* 7; стр. 141—162.
Содержаніе: Татары, Черемисы, Чуваши и Мордва.
101. **Изъ письма астраханскаго жителя.** *Православное Обозрѣніе.* 12; 4 стр.
О Калмыкахъ.
102. **Калмыки.** *А. Писемскій.* *Библіотека для Чтенія.* 1; стр. 1—34.
Въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.
103. **Путешествующіе Киргизы.** *II. Небольсин.* *Русскій Вѣстникъ.* 17; стр. 41—49.
Характеристика нѣкоторыхъ Киргизовъ, пріѣзжавшихъ, въ 1858 г., въ Петербургъ.
104. **Киргизоманія.** *I. Желѣзновъ.* *Русскій Вѣстникъ.* 21; стр. 45—51.
Замѣчаніе на ст. г. Небольсина: „Путешествующіе Киргизы“, въ которой г. Желѣзновъ заступаетъ за Уральскихъ казаковъ, затронутыхъ въ ст. г. Небольсина.
105. **По поводу статьи:** „Путешествующіе Киргизы“. *А. Плотниковъ.* *Русскій Вѣстникъ.* 23—24; стр. 245—277.
106. **Охота у Киргизъ-Кайсаковъ.** *К. Калачевъ.* *Сынъ Отечества.* 11 и 12; 4 стр.
107. **Баксы.** Разсказъ. *Иллюстрированный Семейный Листокъ.* 99—100; 3 стр.
Баксы — это киргизскій лекарь, или вѣрѣе знахарь, колдунъ.
108. **Портреты киргизской депутаціи.** *Иллюстрація.* 116; 1 ст.
109. **Случай на пути.** *Вяризовъ.* *Сынъ Отечества.* 37; 4 стр.
Въ этой статьѣ помѣщены нѣкоторые этнографическія свѣдѣнія изъ быта Мордвы.
110. **Замѣтки о нѣкоторыхъ обычаяхъ Мордвовъ села Кильдошевъ,** съ приходскими его деревнями Киртеи и Кадышевой, Симбирскаго уѣзда. *Симбирскія Губ. Вѣд.* 43; 3 стр.
Извлечено изъ матеріаловъ для статистическаго описанія

Самбирской губерніи. — Свадебные обычаи, крестины, праздники, языкъ, одежда, игры.

111. **Чуваши.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ*. 38 и 39; 5 стр.

112. **Зауральскіе Финны.** В. *Лдовъ*. *Разсказы*. 9; стр. 369—388.

Въ этой статьѣ описанъ домашній бытъ, обычаи, вѣрованія, одежда, пища и проч. Самоѣдовъ и Остяковъ.

113. **Шутевыя замѣтки** горнаго туриста. *Ө. Германъ*. Статья 1-я. *О Вогулахъ: Производитель и Промышленникъ*. 15; 6—¹/₂.

114. **Вотяки и Черемисы.** *Памятная книжка Вятской губ. на 1860-й годъ*. стр. 159—166.

Содержаніе: Бытъ, одежда, религіозныя вѣрованія, молитвы и пѣсни. (Изъ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1838 и 1839 г., приб. № 1, 3, 5 и 10).

115. **Алтай** и его обитатели. Статья *Д. С. Московскій Вѣстникъ*. 23—24; 5 стр.

Содержаніе: Растительное и животное царство. Исторія и этнографія обитателей Алтая: Калмыковъ, Татаръ и Кумандинцевъ.

116. **Алтай.** *Потамы*. *Иллюстрація*. 118; 2 ст.

117. **Азія и Сибирь.** *А. Павловскій*. *Народное Чтеніе*. 1, 2, 3, 4, 5 и 6; стр. 39—91, 101—129, 96—119, 48—75, 34—58 и 13—35.

Содержаніе: Кяхта и Китайцы — Кяхтинская торговля чаемъ. — Остяки. — Раздѣленіе инородцевъ Сибири. — Финское племя и его вѣтви. — Мѣста жительства Остяковъ. — Типъ, костюмъ и характеръ. — Жилище и домашній бытъ. — Образъ жизни. — Управление. — Религія. — Самоѣды. — Мѣсто жительства, наружность, костюмъ, жилище, пища, характеръ. — Бытъ, свадьба и похороны. — Религія. — Табуи и ихъ чарованія. — Народная литература. — Героическія сказанія, пѣсни, легенды, Тунгусы и Якуты.

118. **Замѣтка** о Сибири. Статья *Ю. В. С.-Петербургскія Вѣд.* 227; 10—¹/₂ ст.

119. **Остяки.** (Этнографическій очеркъ). *Калейдоскопъ*. 34; 2 стр.

120. **Нѣсколько словъ** о Заболотныхъ и Ачирскихъ инородцахъ

Тобольскаго округа. Статьи *В. И. Тобольскія Губ. Вѣд.* 48; 4 стр.

Эти инородцы принадлежать къ остяцкому племени, исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Селенія ихъ расположены по лѣвую сторону Иртыша, на сѣверъ отъ Тобольска. Статья составлена изъ официальныхъ свѣдѣній.

121. **Инородцы**, обитающіе въ Түруханскомъ краѣ. *А. Мордвиновъ. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ.* 2; стр. 25—64.

Инородцы эти суть: Тунгусы, Долганы, Остяки, Самоѣды, Юраки и Якуты.

122. **Тунгусы**. *Д. С. Московскій Вѣстникъ.* 12; 3 стр.

123. **О Тунгусахъ**. *Кривошапкинъ. Енисейскія Губ. Вѣд.* 1; 2 стр.

124. **Изъ статистическаго описанія** Енисейскаго округа. *М. Ф. Кривошапкинъ. Енисейскія Губ. Вѣд.* 2, 3 и 4; 10 стр.

О Тунгусахъ и прочихъ инородцахъ. Самоѣды.

125. **Нѣкоторыя свѣдѣнія** о законахъ и обычаяхъ инородцевъ Березовскаго округа. *Тобольскія Губ. Вѣд.* 8, 9 и 10; 8 стр.

Содержаніе: 1) Права лицъ духовныхъ. 2) Законы и обычаи.

126. **Татары** Западной Сибири. Статья *В. Амуръ.* 26; 6 стр.

127. **Мангуны**. *Амуръ.* 33; стр. 482—486 и *Журналъ Мѣс. Вн. Дѣл.* 12; стр. 9—15.

Мангу или, какъ Русскіе называютъ ихъ, Мангуны есть Тунгузское племя, обитающее по обоимъ берегамъ Амура, отъ селенія Нюнгю до селенія Пуяки.

128. **О Шаманахъ**, какъ кудесникахъ. Статья *Н. П. Амуръ.* 34, 36, 37 и 38; 10 стр.

129. **Алеуты**. Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 33; 2 стр.

2. СВАДЕБНЫЕ И ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ.

130. **Этнографическая замѣтка**. *П. Гундобинъ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 23; 1 ст.

Здѣсь говорится о довольно странномъ обычаѣ, случающемся при свадебныхъ обрядахъ. На другой день свадьбы,

въ домѣ новобрачныхъ, производится попойка. При этомъ свать, сваха и гости опутываютъ себя *красными* лентами и съ крикомъ и пѣснями катаются по городу.

131. **Свадебные обряды** въ Васьяновской волости Кадниковскаго уѣзда. *В. Кичинъ. Вологодскія Губ. Вѣд.* 53; 2 стр.

132. **Обычаи поселянъ** въ окрестностяхъ м. Чуднова, Житомирскаго уѣзда. *Волинскія Губ. Вѣд.* 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13; 16 стр.

Содержаніе: Вечерицы, досвітки и сходки на улицѣ, змовны (уговоръ), сватанье (заручины), каровай и чоботомосны, веселье (свадьба).

133. **Крестьянскія свадьбы** въ Слободскомъ уѣздѣ. *И. Красноперовъ. Вятскія Губ. Вѣд.* 22, 23 и 24; 9 стр.

Пѣсни, которыя поютъ на свадьбахъ въ Слободскомъ уѣздѣ:

1.

На синемъ на морюшкѣ
Плыветъ лебедь бѣлая
Со своими дѣтками-лебедками.
Не гдѣ взялся добрый молодецъ,
Петрушенька Кировичъ.
Ты убилъ лебедь бѣлую;
Разбрызнула кровь по снѣгу морю,
Разнесъ кости по темнымъ лѣсамъ,
Развѣялъ пухъ по чистымъ полямъ,
Не гдѣ взялась красна дѣвица,
Ошто Аннушка Марковна;
Береть перья, беретъ перья,
Береть перья лебединое,
Кладетъ въ шапку соболиную,
Не гдѣ взялся добрый молодецъ,
Все Иванушко, все Иванушка,
Все Иванъ-отъ Гавриловичъ.
Тебѣ Богъ помочь, красна дѣвица,
Ошто Аннушка Марковна!
Тебѣ брать перья лебединое,
Тебѣ класть въ шапку соболиную!
Она ему ни словечка не сказала,
Ужъ ты дѣвица-красавица,
Угрюмая, непривѣтливая,

Теперь ты со мной ломаешься;
Ошто будетъ то — за мной пойдешъ,
Ошто будетъ то — будешъ у кроватушки стоять,
Ошто будетъ то — станешъ разувать меня.
Отвѣчала ему дѣвица;
Ошто этого не будетъ никогда,
Чтобы стала разувать я тебя.
У тебя — у гады, ноги грязныя;
У меня — у млады, руки бѣлыя,
У меня — у млады, на рукахъ персти золотые.

2.

Кто-то меня утѣшить, бѣдную?
Утѣшить не утѣшить родной батюшка?
Его утѣшеньцо не вѣчное:
Не вѣкъ съ нимъ жить.
Кто меня утѣшить бѣдную?
Утѣшить—не утѣшить родна матушка
Ея утѣшеньцо не вѣчное,
Не вѣчное, полувѣчное:
Полвѣка съ ней жить.
Кто-то меня утѣшить бѣдную?
Утѣшить не утѣшить Иванъ господинъ
Его утѣшеньцо вѣчное,
Вѣчное, на вѣки вѣчное;
Вѣкъ съ нимъ жить.

3.

На горѣ-то стоитъ елочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ стоитъ столичокъ,
За столичкомъ стоитъ Аннушка.
Приходить къ ней батюшко;
Звалъ, звалъ Аннушку съ собой:
Ты пойдешъ, Аннушка со мной?
Я нейду, нейду батюшка, съ тобой:
Ночи темны, не мѣсячны,
Лѣса густы — караульщикова нѣтъ,
Рѣчки быстры — перевощика нѣтъ, —
Насъ съ тобой не проведуть.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ бесѣдушка,
На бесѣдушкѣ Аннушка,
Приходить къ ней Егорушко,
Звалъ, звалъ Аннушку съ собой:
Ты пойдешь, пойдешь Аннушка со мной.
Пойду, пойду Егорушко съ тобой.
Ночи свѣтлы, мѣсячны,
Лѣса рѣдки — караульщики есть, —
Рѣки тише — перевозчики есть, —
Насъ съ тобой перевезутъ;
На бѣлыхъ рукахъ перенесутъ.

134. **Второй** **разказъ** Никиты Сливаева. Изъ быта донскихъ казачковъ. *П. Соинъ. Московскій Вѣстникъ.* 11 и 28.

Въ этой статьѣ описана казацкая свадьба.

135. **Свадьбы** крестьянъ Малоярославецкаго уѣзда. *Толмачевъ. Калужскія Губ. Вѣд.* 20; 7 стр.

Тутъ же помѣщено нѣсколько свадебныхъ пѣсень.

136. **Свадебные обряды** крестьянъ великорусскихъ селеній Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи. *А. Николаевъ. Московскій Вѣстникъ.* 20; 5 стр.

Настоящая статья есть продолженіе статьи, напечатанной въ „Москвитянинѣ“, 1854 г. „О свадебныхъ обрядахъ Малороссіянъ Суджанскаго уѣзда“.

137. **О свадебныхъ обычаяхъ** поселянъ Брянскаго уѣзда. *Н. Успенскій. Орловскія Губ. Вѣд.* 25, 26, 28, 29 и 30; 26 стр.

Вотъ нѣкоторыя изъ свадебныхъ пѣсень:

1.

Летить черная галка низехонько,
Подлетаетъ ясень соколъ близехонько,
Оглянись черная галка на меня!

Отвернись ясень соколъ отъ меня,
Ищи себѣ такой галки, что меня:
Черенькой, хорошенькой, галочки.

Я всѣ боры и лѣса прилеталь,
Не нашель такой галки, какъ тебя!

Идетъ, идетъ Аннушка рѣзвенька,
За ней Васильюшка, близенько.
Оглянись, Аннушка на меня!

Отвернись, Васильюшка, отъ меня!
Ищи себѣ такой дѣвки, что меня,
Умненькой, хорошенькой, Аннушки!
Я воѣ города приѣзжалъ
Не нашель такой дѣвки, что тебя!

2.

Стой, стой, верба!
Стой развейся
И развернися!
Приѣхали къ вербѣ
Семьсотъ бояръ
Три четыре
Все верховые!
Стали вербу сѣчь, рубить,
Стали бояръ одарить
Всѣмъ боярамъ по вербѣ;
Всѣмъ боярамъ по часовни;
Одному дружку вербы нѣтъ,
Молодому не досталось.
Дружко боярамъ насѣялся;
Вы, бояре, хоть большіе
У васъ вербы часовыя;
У меня сваха молодая.
Молодая, веселая!

3.

Прилетѣлъ сизый голубь
Съ темного лѣсу:
Сизая моя голубушка!
Погуркай со мною.

Гдѣ мнѣ тебя, голубчика,
Посадите? будетъ!
Посажу я голубчика
Въ орѣховой клѣткѣ.

Чѣмъ мнѣ тебя, голубчика,
Накормити будетъ!
Накормлю я голубчика
Ярою пшеницею.

Чѣмъ мнѣ тебя, голубчика,
Напите будетъ!
Напою я голубчика
Холодною водицею.

Пріѣхаль Васильюшка
Съ чужой стороны:
Красная моя Аннушка!
Поговори со мною.

Гдѣ мнѣ Васильюшку
Посадите будетъ!
Посажу я голубчика
За тесовый столикъ.

Чѣмъ мнѣ тебя, голубчика,
Накормите будетъ!
Накормлю я Васильюшку
Мягкими калачиками.

Чѣмъ мнѣ голубчика
Напите будетъ!
Напою я Васильюшку
Сладкою сытицею.
Красная моя Аннушка!
Погутри со мною.

138. **Обряды крестьянъ** при свадьбахъ въ Пензенской губерніи.
П. *Феоктистовъ. Пензенскія Губ. Вѣд.* 4, 5, 6 и 7.

Пѣсни свадебныя:

1.

Ахъ вы соколы, соколы, соколы вы мои ясные!
Ужъ куда вы вечеръ летали?
Ужъ мы летали, летали мы съ моря на море.
Ахъ вы соколы, соколы, соколы вы мои ясные!
Ужъ и что же вы тамъ видали?
Ужъ мы видали, видали сѣру утку на западѣ.
Ахъ вы соколы, соколы, соколы вы мои ясные!

Ужъ и что же вы ее не взяли?
Ужъ хотя мы ее не взяли,
За то перья всѣ ей повыщепали.
Ахъ вы молодцы, молодцы, молодцы вы мои добрые!
Ужъ куда вы вечеръ ѣздили?
Ужъ мы ѣздили, ѣздили; мы изъ города во городъ.
Ахъ вы молодцы, молодцы, молодцы вы мои добрые!
Ужъ и что же вы тамъ видѣли?
Ужъ мы видѣли, видѣли красну дѣвицу во теремѣ.
Ахъ вы молодцы, молодцы, молодцы вы мои добрые!
Ужъ и что же вы ее не взяли?
Ужъ хотя мы не взяли,
По рукамъ мы съ ней ударили,
Быть же дѣлу—быть же свадьбѣ,
Быть же свадьбѣ—быть дѣвишничку,
Быть же дѣвичьему праздничку.

2.

Ахъ Наталья сонъ привидѣлся,
Свѣтъ Васильевнѣ привидѣлся:
Прилеталъ къ ней младъ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На золотую на причелинну.
Никому она не сказывала,
Дашь открыла родной матушкѣ,
Государыня матушка,
Свѣтъ Федосья Ивановна!
Ужъ и чтой то за сонъ мнѣ видѣлся?
Прилеталъ ко мнѣ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На золотую на причелинку.
Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое.
Свѣтъ Наталья Васильевна!
Прилучай къ себѣ ясна сокола,
Ясна сокола золотого,
Дорогаго молодца заѣзжаго,
Свѣтъ Матвѣя Натрикевича.

3.

У Варвары матушка
Не добра была, не ласкова,
Лишь была она привѣтлива:
Посылала свое дитятко,
Посылала свое милое,
Во зеленый боръ по ягодки,
Посылаючи наказывала:
Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое!
Выбирайко себѣ ягодку:
Изъ малины малинушку,
Изъ калины калинушку,
Изъ черной ягоды смороднику.
Государыня матушка,
Свѣтъ Ѳедора Панфиловна!
Ужъ я выбрала себѣ ягодку:
Изъ малины малинушку.
У Варварѣ матушка
Не добра была, не ласкова;
У Савельевнѣ привѣтлива.
Посылала свое дитятко,
Посылала свое милое,
Въ высокъ теремъ гостей смотрѣть.
Посылаючи наказывала:
Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое!
Выбирайка себѣ молодца:
Изъ князей себѣ князика,
Изъ бояръ себѣ боярина,
Изъ военныхъ военнаго,
Изъ приказныхъ приказаго,
Иль изъ чина посадскаго,
Изъ крестьянъ сына крестьянскаго.
Какъ идетъ ея дитятко,
Скору ноги подгибаются,
Бѣлы руки опускаются,
Ясны очи помутилися,
Горючи слезы катилися:

Я не выбрала матушка
Лучше сына посадскаго,
Свѣтъ Ивана Савельевича.

4.

Тонкое деревцо, свирельчатое —
Умное дитятко Митрофанушка,
Подходилъ къ городу онъ тучею,
Грянулъ громомъ къ высоко терему,
Самъ залеталъ въ окошечко яснымъ соколомъ,
Заставалъ Марью онъ одну въ терему,
Заставалъ Ивановну однихонько:
Что же ты, Марья душа, да одна въ терему?
Что же ты Ивановна однихонька?
Батюшка съ матушкой къ обѣдни пошли,
Меньшія сестрицы въ дѣсь по ягодки,
Съ сосѣдками ближними,
Съ красными дѣвушками.
Глупыя, неразумныя жилички и работнички,
Что мнѣ не дали знать, какъ Митрофанъ придетъ,
Что жъ не сказали мнѣ, какъ Семеновичъ былъ?
Не такъ бы я дѣвица убиралася,
Не такъ бы въ цвѣтно платьѣ наряжалася.

5.

Во горницѣ, во свѣтилицѣ два голубя на шкафѣ, два сизыхъ
на шкафѣ,
Они пьютъ и льютъ, во цымбалы бьютъ, въ гитару играютъ,
Варварушку, свѣтъ Павловну всегда забавляютъ.
Варварушка, свѣтъ Павловна, въ теремѣ гуляеть.
Убрана головушка разными цвѣтами,
Убраны ея рученьки разными перстнями.
Варварушка, свѣтъ Павловна! тебѣ матушка кличетъ.
Ахъ дѣвушки, голубушки, право не слыхала!
(Запѣваются опять всѣ перыне шесть стиховъ).
Варварушка, свѣтъ Павловна! тебѣ батюшка зоветъ!
Ахъ дѣвушки, голубушки, право не слыхала!
(Запѣваются тѣмъ же порядкомъ, какъ выше).

Варварушка, свѣтъ Павловна! тебя Титъ кличетъ Савельевичъ!
Ахъ дѣвушки, голубушки, сама я слыхала!

6.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка; 2
Во свѣтелочкѣ Анисья сидитъ.
Приходитъ къ ней родной батюшка,
Онъ и звалъ ее съ собою идти.
Ты пойдемъ, пойдемъ Анисья со мной:
Ночь свѣтла, свѣтла и мѣсячна,
Рѣчка глубока, — переходъ на ней есть.
Я неѣду, неѣду — не слушаюсь тебя!
Ночь темна, темна, не мѣсячна;
Рѣчка быстра — переходу на ней нѣтъ.

(Повторяется съ начала и продолжается далѣе такъ):

Приходилъ къ ней Степанъ господня,
Онъ и звалъ ее съ собою идти:
Ты пойдемъ, пойдемъ Анисья со мной!
Ночь темна, темна — не мѣсячна,
Рѣчка глубока, переходу на ней нѣтъ;
Во сырѣмъ бору дорожки не знать.
Я иду, иду — послушаюсь тебя:
Ночь свѣтла, свѣтла мѣсячна,
Рѣчка быстра, переходъ на ней есть,
Во сырѣмъ бору дорожка видна.

7.

Какъ у сокола, какъ у яснаго
Болятъ крылушки 2.
Нельзя соколу, нельзя ясному
По садамъ летать 2.
Не одинъ леталь, съ канарейками,
Мелкими пташками 2.
У (имя жениха) свѣтъ (отчество)
Голова болитъ 2.
Голова болитъ, платкомъ связана
Платкомъ связана 2.

Не простымъ платкомъ
Гарнитуровымъ 2.
Изъ платка кудри, изъ платка русы
Завиваются 2.
Пересыпались они въ три ряда,
А въ четвертый рядъ 2.
По плечамъ лежать — словно жаръ горять
Словно жаръ горять 2.
А на шеюшкѣ, а на шеюшкѣ
Платокъ розовый, 2.
Жилеть штучковой.
Во правой рукѣ 2.
Трость серебряна, съ алой лентою
Съ этой тросточкой 2.
Онъ въ Москвѣ гулялъ и по Питеру
Не одинъ гулялъ 2.
Съ генералами, съ сенаторами
Господа въ Москвѣ 2.
Вздивовались, изумилися
Что за дитятко 2.
Что за милое уродилося?
Не бѣла ль заря 2.
Его родила, его родила?
Иль святель мѣсяцъ 2.
Вспойль, вскормилъ; воспойль, вскормилъ?
Не часты ль звѣзды 2.
Возлѣбляли, возлѣбляли?
Ахъ вы глупые, перазумные
Господа въ Москвѣ!
Нась породила родна матушка,
Вспойль, вскормилъ родной батюшка,
Возлѣбляли няньки, мамушки —
Няньки мамушки — сѣбныя дѣвушки.

Пѣсня на разлуку съ подручiami.

8.

Изъ — за лѣсу, — лѣсу темнаго,
Мимо садину зеленаго,
Легать стадо лебединое,
А другое стадо гусиное.

Отставала лебедушка
Прочь от стада лебединого;
Приставала лебедушка
Ко тому ль стаду гусиному.
Не умѣть лебедушка,
По гусиному клнкатн,
Ее стали гуси щипати,
А лебедушка кричатн:
Не щиплите гуси сѣрме,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодую.
Отставала (имя невѣсты)
Отставала (отчество).
Отъ подругъ красныхъ дѣвушскъ;
Приставала (имя)
Приставала (отчество)
Къ молодымъ молодушкамъ.
Не умѣть (имя невѣсты)
На головушкѣ справитн,
Ее стали бабы журитн,
А (отчество невѣсты) плакатн:
Не журите, бабы старма. —
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Не своей охотою:
Завезли меня добры кони
Что добры кони (имя жениха),
Что (имя, отчество жениха).

Нѣсти пласовыя :

9.

У нашего господина
Разыгралася скотина,
И коровы и быжи
Разиннули кадыки.
Овечушка ялова
По рѣчушкѣ плавала,
Увидала старова:
Сидитъ старый на дубу,
Гветъ черешхову дугу,
Дуга лопнула

Сердце дрогнуло.
Ужь ты, дядюшка Тарасъ,
Не доѣхалъ ты до насъ:
Твоя сестра
На горѣ росла,
Быковъ пасла;
Быки пестреньки,
Рога востреньки.
Ужь вы дѣвки татарки
Взяли бѣ въ руки по палкѣ.
Ударили бѣ въ доску,
Поѣхали бѣ въ Москву,
Купили бѣ коровку,
Коровка то съ кошку,
А удой то съ ложку.

10.

Ужь ты Танюшка, Таня,
Чѣмъ талантлива была?
Ты таланъ ли мой таланъ
Таланъ дѣвичій обманъ!
Не успѣла обмануть,
Растегала бѣлу грудь.
Господа вы комиссары,
Не видали ль нашей Тани?
Мы видать-то не видали,
Одинъ голосъ лишь слыхали:
Что на мельницѣ въ амбарѣ,
Тамъ на пыли, на мукѣ.
У молодца на рукѣ.
Три дня хату не топала
Много сору накопила.
Пойду я ко дядюшкѣ,
 Попрошу лошадушки:
Родимой мой дядюшка,
Пожалуй лошадушки!
Родная племянница!
У насъ такъ не водится,
Соръ возомъ не копиться,

У насъ такъ ведется,
Днемъ изба метется,
Что жъ мнѣ дѣлать дядюшка,
Что нечиста хатушка?
Живутъ шорнички,
Да сапожнички,
Чумазые — кузнецы,
Удалые молодцы,
Еще плотнички
Безтопорнички,
Днемъ работу работаютъ,
Ночь по дѣвушкамъ гуляютъ.

139. **Обряды бракосочетанія** между крестьянами Шадринскаго уѣзда. *И. Кожинъ. Пермскія Губ. Вѣд.* 26.

140. **О свадебныхъ обрядахъ** г. Чердыни. Ст. Я—П — аю. Дополненіе къ статьѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, помѣщенной въ 1-й кн. Пермскаго Сборника. *Пермскій Сборникъ.* 2; стр. 132—161.

Содержаніе: 39 свадебныхъ пѣсенъ. Въ текстѣ помѣщенъ рисунокъ, изображающій уборъ чердынской невесты, во время дѣвишника.

141. **Свадебные обряды** крестьянъ Кузнецкаго уѣзда. *Томскія Губ. Вѣд.* 2 и 3; 9 стр.

Помѣщаемъ здѣсь нѣкоторые изъ пѣсенъ:

1.

Сѣмена наши сѣмена,
Сѣмена наши сахарныя!
Немного васъ посѣяли,
Васъ много уродилось:
По всему полю чистому,
По раздольцу широкому,
До Кіева до города,
До высокаго терема,
Во кутѣ, за занавѣсой,
Супротивъ печи, на лавочкѣ,
Подъ окошечкомъ косящетымъ,
Растужится, расплачется
Тутъ красная дѣвица,
(Имя и отчество)
По своей, она по русой косѣ,

По своей дѣвней красотѣ,
Доселева тебя косынка,
Доселева тебя, русая,
Родна матушка чесывала,
Родна сестрица плетывала,
Въ овсенишно межко зернышко
Во овсяно бѣлоярово.
Теперича, моя косынка,
Разшибли тебя на двое.
Заплетутъ двѣ русы косы,
Обовьютъ кругъ буйной головы,
Стану, молодешенька
По утру вставать решешелько
Выйду я на красно крыльцо,
Погляжу я во всѣ четыре стороны,
Ударюсь объ мать — сыру землю.

2.

Бѣдиль, ли побѣдиль (имя) сударь
Ужъ онъ бѣдиль — побѣдиль девять городовъ
Ко десятому городу приступалъ,
Приступать къ нему сталъ
Ужъ онъ завидѣлъ (имя) одну въ терему,
Завидѣлъ (отчество) одну въ высокнѣ,
Онъ сталъ (имя) спрашивать
Сталъ онъ ее выпытывать;
Кто у тебя (имя) иль въ роднѣ?
— У меня въ роднѣ батюшка
Напаче того родима матушка.
— Эй ты, (или) не приада твоя.
Эй ты (имя) не истина твоя
— У меня въ роднѣ (имя) женика
Напаче того (отчество его).
— Это, (имя невесты), правда твоя
Это истина твоя.

3.

Меня батюшка не любитъ,
Отдастъ меня замужъ.
Зарекся мой батюшка,

Вѣчно въ гости не бывати
На глаза меня не принимати.
Я горе — бѣдня
Въ три годочка стосковалась,
Въ три минуты сторѣвалась,
 Попрошу я, горе — бѣдная,
 У ласточки крыльевъ,
 У соловьюшки голосочку,
 У кукушечки жалобочку;
 Полечу я, горе — бѣдная,
 На свою родимую сторонку,
 Сяду я, горе — бѣдная,
 Къ батюшкѣ на ворота.
 Ужъ какъ братилка вышелъ,
 Тугой лукъ натягаетъ,
 Застрѣлить меня хочетъ:
 Ужъ какъ другой-то братъ вышелъ,
 Тужбе того натягаетъ,
 Ужъ какъ батюшка вышелъ,
 Стойте, дѣти не стрѣляйте,
 Не мое ли дитя плачетъ,
 Не мое ли возрыдаетъ,
 Не мое ли дитя милое,
 Не ваша ли сестра родимая,
 Ласточка косатая,
 Перепелочка крылатая!
 Зачѣмъ рано вылетывала,
 Изъ своего тепла глѣздышка?
 — Не сама собой вылетывала,
 Выживаетъ младъ — ясенъ соколъ
 Изъ своего тепла глѣздышка.
 — Свѣтъ же наша (ниа нев.),
 Свѣтъ наша (отчество).
 Зачѣмъ рано замужъ пошла
 Изъ своего тепла глѣздышка
 Въ любо мѣстечко.

142. Свадебные обычаи При-Аргунцевъ. *Н. Каминъ. Вѣстникъ*
Имп. Руск. Географ. Общества. 12; стр. 147—182.

143. Письмо къ редактору. *Смирновъ. Московскія Вѣдомости.* 34; $\frac{1}{2}$ ст.

О нелѣпныхъ обычаяхъ, встрѣчающихся, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на другой день свадьбы.

144. Свадебная пѣсня. *Б. Кляоскиій. Мода.* 17.
145. О похоронахъ въ Подольской губерніи. *К. Шейковский. Киевскій Телеграфъ.* 24—26.

Содержаніе: 1) приѣты, предвѣщающія смерть; 2) обряды при копаніи; 3) обряды, слѣдующіе послѣ смерти; 4) обряды, совершаемые въ честь покойниковъ, нѣкоторыя повѣрья и представленія о загробной жизни; 5) пословицы и поговорки, относящіяся къ похоронамъ. Статья эта вошла въ составъ соч. „Бытъ Подолянъ“. Киевъ, т. 1-й, вып. 2; стр. 1—55.

146. Погребальные обряды въ Житомирскомъ уѣздѣ Волынской губерніи. *Волынскія Губ. Вѣд.* 29—32.

3. ПРАЗДНИКИ, ИГРИЩА И НАРОДНЫЯ ГУЛЯНЬЯ.

147. Коляда и таусень въ Мелеенковскомъ уѣздѣ Владим. губ. *В. Гребнеръ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 8; 2 стр.

Коляда и таусень — старинный обычай, накануне Нового года ходить водъ окошки и пѣть пѣсни.

148. Коляда въ Судогодскомъ уѣздѣ. *В. фонъ-Гребнеръ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 27.
149. Слѣды исторической мысли въ жеребьяхъ дѣтскихъ игръ Вологодской губ. (Гипотеза не безъ вѣроятности). *В. Поповъ. Вологодскія Губ. Вѣд.* 49; 3 стр.
150. Крестьянскія игрища въ Котельническомъ уѣздѣ. *Вятскія Губ. Вѣд.* 7 и 9.

Въ этой статьѣ помѣщено нѣсколько пѣсней.

- *151. Рождество Христово. Повѣствованіе о томъ, какъ Москвичи встрѣчаютъ этотъ праздникъ, а равно и Новый годъ. Сост. *Н. П. Прот . . . повъ.* Москва. Въ тип. А. Семена. 1860. Въ 12-ю д. л. 88 стр.
152. Первое Мая въ Сокольникахъ. *Иллюстраціи.* 123.
153. Петербургскія загородныя гулянья и танцы въ среднемъ кругу. *И. Соколовъ. Сынъ Отечества.* 23; 4 стр.
154. Ржевскій карнавалъ. *Посторонній челонокъ. Московскія Вѣд.* 47; 1 ст.

Описаніе довольно страннаго обычая, въ Ржевѣ, во время

ярмарки, начинающейся съ субботы первой недѣли Великаго поста. Молодые парни и дѣвки запасаются горохомъ и идутъ на мѣсто ярмарки и тамъ упражняются киданіемъ другъ въ друга горошинъ. Авторъ возстаеъ противъ этого обычая.

155. **Канунъ Иванова дня.** А. Алексѣевъ. *Саратовскія Губ.* Вѣд. 15; 2 стр.

156. **Кулачные бои въ Саратовѣ.** А. Андреевъ. *Саратовскія Губ.* Вѣд. 12; 2 стр.

157. **Вербное Воскресенье въ старицу.** *Полтавскія Губ.* Вѣд. 12; 6 стр.

Статья г. Забѣлина, заимствованная изъ „Москвитянина“ 1850 г.

158. **О празднованіи Новаго года.** Археологическій очеркъ. А. X—въ. *Православное Обозрѣніе.* 1; стр. 47—68.

Материалами служили: сочиненія древнихъ отцевъ и писателей церковныхъ: археологическіе словари и сборники (Дюканжа, Мартеня), изслѣдованія новѣйшихъ археологовъ: Августа, Биттерима и историковъ Неандера и Беньо.

159. **Вертепъ.** Н. Щукинъ. *Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общества.* 8; стр. 25—35.

Вертепъ—это ручной театръ, на которомъ въ Иркутскѣ представляютъ мальчики, куклами, событія изъ времени Рождества Христова. Въ этой же статьѣ, въ началѣ, описанъ довольно странный обычай славить Христа по-латынѣ въ Иркутскѣ и по-гречески въ Якутскѣ.

160. **Изъ путевыхъ замѣтокъ.** Статья В. Амура. 22; 5 стр.

Содержаніе: Деревенскій праздникъ въ селѣ Покровскомъ. Старинная пѣсня. Деревня Петрова.

4. ПРДАНЫА, ПОВѢРЬА, ПРЕДРАЗСУДКИ, РЕЛИГІОЗНЫА ВѢРОВАНІА, МИМОЛОГІА И ДЕМОНОЛОГІА, КАКЪ СОБСТВЕННО РУССКНХЪ, ТАКЪ И ИНОРОДЦЕВЪ, ОБИТАЮЩИХЪ ВЪ РУССІИ.

*161. **Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія.** Дм. Щенкинъ. Вып. 1-й. Москва, тип. В. Грачева и Ко. 1859, Въ 8-ю д. л., XX и 134 стр.

Основная мысль этого сочиненія есть, по выраженію

автора, „рѣшеніе общей исторической задачи мѣа въ частныхъ границахъ русской басни“. Содержаніе перваго выпуска представляетъ, въ главныхъ чертахъ, новый взглядъ на существо мѣа, опредѣляетъ источники и средства его образованія и раскрываетъ, въ осязательныхъ примѣрахъ, живую связь русскаго баснословія съ исторіей отечественнаго слова.

Разборы этого сочиненія были помѣщены: 1) въ „Семейномъ Кругѣ“ 48; 2) въ Московскомъ Курьерѣ 14 и 17; 3) въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 55.

162. **О происхожденіи мѣа.** А. Н. Аванасьева. *Московскія Вѣд.* 55; 4 ст.

По поводу соч. г. Щепкина „Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія“.

163. **Коляда.** С. Мухоморовъ. *Виленьскій Вѣстникъ.* 37.

Выписка изъ книги: *Glossarium mediæ et infirmæ latinæ*, etc. *Discantæ*, которою доказывается ошибочность мнѣній многихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Шафарика, что коляда есть Славянское божество.

164. **Разсказъ о Лисунѣ,** (записанъ М. Исаенко, въ Батуринѣ). *Черкизовскія Губ. Вѣд.* 28.

165. **Вечеръ подъ хатою сосѣда.** И. Федоровичъ. *Саратовскія Губ. Вѣд.* 9; 2 стр.

Разсказъ о вѣдьмахъ, записанъ со словъ, въ селѣ Квасниковкѣ, за Волгой.

166. **Замѣтки о повѣрьяхъ Малороссіи Суджанскаго уѣзда.** Статья Н. *Производитель и Промышленникъ.* 12.

О домовомъ, вѣдьмѣ, вѣдюкѣ, упырѣ, ховалѣ, марѣ, вовколаки, лѣшемъ и русалкѣ.

167. **Нѣсколько словъ о ворожбѣ и гаданіяхъ.** П. Ильинскій. *Душеполезное Чтеніе.* 12; стр. 450—476.

168. **Для исторіи ложныхъ книгъ.** (Трепетникъ. — Дни добрые и злые.—Рафли). А. Н. Пынинъ. *Архивъ Н. Калачова.* 1860. 2; стр. 15—27.

Всѣ эти ложныя книги, заглавія которыхъ приведены выше, очень важны для исторіи суевѣрій и предрасудковъ прежняго времени. Такъ „Трепетникъ“ принадлежитъ къ

гадательнымъ книгамъ, которыя въ старину строго запрещались. Она рассказываетъ о значеніи примѣтъ, исключительно тѣхъ, когда у человѣка трепещетъ какая нибудь часть тѣла. Заглавіе 2-й книги само говоритъ о ея содержаніи. Наконецъ „Рафли“ было тоже что-то въ родѣ гадательныхъ книжекъ, употребляемыхъ при игрѣ въ кости.

169. **О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ обычаевъ, соединенныхъ, въ православной церкви, съ празднованіемъ Св. Пасхи.** *Θ. Лебединцевъ. Руководство для сельскихъ пастырей.* 6; 17 стр.
170. **О суевѣріяхъ, встрѣчаемыхъ на праздникѣ Рождества Христова въ Кіев. уѣздѣ.** *Вас. Сикачинскій. Кіевскія Губ. Вѣд.* 30.
171. **Мѣстный обычай въ г. Бѣлгородѣ въ праздникѣ Пятдесятницы.** *Руководство для сельск. пастырей.* 14; 5 стр.

Обычай этотъ заключается въ томъ, что женщину переодеваютъ въ безобразный мужской костюмъ, а мужчину въ женскій и такимъ образомъ водятъ три дня по городу съ пѣснями и плясками. Обычай этотъ и совершеніе его называются *нѣмчиками*.

172. **Обычай въ праздникѣ Пятдесятницы украшать храмы и дома цвѣтами и деревьями.** *В. Н—въ. Душеполезное Чтеніе.* 5; стр. 47—53.
173. **Этнографическая замѣтка.** *В. Борисовъ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 12.

Авторъ описываетъ обычай, существующій въ г. Шуѣ, посылать тайно съ милостыней, состоящею изъ денегъ или восковыхъ свѣчей, избраннаго человѣка, по случаю чьей либо болѣзни, съ тою цѣлью, что тотъ, кто найдетъ у себя милостыню, помолится за болящаго.

174. **Дополненіе къ предвѣдущей статьѣ.** *Гундобинъ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 16.
175. **Куричья братчина или троецыпятница.** *Вятскія Губ. Вѣд.* 31 и 32.

Подъ этимъ названіемъ въ Вятской губерніи существуетъ обычай, по которому крестьянинъ, послѣ какихъ либо домашнихъ несчастій, даетъ обѣтъ справить куричью братчину, родъ семейнаго праздника, въ которомъ курацы, особенно высидѣвшія трижды цыплятъ, играютъ важную роль.

176. **Замѣтки о нѣкоторыхъ неправильныхъ религіозныхъ понятіяхъ и предрасудкахъ простого народа.** *М. Чечена. Херсонскія Епарх. Вѣд.* 1, 2 и 9; стр. 31—36, 82—86 и 587—598.

177. **О народномъ суевѣрїи и вліяніи его на жизнь.** *Селюч. К. Божковскій.* 2; стр. 45—98.

Сочиненіе г. Божковского раздѣляется на 4 отдѣла: 1) Указаніе главнымъ источникамъ суевѣрїи и причины, поддерживающія его въ народѣ. 2) Описаніе суевѣрїи съ многоразличными повѣрїями. 3) Изображеніе вліянія суевѣрїи на жизнь; тѣ печальныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ суевѣрїа. 4) Указаніе на средства къ искорененію суевѣрїа въ нашемъ народѣ.

178. **Источники суевѣрїи, причины, поддерживающія его, и пр.** *Божковскій. Полтавскія Губ. Вѣд.* 26 и 27; 10 стр.

179. **Средство противъ суевѣрїй и предрасудковъ народа, относительно лица священника.** *Руководство для сельскихъ пастырей.* 42; 12 стр.

180. **Слово о суевѣрїи.** *Руководство для сельскихъ пастырей.* 10; 8 стр.

Сокращенно переложено изъ „Вечери духовной“, сочин. іеромон. Симеономъ Полоцкимъ, умершимъ въ 1682.

181. **Остатки язычества въ нашемъ простомъ народѣ.** Статья *К. Д. Руководство для сельскихъ пастырей.* 41; стр. 132—155.

Остатки въ народѣ демонологіи: 1) Вѣрованіе въ домовыхъ. 2) Вѣрованіе въ существованіе русалокъ. 3) Вѣрованіе въ существованіе водяныхъ и дѣвчатъ. 4) Вѣрованіе въ существованіе кикиморъ и огненныхъ змѣй.

182. **Матеріалы для исторїи простонародныхъ суевѣрїй.** *Современникъ.* 6; стр. 193—216.

Составлено по соч.: 1) Объ Антихристѣ, противъ раскольниковъ, соч. Нильскаго; 1859 г. 2) *Le raskol. Essai historique sur les sectes religieuses en Russie.* P. 1859.

183. **Невѣжество и суевѣрїа простого народа, относительно скота (въ статьѣ: Скотоводство Тверской губ.).** *Тверскія Губ. Вѣд.* 46; 5 стр.

184. **Батуринъ.** Мѣстечко Черниговской Губ. *М. Исаянко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 1, 8, 9, 11, 12, 14, 15—19 и 22.

Содержаніе: 1) Исторія. 2) Этнографія (Предрасудки и суевѣрїа. Образцы мѣстнаго нарѣчія. Народныя пѣсни, поговорки и поговорки), 3) Статистика.

185. **Кометы и суевѣрные преданія объ нихъ.** *Иллюстрированный Семейный Листок.* 57—58; 1 стр.

186. **Воспоминаніе о кометѣ 1858 г.** Взглядъ на нихъ простаго народа. *В. Арсеевъ. Пермскія Губ. Вѣд.* 33.

187. **Кликуши.** *А. Клементовскій. Московская Медич. Газета.* 25—27; 10 ст.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 1860. № 251 и 2) въ газетѣ Наше Время, 1860. 37; ст. *Прыжова.*

188. **Иванъ Яковличъ, лже-пророкъ.** *Прыжовъ. Наше Время.* 34; 4 стр.

189. **Что такое Иванъ Яковлевичъ?** *Кн. Н. Голуцкій. Наше Время.* 28; 2 стр.

Разборы кн. г. Прыжова помѣщены: I) въ Современникѣ 1861. 2. II) Въ Русскомъ Словѣ, 1861. 2. III) Въ Свѣточѣ, 1860. 3.

190. **Мѣстные народныя заговариванья отъ червей у скота.** *Записки Юрьевскаго Общ. Сельскаго Хозяйства,* выпускъ II; 1 стр.

Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ.

На морѣ на окіянь, на островѣ на буйанѣ, тутъ лежалъ бѣлый камень. На этомъ камнѣ сидятъ змѣя скоропея: „Эй же ты змѣя скоропея, я пришелъ къ тебѣ съ нуждою“. Съ какою? „Найти ту змѣю, коя укусила раба Божія (нѣма рекъ или такую-то скотину)“. — Я, говоритъ, не пойду. „А я тебя громомъ убью“. — Я отъ грома спрячусь въ землю. „А я насыплю тебѣ въ уши лютаго зелья. „И пошла змѣя скоропея по чистымъ полямъ и по шелковымъ травамъ, по пнямъ, по изгородямъ и по гнилымъ колодамъ и по дрягамъ, — и нашла ту змѣю, коя укусила раба Божія, и говоритъ ей: „вынь изъ этого раба три жапа, чтобъ не болѣло и не пухло и не лопило. Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь“. (Наговариваютъ на хлѣбъ, которымъ трутъ большое мѣсто).

Отъ притки.

Во имя Отца и Сына Св. Духа. Отговариваю притку — денную, ночную, встрѣшну, поперешну, полуденну, полуношну, водяную, нутряную, часовую, получасовую. Не я притку отговариваю, — отговариваетъ притку Михаилъ архангелъ, Гавріиль архангелъ, Николай чудотворецъ, и вся отговариваетъ небесная колесница. Отсылаю притку на море на окіянь, на островъ на Буйанѣ, на бѣлый камень *Латарь*: тамъ принимаютъ притку 77 молодцовъ, одианъ молодецъ (сказать трижды); запираетъ притку въ 77 замковъ, въ 77 ключевъ (трижды); отсылаютъ притку въ окіянь море, въ бѣлу рыбицу: тамъ тебѣ притка жить хорошо, привольно... Вамъ цвѣтамъ не разцвѣтатъ; тебѣ притка на мою смерть не отругать. Небо и земля ключъ! Аминь.

191. **О народный медицинъ Южно-Руссовъ.** *Ств. Нов. Москов. ская Медицинская Газета.* 5, 6 и 11.

192. **Домашнія средства, употребляемыя жителями при-Аргунскаго края при леченіи болѣзней, и народные врачя при-Аргунцевъ.** *Н. Кашицъ. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества.* 11; стр. 121—145.

Содержаніе: 1) Лекарства растительныя. 2) Лекарства минеральныя. 3) Народныя акушерства и хирургія. 4) Народныя врачя-знахари и вообще суевѣрное леченіе болѣзней.

193. **Заговоръ отъ грыжи.** Сообщилъ *В. И. Ламанскій.* *Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества.* 11; 1 стр.

194. **Понятія алтайскихъ инородцевъ о душѣ.** *В. Вербитскій. Томскія Губ. Вѣд.* 5; 3 стр.

195. **Кончини вѣка по преданіямъ алтайскихъ народовъ.** *В. Вербицкій. Томскія Губ. Вѣд.* 30; 3 стр.

Признаки кончины вѣка, по преданіямъ: 1) Кузнецкихъ Алеутовъ и 2) Алтайцевъ.

196. **Черемисскія вѣрованія.** *Вятскія Губ. Вѣд.* 27; 4 стр.

Всѣ некрещеные Черемисы до настоящаго времени вѣрують такъ:

Богъ единъ, но люди вѣрують различно, такъ что каждый народъ имѣеть свою вѣру, подобно какъ каждое дерево въ лѣсу имѣеть свои листья и цвѣты. Всѣхъ вѣръ на землѣ семьдесятъ семь, потому что люди говорятъ семью-десятью семью языками.

Вѣры всѣ угодны Богу, потому что онъ самъ далъ каждому народу свою вѣру, перемѣна которой есть такое преступленіе, которое не останется безъ наказанія.

Изъ обитающихъ на землѣ народовъ, Черемисы должны поклоняться благому существу — Юма-ланъ и злому — Кереметь-ланъ.

Юма сотворилъ міръ и человѣка и управляетъ вселенною, поэтому онъ Чила-кучуша (Вседержитель), котораго христіане называютъ ветхимъ-денни, отъ Юма (сѣдой). У него есть своя семья, каждый членъ которой устроетъ по волѣ Юмы, счастье Черемисъ. Члены эти: Юмонъ-аба (мать Юмы); отъ нея зависятъ продолженіе жизни человѣческой; Младе-аба (земная мать), управляющая землею; Кюдуртуше-юмо, хранящій черемисскую скотину; Тюнянь-юмо (небесный богъ),

пращающій небесами, и, наконецъ Шочмашъ-аба, (мать рожденія), отъ которой зависить плодъ черемисскихъ супруговъ и размноженіе ихъ домашней скотины. Юмо и каждый членъ его семьи имѣютъ у себя по благому духу, которые производятъ пищу для Черемисъ и ихъ домашней скотины, и по докладчику, обязанность которыхъ состоитъ въ возвѣщеніи Черемисамъ потребностей и желаній. Кереметь также вѣченъ (собезначалець) Юмъ, только меньшій братъ его; онъ при сотвореніи н человѣка захотѣлъ дѣлать тоже, что дѣлалъ старшій братъ, но не будучи равенъ силами, онъ только искажалъ его творенія. Когда Юмо захотѣлъ сотворить сушу и велѣлъ Керемету, плававшему по водѣ въ видѣ селезни, достать изъ подъ воды земли, то онъ, исполнивши приказаніе брата, отдалъ ему не всю землю, бывшую у Керемета во рту, а на поданную Юмъ землю онъ дунулъ, и она тотчасъ же покрыла воды; остальную землю Кереметь выбросилъ изо рта, и она образовала горы. Сотворивъ тѣло человѣка, Юмо пошелъ въ другое мѣсто, чтобы сотворить душу, а чтобы Кереметь не надсмѣялся надъ его твореніемъ, онъ приставилъ ее къ тѣлу пса, который былъ сотворенъ сначала безъ шерсти. По уходѣ брата, Кереметь явился предъ тѣломъ и произвелъ такой холодъ по всему свѣту, что песь едва не замерзъ, что возбудило въ Кереметѣ сожалѣніе, и онъ далъ псу шерсть. Въ благодарность за это: песь подпустилъ этотъ холодъ къ тѣлу человѣка, а Кереметь изъ зависти это тѣло охаркалъ и тѣмъ положилъ въ немъ зародышъ всѣхъ болѣзней.

5. ПРОСТОНАРодНЫЯ СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ, ПѢСНИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ.

197. Народныя преданія Олонед. губ. *К. Петровъ. Олонескія Губ.*
Взд. 1, 2 и 27; 6 стр.
1) Панское озеро. 2) Лодка съ клескомъ. 3) Бочка съ золотомъ. 4) Коровы.
198. Древнѣйшія эпическія преданія славянскихъ племенъ.
Ө. Буслеевъ. Русское Слово. 10; стр. 246—269.

- *199. **Памятники** старинной русской литературы, издав. Гр. *Гри. Кушелевым-Безбородко*, под редакцію *Н. Н. Костомарова*. Сказанія, легенды, повѣсти, сказки и притчи. Вып. I и II. Спб. 1860. г. Въ тип. П. Кулиша. Въ б. 4-ю д. л. 303 и 483 стр. Приложение при журналѣ „*Русское Слово*“.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) Въ „*Извѣстіяхъ* Имп. Ак. Наукъ“; томъ IX, вып. 3. 2) Въ „*Современникѣ*“, 11. 3) Въ „Спб. Вѣд.“ 233.

- *200. **Историческіе очерки** русской народной словесности и искусства. Соч. *Θ. Буслаева*. Т. I и II. Русская народная поэзія и древне-русская народная литература и искусство. Спб. Въ тип. Товарищ. „Общ. польза“. 1861. Въ 4-ю д. л. II, III, 643 и 429 стр. Ц. 7 р.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) Въ „*Современникѣ*“ 12; стр. 222—305. 2) Въ „*Отечественныхъ Запискахъ*“ 12. 3) Въ „*Русскомъ Словѣ*“. 1861. 2, 3 и 4. 4) Въ журналѣ „*Время*“ 1861. 4. 5) Въ „*Современникѣ*“ 1861. 1. Ст. *А. Пыпина*. 6) Въ Журналѣ „*Мин. Нар. Просвѣщенія*“. 1861. 5. Ст. *В. Водовозова* и 7) въ Библ. для Чтенія 1861, 7.

201. **Деревенскія преданія**. *Криницкій Московскій Вѣстникъ*. 33; 4 стр.
202. **Преданія** о временахъ Пугачева. *Николаевъ. Саратовскія Губ. Вѣд.* 25.
203. **Преданія** о временахъ Пугачева. *Г. Сапожниковъ, А. Николаевъ, Алексѣевъ* и —скій. *Саратовскія Губ. Вѣд.* 5, 6, и 14.
204. **Изъ воспоминаній** прошедшаго. *Саратовскія Губ. Вѣд.* 22 и 23.

Въ 1-й ст. говорится о первой холерѣ въ Саратовѣ, во 2-й — о татарскихъ монетахъ, находимыхъ въ курганахъ, на берегу Волги и преданіе о нѣкоемъ ханѣ Сарториусѣ, отъ котораго, будто бы, Саратовъ получилъ свое названіе.

205. **Чихонастовскій курганъ**. *Андреевъ. Саратовскія Губ. Вѣд.* 8.
Въ этой статейкѣ рассказано одно преданіе.
206. **Ратовъ наволокъ**. *Г. Заринскій. Архангельскія Губ. Вѣд.* 45; 2 стр.

Такъ называется приходъ, лежащій при р. Ваймугѣ. текущей въ р. Емцу. Въ этой статьѣ рассказывается преданіе о нападеніи Новгородцевъ на мѣстную Чудь или Лопь, въ XIV столѣтіи.

207. **Крестнозеро** (Лодейнопольскаго уѣзда, въ Гонгинскомъ погостѣ). *Н. Тихоміровъ. Олонецкія Губ. Вѣд.* 48; 2 стр.
Здѣсь описано преданіе о происхожденіи этого озера.
208. **Озеро Святязь**. *М. Дмитріевъ. Выленскій Вѣстникъ.* 41.
8 — $\frac{1}{2}$ ст.
Озеро Святязь, воспѣтое Мицкевичемъ, лежитъ въ 3-хъ миляхъ отъ города Новогрудка, по такъ называемому Валевскому тракту. Въ настоящей статьѣ это озеро разсматривается съ поэтической стороны преданія и исторіи.
209. **Брянскія преданія**. *Д. Карловичъ. Оберточный Листокъ.* 26, 27, 31 и 32; 10 стр.
210. **Кумъ** (народное повѣріе). *Ев. Писаревъ. Вологодскія Губ. Вѣд.* 1859. 33; 4 стр.
211. **Крещатый дубъ**. Преданіе. *М. Исаенко. Черниовскія Губ. Вѣд.* 38.
212. **Преданія о владахъ**. Матеріалы для исторіи новгородскаго края. *Ф. Воропоновъ. Одесскій Вѣстникъ.* 107.
213. **Разказы о владахъ**. *М. Исаенко. Черниовскія Губ. Вѣд.* 51.
214. **Разборъ сочиненія: „Народныя русскія легенды“**. *Отечественныя Записки.* 4; 1 стр.
215. **Легенда про нѣкоего Варсонофія, да про нѣкоего старца-странника благочестиваго**. Стих. *В. Крестовскаго. Смысл Отечества.* 36.
216. **Изъ могильныхъ преданій**. Легенда о кровосѣителѣ. *Н. Костомаровъ. Современникъ.* 3; стр. 209—218.
Преданіе объ одномъ человѣкѣ, убившемъ своего отца и свѣсившемся съ своею родною матерью.
217. **Черноморская легенда**. *Е. Сталинскій. Кавказъ.* 65 и 66; 20 — $\frac{1}{2}$ ст.
218. **Притча о нуждѣ и лихоимствѣ**. *Развлеченіе.* 34; 2 стр.
Записано со словъ старушки О. П. Крюковой.
219. **Воронья богиня**. Грузинская легенда. *Н. Дункель-Великъ. Кавказъ.* 34; 6 — $\frac{1}{2}$ ст.
220. **Погане поле**. Легенда. (Стих.) *П. К—ко. Черниовскія Губ. Вѣд.* 29.
Урочище „Погане поле“ находится на границѣ Нѣжинскаго и Козелецкаго уѣздовъ.

221. **Легенды и повѣрья** украинскаго народа. А. *Новосельскій*. *Кіевскій Телеграфъ*. 75—77.
222. **Русскія пѣсни** изъ собранія П. И. Якушкина. *Отечественныя Записки*. 4, 5, 6, 7, 10 и 12; стр. 1—106—154—186—228—260—288.
Лирическія пѣсни, обрядовыя пѣсни: а) свадебныя, б) величальныя, в) хороводныя. Эти же пѣсни были отпечатаны отдѣльными книгами. Спб. въ тип. Глазунова. 1860. Въ 8-ю д. л.
223. **Русскія народныя пѣсни**, съ ихъ поэтической и музыкальной стороны. (По поводу собранія П. И. Якушкина, напечат. въ 4-мъ № Отеч. Зап.). *Отечественныя Записки*. 4 и 5; стр. 445—478 и 241—262.
По поводу собранія пѣсенъ г. Якушкина, въ этой статьѣ выписываются и разбираются пѣсни изъ сборника г. Сахарова, Стаховича, Чулковскаго и Новиковскаго. См. ст. объ этихъ пѣсняхъ въ 4-мъ № „Время“. 1861.
224. **Нѣсколько русскихъ пѣсенъ**. Г-жа *Кожановская*. *Русская Бесѣда*. 1; стр. 41—132.
Содержаніе: Молодецкія пѣсни, дѣвчьи пѣсни, пѣсни жениха и невѣсты. Всѣ эти пѣсни относятся къ одной курской мѣстности.
225. **Остатки боярскихъ пѣсенъ**. Г-жа *Кожановская*. *Русская Бесѣда*. 2; стр. 71—142.
См. ст. объ этихъ пѣсняхъ въ 4-мъ № „Время“. 1861.
- *226. **Сборникъ великорусскихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ**. И. *Худяковъ*. Москва. Въ тип. Н. Эрста. 1860. Въ 8-ю д. л. 174 стр.
См. объ этихъ пѣсняхъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ 1861. 7.
- *227. **Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ**. Составл. В. *Варенцовымъ*. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. Въ тип. Товарищ. „Общ. Польза“. 1860. Въ 8-ю д. л. 148 стр. Ц. 1 р.
Разборы этой книги помѣщены: 1) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 233. 2) Въ „Библиотекѣ для Читенія“ 12. 3) Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 253. 4) Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 11. 5) въ „Современникѣ“ 11. 6) Въ „Русскомъ Словѣ“. 1861. 1. 7) Въ „Русской Рѣчи“. 1861. 21 и 23 ст. *Ө. Буслаева*. 8) Въ журналѣ „Время“. 1861. 4. и 9) Въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ Ст. А. *Филонова*.

228. **Нѣсколько словъ** о томъ, какъ собираются и издаются у насъ народныя пѣсни. *Н. Отто. Московскія Вѣдомости.* 277; 2 ст. и *Сѣверная Пчела.* 286.

По поводу над. г. Варезцовыгъ: Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ.

*229. **Пѣсни, собранныя П. В. Кирьевскимъ.** Иданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Москва. Въ тип. А. Семена. 1860. Въ 8-ю д. л. VI, 84 и XXXIV стр. Ц. 50 к.

Разборы этого изданія находятся: 1) Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 253. 2) Въ „Русскомъ Словѣ“ 11. 3) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 233. 4) Въ „Извѣстяхъ Имп. Акад. Наукъ“ Т. IX, вып. 3. 5) Въ „Вѣкѣ“ 1861. 32, статья *Ө. Устрялова.* 6) Въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“. 1861. 7, статья *А. Филонова.* 7) Въ „Отеч. Зап.“. 1861. 2. 8) Въ „Свѣточѣ“ 1861. 2; и 9) въ „Русск. Инвалидѣ“. 1861. 71.

230. **Народныя пѣсни** въ Судогодскомъ уѣздѣ. *Владимірскія Губ. Вѣд.* 26; 3 стр.

Сообщены В. Гребнеромъ.

231. **Пѣсни, записанныя** въ мѣстечкѣ Ольшевкѣ (Козелецкаго уѣзда). *Д. Лавриженко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 49 и 50.

232. **Былины, пѣсни** и духовные стихи. Сообщ. *П. П. Рыбниковъ. Олонекскія Губ. Вѣд.* 17, 33 и 35; 5 стр.

Содержаніе: 45. Былина о Василіѣ Игнатъевичѣ. 61. Былина о двухъ братьяхъ, двухъ Ливникахъ и кн. Романѣ Дмитриевичѣ. 43. Былина о Лжедмитріѣ. 78. Былина о добромъ молодцѣ неудачливомъ и рѣчкѣ Смородинкѣ. Стихи о чудѣ святителя Николая. (Записаны со словъ пѣвцовъ — каликъ).

233. **Пѣсни обитателей** Томской губерніи. *Я. Андреевъ. Томскія Губ. Вѣд.* 49; 4 стр.

1. Пѣсни сѣверныхъ Самоѣдовъ. (Переводъ изъ Кастрена).

234. **Пѣсни заводскихъ крестьянъ** Оренбургской губерніи Верхнеуральскаго уѣзда. *Оренбургскія Губ. Вѣд.* 25, 26; 5 стр.

Эти пѣсни собраны *А. Михайловымъ.*

235. **Пѣсни святочные** г. Чердыни. *Пермскія Губ. Вѣд.* 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 и 38.

236. **О народной** изустной словесности Орловской губерніи. Пр. *В. Поповъ. Филологическія Записки.* 2; стр. 105—112.

О народныхъ пѣсняхъ, престонародныхъ сказкахъ, съ точки зрѣнія лингвистической.

237. **Разбойничья пѣсня.** Записана *Н. И. Костомаровымъ*, въ Сердобскомъ уѣздѣ, въ селѣ Волхонщинѣ. *Архивъ Н. Калачова.* 1.

238. **Пѣсня 1736—1739 г.** *М. Семевскій. С.-Петербургскія Вѣдомости.* 152.

Пѣсня эта относится къ войнѣ 1736—1739 гг. и начинается такъ:

Власевъ славный генераль,
Азовъ самъ собою взялъ,
А Михинъ (Минихъ) живодерь,
Солдатскихъ кишекъ неберегъ.

*239. **Старосвѣтскій бандуриста.** Кн. 1-я. Избранныя малоросійскія и галицкія пѣсни и думы. Собралъ *Н. Закревскій.* Москва. Въ Университетской тип. 1860. Въ 8-ю д. л. 136 и VI стр.

240. **Пермскіе сказочники** и Петронія. *Н. М. Благовѣщенскій. Русское Слово.* 9; стр. 132—150. См. № 252.

Авторъ доказываетъ, что сказка „о томъ, какъ жена заблудилась“, помѣщенная во 2-й кн. „Пермскаго Сборника“, заимствована у Петронія изъ его „Satiricon“. Содержание этой сказки слѣдующее: Одна жена была до того неутѣшна, послѣ смерти своего мужа, что день и ночь проводила на его могилѣ, въ слезахъ и жалобахъ. Одному солдату представленному караулить повѣшеннаго преступника, надоѣло ей горе, онъ рѣшился её утѣшить и заставить позабыть покойнаго: это очень легко удалось ему. Штофъ водки и ласки новаго любовника утѣшили неутѣшную вдову.

241. **Русскія народныя сказки.** *В. Крестовскій. Библиотека для Чтенія.* 8.

Сказки: 1) Про царя Ивана Васильевича, про горшечню Мороловова да про боярина Дворскаго. 2) Волга и Вазуза. 3) Колобокъ. 4) Морозко. 5) Колокольчики валдайскіе.

242. **Народная сказка.** *А. Товыч. Русскій Миръ.* 89; 3 стр.

243. **Славянскія сказки.** *Ө. И. Буславъ.* (Изъ лекцій о народной повѣи, читанныхъ въ 1857—1858 и 1858—1859 акад. годахъ. *Отечественныя Записки*, 10; стр. 641—688.

Эта статья составляетъ 12-ю главу изъ „Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства.“

244. **Библиографическая замѣтка.** II. *Шестаковъ. Московскія Вѣдомости.* 251.

По поводу статьи г. Буслаева „Славянскія сказки“, помѣщенной въ 10-мъ № „Отечественныхъ Записокъ“.

245. **Живая свирѣль.** Сказка въ стихахъ. *Г. Дамлевская. Часъ Досуга.* 1; стр. 62—70.

Эта сказка была уже разъ помѣщена въ одномъ журналѣ 40-хъ годовъ.

246. **Казка про кравця и вовка.**—Про козла и барана.—Можебилиця. *П. Ефименко. Чернишовскія Губ. Вѣд.* 21.

Записаны въ х. Николаевѣ, Борзенскаго уѣзда и въ г. Переяславѣ.

247. **Лиса—Патрикѣвна** (рус. народн. сказка). *А. Витте. Подольскіи.* 1; стр. 1—11.

248. **Сказка объ Иванѣ Бѣломъ.** *Лѣтописи Русской Литерат.* 1859. 5; стр. 8—15.

Занимствована изъ Сборника Е. Филимонова.

249. **Сказки и притчи,** записанныя въ Шадринскомъ уѣздѣ *А. Зыряновымъ. Пермскій Сборникъ.* 2; стр. 162—179.

Содержаніе: 1) Донскіе казаки и султанъ-басурманъ. 2) Мать и два сына. 3) Жона забыла мужа. 4) Лѣсной. 5) Невѣста горбуныя. 6) Аксеико. 7) Иванко — медвѣжьи уши. 8) Скупой мужъ. 9) Солдаты и медвѣдь. 10) Солдаты и нечистый духъ. 11) Купецъ и конторщикъ. 12) Пустынякъ. 13) Дьяволъ — подъ силой молитвы. 14) Монахъ — спасенная душа.

250. **Сказки,** объясняющія представленія Подолянъ о загробномъ мірѣ. Изъ книги: *Бытъ Подолянъ,* издав. К. Швейковскимъ. Т. 1. вып. 2-й. Кіевъ, стр. 59—74.

Сказки: 1) Иван розбійникъ. 2) По независящимъ отъ автора обстоятельствамъ 2-я сказка не могла быть напечатана; въ ней изображаются куріозныя похождения москаля въ пеклѣ. 3) Смерть за куму. 4) Чоловикъ від Богу.

251. **Первый винокуръ.** Древнее сказаніе. *Солдатская Бесѣда.* 3; стр. 187—212.

252. **Сонъ Пресвятой Богородицы.** *Руководство для сельскихъ пастырей.* 5; стр. 103—125.

Тутъ же приложены 2 списка самаго сна — одинъ пол-

ный, другой краткій, съ рѣзкой печатью языка и фантазіи малороссійскаго народа.

253. **Финская поэма**, или сказка, Калевада (Финляндія). *Журналъ для Дѣтей*. 47, 48, 49, 50; стр. 738—800.
254. **Разсказъ Шадринца**. (Образчикъ нарѣчія). (Выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ). *С. Пермскій Сборникъ*. 2; стр. 180—184.
255. **О народномъ говорѣ** Орловской губерніи. *В. Поповъ. Орловскія Губ. Вѣд.* 3, 4 и 5; 14 стр. и *Филологическія Записки*. 3.
- *256. **Малороссійскія пословицы**, поговорки и загадки и галицкія приповѣдки. Собралъ *Н. Закревскій*. Москва. Въ Унив. тип. 1860. Въ 8-ю д. л. 139—244. (Помѣщена во 2-й кн. „*Старороссійскій бандуриста*“).
257. **Додатокъ** до украинскихъ помовокъ та погудокъ. *П. Ефименко. Черниовскія Губ. Вѣд.* 23—26.
258. **Дополненіе** къ украинскимъ пословицамъ и поговоркамъ. *П. Ефименко. Черниовскія Губ. Вѣд.* 1860. 38 и 40; 4 стр.
259. **Статистическое описаніе** села Ярославичъ Дубенскаго уѣзда. *А. Ясинскій. Волыскія Губ. Вѣд.* 1; 2 стр. (окончаніе).
Въ настоящей статьѣ помѣщены пословицы и пѣсни.
260. **Присловья** въ Олонецкой губерніи. *К. Петровъ. Олонецкія Губ. Вѣд.* 33; 2 стр.
Извлечено изъ „Русскаго Дневника“.
261. **Боскоѣды**. *Олонецкія Губ. Вѣд.* 40; 2 стр.

По поводу предъидущей статьи. — Боскоѣдами называютъ крестьянъ Шелтозерскаго общества, въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, по слѣдующему случаю. Однажды въ ночь передъ свадьбою, домашняя собака (по чюдски *боска*) оценилась на печкѣ. Липъ только затопили печь и поставили къ устью горшки съ мясомъ, щенята, вѣроятно, отъ жару, распозались отъ матки по печкѣ и одинъ за другимъ попадали въ горшки, чего хозяйка не замѣтила. Собрались, наконецъ, гости, сѣли за столъ, подали деревенскіе *мины*, въ которыхъ плавали сабачьи морды, уши и лапы. Съ крикомъ и бранью гости выскочили изъ за трапезы, — и съ того времени названіе *боскоѣдовъ* присвоено всѣмъ адѣшнимъ жителямъ.

262. **Причитанья по покойнику** (въ Кувгурскомъ уѣздѣ). Сообщилъ крестьянинъ *Е. Бурдинъ. Пермскій Сборникъ*. 2; стр. 128—131.

263. **Любовное заклинаніе** изъ слѣдственнаго дѣла 1769 г. *Летописи Русской Литературы*. 1859—60; 6.

Во имя сатаны и судьи его демона, почтеннаго демона пилатата игемона, встану я; добрый молодець, и пойду я, добрый молодець, ни путемъ, ни дорогою, зайчѣмъ слѣдомъ, собачѣмъ набѣгомъ и вступлю на злобное мѣсто и посмотрю въ чистое поле, въ западную сторону, подъ сыру матерую землю и пойду я своей буйной головою о землю сыро-матерую поклонюсь и помолюсь самому сатанѣ. Гой еси ты государь сатана! пошли ко мнѣ на помощь рабу своему часть бѣсовъ и дьяволовъ: Зеследерь, Пореастонъ, Коржанъ, Ардунъ, Купалолака, съ огнями горящими и съ пламенемъ палищимъ и съ ключами кипучими, и чтобъ они шли къ рабицѣ дѣвицѣ или молодежи и зажгали бъ они по моему молодецкому слову ея душу и тѣло и буйную голову, умъ и слухъ, и ясныя очи, и бѣлое лице, и ретивое сердце, и бурю печень, горячую кровь и всѣ тѣлесныя жилы и суставы и ея думу и думицу на похотѣнье и погляденье, и чтобъ она раба отъ всего тѣлеснаго пламени не могла бы на меня добраго молодца и на мое бѣлое лице наглядетьца и насмотретьца, и шла бы она въ мою молодецкую думу и думицу и въ молодецкую тѣлесную мою утѣху, и не могла бы она насытить своею черною я..... моего бѣлаго з.. и не метывала бы она дѣвица или молодежи меня добраго молодца отъ своей думы и думицы и ясныхъ очей, и не могла-бы она безъ меня ни жить ни быть, ни ѣсть ни пить какъ бѣлая рыба безъ воды, мертвое тѣло безъ души, младенецъ безъ матери, и сохла-бы она по мнѣ своимъ бѣлымъ тѣломъ, какъ сохнетъ отъ великаго жару и отъ краснаго солнышка и отъ буйнаго вѣтра и которая трава подшейная (sic) и отколдоватца бы ей отъ моихъ сихъ словъ, наговоровъ и приговоровъ никакимъ хитрецамъ и мудрецамъ, ни старымъ ни молодымъ, ни краснымъ дѣвицамъ.... (*) вы

(*) Не разобрано.

мои слова голмы и наговорны, какъ волниное ошеди море,
крѣпки и дѣсны, крѣпче и дѣпче клею кардуку и тверже
и плотнѣе булату и каменю. Тутъ моиѣ словамъ ключъ и
замокъ, и положу я тотъ ключъ и замокъ самому сатанѣ
подъ его вологъ престола, а когда престолъ его разрушится,
тогда и дѣло сіе объявится.

О СВОДНЫХЪ БРАКАХЪ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Въ одной изъ книжекъ *Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи* за 1861 г. помѣщена весьма интересная статья г. Муллова *о сводныхъ бракахъ*. Авторъ весьма искусно описываетъ намъ эту малоизвѣстную форму брачнаго союза въ настоящемъ ея состояніи; онъ весьма отчетливо выставляетъ отношенія сводныхъ браковъ какъ къ сферѣ гражданской, такъ и къ господствующей церкви. Но намъ кажется, что нельзя вполне понять значенія сводныхъ браковъ путемъ изслѣдованія лишь настоящаго ихъ положенія; это явленіе сдѣлается удобообъяснимымъ только съ исторической точки зрѣнія. Вотъ причина, по которой мы рѣшаемся предложить краткій очеркъ образованія сводныхъ браковъ на Руси.

Прежде всего необходимо замѣтить, что по нынѣ дѣйствующимъ законамъ гражданскимъ и духовнымъ сводный бракъ не имѣетъ у насъ силы ни юридической, ни канонической. Но и въ этомъ неправомѣрномъ состояніи своемъ сводный бракъ считается своднымъ лишь въ глазахъ полиціи, духовенства и образованной массы народа; лица же, прибѣгающія къ этой формѣ брака, или вовсе не признаютъ ее за бракъ, совершенно отвергая оный по своему религіозному заблужденію, или признаютъ ее, въ своей, конечно, лишь средѣ, за полное таинство церковное, со всѣми личными и имущественными послѣдствіями. Такое совмѣщеніе въ понятіяхъ о сводномъ бракѣ двухъ совершенно противоположныхъ взглядовъ на самое существованіе брака вовсе не случайно; оно, напротивъ, указываетъ на историческую связь обоихъ взглядовъ, а именно на то, что сводный бракъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, есть ничто иное, какъ послѣдствіе несостоятельности того религіознаго заблужденія, которое вовсе отвергало существованіе брака.

Отверженіе брака какъ таинства почти столь же древне въ нашемъ отечествѣ, какъ догматическое уклоненіе отъ православія, ибо отверженіе брака есть видъ отверженія церковныхъ таинствъ вообще.

Первое категорическое отверженіе таинствъ мы видимъ на Руси въ концѣ XIV вѣка, въ Псковѣ и Новгородѣ, въ ученіи стригольниковъ. Основатель этого ученія, діаконъ Карпъ, а за нимъ его послѣдователи, нападая на злоупотребленія, преимущественно же мздоимство и невѣжество бѣлаго духовенства, утверждали, что можно обходиться безъ священства и церквей, и призывали мірянъ къ отправленію духовныхъ требъ. Отвергая затѣмъ исповѣдь и священство, проповѣдую духовное достоинство всякаго христіянина и въ міряннѣ, они считали не нужнымъ проториться на подаваніе за требы и панихиды, ходить въ церковь, поминать усопшихъ и приобщаться. Хотя въ современныхъ повѣстяхъ ничего не говорится объ отверженіи стригольниками брака, но изъ духа всего ихъ ученія, изъ отверженія церковныхъ обрядовъ, таинствъ вообще и въ особенности священства само собою слѣдуетъ, что бракъ пересталъ у нихъ быть таинствомъ и совершаться по церковному чину. Въ этомъ отношеніи весьма правдоподобно предположеніе автора «Исторіи о расколахъ въ Россійской церкви», архіепископа Воронежскаго и Задонскаго Игнатія, что супружество было у стригольниковъ предоставлено свободному желанію лицъ, безъ всякихъ обрядовъ. Мы считаемъ излишнимъ упоминать здѣсь о причинахъ, обусловившихъ появленіе стригольническаго ученія вообще, признавая основательнымъ мнѣніе по сему предмету преосвященнаго Игнатія, принимающаго эту секту за отходосокъ религіозно-реформатскаго движенія запада, по бывшей въ то время связи Новгорода и Пскова съ западною Европою. Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что къ установленію такого понятія о бракѣ содѣйствовали многія современные обстоятельства. Новѣйшія историческія розысканія доказываютъ, что въ древней Руси, особенно на сѣверѣ, по причинѣ малочисленности священниковъ и дурной организаціи духовнаго управленія, не только діаконы управляли церковныя службы, но даже и люди вовсе не посвященные, и что послѣдніе часто совершали браки между простолюдинами, подобно тому, какъ это соблюдалось относительно рабовъ даже въ Византіи до послѣдовавшаго при императорѣ Алексѣи Комнинѣ запрещенія (*). Если же, кромѣ этихъ фактовъ, мы возьмемъ въ соображеніе необузданную грубость нравовъ низшихъ сословій того времени, еще далеко не связ-

(*) Объ этомъ будетъ сказано подробнѣе ниже.

шлись съ христіанскимъ ученіемъ, а съ другой стороны замкнутость Русскихъ женщинъ высшихъ сословій и естественное стремленіе выйти изъ этой замкнутости, подъ вліяніемъ приходившихъ съ далекаго запада понятій, то предположеніе почтеннаго автора «Исторіи о расколахъ», восходить на степень достовѣрности историческаго факта. Извѣстно, какъ распространилось ученіе стригольниковъ вскорѣ послѣ своего появленія. Если вообще распространеніе этой секты находило себѣ пищу въ современныхъ недостаткахъ духовенства и церковнаго управленія, то очевидно, что и вытекшее изъ сего ученія понятіе о бракѣ должно было быть ничѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ современныхъ въ обществѣ понятій о бракѣ и способахъ его совершенія.

Хотя ученіе стригольниковъ было окончательно осуждено Константинопольскими патріархами Ниломъ и Антоніемъ и Московскимъ митрополитомъ Фотіемъ; хотя основатели ереси были лишены жизни, а послѣдователи ихъ подвергнуты разнымъ церковнымъ и гражданскимъ преслѣдованіямъ, но, вѣроятно, ученіе стригольниковъ, поднявшее въ концѣ XV вѣка опять голосъ въ формѣ новой ереси жидовствующихъ, не исчезло и сохранялось въ предѣлахъ Новгородскихъ, послуживъ пищею для дальнѣйшихъ религіозныхъ броженій и церковныхъ оппозицій въ той мѣстности. Въ ученіяхъ раскольниковъ Соловецкихъ и Поморскихъ отцевъ мы видимъ явные слѣды стригольничества. Съ тѣмъ вмѣстѣ должно было сохраниться и ученіе о бракѣ. И дѣйствительно, по мѣрѣ утвержденія на сѣверѣ, послѣ Соловецкой осады, безпоповщинскаго раскола, мы видимъ отверженіе брака по образцу стригольниковъ, что и вызвало, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сводные браки.

Взглянемъ на ученіе о бракѣ въ различныхъ согласіяхъ безпоповщины.

Поморскіе наставники, при самомъ основаніи Выгортцкой мнѳовин, въ началѣ XVIII вѣка,—проповѣдывали, что крещеніе и исповѣдь могутъ быть совершаемы настоятелями изъ мірянъ; прочія же таинства: евхаристія, елеосвященіе, священство, бракъ, миропомазаніе болѣе на землѣ не существуютъ, за несуществованіемъ на землѣ правильно рукоположеннаго священства, безъ котораго эти таинства не могутъ быть совершаемы. Непризнанію брака способствовало скитское всеобщее направленіе, господствовавшее въ Поморскомъ согласіи; нарушеніе же этого завѣта блудомъ и прелюбодѣяніемъ считалось грѣхомъ, который, впрочемъ, легко выкупался наложеніемъ разныхъ эпитимій.

Феодосѣевское согласіе сначала отвергало только дѣйствительность тѣхъ браковъ, которые были заключены сектаторами въ православной

церкви, до поступленія въ согласіе, но затѣмъ перестало вовсе признавать бытіе брака на землѣ, по той же причинѣ, какъ и Поморское согласіе. Увлекаемый ненавистью къ православію, раскольники сей секты возненавидѣли *бракъ болѣе блуда*, считая блудъ естественнымъ, неизбѣжнымъ грѣхомъ, при невозможности заключенія брака въ церкви, за отсутствіемъ священства, грѣхомъ, легко искупаемымъ наложеніемъ нѣкоторыхъ эпитимій, тогда какъ бракъ, заключенный въ церкви, въ которой царемъ Антихристъ, составляетъ, по ихъ понятіямъ, грѣхъ, во вѣки не прощаемый. Взглядъ этотъ раскольники нынѣ подтверждаютъ тѣмъ, что непризнаваемый ими бракъ совершается торжественно, явно, какъ бы съ безстыдствомъ и соблазномъ, тогда какъ блудъ происходитъ тайно, а потому, не возбуждая соблазна, *тайно и судится* и скорѣе прощается, на томъ основаніи, что самая тайна, облакающая совершеніе этого грѣха, есть нѣкоторое уже мученіе совѣсти, способствующее ея искупленію. Въ дальнѣйшемъ суевѣрномъ развитіи своемъ это ученіе стало приводить въ оправданіе свое, что по священному писанію жена—Ева—отъ діавола, а дѣва—Богородица—отъ Бога, въ слѣдствіе чего легче грѣшить блудомъ съ дѣвою, не связываясь постоянными узами, нежели съ женою, въ бракѣ постоянномъ. Такой взглядъ произвелъ развратъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, между прочимъ и потому, что Θεодосѣевское согласіе было значительно распространено не въ однихъ селеніяхъ, но и въ городахъ, такъ какъ этой секты преимущественно держались люди торговые, обладавшіе значительными капиталами, постоянно жившіе въ Москвѣ и другихъ промышленныхъ центрахъ. Соблазнами городской жизни находили не только безпрепятственное, но самое широкое примѣненіе въ помянутомъ ученіи о блудѣ. Нерѣдко случалось, что дочери богатѣйшихъ купцовъ, убѣгая изъ родительскихъ домовъ, поселялись въ Θεодосѣевскихъ скитахъ и тамъ, подъ видомъ наружнаго благочестія, утопали въ развратѣ. Такой ирраціональный порядокъ вещей особенно укоренился на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, на которомъ, съ теченіемъ времени, явилось цѣлое поколѣніе такъ называемыхъ *сиротинковъ* или *воспитанниковъ*; поколѣніе это было плодомъ блуда, возведеннаго въ принципъ жизни. Случалось, и особенно въ низшихъ сословіяхъ, въ средѣ крестьянской, что отсутствіе нравственныхъ узъ вело не только къ кровосмѣшенію, но и къ мужеложству. Слѣдственныя дѣла губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, погибающія въ архивной пыли, могли бы представить много фактовъ въ подтвержденіе нашихъ словъ.

Основатель третьей отрасли безпоповщинскаго толка, Филиппъ, пошелъ еще далѣе. Онъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ не только

разводитъ вѣнчавшихся въ православной церкви на чистое житіе, но и называть братьями и сестрами. Такимъ образомъ въ Филипповскомъ согласіи вскорѣ утратилась не только всякая мысль о бракѣ или постоянномъ сожителствѣ, но воцарился болѣе глубокий развратъ, нежели въ Феодосѣвщинѣ, поддерживаемый совершенною утратою сознанія родственныхъ отношеній. Впрочемъ, и здѣсь особеннымъ развратомъ отличались горожане; въ селеніяхъ же догматъ безбрачія умѣрялся постоянно вліяніемъ родовыхъ понятій и семейнымъ образомъ жизни—этою единственною формою внутренняго домашняго быта Русскаго поселенна (*).

Мысль о безбрачій находила себѣ долго пищу, кромѣ преобладанія въ безпоповщинѣ скитскаго направленія, еще и въ убѣжденіи о скоромъ скончаніи міра и наступленіи страшнаго суда; въ такое время казалось неумѣстнымъ увлекаться прелестями земной жизни и заводитися семьей и хозяйствомъ. Но страшный судъ не наступалъ, а развратъ, порождаемый отверженіемъ брачной жизни, безпрестанно увеличивался, не смотря на всѣ мѣры духовной строгости, принимаемыя постоянно и повсюду по приговору старовѣрческихъ соборовъ. Такое безысходное состояніе убѣждало благомыслящихъ раскольниковъ мало-по-малу, почти безсознательно, снова обратиться къ супружеской жизни. Явился дѣльный рядъ сочиненій, въ доказательство, что бракъ на землѣ не можетъ истребиться до скончанія міра; сочиненія эти, кромѣ доводовъ догматическихъ, заключаютъ въ себѣ, на каждомъ шагѣ, ссылки на примѣры изъ исторіи гражданской и на неурложность естественнаго порядка вещей. Стали утверждать, что продолженіе бытія на землѣ невозможно безъ плотскаго совокупленія, что это совокупленіе даже и въ животномъ царствѣ имѣетъ нѣчто похожее на постоянное супружеское сожитіе, и что, слѣдовательно, тѣмъ необходимымъ строгое единобрачіе для поддержанія гражданской связи между людьми; что только бракъ утверждаетъ семейную жизнь, обеспечиваетъ воспитаніе дѣтей и права наслѣдства. Такъ началъ писать въ первой половинѣ прошлаго столѣтія Феодосѣвецъ Иванъ *Алексѣевъ* (**), а за нимъ многіе другіе. Большая часть купцовъ и мѣщанъ разныхъ безпоповщинскихъ согласій,

(*) Нѣчто подобное имъ видимъ на востоцѣ; хотя тамъ, по закону Магомета допускается многоженство, но этою формою супружества, гаремами, пользуются лишь лица богатія и живущія въ городахъ, простой же народъ, и въ особенности поселеніе, живутъ болышею частію по одной жевѣ. Тоже самое имъ видимъ въ Россіи въ Татарскихъ селеніяхъ.

(**) Его сочиненіе «О тайнѣ брака».

люди семейные, жившіе въ городахъ, не замедлили оказать сочувствіе къ этому новому направленію, и вотъ начинается цѣлый рядъ попытокъ возстановленія въ безпоповщинѣ законнаго супружества. Выше было сказано, что обвинянные въ православныхъ церквахъ, при вступленіи въ безпоповщинскія согласія, были разводимы, и что въ дальнѣйшей ихъ жизни блудъ былъ предпочитаемъ браку. На первый разъ установилось теперь постоянное блудное сожитіе одного и того же мужчины съ одною и тою же женщиною, соединявшимися навсегда подъ именемъ *явныхъ прелюбодѣевъ*; они обыкновенно должны были, отъ времени до времени, подчиняться разнымъ эпитиміямъ и ограниченіямъ, особенно женщины послѣ родовъ, но тѣмъ не менѣе это было уже фактическое супружество. Далѣе, это фактическое супружество получаетъ формальный характеръ, черезъ что подъ конецъ теряетъ вовсе видъ блуда, и становится постояннымъ супружествомъ не только въ его религіозномъ, но и гражданскомъ значеніи. Такъ заведено было обыкновеніе, чтобы дѣвницы, вступавшія въ подобное сожитіе съ согласіемъ, конечно, родителей, притворно убѣгали или увозимы были своими будущими сожителями тайно изъ родительскаго дома, и на другой же день являлись въ родительскій домъ какъ бы съ повинною головою; родители сначала пряталась отъ нихъ, но потомъ начинали ласкать ихъ, принимать и посѣщать. Впослѣдствіи это прятанье прекратилось и родители, на другой день послѣ бѣгства дочери, принимали ее съ мнимымъ ей похитителемъ, какъ молодыхъ, съ обычнымъ благословеніемъ. Затѣмъ, вмѣсто похищенія и бѣгства, установилось словесное изъявленіе согласія со стороны родителей на подобный бракъ, съ предварительнымъ благословеніемъ, а черезъ нѣсколько времени, даже съ записаніемъ сего на бумагѣ, въ формѣ акта, при постороннихъ иногда свидѣтеляхъ. Чтобы дать сему сожитію и происходящимъ отъ него дѣтямъ всѣ гражданскія права, раскольники въ то же время вѣчались въ православной церкви, очищаясь потомъ эпитиміей въ своихъ молельняхъ; когда священники отказывались совершать сей обрядъ, то раскольники даже соглашались записываться православными и, еще скорѣе, единовѣрцами. Вступавшіе такимъ образомъ въ бракъ назывались *новоженами* (*). Долго эти новожены, принадлежа въ частности къ разнымъ безпоповщинскимъ толкамъ, не составили отдѣльнаго толка и потому, какъ разбросанное стадо, примыкали по неволѣ къ своимъ едино-

(*) Кромя *новоженовъ*, существуютъ *старожены*, которые были вѣчны въ православныхъ церквахъ до поступленія въ расколъ и удержали супружество, съ соблюденіемъ разныхъ эпитимій по поступленіи въ безпоповщинское согласіе.

согласивають, болѣе или менѣе не любившимъ ихъ и даже иногда извергавшимъ ихъ изъ своей среды. Такъ, въ 1751 году Θεодосѣевцы соборно положили: *съ новоженцами не жить въ одномъ домѣ, не пить и не пѣть вмѣстѣ и дѣтей ихъ не крестить; буде же новоженцы пришесть раскаяне, то разводитъ ихъ съ женами въ разныя деревни и снова перекрещивать*. Подобныя же правила постановили противъ новоженства и Поморцы въ 1794 году, въ знаменитыхъ по этому случаю *пяти статьяхъ*. Въ 1765 году является у новоженцевъ свой особый наставникъ изъ Θεодосѣевцевъ, *Гаврило Артамоновъ*, устроившій моленную, въ которой стали совершать описанные браки. Подъ влияниемъ его, но въ особенности его послѣдователей, Московскаго купца *Монина* и настоятеля устроенной снѣ послѣднимъ (близъ Преображенскаго кладбища, въ Покровской улицѣ, въ собственномъ домѣ) моленной, *Василья Емельянова*, установилась окончательно форма безпоповщинскаго брака, на слѣдующихъ основаніяхъ, почерпнутыхъ изъ Коричей.

Извѣстно, что Римскій языческій бракъ имѣлъ два вида: *contubernium* — полный, привилегированный гражданскій бракъ, и *concubinatum* — бракъ частный, съ меньшими правами и обрядами, допускаемое и признаваемое закономъ сожитіе. Эти двѣ формы перешли и въ христіанскую Византію. Такъ какъ первая форма брака, торжественная, совершаемая въ церкви, какъ таинство, съ употребленіемъ вѣнцевъ, считалась въ числѣ эманципаций, т. е. обвѣнчанные такимъ образомъ рабы получали свободу, то высшія сословія, удержавъ эту форму исключительно для себя, оставили для рабовъ вторую форму брака, основанную на понятіяхъ о конкубинатѣ, не влекшую за собою свободу гражданскую, имѣвшую не столь торжественный, а болѣе частный характеръ, и состоявшую въ изъявленіи родителями согласія, клятвѣ жениха и невѣсты во взаимной любви и вѣрности, извѣстномъ молитвословіи, безъ употребленія вѣнцевъ и безъ пресвитерскаго даже участія, но только съ записаніемъ при свидѣтеляхъ. Слѣды этихъ двухъ формъ перешли въ первоначальныя Греческія каноны, внесенныя къ намъ послѣ крещенія Руси при Владимірѣ Святѣмъ и сохранившіяся въ Коричей нашей. Вслѣдъ за тѣмъ, въ XI в., императоръ Алексій Комнинъ уничтожилъ эту неполную форму брака, напоминавшую язычество. Хотя объ этомъ законодательномъ дѣйствіи Алексія Комнина и упоминается въ нашей Коричей; но раскольники, со времени Монина и Василья Емельянова, стали утверждать, что заповѣдь Комнинская, какъ лишь царская, имѣла силу только для Греціи, а не для всей восточной церкви, ибо не была постановленіемъ вселенскаго собора. Слѣдовательно, продолжаютъ они, завѣтъ Комнина не простирается на Русь, гдѣ эта форма брака приобрѣла, чрезъ Коричую,

силу, какъ церковный уставъ, ибо древніе Русскіе православные цари и святители ни гдѣ и никогда ея не запрещали. Отсюда они выводятъ, что Русскіе государи не запретили, а слѣдовательно позволяли то, что Греческіе въ своей землѣ уничтожили. До отдѣленія старой вѣры отъ Россійской церкви въ этой формѣ брака они не нуждались, но теперь, по случаю неимѣнія священства и церквей, считаютъ себя въ правѣ пользоваться ею, какъ установленною въ Коричей. Когда жена Монина, связанная съ своимъ мужемъ лишь такимъ бракомъ, вздумала отъ него убѣжать къ любовнику, на томъ основаніи, что этотъ бракъ не считается правительствомъ за дѣйствительный, то Монинъ подалъ жалобу, съ подробнымъ объясненіемъ сущности своего брака митрополиту Платону и бывшему министру духовныхъ дѣлъ, кн. Голицыну, домогаясь признанія своего супружества законнымъ и возвращенія, на этомъ основаніи, къ нему жены его; начавшееся по сему въ Синодѣ дѣло было рѣшено въ пользу Монина. Вѣроятно на этомъ основаніи, Сенатъ рѣшилъ совершаемые означеннымъ порядкомъ въ Монинской моленной браки признавать законными и вписывать ихъ въ особыя книги, заведенныя при этой моленной. Тогда раскольники разныхъ безпоповщинскихъ толковъ, для огражденія своихъ гражданскихъ, наследственныхъ правъ, стали вѣнчаться у Монина, не соглашаясь даже съ его ученіемъ, особенно богатые купцы Θεодосѣевского согласія; послѣдніе, заключивъ супружество въ Монинской моленной, являлись потомъ на Преображенское кладбище, для очищенія себя разными эпитиміями, постоянно показываясь тамъ врознь съ своими женами. Всѣ вообще брачавшіеся такимъ образомъ, бывая въ прочихъ безпоповщинскихъ моленныхъ, могли слушать службу лишь въ преддверіяхъ. Двѣ моленные, подобныя Монинской, но, кажется, безъ такого же признанія отъ правительства, существовали нѣ началѣ XIX вѣка и въ Петербургѣ, одна на Малой Охтѣ и другая въ домѣ купца Пѣшнева. Въ 1834 году Монинская моленная, за разные беспорядки, вѣроятно за вѣнчаніе лицъ беспаспортныхъ или не имѣвшихъ правъ на вступленіе въ бракъ, была уничтожена, вслѣдствіе чего прекратилось и признаніе правительствомъ безпоповщинскаго брака; съ того времени всѣ брачные безпоповцы въ духовныхъ и гражданскихъ спискахъ, равно какъ и во время ревизій значатся неженатыми и жены ихъ относятся къ семействамъ своихъ родителей въ качествѣ дѣвокъ, съ прижитыми ими дѣтьми, какъ незаконными (*). Съ того времени большая часть послѣдователей призна-

(*) Послѣдняя моленная, гдѣ совершались безпоповщинскіе браки, не подальше отъ Москвы, была уничтожена въ 1863 году, по распоряженію губернскаго начальства.

ніа законнаго брака въ безпоповщинѣ обратились или къ единовѣрїю, или къ православію, такъ что въ настоящее время это согласіе почти уже не существуетъ.

Такъ мысль о возрожденїи брака въ безпоповщинѣ, поощренная правительствомъ, принесла отрадный плодъ, воротивъ послѣдователей своихъ къ семейной жизни, смягчивъ ихъ нравы, примиривъ ихъ съ понятїями гражданскими и съ самою церковью. Послѣдствїемъ этого явленїа осталось множество полемическихъ сочиненїй, написанныхъ въ защиту брака и противъ него. Сочиненїа защитниковъ брака отличаются умѣренностью, начитанностью, отчасти философскимъ направленїемъ и даже поэтическимъ талантомъ; противники же ихъ, *браноборы*, показали въ своихъ письменныхъ произведенїяхъ духъ нетерпимости, доходящїй до ругательства, фанатизмъ самый невѣжественный и нерѣдко плачевное скудоумїе—обыкновенный результатъ ослѣпленнаго, неразумнаго упорства. Вообще, согласїе брачующихся старовѣровъ есть самое грамотное проявленїе раскола.

Изъ этого очерка видно, какое важное мѣсто занимаетъ бракоборство въ исторїи Русскаго раскола, какъ по догматическому своему значенїю, такъ и по влїанїю своему на общественную и домашнюю жизнь многочисленныхъ послѣдователей разныхъ согласїй безпоповщинскаго ученїа; но настоящая статья объ этомъ предметѣ составляетъ лишь краткїй перечень свѣдѣнїй, извлеченныхъ большею частїю изъ письменныхъ источниковъ раскола и дополненныхъ разказами самихъ поклонниковъ старины; спеціальную же монографїю бракоборства въ безпоповщинѣ, съ подробными выписками изъ источниковъ, авторъ надѣется представить на судъ читателей въ непродолжительномъ времени.

Д. Ч. В. Фуксъ.

О СИБИРСКИХ ДВОРЯНАХЪ И ДѢТЯХЪ БОЯРСКИХЪ.

Въ Tobольскѣ и вообще въ Сибири, съ самаго покоренія ея до конца XVIII столѣтія, былъ разрядъ (1) служивыхъ людей, извѣстныхъ подъ названіемъ *Сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ*. Въ объясненіе, что это были за люди и какимъ образомъ пріобрѣтали эти званія, помѣщая извлеченныя мною свѣдѣнія, частію изъ исторіи Сибири, а болѣе изъ старыхъ архивныхъ дѣлъ и бумагъ Сибирскихъ.

Такъ называемые городскіе дворяне и дѣти боярскіе въ Россіи происходили изъ низшаго дворянства. Дѣти боярскіе этимъ именемъ названы потому, что служили при боярахъ, подъ ихъ попеченіемъ и надзоромъ. До учрежденія великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ регулярнаго войска, дѣти боярскіе ходили на войну. Государь давалъ имъ земли и помѣстья, за что они обязаны были приводить съ собою на войну вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ. Въ войскахъ Іоанна III было 300,000 боярскихъ дѣтей и 60,000 сельскихъ ратниковъ, коихъ содержаніе смужало стоило: ибо всякій сынъ боярскій, надѣленный отъ казны землею, служилъ безъ жалованья (2). Въ концѣ XVI ст. войско въ Россіи состояло: изъ дворянъ, раздѣленныхъ на три степени—большихъ, среднихъ и меньшихъ Московскихъ и такъ называемыхъ выборныхъ, присылаемыхъ въ столицу изъ всѣхъ городовъ на три года; 6,000 всадниковъ изъ дѣтей боярскихъ ежегодно собирались на берегахъ рѣки Оки выгонять Татаръ изъ Рязанскихъ предѣловъ (3).

(1) Древнѣйшая изъ разрядныхъ книгъ, которыя даютъ понятіе о прежнемъ состояніи войска, сколько доселѣ извѣстно, начинается съ ⁶⁹⁷⁶₁₄₇₁ года.

(2) Истор. Росс. Государств., Карамзина, томъ VII стр. 192, изд. 4.

(3) Исковская лѣтопись графа Толстаго.

Въ 1499 году 21 ноября послалъ великій князь Іоаннъ III Васильевичъ въ Югорскую землю и на Вогуловъ воеводѣ князя Семсна Оedorовича Курбскаго, князя Петра Ушатаго и Василья Гаврилова. «Съ княземъ Семеномъ *дѣтей боярскихъ* Цыгора и Володю Сугурскихъ и Вятчанъ, которые жили на Московской землѣ, Костю Яковлева сына Путвина и Леву Иванова сына Алексѣева, да Петрушу Копова и Устюжанъ съ ними 1,304 человекъ и Вязьмянъ и Вятчанъ 500 человекъ (4). Съ княземъ Петромъ Ушатымъ *дѣти боярскіе* Вологжане Микита Тимоосеевъ сынъ Мотовтинъ, Микита Кушниковъ, да Вятчане Гаврило Софоновъ и Иванъ Бобровниковъ и съ ними Важанъ и Пенягъ 2,000, безъ 80 человекъ. Съ Васильемъ Гавриловымъ дѣти боярскіе Вологжане Осипъ Савельевъ да Оедька Неправдинъ и всѣхъ съ воеводами людей 4,024 человекъ» (5).

По учрежденіи регулярнаго войска, дворяне и дѣти боярскіе служили въ полкахъ. Но покоренія Сибири вошли въ нее изъ Россіи дворяне и дѣти боярскіе, потому здѣсь вновь *верстаны были* въ эти званія или по царскимъ грамотамъ или властію воеводъ и потомъ губернаторовъ.

Въ $\frac{7167}{1639}$ году отобраны были въ Сибиря отъ дѣтей боярскихъ сказки: кто изъ какихъ сыновъ *верстанъ* въ это званіе, въ какихъ годахъ, при которыхъ боярахъ-воеводахъ, какіе имъ назначены были оклады и за какія службы. Беру, для примѣра, имѣющуюся у меня выписку изъ этихъ сказокъ или, какъ сказано въ нихъ, изъ толпы (столбца) $\frac{7167}{1650}$ г. о родѣ Черкасовыхъ. «Атаманъ Аванасій Черкасовъ сказадъ: отецъ его Иванъ Александровичъ, а, по тогдашнему, Черкасъ Александровъ (6) (о которомъ по означеннымъ сказкамъ дѣтей боярскихъ въ 7167 г. значитя), служилъ съ Ермакомъ въ атаманыхъ и Сибирь взяли вмѣстѣ, послѣ служилъ въ Тобольскѣ въ Татарскихъ головахъ (начальникъ полка) и получалъ жалованья денегъ 25 рублей, хлѣба 50 четвертей и соли 3 пуда въ годъ». Въ 1594 году командированъ былъ изъ Тобольска, вверхъ по Иртышу, для строенія города Тары, и подъ начальствомъ его было служилыхъ Татаръ 100 человекъ. Это подтверждается и Сибирской Исторіей. Въ 1594 году, для построенія города Тары, повелѣно было воеводѣ князю Ан-

(4) Разрядн. книга архив. иностранц. дѣлъ № 131, стр. 16—17.

(5) Regum Moscovit. auctores varii anno M.D. C., стр. 61—62. Разр. Импер. Акад. Наукъ № 44.

(6) Заимѣтъ кстатн, что и Василій Тимоѣевичъ Ермакъ назывался по-тогдашнему Ермакъ Тимоѣевичъ.

дрию Елецкому взять къ себѣ въ Тобольскѣ Литвы, Черкасѣ и казаковъ 100 человекъ подъ командою головы Своягина Рупозова, также и Тобольскихъ служилыхъ Татаръ 100 человекъ, подъ начальствомъ атамана Черкаса Александрова и двухъ Татарскихъ головъ Банзейта и Байбахты, Тобольскихъ ясачныхъ Татаръ тѣхъ волостей, которыя отъ Тобольска, вверхъ по Иртышу, лежатъ, 300 человекъ, подъ командою ихъ же Татарскихъ начальниковъ, да еще изъ тѣхъ же ясачныхъ Татаръ 150 человекъ въ работу на суда, которымъ изъ Тобольска до Тары идти опредѣлено (?).

У Черкаса Александрова были дѣти Борисъ и Аванасій, и этотъ Аванасій, по грамотѣ изъ Сибирскаго приказа, *верстанъ* въ Тобольскѣ въ дѣти боярскіе, при воеводѣ князѣ Иванѣ Петровичѣ Буйноровѣ-Ростовскомъ (1613—1616), а окладъ ему былъ денегъ 10 рублей, хлѣба ржи и овса 16 четвертей, соли 3 пуда. И какъ пріѣхалъ въ Тобольскъ (1623 г.) бояринъ воевода князь Юрій Яншеевичъ Сулешевъ, то послалъ его съ отниками къ Москвѣ, и онъ, Аванасій, съ малодушія своего, съ Москвы сошелъ въ Соловецкій монастырь, а изъ Соловковъ ходилъ въ Русскихъ городахъ лѣтъ съ шесть, а въ его мѣсто *поверстанъ* въ Тобольскіе дѣти боярскіе Спиридонъ Шелеховъ; «и какъ онъ, Аванасій, изъ Русскихъ городовъ пришелъ въ Тобольскъ 7138 г., то за службу отца его, по приговору боярина и воеводы князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, велѣно ему, Афанасью, быть въ атаманахъ, вмѣсто прежняго атамана Корнила Дурмынна, и окладъ ему учиненъ, что ему, Корнилу, былъ, денегъ 14 рублей съ четвертью, хлѣба ржи и овса 15 четвертей, соли 3 пуда. У него, Аванасья Черкасова, дѣти: Михайло 35, Игнатій 25, Марко 18, Евдокимъ 15, Яковъ 12, Максимъ 9 лѣтъ, а сѣнныхъ покосовъ вверхъ по Тоболу въ Черкасовѣ ереку на 250 копенъ».

Другой сынъ Черкаса Александрова — Борисъ сказалъ объ отцѣ своемъ то же, что и братъ его, Аванасій, и о себѣ, что *поверстанъ* за службы отца своего въ дѣти боярскіе 7138 г., при бояринѣ и воеводѣ князѣ Алексѣѣ Никитичѣ Трубецкомъ, и окладъ ему учиненъ 10 рубл. денегъ, хлѣба ржи и овса 5 четвертей, соли 3 пуда. У него дѣти Василій, Герасимъ и Иванъ; деревня безсѣнная, покосовъ по рѣчкѣ Суклѣму отъ города 15 верстъ и, кромѣ того, сѣнные покосы повыше города на устьѣ Черкасова ереку на 200 копенъ».

Василій Борисовъ Черкасовъ, сказавъ о дѣдѣ своемъ Черкасѣ

(?) Сибирск. истор. Миллера, Кн. I, гл. 4 § 56.

Александровъ и отецъ Борисъ Ивановъ, о себѣ далъ сказку, что въ 7155 году, по приговору боярина и воеводы Ивана Ивановича Салтыкова, велѣно ему, Василью, служить въ Тобольскѣ съ дѣтьми боярскими въ недоросляхъ, а окладъ ему учиненъ: денегъ 5 рублей, корму хлѣба ржи 3 четверти, соли два пуда безъ четверти. У него сѣнные покосы дѣда и отца его за рѣкою Иртышемъ выше Черкасова ереку.

Прочіе же братья его, Герасимъ и Иванъ Борисовы, и дѣти дяди его Аванася, Михайло и Евдокимъ служили въ Тобольскихъ дѣтяхъ боярскихъ; а Игнатій, Яковъ и Максимъ Аванасьевы также служили въ Тобольскѣ въ дѣтяхъ боярскихъ и были въ сраженіи, подъ командою головы Алексѣя Шульгина, противъ Киргизовъ, въ 1693 году, у озера Семисъ-Куля: первые два убиты, а послѣдній взятъ въ плѣнъ и претерпѣлъ тамъ жестокия истязанія и раны, и бѣжавъ оттуда, служилъ въ Тобольскѣ въ дѣтяхъ боярскихъ, и прибавлено было ему жалованье.

Герасимовы дѣти внуки Васильевы и правнуки Черкаса Александра: Иванъ, Алексѣй, Степанъ, Гаврило, Нефедъ и Никита Евдокимовъ, внукъ Аванася, служили въ Тобольскихъ дѣтяхъ боярскихъ. Осипъ Яковлевъ служилъ въ Тобольскѣ въ дѣтяхъ боярскихъ, получалъ жалованья денегъ 7 рублей, хлѣба ржи и овса 7 четвертей, и потомъ опредѣленъ Сибирскимъ дворяниномъ, съ жалованьемъ по 20 рублей, хлѣба по 20 четвертей. Былъ въ Барневской слободѣ ⁽⁸⁾ комисаромъ и потомъ въ Тобольскѣ оберъ-рекетмейстеромъ, и по сми́нѣ оттуда въ Исетскомъ дистриктѣ правителемъ и, наконецъ, въ городѣ Пелымѣ воеводою до 1736 года.

Теперь обратимся къ другимъ, принадлежащимъ сюда, вѣрнымъ источникамъ, которые находятся у меня въ рукахъ. По челобитью Тобольскихъ дворянъ Петра и Федора Толбузиныхъ повелѣно 1694 года, за многотрудныя службы, голодное терпѣніе, осадное сидѣніе и за смерть на Албазинской стѣнѣ отца ихъ постигшую, прибавить къ ихъ окладамъ денежнаго, хлѣбнаго и солянаго жалованья.

За построение на рѣкѣ Тоболѣ Усть-Суерской и Бѣлозерской слободъ, около второй половины XVII ст., и на рѣкѣ Пышмѣ слободъ Калиновской и Юрмытской, и за водвореніе въ нихъ крестьянъ, велѣно Тобольскому дворянину Фефилову быть дворяниномъ по Московскому списку. Одному изъ потомковъ этого Фефилова въ грамотѣ Сибирскаго приказа, 6 января 1709 года, сказано: генеральный президентъ, ко-

⁽⁸⁾ Барневская слобода основана въ Шадринскомъ дистриктѣ въ 1686 году слободчикомъ Федькой Мизихиннымъ.

комендантъ Московскій и провинцій Сибирскихъ судья, князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ съ товарищи приказами: за многія службы Тобольскому дворянину Фефилову пожаловать ковшь (серебряный), косякъ камки; пять аршинъ сукна и быть ему приказчикомъ Тобольскаго уѣзда въ Нижнеиндигской и Туринской слободахъ.

По указу государя Петра I и по приказу Сибирскаго губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, 20 іюня 1712 года, Нерчинскому коменданту, стольнику и воеводѣ Ѳедору Родіоновичу Качанову, велѣно дѣтей Василья Пѣшкова: большаго Ѳедора приверстать въ его великаго государя службу въ того Васильева окладъ, а меньшаго Прокопья въ дѣти боярскіе, въ окладъ дѣда его Ѳедора Пѣшкова, а до тринадцати лѣтъ жалованья имъ не давать и въ посылки и въ службы ихъ посылать не велѣтъ, а какъ 13 лѣтъ имъ минеть, и то ихъ жалованье давать и въ нарядъ всякой наряжать.

Нѣкоторые казаки, за усердную службу въ Сибирѣ, жалованы были въ дѣти боярскіе. По приказанію того же губернатора Гагарина, въ январѣ 1713 года, велѣно помянутому воеводѣ Качанову Нерчинскаго коннаго казака Спиридона Епифанцова записать въ дѣти боярскіе и къ прежнему его окладу прибавить жалованья рубль. На челобитную Нерчинскаго сына боярскаго Петра Обросимова, просившаго, за старостію его и очною скорбію, пережънить его отъ службы сыномъ его Еремеемъ, послѣдовала резолюція князя Гагарина: «Приверстать его въ окладъ отца его и въ именныхъ нерчинскихъ книгахъ имя его справить и за службы прибавить два рубля, двѣ юфти, хлѣба и жалованья давать по вся годы безъ задержанія».

Дѣти боярскіе употреблялись по службѣ на разсылки и разнымъ болѣе важнымъ порученіямъ. Вотъ очень примѣчательный указъ, не только относительно названія статьи нашей, но и въ другомъ отношеніи. «По указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великій и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Нерчинскъ стольнику и воеводѣ Ѳедору Родіоновичу Качанову. Въ нынѣшнемъ 1711 году, сентября въ 4 день, былъ челомъ великому государю Нерчинской сынъ боярскій Лука Кочмаревъ, по его де государеву указу, посланъ былъ онъ въ Китайское государство съ купчинами съ Петромъ Худяковымъ, съ Иваномъ Саватѣевымъ, для усмотрѣнія приему и продажи царскаго величества казны, и съ тѣми де купчинами въ той посылкѣ былъ онъ съ 706 году по нынѣшній 711 годъ, и служилъ де ему, великому государю со усердіемъ, и въ тѣхъ посылкахъ у посланныхъ его царскаго величества товаровъ съ ними, купчинами, учинилъ многую прибыль, и за прежнюю де его посылку, что былъ съ Петромъ

Худяковымъ, даю ему его царскаго величества жалованья, по опредѣленію губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, тысяча двѣсти рублевъ, а въ тѣхъ же де караванехъ, которые были цѣловальники и тѣмъ де дано за посылку его царскаго величества жалованные ковши и прочее, а служилые люди переимѣнены чинами, и къ окладамъ ихъ учинены придачи; а онъ де, Лука, чиномъ не переимѣненъ, и къ окладу его придачи не учинено; а за нынѣшнюю посылку съ Иваномъ Саватѣевымъ государева жалованья ничѣмъ ему не дано, и чтобъ великій государь пожаловалъ его, велѣлъ за ту его къ нему службу своимъ царскаго величества жалованьемъ пожаловать и чиномъ переимѣнить и къ окладу его своего великаго государя жалованья прибавить. А, по справкѣ въ канцеляріи Сибирской губерніи, Нерчинскій сынъ боярскій Лука Кочмаревъ въ прошломъ 1706 году посланъ въ Китайское государство при его великаго государя казнь съ купчиною съ Петромъ Худяковымъ, и въ той посылкѣ учинено его великаго государя казнь прибыли, за всякими того каравана расходы, двѣсти шестьдесятъ одна тысяча семьсотъ семидесять восемь рублевъ, двадцать пять алтынъ, полпята деньга. Въ 709 году онъ же, Лука, посланъ былъ въ Китай при его великаго государя казнь съ купчиною съ Иваномъ Саватѣевымъ, а въ той посылкѣ его великаго государя казнь учинено прибыли, за всякими того каравана расходы, двѣсти двадцать три тысячи пятьсотъ пятьдесятъ рублевъ, девятнадцать алтынъ, двѣ деньга. А Его Великаго Государя жалованья окладъ ему денегъ тринадцать рублевъ. И по указу Великаго Государя и по помѣтѣ Сибирской губерніи губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, велѣно за тое его Луки Кочмарева службу быть въ Нерчинску, по Московскому списку, во дворянехъ, къ прежнему его окладу къ тринадцати рублемъ прибавлено девять тридцать рублевъ, соли тридцать пудъ, а за хлѣбное жалованье дать ему земли противъ окладу его, противъ рубля по десятии въполь» «да подъ сѣнные покосы отвести ему дугу двадцать пять десятии, да ему, Лукѣ, за тоежъ царскому величеству службу и учиненую прибыль дано его царскаго величества жалованья на Москвѣ изъ канцеляріи Сибирской губерніи кружка да кубокъ серебряные въсомъ въ десять фунтовъ, десять аршинъ материн по десяти рублевъ аршинъ, бархату венецейскаго гладкаго десять аршинъ ва кафтанъ, сорокъ собелей во сто рублевъ и проч.... 1711 года сентября 1 дня ⁹⁾.

Въ 1712 году присланы изъ Нерчинска въ Тобольскъ, а оттуда

⁹⁾ Изъ современнаго списка этого указа воеводѣ Качанову.

отправлены въ Москву Нерчинскій сынъ боярскій Плотниковъ... съ *плавле-
нымъ серебромъ вѣсомъ 4 пуда 35 фунт. и 59 золотниковъ* (10).

По приказу Сибирскаго губернатора князя Гагарина, писанному въ мартѣ 1713 г. Нерчинскому воеводѣ Качанову, посланы изъ Нерчинска, *съ опытами красной мѣди и съ мѣдною рудою*, въ провозатыхъ дворянинъ Иванъ Протопоповъ и сынъ боярскій Спиридонъ Епифанцовъ (11).

Изъ приказа того же губернатора, писаннаго въ декабрѣ 1712 года, Нерчинскому воеводѣ Качанову, видно, что изъ Нерчинска приславо въ Тобольскъ съ провозатымъ сыномъ боярскимъ Алексѣемъ Поповымъ великаго государя казны *вскакой мѣлкой руды да въ лишка два тысячи жемчугу половничатаю* (12).

По окладной книгѣ въ 1712 году, при губернаторѣ Гагаринѣ писанной, показано дворянскихъ фамилій по Московскому списку, служившихъ въ Сибирской губерніи, 20 фамилій, пожалованныхъ въ Московское дворянство 8, да въ дальнихъ до Енисей городахъ Московскихъ дворянъ 5 фамилій (13).

По высочайшему указу Государственной Статсъ-Коллежъ 9 февраля 1725 года, повелѣно было составить вѣдомости: сколько въ провинціяхъ, при штатскихъ и другихъ дѣлахъ, состоятъ на лицо дворянъ и дѣтей боярскихъ и какіе получаютъ они оклады. По силѣ этого указа, изъ Тобольской губернской канцеляріи, отъ 10 іюля того же года, представлена въ Статсъ-Коллежъ вѣдомость, изъ которой видно, что, по опредѣленію бывшаго тогда въ Сибири губернатора, князя Михаила Владиміровича Долгорукова, для служебъ и разныхъ посылокъ положено дворянъ 50, дѣтей боярскихъ 100 человекъ. По опредѣленію Правительствующаго Сената, 9 августа 1727 года, съ дворянъ и дѣтей Боярскихъ Сибирской губерніи, значащихся въ вѣдомости отъ губернатора князя Долгорукаго, и съ дѣтей ихъ, кои будутъ комплектованы на мѣсто умершихъ и выбылыхъ, велѣно подушныхъ денегъ не брать (14).

Съ того времени, когда Сенатъ началъ опредѣлять въ Сибирь на разныя должности штабъ и оберъ-офицеровъ, Сибирскіе дворяне остались только въ должностяхъ комиссарскихъ и опредѣляемы были къ разнымъ государственнымъ сборамъ, управляли волостями государственныхъ крестьянъ, назначались къ закупкѣ и отправленію въ разныя мѣста провіанта.

(10) Изъ современнаго списка этого указа воеводѣ Качанову.

(11) Тоже.

(12) Тоже.

(13) Изъ бумагъ стараго Тобольскаго губернскаго архива.

(14) Изъ современныхъ бумагъ стараго Тобольскаго губернскаго архива.

Въ 1737 году Сибирскій Приказъ составилъ штатъ Сибирскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, апробованный Сенатомъ и присланный при указѣ въ Тобольскую Губернскую Канцелярію. По силѣ этого указа, большая часть Сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ опредѣлены въ военную службу въ новоучрежденный драгунскій полкъ и пѣхотный батальонъ, для гражданской же службы оставлено 76 дворянъ и 277 дѣтей боярскихъ (15).

Послѣ этого, на основаніи Высочайшаго указа изъ Правительствующаго Сената, отъ 12 марта 1744 года, Тобольскіе губернаторы сами жаловали изъ природныхъ дѣтей боярскихъ—въ дѣти боярскіе и потомъ въ Сибирскіе дворяне. При этомъ жалованьи, они не имѣли никакого равенства съ Россійскими дворянами, и дворянство ихъ не распространялось на потомство (16).

Во время губернаторства въ Сибири Чичерина, въ 1770 годахъ, было Сибирскихъ дворянъ, по Московскому списку, нѣсколько фамилій, а именно: Рачковскіе, Сухотины, Кругликовы, Годлевскіе, Куртуковы, Мельниковы и проч. (17).

По книгамъ 1703 и 1705 годовъ, дворянамъ, служившимъ въ Тобольскѣ, былъ окладъ жалованья по 10 рублей, хлѣба по 15 четвертей, соли по 3 пуда; дѣтямъ боярскимъ: деньгами по 7 рублей, хлѣба по 7 четвертей, овса по 3 четверти, соли по 2 пуда. Въ 1725 году жалованья Сибирскимъ дворянамъ: деньгами по 50 рублей, вмѣсто хлѣба, по 10 юфтей (кожъ); дѣтямъ боярскимъ: деньгами по 10 рублей, вмѣсто хлѣба, по 5 юфтей. Въ 1737 году жалованья Сибирскимъ дворянамъ по 17 р. 62 коп., дѣтямъ боярскимъ по 8 р. 81 коп. и хлѣбные оклады (18). По указу 1765 года, 4 октября, положено Сибирскимъ дворянамъ жалованья по 17 р. 62 коп., хлѣба по 5 четвертей 4 четверика и 1 гарнцу; дѣтямъ боярскимъ по 8 р. 62 коп., ржи по 3 четвертки и 4 гарнца.

Когда же Военской Комиссіей полагались штаты жалованья всѣмъ военнымъ чинамъ, тогда и Сибирскіе дворяне и дѣти боярскіе причтены къ регулярному войску и начали получать жалованье отъ Комиссаріата вмѣстѣ по одной вѣдомости съ Сибирскими казаками (19).

(15) Изъ современныхъ бумагъ того же архива.

(16) Изъ современныхъ бумагъ стараго Тобольскаго губернскаго архива.

(17) Оттуда же и изъ копій съ официальныхъ бумагъ, принадлежавшихъ Березовскому расправному судѣ Кашпиреву.

(18) Изъ современныхъ бумагъ стараго Тобольскаго губернскаго архива.

(19) Оттуда же.

Въ бумагахъ Тобольскаго губернскаго архива 1780 и 1790 годовъ, а равно и въ архивахъ Березовскихъ Земскаго и Окружнаго Судовъ, я видѣлъ нѣкоторыя упоминаемыя лица, писавшіяся: «изъ Сибирскихъ дворянъ» или «изъ дѣтей боярскихъ *такой-то*».

Д. Ч. Николай Абрамовъ.

ОПИСЬ ГОРОДА ШУИ 1778 ГОДА.

Шуя, какъ населенное мѣсто, по письменнымъ документамъ, извѣстна около четырехъ сотъ лѣтъ. Конечно, въ такой продолжительный періодъ своего существованія она имѣла свои эпохи и измѣненія. Въ настоящее время этотъ городъ занимаетъ весьма немаловажное мѣсто по своему мануфактурному и промышленному положенію; а потому любопытнымъ почтитаю сообщить объ немъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія за восемьдесятъ два года тому назадъ. Означенныя свѣдѣнія основываются на найденной мною недавно рукописи, которая носитъ названіе: «Опись краткая города Шуи и строенію въ ономъ городѣ» Опись эта составлена въ 1778 году Шуйской воеводской канцеляріей, по предписанію ревизіонъ-коллегіи директора и Владимирскаго генераль-губернатора графа Романа Воронцова. Должно замѣтить, что эта опись исполнена весьма неудовлетворительно и кратко, судя по данной графомъ Воронцовымъ программѣ, которая находится у меня, и состоитъ изъ шестнадцати пунктовъ довольно интересныхъ, но все таки можетъ дать понятіе, въ какомъ бѣдномъ положеніи была тогдашняя Шуя и ея жители, особенно въ сравненіи съ послѣдней половиной XVII столѣтія, когда въ ней процвѣтали офенская и городская торговля (*), мыловаренные, скорняжные, сыромятные и кожевенные заводы, Шуйская иконопись, кузнечное мастерство и проч. Шуя имѣла въ это время и могла похвалиться значительнѣйшимъ населеніемъ, что видно изъ разныхъ, хранящихся у меня, документовъ и изъ книги, изданной мною: «Описаніе г. Шуи». Упадокъ населенности Шуи начинается съ начала XVIII столѣтія и его нужно отнести къ частымъ и истребительнымъ походамъ и войнамъ, веденнымъ преобразователемъ

(*) Акты г. Шуи, стр. 121 и 123.

Россіи Петромъ I. Такъ Шуяне въ челобитной, поданной царю въ 1705 году, жаловались, между прочимъ, что изъ числа ихъ выбраны на государеву службу въ Архангельскъ, Астрахань, на богомольныя ярмарки и въ разные уѣзды и села въ бурмистры, цѣловальники, въ таможи, земскую избу и конскую и прочіе придаточныя должности для сборовъ казенныхъ доходовъ, какъ то: *деслтой* деньга, съ ношенія Русскаго платья и пошлныи съ крестьянскихъ *бородъ*, въ годъ по восьмидесяти и болѣе человекъ: «а въ Шуѣ, государь, до солдацкаго набору всего посадскихъ людей было *двѣсти* съ малымъ числомъ домовъ, въ томъ числѣ вдовьихъ дворовъ съ тридцать и большаи, а въ прошлыхъ, государь, 1703 и 1704 годахъ, взято, по твоему в. г. указу, съ Шуи съ посаду, въ солдацкую службу 101 человекъ, а достальныхъ 3 человекъ велѣно доставить. А къ Архангельскому городу выбрали мы въ цѣловальники одного человекъ добраго *и грамотъ* умѣющаго съ великою нуждою. А нынѣ посацкіе люди многіе померли, такъ же нынѣ, по тому в. г. государя указу, велѣно съ Шуи взять въ солдацкую службу съ посадскихъ людей указное число, и нынѣ, государь, совершенная въ вышеозначенныхъ многихъ службахъ за малолюдствомъ нужда и неуправленіе. Всемилостивѣйшій государь, просимъ вашего величества, не вели, государь, за скудостію людей и за многими службами, сиротъ твоихъ имать, чтобъ намъ убогимъ остальнымъ и малолюднымъ, за неуправленіемъ многихъ вышеписанныхъ службъ и податей, отъ тебя, великаго государя въ пенѣ и въ наказаніи не быть, и твоихъ в. г. государя службъ и податей не отбыть и не разбрестись. Вашего величества рабы Шуйскіе земскіе бурмистры Семень Демиинъ съ товарищи, апрѣля — дня 1705 году». Изъ другихъ актовъ видно, что въ послѣдующее за симъ время поборы людьми съ Шуи нисколько не уменьшились: кромѣ наборовъ въ солдаты, набирались Шуяне цѣлыми семьями въ Петербургъ, на Валуйки, въ Смоленскъ и другія мѣста, такъ что въ буквальномъ смыслѣ въ Шуѣ оставались только калеки и нищіе, словомъ старый да малый. Послѣ всего этого легко вообразить себѣ, какую ужасающую и грустную картину представляла тогда бѣдная Шуя! Къ довершенію разоренія Шуянъ, въ 1710 году послѣдовалъ страшный пожаръ, опустошившій городъ до основанія. Жители не только лишились домовъ и своего имѣнія, но остались и безъ куска хлѣба. Такимъ образомъ причина скудости состоянія Шуи и ея жителей въ 1778 году изъ представляемаго здѣсь описанія очень будеть понятна для всякаго. Приведемъ са ныи текстъ его:

ОПИСЬ КРАТКАЯ ГОРОДА ШУИ И СТРОЕНИЮ ВЪ ОНОМЪ ГОРОДѢ.

I.

Земляной валъ, которой мѣрою вокругъ 520 сажень, изъ онаго три проѣзда; восемь церквей каменныхъ, въ томъ числѣ въ среднѣй осыпи — двѣ церкви, первая Покрова Пресвятыя Богородицы, вторая ц. Ускіновенія главы Св. Пророка Іоанна Предтечи (нынѣ эта церковь не существуетъ). Да на форштатѣ шесть церквей: первая, соборъ Воскресенія Господня, вторая Святаго Чудотворца Николая, третья ц. Воздвиженія Честнаго Креста, четвертая Святаго Великоученика Георгія, пятая ц. Всемиловитаго Спаса, шестая — Живоначальная Троицы (что былъ мужскій монастырь). Одна каменная часовня, на форштатѣ (что нынѣ духовное училище). Канцелярія воеводская въ среднѣй осыпи, и при ней архивъ и тюрьма, деревянныя ветхія, да каменная кладовая полатка, магистратъ, и при ономъ тюрьма (на форштатѣ), два дома казенныхъ деревянныхъ въ среднѣй осыпи,—первый домъ воеводскій, второй домъ *описной* ветхій. Одинъ казенной каменной магазинъ для поставки вина, три соляныхъ казенныхъ деревянныхъ амбара на форштатѣ, четыре питейныхъ дома, въ томъ числѣ одинъ изъ нихъ въ осыпи. *Двѣсти пятьдесятъ три двора обывательскихъ*, въ томъ числѣ въ среднѣй осыпи деревянныхъ 63 дома. На форштатѣ каменныхъ 3, дерев. 182,—да съ фабриками каменныхъ 2; дерев. съ фабриками 3; семь кожевенныхъ заводовъ на форштатѣ, въ томъ числѣ дерев. съ пристройкою каменною два, деревянныхъ пять; одна фабрика фламскихъ полотень купца Якова Холшевникова, производство имѣеть на 26 станахъ, пошлинъ платитъ въ казну по два рубли со става.

II.

Списокъ перечневой, сколько въ городѣ Шуѣ и онаго въ уѣздѣ какихъ чиновъ дворянъ, купцевъ, мѣщанъ, крестьянъ и разночинцевъ состоитъ и заключается подъ симъ, именно: въ городѣ Шуѣ воевода одинъ; товарищъ его 1; секретарь 1; казначей 1. Приказныхъ служителей канцеляристовъ 6; подканцеляристовъ 5; штатной воинской команды подпоручикъ 1; сержантъ 1; капраль 1; рядовыхъ 23; барабанщикъ 1; — купцевъ 124; мѣщанъ 293 человекъ; находящихся не у дѣль—бывшій воеводскій товарищъ ассесоръ 1; разночинцевъ 28; крестьянъ экономическихъ 5 чел.; владѣльческихъ 10; и того въ городѣ жителей (мужскаго пола?) всѣхъ сословій 603 души. Въ уѣздѣ

оного благородныхъ дворянъ, дѣйствительно живущихъ въ уѣздѣ, — 15, крестьянъ экономическихъ 1493; владѣльческихъ 8020 душъ; вѣдомства канцеляріи конфискаціи 4; итого всего въ городѣ съ уѣздомъ жителей 10,135 душъ.

III.

Вѣдомость доходовъ денежной суммы окладныхъ, вступившихъ по Шуйской канцеляріи въ каждый годъ. Откупной питейной 8269 рублей; съ мельницъ: съ казенной 185 руб., съ четырехъ экономическихъ 246 руб. 48 коп.; съ пустошей казенныхъ 4 р. 30 к.; съ записныхъ раскольниковъ пошлинъ, съ 445 человекъ муж. пола, 242 руб. 10 коп.; съ купечества, со 124 душъ, 422 р. 65 коп.; съ мѣщанства, съ 393 душъ, 466 руб. 70 коп.; съ крестьянъ экономическихъ, съ 1498 душъ, 4044 руб. 60 к.; съ беспомѣщичьихъ, съ 4 душъ, 10 руб. 80 коп.; съ владѣльческихъ, съ 8020 душъ, 5621 рубль. И того доходу казеннаго 19,512 руб. 73 копейки.

IV.

Вѣдомость о доходахъ казны неокладныхъ, сколько оныхъ по Шуйской канцеляріи годовыхъ вступило, значитса подъ сѣмъ: съ купечества капитальныхъ 541 рубль 3 коп.; съ фабричныхъ становъ 206 р. 29 к.; съ исковыхъ челобитныхъ 6 руб.; мировыхъ пошлинъ 20 коп.; съ печатныхъ 10 р. 83 коп.; посаженныхъ 69 к.; восковыхъ 41 коп.; штрафныхъ за покупное въ другихъ уѣздахъ вино 5 руб.; крѣпостныхъ 195 руб. 7 к.; воиловныхъ 9 коп.; приводныхъ 91 к.; новоположенныхъ крѣпостныхъ 15 р. 40 к.; пашпортныхъ 109 руб.; за гербовую бумагу 15 р. 44 к.; накладныхъ при платежѣ подушныхъ 142 р. 74 к.; съ явочныхъ челобитныхъ 13 р. 75 к.; истинныхъ за вино 3817 руб. 44 коп.; за гербовую бумагу 10 р. 46 к.; за проданную набѣглую лошадь 6 р. 50 коп.

V.

Вѣдомость, учиненная изъ докладныхъ Шуйской воеводской канцеляріи рѣсстровъ, по отиѣткамъ повытчиковъ о состоящихъ у нихъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ, у кого именно. У Ивана Чельшева рѣшенныхъ 85 дѣлъ, нерѣшенныхъ 1; у Козьмы Романова рѣшенныхъ 35 дѣлъ, нерѣшенныхъ 4; у Михайла Черныхъ рѣшенныхъ 35; у Петра Черныхъ рѣшенныхъ 115 дѣлъ, нерѣшенныхъ 48 дѣлъ; у Ивана Гнехова рѣшенныхъ дѣлъ 146, нерѣшенныхъ 3; у Семена Охотникова рѣшенныхъ 48 дѣлъ, нерѣшенныхъ 1; у Михайла Красовскаго вѣтъ ничего; у Андрея Чернова рѣшенныхъ 37 дѣлъ; у Ивана Федорова рѣшенныхъ 1 дѣло. — Къ этой вѣдомости, нелишнимъ считаю, съ своей

стороны, прибавить, что подъячие Шуйскіе того времени, видно, очень честные люди были, такъ что нынѣшнимъ чиновникамъ, въ скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ, едвали придется соперничать! Сомнѣваюсь, впрочемъ, въ добросовѣстности приказныхъ тогдашняго времени тѣмъ болѣе, что отъ генераль-губернатора Воронцова неоднократно предписывалось извѣщать его о скорѣйшемъ рѣшеніи текущихъ дѣлъ въ Шуйской воеводской канцеляріи.

VI.

Вѣдомость, учиненная въ Шуйскомъ городскомъ магистратѣ, о покупкѣ и продажѣ хлѣба и другихъ припасовъ въ прошлыхъ и въ нынѣшнихъ 1778 годахъ, что дороже и что дешевле оказалось хлѣба и прочихъ продуктовъ по нижеслѣдующимъ цѣнамъ, при семъ прилагается на оборотѣ сей краткой описи:

ТАБЛИЦА О ЦѢНАХЪ НА ПРОДУКТЫ.

Въ 1773 году.		Въ продажѣ.		Въ 1774 году.		Въ продажѣ.		Въ 1777 и 1778 годахъ.					
Четвертями.		Четвертями.		Четвертями.		Четвертями.		Четвертями.		Дороже.			
Рубл.	Копейк.	Рубл.	Копейк.	Рубл.	Копейк.	Рубл.	Копейк.	Рубл.	Копейк.	Въ по- купкѣ.	Въ про- дажѣ.	Рубл.	Копейк.
Пшеница . . .	4 15	4 25	Пшеница . . .	4 40	4 20	Пшеница . . .	— 15	— —	Пшеница . . .	— 15	— —	Пшеница . . .	— 15
Рожь	2 30	2 40	Рожь	3 50	3 60	Рожь	1 10	1 20	Рожь	1 10	1 20	Рожь	1 10
Мука ржаная.	2 50	2 60	Мука ржаная.	3 60	3 80	Мука ржаная.	1 10	1 20	Мука ржаная.	1 10	1 20	Мука ржаная.	1 10
Крупа гречи.	3 65	3 75	Крупа гречи.	5 40	5 50	Крупа гречи.	1 65	1 75	Крупа гречи.	1 65	1 75	Крупа гречи.	1 65
Овесь	1 35	1 45	Овесь	1 50	1 60	Овесь	— 5	— 15	Овесь	— 5	— 15	Овесь	— 5
Ячмень	1 60	1 80	Ячмень	3 40	3 50	Ячмень	1 60	— —	Ячмень	1 60	— —	Ячмень	1 60
Сѣмяльняное.	3 15	3 25	Сѣмя льняное.	4 15	4 25	Сѣмяльняное.	— 90	1 —	Сѣмяльняное.	— 90	1 —	Сѣмяльняное.	— 90
Горохъ	3 40	3 60	Горохъ	4 40	4 50	Горохъ	— 80	— 90	Горохъ	— 80	— 90	Горохъ	— 80
Пудами.			Пудами.			Пудами.			Пудами.			Пудами.	
Сало	— 14	— 15	Сало	— 17	— 18	Сало	— 2	— 3	Сало	— 2	— 3	Сало	— 2
Медь	3 9	3 10	Медь	3 15	3 25	Медь	— 5	— 15	Медь	— 5	— 15	Медь	— 5
Хмѣль	4 26	4 36	Хмѣль	3 90	4 —	Хмѣль	Дешев.	быгъ.	Хмѣль	Дешев.	быгъ.	Хмѣль	Дешев.
							— 26	— 36					

Ч. С. Владиміръ Борисовъ.

РѢКА ЛОКНЯ.

Прочитавъ въ «Исторіи Государства Россійскаго» г. Карамзина (изд. Эйнерлинга, кн. 1, т. II) подъ годомъ 1127, о нашествіи Половцевъ, которыхъ послы были схвачены въ окрестностяхъ рѣки Сейма (стр. 102), и снеся это мѣсто съ мѣстомъ въ «Исторіи Россіи съ древѣйшихъ временъ», г. Соловьева (изд. 2, 1856 г., стр. 96), мнѣ кажется, что предположеніе ихъ о мѣстѣ рѣки Локни—нельзя признать основательнымъ.

Карамзинъ пишетъ: «Послы ихъ (Половцевъ) не могли уже возвратиться и были схвачены въ окрестностяхъ рѣки Сейма, посадниками Ярополка». Въ примѣчаніи 245 на это мѣсто читаемъ: «И приде ихъ (Половцевъ) со Селукомъ и съ Ташежъ и сташа у Ратьмирѣ дубровѣ за Выремъ (рѣкою Виромъ Слободс. Украинс. губ.) и имаша послы ихъ на *Локль*». Это мѣсто историографъ поясняетъ такъ: «думаю, одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ Семь или Сеймъ».

Г. Соловьевъ говоритъ: «Половцы явились на зовъ Всеволода, въ числѣ 7,000, и стали за рѣкою Выремъ у Ратмировой дубравы; но послы ихъ, отправленные къ Всеволоду, были перехвачены на рѣкѣ *Локль*», а въ примѣчаніи 179 поясняетъ: «Рѣка (Вырь) въ Харьк. губер., впадающая въ Сеймъ», въ примѣчаніи же 180 о рѣкѣ Локнѣ замѣчаетъ: «впадающей въ Вырь». И такъ, у одного историка р. Локня впадаетъ въ р. Семь, а у другого въ р. Вырь. Слѣд., мѣстность рѣки Локни до этого времени еще не опредѣлена съ точностію.

Въ отказной книгѣ новому городу Суджѣ (*), учиненной 7172 (1664) года стольникомъ Герасимомъ Рагозинымъ, между прочимъ, написано: «А отъ Путявльской и Крымской стороны изъ подъ Татарскаго шляху вышла рѣка *Локля* и, обошедши городъ Суджу, впаде въ рѣку Суджу выше города». И если нѣтъ другой р. Локни въ Харьк. губ., впадающей въ р. Вырь или въ Семь, то можно утвердительно сказать, что р. Локня впадаетъ не въ Вырь, Семь или Сеймъ, а въ р. Суджу (въ 3 вер. отъ г. Суджи Курской губ.), которая, пройдя чрезъ г. Суджу съ восточной и частию южной сторонъ, впадаетъ въ трехъ верстахъ ниже города, подъ селомъ Куриловкою, въ Рѣку Пселъ.

(*) Копія съ этой описи и съ описи окружной межи Суджанскаго уѣзда препровождены мною въ Императорское Русское Географическое Общество въ 1851 и 1853 годахъ.

А потому въ означенныхъ мѣстахъ исторіи должно разумѣть не другую р. Локню, а ту, которая, хотя вытекаетъ почти на границѣ Харьковской губ. съ Курскою, подъ слободою Юнаковскою (въ 18 верс. отъ г. Суджи), но впадаетъ въ р. Суджу, въ чемъ можно болѣе увѣриться изъ того, что при началѣ р. Локни находится, смежное съ Юнаковскою (Харьк. губ. въ 18 верс. отъ г. Суджи), «село Локня», съ прибавленіемъ названія «духовничая,» потому что было подарено духовнику Императрицы Елисаветы Петровны — Дубянскому; по теченію той же рѣчки внизъ, находится село «Козачья Локня» (отъ г. Суджи по Льговской дорогѣ на прямую линію въ 3, а по дорогѣ въ 6 верс.); далѣе по Льговской дорогѣ, съ лѣвой ея стороны (въ 2 верс. отъ дороги и въ 15 в. отъ г. Суджи), стоитъ село «Малая Локня», въ просторѣчій называемое «Сотницкимъ», отъ владѣнія тѣмъ селомъ издавна, Сумскаго казачьяго полка сотеннаго города Суджи сотника Давидова, на рѣчкѣ «Локонькѣ», впадающей въ р. Локню подъ селомъ «Козачья Локня». Три названія селеній: «Духовничая Локня, Козачья Локня и Малая Локня», достаточно оправдываютъ мое предположеніе, что можно разумѣть не другую какую Локню, а Локню, находящуюся Курск. губ. близъ г. Суджи и впадающую въ рѣку Суджу.

Самая понижа послонъ Половецкихъ на рѣкѣ Локнѣ, впадающей въ р. Суджу, а не въ р. Вырь или въ р. Семь (Харьк. губ. Сумскаго уѣзда) могла быть удобнѣе, по ближайшему ея разстоянію отъ г. Курска (90 в.), а не на той, которая, будто бы, впадаетъ въ р. Вырь, при которой находится село Виры, отстоящее отъ г. Курска далѣе 170 в. Не противорѣчитъ это предположеніе и тому, что послы Половецкіе были схвачены въ окрестностяхъ р. Семи, потому что рѣка Семь протекаетъ не далѣе 20 верствъ отъ р. Локни, что можно назвать окрестностію р. Семи. Нелишнимъ считаю здѣсь пояснить, какъ правильнѣе называть рѣку «Семь», или «Сеймъ». Эта рѣка, вытекающая въ Обоянскомъ уѣздѣ (Курс. губ.) изъ семи отдѣльныхъ ключей и сливаясь въ одинъ источникъ, справедливо могла назваться рѣкою «Семь», а не «Сеймъ», потому что, хотя слово *сеймъ* также означаетъ собраніе — соединеніе многихъ людей, но оно не могло быть перенесено на собраніе семи источниковъ, появившихся изъ Польскаго языка уже тогда, когда въ здѣшнихъ мѣстахъ начали имѣть понятіе о народныхъ сеймовыхъ собраніяхъ Польскихъ (*).

Ч. С. Дмитрюковъ.

(*) Сл. *сеймъ* обще-Славянское, а не исключительно Польское. Слова *сеймъ*, *соймъ*, *сугмъ* — чисто-Русскія. ред.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ КНИГИ КОЗМЫ ИНДИКОПЛОВА (*).

Краткое описаніе рукописнаго сборника, содержащаго въ себѣ сочиненіе Козмы Индикоплова, находится въ письмѣ С. Ив. Гуляева, изъ Барнаула, отъ 22 марта 1860 г., къ г. секретарю Общества Ѳ. Г. Тернеру.

Экземпляръ, ему принадлежащій, писанъ, по его мнѣнію, не позже XV в., между тѣмъ какъ экземпляръ Козмы, въ Макарьевской Четьи-миновѣ, писанъ въ XVI в. (и именно въ 1542 г., какъ видно изъ послѣсловія синод. библи. № 997); экземпляръ же Козмы, находящійся въ публ. библиотекѣ—въ XVII в. (изъ биб. гр. Толстаго, отд. I, № 51). Оба эти свѣдѣнія сообщены г. Буслаевымъ (въ его Историческихъ очеркахъ рус. народной словесности и искусства, I. 617, II. 325).

Предоставляя специалистамъ нашимъ опредѣлить важность этого новаго списка Козмы, а равно значеніе стариннаго перевода Козмы, какъ книги научной и произведенія литературнаго, я остановлюсь на немъ только по отношенію къ Греческому тексту.

Сличеніе извлеченій изъ Козмы, сдѣланныхъ г. Гуляевымъ, съ текстомъ не привело меня къ важнымъ результатамъ. Филологъ—славянинъ, конечно, можетъ заинтересоваться тѣмъ, какимъ образомъ переводилось въ старину такое-то греческое слово; но филологъ—эллинистъ или византинистъ едва ли найдетъ въ этомъ переводѣ что-нибудь такое, что бы могло послужить пояснительнымъ вариантомъ для Греческаго текста, давно изданнаго и переведеннаго на Лат. и на Франц. языки. (*Collectio nova patrum et scriptorum Graecorum*, Edid. Montfaucon, 1706. Parisiis t. 2)

Извѣстная *христіанская топографія* Козмы, писателя VI в., есть сочиненіе въ высшей степени замѣчательное по этнографіи, такъ какъ оно представляетъ намъ разказъ очевидца, самого Козмы, о народахъ,

(*). Извлеченія эти доставлены въ Этнографическое Отдѣленіе членомъ-сотрудникомъ С. И. Гуляевымъ.

жившихъ въ то время въ Эѳіопіи, Аравіи, Персіи и Индіи, и о ихъ торговыхъ сношеніяхъ. Въ этомъ отношеніи Козма давно оцѣненъ, какъ источникъ, служащій посредствующимъ звеномъ между историками Александровыми, Птолемеемъ и между мусульманскими историками VIII в. и дальше, и оцѣненъ такими знатоками, каковы были Герель, Нибуръ, Неандеръ и Риттеръ. Козмографъ и зоологъ, миѣ кажется, былъ онъ не блестящій, но не стану мѣшаться не въ свое дѣло. Что касается до упоминанія о *Руси*, между современными ему народами, то это единственное названіе, прибавленное переводчикомъ отъ себя. Да не смутитъ оно ни прежней, ни новой партіи Русотолковниковъ: Руся у Козмы нѣтъ: недовко же было переводчику въ цѣпи столь многихъ племенъ не упомянуть о Руси.

Г. Гуляевъ имена собственныя нарочно прописываетъ такъ, какъ они въ рукописи: отъ того, вмѣсто Кикладъ или Цикладъ, читается Клюклу, вмѣсто Іоніи—Неонію и т. п. Считаю нужнымъ замѣтить, что названія Снедедова и Цынвиста приведены переводчикомъ согласно съ текстомъ, гдѣ первое означаетъ Цейлонъ, а второе, собственно *ταχίνα*—Китай.

Д. Ч. Дестунисъ.

БЫЛИНЫ О ЦАРѢ ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ.

Взятіе Казани (*)

По городу Татаринокъ погуливаетъ,
Надъ нашимъ надъ царемъ насмѣхается:
Не взять тебѣ Казань городъ ни во сто лѣтъ,
Ни во тысячу годовъ.
На это нашъ государь приразгнѣвался,
Приказалъ нашъ государь подъ Казань городъ
Подкопы подкопати.
Подъ рѣчку Казанку подкопы подкопали,
Много бочекъ закатали
Съ чернымъ порохомъ.
Засвѣтили на нихъ свѣчки воскояровыя,
Молодые пушкари изъ подкопу выходили,
Свѣчки догорѣли,—бочки не разорвало.
На то нашъ государь приразгнѣвался и пріосердился,
Приказалъ нашъ государь
Пушкарей своихъ казнить,
Саблей головы рубить.
Всѣ наши пушкарчики задумались, стоятъ,
Ничего не говорятъ.
Одинъ же пушкарчикъ осмѣлился,
Къ царю близко подходить,
Ему рѣчи говорилъ:
Грозный царь Иванъ Васильевичъ!

(*) Пѣсня эта извлечена изъ прекраснаго сборника пословицъ, загадокъ, басенъ и пѣсень, доставленнаго въ Общество въ 1849 г. отъ директора Перискихъ училищъ, модъ заглав. «Этнографическіе очерки села Новаго Усожья». По словамъ автора, она записана со словъ одного пріѣзжаго мужика.

Не приказывай казнить,
 Прикажи мнѣ говорить:
 «На ходу то наши свѣчки скоро горять,
 Во глухомъ же мѣстѣ онѣ тихо горять...
 Не успѣлъ слова вымолвить,—
 Свѣчки догорѣли, бочки розорвало.
 Теперь нашъ государь привозрадовался,
 Приказалъ нашъ государь
 Пушкарей своихъ дарить,
 Всѣмъ пушкарямъ по пятьдесятъ рублей,
 Одному пушкарику пятьсотъ ему рублей;
 За то ему пять сотъ:
 Къ царю близко подходилъ,
 Ему рѣчи говорилъ.

Федоръ Ивановичъ Пожарскій (*).

Грозенъ былъ воинъ чарь нашъ батюшка,
 Первый чарь Иванъ Васильевичъ,
 Сквозь дремущій лѣсъ съ войскомъ силою
 Онъ прошелъ въ страну Татарскую,
 Себѣ чарство взялъ Казанское,
 Государство Астраханское;
 Вывелъ Перфила изъ Новагорода,
 Не вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ,
 То чарское сердце разгоралося
 Пусче огня, пусче полыми.

Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
 У меня есть дзе всяки мастера,
 Есть такіе розны дохтуры,
 Но всё прятютча—старый за малаго,
 И хоронятча малый за стараго;
 А одинъ изъ нихъ лишъ не прятчетча,
 То малютка палачъ, то Гурбатовъ сынъ.

(*). Записана со словъ крестьянина села Кумедѣева (Нижегородской губерніи Ардатовскаго уѣзда).

Ну, пойдзи ка сюда, гой, Гурбатовъ смысь!
 Сослужи ка небось службу вѣрную,
 Службу вѣрную,—не ижьменную:
 Во полаты ступай, въ чарьски каменны,
 Взявъ чаревича тамъ за цѣрны кудри,
 Распоясни съ него шелковой поясъ,
 Золотой перстень сними съ правой руки.
 Отведзи самага на Москву на рѣку
 Впрямъ на мѣсто, на то мѣсто добное,
 И на плаху на ту—что на липову;
 И сними тамъ съ него буйну голову,
 А мнѣ къ явкѣ подай саблю вострую,
 Саблю вострую въ горящей его рудзе.

И увидзель то Федоръ Ивановичъ,
 Федоръ Ивановичъ—Пожарской смысь,
 Изъ косасчята въ окошечька;
 Пропустивши чаря вдоль по улице,
 Вдоль по улице, вдаль отъ тсерема,
 Какъ воскликнеть онъ ко Гурбатову:
 Охъ ты гой еси, Гурбатовъ палачь,
 Не за свой ты кусъ принимаешся,
 Самъ кускомъ такимъ подавшися.
 И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго,
 Слугу вѣрнаго свово стряпчаго;
 Свово стряпчаго, что не лудцава,
 Что не лудцава, свово клюшницка:
 На сьнями, онъ пробаль, съ него голову,
 Снеси саблю къ чарю, въ горящей рудзе,
 А къ чаревичу не придавствуйся.

Вотъ на утро чарь Иванъ Васильевичъ,
 На поминки собралъ поголовно народъ,
 Онъ бояръ повелѣлъ въ медвежны вшиватъ,
 Во медвежны вшиватъ по Москвѣ рѣкѣ пусцатъ,
 А поповъ приказалъ во кули зашиватъ,
 Во кули зашиватъ, по Москвѣ жъ рѣкѣ пусцатъ
 Что чаревича не засцювали.

Вотъ съезжаютчи всѣ въ платьѣ цѣрныимъ,
 Въ платьѣ цѣрныимъ, во печальныимъ,

А ѣдетъ лишь Федоръ Ивановичъ,
 Федоръ Ивановичъ, Пожарской сынъ,
 Пожарскій сынъ во нарядѣ чвѣтномъ,
 Во нарядѣ чветномъ, въ яркомъ золотсе,
 И кони его всѣ обряжены,
 Всѣ обряжены, что не лудціа
 А веселье въ самомъ такъ и свѣтитча.

Вотъ увидзълъ то чарь Иванъ Васильевичъ,
 Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ:
 Ой ты гой еси, Федоръ Ивановичъ!
 Федоръ Ивановичъ Пожарскій сынъ;
 Аль объ горѣ моемъ ты не свѣдался,
 Что срядитча посмѣлъ, словно въ радостный пиръ?
 А Пожарской сынъ отвѣчаетъ чарю:
 Я батюшка чарь, все въ отлущкѣ гулялъ,
 Все въ отлущкѣ гулялъ за охотою,
 И поймалъ сокола что не лудчава,
 Цто не лудчава тсеѣ ближняя:
 То сына тсеѣ роднаго.
 И возрадовался чарь, и отвѣтсилъ ему:
 Ужъ ты гой еси, Федоръ Ивановичъ,
 Федоръ Ивановичъ—Пожарской сынъ,
 Вѣдь не мнѣ бы чаремъ, а тсеѣ должно бытъ,
 Ты умѣлъ соблюстси чарьски сѣмены.

Темрюкъ Темрюковичъ Черкасскій.

Собралъ чарь Иванъ Васильевичъ поцестный пиръ, похвальный пиръ, всѣ сидятъ, пьютъ-ѣдятъ, калацыка кушаютъ и бѣлаго лебѣдзя рушаютъ; а одзинъ гостсъ не пьеть и не ѣстъ, калацыка не кушаетъ, и бѣлаго лебедзя не рушаетъ; ужъ ты гой еси, мой любимый гостсъ: что ты не пѣшь, не ѣшь, калацыка не кушаешь и бѣлаго лебедзя не рушаешь; не зло ли ты думаешь? не лихо ли складываешь? Не лихо я думаю, не зло я-складываю; у меня съ молода охотичька была, съ молодыхъ дѣнь толи бѣшеная, съ борчани поборотчя бы мнѣ, съ удалцами поводитчя бы; въ Москвѣ борчовъ не годзилоса и лихихъ удалчовъ не лудчалоса. Посылалъ чарь Иванъ Васильевичъ во всѣ города, во губерніа, отыскать удалчовъ, разудалыхъ бойчовъ; то и ѣдутъ къ селу два брата рѣдные, два Андрея, два Андреевица; то везутъ на сеѣ лубья свѣжіа, словно лошади; то ихъ нагнали удалца

молодчи, вишь на тройкѣ, и говорятъ имъ, што чарь Иванъ Васильевичъ просить васъ въ гости къ сев; то они прѣхали ко широкому дворцу чарскому, стали сапожки потагивать, цулодки поправивать: то увидѣлъ изъ косясцыта окошицка Темрюкъ Темрюковицъ, молодой Церькасовицъ, кинулся, бросился, 300 скамей повалилъ, 700 гостей задавилъ, да 200 удалыхъ молодчовъ; то и схватился -еще боротча съ малымъ брагомъ; и былъ Темрюкъ на рѣзвыхъ ногахъ, а оцугился Темрюкъ на буйной головѣ; то увидѣла Марья Темрюковна, молодая Церькасовна; ужъ ты гой еси мужикъ—мужицый сынъ, крапивны твои сѣмены, на сколько бы ты не бородся, на сколько бы ты не водзился на стражъ бы ты тѣла не давалъ. То изволилъ говоритсь чарь Иванъ Васильевичъ: ужъ ты гой еси Марья Темрюковна, молодая Церькасовна, впредъ Тсемрюкъ пустсъ не хвалитча.

СТИХЪ О ЛѢНИ (*).

Слово Іоанна Златоустаго!

Братіе, вы долго не спите,

Много не лежите.

Вставайте вы рано,

Ложитесь поздно.

Лежа вамъ добра невидати

И грѣховъ не очистити.

О, горе такому лѣнивому!

Лѣнивому милу не бывати,

Лѣнивому въ судьяхъ не живати,

Лѣнивому сладкаго не ѣдати,

Лѣнивому брашнаго не пивати,

Лѣнивому сряднаго не уносити.

О горе такому лѣнивому!

У лѣниваго за плечами камень

На плечахъ -- тараканы

О горе такому лѣнивому!

Лѣнивый, какъ пьяная свинья по грязи валяется

И объ уголь она чешется.

О горе такому лѣнивому!

Лѣнивый—аъ, какъ пестъ, по улицѣ шатается,

И людямъ-то онъ завидуетъ;

(*) Поютъ слѣпцы нищіе, калеки переходіе. Изъ статьи г. Берентова «Село Шельбово Юрьевского уѣзда».

На чужое добро онъ надѣется,
И на окна онъ глядитъ,
О горе такому лѣнивому!

Лѣливый-ать, какъ червь капусту точитъ.
О горе такому лѣнивому!

Навыкъ же лѣливый чужими трудами корчиться.
О горе такому лѣнивому!

Лѣливый-ать дому не хозяинъ,
И дѣтямъ своимъ не отецъ,
И женѣ своей не мужъ.
О горе такому лѣнивому!

Лѣливый-ать, какъ трутень по печи валяется,
И спитъ онъ, не просыпается;
Онъ и проснется, Богу не молится;
Что и знаетъ, да не прочтаетъ.
О горе такому лѣнивому!

У лѣливаго во брадѣ посмѣшество,
На языкѣ гордость,
Во главѣ его уныніе,
На сердцѣ его печаль.
О горе такому лѣнивому!

У лѣливаго сатана гнѣздо въ сердце свила.
О горе такому лѣнивому!

На лѣливаго бѣды и напасти,
Яко снѣгъ на главу его летитъ.
О горе такому лѣнивому!

Не наследовать лѣнивому царствія небеснаго.
О горе такому лѣнивому!

Наследовать лѣнивому злу муку превѣчную.
О горе такому лѣнивому!

Объ лѣливыхъ рабахъ самъ Господь Богъ не печется.
Отъ великой лѣбности избави Господи и помилуй!

СТИХЪ О 12 ПЯТНИЦАХЪ.

Приидите, людіе, послушайте писаніе Божіе,
Поученіе Климента — Папы Римскаго,
Пріимите правило малое;
Да сохранитъ челоувѣкъ заповѣдь Божию, —
Великихъ въ году дванадесять пятницъ.

Первая великая пятница
На первой недѣлѣ поста великаго.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу убилъ братъ брата, Каннъ—Авеля.
Кто станетъ той пятницѣ постытися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ челоувѣкъ избавленъ будетъ отъ убійства,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Вторая великая пятница
Противъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу воплотился Господь въ Дѣву Марію.
Кто станетъ той пятницѣ постытися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ челоувѣкъ избавленъ будетъ отъ плотской похоти,
И діавольскаго искушенія сохраненъ будетъ,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Третія великая пятница
Противъ Свѣтлаго Воскресенія Христова.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу распятъ былъ Исусъ Христось.

Кто станетъ той пятницѣ поститися
 Святымъ постомъ и молитвою,
 Тотъ человѣкъ отъ неприяственной силы сохраненъ будетъ,
 Помилованъ будетъ отъ Бога.

Четвертая великая пятница
 Противъ вознесенія Иисуса Христа Бога нашего.
 Почему та великая пятница?
 Въ ту пятницу вознесся Господь на небеса.
 Кто станетъ той пятницѣ поститися
 Святымъ постомъ и молитвою,
 Тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ воднаго потопленія,
 Помилованъ будетъ отъ Бога.

Пятая великая пятница
 Противъ Троицы Нераздѣльных.
 Почему та великая пятница?
 Въ ту пятницу сошелъ Духъ Святый на землю,
 Показался Господь въ трехъ лицахъ,
 Отецъ и Сынъ и Святый Духъ.
 Кто станетъ той пятницѣ поститися
 Святымъ постомъ и молитвою,
 Тотъ избавленъ будетъ отъ трясучкой скорби,
 Помилованъ будетъ отъ Бога.

Шестая великая пятница
 Противъ Ильи пророка Божія.
 Почему та великая пятница?
 Въ ту пятницу взятъ былъ Илья и Енохъ въ живѣ на небеса.
 Кто станетъ той пятницѣ поститися
 Святымъ постомъ и молитвою,
 Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ грома,
 Помилованъ будетъ отъ Бога.

Седьмая великая пятница
 Противъ Спаса Преображенія.
 Въ эту пятницу преобразился Господь на Фаворѣ
 Предъ учениками, предъ апостолами.
 Кто станетъ той пятницѣ поститися
 Святымъ постомъ и молитвою,

Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ при дорогѣ —
 При пути отъ лихихъ людей,
 Помилованъ будетъ отъ Бога.

Осьмая великая пятница

Противъ Успенья Пресвятыя Богородицы.

Почему та великая пятница?

Въ ту пятницу за престоломъ представилась Мать Пресвятая Богородица.

Кто той пятницу́ станетъ поститься

Святымъ постомъ и молитвою,

Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ нужды и печали,

Помилованъ будетъ отъ Бога.

Девятая великая пятница

Противъ Іоанна Постителя.

Почему та великая пятница?

Въ ту пятницу Царь Иродъ Іоанну главу отсѣкъ.

Кто той пятницу́ станетъ поститься

Святымъ постомъ и молитвою,

Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ зубной и головной боли,

Помилованъ будетъ отъ Бога.

Десятая великая пятница

Противъ Космы-Демьяна безсребренниковъ.

Почему та великая пятница?

Въ ту пятницу мучилась Праскева мученица у Максимилиана царя,

Стояла за вѣру за крещеную,

За крестъ, за молитву, за истину.

Кто той пятницу́ будетъ поститься

Святымъ постомъ и молитвою,

Тотъ на суду отъ судей напрасно не осудится,

Помилованъ будетъ отъ Бога.

Первая на десять великая пятница

Противъ Рождества І. Христа Бога нашего.

Почему та великая пятница?

Въ ту пятницу родился самъ І. Христосъ отъ Дѣвы Маріи.

Кто станетъ той пятницу́ поститься

Святымъ постомъ и молитвою,

Тотъ человѣкъ узритъ при смерти Пресвятую Богородицу,

Помилованъ будетъ отъ Бога.

Вторая на десять великая пятница
Противъ Божія Богоявленія.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу крестился Господь въ Иорданѣ рѣкѣ отъ Іоанна Крестителя.
Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ записанъ будетъ у Господа въ животной книгѣ.

Кто эти дни сохранить и помиловать,
Помилованъ будетъ отъ Бога,
А кто эти пятницы не сохранить
И совокупится съ женою,
У того зародится дѣтище
Либо глупо, либо нѣмо,
Либо еретникъ, либо клеветникъ,
Либо воръ, либо разбойникъ
Или всякому дѣлу начальниѣ будетъ.

(Изъ ст. г. Береншова «Село Щельбово Орловскаго уѣзда»).

МОЛИТВА СВ. ІОАСАФА.

I.

Боже Отче Всемогуще,
Боже Сыне Присносущне,
Боже Душе Параклите,
Многозарный міру Свѣте;
Въ триехъ лицѣхъ пребывая,
Существо си тожде зная!
Къ Тебѣ, грѣшный, прибѣгаю,
Многи слезы проливаю;
Благоволи мя Ты пріяти,
Тебѣ Богу работати;
Донележе даси жити,
Хочу Твой рабъ выну быти.
Тебе ради міръ лишаю,
Царство и други оставляю;
Честный вѣнецъ мнѣ ничтоже,
Тебе ради, Христе Боже;
Нѣсть ми вода царствовать,
Много богатства содержать;
Во уметы вся вмѣняю,
Тебѣ, Христе, подражаю
Изъ палаты свѣтлы иду
Въ лѣсы темны обитати.
Изъ града граду въ пустыню,
Любя зѣло въ ней густыню;
Яко Твоя воля будетъ,
Дажь, да Твой рабъ въ ней пребуду;
Тебѣ выну работая,
Въ совершенства поступаая.
Кромѣ Тебе мнѣ ничто же,
Лѣтъ творити благо, Боже.

Ты ми путь мой Самъ направи,
Да живу Ти, Самъ настави;
Вся надежда моя къ Тебѣ,
Ты спаси мя, живый въ небѣ.
Ты же дебре и пустыни,
Прими мя въ густыни,
Безмятежно въ тебѣ жити,
Богу живу послужити;
Иду внутрь тя обитати,
Ты ми буди, яко мати;
Питаючи съ древесъ плоды
И дивными былии роды;
Сладки чаши оставляю,
Токовъ Твоихъ водъ желая,
Да возмогу отъ тѣхъ пити,
Потоки отъ очей слезъ точити,
Грѣхи моя омывая,
Бога въ милость преклоняя;
Міра славу, серебро, алато,
Цѣнно имамъ, яко блато;
Точію то ми есть требѣ,
Что намъ Господь хранить въ небѣ;
Того хочу азъ искати,
Скорби и нужды злострадати;
Труды многи положить,
Токмо дабы въ небѣ жити;
Тѣснымъ путемъ итти тшуся,
Да въ пространство водворюся;
Свѣтло небо, въ немъ же сладость,
Безконечная вся радость;

Звѣрей дивнѣшихъ азъ не боюся,
 На Христа я надѣюся
 Яко имать укротити,
 И подасть ми мирно жити.
 Тѣхъ ми паче умнѣи звѣри,
 Страшни иже зли безъ мѣры,
 Ибо душу убиваютъ,
 Егда оу въ грѣхъ прельщаютъ.
 Но и отъ тѣхъ мнѣ Спаситель,
 Христосъ будетъ защититель,
 На Нь же весьма уповаю,
 Всего ему я вручаю.
 Желаю же Варлаама зрѣти,
 Дабы жити намъ купно,

Да ияъ я наставляюся
 Къ Богу живу и спасуся;
 Онъ мя къ Богу примиритъ есть,
 Свѣтомъ правды просвѣтитъ есть;
 Онъ же ми жизни вождь да будетъ,
 Съ нимъ духъ мой выну пребудеть;
 Съ нимъ вѣкъ жити гдѣ желаю,
 По смерти быти—чаю;
 О! даждь, Христе, получитьи,
 Съ Варлаамомъ здѣ мнѣ жити.
 И по смерти пою славу,
 Въ свѣтломъ небѣ Бога Отца величаю,
 Духа Святаго прославляю;
 И нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ,
 аминь.

II.

СТИХИ О ВРЕМЕНАХЪ АНТИХРИСТОВЫХЪ.

По грѣхомъ нашихъ, на нашу страну. Умертви овцы и со пастыри.
 Осѣни облакъ зѣло мрачный; Обагрись земля отъ овецъ крови,
 Постигла насъ тма несвѣтлая, Возмерде воздухъ отъ овецъ плоти;
 Солнце угаси свѣтлая, Премѣни море естество свое,
 Свѣтъ свой не яви, На себѣ зря тѣлеса святыхъ;
 На лица земли; Наступи зима зѣло лютая,
 Прежде вечера, въ часы дневные, Уби виноградъ всезеленый.
 Наступила ночь зѣло темная; Духъ Антихристовъ возвѣи на насъ,
 Луча измѣни естество свое, Смути вѣру всю Православную,
 Свѣтлая луча во тму предложася; Оскверни души христіанскія.
 Звѣзда въ небеси Въ тая времена во плачевная
 Свѣтъ свой угаси, Всякая душа православная
 Земля и вода свой плодъ сократя; Не могла пребыть безъ рыданія.
 Паде съ небесе саяъ горящій, И нынѣ о томъ воспоминаеть кто,
 Пшеницу сломи несозрѣлую; Каковыхъ святыхъ мы лишалися!
 Изъ разсѣлинъ горы каменны Живемъ, грѣшныи, по своей волѣ,
 Изъде змій многоглавыи, Не слышимъ нынѣ гласа пастырей,
 И со многими крокодилами, Наставляющихъ ко спасенію,
 Огради стадо овецъ мысленныхъ, Въ число времени настоящаго,

Измѣненія тривременнаго,
Тревоженія всегубительна,
Благочестія нарушенія,
Церковнаго колебанія
Отъ самаго основанія,
Богословія противленія.

А мы, грѣшніи, за грѣхи наша,
Послѣ сихъ временъ породилися;
Живемъ, грѣшніи, по своей воли,
Живыхъ насъ гробамъ что не пре-

Не видали бы плачевныхъ дней,
Не терпѣли бы глада нужнаго.
Не имѣемъ мы покаянія,
Умираемъ мы безъ причастія,

Лишаемся мы жизни вѣчнаго!
Въ чешь надежда наша ко спасенію?
Мы скитаемся вси безъ пастырей,
Отъ лютыхъ звѣрей уядаемъ.

Аще помяну благочестіе,
Когда процвѣтаетъ кривъ церковный;
Не могу пребыть безъ рыданія,
Солнечна луча зайде отъ пророкъ,
Дневный нашъ свѣтъ тмою осѣни,
Духъ антихристовъ всѣхъ насъ воз-

Богъ дастъ имъ мѣста нарочитыя!
Изсушила воля память смертнующую,
Вкоренила въ сердце прелесть зем-

До конца тлѣетъ благочестіе;
Лихоницы вси грады содержатъ,
Немилосердые въ градѣхъ первіи,
А смиренніи отъ градовъ бѣжатъ,
Слезно плачутся—негдѣ скрытися;
На мѣстахъ пути аліи наставницы,
Православніи вси пограблены;
Отъ отечества воиъ выгнаны,
Отцы братією ненавидимы,
Всѣми сродными оклеветаемы,

Вдовы и сироты вси обижены,
Беззаступныи во изгнаніи,
Духовный законъ съ корене съѣлъ,
Законъ градскій въ конецъ ис-

требленъ,
Въ закона мѣсто водворилося
Беззаконіе и нечестіе;

Миръ съ любовію остави землю,
Блудъ со злобою и нечистота
На мѣсто любви водворилися.
Во страны языкъ уклонилися.

Трезвость и постъ съ воздержаніемъ
И растлѣніемъ затворилися;
Пьянственные дома со объядніемъ
И веселіемъ водворилися;
Съ пути христіанскаго совратилися
Ко обычаямъ странъ поганыхъ.
Любезно вси склонилися. —

Вперися, душа, крылы легкими,
Растерзай своя мрежа тлѣная,
Вскорѣ возлетай выспръ, подь облаки,
Протырай очи свои мысленны,
Взирай погородамъ равниимъ образомъ,
Постизай соборъ малъ оставшій,
Христіаны съ мѣсть всѣхъ изгнаны,
Отъ отечества отлученны,

Въ горахъ каменныхъ пребыва-
ющихъ,
Прахомъ, пепломъ покрывающихъ.
Не страшись, душа, страха тлѣна-

го;
Поминай, душе, страхъ вѣчный,
Возверзи печаль свою на Господа,
Предай самъ себя въ рудѣ Божіи.
Изведи воды изъ очей своихъ,
Омывай черноту свою грѣховную,
Самовластіемъ очерненную;
Вѣрою наступи на главу змию,
Любовію зри къ Самому Богу!
Стадо мысленно звѣрми раздѣля,

Лучь дерковный тмою помрачи;
 Церкви Божіи затворилися,
 Какъ овощники всѣ явилися;
 А мы, грѣшніи, за грѣхи наши,
 Отъ ходу ея отлучилися.
 Ликъ святителей не видитъ нынѣ,
 Чинъ священническъ сребромъ весь

А мы, грѣшніи, словесны овцы,
 Скитаемся мы въ дивѣй пустыни,
 По горамъ, стезямъ по каменнымъ,
 Питаемся мы лакомъ горкіимъ,
 Питіе пьемъ отъ очей слезы
 Узвляемся крокодильями;
 Неистови владѣютъ нами!
 Вавилонская любодѣвица
 Отъ своей чаши наполнила насъ,
 Раствлѣниемъ прельстила весь міръ
 Сластолюбиемъ, славолубиемъ,
 Сребролюбиемъ почтила всѣхъ,
 Горделивыхъ всѣхъ честныхъ на-

рече;
 На сѣдалищныхъ первыхъ учини,
 Соборъ нищихъ всѣхъ вознена-
 видимъ бысть;
 Сродникъ бѣдныхъ возгнушались,
 А съ богатыми и погаными вси
 соединилися;

Отцы чадъ своихъ возгнушались,
 Честь къ родителямъ мимо идетъ.
 Солнце къ вечеру приближается,
 Тому дни конецъ познавается.
 Что еще нынѣ ожидать будемъ?
 Слово Божіе совершается
 И пророчество все исполняется.
 Страхъ Антихристовъ устрашаетъ

міръ,
 Милосердая вся вѣщаетъ къ нимъ,
 Облакъ свѣтлый тмою помрачи,
 Лѣта, времена, то все премѣни,
 Соборъ святыхъ въ конецъ низложи,
 Изъ дальнихъ странъ возврати,
 Во изгнаніи всѣхъ тѣхъ осуди,
 Живущихъ внутри, и тѣхъ улови,
 Милосръ съ лестію пометае въ
 міръ,

А свою злобу открываетъ нынѣ.
 На пути знаки вопрошаеши,
 Не имущи знакъ возвращаеши.
 Мало кто избѣгнетъ его руки,
 Развѣ токмо той, имущій крылѣ,
 Паритъ мысленно въ мѣста дальныя,
 Горы съ холмами, въ мѣста ка-
 менны,
 Будутъ Богомъ тамъ вси спасаеми.
 Тому Христу надежою вся воспри-
 емлеши. Аминь.

III.

Кто бы, кто бы нѣ построилъ —
 Во тѣмныхъ лѣсахъ келью?
 Гдѣ на люди то не знаютъ,
 Гдѣ ка звѣри то не ходять,
 Гдѣ ка птицы не летають.
 Мы ушли бы, мы укрылись,
 Отъ ирскаго отъ соблазну,
 Отъ Антихристовой сѣти!

Какъ на нынѣшнее время,
 На конецъ-отъ будетъ вѣку,
 Будутъ трусы и матежа,
 Будутъ лживые пророки.
 Проречетъ же Самъ Господь Богъ
 Своими пречистыми устами:
 Вы, любимыи моя дѣти,
 Православныи христіане,

Вы не весело живите,
И не щелетко носите,
Не забы Бога ходите;
Народится сынъ пагубный,
Онъ отъ дѣвки отъ Жидовки;
Онъ отъ Данова колѣна,
Онъ отъ матери Магданы;
Народится онъ, надарится,
Онъ размететь свои сѣти,
По всей области вселеннѣй;
Онъ станетъ всѣхъ прельщати,
Въ свои сѣти уловляти.
Ой вы стойте, мои свѣты,
Вы за крестъ и за молитву

И за вѣру христіальску.
Ой вы, сплыве, боритесь,
Немощныи, уходите
Вы во горы, во вертепы,
И во пропасти земна;
Засыпайте, мои свѣты,
Вы песками и поплами;
Не уморю я васъ, мои свѣты,
Голодною я васъ смертью;
Напою я васъ, мои свѣты,
Едною капелью дождевой;
Накормлю я васъ, мои свѣты,
Едною крошечкой Христовой.
Аминь.

IV.

Охъ ты, время, время злое,
Время злое да остальное;
Какъ еще того будетъ злѣя да
остальнѣя,
Какъ родится духъ нечистый,
Злой, нечистый духъ, Антихристъ,
Онъ отъ дѣвки отъ Жидовки,
Отъ нечистыхъ блудницъ.
Когда начальство будетъ Риму,
Тогда горе будетъ міру;
А онъ богомъ самъ назовется,
Онъ на царство надарится.
Такъ время намъ настало,
Попущеніе Бога святаго!
И страсти и боязни пришли,
На насъ вси во казни;
Охъ, увы, намъ будетъ горе:
Вси изсохнутъ рѣки, море;
Такъ увянутъ дресеса,
Намъ явятся ложна чудеса,
Что начнутъ кричати,
Пріемше его печати.
Ой, Владыко Отець,

Пріими своихъ избранныхъ овецъ;
Вонми нашъ вопль и крикъ,
Утоли печаль велику;
Охъ! увы, друзей мон, братцы,
Найдутъ звѣри плотоядцы;
Будутъ громы, шумы, вѣтры,
На путѣхъ бездны мертвы;
Не будетъ источникъ востоку,
Пондутъ на западъ, какъ наступятъ,
Сильны глады, изомрутъ
Стары и млады, что не будетъ
Въ церквахъ требы;
И померкнетъ солнце въ небѣ!
Не было страсти отъ вѣка,
Не дастъ луна свѣта;
Не сіяють звѣзды мракомъ.
Кто помянетъ свято имя,
Всюду будутъ гонимы
Отъ туги и печали;
И день къ вечеру скончати
Нѣту въ слезахъ мочи,
Когда проидючи,

Нѣту въ скорбѣхъ утѣхи,
 Непріятны игры и смѣхи.
 Аще другъ друга встрѣчаютъ,
 Горьки слезы проливаютъ;
 Изомрутъ матери на младенцахъ.
 То куда намъ будетъ дѣться?
 Какъ въ домѣхъ и путѣхъ страшно,
 Но не будетъ намъ грѣшнымъ

брашно;

Станемъ вопити и кричати,
 Какъ избыти его печати,
 Наши грѣхи и пороки,

И сядутъ трисвятые пророки.
 Они стануть вѣщати
 Не имѣть его печати.
 Когда все провѣщаютъ,
 Онъ жизнь имъ скончаетъ;
 Разоставитъ онъ заставы,
 Не могутъ скрытиса и млады и
 стары.

Они начнутъ хватати,
 Къ своей вѣрѣ прибавати;
 А его слуги люты,
 Намъ наносятъ зѣльны муки. Аминь.

(Красноуф. уѣзда, Смыльвинск. зав.).

СКАЗАНИЕ О ЛѢСТОВКѢ ПРЕДЪ ОБРАЗОМЪ БОЖИМЪ (*).

Каждому христіанину должно на всякій день седмицу лѣстовокъ исправлять для воспоминанія святыхъ церковныхъ таинъ;—заключается христіанскій законъ:

а) Крещеніе. б) Мвропомазаніе. г) Священство. д) Причастіе. е) Исповѣданіе. г) Законный бракъ и ж) Освященіе.

Лѣстовка имѣеть въ себѣ *четыре лопоски*, въ конхъ исповѣдуется *четыре Евангелиста*.

Обшивка около лопосковъ Евангельское ученіе.

Около лопосковъ 7 передвижекъ — въ знакъ церковныхъ Таинъ.

Гдѣ связана лѣстовка по 3-й ступенькѣ на сторонѣ — и въ лѣстовкѣ еще 3 крупныхъ, всего девять, то значить *девять чиновъ амельскихъ*.

Отъ связки простое мѣсто *земля*.

За тѣмъ *12 бабочекъ*, то значить 12 апостоловъ съ Господомъ по землѣ ходили.

38 бабочекъ значить 38 недѣль Пресвятая Богородица во чревѣ Христа носила.

33 бабочки—33 года Господь по землѣ ходилъ.

17 бабочекъ—17 пророчествъ о немъ было.

Этой лѣстовкѣ раскольники надивиться не могутъ, что какой святоша ее изъ Москвы сюда вынесъ!

(Сообщено въ 1852 г. Ѳ. В. Бузольнымъ, Тюменскимъ гражданиномъ).

(*) Скопировано съ лѣстовки, доставленной изъ Москвы къ одному *Полерской* секты раскольнику (Алексію Ермакову), на двухъ лопоскахъ надпись, что вышано, изъ *гракографа* листа 289-го.

ЧЕРТЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ.

Въ г. Шуѣ и Шуйскомъ уѣздѣ, въ простомъ народѣ (преимущественно между женскимъ поломъ) строго соблюдаются, между прочимъ, слѣдующіе обычаи и обряды.

Предъ дванадцатыми и другими праздниками, многіе *говѣютъ послѣднюю пятницу*, т. е. предъидущую дню предстоящаго праздника. Каждая изъ такъ почитаемыхъ пятницъ имѣетъ особое значеніе; говѣніе пятницы состоитъ въ томъ, что цѣлыя сутки не ѣдятъ хлѣба и не пьютъ даже воды.

Первая изъ такъ почитаемыхъ пятницъ считается Крещенская, предъ праздникомъ Богоявленія Господня (января 6-го).

Вторая, — передъ заговѣнемъ, за недѣлю до сырой недѣли.

Третья — Срѣтенская, предъ праздникомъ Срѣтенія Господня (февраля 2).

Четвертая, — Благовѣщенская, передъ праздникомъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (25 марта).

Пятая, — (*) Страстная, на Страстной недѣлѣ великаго поста.

Шестая, — Троицкая, передъ праздникомъ святыхъ Троицы и Сошествія Св. Духа.

Седьмая, — Ильинская, передъ праздникомъ св. пророка Іліи (іюля 20).

Осьмая, — Успенская, передъ праздникомъ Успенія Божіей Матери (августа 15).

Девятая, — Ивановская, передъ праздникомъ св. Іоанна Крестителя Усѣкновенія Честныя Главы (августа 29).

Десятая, — Рождественская Богородичная, передъ праздникомъ Рождества Пресвятыя Богородицы (8 сентября).

Одиннадцатая, — Здвиженская, предъ праздникомъ Воздвиженія Животворящаго Креста (сентября 14).

(*) Въ простонародіи называютъ *страшная*.

Двѣнадцатая, — Христорожественская, передъ пераздникомъ Рождества Христова (25 декабря) (*).

2) Въ праздникъ Усѣкновения Главы Иоанна Крестителя многіе не ѣдятъ яблоковъ и картофеля (**), по убѣжденію, что Иродіада играла главой Иоанна, какъ яблокомъ: ѣсть яблоки — говорятъ они — значить подражать ей, а въ чемъ подражать? — Этого объяснить не могутъ.

3) Въ праздникъ Крестоводвиженія не начинаютъ совершенно никакого дѣла, по убѣжденію, что все начатое въ этотъ день будетъ безуспѣшно и бесполезно. Есть убѣжденіе, что въ этотъ праздникъ никакая изъ птицъ не начнетъ вить себѣ гнѣзда.

4) Въ болѣзняхъ и несчастіяхъ молятся разнымъ св. угодникамъ.

Отъ слѣпоты и болѣзней глазъ, молятся:

- 1) образу Казанской Божіей Матери.
- 2) Мученику Мину Египтянину.
- 3) Архидіакону Лаврентію.
- 4) Мученику Логину сотнику.

Отъ головной боли:

Святому пророку и предтечи Іоанну.

Отъ зубной боли:

Священномученику Антипію.

Отъ мигорадки:

- 1) Преподобному Марюю.
- 2) Мученицѣ Фотиніи Самарянынѣ.
- 3) Преподобному Василю Новому.

Отъ болѣзни грыжи:

Святому великомученику Артемію.

(*) Всѣ двѣнадцать пятницъ говорятъ, по предразсудкамъ, отъ разныхъ болѣзней и несчастій; каждая изъ пятницъ имѣетъ впрочемъ свое особое значеніе.

(**) Картофель въ простонародіи называютъ земляными яблоками.

Отъ безплодства и безчадія:

- 1) Преподобному чудотворцу Роману.
- 2) Преподобному Ипатію, иже въ Руфинѣ.

Объ облегченіи отъ трудною рожденія:

- 1) образу Богородицы Θεодоровскія.
- 2) Св. великомученицѣ Екатеринѣ.

О немилости мужемъ женой:

Святымъ мученикамъ Гурію, Самону и Авивѣ.

Объ исцѣленіи младенцевъ отъ болъзни:

- 1) образу Богородицы Тихвинскія.
- 2) Преподобному Семіону Богопріишцу.

Отъ младенческой болъзни родилца:

Св. великомученику Никитѣ.

Объ избавленіи отъ осы:

Св. мученику Конону Саврійскому.

О просвѣщеніи разума къ изученію грамоты:

- 1) Св. безсребренникамъ Козьмѣ и Даміану.
- 2) Св. пророку Науму.

Объ открытіи къ изученію школьнаго писанія:

Св. апостолу Іоанну Богослову.

О сохраненіи отъ скоростыжнныя смерти:

- 1) Священномученику Садофу.
- 2) Великомученицѣ Варварѣ.
- 3) Священномученику Харлампію.
- 4) Священномученику Онуфрію великому.

Объ избавленіи отъ мукъ—умершаю безъ покаянія:

Преподобному Памсію великому.

Для прогнанія лукавыхъ душовъ:

- 1) Преподобному Нифонту.
- 2) Святителю Марофу.

Объ избавленіи отъ блудныхъ страсти:

- 1) Преподобному Мартеніану.
- 2) Преподобному Іоанну Многострадальному.
- 3) Преподобному Моисею.
- 4) Мученицѣ Ѳомаидѣ.

Объ избавленіи отъ пьянства и заюмъ:

- 1) Св. мученику Вонифантію.
- 2) Преподобному Моисею Мурину.

О сохраненіи отъ пожара и молніи:

- 1) Образу Богородицы «Неопалимая Купина».
- 2) Святителю Никитѣ Новгородскому.

О бездожжіи и о ведрѣ:

- 1) Святому пророку Іліѣ.

Объ избавленіи отъ надежа рогатаю скота:

- 1) Святителю Медосту.
- 2) Священномученику Власію.

Объ избавленіи отъ надежа лошадей:

Св. мученикамъ Флору и Лавру.

О сохраненіи стадъ отъ хищныхъ звѣрей:

Св. великомученику Георгію.

О соисканіи украденныхъ вещей:

- 1) Св. мученику Θεодору Тирону.
- 2) Св. мученику Іоанну Воину.

О сохраненіи отъ злаго бѣсовскаго очарованія:

Священномученикамъ Кипріану и Іустинію.

Устарѣлыя дѣвѣцы, желая выдти поскорѣе замужъ, молятся святой мученицѣ Прасковѣ, и просятъ слѣдующими словами: «Св. мученица Прасковея, подай мнѣ жениха поскорѣе».

Въ болѣзни ногъ, люди, не придерживающіеся раскола, молятся святителю Митрофану Воронежскому, а раскольники и старообрядцы въ этого святителя не вѣрятъ.

Раскольниковъ и старообрядцевъ въ г. Шуѣ и Шуйскомъ уѣздѣ очень много; секты ихъ разныя и носятъ особыя названія, такъ напримѣръ: Поповщина, Безноповщина, Нѣтовщина, Перекрещенцы, по Спасову обряду (*), и пр.

Петръ Ильичъ Гудобинъ.

(*) Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Шуѣ была секта Хлыстовъ, но, благодаря старательнымъ мѣрамъ правительства, давно уже истреблена.

ЧЕРТЫ ПРАВОВЪ МОЛДАВАНЪ.

(*бывшаго 5 округа Подольскаго военнаго поселенія*).

Наружный видъ сихъ жителей имѣеть въ себѣ отличительную характеристическую особенность и черты.

Они всѣ почти росту средняго, дородны, головы у нихъ не слишкомъ малыя, щеки полныя, грудь возвышенна и рѣдко закрыта, волосы на головѣ и бородѣ черныя, глаза каріе, тѣлосложеніе крѣпкаго, къ физическимъ трудамъ очень способны, ловки и проворны, къ старшимъ весьма почтительны и уважительны, нравственности хорошей, наружности привлекательной, наиболѣе подвергаются болѣзнямъ: горячкѣ и лихорадкѣ.

Домашній бытъ. Жилища ихъ по большей части состоятъ изъ двухъ избъ съ сѣнями и кладовою, покрытыхъ соломою, обмазанныхъ внутри бѣлою, а снаружи желтою глиною. Внутри каждый домъ весьма опрятенъ и чистъ. Всѣ иконы, находящіяся въ домѣ, покрыты въ родѣ занавѣсовъ бѣлыми тонкими утиральниками, шитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ въ разные узоры. Постель ихъ вся покрыта бѣлымъ или чернымъ войлокомъ и подушками, шитыми по угламъ разноцвѣтнымъ шелкомъ весьма искусно. Столъ всегда покрытъ бѣлою, чистою скатертью, тоже шитою по обѣимъ концамъ шелкомъ одного цвѣта; на немъ во всякое время стоятъ хлѣбъ бѣлый, хорошо испеченный, изъ пшеничной муки. Платье мужское лѣтнее—*повседневное*, составляетъ: *манта*, то есть *свита* — въ родѣ тепели, сшитая изъ бѣлаго простаго сукна домашней работы, у коей воротникъ висящій въ одинъ аршинъ ширины и длины; и *праздничное*—*кафтанъ*, изъ сукна темно-зеленаго или темно-голубаго тонкаго. *Кушакъ* разноцвѣтный—хоронгъ. *Рубашки* изъ тонкаго холста домашней работы, у коей воротникъ весь шитый разноцвѣтнымъ шелкомъ. *Сапоги* подкованные изъ черной воловой кожи, съ длинными голенищами. *Штанки* высокія

изъ бѣлыхъ барашковъ, по большей части концомъ сшитая; а въ зимнее время бѣлый *кожухъ* — или тулупъ; а по немъ *манта* бѣлаго сукна. *Женское платье* — демикатонный, такъ называемый *зипунъ*, обложенный по рукавамъ и поламъ галуномъ, а иногда и безъ рукавовъ. На шеѣ, вмѣсто ожерелья, носятъ въ нѣсколько рядовъ часто унизанныя *парче*, такъ называемая турецкая монета серебрянная, весьма тонкія и маленькая, похожая на русскую пяташку. На головѣ *наффража*, которою женщины и дѣвѣцы обвертываютъ кругомъ голову и лицо такъ, что одни только глаза видно, почему наружность ихъ бываетъ бѣлая и довольно пріятная; вмѣсто сапоговъ, носятъ онѣ *пануци*, то есть *башмаки* желтой кожи, сверху шитые гарусомъ.

Пищу ежедневную составляютъ: *борщъ* съ говядиною, и *мамалша*, то есть *лепешки* изъ *кукурузовой муки*, съ масломъ или *брындзою*, т. е. съ сыромъ, дѣлаемымъ изъ овечьего молока или съ молокомъ *коровьимъ* или съ масломъ, либо съ *саломъ*; а въ постные дни *капуста* вареная и *мамалша* съ постнымъ масломъ или съ *огурцовымъ разсоломъ*. Въ праздничные дни, *борщъ съ курицею* или *цыпленкомъ*, *пличинда*, т. е. *пирожныя*, величиною въ тарелку, съ свѣжимъ сыромъ на маслѣ печенныя, или вмѣсто оныхъ *виртуши*, т. е. пирожное съ сыромъ, или *сливами*, либо съ *изюмомъ*, свернутое колесомъ весьма тонко и круто, и жаренное на сковородѣ съ масломъ, и такъ же жаркое изъ *курицы*, *уся*, *утки* и *поросенка*.

Обычаи и обряды. 1. *При рожденіи младенца*, повивальная бабка даетъ знать приходскому священнику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проситъ его отъ имени хозяина потрудиться въ домъ для прочтенія молитвы надъ родившею и новорожденнымъ младенцемъ. При такомъ радостномъ случаѣ бываетъ учрежденіе трапезы, на которое приглашенные родственники и сосѣди, собираясь, приносятъ съ собою хлѣбъ, мѣку и разнаго рода овощи въ знакъ благожеланія новорожденному, и угощаются весьма радушно и благоприлично. Столъ ихъ составляютъ: *пачанди*, *виртушки*, *бризды*, *масло*, *молоко*, *холодное* и *жаркое* — что все вмѣстѣ ставятъ на столъ. Водки мало употребляютъ, и вмѣсто пива пьютъ *бражку* собственнаго произведенія, выдѣланную изъ просяной муки.

2. *При крещеніи младенца* тѣ же самые соблюдаются обряды, съ слѣдующею разницею, что при крещеніи повиваль-

ная бабка кладетъ младенца на разостланный на землю кожухъ вверхъ шерстью, и поставляетъ на одной и другой сторонѣ головы хлѣба, коего младенца, принимая на руки старшій восприемникъ, бросаетъ на кожухъ нѣсколько копѣекъ серебряныхъ, коего примѣру послѣдуютъ и прочіе восприемники обоого пола. По совершеніи таинства, бываетъ угощеніе радушное восприемниковъ, родныхъ и сосѣдей, и употребленіе пищи той же самой, что при рожденіи младенца.

3. *При свадьбахъ.* Женихъ, по предварительномъ учиненіи согласія съ невѣстою, посылаетъ избранныхъ имъ изъ родныхъ старость въ домъ ея родителей, которые, въ ознаменованіе своего согласія на выдачу своей дочери въ замужество за объявленнаго жениха, даютъ посланнымъ старостамъ платки, купленные въ лавкѣ, или нифраницы, т. е. бѣлые платочки изъ тонкаго холста, собственной работы самой невѣсты, шитые по угламъ разноцвѣтнымъ шелкомъ весьма искусно.

4. *При бракахъ.* Женихъ наканунѣ брака ѣздитъ на верховой лошади съ двумя боярами, т. е. шаферами, по всѣмъ родственникамъ и знакомымъ и возитъ съ собою водку въ баклагъ (это деревянный сосудъ, весьма искусно выдѣланный изъ круглаго куска липоваго дерева, который весь обвитъ въ разные узоры ремешками съ свинцовой крышкою), коею подчивая, сидя на лошади, при дверяхъ дома хозяина, хозяйку и всѣхъ домашнихъ, проситъ очень вѣжливо на свадьбу. На другой день, т. е. въ воскресенье, женихъ и невѣста, испросивъ у родителей своихъ благословеніе, отправляются въ церковь, въ сопровожденіи всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, для бракосочетанія, по совершеніи коего женихъ и невѣста отходятъ въ свои дома. Послѣ женихъ съ боярами отправляется на лошади въ домъ невѣсты, гдѣ, при дверяхъ дома получивъ отъ родителей благословеніе, окропленіе св. водою и троекратное обрасываніе на крестъ ржанымъ зерномъ, входитъ въ домъ, гдѣ по окончаніи торжественнаго обѣда и послѣ выкупа невѣсты у сестеръ ея нѣсколькими копѣйками серебряными, брошенными на деревянную тарелку, забираетъ невѣсту свою, покрытую уже за обѣдомъ платкомъ, со всѣмъ ея приданымъ, въ домъ свой, гдѣ пируютъ весьма благоприлично и благопрістойно.

5. *При похоронахъ и панихидахъ.* Замѣчательное и довольно любопытное у Молдаванъ есть обыкновеніе при совершеніи погребеній сопровождать умершаго до могилы даже и

*

лѣтомъ на санихъ четырьмя волами, къ рогамъ конхъ привѣшиваютъ платки бѣлые изъ домашняго холста, шитые разноцвѣтнымъ шелкомъ по угламъ. По совершеніи погребальнаго обряда, бываетъ учрежденіе трапезы благоприличное, на которую сзываютъ нищихъ и бѣдныхъ, и по окончаніи трапезы напутствуютъ ихъ калачами изъ пшеничной муки и надѣляютъ по малой части деньгами, съ обязательствомъ, дабы они возносили молитвы свои объ умершихъ къ Богу.

6. При неурожаяхъ, засухахъ, скотскихъ падежахъ, моровыхъ язвахъ, есть у Молдаванъ религиозное обыкновеніе, посредствомъ приходскихъ священниковъ, приносить Господу Богу умиловительныя жертвы, т. е. отправлять богослуженія, молебны, водоосвященія.

Въ одержимыхъ болѣзняхъ, они пользуются по большей части домашними средствами: *сырою капустою, сливнымъ отваромъ, водою съ поашеннымъ въ оной улемъ.*

Занятіе ихъ наиболѣе любимое: *скотоводство, пчеловодство и хлебопашество.*

Народное увеселеніе у нихъ совершается при игрѣ музыки весьма благоприлично и благопристойно. Таковыя всегда отправляются въ домъ почетнѣйшаго хозяина, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ позволительное время правилами св. отецъ, куда собираются обоего пола люди: мужчины, женщины и дѣвицы, которые въ погодное время на дворѣ, а въ ненастное — въ домѣ весьма скромно и благопристойно производятъ пляску въ родѣ *кадриля*, забравшись за руки, ходятъ кругомъ по комнатѣ, дѣлая разныя фигуры.

Эта пляска называется *джокъ* или *джошъ*. Есть еще другой родъ пляски подъ названіемъ *арнауцетти*, которую танцуютъ одни только холостые мужчины. Эта пляска имѣетъ въ себѣ весьма любопытныя, пріятныя и замысловатыя фигуры; и какъ она есть веселаго рода, то и танцуютъ ее поскорѣе, съ различными разстановками. Управляющій сею пляскою ведетъ впередъ всѣхъ танцующихъ съ палкою въ правой рукѣ, а на палкѣ платокъ, и командуетъ всѣми танцующими по правиламъ, ему очень извѣстнымъ; то ведетъ ихъ всѣхъ за собою шибко, составляя правильный кругъ, то выправляетъ ихъ въ прямую линію. *Музыку* составляютъ однѣ скрипки, три или четыре, на которыхъ играютъ весьма искусно и съ большою ловкостію *Цыгане*.

Какъ страна, называемая *Молдавіею*, находящаяся по объ-
имъ сторонамъ *Днѣстра*, не что иное было въ древности,
какъ Сибирь Римская, куда ссылаемы были всѣ преступники,
то и всѣхъ родовъ *увеселенія*, *пляски* и *пѣски*, ознаменованы
уныlostію, наводящею тоску на слушающихъ (*), и языкъ ихъ
весьма похожъ на Латинскій, такъ что знающій хорошо оный
можетъ, безъ всякой трудности, понимать, разговаривающихъ
между собою Молдаванъ.

Стоить не малаго вниманія и замѣчанія господствующая
вѣжливость женскаго пола какъ въ замужнемъ, такъ и въ дѣ-
вическомъ состояніи, а равно въ высокой степени стыдли-
вость, происходящая отъ непорочности нравовъ ихъ. *Во пер-
выхъ*, женщины и дѣвицы никогда не входятъ въ питейные
дома, и горячихъ напитковъ отнюдь и ни подъ какимъ предло-
гомъ не употребляютъ. *Во вторыхъ*, женщина или дѣвица,
идушая съ кувшиномъ къ колодезю по воду и замѣтившая
мужчину, идущаго противъ нея, до тѣхъ поръ будетъ стоять
на одномъ мѣстѣ, пока мужчина не минуетъ ея.

Благочинный, протоіерей *Викторъ Мартиновскій*. 1850 г.

(*) Объясненіе очевидно неудачное. *Ред.*

ЧЕРТЫ ПРАВОВЪ КРЕСТЬЯНЪ ТОТЕМСКАГО УѢЗДА.

Крестьяне вообще нрава миролюбиваго, тихаго и немстительнаго, за исключеніемъ развѣ селеній по р. Кокпенгѣ и окрестностей, у жителей которыхъ нравы нѣсколько суровѣе. Мягкость, терпѣливость, немстительность преобладаютъ въ народѣ. При совѣщаніяхъ поселянъ, при ихъ разговорахъ и даже спорахъ, не замѣтно нетерпимой вспыльчивости. Вообще добродушные и вѣжливые, они выслушиваютъ чужія мнѣнія и убѣжденія терпѣливо, не споря и, сознавши свою неправоту, охотно соглашаются, особливо, если имъ говорятъ безъ брани, ясно и отчетливо (*).

Кромѣ земледѣлства, крестьяне занимаются куреніемъ дегтя, обработкою льна, строеніемъ по р. Сухонѣ судовъ, рубкою и возкою дровъ — на солотоваренные заводы, коихъ въ уѣздѣ 2: владѣльческій и казенный, первый въ 2-хъ, а второй въ 35 верстахъ отъ города. Рыбная ловля производилась всегда, но до 1846 г., по незначительности своей, не заслуживала почти никакого вниманія. Обильный ловъ стерлядей, величиною отъ 1 ф. до 25 ф. и болѣе, открывшійся въ августѣ 1846 г. въ р. Сухонѣ, обратилъ на себя особенное вниманіе многихъ и преимущественно жителей городской слободы подъ названіемъ *Зеленя*, единственныхъ въ этомъ родѣ промышленниковъ. Главный сбытъ стерлядей въ 1846 г. былъ владѣльцу здѣшняго солотовареннаго завода Макарьевскому купцу Кокореву и Тотемскому 3-й гильдіи купцу Вахрушеву. Цѣна на эту рыбу, во время ея лова, въ августѣ и сентябрѣ была отъ 10 до 25 и 30 коп. сер. за фунтъ. Въ этотъ годъ нѣкоторые изъ рыболововъ были такъ счастливы, что продали стерлядей на сумму до 100 р. сер. и болѣе. Что же касается до

(*) Это замѣчаніе конечно, безъ всякихъ почти исключеній, должно относиться ко всему нашему народу. Примеры противнаго бывають, когда съ нимъ не говорятъ безъ брани, ясно и отчетливо. Ред.

ловли стерлядей въ 1847 г., то она въ Сухонѣ такъ обильна, что цѣна на эту рыбу съ половины августа постоянно стоитъ отъ 3 до 5 коп. за фунтъ. Въ первый разъ,—какъ помнятъ старожилы,—въ р. Сухонѣ стерлядь незначительной величины была изловлена въ 1815 г., въ 80 верстахъ отъ города по теченію рѣки, и съ той поры до 1846 г. она ловилась довольно рѣдко. Исключая *самолововъ*, *куриц* и *помчей*, никакихъ другихъ снарядовъ для ловли рыбы ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ не употребляютъ. Всѣ они общи съ тѣми, кои употребляются въ уѣздахъ, прилежащихъ Тотемскому. *Самоловъ* появился на Сухонѣ не ранѣе, какъ въ 1845 г. Онъ состоитъ изъ тонкой веревки, къ которой прикрѣплены на волосяныхъ лѣсахъ, длиною въ полъаршина, съ пробками, ничѣмъ не наживленные крючки, не въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи (четверть, полторы четверти и бояѣе). Самоловъ этотъ, для ловли преимущественно стерлядей, бросаютъ въ плесахъ поперегъ рѣки, прикрѣпляя концы его или кольемъ или камнями. Стерлядь, проходя или играя, зацѣпляется за крючки, такъ что рѣдкая уже можетъ съ нихъ свернуться, притомъ, попавъ на крючекъ, рыба становится крайне кроткою. *Курица* дѣлается на подобіе рукава изъ мережи, длиною сажени въ три; въ отверстіе этого рукава вставляется кольцо въ діаметрѣ около аршина съ четвертью. Такія ловушки ставятся въ весеннее время, вскорѣ по открытіи воды подлѣ береговъ, и ими большею частію ловятся щуки. *Помча* устроивается на подобіе дѣтской колыбели и состоитъ изъ квадратной, величиною въ 1 сажень, мережи, къ бокамъ которой, съ весьма значительною мережи въ серединѣ послабою, пришиваются тоненькіе шестки, къ которымъ прикрѣпляются длинныя веревки. Веревки эти привязываются къ устроенному въ рѣкѣ цѣпу, помощью коего погружается помча на самое дно рѣки; противоположный же конецъ цѣпа служитъ къ поднятію помчи. Для прикормки рыбы опускается на помчу въ кошелѣ пареный овесъ, а иногда и творогъ (сыръ). Передъ помчею, на разстояніи сажени противъ теченія рѣки, устроивается изъ тонкаго березника, шириною сажени въ полторы, не частая, впрочемъ, загорода. Загорода эта, а равно и шумъ, отъ нея происходящій, предотвращаетъ испугъ рыбы, какъ при подѣздѣ къ помчѣ, такъ и при поднятіи ея.

Грамотность въ уѣздѣ, за исключеніемъ торговаго села

Шуиска, распространена очень мало. Нынѣ училища заведены: въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ 6, удѣльныхъ 2 и 1 малая заводская школа въ Леденскомъ соловаренномъ заводѣ. Въ этихъ училищахъ обучается дѣтей крестьянъ государственныхъ мужеска пола 140, женска 4, удѣльныхъ 80 и заводскихъ служителей 40. Всего училищъ въ уѣздѣ 9, а въ нихъ обучающихся 264 человекъ.

Всѣ крестьяне отличаются большою набожностью, за исключеніемъ развѣ поселеній по р. Кокшенгѣ и ея окрестностямъ, гдѣ менѣе замѣтно усердія къ церкви. Вообще же рѣдкій изъ поселянъ, за лѣнностью и нерадѣніемъ, останется въ праздничный день дома. Каждый непремѣнно идетъ въ церковь, гдѣ между утреннею и литургіею во многихъ изъ приходоѡвъ есть обыкновеніе слушать или прологъ или четью-минеею. — Въ Святую Пасху обыкновенно приносятъ въ церковь куличъ, сыръ и яйца, часть которыхъ, по освященіи, отдѣляется священноцерковно-служителямъ, а оставшееся количество уносится домой. На могилы родственниковъ поселяне большей части уѣзда, въ положенные для поминовеній дни, приносятъ разнаго рода пироги, коихъ часть отдѣляется священно-церковно-служителямъ и часть бѣднымъ; изъ оставшагося количества, помянувъ сами, часть уносятъ домой для тѣхъ, коихъ не было возможности прійти къ церкви.

Въ селеніяхъ Кокшенгскихъ, при встрѣчѣ почетнаго гостя, въ домѣ или даже на крыльцѣ, имѣютъ обыкновеніе всѣ встрѣчающіе кланяться въ ноги. Такимъ же поклономъ сопровождаетъ хозяйка, только уже вдругъ всѣмъ гостямъ, сидящимъ у нея за столомъ, каждое блюдо, поданное ею на столъ. То же самое дѣлаетъ и хозяинъ, при подачѣ стакана вина, и передъ дорогимъ гостемъ, если онъ не пьетъ, въ добавокъ къ поклону, становится на колѣни, и не прежде встанетъ, пока весь стаканъ не будетъ выпитъ. — При закладкѣ новаго дома есть обычай на каждомъ углу, при второмъ рядѣ бревенъ, класть по серебряной монетѣ, цѣнность которой соразмѣряется съ состояніемъ хозяина. Деньги эти у богатыхъ идутъ плотникамъ, а бѣдные или этого теперь не дѣлаютъ, или даютъ ихъ плотникамъ въ число слѣдующей имъ за работу платы. При закладкѣ скотнаго двора есть обычай — по срединѣ его ставить елку, что будто бы предохраняетъ скотъ отъ падежа,

заблужденія въ лѣсу и хищности звѣрей, и будто же бы отъ того скотъ бываетъ болѣе приплодный и здоровый.

При входѣ въ новый домъ, прежде всего вносятъ помело, квашню, пѣтуха и кошку какъ предметы, необходимѣйшіе и такіе, которымъ сопутствуютъ довольство, счастье и тишина.

Построивъ баню и истопивъ ее въ первый разъ, всегда бросаютъ на каменку соль, полагая, что отъ того баня будетъ не горька и безъ угару.

Существуетъ любопытный обычай — *заниматься*, преимущественно, впрочемъ, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кубенскомъ и въ окрестныхъ селеніяхъ. Молодой парень *занимается* съ тою дѣвушкою, на которой хочетъ жениться. Въ этомъ *занятіи* нѣтъ ничего предосудительнаго, и оно продолжается иногда до 3 лѣтъ и болѣе. Стъ вѣдома родителей, они дѣлаютъ другъ другу подарки: дѣвица ежегодно тчетъ парню поясъ или вышиваетъ ему полотенце, а онъ ей даритъ кольцо или платокъ. На лѣтнихъ гуляньяхъ и зимнихъ вечеринкахъ *занимающийся* долженъ плясать или вообще играть непремѣнно съ тою дѣвицею, съ которою занимается. Невыполненіе сего непремѣнно влечетъ къ разрыву занятія. Въ эти занятія женихъ и невѣста узнаютъ характеръ другъ друга. Если находятъ въ характерѣ такое несходство, что полагаютъ невозможнымъ жить въ добромъ согласіи, то занятія ихъ прекращается, и это прекращеніе ни въ чьихъ глазахъ: ни родителей, ни деревни, ни всего околodka, не считается предосудительнымъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть обычай пропивать невѣсту. Когда послѣдуетъ рѣшительное согласіе на бракъ, то отецъ жениха, послѣ рукобитья, непремѣнно долженъ угостить всю невѣстину родню. Угощеніе это дѣлается въ домѣ жениха или всѣ ѣдутъ въ городъ, если онъ близко, и тамъ совершаютъ пропой. Онъ считается необходимымъ для того, чтобы новые родственники и послѣ свадьбы жили въ добромъ согласіи. Въ другихъ мѣстахъ, послѣ рукобитья, невѣста дѣлаетъ хлопокъ, который состоитъ въ томъ, что, услыхавъ о рукобитьи, она ѣбжитъ отъ дверей въ передній уголъ подъ иконы и, ударившись о лавку и закрывшись платкомъ, творитъ причетъ. Послѣ вѣнца новобрачныхъ садятъ на шубы или на что нибудь шерстяное, для того, чтобы не постигая ихъ бѣдность.

(Изъ статьи штатнаго смотрителя Тотемскихъ училищъ
Павла Леситскою. 1847 г.)

НѢКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ ВЪ Г. ЗАРАЙСКЪ И УѢздѢ.

1. Дѣвицы—дочери горожанъ, съ десяти лѣтъ и далѣе до выдачи ихъ въ замужество, почти нигдѣ не показываются, и, избѣгая обществъ, не ходятъ даже въ церковь, кромѣ одной первой недѣли великаго поста. Причины такого обыкновенія они сами не знаютъ, а держатся его по вліянію на нихъ матерей и бабушекъ, которыя, въ объясненіе и извиненіе обычая, употребляютъ старинную поговорку: «Не видятъ—дѣвка золото, увидятъ—дѣвка олово» (*).

2. Въ томъ же городѣ издавна заведено: при поминаненіи усопшихъ, когда бываетъ обѣдъ и приглашаются родственники, поставляютъ такъ называемую *чашу* съ подслащеннымъ напиткомъ. По окончаніи стола, послѣ краткой молитвы, чаша эта разливается въ стаканы и священникъ, а если онъ не одинъ, то старшій изъ священниковъ разноситъ стаканы и послѣ всѣхъ выпиваетъ самъ. Особенныхъ обрядовъ при семъ не бываетъ. Но въ нѣкоторыхъ деревняхъ, близкихъ къ Зарайску, при разнесеніи чаши соблюдается такое обыкновеніе: родственники покойнаго, особенно младшіе его по лѣтамъ, напримѣръ дѣти племянники и внуки, предъ взятіемъ стакана изъ рукъ священника, дѣлаютъ земные поклоны и, перекрестясь, пьютъ поднесенный напитокъ. Поклоны эти относятся къ усопшему и выражаютъ ими память о немъ, почтеніе и благодарность за тѣ благодѣянія, какія онъ имъ дѣлалъ при жизни своей.

3. Въ ближайшихъ къ Зарайску селахъ и деревняхъ, изстари вошло въ обычай въ недѣлю Святой Пасхи, когда святая иконы обносятся по домамъ—нерукотворенный образъ Христа Спасителя не вносить въ домъ, а оставлять его на дворѣ или среди улицы (предъ домою). Обыкновеніе, по видимому, странное: но, судя по причинамъ, оно уважительно. Именно: жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ это водится, въ то время, когда святая иконы переносятся изъ дома въ домъ, сопрово-

(*) Очевидно этотъ обычай не *народный*, а собственно *сословный*. Желательно бы изслѣдовать, когда этотъ *болгарскій* обычай сталъ переходить въ гостинъ и посадскіи и въ какихъ еще другихъ мѣстностяхъ удѣляли подобные остатки затворничества женщиины? Совершенно противоположные обычая, свидѣтельствующіе о полной свободѣ дѣвушки, господствуютъ у насъ вездѣ въ крестьянствѣ и даже въ торговомъ классѣ, напр. въ Торжкѣ, Боровичахъ и проч. *Ред.*

ждають оныя всѣмъ міромъ и, не имѣя возможности входить въ каждую избу, остаются на дворѣ или на улицѣ. Такъ какъ главная цѣль, для которой онѣ сопровождаютъ иконы та, чтобы помолиться Богу и святымъ его, то они и оставляютъ для себя образъ Христа Спасителя и предъ нимъ горящую свѣчу въ фонарѣ въ то время, когда образъ Воскресенія съ другими иконами вносится въ домъ и остается тамъ до окончанія молебна.

Города Зарайска соборный протоіерей, магистръ *Михаил Ремезовъ*. 1849 г.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ ВЪ РЖЕВСКОМЪ УѢЗДѢ.

Наканунѣ свадьбы собираются въ избу князя (жениха), и въ одной комнатѣ сидитъ сама княгиня, подъ покрываломъ, въ вѣнчальномъ нарядѣ, окруженная родными и дружкой, а въ другой избѣ (комнатѣ)—женихъ (князь) съ отцемъ, матерью, дружкой и родными. Дружка князя (иначе называемый знахаремъ) (*) въ этой избѣ ставитъ по срединѣ на полъ грестяный (перегорѣлый, легко раздавливающийся) камень и на него сковороду; потомъ вмѣстѣ съ родными поднимаетъ князя такъ, чтобы онъ не коснулся ни пола, ни сковороды, и ставятъ его осторожно на сковороду, такъ чтобы находящійся подъ нею камень не раздавился. Пока князь стоитъ, дружка его (главный дружка, знахарь) снимаетъ съ божницы образъ, и съ восковою свѣчею въ рукахъ ходитъ вокругъ жениха, творя свои молитвы. Послѣ троекратнаго обхожденія вокругъ князя, его снимаютъ опять такъ, чтобы онъ не касался ни пола, ни сковороды, и ставятъ на полъ. Послѣ этого дружка ударяетъ топоромъ въ

(*) Выбираютъ для должности дружки обыкновенно такого человѣка знающаго, знахаря или колдуна, который бы при случаѣ могъ отстранить какое нибудь бѣдствіе отъ свадьбы; напр. если бы какой нибудь завистникъ или другой колдунъ захотѣлъ бы превратить всю свадьбу въ волковъ, что случалось иногда, по вѣровавію простонародія.

сковороду такъ, чтобы находящійся подъ нею камень разбился, и приговариваетъ при этомъ: «какъ этотъ камень разбился, такъ чтобы всѣ враги нашего князя распались». Далѣе берутъ жениха подъ руки и ведутъ къ избѣ княгини, при чемъ дружка идетъ впереди со свѣчою и съ плетью за поясомъ (*). Приходятъ къ двери: заперта. Дружка вынимаетъ плеть изъ за пояса, ударяетъ ею въ дверь три раза, потомъ берется рукою за скобку двери, нѣсколько отворяетъ и опять притворяетъ, что онъ повторяетъ до трехъ разъ. Послѣ третьяго раза входятъ въ избу, гдѣ за столомъ стоитъ невѣста подъ покрываломъ. Князь и княгиня взаимно раскланиваются, послѣ чего князя ставятъ возлѣ княгини рядомъ. Столъ бываетъ накрытъ въ это время бѣлою скатертью, на которой поставлены хлѣбъ-соль, пиво въ кружкахъ и вино въ полуштофахъ. Дружка въ красной рубашкѣ изъ кумачу, въ набойчатыхъ штанахъ синяго цвѣта съ полосати, и въ шапкѣ съ пряжкою (**), какая шапка бываетъ у всѣхъ участвующихъ въ свадьбѣ. Здѣсь дружка вызываетъ сперва родныхъ, а потомъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы благословляли князя и княгиню,—говоря такія слова: «Иванъ Ѡдеевъ, «Иванъ Ѡдеевъ (или другое имя два раза) приходи благословлять нашего князя новобрашнаго съ княгиней новобрашной «хлѣба соли кушать. Не надо намъ твоего золота и серебра, «у нашего князя новобрашнаго и княгини новобрашной много «своего золота и серебра, а дорого намъ твое благословенье. «Всѣ приходите благословлять, а кто не будетъ благословлять, «тому ни самому выходить, ни своихъ дочекъ замужъ не «выдавать (***)». Вызванное лицо тотчасъ является къ столу, раскланивается съ женихомъ и невѣстою; дружка же подноситъ ему стаканъ вина или кружку пиву, смотря по значенію вызваннаго лица. Послѣднее выпиваетъ за здоровье княгини и кладетъ въ чашку, стоящую на столѣ, грошъ или какую ни-

(*) Эта плеть виситъ постоянно за поясомъ у дружка даже въ церкви.

(**) То есть шапка съ павлинными перьями.

(***) По мѣстному выговору эта рѣчь слѣдующая «Ив. Ѡ., Ив. Ѡ. приходи баславлять нашего князя новобрашнаго съ княгиней новобрашной, хлѣба соли кушать. Не нада намъ твайго золота и серебра, а дорого намъ твое баславенье: «у нашего князя новобрашнаго и княгини новобрашной много свайго золота и серебра. Усѣ приходжете баславлять, а кто не будетъ баславлять, тому не самому «выходитць, ни своихъ допокъ за мужъ выдаватць.»

будь шѣдную монету, раскланивается и уходитъ на прежнее мѣсто.

Тоже самое повторяется и съ остальными присутствующими, пока всѣ они не выпьютъ за здоровье князя и княгини, причѣмъ каждый отдѣльно вызывается дружкой, и кладетъ въ кружку какую нибудь монету.

Когда этотъ обрядъ испиванія за здоровье новобрачныхъ кончится, тогда дружка вызываетъ охотниковъ пѣть, при чемъ торгуется съ ними въ такихъ выраженіяхъ: намъ надо своего князя съ княгиней повеселить, что возьмете? Охотники отвѣчаютъ: «мы не дорого возьмемъ: усяго сорокъ сороковъ пироговъ, вядро «вина и вядро пива.» Дружка отвѣчаетъ: «Нѣтъ, этаго многа, у нашего князя столько нѣтуци; а возьмите пирога, полштыха горѣлки и вядро пива.» Послѣ долгихъ разговоровъ, наконецъ соглашаются. Разгульные молодцы начинаютъ пѣть разныя пѣсни: Святой Кузьма Дземьянъ,

Баслави свадзевку сыгратць, и т. д.

Когда они отпоютъ, то получаютъ обѣщанную плату. Послѣ того начинаютъ пѣть дѣвушки и въ это время происходятъ пляски. За пѣніе дѣвушекъ платитъ тотъ, на кого поютъ пѣсню. Послѣ плясокъ садятся за ужинъ: говяжій студень, пирогъ на cadaго гостя (доля ржаного и доля пшеничного), *сырые ши* изъ первыхъ листьевъ и баранина, послѣ cadaго кушанья всѣ угощаются виномъ.

Такимъ образомъ пиръ продолжается за полночь, послѣ чего княгиню увозятъ въ свою родную избу, а женихъ остается дома, гдѣ былъ пиръ.

На другой день происходитъ самое вѣнчаніе.—Когда дружка ѣдетъ за невѣстой, дабы взять ее къ вѣнцу, то беретъ съ собою вина, пива, пироговъ и пряниковъ, чтобы *выкупать* дорогу въ воротахъ, которыя прійдется проѣзжать свадебному поѣзду княгини. На этихъ воротахъ бывають заставы различнаго рода, напр. ребятишки изъ деревни кладутъ коль, бревно и т. п. Тогда дружка раздаетъ загородившимъ разные припасы, поить ихъ виномъ и пивомъ, угощаетъ пирогомъ, а бабамъ и дѣвкамъ раздаетъ пряники.—Кто прежде прійдетъ къ церкви, женихъ или невѣста, тотъ ждетъ въ *караулькѣ* или избѣ, гдѣ живетъ церковный сторожъ. Когда прійдутъ князь и княгиня, то идутъ въ церковь, гдѣ и совершается обрядъ вѣнчанія. Послѣ обряда ѣдутъ домой къ жениху. Здѣсь, у воротъ,

встрѣчаютъ ихъ отецъ и мать, если живы, а не то посаженный отецъ съ хлѣбомъ и солью, въ шубахъ, вывороченныхъ на изнанку, чтобы богато было жить. У воротъ же собирается толпа, которая долго не пускаетъ новобрачныхъ въ домъ, и каждый изъ толпы требуетъ выкупа, который и раздаетъ имъ дружно въ видѣ разныхъ припасовъ, пряниковъ, вина и т. д.

Когда войдутъ въ избу, въ которой уже накрытъ столъ, то обыкновенно находятъ мѣста князя и княгини занятыми двумя или тремя лицами, которые требуютъ выкупа за свои мѣста. Когда ихъ выкупятъ, то князь и княгиня становятся на своихъ мѣстахъ, а вывороченныя шубы, лежавшія до тѣхъ поръ на лавкахъ, снимаютъ дружно послѣ нѣсколькихъ ударовъ плетью съ приговорами.

Потомъ начинается обѣденный столъ, за которымъ упиваются родные и знакомые и всѣ вообще *пользжане* (участвующие въ брачномъ поѣздѣ). При этомъ, не выходя изъ за стола, дружно начинаетъ раздѣлять дары княгини между родными и всѣми пользжанами; дарятъ даже такихъ, которые зайдутъ нечаянно въ это время въ избу.

При этомъ дружно беретъ каждый подарокъ, кладетъ его на плеть, и подавая кому слѣдуетъ, приговариваетъ: «Наша княгиня новобрачная по рѣкамъ не ходила, зувевъ (*) не ловила, дары милому гашила (**)

и т. д.» Дружно на плети подаетъ, наприимѣръ, платокъ, кому онъ предназначенъ; получивши подарокъ, лицо отплачиваетъ деньгами, кладя ихъ въ блюдо, приготовленное для этого на столѣ: кто гривну, кто болѣе, кто менѣе, смотря по состоянію. Случаются даже неудовольствія при этомъ распредѣленіи подарковъ.

Когда всѣ подарки розданы, продолжаютъ пировать. На другой день послѣ свадьбы и вѣнчанія, рано утромъ заставляютъ молодыхъ (новобрачныхъ) идти съ ушатомъ на ключъ, за водой.—Лишь только они нальютъ ушатъ, какъ толпа народа, окружающая ключъ (колодезь), отнимаетъ у нихъ ушатъ и выливаетъ воду; это повторяется нѣсколько разъ какъ бы съ желаніемъ помутить или поссорить молодыхъ. Если же мо-

(*) Кувикъ (птица).

(**) Готовила.

лодые успѣютъ набрать воды въ ушатъ до прихода толпы, то на дорогѣ отнимаютъ у нихъ ушатъ, выливаютъ воду, и часто разбиваютъ самый ушатъ такъ, что молодые возвращаются безъ воды. У воротъ ихъ дома, снова дѣлаютъ заставу: или запираютъ ворота, или ставятъ колья, и т. п. и долго не впускаютъ, пока молодые не дадутъ выкупа. Послѣ того бываетъ еще пиръ у невѣсты.

Петръ Сокальскій. 1855 г.

СЛОВА ДРУЖКИ НА СВАДЬБАХЪ ВЪ ХОЛМОГОРСКОМЪ УѢЗДѢ (*).

Дружки (шафера) въ назначенный день брака, прїѣхавъ отъ жениха въ домъ отца невѣсты, привѣтствуютъ его рѣчью:

«Здравствуй, господинъ хозяинъ! прикажи пожалуй про князю здравіе сказать и про молодую княгиню спросать. Нашъ князь молодой первобрачной въ пути и въ дороги и въ добромъ здоровьи съ оцомъ и матерью, съ родомъ и племенемъ и оцомъ духовнымъ, съ нами, храбрыми дружками, и велѣлъ нашъ князь молодой у тебя добра господина поспросится и низко поклонится: ваша молодая княгиня добра ли здорова съ оцомъ и матерью, съ родомъ и съ племенемъ, съ тетушками и съ молодухами, съ любимыми госьюпками и съ красными дѣвушками. Еще велѣлъ нашъ князь молодой у тебя, добра господина, поспросится и низко поклонится: есь ли у вашей княгини у воротъ приворотники, у дверей придворники, а за ней провожатые, а ежели у васъ нѣтъ, то нашъ князь своихъ представитъ. Еще нашъ князь молодой первобрачной велѣлъ у тебя господина поспросится и низко поклонится и прикажи пожалуй и благослови на широкой дворъ заѣхать съ конями и санями и въ высокъ терезъ зайти съ гостями и удалыми молодцами.»

Потомъ, обращаясь къ невѣстѣ и ея подружкамъ:

«Здравствуйте, красныя дѣвицы, молодыя молодицы, княгиня первобрачна! Нашъ князь молодой бьетъ челомъ хлѣбной силой — пряниками»

(* Власьевской волости, въ Моржегорскомъ селеніи.

Отъ невѣсты и отца ея возвращаются къ жениху и встрѣчаютъ его привѣтствіемъ.

«Господинъ князь первобрачной! мы, слуги и работники твои и ходили къ добру господину хозяину про твое здравіе сказали и про молодую княгиню спросили. Молодая княгиня добра и здорова съ оццомъ, матерью, съ родомъ и съ племенемъ, съ тетюшками, съ молодушками и съ любимыми госьюшками и съ красными дѣвушками. На ноги ставала, поклонъ отдавала, къ себѣ въ домъ призывала, милости просимъ!»

Обращаясь къ отцу жениха, привѣтствуютъ его:

«Здравствуй, господинъ хозяинъ, мы, слуги и работники твои, ходили въ чистое поле, въ темную едому (лѣсъ), за кунницами, лисицами, черными звѣрами и соболями, и попалъ намъ въ чистомъ полѣ куней слѣдъ и изъ чистова поля въ темную едому и въ чистомъ полѣ стоитъ дворъ, какъ городъ, изба какъ теремъ: тутъ мы куней слѣдъ потеряли, на кругъ обошли, на другой обошли, на третьей обошли, а куньево слѣду отпавить не могли. Подъ окномъ поколотились, ворота отворились, и выходилъ господинъ хозяинъ на крутое крыльцо и звалъ насъ въ высокъ теремъ и садилъ насъ за столы дубовые, за ска-терти бранья, за питья медвяныя, и поилъ насъ до пьяна и кормилъ насъ до сыта и выводилъ красну дѣвицу, а мы тебѣ привезли слугу и работницу».

РОСПИСЬ ЧЕРТЕЖУ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ.

(1701 г.)

1701 года, декабря въ 11 день, по указу великого государя і великого князя Петра Алексѣевича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, и по приказу ближнего боярина і воеводы Петра Самойловича Салтыкова, велено столнику Максиму Цызыреву здѣлать тайнымъ обычаемъ отъ Витепска вверху до самыхъ вершинъ Двины реки чертѣжъ съ подлинною мѣрою по шаптану, и очертить и описать то въ чертеже имянно, въ которыхъ мѣстехъ отъ границы, сколько отъ Двины реки, и гдѣ перешла Двина черѣзъ рубѣжъ Московской, и какие сѣла и деревни по нѣй, и сколько много еѣ бѣгу въ рубѣжахъ Московскихъ, і въ вершинахъ какова велика, и какие по нѣй суды ходять, и какие сѣла вверху по той рекѣ есть, и то всѣ, записавъ имянно, велено написать на росписъ въ книгу. И онъ, Максимъ, тому всему учинилъ чертѣжъ съ подписью на четырехъ листахъ, и тому чертежу учинена ся описная росписъ въ книге, а въ росписи пишеть:

Река Двина вышла во Ржевскомъ уѣздѣ ото Ржевы во степѣ дватцати верстахъ, прозваніемъ изъ-за Ковицкого лѣсу і впала въ озеро Аюоты, и то озеро прошла сквозь.

А отъ озера Аюоты, внизъ Двиною рекою, въ дватцати шести верстахъ, по левую сторону село Дубно.

И отъ того озера до села Дубны по Двине мѣли великіе.

И отъ села Дубны внизъ мѣли есть же.

И отъ того села Дубны рекою Двиною въ полу ю болшую воду возможно стругами итить.

А ныне подъ тѣмъ селомъ въ разныхъ мѣстахъ, по мѣре, глубины въ полтора і въ два і въ полтретья і въ три аршина, шириною въ три і въ четыре сажени.

А внизъ отъ того села по той рекѣ струями итить свободнее.

Отъ села Дубны пустошь Желѣзова и болшая Московская дорога въ тритцати верстахъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ по обѣ стороны реки Двины лѣсъ угожей боръ и дубникъ.

Отъ пустоши Желѣзова деревня Козино Дениса Потемкина въ тритцати верстахъ.

Отъ деревни Козина по правую сторону деревни Кожино Луки Челищева, а по левой сторонѣ село Салово Ѳедора Полонского въ десяти верстахъ.

Отъ той деревни и села до реки Торопы, которая межуется съ Московской стороны Торопецкой уѣздъ съ Полскою землею съ Велижскимъ уѣздомъ, въ которомъ мѣсте внизъ съ правой стороны впала въ Двину въ дватцати верстахъ и болши.

А отъ вышепомянутого села Дубны Полской рубѣжъ Велижского уѣзду, съ которыхъ мѣсте возможно на стругахъ итить въ девяносту верстахъ.

А отъ озера Авоты Московской стороны до того же рубѣжа сто пятнадцать верстъ.

Отъ Московского рубѣжа Полскою стороною отъ реки Торопы Родительской Порогъ въ тритцати верстахъ.

А того порогу, по смѣте, будетъ длиною сажени на четыре и болши.

Поперегъ черѣзъ всю рѣку, по смѣте, сажень съ сорокъ и болши.

По средине того порогу въ полую воду струговой ходъ свободной.

Отъ того порогу устье реки Межи, гдѣ впала въ реку Двину въ дватцати верстахъ.

Съ левой стороны реки Двины, съ верховья внизъ реки Межи, Московскою жъ стороною, до Полского рубѣжа, до рѣчекъ Елпи и Бѣлейки, которые впади въ реку Межу, а Мѣжа въ реку Двину.

Рѣка Межа вышла изъ Ржевского жъ уѣзду въ верховье, по обѣ стороны лѣсъ угожей боровой.

Тою рекою Межею внизъ, по лѣвую сторону, черѣзъ болшую Московскую дорогу, село Еткино отъ верховья въ тритцати верстахъ и болши.

Отъ селца Еткино село Момино въ тридцати верстахъ.
 І въ селѣ Момино пристань, а съ той пристани полоку водою до Двины и Двиною до Риги ходять стругами съ товары.

Отъ той пристани деревня Антипина въ дву верстахъ.

И съ того жъ лесу по левую сторону реки Межи вышла рѣчка Береза і впала въ реку Межу ниже деревни Антипина въ полу версте.

Ниже той рѣчки деревня Жеребцова въ пяти верстахъ.

Отъ той деревни Жеребцова Івана Лыкошина деревня Тепле-хи и устья реки Опши въ дватцати въ трѣхъ верстахъ.

Съ правой стороны деревня Власова, деревня Града, да де-ревня Попкова не въ дальнихъ ростоянияхъ.

А шѣжъ тѣхъ деревень, по обѣ стороны реки Межи, лѣсъ дуб-никъ и сосновой.

Река Опша верховьемъ изъ Бѣлскаго уѣзду, отъ города Бѣ-лой въ тридцати верстахъ, идетъ мимо города Белой, а внизъ отъ Белой до устья реки Межи, гдѣ та Опша река впала въ сорокѣ верстахъ, пороговъ нѣтъ, а ходять по ней струги съ товары зъ Бѣлой полоку водою.

Рекою Опшею внизъ отъ Белой:

По левую сторону село Позное въ дватцати верстахъ.

Отъ того села устья реки Межи, гдѣ впала въ Межу река Опша въ дватцати верстахъ.

Рекою Межею внизъ по левую сторону отъ устья той ре-ки Межи:

Деревня Борки въ дватцати въ пяти верстахъ.

Отъ деревни Борковъ пустая церковь Егорье въ тридцати се-ми верстахъ.

Отъ той церкви по правую сторону деревня Заборья въ две-натцати верстахъ.

Отъ той деревни по обѣ стороны реки Межи въ версте двѣ рѣчки, по правую сторону Белѣйка, а по левую Елпа, и тѣ рѣчки межуютъ, съ Московской стороны, съ правую сторону Смоленской, а съ левую Бѣлскаго уѣзды, съ Полскою стороною, съ Велижскимъ уѣздомъ.

Отъ того рубѣжа зарубѣжское село Бобова въ дватцати вер-стахъ и болши.

Отъ того села Бобова рѣкою Межею устья реки Дви-ны и (о)стровъ, прозваниемъ Розной, въ дватцати верстахъ.

И отъ вышепомянутого села Моница отъ пристани рекою Межею Московскою стороною до вышеписанного рубѣжа восмьдесятъ шесть верстъ.

А отъ того рубѣжа Полскою стороною тою жъ рекою Межею до реки Двины верстъ съ сорокъ и болши.

Промѣжъ рѣкъ Двины и Мѣжи въ устьѣ деревни Устья Зарубѣжская.

По рекѣ Меже отъ устья реки Опши до устья реки Двины пороги:

Порогъ прозваннемъ Ястребъ отъ устья реки Опши въ пятидесять верстахъ.

Отъ того порога въ версте мель на версту.

Отъ той мѣли въ десяти верстахъ мель же Егорьевская.

Отъ той мѣли до камня, прозваннемъ Воробья, мѣли съ версту слишкомъ.

Отъ того камня верстахъ въ трехъ порогъ Сатовецъ.

Отъ того порога верстахъ въ дву порогъ Медвѣдожь.

Отъ того порога до порога Ельца мѣли версты на три и болши.

Отъ того порога въ ворсте порогъ Сырь.

Отъ того по(ро)га мѣли на полверсты до порога Подсырья.

Отъ того порога островъ уской въ дву верстахъ.

Отъ того острова мѣли верстъ на пять и болши до порога Пенного.

Отъ того порога до порога Луковатого верстъ зъ десять.

Отъ того порога до устья реки Двины и до вышепомянутого острова, прозваннемъ Розного, верстъ съ семь.

Отъ устья реки Межи внизъ рекою Двиною:

По левую сторону деревни Сертея въ десяти верстахъ.

Отъ той деревни деревни Пушкари въ дватцати верстахъ.

Городъ Велижь, по лѣвую жъ сторону, отъ вышеписанного устья, въ тритцати верстахъ.

По правую сторону Велижской посадъ.

Пониже Велижа, по правой сторонѣ, деревня Красное въ семнатцати верстахъ.

Отъ той деревни, по той же сторонѣ, село Верховье въ десяти верстахъ.

Отъ того села деревня Дретщина въ пяти верстахъ.

Ниже той деревни въ трѣхъ верстахъ рѣчка Усвяча впала въ Двину.

Отъ устья реки Межи внизъ Двиною подъ Вѣлижемъ въ дву верстахъ порогъ прозваннемъ Ястребъ.

Ниже Велижа въ дву верстахъ островъ Дѣвъ.

Отъ того острова пороговъ въ розныхъ мѣстехъ на десять версть и болши.

А длиною до города Сурожа и до реки Каспли дватцать пять версть.

Городъ Сурожъ отъ города Велижа въ сороке верстахъ, по левую сторону, въ устье реки Каспли.

По правую сторону реки Двины Сурожской посадъ.

Ниже посаду деревня Дисвининова въ пяти верстахъ.

Река Каспля вышла изъ озера Каспли выше села Порѣчья.

По обѣ стороны реки Каспли лѣсъ угожей.

Село Порѣчье по обѣ стороны реки Каспли.

Въ селѣ Порѣчье внизъ, съ правой стороны реки Каспли, впа-
ла въ Касплю рѣчка Гобза.

Рекою Касплею отъ села Порѣчья до рубежа прозваннемъ до Черного ручья, которой ручей межуеть Смоденской съ Велижскимъ и съ Сурожскимъ уѣзды въ семидесять верстахъ.

Отъ того Черного ручья, Касплею жъ внизъ, городъ Сурожъ и устья реки Двины въ дватцати верстахъ и болши.

И того отъ Порѣчья до Сурожа и до реки Двины версть зъ девяносто и болши.

Рекою Двиною внизъ отъ Сурожа островъ небольшой въ пяти верстахъ.

Ниже того острова пороги прозваннемъ Закладни, Жабы, Рубы, Калачи не въ дальнемъ растоавіи.

Съ правой стороны Двины отъ Сурожа:

Дворъ шляхтича, прозваннемъ Шапки, въ дватцати верстахъ.

Дворъ шляхтича жъ Крупцова въ дватцати въ пяти верстахъ.

Дворъ шляхтича жъ Косова въ тритцати верстахъ.

Дворъ князя Огнянского блиско Витепска.

Съ лѣвую сторону:

Деревня Прудники въ десяти верстахъ.

Дворъ шляхтича Жабы въ сороке верстахъ.

Дворъ князя Огнянского блиско Витепска.

Городъ Витепскъ въ растоавіи отъ Сурожа въ сорокъ въ пяти верстахъ, надъ Двиною, на лѣвой сторонѣ.

Съ правой стороны Витепской посадъ.

Съ левой стороны подле Витепска дворъ Витепского воеводы Гринпана.

Ниже того двора въ дву верстахъ впала въ реку Двину река Лучаса, ходять по ней струги.

Отъ Витепска съ правую сторону Марковъ монастырь въ пяти верстахъ.

Отъ того монастыря съ левую сторону деревня до Рогопулова въ десяти верстахъ.

Отъ той деревни въ десяти верстахъ островъ Молтевъ.

Съ правую сторону село Старое въ семі верстахъ.

Отъ того села село Полтево въ тринадцаті верстахъ.

По левую сторону село Вяжишчи въ дватцати верстахъ и болши.

Отъ того села село Бѣшенковичи въ дватцати въ пяти верстахъ.

Отъ того села река Вула впала въ Двину въ пяти верстахъ, по нѣй ходять струги.

Отъ той рѣки село Вула въ триццати верстахъ.

Отъ того села село Шарапино въ дватцати верстахъ

По правой сторонѣ дворъ шляхтича Полупаты въ сороке верстахъ.

Островъ отъ Витепска восьмьдесятъ верстъ.

Село Горяны по обѣ стороны отъ Витепска девяносто верстъ.

Городъ Полоцкъ, по правую сторону, въ ростояніи отъ Витепска сто дватцать верстъ.

Полоцкой посадъ по обѣ стороны реки Двины

Въ посаде по правой сторонѣ благочестивой Троецкой монастырь.

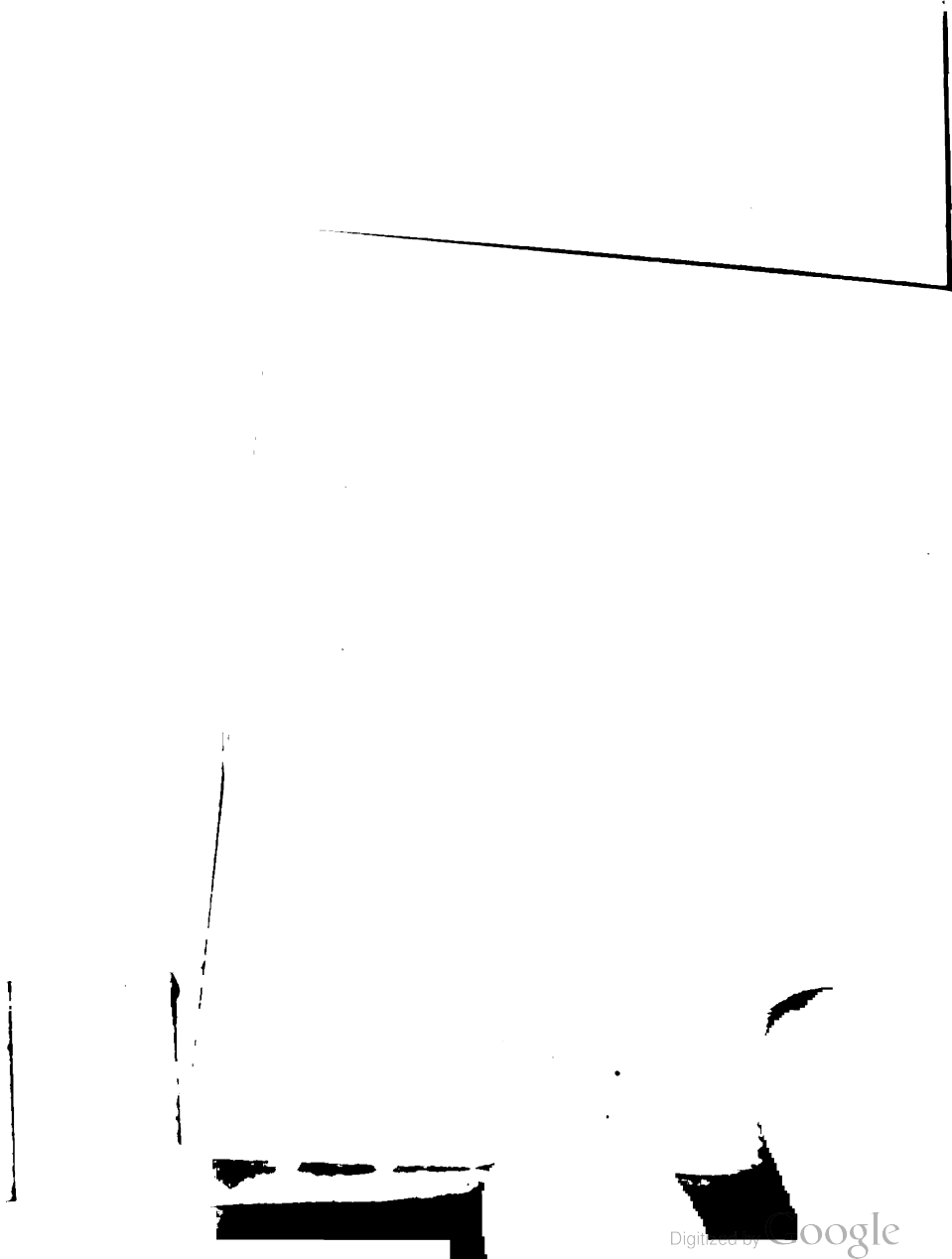
Противъ города среди реки островъ, на немъ дворы Полоцкихъ мещанъ.

(По листамъ скрѣпа: „Максимъ Цызыревъ.)

Примѣчаніе. Подлинникъ прилагаемаго при семъ чертежа въ самомъ точномъ снимкѣ, хранится въ библиотекѣ Московскаго Главнаго Архива, въ числѣ многихъ другихъ сохранившихся до насъ старинныхъ чертежей. Мы выбрали именно этотъ для изда-

ніа, какъ наиболѣе важный и любопытный, хотя сравнительно новѣйшій. Онъ составленъ совершенно по тѣмъ же приѣмамъ, по которымъ составлялись всѣ подобныя чертежи въ старинной Руси. Сверхъ того при немъ имѣется подробное описаніе (чего по большей части нѣтъ при другихъ чертежахъ Московскаго Архива), которое раскрываетъ намъ способъ составленія этихъ чертежей. Важный памятникъ старинной Русской картографіи и замѣчательный матеріалъ для изслѣдователя Книги Большаго Чертежа, предлагаемый чертежъ Западной Двины и его опись представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько любопытныхъ географическихъ и археологическихъ данныхъ объ этой мѣстности.

Ред.

1918-1919
DINA' 01.

19

843851

GNa
R78
v.5

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

843851

G-112
R78
v.5

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

